

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1 (26)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1948 • ЛЕНИНГРАД

Редактор проф. А. В. МИШУЛИН

Проф. М. А. Дынник

ЗА МАРКСИСТСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Предметом марксистской истории древнегреческой философии является зарождение, возникновение и развитие первой исторической формы материализма — наивного материализма древних греков. Поскольку древнегреческий материализм в своем развитии встречал сопротивление со стороны различных идеалистических учений, предметом истории древнегреческой философии является борьба древнегреческого материализма против идеализма, борьба линии Демокрита и линии Платона в древнегреческой философии. Материализм в его различных исторических формах на протяжении всей истории философии вел борьбу против идеализма и религии. «Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденций или линий Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки? Отрицания объективной истины и признания ее? Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его?» (В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. XIV, стр. 117).

Равным образом предметом марксистской истории древнегреческой философии является зарождение, возникновение и развитие наивной диалектики древних греков.

Философские представления древних греков вместе с их естественно-научными и политическими представлениями входили в состав одной, нерасчлененной науки. «По сути дела, греки знали лишь одну, нерасчлененную науку, в которую входили и философские представления» (А. Жданов). Поэтому история древнегреческой философии немыслима вне рассмотрения нерасчлененной науки древних греков, а следовательно, история борьбы материалистической линии Демокрита и идеалистической линии Платона есть в то же время история борьбы древнегреческой науки против религии и теологии.

Наивный материализм древних греков на протяжении свыше трех столетий, отделявших материализм Эпикура от материализма милетской школы, претерпел ряд существенных изменений. Сам предмет философии в понимании различных материалистических школ видоизменялся и приобретал новое содержание. Первоначальный стихийный материализм VI в. до н. э., представленный ионийскими философами и естествоиспытателями, принимал за нечто само собой разумеющееся материальное единство многообразных явлений природы. На втором этапе развития древнегреческого материализма, представленного в V в. до н. э. учениями Анаксгора и Эмпедокла, Левкиппа и Демокрита, предмет древнегреческой философии расширился и углубился. Ряд новых проблем, поставленных развитием общественной жизни, потребовал разрешения и способствовал видоизменению предмета древнегреческой философии. Вопросы строения

материального мира, вопросы теории познания, проблемы общественной жизни выступили на первый план в учениях материалистов V в. до н. э. Передовая древнегреческая наука, возглавляемая великим материалистом Демокритом, приобрела в V в. энциклопедический характер.

В период создания государства Александра Македонского, а затем в эллинистический период истории Греции энциклопедическая наука Аристотеля, материализм и атеизм Эпикура по-новому поставили вопрос о самом предмете философии. Это было время, когда от одной, нерасчлененной науки древних греков стали отпочковываться частные науки, разрабатывавшие приемы точного исследования явлений природы. Аристотель подвел итог историческим достижениям древнегреческой энциклопедической науки, но его философские колебания между материализмом и идеализмом характерны для его двойственной роли в истории древнегреческой мысли. Как материалист он способствовал развитию науки, примыкая к линии Демокрита; как идеалист он тормозил это развитие и склонялся к линии Платона, переходил на сторону теологии.

Последний выдающийся представитель нерасчлененной науки древних греков—материалист и атеист Эпикур, продолжая совершенствовать и углублять линию Демокрита, видоизменил само понимание предмета философии. Его гениальная догадка состояла в противопоставлении предмета философии, еще не отделенной от физического атомистического учения о природе, предмету частных наук, уже зарождавшихся в его время в учениях александрийских ученых.

Таким образом, древнегреческий материализм в своем историческом развитии, тесно связанном с развитием естественно-научных и политических представлений древних греков, видоизменял само понимание предмета философии, но при всех этих видоизменениях, в исторической смене своих философских школ, оставался первой исторической формой материализма—наивным материалистическим пониманием природы.

Марксистская история древнегреческой философии раскрывает перед нами также и процесс исторического развития наивной диалектики. Сама научная проблема исторической характеристики наивной древнегреческой диалектики была впервые поставлена и разрешена марксистской историей философии. Древнегреческие философы—Гераклит, Аристотель, Эпикур—сделали ряд плодотворных, хотя и окончившихся неудачей, попыток разобраться в общем процессе развития мира. Отсутствие экспериментального исследования природы у древних греков, общий наивный характер их миропонимания, низкий уровень развития естествознания, еще не дошедшего до исследования частных и ограничивавшегося рассмотрением лишь общей картины развития,—все это наложило свой отпечаток и на наивную древнегреческую диалектику, которая не могла стать научным методом познания природы и общества.

Ленинская характеристика наивной диалектики древних греков как ряда попыток, предположений, догадок раскрывает не только исторические заслуги, но и черты исторической ограниченности философии древних греков, которые были наивными диалектиками и которым был совершенно не известен научный диалектический метод, революционное, диалектическое понимание развития общества. «Подожли к ней греческие философы, но не сладили с ней, с диалектикой» (В. И. Ленин, *Философские тетради*, 1947, стр. 304).

В своем историческом развитии древнегреческий материализм, стихийно связанный с наивной диалектикой и входивший в состав одной, нерасчлененной науки, встретил упорное противодействие со стороны различных идеалистических учений, со стороны теологии. Философские школы древней Греции находились в состоянии ожесточенной идеологи-

ческой борьбы: материалистические школы Милета и Эфеса боролись с пифагорейской и элейской школами идеалистической философии; в дальнейшем эта борьба древнейших философских школ сменилась еще более глубокой и непримиримой борьбой между материалистическими и идеалистическими школами V в., между линией Демокрита и линией Платона; в последний период древнегреческой философии борьба происходила между материалистической философией Эпикура и его школы, с одной стороны, и различными мистико-идеалистическими школами, продолжавшими линию Платона, — с другой.

Возникновение и развитие первой исторической формы материализма — наивного древнегреческого материализма — было органически связано с формированием и развитием рабовладельческого строя в древней Греции, сменившего первобытно-общинный строй, с развитием торговых и культурных сношений греческих городов-государств между собой и с народами древнего Востока. Исторические предпосылки для возникновения древнегреческой философии, древнегреческой нерасчлененной науки были созданы революционной сменой первобытно-общинного строя в древней Греции строем рабовладельческим. «Рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость. Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем» (История ВК11(б). Краткий курс, стр. 104).

История древнегреческой философии неотделима от всей истории рабовладельческой культуры древней Греции. Учение Маркса и Энгельса о рабовладельческом строе и все в целом материалистическое понимание общественной жизни, развитое дальше, углубленное и поднятое на высшую ступень Лениным и Сталиным, является теоретической основой марксистской истории древнегреческой философии. Материалистическое понимание истории позволяет раскрыть классовые корни древнегреческих философских учений, выяснить их общественную роль, установить их историческое значение и черты их исторической ограниченности.

Основная черта исторической ограниченности древнегреческого наивного материализма, входившего в состав одной, нерасчлененной науки, определяется его классовой сущностью, его связью с социально-политическими воззрениями рабовладельческого класса. Материализм древних греков не был идеологией эксплуатируемого класса, поэтому он не был революционным мировоззрением, направленным на уничтожение самих основ рабовладельческого строя. Если древнегреческие идеалисты защищали как теоретически, так и в политической практике аристократическую форму рабовладельческого государства, то философы-материалисты являлись апологетами рабовладельческой демократической республики. Рабы были исключены как класс из государственной и политической жизни древней Греции.

Сравнительно низкий уровень естественно-научных представлений древних греков, еще не дошедших до экспериментального, глубокого изучения явлений природы, определил характер древнегреческого материализма как первой, наивной формы материалистического понимания природы. Наивный характер древнегреческой диалектики показывает, что античные материалисты были совершенно чужды пониманию научного диалектического метода познания природы.

Изучение истории древнегреческого материализма в его борьбе против идеализма обогащает наше понимание истории общественной жизни, истории классовой борьбы, истории познания, углубляет наше понимание качественного отличия современного диалектического материализма,

марксистской философии от всей предшествовавшей философии, в том числе и от предшествовавших исторических форм материализма.

Буржуазная философия, как это показал В. И. Ленин, пошла по пути борьбы с античным материализмом в целях борьбы с материализмом современным. «Рудольф Вилли в 1905 г. воюет, как с живым врагом, с Демокритом, великолепно иллюстрируя этим партийность философии и обнаруживая паки и паки свою настоящую позицию в этой партийной борьбе» (В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. XIV, стр. 389).

В современной борьбе против растленной идеологии империалистического и антидемократического лагеря задача советских ученых—разоблачать также фальсификацию истории философии, производимую идеологами империалистической буржуазии. Характерным образцом фальсификации древней философии буржуазными теоретиками является книга источников, составленная проф. Йельского университета Чарлзом Бейкуэллом и являющаяся распространенным пособием для студентов, изучающих историю древней философии в американских университетах. В этой книге из 423 страниц текста Левкиппу и Демокриту вместе отведено 10 страниц, Эпикуру—15, Лукрецию—12 страниц. Составитель при этом подобрал далеко не характерные для древнегреческих материалистов тексты, создающие совершенно ложное представление о наивном материализме древних греков. Подавляющее число страниц заполнено текстами из греческих идеалистов. Сократу отведено 55 страниц, Платону—69, Плотину—53, скептикам—30 страниц и т. д.

Типичным продуктом реакционного «американизма» является книга «Древняя Греция в современной Америке», в которой значительное внимание уделяется вопросу об использовании американской рекламой различных рисунков на древнегреческие темы и об украшении парков американских миллионеров скульптурными изображениями собак в «античном» стиле. Автор этой книги Макартур на этом основании проводит вздорную мысль о том, что главным хранителем античной культуры в настоящее время являются США. Не менее характерна аналогичная книга «Современные проблемы в древнем мире», представляющая собой попытку модернизировать и американизировать античность. Самое внимание, уделяемое древней Греции, носит далеко не академический характер и является отражением империалистических интересов и империалистической политики. Реакционное противопоставление Запада и Востока, расовая теория в американском издании, пропаганда панамериканизма, англо-саксонской мировой экспансии определяют характер «изучения» истории древнегреческой философии англо-американскими буржуазными идеологами.

Современные англо-американские реакционеры от науки, как с живыми, борются с Демокритом, Эпикуром и с другими античными материалистами, применяя при этом старые методы фальсификации истории философии, введенные в употребление еще немецкой идеалистической философией. Так, иезуит Фредерик Коплестон в своей книге «История философии» заявляет, что атоанизм не был «последним словом» древнегреческой философии, что якобы философские учения Сократа и Платона обнаружили свое полное превосходство перед учениями Демокрита и Эпикура. Выступление «ученого» иезуита против античного материализма сопровождается наглыми выпадами против материализма современного, против марксизма.

Большим успехом пользуется в реакционных кругах США Пауль Фридлендер, специализировавшийся на злостном искажении древнегреческой философии. Великие материалисты древности—Эпикур и Лукреций превращаются Фридлендером в теологов; их материализм «посрамлен»; их атеизм «преодолен». Такова реакционная идейка Фридлендера, обеспечивающая ему успех в реакционной Америке.

Возмутительная фальсификация древнегреческих философских учений— характерная черта современной буржуазной истории философии. Собрание текстов Эпикура, Эпиктета, Лукреция и Марка Аврелия, изданное в Нью-Йорке в 1940 г., снабжено предисловием проф. Оатса, в котором древнегреческие материалисты лишаются права называться философами, а вся античная философия рассматривается как подготовка христианской религии. Поповствующий проф. Оатс сам причисляет себя к тем людям, которые жизненно заинтересованы в религиозной традиции, как господствующем течении «в истории нашей западной культуры».

«Сестра» Роза Бреннан из американского католического университета возводит неоплатоника Плотина—представителя упадочной мистической философии— на вершину древнегреческой культуры и в припадке кликушества призывает современников учиться у Плотина «истинной» философии. Заново подогретые обветшавшие идеи Плотина пользуются большим успехом у современных англо-американских философов. Наряду с субъективным идеалистом Беркли—вдохнителем таких в особенности течений, как прагматизм и неореализм,—современных идеалистов вдохновляет и Платон с его миром идей и его «идеальным государством». Так, критический реалист Сантаяна, один из главных представителей американской реакционной философии, воспроизводит платоновские идеи и строит из них схоластическое «царство сущностей». Англо-американский идеалист Уайтхед видит в идеях Платона основу современной науки. Английский неореалист Рёссель готовит эклектическую похлебку из субъективного идеализма Беркли и объективного идеализма Платона. Самые заядлые враги марксизма, самые откровенные апологеты империалистической экспансии обращаются к фальсификации древнегреческой философии. Один из представителей зарубежной истории философии Густав Мюллер из Оклахомского университета в США в своей книге «Что думает Платон?» изображает античного идеалиста как своего живого собеседника. Это не просто форма изложения,—вся интерпретация платонизма дана в виде описания спиритического сеанса. «Ученый» профессор вызывает дух Платона и вступает с ним в собеседование. Таковы новые методы ведения семинарских занятий со студентами в американских университетах. Мистические бредни Мюллера, превращение университетского семинара в спиритический сеанс, беседа с «бессмертной» душой Платона— весь этот вздор характеризует уровень изучения античной философии за рубежом. Достопочтенный сэр Патрик Дункан в статье «Бессмертие души в платоновских диалогах и Аристотель» с серьезным видом обсуждает вопрос о том, каковы доводы Платона в пользу бессмертия души и можно ли людям нашего времени принять его учение в целом. Так идеалистическое учение Платона до настоящего времени состоит на вооружении поповщины, мистики и мракобесия. Реакционно-политический смысл увлечения платонизмом раскрывается в особенности при изучении высказываний буржуазных философов об «идеальном государстве» Платона. В фашистской Германии был издан ряд «работ» о Платоне, в которых под видом изучения платонизма распространялась человеконенавистническая идеология немецкого фашизма. Вслед за германскими фашистами обратили свои взоры к Платону и фашисты итальянские. Неогегельянец Джентиле—идеолог и политик итальянского фашизма, соучастник кровавых преступлений Муссолини—в учении Платона о государстве видел идейный прообраз «фашистской революции» в Италии.

В настоящее время англо-американские идеологи империалистической реакции, превознося Платона и его идеалистическое учение, доходят до геркулесовых столбов мракобесия. О том издевательстве над наукой, которое характерно для реакционных англо-американских историков философии, не приходится уже говорить. Более важно выяснить роль,

которую играет платонизм в современной политической «философии» апологетов англо-американской империалистической экспансии.

В журнале британского института философии «Философия», издаваемом при участии английского правого социалиста Гарольда Ласки и известного идеолога реакции лорда Бертрана Расселя, была помещена в 1941 г. статья проф. Филда «Политическая мысль Платона и его сегодняшняя ценность». Платоновский идеал государственного деятеля восхищает буржуазного профессора. «Все это кажется мне превосходным», — заявляет Филд. Апологетика английского империалистического государства и пропаганда его фашизации — таково гнуснейшее «идейное» содержание статьи. Аналогичные реакционные идейки по поводу платонизма развивает английский профессор философии Тейлор. В 1939 г. он поместил в журнале «Майнд» статью, в которой призывал империалистов взять за образец платоновское «идеальное государство» и поставить у кормила власти «правителей», образующих «мозг социального организма».

Однако даже эти гнусные бредни английских буржуазных философов бледнеют перед выступлениями идеологов американской реакции. Незадолго до начала второй мировой войны в «Журнале философии» была напечатана статья Чемберса. Автор поставил перед собой «глубокомысленную задачу» выяснить, какое значение имеет платонизм для современности. Платона Чемберс толкует в духе реакционной философии «целостности». На этой «теоретической базе» Чемберс строит апологетику американской экспансии, выдвигая бредовую идею мирового государства во главе с США. Так будет осуществлен, по заявлению Чемберса, платоновский идеал государства. Такова американская интерпретация идеализма Платона. Морально-политическое разложение, превращение буржуазной философии в идеологию тоталитарного гангстерства, звериная ненависть ко всему передовому, идеологический маразм и политический разврат — таковы характерные черты современной англо-американской истории древнегреческой философии.

Выступления буржуазных философов против античных материалистов, как против живых противников, апология буржуазными философами античных идеалистов как живых друзей — все это служит реакционным целям борьбы приспешников империализма против марксизма. Ясно должно быть понято, что вопрос тут стоит не только о правильном понимании истории древнегреческой философии, но о партийной борьбе за диалектический материализм против растленной идеологии империалистической реакции. Партийность диалектического и исторического материализма, партийность марксистской истории древнегреческой философии требуют того, чтобы нами проводилась борьба против объективизма при критике прошлых философских учений, против всякого проявления преклонения перед современной зарубежной историей древнегреческой философии.

Между тем некоторые работы, вышедшие за последнее время в СССР, к сожалению, свидетельствуют о фактах пресмыкательства некоторых наших ученых перед современной буржуазной философией и о попытках пропаганды и распространения этих реакционных взглядов. Недавно вышедшие статьи и комментарии к поэме Лукреция (Лукреций, О природе вещей. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла, составил Ф. А. Петровский, Изд-во АН СССР, 1947) представляют собой разительную картину борьбы двух противоположных взглядов на материалистическое учение древнегреческого философа Эпикура и его продолжателя — римского поэта Тита Лукреция Кара. Марксистская линия в изучении материализма Эпикура и Лукреция представлена в этом томе статьями академика С. И. Вавилова, проф. В. И. Светлова, проф. Н. А. Машкина. К точке зрения буржуазной реакционной литерату-

ры примыкают статьи проф. С. Я. Лурье и проф. Я. М. Боровского. Изобилует ошибками также статья А. С. Ахманова, в которой возрождается давно похороненная буржуазная концепция о существовании в античном мире «городской буржуазии», «чиновничества» и т. д.

На протяжении двух тысячелетий, начиная от эллинистического периода истории древнего мира и до нашего времени, идеалисты разных оттенков, теологи и попы, мистики и схоласты, реакционные идеологи эксплуататорских классов от рабовладельцев до империалистической буржуазии включительно, как с живым, борясь с Эпикуром, обливая грязью великого материалиста и атеиста, с особой яростью поносили его за учение о самопроизвольном, спонтанном отклонении атомов. Впервые Карл Маркс в своей докторской диссертации «О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» раскрыл философское значение эпикуровского спонтанного «отклонения». Если идеалист Гегель не видел в «отклонении» ничего, кроме «скуки» и «произвола», то Маркс впервые в истории философии указал на глубоко философский, наивно-диалектический смысл этого учения Эпикура. Маркс защитил Эпикура как философа и естествоиспытателя от тысячелетних нападков идеалистов и вполне определенно указал, в чем состояла великая историческая заслуга Эпикура.

В. И. Ленин в своем конспекте гегелевских лекций по истории философии защищал учение Эпикура от извращений и клеветы со стороны идеалиста Гегеля. Разбирая реакционную сущность идеалистической фальсификации Гегелем эпикуровского «отклонения», Ленин указывал, что современное естествознание подкрепляет наивно-материалистические позиции Эпикура против критики их Гегелем, что самая борьба Гегеля против Эпикура была «полемикой» идеалиста с естествознанием (В. И. Ленин, *Философские тетради*, 1947, стр. 275). Советская наука, следуя указаниям Ленина, борется против идеалистической фальсификации учения Эпикура о движении атомов. Академик С. И. Вавилов справедливо отмечает историческое значение догадки Эпикура «о спонтанном отклонении» и освещает этот вопрос с точки зрения современной физики.

«...Нельзя умолчать, — пишет С. И. Вавилов, — поразительного совпадения принципиального содержания идеи Эпикура — Лукреция «о спонтанном отклонении» с так называемым «соотношением неопределенности» современной физики...; было бы недопустимым преувеличением и грубой ошибкой считать Эпикура и Лукреция предшественниками квантовой механики. Однако некоторое совпадение античной идеи с современной не является совершенно случайным. Квантование атомных состояний и энергий несомненно глубокими корнями связано с прерывным характером самих элементарных частиц и с диалектическими противоречиями, кроющимися в самом понятии атома» (С. И. Вавилов, «Физика Лукреция», в кн. Лукреций, *О природе вещей*, т. II., издание АН СССР, стр. 33—34).

О том, насколько сильно преклонение перед некоторыми зарубежными идеалистическими философами у некоторых советских профессоров, свидетельствует тот факт, что в том же томе статей, в котором мы находим эту высокую оценку академиком Вавиловым исторического значения теории Эпикура—Лукреция, помещены статьи проф. С. Я. Лурье и проф. Я. М. Боровского, которые, оба следуя за Гегелем, за буржуазными историками философии, объективно принижают материалистическую философию Эпикура и Лукреция, отрицают их положительную роль в развитии античной науки, извращают их материалистическое учение.

Проф. С. Я. Лурье, искажая действительные исторические факты, заявляет, что «...Эпикур не руководится каким-либо новым, эмпирически добытым материалом или желанием лучше объяснить природные явле-

ния...» (там же, стр. 128). Отрицая научное значение материалистической философии Эпикура, выступая против марксистского понимания наивного материализма древних греков, С. Я. Лурье ссылается на «авторитет» буржуазных историков философии. Если в прежних своих работах С. Я. Лурье апеллировал, главным образом, к немецким историкам философии, то в данном случае он ссылается на англо-американских историков философии. Так, свое искажение материализма Эпикура С. Я. Лурье пытается подкрепить ссылками на английского историка философии Бейли, который является специалистом по изданию текстов Эпикура, но отнюдь не может быть признан компетентным судьей в вопросах борьбы материализма и идеализма в философии древней Греции. Как и прочие буржуазные критики Эпикура, Бейли целиком фальсифицирует его учение. По «авторитетному» мнению Бейли, материализм отрицает не только все сверхъестественное, но и все духовное (известная клевета идеалистов на материалистов!). Поэтому всякий материализм, «глубокомысленно» умозаключает Бейли, ведет к фатализму (детерминизм Бейли толкует, как это и подобает идеалисту, в фаталистическом духе). Так приходит Бейли к тому выводу (из ложных предпосылок), что учение Эпикура является якобы «компромиссом» между материализмом и идеализмом, что концепция Эпикура не научна.

Опираясь на эти вздорные измышления буржуазного идеолога, С. Я. Лурье пытается ссылками на его авторитет «подкрепить» собственные аналогичные утверждения что якобы «...это отклонение атома недопустимо со строго научной точки зрения» (там же, стр. 128, примечание).

В. И. Ленин указывал, что естественное расхождение с Гегелем, и поддерживает Эпикура с его «отклонением»; в полном согласии с этим указанием Ленина академик С. И. Вавилов подчеркивает «поразительное совпадение» догадки Эпикура с положениями современной физики. А вот профессор С. Я. Лурье считает «отклонение» Эпикура недопустимым «со строго научной точки зрения». «Недопустимым» оно является лишь с антинаучной, антимарксистской точки зрения самого проф. Лурье. Современный извратитель Эпикура противопоставляет его Демокриту, отрицает какое-либо научное значение за наивным эпикуровским материализмом. Больше того, он отрицает материалистический характер мировоззрения Эпикура, превращая великого материалиста древней Греции в софиста и риторика, плоского позитивиста, т. е. представителя «обывательского взгляда на вещи», как это утверждал Гегель, до конца разоблаченный Лениным. Враги Эпикура в наши дни утверждают, что Эпикур был чужд научному изучению природы, наблюдениям над природными явлениями. Автор статьи «Демокрит, Эпикур и Лукреций»,—С. Я. Лурье по случаю двухтысячелетнего юбилея эпикурейца Лукреция счел своим долгом противопоставить материалисту Эпикуру древнегреческую науку, а самого Эпикура сблизить с идеалистом Платоном, отделить его от материалиста Демокрита. Если послушать врагов Эпикура, то окажется, что он-де «очень любит теоретические логические рассуждения, любит строить цепь умозаключений и находит большое удовольствие в том, чтобы ловить своих противников на логических ошибках, он—дитя своего времени и, подобно Платону и Аристотелю, убежден, что при помощи построения логических умозаключений можно получить новые факты даже при отсутствии нового экспериментального материала. Но такая особенность Эпикура еще больше отдаляла его и от живой природы и от его предшественника Демокрита» (там же, стр. 130—131). Известно, что только ненависть к Эпикуру заставляет врагов материализма утверждать, что великий материалист древности якобы был чужд изучению живой природы.

Вслед за С. Я. Лурье против Эпикура ополчается проф. Я. М. Боровский,

превращающий наивного древнегреческого материалиста в вульгарного позитивиста и плоского эмпирика. С его точки зрения, учение Лукреция имеет якобы больше общего с философией Эмпедокла, чем с «...рассудочным сенсуализмом Эпикура, идущим по пути последовательного анализа данных непосредственного чувственного опыта, сведения сложного к элементарно простому, за которым не скрывается уже никаких тайн, но и никакого смысла» (там же, стр. 182). Далее проф. Боровский, стремясь всячески принизить учение великого материалиста, говорит об эпикуровском «утилитаризме» (там же, стр. 188), о «позитивизме атомистической философии» (там же, стр. 192) и т. д. и т. п. Проф. Я. М. Боровский искажает одновременно и Эпикура и Лукреция: Эпикура он превращает в позитивиста, а Лукреция—в мистика и визионера.

Что общего с наукой имеет утверждение проф. Боровского, что для мировоззрения Лукреция «эпикурейская система является лишь внешней оболочкой» и т. п.? (там же, стр. 182).

Философское мировоззрение Лукреция, по Боровскому, это не материализм, но «видение мира» (там же, стр. 184); в тех местах поэмы «О природе вещей», где Лукреций, якобы в противоречии с собственным мировоззрением, следует за Эпикуром, проф. Боровский усматривает падение художественного творчества, «формальную шероховатость» (там же, стр. 184); наоборот, художественная ценность поэмы обнаруживается, по Боровскому, там, где Лукреций выступает «как визионер, языком Эмпедокла вещающий об открывшихся ему высоких тайнах» (там же, стр. 189).

С. Я. Лурье и Я. М. Боровский борются с материалистом Эпикуром, с марксистско-ленинской концепцией истории древнегреческой философии, наивного материализма и наивной диалектики древних греков. Однако, что бы ни утверждали хулители Эпикура, основной предпосылкой его наивно-материалистической теории познания было признание объективной реальности материального мира, бытия вещей вне сознания. В борьбе против древних идеалистов и теологов Эпикур защищал «бытие вещей вне сознания человека и независимо от него» (В. И. Ленин, *Философские тетради*, 1947, стр. 273).

Проф. Лурье предьявляет Эпикуру «обвинение» в том, что познание законов природы как самоцель никогда не интересовало Эпикура. Заслуживает внимания своеобразная аргументация проф. Лурье. Вместо того, чтобы разобрать вопрос, если уж он поставлен, по существу, современный обвинитель Эпикура рассматривает эмоциональную окраску отдельных выражений Эпикура и из этого «психологического» анализа делает тот поразительный вывод, что Эпикур был враждебен линии Демокрита и примыкал к линии Платона (куда целиком причисляется и второй представитель древнегреческой энциклопедической науки—Аристотель). Из того факта, что у Эпикура «были возражения против естествоиспытателей», проф. Лурье с удивительной научной беззаботностью умозаключает, что великий материалист древности примыкал к линии Платона и отмежеввался от линии Демокрита. Больше того, с целью провести непроходимую грань между Демокритом и Эпикуром проф. Лурье совершенно произвольно и субъективно толкует учение не только Эпикура, но и Демокрита, причем не останавливается перед искажением подлинного текста Демокрита. «Для Демокрита,—пишет проф. Лурье,—познание природы само по себе, объяснение отдельных фактов, было высшей и конечной целью: по его собственным словам, он «охотно отдал бы персидский престол за нахождение правильного решения одного частного научного вопроса...» (там же, стр. 129). Этот «перевод» фрагмента Демокрита является искажением подлинного текста. Проф. Лурье приписывает Демокриту в качестве высшей конечной цели его

концепции познания природы—объяснение отдельных фактов, что в корне противоречит исторической роли Демокрита как древнегреческого наивного материалиста, представителя нерасчлененной науки древних греков. Для «доказательства» искажается подлинный текст фрагмента: Демокрит говорит об одном причинном объяснении, в «переводе» говорится «о правильном решении одного частного научного вопроса», и, наконец, из этого делается «вывод» о том, что якобы Демокрит занимался объяснением лишь отдельных фактов. Подлинно научный вопрос о мировоззрении Демокрита и Эпикура, об их месте в истории древнегреческой нерасчлененной науки, в истории первой исторической формы материализма, о расхождении между ними по вопросам атомистической теории, об их борьбе против линии Платона—этот вопрос отодвигается в сторону, устранивается, и все внимание фиксируется на «отдельных фактах в жизни природы» (там же).

Тот же проф. Лурье инкриминирует Эпикуру обывательское отношение к явлениям природы, воспроизводя в новой форме клевету Гегеля на великого материалиста древности. С точки зрения проф. Лурье, Эпикур совершенно чужд научному познанию явлений природы. Так, профессор Лурье пишет: «Только в тех случаях, когда природное явление легко поддается объяснению, Эпикур его объясняет. В более сложных случаях он не желает тратить время и ломать голову над явлениями природы. Он довольствуется перечислениями всех предложенных в науке объяснений, отмечая лишь, что все эти объяснения обходятся без допущения трансцендентных сверхъестественных сил и, следовательно, препятствуют порабощению нашего духа внешними силами» (там же, стр. 130).

В действительности Эпикур защищал «лишь» (!) науку против религии, материалистическую линию Левкиппа и Демокрита против идеалистической линии Сократа и Платона. Эпикур действительно отмечал возможность различных объяснений тех или иных явлений природы, но это вовсе не значит, что творческое научное решение теоретических вопросов было ему чуждо. Наоборот, Эпикур, учитывая первые шаги александрийской науки, первые успехи приемов точного наблюдения, с полной исторической правотой утверждал, что астральная теология платоников не научна, что при объяснении астрономических явлений требуется прежде всего материалистический подход, принятие атомистической физики. Это основное принципиальное требование и составляло предмет интересов философа.

На той же точке зрения, что и Эпикур, стоял его продолжатель Лукреций. Поэтому совершенно прав академик С. И. Вавилов, отмечая научное значение физики Лукреция, а следовательно, и Эпикура; «ясно, что Лукреция прежде всего и больше всего интересует физическая сущность явлений, а не явления сами по себе в их деталях и конкретности. С этой точки зрения поэма Лукреция составляет первую сохранившуюся до нас античную попытку полностью объяснить природу на основе физических принципов» (там же, стр. 13). Всякая попытка обвинить Эпикура в том, что он якобы не желает «тратить время и ломать голову над явлениями природы», как это утверждает проф. Лурье, является не чем иным, как идеалистической фальсификацией наивного материализма древних греков и клеветой на великого материалиста античности.

Научная история древнегреческой философии, как и вся научная история философии в целом, своим возникновением обязана революционному перегоругу в философии, проведенному Марксом и Энгельсом, дальнейшему развитию марксистской философии Ленина и Сталина. Марксистская история философии, в том числе и история древнегреческой философии, качественно отличается от всех прежних попыток

даже прогрессивных мыслителей разобраться в историческом развитии философии.

Марксистская история древнегреческой философии последовательно проводит большевистский принцип партийности при рассмотрении борьбы материализма и идеализма в философии древних греков, так и при разоблачении реакционной сущности буржуазной истории философии. «Современная философия так же партийна, как и 2 тысячи лет тому назад» (Ленин).

Непримиримая партийная борьба Ленина и Сталина против всяческих реакционных, враждебных марксизму теорий является непревзойденным образцом марксистской философской критики, учит нас бороться со всеми идеалистическими извращениями в области истории философии, в том числе истории древнегреческой философии.

Всемерно способствовать идеологическому наступлению советских философов на современную империалистическую реакцию, вести борьбу с антинаучной растленной буржуазной идеологией — такова важнейшая политическая задача, стоящая перед марксистской историей древнегреческой философии.

Акад. А. И. Тюменев

О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ ПО МИФАМ ДРЕВНЕГО ДВУРЕЧЬЯ

Мифы древней Вавилонии о возникновении мира и, в частности, о сотворении человека привлекали внимание исследователей прежде всего с точки зрения проведения параллелей с библейскими сказаниями о сотворении мира. В поисках параллелизма с книгой Бытия искали точек соприкосновения и в тех случаях, где данных для этого в действительности не имелось¹. Напротив, сами по себе мифы древних шумеров и вавилонян с их специфическими особенностями и отличиями очень мало интересовали исследователей; еще менее внимания со стороны буржуазных исследователей привлекало выяснение общественных корней, из которых выросли представления, лежавшие в основе этих мифов. А между тем мифы Двуречья имели точно так же свою специфику, как и общественный строй этой области. Выявление этой специфики может пролить дополнительный свет на характер общественного строя области древнего Двуречья. Вот почему эта сторона древнешумерских и вавилонских представлений о сотворении человека заслуживает прежде всего специального внимания.

Специфика шумерских и вавилонских мифов о сотворении людей заключается не столько в описании самого акта творения, сколько в обстоятельствах, обусловивших этот акт, и в указании на цель создания людей и на их назначение. Представления эти в основном возникли и сложились еще в шумерскую эпоху, и именно в древнешумерской традиции они выступают в наиболее непосредственном и развитом виде, и хотя эти представления сохраняются и в позднейшей вавилонской версии, однако они совершенно теряются при этом в ряде последующих дополнений и наслоений.

Мифы о сотворении мира, в том числе и шумерские, известны нам в большинстве по спискам не ранее I тысячелетия (IX и позднейших столетий), при этом древнешумерские традиции передавались в большинстве случаев в своем оригинальном виде (на шумерском языке) или же в билингвах с аккадским (семитическим) переводом. По счастливой случайности не-

¹ Примером может служить издание Лангдоном шумерского мифа о Дильмуне (St. Langdon, Sumerian epic of paradise, the flood and the fall of man (University of Pennsylvania. Publications of Babylonian section, X, № 1). Philadelphia, 1915, ср. его же, Le poème sumérien du paradis, du déluge et de la chute de l'homme, Paris—London—New York, 1919), вызвавшее резкую отповедь даже со стороны ряда буржуазных исследователей, см. Jastrow в JAOS, XXXVI, стр. 91 сл.; A. Ungnad в ZDMG, 1 (1918), стр. 252—256; P. M. Witzel, Kleinasiatische Studien, I, Leipzig, 1918, стр. 51—95.

сколько параллельных текстов мифов о сотворении человека сохранились в записях, восходящих, повидимому, непосредственно к III тысячелетию (два из них, лучшей сохранности, принадлежат пенсильванскому университету в Филадельфии, один, неизвестного происхождения, находится в Луврском музее в Париже).

Эта древнейшая запись начинается с изображения затруднительного положения богов, для которых некому производить хлеб и другую пищу. Они обращаются с жалобами на эти затруднения к богу морских вод премудрому Энки (Эа). Но он погружен в глубокий сон и потому не слышит их жалоб. Тогда мать богов (в том числе и самого Эа) Намму, олицетворяющая извечный океан, из которого возникли как боги, так и остальные творения, будит его и сообщает ему горе богов. «О мой сын,—обращается она к нему,—сотвори работников для богов, которые производили бы для них...» Энки (Эа) дает указание, как сотворить людей из глины, взятой на краю бездны. Следует описание праздника богов по случаю предстоящего акта творения людей. Мать богов Намму с помощью богини земли Нинмах приступает к созданию людей, в чем в дальнейшем принимает участие и сам бог Энки. Первые опыты их, однако, не увенчиваются полным успехом: люди первоначально получаются слабыми, не способными держаться на ногах. обстоятельное описание акта сотворения людей, содержащее много лакун и не во всех деталях ясное, само по себе для нашей цели не представляет интереса. Для нас существенно отметить, что акт сотворения людей уже в этом древнейшем известном нам тексте преследует определенную цель: люди созданы прежде всего в качестве работников для обеспечения беззаботного существования богов.

Дополнением к шумерскому мифу о сотворении людей может служить другая современная поэма о происхождении зерновых растений и скота. Сначала не было ни зерновых растений, ни скота—ни овец, ни коз, и боги не знали употребления ни хлеба, ни одежды, но и с появлением зерновых растений и скота для того, чтобы боги могли воспользоваться ими, необходим был труд человека.

Та же мысль повторяется и развивается и во всех остальных известных нам позднейших записях шумерских текстов, где только идет речь о сотворении человека.

В фрагменте шумерского текста из Ниппура¹ от имени богини Нинту (Нинхурсаг) говорится, что людям предоставляется обитать в их городах и жилищах при условии, однако, что они обязаны складывать кирпичи «для наших жилищ (храмов) в чистом месте, обязаны готовить для нас (богов) в чистом месте...». Только после появления людей, обязанных таким образом работать на богов, как и в предшествовавшем тексте, идет речь о создании четвероногих. Обратная сторона таблички сильно испорчена, но из сохранившихся фрагментов текста видно, что речь шла об основании пяти городов, распределенных между пятью главными божествами.

Наиболее полное перечисление обязанностей, возложенных на людей в отношении богов, содержит шумерско-аккадский текст, найденный в Ашшуре во время раскопок, производившихся там Германским восточным обществом незадолго до начала первой мировой войны. Хотя сохранившаяся запись и найдена в Ашшуре и принадлежит сравнительно позднему времени, однако в своей основе текст этот, несомненно, восходит к древнешумерской эпохе и сложился, повидимому, еще в III тысячелетии. В качестве творцов здесь действуют исключительно древнешумерские боги Ану, Энлиль, Уту, Эа. Текст состоит из трех колонн:—первая колонна составлена какой-то тайнописью, вторая содержит шумерскую, третья—

¹ Лицевая сторона, строки 19—21.

аккадско-семитическую версию. Ввиду обстоятельности, с какою этот текст излагает обязанности людей в отношении богов, он представляет особый интерес. В то время, когда небо и земля выделились из бездны, когда появилась мать богов Нинни, когда земля была утверждена, когда судьбы неба и земли были определены, когда намечено было направление каналов и берега Тигра и Евфрата обозначены,—тогда Ану Энлиль, Уту (Шамаш), Эа держали совет с великими богами-ануннаками в высоком месте и говорили между собою: теперь, после того как судьбы неба и земли определены, намечено направление каналов и обозначены берега Тигра и Евфрата, что мы должны еще сделать, что должны еще сотворить? Бывшие там великие боги-ануннаки, обращаясь к Энлилю, сказали: в Узуми, срединном месте между небом и землею, следует убить обоих Ламга (?) и из крови их создать людей: бремя работы на богов должны они нести¹, на вечные времена установлены границы: строительную корзину и строительную доску должно дать им в руки², чтобы строили они величественное здание (храм) для богов; разграничить поля должны они и на вечные времена установить границы, дать каналам их направление, поставить пограничные камни, орошать землю, выращивать растения, собирать горы зерна, поля ануннаков привести в цветущее состояние, увеличивать богатство и справлять празднества в честь богов, совершать возлияния в жилище богов. Улигарра и Зальгарра (производители великолепия и богатства)—да будут их имена: количество рогатого скота, овец, коз, ослов, рыб, птиц—богатства страны должны они увеличивать.

Из этого текста с очевидностью вытекает, что люди созданы и существуют исключительно для обслуживания богов и что вся их деятельность представляет не что иное, как на вечные времена возложенное на них бремя труда на богов. Характерно, что и самая эта выполняемая людьми на богов работа связывается с теми же терминами (*aġlu ù tuššikku*), как и трудовая повинность, какую несло население Двуречья в царском хозяйстве.

В отличие от других сохранившихся в шумерской записи текстов, согласно которым люди создаются из глины, в данном случае они создаются из глины, смешанной с кровью специально для этого убиваемых богов,—черта, отличающая позднейшие вавилонские мифы о сотворении людей. Повидимому, и в этом случае мотив кровавого жертвоприношения внесен в древнешумерский текст в результате его переработки, возможно, еще в ту эпоху, когда шумерский язык не вышел окончательно из употребления и не превратился в мертвый язык священных текстов.

Более сомнительно время возникновения происходящей из Эриду шумерско-аккадской билингвы, представляющей либо запись древнешумерской версии, подвергшейся обработке в Вавилоне, либо, что вероятнее, вообще относящейся к более позднему времени. После вступления, в котором описывается время, когда не было ни городов, ни храмов и все покрывало море, сообщается о возникновении Эриду с жилищем богов Эсагила и Вавилона с местным Эсагила; появились боги игиги и ануннаки. Священный город, жилище, радующее их сердце, назвали они высоким именем (речь, очевидно, идет об Эриду). Затем Мардук приступает к акту творения: он покрывает поверхность моря тростником и образует землю; непосредственно после этого, для того чтобы боги могли спокойно обитать в своем жилище, радующем сердце (Эриду), он создает людей; Аруру

¹ Строка 27: *ágiš-gar-ra dingir-e-ne ku-gar-ne he-a* (шумерский текст); *iš-kar ilāni lu ġp-kar-ši-na* (аккадский текст).

² Строки 31: *gišal-gi ila šu-ni* (шум.); *al-la ù tuš-ši-ik-ka* (аккад.). 31: *gi-dè* (шум.); *mi-is-ra a-na ku-un-ni* (аккад.)

вместе с ним создает семья людей¹. Затем уже только после появления людей созданы были скот и растения, созданы реки Тигр и Евфрат и определено их место.

Но не только в шумерских текстах, а и в текстах позднейшего происхождения, известных только в аккадской (семитической) редакции², повторяются и развиваются в основном те же представления о целях создания людей и об их назначении. Так, в одном небольшом фрагменте, посвященном специально мифу о создании людей³, рассказывается, как боги обратились к богине Мами (одно из обозначений матери богов; она же далее именуется более обычным именем Нинхурсаг) с просьбой создать человечество, которое должно принять на себя иго (ар-ša-nim) труда на богов. Она в свою очередь обращается за содействием к богу Энки, который советует богам убить одного из них и его тело и кровь смешать с глиной. На этом текст обрывается.

В другом, более содержательном и интересном тексте идет речь о создании специальных богов различных ремесел и земледельческих богов с тем, чтобы они точно так же прежде всего обслуживали богов⁴. «Когда Ану, — читаем мы здесь, — создал небо, а Эа создал место своего обитания — морскую глубину («апсу»), взял Эа глины и сотворил из нее бога изготовления кирпичей для строительства храмов, создал далее тростник и леса как необходимый строительный материал; создал бога плотников, бога кузнецов, Аразу — исполнителя строительных работ; сотворил бога золотых дел мастерства, Нинагиль — бога резчиков камня, Нинкурра для... и для совершения изобильных жертвоприношений; затем Эа создал божества — Ашнап, Лахар, Сирис, Нингиршидда, Нинсар (божества хлеба, скота, виноделия, скотоводства), чтобы получать от их труда в изобилии жертвенные дары. Создал Эа далее божества Умутангу и Умутаннаг, чтобы приносить богам жертвенные дары, создал Куг-хун-га (Азагшуга) — верховного жреца великих богов для выполнения обрядов и предписаний. Создал Эа царя для поддержания храмов богов, людей для выполнения службы и работ на богов».

На этом текст обрывается, но и сохранившаяся его часть содержит достаточно полную картину. Из данных этого текста мы видим, что боги обеспечивают себя не только трудом массы производящего населения, но и трудом квалифицированных ремесленников. Акт творения различных ремесленных профессий завершается созданием жречества, играющего посредствующую роль между богом и людьми в принесении жертвенных даров — продуктов людского труда, и царя — хранителя и обновителя храмов богов.

Таковы были шумерские и близкие к ним и, вероятно, восходящие в своей основе к древнейшей эпохе версии мифов о сотворении людей. Собственно вавилонская версия, посвященная прежде всего прославлению вавилонского бога Мардука и его борьбы с первобытными стихиями и выделяющая его из среды остальных богов в качестве творца, изложена в обширной поэме, обозначаемой обычно по начальным словам ее Enûma elîš

¹ Nippur, №№ 10673+10562.

² Возможно, впрочем, что и эти тексты частично восходят также к древним шумерским оригиналам.

³ Текст издан Pinches'ом, Cuneiform Texts... in the British museum, VI, табл. 5; London, Sumerian epic of Paradise..., табл. 111 и перевод на стр. 25.

⁴ Этот небольшой текст издан Вейсбахом в «Babylonische Miscellen» (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der deutschen Orientgesellschaft, 4), Leipzig, 1903 табл. 12 и стр. 32—34

(«когдаверху»...)¹. Хотя вавилонская версия сильно расширена и изменена до неузнаваемости благодаря новым дополнениям и наслоениям, посвященным прежде всего, как сказано, описанию подвигов Мардука в борьбе его с Тиамат, однако, поскольку и в этой обширной поэме идет речь собственно о сотворении людей,—как способ сотворения людей, так и цель и назначение людей прежде всего на выполнение различных работ в пользу богов остаются совершенно теми же самыми, как и в древнешумерских версиях мифа. Описанию акта творения людей посвящена табличка шестая (в первоначально изданном основном тексте поэмы эта табличка сильно фрагментирована и почти не читаема; пробел восполняется найденным в Ашшуре фрагментом—Эбелинг, № 162). Испорченный конец предыдущей (пятой) таблички содержал, повидимому, обращение богов к Мардуку с жалобами на то, что нет никого, кто выполнял бы различные службы и культ в отношении к ним. «Когда Мардук услышал слова богов,—так начинается текст шестой таблички,—он задумал мудрое в своем сердце и, обращаясь к Эа, открыл ему то, что замыслил в своем сердце: кровь хочу я собрать и добавить к ней кости; человека хочу я создать: «человек» (a-me-lu. Sic!) пусть называется он. Пусть на них (на людей) возложена будет служба богам², чтобы боги могли пребывать в покое. Я хочу изменить судьбы богов, я хочу разделить их на небесных и земных и чтобы те и другие пользовались одинаковым почитанием. Ему (Мардуку) отвечает Эа и для удовлетворения богов предлагает, что один из них должен погибнуть, чтобы из его крови были созданы люди. Должно собрать богов, и в их присутствии один из них должен быть принесен в жертву. Собрав богов, Мардук обращается к ануннакам (земным богам). Он подтверждает свое намерение и спрашивает, кто поднял восстание и побудил Тиамат к борьбе. Виновный в этом и должен быть принесен в жертву. Мардуку отвечают небесные боги—игиги: это—Кингу, это он поднял восстание и побудил Тиамат к борьбе. Кингу был связан и приведен перед Эа. Кровеносные сосуды его были вскрыты. Из крови Кингу он (Эа) создает людей и возлагает на них обязанность работать для богов. Богов же он сделал свободными³. В знак своей благодарности Мардуку ануннаки выражают желание соорудить святилище в его честь. Он указывает им и место—Вавилон. По окончании сооружения Вавилона и его главного святилища Эсагилы боги собираются на общее пиршество, и поэма заканчивается прославлением Мардука. В заключение еще раз снова подтверждаются обязанности людей в отношении богов: ежедневные жертвоприношения должны они делать богам и богиням; они не должны забывать о службе богам, следуют еще несколько указаний относительно обязанностей людей (Э б е л и н г, № 164, строки 94 сл.).

Подводя итоги нашему обзору древнешумерских и вавилонских мифов о сотворении людей, мы имеем полную возможность констатировать, что

¹ Основной текст поэмы происходит из библиотеки Ашшурбанипала (668—626 гг.); известен также ряд дополняющих его фрагментов, относящихся к спискам последующих эпох—новоавилонской, персидской вплоть до времени Аршакидов. Издавалась как самая поэма, так и ее фрагменты неоднократно. Новые фрагменты (между прочим, фрагмент, дополняющий основной текст в наиболее интересующей нас части, касающийся акта сотворения людей), найденные в Ашшуре, изданы Эбелингом в издании «Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts», I, №№ 5, 117, 118, 162, 163, 164, 174.

² См. по изданию Эбелинга, строка 6: lu-u en-du dul-lu ilâni-ma šunu.

³ Обычно это место понимают в том смысле, что были освобождены при этом боги, участвовавшие в борьбе на стороне Тиамат.

и через те и через другие красной нитью проходит представление о том, что люди с самого своего появления на свет предназначены исключительно для того, чтобы нести различные службы и производить работы (*dullu*) для богов, которые, благодаря этому, могут пребывать в своих жилищах в покое и в радости сердца. Это, таким образом, как видим, не одна какая-нибудь случайная версия, но глубоко укоренившиеся и глубоко распространенные традиционные представления. Можно смело утверждать, что, по крайней мере в официальной религии древнего Шумера и Вавилона, нет ни одного мифа, в котором говорилось бы о сотворении и о появлении людей на земле и в то же время не упоминалось бы при этом об их обязанностях (*dullu*) в отношении богов. Мотив эксплуатации и фактического рабства людей в отношении создавших их богов выступает в изложенных мифах и представлениях вполне определенно и отчетливо. И характерно, что именно в этой мотивировке существования людей и заключается прежде всего специфическая особенность, резко отличающая шумерские и вавилонские мифы о сотворении людей от аналогичных мифов, существовавших у других народов древности: ни в библейских сказаниях, ни тем более в мифологии античных народов мы не встретим и следа подобных представлений.

Любопытной иллюстрацией к этому представлению о назначении людей, показывающей, до какой степени боги действительно нуждались в «работе» людей, может служить эпизод из истории потопа, содержащийся в эпосе о Гильгамеше. Боги, решившие по инициативе Энлиля наслать на людей всемирный потоп¹, сами испугались начавшейся бури и, поднявшись на небо, расселись подобно собакам, прижавшись к небесной стене. Вместе с этим они выражают горькое сожаление и раскаяние в опрометчивом решении об истреблении людей. Особенно горюет богиня Иштар². Когда же спасшийся от потопа Ут-Напштим, корабль которого остановился на горе Нисир, совершает первое после потопа жертвоприношение и возжигает благоухания, изголодавшиеся боги, как мухи, слетелись на приятный запах жертвенной пищи. При этом Иштар, раздраженная гибелью людей, требует отстранить от участия в жертвенной трапезе Энлиля, как главного виновника потопа. С упреками обращается к Энлилю и бог Эа: «О ты, мудрый среди богов,—говорит он,—ты, герой, как не подумал ты раньше, чем произвести потоп». Далее Эа указывает на возможность других наказаний непокорных людей, насылая на них различные бедствия, но не истребляя их всех поголовно (там же, строки 156 сл.).

Какие же конечные выводы можем мы сделать в результате обзора шумерских мифов о творении? Первый вывод—это то, что в представлениях шумеров и вавилонян о роли и назначении людей нашло себе непосредственное отражение зависимое положение массы производящего населения области древнего Двуречья. Так же как боги отдельных городов признавались номинальными владельцами и хозяевами территории этих городов, действительными обладателями которой были палаты и храмы, точно так же и система эксплуатации, установленная богами, являлась непосред-

¹ По другим сказаниям, еще до начала всеобщего потопа люди своим неповиновением и возмущениями не раз навлекали на себя гнев богов, насылавших на них различные наказания—голод, болезни и пр. Бедствия эти обстоятельно описываются в поэме об Атрахасисе, известной в нескольких списках и представляющей вариант истории Ут-Напштима (вероятно, тождественного с Атрахасисом).

² Эпос о Гильгамеше, табличка XI, строки 114 сл.

ственным отражением реальной системы эксплуатации, как она сложилась в области древнего Двуречья. Если номинально люди должны были работать на богов, то в реальной жизни они работали на патеси (царя) и его двор и на храмовое жречество, выступавших согласно религиозной системе в качестве посредников и предстателей в отношениях между богами и людьми.

С другой стороны, из тех же текстов можно сделать определенное заключение, что объектом эксплуатации являлись прежде всего не военнопленные и не рабы в собственном смысле слова, но исконное население страны, обитавшее в ней со времени сотворения мира (по древневавилонским представлениям люди появились в мире даже ранее растений и животных). Самые термины, какими обозначались обязанности людей в отношении богов, как мы видели, заимствованы были из реальных общественных отношений. Характерно, что и система мирового хозяйства, в которой в качестве эксплуататоров выступали боги, построена была совершенно аналогично той системе эксплуатации населения, какая существовала в патесиальных и храмовых хозяйствах. Не только, как мы видели в одном из приводившихся выше мифов, города с их территорией распределены были между отдельными богами, как в реальной жизни между особыми патеси¹, но и организация этой мировой системы хозяйства представляется совершенно тождественной с той хозяйственной организацией, какая известна нам из документов патесиальных и храмовых хозяйств. Поскольку небесный мир богов являлся непосредственным отражением устройства человеческого общества, на него переносились все основные черты общественных порядков, существовавших в области древнего Двуречья. При каждом из высших божеств—Ану, Энлиле, Сине, Шамаше, возглавлявших пантеоны отдельных городов и, как сказано, признававшихся верховными собственниками земельной территории, принадлежавшей этим городам, как при дворах патеси, состоял обширный придворный штат; и чрезвычайно характерно, что в этом придворном штате богов, как и в штате патесиальных хозяйств, хозяйственно-административные должности занимали первенствующее место. Здесь мы прежде всего встречаем визирей и министров, функции которых, повидимому, соответствовали должности нубанд, стоявших во главе отдельных патесиальных хозяйств; затем следовали должности главных булочников, главных садовников и земледельцев, главного пастуха и подчиненных ему пастухов, стража, слуги и служанки различного рода. Между прочим, одной из таких служанок при дворе верховного бога Ану первоначально до своего возвышения была знаменитая Иштар (шумерская богиня Иннина), выдвинувшаяся впоследствии на первое место и занявшая место супруги бога Ану, Анту². Совершенно так же, как члены патесиальных и царских семей, как штат придворных и служащих при дворах патеси, и боги получают каждый свой строго определенный ритуалом ежедневный рацион, состоявший из определенных количеств хлеба, пива, вина, молока, мяса, овощей, фиников. Цари также причисляли себя к штату богов, поскольку они выступали в роли шакканакку, высших чиновников, в данном случае наместников богов на земле³. Они выполняли свою долю обязанностей (*dullu*) перед богами и ставят себе в заслугу

¹ Текст из Ниппура, см. выше стр. 17.

² См. миф о возвышении Иштар.

³ *Thureau-Dangin*, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, VI, 2, стб. 1, строки 21 сл.

строительство храмов и сооружение каналов (как мы видели из мифов, именно строительство жилищ богов—храмов и проведение каналов составляло одну из главных обязанностей, лежавших на людях)¹.

Из всего изложенного можно видеть, что мифы древнего Шумера о творении не являлись случайным плодом фантазии, но равно, как и представления о мире богов, составляли часть последовательной религиозной системы, специально выработанной шумерским жречеством для укрепления общественного строя, основанного на эксплуатации правящим классом широких масс производящего населения, и затем развивавшейся далее в том же направлении жречеством вавилонским. Идеей рабства, рабской зависимости проникнута была сверху донизу вся система общественных отношений области древнего Двуречья. Как чиновники (например, писцы) при дворах патеси, как в эпоху третьей династии Ура сами патеси различных городов в отношении своих суверенов—царей Ура называли себя «рабами», так в то же время сами цари и патеси, сохранившие известную долю независимости, называют себя «рабами» (*uru, agad*) богов². При обращении к богам в молитвах и при жертвоприношениях молящиеся обычно называли себя «рабами» данного божества. В вавилонскую эпоху распространен был обычай носить амулеты и цилиндры, имевшие предохранительное и апотропаическое назначение, на которых выгравировано было имя бога-покровителя и имя его «раба»—владельца данного амулета³. Как в шумерскую, так и в позднейшие, вплоть до нововавилонской, эпохи широко распространены были как мужские, так и женские имена, которые являлись не только теофорными, но, если можно так выразиться, и дулофорными, поскольку они заключают в себе указание на рабскую зависимость носителя данного имени от того или иного божества. Шумерские термины «ур»—человек и «арад»—раб и «гим»—рабыня, служанка и позже соответствующие им семитические термины «арду» и «амат» с указанием имени божества образуют составные части этих имен. Таковы шумерские мужские имена—Арад, Арад Хузи, Арад Лама, Арад-дингир-Наннар и др. или особенно производные от «ур»: «ур дингир» (человек, раб бога), «ур-э» (человек, раб дома-храма), имена, как, например, Ур-э-Уту, Ур-э-Нанше, Ур-э-Бау Энки и др. и женские имена—Гим-э-Бау, Гим-э-Думузи, Гим-э-Лама, Гим-э-Нанше, Гим-э-Энки и многие другие⁴. Не менее часто встречаются семитические имена, в которые входят термины «арду» и «амат»⁵. Подобные дулофорные имена носили и многие патеси шумерской эпохи. Из 22 известных нам имен патеси Лагаша 9 носили дулофорные имена. Таковы же

¹ Любопытную иллюстрацию к представлению о выполнявшейся при этом царями и патеси «дуллу» составляют находимые на местах храмовых строений их изображения в виде рабочих с рабочими инструментами и материалами.

² См., например, подписи патеси Лагаша Урбау и Гудеа—*T h u r e a u - D a n - g i n*, там же, стр. 1, 12 (Урбау), 2, стб. 11, строка 21; 1, 16 (Гудеа), е, стб. II, строка 1; f. стб. I, строка 7. В аналогичные отношения ставит себя Хаммураби к Шамашу, см. введение к изданному им Кодексу законов.

³ Значительное число таких цилиндров имеется и в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

⁴ Многочисленные примеры таких и подобных имен содержат хозяйственные документы шумерской эпохи.

⁵ См. *H. R a n k e*, *Early babylonian personal names from the published tablets of so called Hammurabi dynasty* (Babylonian Expedition of the university of Pennsylvania. Series D. Researches and treatises, III), Philadelphia, 1905; ср. также, например, указатель имен к изданию *S c h o r r*, *Urkunden der altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts*. Leipzig, 1913; не менее часты дулофорные имена и в документах нововавилонской эпохи.

были имена основателей династий Лагаша—Ур-Нанше и третьей династии Ура—Ур-Намму. Аналогичные имена встречаем среди патеси Исины (Ур-Нинурта) и Ларсы (Варад Син, брат и предшественник последнего царя Ларсы Римсина). Идеей рабской зависимости проникнута была и вся система моральных представлений, которую шумерское и вавилонское жречество стремилось привить массам населения. Идея эта проводится последовательно в культе, в религиозных песнопениях и, наконец, в быту. В основе морали лежало не столько непосредственное разрешение взаимоотношений между людьми, сколько точно так же прежде всего отношение человека к божеству. Рядом с выполнением «работы» (*dullu*) в пользу богов, сводившейся прежде всего, как сказано, к постройке достойных их жилищ—храмов, а также к жертвоприношениям и к выполнению культовых обрядов, другую важнейшую черту, характеризовавшую отношение людей к богам, представлял собою страх перед богами, страх навлечь на себя гнев божества и вызвать кару с его стороны. Черта эта, совершенно чуждая античности и, в частности, прежде всего эллинской религии, чрезвычайно характерна именно для той рабской психологии, которая пронизывала все общественное мировоззрение населения области древнего Двуречья. Страх перед наказанием типичен именно для психологии раба, которого только страх наказания вынуждает к работе и к выполнению обязанностей. В первую голову гнев богов вызывается, естественно, невыполнением «дуллу», т. е. прежде всего невыполнением жертвенных обрядностей и других культовых предписаний, и, напротив, как это мы видим из сказаний о всемирном потопе, на примере героев этих сказаний, как бы они ни назывались—Атрахасис Зиуеудду, Ут Напштим, именно выполнение с их стороны «дуллу» прежде всего делало их угодными богам. Но не только невыполнение «дуллу», а и всякие нарушения общественной морали, рассматривались не как преступления против общества, но прежде всего так же, как нарушение предписаний богов и их воли, как грех, также караемый богами.

Как все общественные бедствия, так и несчастия, постигавшие отдельных людей, вплоть до болезни и смерти, рассматриваются именно как такие наказания и могут быть предотвращены или устранены только умилованием сердца разгневанных богов. Главною целью всех молитвенных обращений к богам являлось именно стремление умиловать богов, сделать их более благосклонными к людям, испросить прощение грехов и преступлений против богов. Таковы, например, обращения в молитвенных песнопениях к богу Ану¹ и Энлилю, наиболее враждебному людям божеству², равно как и ряд других молитвенных и покаянных обращений к богам—как общественного, так и частного характера.

Трудно себе представить больший контраст, нежели контраст между изложенными религиозными представлениями, господствовавшими в области древнего Двуречья (в Шумере и затем в Вавилонии), и религией древнегреческих полисов. В религиозных представлениях древних греков божество не возносится над обществом, но обитает внутри самой городской общины, непосредственным представителем и защитником которой оно прежде всего и является. Культ божественного покровителя общины почти сливается

¹ А. О. 6461, оборот, строки 1 сл. Текст см. Thureau-Dangin, *Rituel accadiens*, стр. 70—71, транскрипция и перевод там же, стр. 108—111.

² G. Reiser, *Sumerisch-babylonische Hymnen*, № 1, строка 130.

с культом самой общины. Божество служит при этом как бы олицетворением самой общины. Преступление против божества общины представляет собою в то же время и преступление против самой общины, и наоборот: преступление против общины или измена ей есть оскорбление божества. Вот почему и в качестве карающей силы здесь выступает не божество, а непосредственно сама община. Община же выступает и против нарушений морали, как против антиобщественных поступков. Так резко отличная специфика двух типов рабовладельческих обществ древнего Востока, основанных на зависимом положении основной массы населения, и античных обществ, в которых целая пропасть отделяет несвободных (рабов) от свободного гражданского населения, находила себе не менее определенное и резко выраженное отражение и в религиозных представлениях, существовавших на Востоке, в частности в области древнего Двуречья, и в эллинских полисах¹.

¹ С другой стороны, именно из сложившихся на Древнем Востоке, и прежде всего именно в области древнего Двуречья, религиозных представлений в основном заимствовало христианство свое учение о людях—рабах божиих, о смирении перед богом, о греховности людей, с божьим гневом и о насылаемых богом карах. Все эти представления пришлись как нельзя более кстати в связи с зарождением феодально-крепостнических отношений, основанных так же, как и древневосточное рабство, на закабалении (хотя и в более мягкой форме) основной массы населения.

Проф. М. И. Максимова

К ВОПРОСУ О ВЫХОДЕ ХЕТТОВ НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГ ЧЕРНОГО МОРЯ

Вопрос о выходе хеттов на южное побережье Черного моря имеет большое значение как для истории Малой Азии во II тысячелетии до н. э., так и для восстановления общей картины развития отдельных племен, населявших южное Причерноморье в эпоху, предшествующую греческой колонизации. Однако эта проблема до сих пор не может считаться решенной в ту или иную сторону. Правда, в начале нашего века, когда хеттология еще только вступала на путь своего дальнейшего блестящего развития, Леонхард¹ пробовал ответить на этот вопрос в положительном смысле, но самый метод его работы уже обрекал его исследование на неудачу: Леонхард отождествлял хеттов с амазонками греческой мифологии, и, поскольку царство амазонок локализовалось в долине Термодонта к востоку от Самсуна, считал доказанным выход хеттов на побережье Черного моря в этом пункте.

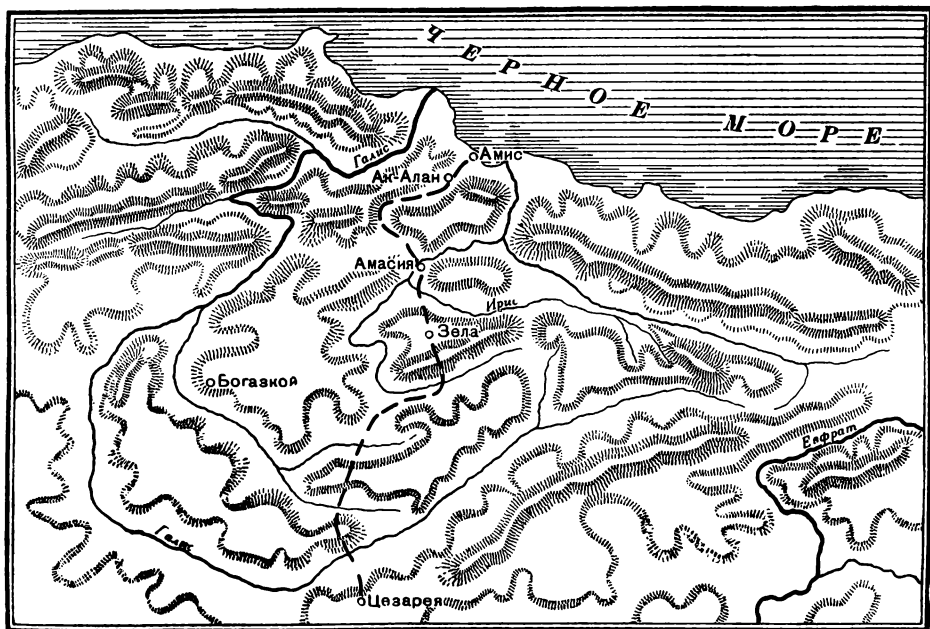
Современные историки древнего Востока неоднократно возвращались к указанной проблеме, опираясь на письменные источники из хеттских архивов, но и их работы не привели пока к окончательным результатам. Как известно, определение границ Хеттского царства, как Древнего, так и Нового, покоится и сейчас на довольно шатком основании. Главным источником являются официальные документы хеттов, повествующие о походах и завоеваниях хеттских царей и военных столкновениях с соседними племенами. Однако локализация этих племен и упоминаемых в документах географических названий на современной карте во многих случаях представляет непреодолимые пока трудности, чем объясняется и противоречивость мнений отдельных исследователей. В частности, в том, что касается берегов Черного моря, решение вопроса о вхождении этой области в Хеттское царство связано с локализацией племени киццуватна и толкованием термина «Большое море», на берегу которого жило это племя. В ряде документов² на табличках из Бogaзкойского архива повествуется о войнах между хеттами и племенем киццуватна, причем упоминается о том, что хетты при этом доходили до «Большого моря». Винклер, Эд. Мейер и

¹ W. L e o n h a r d t, *Chettiter und Amasonen*, Berlin—Leipzig, 1911.

² Перечисление этих документов можно найти в книге Albrecht G o e t z e, *Kizzuwatna*, New Haven, 1940 (Yale Oriental Series Research, XXII).

ряд других исследователей склонны видеть в племени киццуватна предков позднейших каппадокийцев и в «Большом море» — Черное море. Соответственно они помещают племя киццуватна к северу от столицы хеттов Хаттушаш (Богазкой) в направлении к тем местам побережья, где впоследствии находились города Синопа и Амис (Самсун).

В противоположность этому мнению, Гетце, соглашаясь с тем, что племя киццуватна имело какое-то отношение к позднейшим каппадокий-

цам, локализует его в южной Каппадокии и Киликии, и «Большое море» он считает Средиземным морем. В северной Каппадокии он помещает племя каскеев, также неоднократно воевавшее с хеттами. Однако границу Хеттского царства на севере Гетце проводит много южнее Северо-Анатолийского горного хребта, тем самым отрицая проникновение хеттов к берегу Черного моря.

Хогарт, намечая границы Хеттского царства (САН, II, стр. 272, табл. 5), исходит не из названий племен и местностей, упоминаемых в табличках Богазкой, а из местонахождения монументальных хеттских памятников. Он считает, что монументальные памятники хеттской скульптуры и архитектуры свидетельствуют о пребывании хеттов на данных территориях, обводит все эти области на карте чертой и получает таким путем приблизительные очертания границ Хеттского царства. Северная граница этого царства по Хогарту также проходит много южнее Северо-Анатолийской горной возвышенности. Таким образом, этот ученый также исключает приморскую полосу из хеттских областей Малой Азии.

Самым большим препятствием на пути к разрешению указанной проблемы надо считать отсутствие до сих пор планомерных раскопок в тех областях Малой Азии, которые могли бы дать в этом отношении решающий материал. Турецкое историческое общество, а также ряд археологических экспедиций американских университетов в 20-х и 30-х гг. нашего века неод-

нократно проводили полевые работы большого масштаба в центральной части Анатолии, но причерноморские области и крупные населенные пункты побережья, как Синопа и Самсун, оставались пока вне поля их зрения. Таким образом, приходится сказать, что систематическое исследование памятников южного Причерноморья пока отсутствует, а данные районы и до настоящего времени археологически почти не изучены¹.

Однако области южного Причерноморья столь богаты памятниками культуры некогда населявших их племен и народов, что случайные находки как отдельных предметов, так и остатков строений—явление в тех местах далеко нередкое, и в некоторых случаях находки эти были настолько интересны, что они привлекали к себе внимание турецкой администрации; турецкие археологи предпринимали в данных местах разведки или раскопки небольшого масштаба с целью исследования случайно обнаруженных зданий и поселений. Помимо того, в Синопе, а особенно на городище древнего Амиса близ современного Самсуна, в течение многих лет местными жителями ведутся грабительские раскопки, и многие добытые таким путем вещи находят себе затем место в государственных музеях и частных собраниях и становятся доступными для науки.

Конечно, открытые подобными путями памятники в значительной мере теряют свою научную ценность и никоим образом не могут служить заменой планомерных раскопок, однако в своей совокупности они все же представляют значительный интерес и дают известный материал для научных выводов. В настоящей работе мы делаем попытку сопоставления и критического обзора тех случайно открытых археологических данных, которые имеют отношение к вопросу о выходе хеттов на Черноморское побережье, поскольку накопление даже разрозненных свидетельств может содействовать разрешению этой важной проблемы.

Среди случайно найденных на городище древнего Амиса и в Синопе вещей, свидетельствующих о том, что оба эти пункта были заселены задолго до основания там греческих колоний, имеется и небольшое количество хеттских изделий. К ним принадлежит изданная Хогартом серебряная хеттская печать, в виде перстня². На жуковине его имеется хеттская надпись, обведенная каймой из кружков и черточек. Здесь же находится изображение четырехконечной звезды. Хогарт датирует перстень временем от 1300 до 1200 гг. К сожалению, достоверность происхождения печати из Амиса остается под сомнением, так как она была куплена в Каире у торговца, который указывал на Самсун как на место ее находки.

С полным доверием в смысле происхождения из Самсуна можно, повидимому, отнести к большому расписному сосуду, хранящемуся в музее Лувра³ и попавшему туда при посредстве известной экспедиции в Каппадокию Chantre'a. Это кувшин шаровидной, еще мало развитой формы, без устойчивой ножки. Глина плохо промыта. Поверхность сосуда покрыта яркочерной облицовкой, частично перекрытой матовой белой ангобой. Геометрический орнамент—пучки прямых и ломаных линий, треугольники и ромбы—исполнен черной краской. Желуляк считает сосуд хеттским, а Боссерт уточняет это определение, относя его к древнему хеттскому царству, т. е. к первой половине II тысячелетия.

¹ Несколько экспедиций для учета памятников Северо-Восточной Анатолии было проведено в 40-х годах нашего века (см. краткое сообщение в *AJA*, 1947, № 3).

² D. C. Hogarth, *Hittite Seals*, стр. 38, № 194.

³ H. de Genouillac, *Céramique Cappadocienne*, II, 1926, табл. 50, стр. 21; Bossert, *Alt-Anatolien*, № 367.

В Синопе найдены были два золотых предмета, которые предположительно относятся к хеттским изделиям¹. Первый из них представляет собой бляху, вырезанную из листового золота, длиной в 64 мм. К верхнему краю бляхи припаяно два выступа, которым в самой общей форме приданы контуры человеческих или птичьих голов. Френер объясняет всю композицию как изображение двух спаренных божеств с птичьими головами. «Ожерелья» и «пояса» фигур исполнены чеканом. На бляхе имеются дырочки для пришивания к одежде. Вторая бляха, длиной 0,072 м, исполнена в той же технике. Она изображает птицу. Голова сплющена и обработана чеканом, края гуловища и хвоста украшены плетенкой, перья распущенного хвоста обработаны чеканом. К затылку птицы приделано большое кольцо, в которое продето маленькое колечко с круглым, плоским диском-подвеской. Такие же колечки с дисками имеются на краях бляхи, а на нижнем контуре хвоста сохранилось три колечка, вероятно, для таких же дисков-подвесок.

Столь скудный и частично не вполне достоверный материал, конечно, не дает права не только на разрешение, но даже на постановку вопроса о проникновении хеттов к Черному морю. Самое большое, что из него можно извлечь,—это указание на то, что в Приморскую полосу проникали изделия хеттов и что, следовательно, она в какой-то мере находилась в орбите влияния хеттской культуры. Однако при сопоставлении с другими данными и эти находки приобретают известное значение.

Еще в 1905 г. в местечке Ак-Алан близ Самсуна местными крестьянами были найдены фрагменты греческих архитектурных терракот архаической эпохи, привлечшие к себе внимание археологов. Оттоманский музей в Стамбуле произвел вслед за тем исследование данной местности силами небольшой археологической экспедиции во главе с Макриди-беєм². Помимо добавочного сбора фрагментов таких же архитектурных терракот, какие были обнаружены крестьянами, а также черепков архаической керамики, экспедиция добыла некоторые данные об оборонительных сооружениях Ак-Алана и о существовавшем там древнем поселении.

Холм Ак-Алан расположен в 18 километрах к юго-западу от Самсуна, среди горных складок, образуемых Северо-Анатолийской горной цепью. Холм господствует над ущельями, образуемыми Кара-дере и ее бурными притоками. По словам Макриди-бея, холм имеет обрывистые, скалистые склоны и доступен только с одной, восточной, стороны. Основываясь на фрагментах керамики и терракот, находимых в полях у подножия холма, с восточной его стороны, Макриди-бей предполагает, что там находился незащищенный город, акрополем которого служил холм Ак-Алан.

Верхушка холма имеет неправильную удлинненную форму: длина ее равняется 275 м, а ширина—в среднем 50 м. На всем своем протяжении она обнесена оборонительной стеной. Основанием для нее служат скалы. Местами скалы значительно поднимаются над землей, и в этих случаях они сами служат стеной, но по большей части скалы используются только как основание для искусственной стены. Последняя сохранилась почти повсеместно до высоты в 5 м. На южной стороне холма имеется вход в цитадель. Стена здесь прерывается и образует вход с двумя полуциркульными пилонами по сторонам. На восточной и северной сторонах цитадели вскрыты были два низких узких прохода через стену в нижней ее части, которые Макриди считает стоками. Вся стена сложена из больших

¹ Froehner, Collection Tyszkiewicz, табл. XXI, № 204; табл. XI. № 8.

² Macridy-Bey, Une citadelle archaïque du Pont, 1907 (MDOG).

каменных глыб, на которых не заметно никаких следов обработки их инструментом, а промежутки между крупными камнями тщательно заполнены щебнем. Макриди называет эту стену циклопической и сравнивает ее кладку со стенами Тиринфа и Мидеи в Арголиде. Однако он отмечает две ее особенности, отличающие ее от обычных циклопических стен.

Холм Ак-Алан.

Это, во-первых, сильный уклон их внутрь: наружная поверхность стены имеет уклон к верхнему краю в 3 м при высоте в 5 м, и, во-вторых, тщательное закругление всех выступов, так что стена на всем своем протяжении не образует резких углов. Макриди не приводит никаких аналогий циклопических стен, сложенных подобными приемами, кроме указанных им совершенно не убедительных примеров из Арголиды. Между тем оборонительные сооружения, обладающие такими же характерными особенностями, какие свойственны стенам Ак-Алана, встречаются и в других поселениях хеттской эпохи и прежде всего в столице Хеттского царства—Богазкое.

Как известно, этот город, помимо сети внутренних укреплений, был окружен двойной оборонительной стеной с целой системой устроенных на определенном расстоянии друг от друга башен, лестниц и потерн. Внешняя стена, высота которой не могла быть установлена, состояла из трех частей: земляного вала, уложенного на подстилку из щебня, ряда больших каменных квадров и, наконец, стены из саманных кирпичей. Земляной вал идет на всем протяжении стены. Полного его обследования произведено не было, но наблюдения показали, что вал—насыпной, причем для его сооружения были использованы естественные возвышения почвы и скалы. Вал, повидимому, достигал высоты примерно в 10 м при толщине в 50 м. С внешней стороны вал имел уклон внутрь, иногда под углом в 25°, иногда более крутой и был покрыт слоем механически

пригнанных друг к другу больших необработанных камней, причем промежутки между ними были заполнены мелкими камнями.

Устройство этого вала, насыпание земли с уч. о м естественных возвышений почвы и скал, уклон его профиля и, наконец, вымостка большими и мелкими камнями с внешней стороны дают полную аналогию к оборонительным сооружениям Ак-Алана, если отрешиться от определения последних как «циклопической стены».

По целому ряду наблюдений и соображений нам кажется, что данное определение Макриди ошибочно и что оборонительные сооружения Ак-Алана представляют собой не стены, сплошь сложенные из камней, а земляной вал, укрепленный снаружи каменной кладкой. В этом нас убеждает изучение многочисленных фотографических снимков, приложенных к отчету Макриди, а также анализ произведенных им работ и, наконец, некоторые попутно высказанные им самим замечания.

Прежде всего необходимо указать, что обследование оборонительных сооружений Ак-Алана было далеко не полным и очень поверхностным. Макриди рассказывает, что стены цитадели так густо поросли кустарником и мелкими деревьями, что потребовалась работа 4 дровосеков в течение 25 дней для очистки стен от поросли. Затем стены были освобождены от лежавшего на них слоя земли. Однако, судя по плану, эта работа была проведена только на восточной стороне цитадели и на небольшом участке западной стороны. На всем же остальном своем протяжении стены не были очищены от покрывающей их земли. Это наблюдение подтверждается и замечанием самого Макриди, который на стр. 4 своего отчета говорит о «раскопанном» участке стены, очевидно, противопоставляя его нераскопаным участкам.

Но что имеет для нас особо важное значение, это то, что и «раскопанные» участки, видимо, раскапывались только с внешней стороны, т. е. просто освобождались от лежавшего на них снаружи слоя земли. Никакого обследования кладки в глубину не производилось, если не считать входа в цитадель и обоих стоков, где частично раскоп был проведен внутрь цитадели, причем, судя по плану, стенки оказались обложенными камнями тоже только с внешней стороны. Никакой выемки земли с внутренней стороны стен, видимо, также не производилось, в чем нетрудно убедиться, внимательно приглядываясь к снимкам, где ясно видно, что во многих местах стены под каменной кладкой идет земля, а не второй ряд камней¹.

Макриди косвенно признает в своем отчете, что работы по раскопке стен ограничились лишь обследованием их с внешней стороны. Он указывает на то, что детали входа в цитадель и обоих стоков остались невыясненными, так как для полного их обследования необходимо было бы, как он говорит, очистить их от земли с внутренней стороны, чего, очевидно, не было сделано.

Впрочем, и сам Макриди, назвав оборонительные сооружения Ак-Алана циклопическими стенами, видимо, усомнился в правильности своего определения. На стр. 4 своего отчета он говорит: «можно было бы предположить, что на этой стене возвышалась вертикальная стена из саманных кирпичей, и в этом случае нижняя стена представляла бы собой просто вал, как в Богазкое, но до сих пор нами не было обнаружено следов саманных

¹ См. Macridy, ук. соч., табл. VI, рис. 8; табл. II, рис. 4 и табл. IX, рис. 11.

кирпичей». Другими словами, присутствие саманных кирпичей превратило бы циклопическую стену в земляной вал.

Основываясь на всех приведенных данных, мы, как нам кажется, вправе утверждать, что оборонительные сооружения Ак-Алана представляют собой не циклопические стены, а земляные валы, покрытые снаружи каменной кладкой. Принятие такого их определения объяснило бы и отмеченные Макриди особенности конструкции, сильный уклон внешнего профиля, что совершенно не свойственно каменным стенам, и плавные внешние очертания сооружения. Объяснило бы это, наконец, и появление именно на валу той густой поросли, которая покрывала только валы, а не внутреннюю скалистую почву цитадели. Отсутствие же следов вертикальной стены из саманных кирпичей легко объяснимо. При неряшливости раскопок они просто могли остаться незамеченными, тем более, что густая растительность должна была повести за собой сильное разложение кирпичей; кроме того, возможно, что на нераскопанных участках вала такие следы еще имеются налицо.

Конструкция вала Ак-Алана находит, как мы видели, полную аналогию в вале внешней оборонительной стены Богазкоя. Это касается и принципа его насыпки со включением скалистых выступов в систему насыпи, и его косого профиля, и способа укрепления скоса каменной кладкой. Совершенно естественно, что укрепления столицы хеттов были гораздо более грандиозными, чем оборонительные сооружения Ак-Алана. В вале Ак-Алана не замечено пока ни лестниц, ни потерн, ни башен. Однако какие-то дополнительные к валу укрепления здесь, повидимому, были. На восточной стороне холма (т. е. там, где всего легче было на него взойти). на плане отмечены нагромождения камней, прилегающие к валу (Macridy, ук. соч., табл. VIII, рис. 10), в которых можно предположить основания башен. Что же касается тех проходов через вал, которые Макриди считает стоками, то если не по своему назначению и размерам, то по своей конструкции они напоминают проходы, прорытые в валу Богазкоя. В обоих случаях внутренние стенки проходов обложены рядами камней, образующими подобие свода, замкнутого сверху большим ключевым камнем. Проходы в валу Богазкоя служили, возможно, для вылазок гарнизона. Не берусь судить о назначении проходов в валу Ак-Алана, но устройство проходов в обоих случаях очень сходно.

Итак, если правильны наши наблюдения над оборонительными сооружениями Ак-Алана, если последние действительно представляют собой не циклопические стены, а земляной вал, укрепленный снаружи каменной кладкой, то тем самым устанавливается тесная связь между остатками укрепления Ак-Алана и внешней оборонительной стеной Богазкоя, ибо конструкция валов в обоих случаях одинакова и основана на одних и тех же строительных приемах.

Помимо вала в Богазкое, известны и другие оборонительные сооружения хеттской эпохи, построенные по тому же принципу, как, например, вал стены города Иерихона в Палестине. Этот город имел внутреннюю, очень древнюю, оборонительную стену и внешнюю стену, которую Sellin и Watzinger, издавшие эти памятники, датируют временем от 1900 до 1600 г., т. е. эпохой Древнего царства хеттов, и называют стеной-валом, построенным по хеттскому образцу. Эта только частично сохранившаяся внешняя стена некогда окружала весь город. Конструкция ее следующая. Применительно к свойствам известковой почвы, слишком слабой для большой нагрузки, под валом был устроен настил из глинистой земли, смешанной со щебнем, на который положен ряд больших каменных блоков. Промежутки между ними заполнены мелкими камнями, и, при помощи таких же камней, верхней поверхности фундамента придано горизонтальное

направление. Над фундаментом идут ряды неотесанных крупных камней, представляющих собой облицовку насыпного земляного вала, имеющего, как в Богазкое и в Ак-Алане, значительный скос внутрь. Высота облицованного камнями вала вместе с каменным фундаментом колеблется между 4,5 и 5,4 м, т. е. примерно совпадает с высотой вала в Ак-Алане. Непосредственно на вершине вала возвышается вертикальная стена из саманных кирпичей, толщиной до 2 м и высотой предположительно до 6—8 м. Никаких выступов и башен у этой стены не имелось, но на определенных расстояниях вниз по валу шли каменные ступеньки; эта особенность опять-таки роднит стену Иерихона с внешней стеной Богазкая, где также имелись подобные лестницы, служившие, вероятно, для того, чтобы защитники стен могли в случае надобности легко спуститься в равнину перед городом.

Приведенные аналогии для устройства оборонительного вала в Ак-Алане и валов в Богазкое и в Иерихоне позволяют датировать оборонительные сооружения Ак-Алана хеттской эпохой, но их недостаточно для того, чтобы считать данное укрепленное поселение хеттской крепостью. Разъяснение в данном случае могло бы дать только систематическое исследование всего холма, а этого исследования, к сожалению, произведено не было. Помимо поверхностных раскопок вала и собирания лежавших на поверхности земли внутри цитадели остатков греческих строений, главным образом архитектурных терракот архаической эпохи, а также одновременных им черепков керамики, — экспедиция провела только пробную траншею на вершине холма и обнаружила при этом на глубине 8 м фрагменты какой-то, как говорит Макриди, очень древней керамики, ближайшим образом не описанной и не изданной. Остается, таким образом, невыясненным, относится ли она к хеттской или к еще более древней эпохе. В последнем случае можно было бы установить в истории Ак-Алана три периода: раннее поселение, засвидетельствованное указанными черепками из пробной траншеи, укрепленное поселение или крепость хеттской эпохи, от которой сохранился оборонительный вал, и, наконец, захват этого пункта греческими, фокейскими колонистами Амиса около 600 г. до н. э. Памятниками этого последнего периода являются строительные остатки нескольких зданий, вероятно, небольших храмов, и значительное количество черепков архаической керамики. Некоторые соображения общего характера, связанные с местоположением Ак-Алана, частично объясняют, как мы полагаем, длительность заселения этого холма, а находки последних лет близ Самсуна придают высокую степень вероятности предположению о хеттах как строителях его оборонительных сооружений.

Береговая полоса юго-восточного Причерноморья по своим географическим условиям почти полностью изолирована от малоазийского материка. На всем своем протяжении (около 500 км) она представляет собой полосу земли, местами расширяющуюся вглубь до протяжения в несколько километров, но по большей части очень узкую и многократно перерезаемую горными отрогами, выдающимися в море в виде отдельных мысов, и горными реками и потоками, вливающимися в море. Прибрежная полоса отделяется от внутренней части страны высокой и труднопроходимой горной цепью Северо-Анатолийских гор. С. Н. Матвеев¹ следующими словами описывает данную местность: «Главный гребень [Северо-Анатолийских гор] в восточной части достигает высоты в 3937 м. Боковые гребни превышают

¹ С. Н. Матвеев, Турция. Физико-географическое описание, 1946, стр. 14 сл. и 115.

3300 м. Перевалы в восточной части лежат на высоте в 3000 м. Сообщение [горных долин] с морским побережьем затруднительно, так как долины в своих низовьях переходят в ущелья. Не менее затруднительно и сообщение их с внутренними частями Анатолии: высокие перевалы забиты снегом до июня. Лишь узкие тропы ведут от берега моря к перевалам. Наиболее распространенный способ передвижения пешеходный... Из перевалов наиболее важным является известный перевал Зингана (2036 м), через который ведет шоссейная дорога (Трапезунд — Байбурт). Другие перевалы лежат на более значительной высоте, и к ним ведут только вьючные тропы». Это описание, относящееся главным образом к восточной части Северо-Анатолийских гор, приложимо в основных чертах и к западной их части. И здесь горные цепи являются почти непреодолимым барьером между внутренним плато Малой Азии и береговой полосой. Только непосредственно за Самсуном горная цепь на незначительном протяжении снижается и образует удобный проход, по которому проходит единственная в этих местах доступная круглый год проезжая дорога, связывающая черноморское побережье с внутренними областями Малой Азии.

Вот какими словами описывает значение этого пути известный исследователь дорог Понта Munro¹. «Самая северная горная цепь [Малой Азии] круто нависает над Эвксинским Понтом и отсекает морское побережье от областей, расположенных позади нее. Пути, пересекающие эту преграду, немногочисленны и трудны. На всем протяжении береговой полосы от Амастриды на западе до Трапезунда на востоке Амис (Самсун) является единственными открытыми воротами внутрь страны. Здесь, между горами Пафлагонии и цепью Париадра, Галис и Ирис находят выход к морю, и налицо имеется небольшое понижение — вряд ли его можно назвать проходом, — через которое большая дорога проникает в Амасею и Каппадокию... Эта дорога от Амиса на Зелу имела большое торговое значение. Это была единственная большая дорога Понта с севера на юг, и она соединяла Амасею — расположенную внутри материка столицу страны, с морем. Более того — это был единственный выход к северу для всей Малой Азии, соответствующий в известной степени знаменитой дороге, ведущей на юг через Киликийские ворота».

Свое значение важного торгового пути эта дорога удержала и до последних лет, а ныне параллельно ей проведена железная дорога, связывающая Самсун с внутренними областями Малой Азии (М а т в е е в, ук. соч., карта). В римское время эта дорога проходила примерно по той же трассе, как и в настоящее время, что установлено находкой римской мостовой и римских милевых камней. Можно с уверенностью утверждать, что сношения между внутренними областями Малой Азии и южным берегом Черного моря, а также между этим и Средиземным морем осуществлялись по этому пути еще в глубокой древности. Этому порукой греческая литературная традиция, согласно которой Малая Азия представляла собой полуостров с узким перешейком, отделявшим ее от восточных районов Азии. В греческой литературе мы впервые встречаемся с этим представлением у Г е р о д о т а (I, 72). «Таким образом, река Галис, — говорит он, — разделяет почти всю нижнюю часть Азии от моря, что против Кипра, до Эвксинского Понта. Это перешеек всей данной области. Длина пути для хорошего хода составляет пять дней». Ту же версию, с некоторыми вариантами, мы затем находим у многих античных авторов, вплоть до поздних времен античного мира, причем конечным пунктом перешейка и проходящей по нему

¹ J. A. Munro, Roads in Pontus royal and roman, JHS, 1901, стр. 52 сл.

дороги, связывающей Средиземное с Черным морем, почти всегда называется Ами Как с. указал Эд. Мейер (GdA, II, § 287 A), можно объяснить цепкость этой ошибочной традиции в античной литературе только тем обстоятельством, что греки столкнулись в данном случае с вековой практикой местного населения, пользовавшегося указанной дорогой для торговых целей.

Географические условия причерноморской береговой полосы, ее отрезанность от внутренних областей материка в значительной мере определили и ход исторического развития ее населения. Насколько можно судить по скудным археологическим данным, имеющимся в нашем распоряжении, культура этих областей была более тесно связана с Закавказьем и Кавказом, чем с внутренними областями Анатолии.

Об этом свидетельствуют находки кладов и отдельных вещей—бронзовых орудий труда и предметов вооружения времени около 1000 г. до н. э., которые в основном дают типы, аналогичные соответственным типам кобанской культуры с незначительными вариантами, и которые имеют мало точек соприкосновения с бронзовыми изделиями Средней Анатолии¹.

С другой стороны, мы видим, что государства древнего Востока в своих завоеваниях не стремились подчинить своей власти берег Черного моря. Войска царей Урарту, двигаясь на север, останавливались у южного подножья Северо-Анатолийских гор; если цари Ассирии и доходили до моря, то их появление там было кратковременным. Персия, правда, присоединила эти области и ввела их в состав своих сатрапий. Местные племена—тибарены, моссирики и др. участвовали в походе Ксеркса на Грецию, но уже в конце V в., как нам известно из «Анабазиса» Ксенофонта, господство персов в юго-восточном Причерноморье стало эфемерным; местные племена были автономны и не слушались приказов персидского царя.

Государство хеттов находилось по отношению к прибрежной полосе Черного моря в несколько ином положении, чем урарты и ассирийцы. Столица Хеттского царства была расположена в излучине реки Галиса почти на одном меридиане с Синопой. Описанная выше дорога, связывавшая внутренние области Малой Азии с черноморским побережьем в окрестностях Самсуна, проходила довольно близко от Хаттуша—столицы хеттского царства (Богазкой), и трудно себе представить, чтобы это обстоятельство не повлияло на стремление хеттов распространить свое влияние, торговые связи, а может быть, и власть, в северном направлении. Архив Богазкой содержит целый ряд известий о военных столкновениях хеттских царей с племенами, обитавшими в местностях, расположенных между Хаттуша и берегом Черного моря, хеттские товары, как мы видели выше, проникали в Самсун и, вероятно, в Синопу. А случайные находки последних лет, еще не опубликованные, а лишь зарегистрированные в кратких сообщениях об археологических новинках Анатолии, дают уже, повидимому, более твердую базу для утверждений об освоении хеттами или, по крайней мере, хеттской культурой данных областей. При этом достойно особого внимания, что два из четырех пунктов, в которых были обнаружены хеттские изделия, находятся на трассе вышеупомянутой дороги, пересекающей Анатолию с севера на юг.

В 1941 г. к югу от горы Илгаздач (древний Олгасс), к юго-западу от Синопы и на расстоянии примерно 100 км от побережья, собраны были на

¹ См. А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, стр. 139 сл.

искусственном холме, несомненно скрывающем в себе следы древнего поселения, черепки хеттской керамики («Archeologischer Anzeiger», 1941, стр. 268). Такая керамика была найдена в том же районе в 40 км к западу от Кастамуни (там же). В том же году хеттская керамика типа Богазкой III была обнаружена в деревне Иза-Кой, расположенной на трассе вышеупомянутой дороги, примерно в 40 км от Амасии («Archeologischer Anzeiger», 1942, стр. 98). А в непосредственном соседстве с Самсуном в юго-западном направлении от этого города, т. е. опять-таки на трассе большого торгового пути, шедшего от Самсуна на юг, при прокладке железнодорожных рельсов, частично был разрыт искусственный холм, высотой в 15 м, длиной в 80 м и шириной в 30 м, по имени Дунгар-тепе, в котором при последующем его обследовании турецкой археологической экспедицией, проводившей работы в большом масштабе, обнаружены были слои энеолитической, бронзовой и хеттской эпох.

Постепенное накопление кратких и отрывочных сведений уже сейчас, т. е. до опубликования отчетов о разведках и раскопках, имеет известное научное значение и свидетельствует, по крайней мере, об интенсивном проникновении хеттской культуры к берегу Черного моря, причем движение ее на север, повидимому, связано было с использованием описанного выше торгового пути. В свете этих последних находок и нуждающаяся еще в проверке гипотеза о постройке оборонительных сооружений Ак-Алана хеттами приобретает большую долю вероятности, ибо холм Ак-Алана находится тоже на указанном торговом пути, над которым он возвышается. Оттуда легко было контролировать движение по дороге, чем, вероятно, и объясняется возведение там укреплений хеттами (если правильно наше предположение), а впоследствии захват холма фокейскими колонистами Амиса, вскоре после основания этого города. Если наши данные еще недостаточны для того, чтобы установить распространение хеттской державы до берега Черного моря, то проникновение хеттской культуры в данные районы уже не может вызывать сомнений—факт чрезвычайно интересный для истории Причерноморья.

Проф. Н. А. Машкин

КАРФАГЕНСКАЯ ДЕРЖАВА ДО ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН

В течение по крайней мере трех столетий Карфагенская держава, распространявшая свою власть на значительную часть североафриканского побережья, западную Сицилию и другие острова, лежащие к западу от нее, на южное побережье Испании, была самым значительным государством западного Средиземноморья, и нет никаких оснований сводить историю последнего к истории Рима, который лишь в конце IV в. приобрел общепиталийское значение, а значительную международную роль стал играть лишь после победы над Карфагеном. Античные памятники сохранили сравнительно мало сведений по истории пунического Карфагена¹.

Недостаточно подробное освещение истории Африки² было бы вполне закономерным, если бы оно проистекало только от недостатка источников. Но для буржуазной историографии это связано и с методологическими предпосылками. Греция и Рим считаются такими историческими центрами, где интересна всякая деталь, Карфаген же — нечто препятствующее историческому развитию, какой-то тормозящий фактор. Характерен в этом отношении тезис Карштедта, положенный им в основу его труда по Карфагену, являющегося продолжением работы Мельцера. В предисловии

¹ Нам ничего не известно о трудах карфагенских историков. Из греческих историков одним из первых подробно о Карфагене писал Тимей, послуживший источником для Диодора Сицилийского и Помпея Трога, переданного Юстином. Для истории III—II вв. особенно ценен Полибий, в трудах которого содержатся ссылки на труды других историков, излагавших историю Карфагена (например, сицилийского историка Филина). В связи с историей пунических войн истории Карфагена касался Тит Ливий. Особое значение имеют соответствующие книги Аппиана («Сицилийские войны», «Иберийские войны», особенно «Ливийские войны» и «Ганнибалова война»). Главным источником для государственного строя является «Политика» Аристотеля. Некоторые данные содержатся также в географических сочинениях и трудах по естественной истории (периплы, Страбон, Помпоний Мела, Плиний Старший). За последние десятилетия наука обогатилась значительными археологическими и эпиграфическими исследованиями.

² На русском языке краткий обзор истории Карфагена дан в книге Б. А. Тураева, История древнего Востока, II, 1935, стр. 264; из специальных работ по истории Карфагена: Meltzer, Geschichte der Karthager, I—II, 1879—1896; т. III (Karstedt), 1913; S. Gsell, Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, I—IV, 1920—1928 (наиболее полное, основанное на источниках, изучение). Ближе к Геллю трактуют историю Карфагена: A. Julien, Histoire de l'Afrique du Nord, Paris, 1931, а также Lapeyre et Pellegrin, Carthage Punique, Paris, 1942. Поверхностным, касающимся преимущественно политической истории, является труд G. Walter, La destruction de Carthage, Paris, 1947. Заслуживает внимания лишь систематическое изложение войн Карфагена в Сицилии.

Карштедт говорит: «на трех столпах покоилось могущество Карфагена: господство на море, политическая раздробленность цивилизованных противников в Сицилии и Италии и, наконец, беспомощное варварство в охватывавших его со стороны материка землях, откуда можно было ожидать разрушительного нашествия, но отнюдь не консолидированной, крепко сплоченной силы, которая могла бы соперничать с культурной прибрежной державой»¹. Итак, по мнению автора, выходит, что обитатели Италии и Сицилии—это законные обладатели занятых ими земель, таковым является и туземное африканское население. Карфаген же—это сила посторонняя, пришлая, существующая временно, пока не окрепли Сицилия и Италия. Но ведь, поскольку речь идет о Сицилии, соперниками Карфагена выступали не сикулы и не сиканы, но сицилийские греки, которые на таких же основаниях поселились в Сицилии, на каких карфагеняне заняли побережье Северной Африки.

I. Объединение пунических городов в Северной Африке

Пунические (финикийские) поселения появились на побережье Африки за несколько веков до того, как Карфаген превратился в могущественную державу. Основание старейшего финикийского города в Африке—Утики Плиний Старший относит к 1178 г. (XVI, 216). Древними являются и другие города (Ликс, Лептис, Гадрумет, Гиппон и др.).

Время основания Карфагена Тимей отнес к 814—813 гг. до н. э. Дату эту нельзя, конечно, признать достоверной, но те данные, которыми располагает современная археология, позволяют признать ее приблизительно правильной и считать, что Карфаген был основан на рубеже IX и VIII вв.

В течение двух примерно столетий Карфаген не возвышался над другими городами и можно скорее даже говорить о преобладании Утики. Не зная достоверной истории Карфагена, трудно говорить о причинах его возвышения. Конечно, не одно только чрезвычайно удобное географическое положение определило судьбу Карфагена. Имело значение и то, что Карфаген, главная колония Тира (самое название Quart hadasht означает «Новый город»), более тесно связанная с метрополией, после упадка последней выступил в качестве защитника и объединителя финикийских городов. Объединение же их диктовалось внешними условиями—необходимостью борьбы с греческими колонизаторами, с VIII в. не менее активно, чем финикийские, проникающими на запад. Это объединение происходило в условиях борьбы, напоминающей борьбу между греческими городами в Сицилии и других областях, а в историческую эпоху Утика, равно как и некоторые другие города, оказывалась на стороне врагов Карфагена в самые тяжелые для него моменты. История объединения пунических городов нам неизвестна; несомненно лишь, что пунические города Северной Африки составляли симмахию, противостоявшую попыткам греческой колонизации африканских берегов и стремившуюся утвердить свое господство в различных областях западного Средиземноморья. Из Геродота (V, 46) нам известно, что Дорией, сын спартанского царя Анаксандрида, в сопровождении жителей острова Феры, метрополии Киренаики, основал колонию в районе Лептиса Малого. Приблизительно через три года карфагеняне (Геродот, впрочем, называет их финикийцами) вместе с туземными жителями—маками, как называет их Геродот, разрушили город, развалины которого сохранились вплоть до IV в.

Видимо, в V в., при обстоятельствах, достоверно нам не известных, а отмеченных лишь легендами, на побережье Большого Сирта появились.

¹ Karstedt, Geschichte der Karthager, ср. VII.

Филиновы алтари [Φιλαίνου (или Φιλανίου) βωμοί, агае Philinorum, разграничившие сферы влияния Карфагена и Киренаики (Peripl. S c i l., 109).

Перипл Скилака, относящийся к IV в., указывает, что карфагенские владения (Καρχηδονίων χώρα) тянулись от Большого Сирта до Геркулесовых столпов (ibid., 110). Побережье было усеяно пуническими городами и факториями. Число всех городов неизвестно, но о количестве их можно судить по некоторым литературным данным. Агафокл захватил в районе Карфагена и прилегающих к нему областях, т. е. в современном восточном Тунисе, более 200 городов. 200 городов захватил Регул. В середине II в. Масинисса захватил 300 городов, зависевших от Карфагена¹.

История городов, система организации управления, взаимоотношения с метрополией (Карфагеном), экономическое значение отдельных пунктов — все это остается для нас большей частью неизвестным.

Среди городов мы встречаем старые финикийские города, а наряду с ними колонии Карфагена, и таких было, видимо, большинство. Объединение различных городов с Карфагеном было результатом договорных соглашений, но немалую роль сыграла, вероятно, карфагенская колонизация: рядом со старыми возникали новые поселения, и древние финикийские города оказывались окруженными вновь возникшими карфагенскими колониями. От Геркулесовых столпов колонизация направилась на побережье Атлантического океана. В подтверждение этого можно указать на перипл Ганнона, знаменитого карфагенского путешественника, отправившегося по океану вдоль африканских берегов². Ганнон отправился, вероятно, по приказу карфагенского правительства. Он стоял во главе большого флота из 60 кораблей по пятидесяти весел, с ним было 30000 человек (мужчин и женщин) и необходимые продукты. В указанное число лиц, находившихся на кораблях, не входил корабельный экипаж. Ганнон основал семь новых колоний. В каждой колонии оказалось в среднем по 4500 человек, число, достаточное для первоначального поселения. Впоследствии города разрастались в результате не только абсолютного увеличения народонаселения, но и относительного: города росли не только за счет пунических иммигрантов, но и за счет аборигенов.

Прибрежная полоса с расположенными на ней городами делилась на области. Так, П о л и б и й (III, 96, 12) и Т и т Л и в и й (XII, 31, 2) называют владения вокруг Малого Сирта Эмпорией. Район Гадрумета, Руспилы, Лептиса (в будущем Малого), Тапса, Ахоллы называется рядом авторов Бизацией (Βυσζατίς или Βοζαχίς, Bysazium), а область от мыса Бугаруна до Гибралтарского пролива носила название Метагонии.

Многие писатели называют жителей Эмпории и Бизация ливиио-финикийцами (Λιβυφοίνικες). Этот термин встречается у П о л и б и я (III, 33, 10), Д и о д о р а (XII, 113) и у других авторов (например, L i v., XXV, 40, 5). Воснове своей это, несомненно, термин этнографический, им обозначаются жители определенной географической полосы, а именно жители городов, начиная от Большого Сирта до мыса Бугаруна. Население же области Метагонии не причислялось к ливиио-финикийцам (Р о л у б., III, 33, 13).

После образования финикийских городов в состав их населения влились туземные жители, которые восприняли язык поселенцев, но, как это говорит С а л л ю с т и й (Iug., 78, 4) в отношении говора жителей Леп-

¹ Перечень городов, местоположение которых можно определить по литературным и археологическим данным, см. в книгах: M e s n a g e, Romanisation de l'Afrique, Paris, 1913, стр. 18; S t. G s e l l, ук. соч., II, стр. 81—93.

² «Geogr. Graec. minor.», ed. M ü l l e r, I, стр. 1—14; G s e l l, ук. соч., I, 472, там же библиография.

тиса, не сохранили его в чистоте; произошла известная диффузия в области верований и обычаев, и культура этих городов, оставаясь по форме пунической, восприняла местные элементы.

Огностительно управления городов и колоний имеется мало данных. Из приводимого П о л и б и е м (VII, 9, 5) текста договора между Ганнибалом и Филиппом V мы можем установить, что Карфаген является в принципе федеративной державой. На первом месте стоят города, подвластные карфагенянам, которые управляются по одним с ними законам (τοὺς Καρχηδονίων ὑπάρχουσ, ὅσοι τοῖς αὐτοῖς νόμοις ὑρῶνται), особо стоит город Утика, пользующийся как старейший пунический город особыми правами. Далее идут «города и народы, покорные (ὑπάρχουσι) карфагенянам», потом следуют союзники (συνμαχοί). Д и о д о р (XX, 10, 5) говорит о ливийско-финикийских городах как о союзных Карфагену (τῶν συνμαχίδων πλεονῶν).

В принципе, таким образом, карфагенское государство представляло собою федерацию, напоминавшую первый Афинский союз или, скорее, римско-италийскую федерацию середины III в. В вопросах, касающихся местной жизни, города пользовались самоуправлением. Они избирали магистратов; высшие из которых назывались почти повсюду суфетами. Из Карфагена направлялись официальные чиновники, которые занимались, вероятно, главным образом финансовыми вопросами.

Города, зависимые от Карфагена, не могли заключать друг с другом каких-либо союзов, содержать своих войск, снаряжать военные суда, они не могли вступать в договорные отношения с другими государствами и свободными городами. Военная помощь в случае надобности обеспечивалась самим Карфагеном. В исключительных случаях города должны были поставлять войска. Про Ганнибала, например, П о л и б и й (III, 33, 13) говорит: «Из так называемых метагонических городов он отрядил в Карфаген другие четыре тысячи пехоты». «Конницы,— читаем мы далее (там же),— оставил он [Ганнибал] четыреста человек ливийско-финикийцев».

Карфагенское государство, как о том можно судить из приводимого Полибием первого договора Рима с Карфагеном, тщательно следило за торговыми оборотами. Оказывая покровительство в торговле, оно взимало значительные пошлины с ввоза и вывоза. Т и т Л и в и й (XXX, IV, 32, 3) указывает, что Лептис давал ежедневно один талант. Сумма эта чрезвычайно велика и вызывала сомнение исследователей. Но она, вероятно, исчислялась с тех оборотов, какие совершались в Лептисе, одном из центров караванной торговли. Несомненно, что налоги на города были обременительны, стеснительной оказывалась и опека Карфагена над городами. Это вызывало недовольство, и противники Карфагена, переносившие войну в Африку, находили, начиная с Агафокла, в пунических городах своих союзников. Однако это противоречие карфагенского политического строя не сказывалось еще в раннюю эпоху, когда Карфаген стремился утвердиться в различных областях западного Средиземноморья. В то время он, несомненно, встречал поддержку других пунических городов и Северной Африки, и Сицилии, и Испании.

II. Заморские завоевания Карфагена

Одной из первых карфагенских (а не вообще финикийских) колоний за пределами Африки был Эбес на Питиусских островах. Основание его Д и о д о р (V, 16), вероятно, на основании Тимея, относит к 654—653 гг. Отсюда открывались пути в Сардинию и Сицилию. Вполне возможно, что около того же времени появились карфагенские поселения и на Балеарских островах. Дальнейшее продвижение встретило сопротивление греков. Фокейцы, как пишет Ф у к и д и д (VI, 1, 13), победили карфагенян и в

560 г. основали колонию Массалию, которая заявила претензии на господство над северо-западным побережьем Средиземного моря, но тенденции массалиотов к талассократии окончились неудачей: в 535 г. при Алалии, у берегов Корсики, соединенный этрусско-карфагенский флот разбил греческую флотилию; Корсика была для греков потеряна. Карфагеняне допустили там обосноваться союзников своих этрусков, и лишь с упадком их могущества Корсика перешла в сферу влияния карфагенян.

Еще в конце VII в. карфагеняне проникли и в Сардинию. Появление их встретило сопротивление местного населения.

Борьба карфагенян за Сицилию продолжалась около трех столетий. Сицилия, не говоря уже о плодородии острова, представляла собою важный пункт на пути из Испании в Сирию. Финикийские колонии, основанные в давние времена, были сильно стеснены греками. Они удерживались, по словам Фукидиды (VI, 2, 6), в Мотии, Солоенте и Панорме. Между 560 и 550 гг. карфагенский полководец Малх вел успешную борьбу и захватил часть острова (I u s t., XVIII, 7, 1, 2). Борьба велась с переменным успехом вплоть до 480 г., когда в знаменитой битве при Гимере греки нанесли поражение карфагенскому полководцу Гамилькару; вскоре, в 474 г., в битве при Кумах греки одержали победу над соединенным карфагенско-этрусским флотом; однако, несмотря на эти неудачи, карфагеняне удержались в западной части Сицилии; в течение шестидесяти лет карфагеняне жили в Сицилии по соседству с греками, об активной борьбе в этот период нет нигде упоминаний. Но затишье это было временным: с 409 г. борьба в Сицилии возобновляется и с известными перерывами продолжается до 40-х гг. III в., когда в результате победы римлян карфагеняне совсем были вытеснены из Сицилии. Особенно напряженной была борьба во время Дионисия Старшего, в державу которого входили не только сицилийские, но и итальянские земли, а также при Агафокле, который перенес борьбу даже на карфагенскую территорию в Африку; при Пирре, который почти вытеснил карфагенян из Сицилии и подготавливал вторжение в область Карфагена, и, наконец, во времена Первой пунической войны. В пору расцвета своей державы, в IV и в начале III в., карфагеняне владели большей частью острова.

Карфагенская экспансия направлена была и на Пиренейский полуостров, издавна славившийся своими рудниками. Проникновение в пределы Испании было, несомненно, одной из целей оккупации Питиусских островов. Проникновение карфагенян в Испанию началось, видимо, во второй половине VI в. Предлогом была защита старого финикийского города Гадеса от нападений беспокойных соседей (I u s t., XLIV, 5, 2—3). Карфагеняне оказывали сопротивление выходцам из Массалии, также стремившимся утвердиться в Испании, и основали ряд колоний. О том, что в IV в. карфагеняне прочно утвердились в Испании и не пускали туда представителей других государств, свидетельствует второй договор Рима с Карфагеном (P o l y b., III, 24).

О положении подвластных Карфагену внеафриканских территорий имеется мало данных. В Сицилии, например, город Эрик в области элимов управлялся суфетами, чеканил свою монету (G s e l l., ук. соч., III, 6, 13). Греческие города сохраняли автономию, управлялись «по отеческим законам» и, как говорит Дидор, платили определенные сборы (XIV, 65, 2); Цицерон утверждает, что римляне сохранили в Сицилии те же отношения, которые существовали и до них (In Verr., III, 6, 13); отсюда можно сделать заключение, что, как и в иных областях Сицилии, жители областей, находившихся под властью Карфагена, платили десятину. В Сицилии всегда находились гарнизоны, подчиненные карфагенскому военачальнику. Хотя по отношению к греческому населению соблюдалась осторож-

ность, и карфагеняне старались не нарушать автономии городов, но сиракузские тираны легко находили поддержку в греческих городах, хотя во время междоусобий в городах, подчиненных Карфагену, находили приют сиракузские эмигранты.

В Сардинии карфагеняне проявляли меньшую осторожность, чем в Сицилии. Известная часть земель принадлежала карфагенянам. Туземные жители платили десятину с урожая, причем сборы эти нередко повышались; жителям запрещено было разводить садовые культуры, отчасти ради того, чтобы не уменьшалось количество хлеба, доставляемое в Карфаген из Сардинии. Жители горных областей Сардинии сохранили независимость и беспокоили набегами области, принадлежавшие карфагенянам, так что последним приходилось содержать гарнизоны (G s e l l, ук. соч., II, стр. 312). Опорой карфагенского могущества в Испании были пунические города. Значительно расширена была здесь территория только при Гамилькаре и его преемниках.

Заморские захваты способствовали развитию карфагенской торговли, но они требовали от государства значительных ресурсов. Сицилия была в течение долгого времени главным объектом карфагенской экспансии, но закрепить прочно господство над значительной частью острова Карфагену так и не удалось.

III. Покорение ливийских племен

В течение веков территория, на которой был расположен Карфаген и другие пунические города, считалась принадлежащей местным жителям, которым владельцы (possessores), карфагеняне, должны были платить сбор, или, употребляя термины римского права, vectigal.

В VI в. карфагенский полководец Малх успешно сражался, по словам Юстина, против африканцев (XVIII, 5, 14), но войны эти не изменили положения ливийских народов.

В конце века сыновьям Магона Великого пришлось вести войну с африканцами, требовавшими уплаты взносов. Войну с ними удалось, как говорит Юстин (XVIII, 1, 4), «закончить не оружием, а деньгами».

Войны с африканцами продолжались. Бесперывные войны, по Юстину (XVIII, 1, 13), были предлогом для отказа карфагенян от выступления против греков, на чем настаивал Дарий.

Видимо, после неудачной битвы в Сицилии при Гимере карфагеняне, во главе которых стояли те же Магониды, сначала сыновья, а потом внуки погибшего при Гимере Гамилькара, повели наступление на ливийцев, в результате чего последние отказались от взносов, какие платил Карфаген с самого своего основания (Afri compulsi stipendium urbis conditae Carthaginiensium remittere.—I u s t., XIX, 2, 4). Борьба привела не только к освобождению от взносов, но и к подчинению ливийцев власти Карфагена. В конце V в. ливийцы, по данным Диодора (XIII, 44, 54, 80), не в качестве наемников, а в порядке рекрутского набора служат в карфагенских войсках. Таким образом, приблизительно на середину V в. до н. э. падает расширение карфагенской территории в Африке. Пространство от Большого Сирта до города Мадавы, вся долина реки Баграда, бассейны других рек, впадающих в карфагенский залив,—все это стало карфагенским владением. Понятие $\Delta\iota\beta\omicron\upsilon\varsigma$ у Геродота (II, 32; IV, 197) относится ко всем жителям, населяющим африканский материк от Египта до Океана. Поздние писатели—Поллибий (III, 33, 15) и Диодор (XX, 55, 4) говорят о ливийцах ($\Delta\iota\beta\omicron\upsilon\varsigma$), как о подданных Карфагена. Независимые же племена называются нумидийцами, номадами ($\text{Num}\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$). Если первые были $\epsilon\gamma\chi\omega\rho\iota\omicron\iota$ $\psi\pi\acute{\iota}\chi\omicron\omicron\iota$, то вторые рассматривались как союз-

ники, *σφραχῆς*. В цветущую пору Карфагенской державы в одних случаях эти союзные отношения рассматривались как равноправные, в других племенные династы признавали себя зависимыми от Карфагена, в третьих — и это касалось племен, живших по соседству с Карфагеном, — союз этот означал постоянную зависимость их от Карфагена, и если кто-либо нарушал союз, то рассматривался, как мятежник (Diod., XX, 38, 1; XXV, 10, 3).

Образование африканской державы вызывалось различными причинами. Карфагенское государство, распоряжавшееся во всем западном Средиземноморье, не склонно было продолжать признавать себя в какой-то мере зависимым от туземных племен. Играли, несомненно, роль и мотивы обороны. Карфаген не мог мириться с тем, чтобы воинственные племена оказывались под самыми стенами города, и, наконец, не менее сильным был экономический мотив. Население города разрасталось, необходимо было обеспечить его местными, а не привозными предметами первой необходимости. Это приобрело особое значение после неудач в хлеботородной Сицилии. Вероятно, и до V в. известная часть территории, принадлежащая туземным племенам, обрабатывалась карфагенянами. Экономический рост города приводил неизбежно к развитию сельского хозяйства, в которое могла быть вложена часть ценностей, какие притекали в Карфаген в результате развития торговли, и которое, благодаря значительному притоку рабов, могло быть организовано в широких масштабах. Если одно время Карфаген платил взносы местным жителям, то в результате образования карфагенской территории в Африке известная часть земель была конфискована или оккупирована, и около Карфагена, в плодородной местности, прилежащей к реке Баграду, появились крупные поместья, обрабатывавшиеся трудом рабов. На местное население наложены были тяжелые обязательства. По либий (I, 72, 2) указывает, что во время Первой пунической войны сельское население Ливии должно было платить половину урожая, жители же городов — налог в двойном размере; исходя из этого, можно судить, что в качестве налога взималась известная часть урожая; в военное время горожане должны были платить двойной налог; если удвоен был налог на сельских жителей, то, следовательно, нормально он доходил до $\frac{1}{4}$ урожая. И, наконец, нумидийские города были обложены налогами, которые в чрезвычайных случаях могли повышаться. Кроме того, жители обязаны были поставлять солдат, не в качестве наемников, а в качестве рекрутов, ибо, говоря о наборе солдат среди туземных племен, авторы употребляют термины: *καταρράφειν*, *στρατοχομεῖν*, *καταλέγειν*, *dilectus*, *conquisitio* ¹.

О том, как организовано было управление африканской территорией, нет почти никаких данных. Можно указать, что в городах ставились гарнизоны. А р и с т о т е л ь (Pol., II, 8, 9; VI, 3, 5) указывает, что карфагеняне посылали своих граждан в окрестные города для прибыльных занятий. Здесь идет, видимо, речь о взимании всякого рода податей и сборов.

В речи, какую Т и т Л и в и й (XXVIII, 44, 4) вкладывает в уста Сципиону, тот называет карфагенян суровыми и жестокими господами (*gravibus ac superbis dominis*). Господство их не раз вызывало крупные восстания, которые угрожали самому существованию Карфагенской державы. Это было также одно из противоречий карфагенского социального строя, но тем не менее Карфагенская континентальная держава просуществовала более двух веков и оказала несомненное влияние на последующее

¹ Diod., XIII, 54, 1; 80, 3; XVI, 73, 3; App., Lib., 9; Liv., XXIX, 4, 35, 10.

развитие. Иную точку зрения проводит Карштедт. «Над этой областью, — говорит он, — карфагеняне, привязанные к морскому побережью, господствовали и ее использовали, но никогда не насаждали в ней культуры. Никогда эта область в карфагенскую эпоху не была замирена... Не было ни регулярного суда, ни организованного управления... До самого моря доходили шайки разбойников, и правительство ничего не могло сделать»¹. Автор отрицает всякое воздействие пунической культуры на туземное население. Памятники пунической культуры не восходят ранее, чем к 170 г., когда определенные области подпадают под власть Масиниссы.

Если бы было справедливо то, что говорит Карштедт, жизнь в Карфагене была бы невозможна, государство не в состоянии было бы в нужный для него момент повышать налоги, производить наборы, а между тем нумидийская конница, ливийцы и т. д. постоянно упоминаются в истории пунических войн как прекрасные солдаты, храбро сражающиеся за карфагенян. Нельзя себе представить, что лишь с падением Карфагена стала распространяться пуническая культура, как полагает это Карштедт. И в области, непосредственно принадлежащей Карфагену, и на запад от нее вырастали города с вполне определенно выраженной пунической культурой. Некоторые из них еще в римскую эпоху управлялись суфетами. Мы не можем согласиться с Гзеллем, который думает, что этот институт появился в городах в римскую эпоху после освобождения от карфагенской зависимости (ук. соч., II, 302). Судя по тому, что еще в III в. в независимой от Карфагена области были суфеты (там же, V, стр. 132), туземные города организуют управление по карфагенскому образцу, причем во главе управления становится местная аристократия, воспринявшая в той или иной степени пуническую культуру. Не предоставляя городам широких прав, карфагеняне, как это было и в приморской полосе, допускали известную автономию, да в сущности ни в пунических, ни в греческих, ни в римских условиях (республиканской эпохи) не могло быть города, управляемого бюрократией, которая назначается из центра.

IV. Экономика Карфагена

Недостаток источников затрудняет изучение социально-экономической структуры пунического Карфагена. Нам приходится довольствоваться краткими, иногда вскользь брошенными замечаниями античных авторов, проявлявших больше интереса к государственному строю Карфагена, чем к его социальной и экономической жизни. Правда, почти все античные авторы подчеркивали ту исключительную роль, какую имело в Карфагене богатство. Ф у к и д и д (VI, 34, 2) говорит о том, что Карфаген владел большим количеством золота и серебра. Для А р и с т о т е л я (Pol., II, 8, 6; IV, 5, 11; V, 10, 9) Карфаген представлял собою ярко выраженную форму плутократии. По мнению П о л и б и я (IX, 11, 2; XVIII, 35, 9), Карфаген — самый богатый город в мире, он указывает, что карфагенянам от природы присущи любостяжание и властолюбие. То же отмечает и Д и о д о р (V, 36, 2).

Отмечая морализирующую тенденцию в этих суждениях, мы должны все же согласиться с тем, что грекам удалось подметить такую черту, которая соответствует вполне объективному положению Карфагена. Карфагеняне являлись прямыми наследниками финикийцев, которые были, по словам М а р к с а, народом торговым *par excellence* (М а р к с и Э н г е л ь с,

¹ K a r s t e d t, указ. соч., стр. 112 сл.

Соч., т. XVII, стр. 147). Исключительная роль, какую играла торговля в жизни Карфагена, не дает никаких оснований говорить о капитализме в античности, наоборот, лишь в условиях преобладания натурального хозяйства, исключительной роли земледелия у большинства народов Средиземноморья финикийская торговля могла достигнуть такого высокого уровня. «Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы—финикийцы, карфагеняне,—дана как раз самим преобладанием земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой абстракции именно там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, стр. 198). Маркс относит Карфаген, наряду с Александрией, к центрам мировой торговли древности (Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 209).

Положение карфагенян по отношению к другим народам Средиземноморья определило организацию и характер их торговых и иных связей с другими странами. «Торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 358). «Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.» (там же, стр. 297).

Договоры Карфагена с Римом, приводимые Полибием (III, 22, 23), подтверждают характеристику карфагенской торговли, данную Марксом. На основании этих договоров мы можем судить, что Карфагенское государство больше, чем какое-либо другое государство древнего мира, оказывало поддержку торговле. Первый договор не позволяет римлянам плыть дальше Прекрасного мыса, расположенного перед самым Карфагеном, во втором договоре назван Терсей, находившийся в Испании. Первый договор позволял торговать в Ливии, Сардинии и Сицилии, по второму оставалась доступной только Сицилия, торговля в Ливии и Сардинии запрещалась.

Таким образом, договорами обеспечивалось преимущественное положение Карфагена даже в тех областях, которые лежали вне сферы его влияния; что же касается территорий, находившихся под властью Карфагена, то в одних случаях карфагеняне имели в отношении торговли особо привилегированное, а в других—занимали монопольное положение. Такую роль карфагенская торговля играла в западном Средиземноморье потому, что она, как указывает Маркс, «основывалась на варварстве производящих народов».

Договоры Карфагена с Римом подтверждают тезис Маркса, касающийся насильственных мер, применявшихся торговыми народами древности. Второй договор, например, предусматривает (и узаконяет) возможность пиратского нападения карфагенян на приморские города, увод мирных жителей в плен и продажу их в рабство. «Если бы карфагеняне,—сказано в договоре,—овладели в Лации каким-либо городом, независимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить», и далее указывается, что если карфагеняне возьмут в плен римского союзника и привезут его в римскую гавань, то любой римлянин может его освободить.

Работоторговля в системе карфагенских торговых отношений играла, несомненно, первенствующую роль. Рабы добывались самыми раз-

личными способами, в том числе путем обращения в рабство пленных¹.

Поставщиками рабов были, несомненно, пираты и племенные князья. Карфагеняне выменивали рабов одной категории на другую. Тимей указывает, что на Балеарских островах высоко ценились женщины и за каждую женщину карфагенские купцы получали 4 или 5 мужчин (Diod., V, 17,4; Ps.-Aristot., de mirab. auscult., 88).

Карфагеняне поставляли рабов в разные страны. Через них, вероятно, импортировались из Судана негры, но все же рабовладельческая торговля проходила в пределах Средиземноморья, и, может быть, главное значение Карфагена в истории западного Средиземноморья состояло в том, что под влиянием торговли рабами в широких масштабах разлагались, или во всяком случае быстрее разлагались, первобытно-общинные отношения и большее значение приобретал рабовладельческий уклад.

В течение веков карфагеняне строго соблюдали принцип монополии в отношении определенных областей и не останавливались перед вооруженной защитой своих торговых интересов. Карфагеняне вели торговлю по тем путям, какие издавна были проложены финикийцами. На север через Гибралтарский пролив они доходили до Касситеридских островов (Strabo, III, 5, 14), на юге Африки они достигали Сахары, доходили, может быть, до Сенегала (Gsell, ук. соч., IV, стр. 117). Они связаны были со всеми странами Средиземноморья, о чем свидетельствуют не только указания античных авторов, но и данные археологии. Не всегда, впрочем, можно установить, каким путем проникали в Карфаген или из Карфагена в какую-нибудь страну те или иные товары. Этрусские кувшины, находимые в Карфагене, могли проникнуть туда через Сицилию. Начиная с IV в. в Карфагене появляется большое количество чернофигурных ваз. В V в. они производились в Афинах, но с IV до конца II в. производство их процветало в Кампании и Апулии, откуда они могли быть доставлены в Карфаген. Несомненная связь с Родосом; амфорные ручки, находимые в Карфагене, указывают, что, вероятно, еще в IV, а главным образом в III и II вв. с Родоса ввозилось вино. Относительно предметов торговли существуют различные данные. Вторым после рабов объектом торговли были, несомненно, металлы: издавна из Испании шло серебро. «Эксплоатация испанских серебряных рудников,—говорит Маркс,—Карфагеном и позднее Римом оказала в древнее время приблизительно такое же действие, как открытие американских рудников в современной Европе» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, стр. 140). Олово привозилось не только из Испании, но даже из Корнуэллса; золото шло из Африки; экспедиция Ганнона вокруг африканских берегов имела, несомненно, целью найти новые места золоторождения. Из продуктов сельского хозяйства в разные страны карфагеняне вывозили вино и оливковое масло. Наряду с этим играла большую роль торговля предметами роскоши: из Африки шла слоновая кость, страусовые перья, дорогие узорчатые ткани, ковры, вышитые подушки и т. д.

Несмотря на развитие некоторых отраслей производства, карфагенская торговля оставалась в основе своей посреднической, причем в самой ее организации сохранялось еще много традиционных черт: в то время как в греческих государствах, а особенно в эллинистических странах, большую роль играли деньги, а кредитные отношения в Греции, особенно

¹ Правда, в 409 г. Ганнибал, внук Магоида Гамилькара, в отместку за то, что в 480 г. при Гимере был убит его дед, перерезал 3000 пленных (Diod., XIII, 54). Но такие случаи были, вероятно, редки.

в III в., в какой-то мере приближались даже к системе банков, в Карфагене очень поздно введена была монета; раньше стали ее чеканить сицилийские города, принадлежавшие Карфагену, а потом уже сам Карфаген, при этом карфагенская монета чеканилась по сицилийскому образцу. Появилась она не ранее IV в. При посреднической торговле карфагеняне пользовались, вероятно, монетами различных денежных систем, в варварских же странах они вели меновую торговлю, как об этом писал Геродот (IV, 96).

Ряд пунических надписей, относящихся к карфагенской эпохе, упоминает купцов, причем называются продавцы различных товаров: железа, ладана, золота (Gsell, ук. соч., IV, стр. 109). Судя по скромным посвященным памятникам, это по преимуществу люди, занимавшиеся перепродажей, что-то вроде греческих *χάπηλοι*. Но рядом с ними существовали, несомненно, и другие категории лиц, связанных с торговлей: оптовые торговцы, владельцы судов, организаторы караванов, ростовщики, менялы и т. д. Поскольку морская торговля связана была с риском, вполне допустимо предположение, что организовывались компании, прибили ли расходы в которых распределялись сообразно вложенному капиталу (Gsell, ук. соч., IV, стр. 110).

Торговля явилась главным источником богатства карфагенской аристократии. Вокруг торговли развилось много профессий. С торговлей связано было ремесленное производство, которое появилось в Карфагене сравнительно рано, но масштабы торговли и ремесла не находились в том соответствии, какое характерно было для некоторых экономических центров античности. В Карфагене не было таких отраслей производства, которые рассчитаны были бы на снабжение определенным видом товаров целых районов областей. Отдельные предметы карфагенского производства—изделия из драгоценных металлов, статуэтки, имеющие главным образом культовое значение,—встречаются в различных областях Средиземноморья, особенно западных, но тем не менее Карфаген, так же как и другие города Северной Африки, не был таким центром, товары которого играли монопольную роль на рынке, как, например, керамические изделия Атики. Ремесло обслуживало, за исключением, может быть, предметов роскоши, по преимуществу местный рынок.

Организация ремесла в Карфагене во многом напоминала, вероятно, греческую. Преобладал, повидимому, тип мелкой мастерской, владелец которой работал сам вместе с рабами. В надписях упоминаются каменотес, резчик по мрамору, столяр, пилющик (Gsell, ук. соч., IV, стр. 56, прим. 2), медник, литейщик (там же, стр. 74), изготовитель помады (там же, стр. 106). Относительно частое упоминание профессий на посвященных памятниках указывает на высокое, сравнительно, значение ремесленников в обществе. Ремесленники носят обычно пунические имена, ремесло нередко передается по наследству.

Археологические данные позволяют лучше всего судить о развитии керамического производства (там же, стр. 57). Ранние памятники не отличаются от финикийских и свидетельствуют о египетском влиянии; в V и IV вв. усиливается греческое влияние. Вазы, статуэтки и другие керамические изделия старательно копируют греческие образцы, в некоторых случаях встречается смешение египетско-финикийских мотивов с греческими, но своего особого стиля (подобного хотя бы этрусскому) не создается. Известный интерес представляют маски; они изображают страшных людей, без всякого желания дать ту или иную реалистическую черту. Маски находятся часто в погребениях и носят они, вероятно, магический характер. Повсюду встречаются глиняные статуэтки карфагенских божеств.

Большую роль играло производство металлических изделий. Сравнительно редко находятся произведения из железа. Это главным образом оружие. Изделия из бронзы (вазы, графины, блюда, флаконы) создавались под греческим влиянием. Больше оригинальных черт в предметах, изготовленных из благородных металлов (перстни, печати, подвески, кольца, ожерелья и т. п.). Изделия из дорогих металлов были широко распространены в быту карфагян. Гасдрубал, брат Ганнибала, как сообщают Тит Ливий (24, 39) и Плиний (Nat. Hist., 35, 4), имел серебряный щит весом в 137 фунтов (около 45 кг), у знатных карфагенских юношей были копья из золота и серебра (Diod., XVI, 81, 1). Сама выделка отличалась массивностью, причем больше, чем в керамике, сохранились черты египетско-финикийского стиля.

Ценились дорогие карфагенские ткани, изготавливавшиеся годами. Греческий эрудит Полемон написал целый трактат, посвященный карфагенским тканям (Athen., XII, 58). Греческий поэт V в. Гермипп восхвалял карфагенские ковры и расшитые подушки (Athen., I, 49). В Риме высоко ценилась карфагенская кожа, окрашенная в красный цвет.

Таким образом, если в некоторых отраслях промышленности, как, например, в производстве особо дорогих тканей, карфагяне пользовались известностью, все же ремесленное производство никогда не достигало особой высоты, поскольку вывоз определенных ремесленных товаров никогда не составлял основы карфагенской торговли.

Большее значение, чем в промышленности, имел труд рабов в сельском хозяйстве. Начало развития сельского хозяйства относится, несомненно, к первым векам утверждения финикийцев на африканском побережье Средиземного моря, но особенное значение в экономической жизни Карфагена сельское хозяйство приобрело в V в., после образования карфагенской континентальной державы.

Большое количество рабов, находившихся в руках карфагян, стимулировало образование крупных земельных владений. Рабы являлись основной принадлежностью крупного сельского хозяйства. Одним из первых пунктов мирного договора с Римом после Второй пунической войны стояло: «карфагяням предоставляется владеть землею, искони им принадлежавшею; вместе со стадами, рабами (*σώματα*) и прочим достоянием» (Polyb., XV, 18, 1). О численности рабов свидетельствует факт, относящийся, видимо, к IV в. и рассказанный Юстином (XXI, 4, 6): Ганнон, предполагая поднять мятеж, собрал отряд, состоящий из 20 000 рабов. Вряд ли все рабы принадлежали Ганнону, хотя возможность эта и не исключена, но, вероятно, это были рабы, занятые в имениях знати. Рабы, принадлежавшие к различным народностям, работали на полях, прикованные друг к другу. Касаясь последнего периода Второй пунической войны, Аппиан (Lib., 15) рассказывает, что Сципион и Масинисса освобождали римлян, иберов и сицилийцев, присланных в Ливию Ганнибалом и работавших на полях скотованными.

Массовое применение иноземных рабов в сельском хозяйстве ранее всего появляется в Карфагене; это не было результатом случайного скопления значительного числа пленных. Это было целой системой, развивавшейся в течение веков и нашедшей даже своих теоретиков. Больше, нежели в иных отраслях культуры, оставили карфагяне в области агрономии, но, судя по тем сведениям, какие сохранились об этих агрономических трактатах, вопросу о том, как рациональнее использовать труд рабов, посвящались целые разделы. По словам Варрона (r. r. I, 17, 4), Кассий, переводчик агрономического труда карфагянина Магона, на основании своего источника указывал, каким качествам должен соответствовать руководитель рабов.

Наряду с рабами, в карфагенских имениях применялись и свободные рабочие. Варрон (I, 17, 3) цитирует того же Кассия, касаясь применения их труда во время сенокоса, жатвы, сбора винограда и оливок.

Имения, принадлежавшие карфагенянам, организованы были на землях, оккупированных у туземного населения. С этой части земель прежние их владельцы были согнаны. На каких условиях карфагеняне пользовались землей: переходила ли она в их собственность, или же верховным собственником считалось государство — все это остается нам неизвестным.

Остается нам недостаточно ясным и положение туземного сельского хозяйства. На известной части территории ему сохранено было владение землей, но на каких условиях, нам не известно. Видимо, все же, во-первых, государство считалось верховным собственником земли, может быть, по праву завоевания; во-вторых, сидящие на земле туземцы платили большие налоги, рассчитанные в значительной доле урожая, и, в-третьих, свобода передвижения их, видимо, была стеснена. Таким образом, и в пределах Африки существовала категория зависимого аграрного населения из прежде свободных местных жителей. Гзелль отмечает, что нет никаких указаний на то, что в карфагенскую эпоху на землях знати сидели арендаторы, платившие собственнику или владельцу известную часть урожая, как это было во времена Римской империи (Gsell, ук. соч., IV, стр. 47).

Нужно думать, что не крупные частные владения, обрабатывавшиеся на определенных условиях арендаторами, были предшественниками позднейших римских салътусов с сидящими на них колонами. Прецедентов последних нужно искать в обширных государственных владениях, на которых оставлены были туземцы, вносившие очень большие натуральные налоги.

Различные в известной мере по своей социальной структуре владения карфагенской знати, обрабатывавшиеся рабами, и земли туземного населения, обложенные высоким налогом и обрабатывавшиеся непосредственно полузависимыми держателями-арендаторами, представляли собою разные типы организации сельского хозяйства. Для карфагенских имений характерна интенсивная форма ведения хозяйства, для туземцев — экстенсивная.

Карфагенское интенсивное рабовладельческое хозяйство было в свое время самым передовым.

Это нашло отражение в карфагенских трактатах по сельскому хозяйству, особенно в трактате Магона, о котором римляне отзывались благоприятно даже в момент решительной борьбы с Карфагеном и о переводе которого состоялось специальное сенатское постановление (Colum. de agr. cult., I, 1, 13). Правда, и в области агрономической теории карфагеняне не были самостоятельными. Труд Магона основывался на эллинистических источниках, но он, по словам Варрона (I, 1, 10), превосходил их (I, 3, 9).

Колумелла приводит карфагенскую пословицу, гласящую, что «почва должна быть более слабой (рыхлой), чем земледelec, который ее возделывает, иначе в борьбе с ней он будет подавлен». Способам обработки земли в трактатах уделялось большое внимание, но главное внимание Магона, как показывают ссылки на него римских авторов, было сосредоточено на разведении винограда и оливковых деревьев. В диком виде и виноград, и оливковые кустарники росли в Африке, но культивироваться эти растения стали карфагенянами, а распространение этих культур относится, повидимому, к V в. (Gsell, ук. соч., IV, стр. 19). Тогда уже, вероятно, стали изготавливаться карфагенские сухие вина, которые приобрели

известность во времена Римской империи. Карфагенские вина были объектом главным образом морской торговли. Они шли в Киренаику, на Балеарские острова, в Сицилию.

Оливковое масло еще в V в. ввозилось в Африку из Сицилии (Diod., XIII, 81, 4—5). Впоследствии Африка потребляла, видимо, масло по преимуществу местного производства. Садоводство широко распространено было в районе городов (Gsell, ук. соч., IV, стр. 31).

Владения карфагенской знати находились вблизи Карфагена. К городу примыкал, повидимому, пояс виноградных и оливковых насаждений. Что же касается хлебных злаков, то они культивировались главным образом туземцами. Районами разведения хлебных злаков были равнины по реке Меджере, плоскогорья и равнины современного центрального Туниса. Древние авторы превозносили плодородие Бизация (около Гадрумета) и Эмпории, злаки производились в прибрежных областях современного Алжира и Марокко (Gsell, ук. соч., IV, стр. 12). О плодородии некоторых районов сложились настоящие легенды, и у Плиния (V, § 24; XVII, 41; XVIII, 94) есть указания, что урожай в некоторых местах был сам-сто и сам-сто пятьдесят. О количестве производимого хлеба свидетельствует тот факт, что в 203 г. Сципион потребовал у карфагенян, добивавшихся мира, 500 000 модиев (43770 гектолитров) пшеницы и 300 000 модиев (26262 гектолитров) ячменя (Liv., XXX, 16, 11). После заключения мира в 201 г. Сципион направил огромное количество зерна в Рим, и эдилы продавали его по очень дешевой цене (Liv., XXXI, 4, 6).

Таким образом, сельское хозяйство в Карфагене развивалось, но с развитием этой отрасли экономики углублялись противоречия карфагенского строя: основное противоречие между рабовладельцами и рабами и то противоречие, которое углублялось по мере роста карфагенской континентальной территории,—между карфагенянами и покоренным туземным населением.

V. Политический строй в Карфагене

На страже интересов крупных рабовладельцев стояло государство, которому приходилось разрешать необычайно сложные задачи. Основанное в пределах чужой страны небольшой сравнительно группой иммигрантов, Карфагенское государство должно было обеспечить пуническую монополию в определенных областях Средиземноморья. Отсюда его агрессивная заморская внешняя политика, требовавшая нередко напряжения сил. По мере роста континентальной территории и увеличения числа рабов росли внутренние противоречия, которые прорывались массовыми восстаниями. К этому нужно присоединить классовую дифференциацию внутри свободного карфагенского общества: противоречия между Карфагеном и подчиненными ему городами, между малоимущими и неимущими свободными, с одной стороны, и плутократией, с другой, и, наконец, противоречия внутри господствующей прослойки, внутри самой плутократии.

Политический строй Карфагена изучался больше, чем другие стороны карфагенской истории, но ни эволюции его, ни более или менее отчетливой его характеристики мы дать не в состояниим ввиду недостаточности наших источников. Одним из главных источников по этому вопросу является суждение Аристотеля, данное им во второй книге «Политики». Аристотель считает многие стороны карфагенского политического строя прекрасными. «Доказательством того, что государственное устройство

(в Карфагене) является правильным, служит то, что народ подчиняется государству и, как говорят, там не происходило восстаний и не возникало тирании».

Это положение свидетельствует о глубоком понимании Аристотелем сущности государства, но все же оно показывает, что о Карфагене Аристотель судил издали и подошел к карфагенскому строю как теоретик-систематизатор. На чисто формальном основании Аристотель считает строй Карфагена похожим на строй Лакедемона и Крита и характеристику карфагенского строя ведет, сравнивая его со спартанским, причем, повидимому, более известное Аристотелю заменяет то, что известно недостаточно. Поэтому оказалось, например, что «власть ста четырех соответствует спартанским эфорам» (Pol., II, 8, 2), хотя уже соотношение количества тех и других мало говорит об этом сходстве. При общей характеристике карфагенского строя Аристотель руководствуется теми нормами, какие должны быть, по его мнению, присущи государству с правильным устройством Карфаген не является ни аристократией, ни политией. И, «если судить о карфагенском строе в отношении его к тем задачам, которые имеют в виду аристократия и полиция, то в нем некоторые элементы склоняются скорее в сторону демократии, другие в сторону олигархии» (Pol., II, 8, 3).

Высших должностных лиц Аристотель называет царями (Pol., II, 8, 2; ср. P o l y b., VI, 51, 2), но другие источники называют их, как и высших должностных лиц других пунических городов, суфетами (Liv., XXX, 17, 5; XXXIV, 61, 15). Суфеты избирались на один год (S o r n. N e r., Hannib., VI, 4), который и назывался по их имени. Суфеты избирались из среды знатных и богатых карфагенян (Arist., Pol., II, 8, 5). Власть суфетов была, вероятно, подобна власти римских консулов, но, судя по всему, в III в., во всяком случае, у них не было военной власти.

Из других органов Аристотель называет герусию, уподобляя ее такому же спартанскому учреждению. У П о л и б и я (X, 18, 1; XXXVI, 4, 6) различаются *γερουσία* и *συνήλητος*. У латинских авторов этим терминам соответствуют *senatus* и *consilium*. Последний, судя по данным Тита Л и в и я (XLII, 24), состоял из 30 человек. Он-то, видимо, и играл главную роль в государственном управлении. Этот аристократический совет являлся частью сената; число членов последнего определяют обычно в 300 человек, но заключение это основано на домыслах, прямых указаний в источниках нет (G s e l l, ук. соч., II, стр. 215).

Совет ста четырех был, повидимому, как бы контрольным органом, ему принадлежали, очевидно, и определенные судебные функции, особенно в важных политических делах.

Аристотель (Pol., II, 8, 4) говорит еще о пентархиях, «которые обладают многими важными функциями, кооптируются сами собою... избирают совет ста, высшую власть; они остаются у власти в течение времени, более продолжительного, чем другие начальствующие лица».

В других источниках о пентархиях нет упоминаний. Может быть, это были государственные учреждения, проводившие подготовительную работу и влиявшие на ход выборов и ход управления. Вопрос о пентархиях остается неясным¹. Несомненным остается то, что они были орудием олигархии, о чем говорит Аристотель.

¹ Произвольно предположение Гее р е н а и М е л ь ц е р а (Gesch. der Karthager, II, стр. 56 сл.), что были две пентархии. Правдоподобнее допущение Г з е л ь я (ук. соч., II, стр. 209, 210), что пентархии были своего рода сенатские ведомственные комиссии при магистратах.

Во II в. до н. э. было модным считать разумным такое государственное устройство, в котором сочетаются три принципа: монархия, аристократия и демократия. Самое яркое применение этой теории встречаем мы у Полибия в общей его характеристике римского государственного строя. Карфагенский строй, по Полибию, походил на римский и в существе своем был строем превосходным, но, согласно другой теоретической предпосылке, он изжил самого себя: «Карфаген уже отцветал в это время, а Рим, по крайней мере в отношении государственных учреждений, находился в самом цветущем состоянии» (Polyb., VI, 51, 5). Современник Полибия и известный ненавистник Карфагена Катон, как об этом свидетельствует один из комментаторов «Энеиды», также считал, что в Карфагене разумно сочетается власть народа, оптиматов и царей (Deut. Serv., In Aen., IV, 682).

Итак, античные теоретики карфагенского строя признавали власть народа одним из главных элементов карфагенского политического устройства. Аристотель видел даже в Карфагене элементы демократического (в отрицательном, по Аристотелю, значении этого понятия) строя: когда были разногласия среди геронтов, то решающий голос принадлежал народу. Ни о том, кто мог участвовать в народном собрании, ни о том, кем, в каких случаях и в каком порядке оно собиралось, — сведений у нас нет. Есть основания предполагать, — основываясь и на тех отрывочных сведениях из карфагенской истории, какие нам дают отдельные авторы, и на тех общих заключениях, какие содержатся у Аристотеля, что народное собрание в Карфагене играло самостоятельную роль в период кризисов, в период раскола среди знати, в прочее же время оно находилось под влиянием аристократии. Несомненно, что свободное население Карфагена, так же как и аристократические его слои, было заинтересовано в расширении его владений; правящая олигархия принимала частичные меры к удовлетворению его нужд: она отправляла людей в колонии, она посылала их, как об этом свидетельствует Аристотель, в окрестные города (Pol., II, 8, 9; VI, 3, 5). Во всяком случае политика экспансии не встречала сопротивления со стороны карфагенского демоса.

В последний период карфагенской истории демос оказывал большее влияние на ход политических событий, чем в предшествующие эпохи. Но, судя по тем данным, какие у нас имеются, роль народного собрания в Карфагене была значительно меньше, чем в Риме, не говоря уже о демократических Афинах.

Все нити управления находились в руках правящей аристократии, или, употребляя античные термины, плутократии, потому что торговля, приток материальных ценностей — все это привело к тому, что иные отношения, кроме богатства и бедности, отошли на задний план. Знатность, лишенная богатства, не имела, видимо, в Карфагене значения. Лица, принадлежащие к этой высшей в социальном отношении группе, носят в источниках название *ἐυδοτοί, ἄριστοι, ἐπιφανείς, ἐπιφανέστατοι, nobiles, optimates*¹; в пунических надписях, относящихся к карфагенской эпохе, представители знати охотно перечисляют своих знатных предков. Эпиграфические данные указывают также на то, что различные официальные должности и жреческие места переходили по наследству из поколения в поколение. Среди аристократии возвышались наиболее видные *οἱ πρῶτοι ἄνδρες, principes, primi civitatis*², а среди

¹ Polyb., I, 46, 4, 86, 6; XI, 3, 3; App.; Lib., 48, 55; Diod., XIX, 106, 2; XX, 8, 4; XXIII, 12, 1; Liv., XXI, 50; XXII, 58; XXIII, 41; Cic., de offic., III, 26, 99.

² Polyb., I, 31, 5; Liv., XXI, 2; XXXII, 26.

них выделялось всего лишь несколько фамилий, игравших выдающуюся политическую роль на протяжении всей карфагенской истории.

Такого сочетания наследственной иерархии с плутократическим началом мы не найдем в других античных государствах.

VI. Социальные противоречия в пуническом Карфагене

Внутренняя политическая история Карфагена до середины III в. нам мало известна. Мы не слышим о борьбе между плутократией и демосом, последний не выступает как самостоятельная сила подобно афинскому народу или римским плебейм; борьба происходит внутри господствующей плутократии; больше всего данных об этой борьбе сохранилось у Юстина, нужно, однако, заметить, что сведения Юстина носят во многих случаях анекдотический характер.

Несмотря на скудость наших источников есть основания утверждать, что Карфагенская держава создавалась крупными конквистадорами, принадлежавшими к выдающимся родам, но тем не менее вступавшими нередко в конфликт с правящей знатью. Одним из первых известных в истории деятелей Карфагена был Малх. Он успешно воевал в Африке и Сицилии, но потерпел поражение в Сардинии и за это осужден был на изгнание. Не добившись прощения ни просьбами, ни угрозами, Малх высадился в Африке и после осады захватил Карфаген. Он наказал десять сенаторов, настаивавших на его изгнании, но пощадил остальных. Вскоре, однако, противники Малха усилились: обвиненный в стремлении к тирании, он был казнен (*I u s t.*, XVIII, 7).

После него в течение трех поколений преобладающее значение имела фамилия Магонидов. О деятельности Магона говорит Ю ст и н: «его прилежанием усилилась власть карфагенян, расширились границы державы и возросла военная слава» (XVII, 7, 9). В другом месте Ю ст и н (XIX, 1,1) называет его создателем карфагенской мощи (*Mago, Carthaginiensium imperator... imperium Poenorum condidisset*).

После Магона осталось два сына: Гасдрубал и Гамилькар, продолжавших дело отца. С их деятельностью связаны войны в западном Средиземноморье (Гамилькар погиб при Гимере) и в Африке, сначала неудачные, а потом победоносные, закончившиеся образованием Карфагенской континентальной державы. Руководителем в борьбе против туземных африканских племен был Ганнон, бывший деятельным представителем Магонидов. Упадок Магонидов начинается в середине V в., но еще в 410 г. праправнук Магона Гимилькон руководит экспедицией в Сицилию.

Подобно Малху, Магонидам нередко приходилось вступать в конфликты с правящей аристократией. Поскольку фамилия, давшая столько полководцев, утверждает Ю ст и н (XIX, 2, 5—6), представляла опасность для свободы государства, избрано было из числа сенаторов сто судей, которым полководцы должны были делать отчет по окончании каждой войны.

Некоторым из Магонидов пришлось поплатиться в результате их самодержавной политики. Гискон, внук Магона, был изгнан и бежал в Сицилию. Ганнон, создатель карфагенской державы в Африке, также погиб в результате происков аристократии (*I u s t.*, XXII, 7, 10).

В IV в. нередко случалось, что во главе государства стояло два враждующих между собою политических деятеля. Политическая вражда вела иногда к настоящему предательству. В середине IV в. во главе государства стояли Ганнон, прозванный Великим, и Суннат. Последний был связан с сицилийским тираном Дионисием и в письме сообщил ему о том,

что Ганнон готовится к походу в Сицилию. Суниат был осужден как предатель, и карфагенский сенат вынес после этого постановление, гласившее, что ни один карфагенинин не должен учиться ни писать, ни говорить по-гречески, чтобы не иметь возможности ни разговаривать с врагом, ни писать ему без переводчика (*I u s t.*, XX, 5, 12).

Но вскоре погиб насильственной смертью и соперник Суниата Ганнон Великий. Ю с т и н рассказывает (XXI, 4), что Ганнон хотел освободиться от сената и решил устроить это в день свадьбы своей дочери. Народу предназначалось угощение под портиками, сенаторы же должны были пировать в доме самого Ганнона, и для них приготовлен был отравленный напиток. Рабы Ганнона выдали заговор карфагенским магистратам, но те не решились привлечь Ганнона к ответственности, а ограничились лишь тем, что установили предельную сумму, какую можно было истратить на свадьбу.

Поскольку постановление это помешало Ганнону осуществить свой замысел, он решил привести его в исполнение насильственным путем и с этой целью призвал к свободе и вооружил 20 000 рабов, занял с ними укрепленное место и обратился с призывом к ливийцам, а также мавританскому царю. Однако Ганнон не мог устоять против карфагенского войска и был захвачен своими противниками. В присутствии народа его наказали розгами, вырвали ему глаза, отрубили руки и ноги и лишь после этого лишили жизни. В рассказе этом есть и фантастические черты; занимательные подробности приданы ему были, вероятно, Тимеем, от которого через посредство недостаточно известных нам источников они перешли к Юстину и О р о з и ю (IV, 6, 16—20). Но в основе своей версия, касающаяся заговора Ганнона и его гибели, очевидно, правильная, ибо указание на попытку со стороны Ганнона произвести в Карфагене тиранический переворот есть у А р и с т о т е л я (*Pol.*, V, 3, 2).

Сам по себе факт этот, несомненно, очень важен для истории Карфагена. В нем обнаруживаются главные противоречия карфагенского строя: и противоречие между рабами и рабовладельцами, и противоречие между господствующим народом и покоренным населением, и противоречие внутри господствующего класса. В основе своей конфликт возник в недрах господствующего класса, но во взаимной борьбе рабовладельцы склонны были иногда обращаться и к рабам и к покоренному населению.

Полиен говорит об осуждении двух братьев: Гамилькара и Гискона. Первый был победителем во многих сражениях, но, обвиненный в попытке установить тиранию, был предан смертной казни. Гискон был сначала выслан, но потом был возвращен, получил широкие военные полномочия и вернулся победителем. Своих врагов он подверг публичному бесчестью, но сохранил им жизнь. Однако в последующих войнах Гискон терпел неудачи и снова был выслан (*Strateg.*, V, II). Диодор (XVI, 81, 3) говорит о Гисконе, сыне Ганнона Великого. Вполне возможно, что и Гамилькар и Гискон были детьми Ганнона, семья которого, как в свое время Магонида, занимала руководящее положение в государстве (*Gsell*, ук. соч., 248).

Другой полководец, Гамилькар, ради своих честолюбивых замыслов, помог Агафоклу захватить власть, за что и был осужден карфагенским сенатом (*I u s t.*, XXII, 3). Племянник Гамилькара Бомилькар потерпел поражение в битве с Агафоклом, вторгнувшимся в Африку. Через некоторое время под предлогом смотра Бомилькар собрал армию около пунического Неаполя. Отбрав надежный отряд из граждан и наемников, он провозгласил себя тираном, и солдаты его убивали всех, кто встречался на пути. В Карфагене, где появились войска Бомилькара, началась паника, но отрядам знатной молодежи, организованным по инициативе Сената,

удалось прекратить мятеж. Бомилькар был разбит у Неаполя (D i o d., XX, 43, 2; 44, 1—6) и распят на кресте (Iust., XXII, 7, 8—11).

Даже эти сведения о внутренней жизни Карфагена заставляют подвергнуть сомнению положение Аристотеля, утверждавшего, что разумное государственное устройство не допускало в Карфагене перехода к тирании. Попытки захватить власть возникали неоднократно, но они разбивались о мощную олигархию, разделенную на партии и котерии, но объединявшуюся, когда грозила опасность со стороны того или иного могущественного полководца, который опирался нередко на малоимущие и неимущие слои населения.

Еще меньше соответствует действительности утверждение Аристотеля, что карфагенская полиция предохраняла государство от восстаний.

После образования карфагенской континентальной территории отчетливее стали сказываться противоречия между рабами и рабовладельцами. Если до того рабы были заняты в городе и рассеяны по многим домам, мастерским, лавкам, кораблям и докам, то теперь они сосредоточены были в крупных поместьях. Опасность представляло и туземное ливийское население, потерявшее независимость и в массе своей превращенное в полувисимых крестьян.

Термин «ливийцы» у Геродота употребляется в отношении всех племен, живущих от Нильской долины до Гибралтарского пролива. Впоследствии это название стало употребляться в ином значении. Видимо, из более известных нам авторов Тимей, затем Полибий, а за ними уже Диодор и Аппиан считают ливийцами туземные племена, подвластные Карфагену. До II в. почти одни только они из всех туземных жителей Африки занимают земледелием. Римляне дали им название *Agri*, слово, этимология которого неизвестна. Независимые от Карфагена берберийские племена начиная с IV века называются ливийцами в отличие от нумидийцев.

Историю туземных племен и историю Карфагена нельзя рассматривать как два параллельных, независимых друг от друга ряда. Значение Карфагена в истории Северной Африки заключалось в том, что под влиянием его процесс разложения первобытно-общинного строя и процесс классообразования происходил быстрее. Развитие шло интенсивнее у тех племен, которые жили вблизи карфагенской территории. Племенные объединения перерастают в более или менее прочные объединения типа военных демократий.

Но образование берберийских «царств» не вело еще как-то автоматически к вытеснению и к гибели Карфагена. Последний сохранял значение экономического и культурного центра Северной Африки. В новых политических образованиях усваивалась пуническая культура, на их территории развивались города с ливиио-финикийским населением и ливиио-финикийскими порядками; тем не менее развитие туземных царств было, несомненно, одним из внешних противоречий карфагенской истории. Оно усугублялось противоречием внутренним. На карфагенской территории Африки сидели племена, близкие нумидийцам по языку и по культуре и готовые всегда оказать им поддержку.

Соседство нумидийцев особенно опасно было в периоды внешнеполитических затруднений Карфагена. После поражения, нанесенного в Сицилии Дионисием Старшим карфагенскому полководцу Гимилькону, поднялись ливийцы, к которым присоединились рабы. Восставшие, число которых Диодор определяет в 200 тыс. чел., сосредоточились около Туниса. Вначале карфагенские войска были разбиты; лишь в результате жестокого напряжения всех сил удалось подавить восстание (D i o d., XIV, 77, 1).

Когда Агафокл был в Африке, карфагеняне (в 309 г.) организовали экспедицию против нумидийцев (D i o d., XX, 43, 2), желая тем самым продемонстрировать свою мощь и предотвратить возможность союза их с Агафоклом, но тем не менее некоторые племена вступили с Агафоклом в союз (D i o d., XX, 55, 3).

В период Первой пунической войны, во время вторжения Регула, нумидийцы нападали на карфагенскую территорию, «причиняя стране, по словам П о л и б и я (I, 31, 2), не только не меньший вред, нежели римляне, но скорее больший». С особенной же остротой сказались все противоречия во время движения 241—238 гг., которое отнюдь не было лишь восстанием наемников, как принято его трактовать.

Обзор внутренних и внешних событий карфагенской истории до начала III в., общая характеристика социально-экономических отношений, сложившихся к этому времени, убеждает в том, что нет никаких оснований игнорировать историю мощной африканской державы, заявлявшей одно время претензии на гегемонию в западном Средиземноморье.

Политический строй Карфагена любопытен в том отношении, что он во многом напоминает строй греческих городов. Город-государство, равно как объединение полисов под властью центрального города-государства («симмахия») оказываются, таким образом, явлениями, присущими не только греко-латинскому миру, а встречаются у народа, происходящего из наиболее распространенной в древности семьи восточных народов. Таким образом, отнюдь не этнические особенности, а совокупность определенных социально-экономических условий определяет политическое развитие.

Но вместе с тем в карфагенском развитии есть и особенности. Народ торговый по преимуществу в начале своего развития, карфагеняне обращаются к земледелию, используя и развивая технику сельского хозяйства и эксплуатируя в широких масштабах труд рабов. «Рациональная», другими словами, беспощадная эксплуатация рабов в наиболее отчетливой форме появилась именно в Карфагене.

На определенной ступени развития изолированная жизнь полисов препятствовала развитию рабовладельческого общества. Объединительные попытки были отнюдь не проявлением героизма и стратегических способностей отдельных полководцев, а диктовались объективными условиями. Держава сиракузских тиранов ограничивалась территорией, населенной по преимуществу греками или народами, находившимися под греческим влиянием. Карфаген сделал первую попытку принудительного объединения под свою властью различных областей западного Средиземноморья. В этом отношении он был предшественником Рима, с которым ему пришлось повести длительную борьбу, составляющую самое крупное событие в истории всего III ст. до н. э.

Я. А. Ленцман
ДАР МАСИНИССЫ

(К вопросу о хлебной торговле Делоса в начале II в. до н. э.)

Свыше шестидесяти лет назад, в самом начале крупных археологических раскопок на Делосе, французским ученым, работавшим под руководством Т. Омолля, посчастливилось найти среди множества других эпиграфических памятников три надписи, свидетельствующие о наличии связей между далекой Нумидией и островом Аполлона уже в первой четверти II в. до н. э. Эти надписи, связанные так или иначе с так называемым даром Масиниссы храму Аполлона, были опубликованы Омоллям в ВСН за 1878, 79 и 82 гг. Первые две из них—это посвятельные тексты, составленные в честь Масиниссы делосцем Гермоном¹ и родосцем Хармилом², третья надпись—отчет гиеропеев—администраторов делосского храма за 179 год³.

Со времени опубликования этих надписей дар Масиниссы широко интерпретируется вот уже в течение 70 лет во всех исследованиях по экономике эллинизма. Обычно его связывают с политическими замыслами царя Нумидии, приписывая ему планы захвата хлебного рынка не только Делоса, но и всего восточного Средиземноморья для нумидийской пшеницы. Часто здесь видят показатель связей делосской хлеботорговли с западной половиной Средиземноморья.

Так, например, автор последней специальной монографии об истории Делоса, вышедшей в свет 15 лет назад, Лэдло пишет: «Делос в начале III в. был важным центром покупки и продажи пшеницы, а так как западный мир был источником снабжения, то Делос все более вовлекался в связи с западом; Нумидия, царем которой был Масинисса, представляла собой крупный центр производства пшеницы»⁴.

Кэстер отмечает, что «в 179 г. делосцы при посредничестве трех дельфийских (описка Кэстера, должно быть делосских.—Я. Л.) ситонов и родос-

¹ Надпись Гермона—публикация Омолля в ВСН, III (1879), стр. 469, № 1. Затем была помещена Русселем в IG, XI, под номером 1115; SIG³ 652 и, наконец, Дюрбаком в «Choix d'inscriptions de Délos», под № 68.

² Надпись Хармила публиковалась соответственно теми же издателями в ВСН, II (1878), стр. 400, № 8; IG, XI, 4, 1115 и Choix, № 69.

³ Отчет гиеропеев за 179 год, называемый обычно по имени делосского архонта-эпонима, отчетом Демара, был опубликован впервые Омоллям с обширным комментарием в ВСН, VI (1882), стр. 1—167, а затем в IDD, под № 442. В отчете Демара дару Масиниссы посвящены 100—106 строки текста.

⁴ W. A. Laidlaw, A history of Delos, Oxford, 1933, стр. 127.

ского посла обращаются к царю Масиниссе и получают от него большой дар хлебом»¹. В примечании Кэстер указывает, что этот хлеб не был роздан, но продан ниже рыночных цен.

Наконец, Дэй, автор последней, вышедшей в 1942 г. монографии², заявляет, что в тяжелые годы Афины (а не Делос.—Я. Л.) привозили хлеб из Нумидии и «ради этого в первой половине II в. хлеб грузился на корабли в Нумидии для перевозки его на восток» (ук. соч., стр. 45), и что Масинисса лелеял планы «обеспечения рынка сбыта для хлебных излишков на грядущие годы» в восточном Средиземноморье. «У нас,—говорит Дэй,—нет доказательств для периода после 166 г. до н. э., но мы можем с почти полной уверенностью сделать заключение, что большие количества хлеба продавались и в то время на делосском рынке» (ук. соч., стр. 70). Обычно осторожный в своих предположениях Ларсен тоже считает, что Масинисса пыгался обеспечить себе на Делосе регулярный рынок сбыта для нумидийского хлеба³.

Ростовцев в своей последней большой работе о социально-экономической истории эллинистического мира несколько раз говорит о значении дара Масиниссы для восточного Средиземноморья. Сначала он просто указывает на то, что «стоит отметить также хлебный дар нумидийского царя Масиниссы» (SEHNW, стр. 232); затем заявляет, что хлеб царя-земледедла Масиниссы «ныне стал в изобилии появляться на Эгейском рынке» (там же, стр. 630). Наконец, в третий раз Масинисса уже характеризуется как «новый великий экспортер хлеба в старый свет» (там же, стр. 692).

Таким образом, мы видим, что в современной буржуазной историографии дару Масиниссы приписывается очень большое значение, как доказательству и в то же время показателю экономических связей между востоком и далеким западом Средиземноморского бассейна уже в первой четверти II в. до н. э., задолго до окончательного завоевания Востока Римом.

Судьба надписей о даре Масиниссы весьма показательна для очень и очень значительного числа эпиграфических памятников античности. В первый период после их нахождения они широко и, что особенно важно, внимательно изучаются и интерпретируются в целом и в частностях. Затем они попадают в общие труды; автор, руководствуясь своими воззрениями на общий ход исторического развития, ставит их в связь с другими явлениями и определенным образом их интерпретирует. Наконец, упоминания о данном факте переходят из одного труда в другой, обрастая догадками, гипотезами и, в конце концов, вымыслами. Среди великого множества последних часто теряются свидетельства самого источника.

Эта вторая и третья «жизнь» памятников древности особенно распространена и опасна в буржуазной историографии, которая, стоя в основном на модернистской точке зрения, уже а priori склонна до бесконечности преувеличивать значение всякого свидетельства об античной торговле. Как мы увидим в дальнейшем, эта же судьба постигла и интересующий нас дар Масиниссы.

Вышеуказанные три надписи являются, насколько мне известно, единственным свидетельством столь ранних торговых связей Нумидии с эллинистическим миром. Возникает законный вопрос, в какой степени дар Масиниссы может расцениваться, как показатель наличия развер-

¹ K. Köster, Die Lebensmittelversorgung der altgriechischen Polis, Berlin, 1939, стр. 64.

² J. D a y, An Economic History of Athens under Roman Domination, N. Y., 1942.

³ J. A. O. L a r s e n, Roman Greece, «An Economic Survey of Ancient Rome», т. IV, стр. 351.

нутой торговли между Нумидией и Востоком, а в частности, какую роль он сыграл в торговле и хлебном балансе Делоса. Вопрос этот тем более уместен, что среди нескольких сот специальных статей по отдельным проблемам Делоса нет ни одного исследования, посвященного дару Масиниссы¹.

Ввиду того, что известия о даре сохранились только в делосских надписях, мы вынуждены будем в дальнейшем рассматривать проблему связей Нумидии с Делосом прежде всего с точки зрения делосских данных, обращая основное внимание на значение нумидийского дара не для торговли самой Нумидии, а для хлебной торговли Делоса.

Данные наших источников о нумидийской торговле хлебом, относящиеся к началу II в. до н.э., весьма скудны и не дают возможности сделать каких-нибудь обоснованных документами выводов о планах завоевания хлебных рынков восточного Средиземноморья со стороны Масиниссы. Мы располагаем несколькими свидетельствами Диодора, Страбона и Аппиана о внимании, которое уделял Масинисса земледелию, и сообщениями Ливия о том, что Масинисса несколько раз снабжал римские армии на Востоке значительными партиями хлеба.

Эти данные свидетельствуют прежде всего о том, что Масинисса «приучил нумидов к гражданскому общежитию и к земледелию» (С т р а б о н, XVII, 3, 15). Диодор (XXXII, 17) добавляет к этому, что Масинисса, «оставил каждому из своих сыновей 10.000 плефров земли, снабженной всяческим сельскохозяйственным инвентарем». Аппиан (Lib., 106) тоже отмечает, что Масинисса «обработал много земли». Кроме того, Масинисса, по данным Ливия, четыре раза посылает значительные партии пшеницы и ячменя для прокормления населения самого Рима и римским войскам на востоке (Л и в и й, XXXI, 19, 2—4; XXXVI, 3, 1; 4, 5—6 и 9; XLII, 35 и XLIII, 6). Торговые соображения играли здесь незначительную роль, так как делалось это всегда по просьбе римлян, и Масинисса иногда отказывался от оплаты.

Никаких других данных о хлебной торговле Нумидии и тем паче о вывозе хлеба на Восток мы не имеем. Тем больше имеется у нас оснований считать делосский дар Масиниссы совершенно аналогичным вышеуказанным дарам того же Масиниссы Риму.

Что же фактически представляет собой делосский дар Масиниссы? Указанные тексты, особенно отчет Демара, дают нам возможность ближе определить его значение. Первые две надписи гласят:

[β]ασιλέα Μασαννά[σαν]
Βασιλέως Γαῖα
Ἐρμῶν Σέλωνος
τὸν αὐτοῦ φίλον
5 Ἀπέλλωνι
Πολιάνθης ἐποίησιν (Choix, № 68).

Βασιλέα Μασαννάσαν βασιλέως Γαῖα
Χαρμύλος Νικάρχου Ῥόδιος θεοῖς (Choix, № 69).

¹ Первоиздатель всех трех надписей Омолль ограничился в отношении первых двух текстов только краткими замечаниями, а в обширном комментарии к отчету Демара дан обстоятельный анализ доходов и расходов только храмовой кассы (ἱερὰ κιβωτός). Исследованию поступлений в городскую кассу (δημοσίη κιβωτός) Омолль обещал посвятить специальную статью; (см. BCH, VI; 1882, стр. 75), но так и не выполнил своего обещания. Как видно из нижепереведенного текста, все операции, связанные с реализацией дара Масиниссы, шли именно через городскую кассу и потому не были учтены Омоллем. Последующие исследователи также не останавливались более подробно на данных о даре Масиниссы.

Гермон, сын Солона, как мы увидим в дальнейшем, был одним из членов комиссии, избранной специально для реализации дара Масиниссы. Его надпись найдена на пьедестале статуи, посвященной им Аполлону. Сама статуя не сохранилась, но, судя по тексту, она представляла собой Масиниссу. Надпись сохранилась в хорошем состоянии. Личность скульптора Полианта нам ближе не известна.

Вторая надпись, составленная родосцем Хармилом, сыном Никарха, вызывает интерес прежде всего в связи с этнической принадлежностью Хармила. В 101 строке отчета Демара после слов καὶ ὁ πρεσβυτής Омолль оставил лауну, примерно из шести букв..А..N. Впоследствии Дюрбак прочел на месте этой лауны слово Ροδίωv. По всей вероятности, Хармил и является этим πρεσβυτής Ροδίωv. К вопросу об участии родосцев в делосской хлеботорговле мы еще вернемся в дальнейшем.

Но все же основные наши сведения о даре Масиниссы мы получаем из отчета Демара, где с даром Масиниссы связан следующий отрывок из данных о поступлениях в так называемую δημοσία κасса (городскую, в отличие от собственно храмовой: ἱερὰ κасса, касса). Соответствующее место гласит: «Во время нашего правления, в присутствии архонта города, секретарей и пританов данного месяца внесены были в городскую кассу также следующие другие денежные суммы:

Горшок с надписью: от (меняльного стола) Нимфодора и Гераклида при Демаре, в ленайоне-месяце. Внесена ситонами: Амном, Фаном и Филлаком, а также послом ..А..N цена 1484 медимнов и 9 гемиектов хлеба, что от царя Масиниссы,—4454 драхмы 1½ обولا;

Другой горшок с надписью: от (меняльного стола) Эллина и Мантинея, при Демаре в артемисионе-месяце. Внесено в храм Гермоном, сыном Солона, Семом, сыном Космиада, и Солоном, сыном Метонима, за цену хлеба, что от царя Масиниссы, согласно решению демоса—2530 драхм;

Другой горшок с надписью: от (меняльного стола) Филона и Силена, при Демаре в артемисионе-месяце. Внесено в храм Гермоном, Солоном и Семом за цену хлеба, что от царя Масиниссы, согласно решению демоса—375 драхм;

Другой горшок с надписью: от (меняльного стола) Нимфодора и Гераклида, при Демаре в артемисионе-месяце. Внесен Гермоном, Солоном и Семом остаток цены 1311 медимнов 9 гемиектов медимнов (должно быть хлеба—σίτον, вместо ραδίμνοv.—Я. Л.), что пожертвован царем Масиниссой, согласно решению демоса—2560, драхм 3¾ обола».

Прежде всего отметим, что все взносы, поступающие от реализации дара Масиниссы, передаются в городскую кассу. В начале II в. в денежном хозяйстве делосского храма и самого полиса происходят довольно значительные изменения. В отличие от обычной освященной вековой традицией формы отчетов гиеропеев, свидетельствующей о наличии на Делосе одной общей кассы храма и города, во II в. до н. э.¹ впервые появляется новая, более сложная форма отчетности, свидетельствующая о наличии двух отдельных касс: храмовой—ἱερὰ и городской—δημοσία. На основании отчета 192 г. можно сделать вывод, что в то время, повидимому, существовал даже особый, выделенный из δημοσία, третий—специальный хлебный фонд σιτωνικόν². Судя по отчету Демара, в 179 году наступила новая реорганизация: σιτωνικόν перестает существовать в качестве самостоятельного фонда, и все его ресурсы передаются в городскую кассу с указанием на целевое назначение фонда—εἰς σιτωνίαν.

¹ Точнее говоря, с 192 г. до н. э. (отчет Поликсена; см. BCH, XXXV, 1911 = IDD, 399, А, стк. 69—73).

² Л а р с е н, ук. соч., стр. 345—347.

Об отделении городской кассы от храмовой свидетельствует прежде всего формула записи поступлений. В ней перечисляются лица, присутствующие при официальной передаче сумм: архонт города, секретари и пританы данного месяца¹. Все они являются должностными лицами полиса. В отличие от этой формулы, свидетельствующей о самостоятельности городской кассы, в записях поступлений в храмовую кассу указываются наряду с магистратами полиса также работники храма: гиеропеи, а иногда и их секретарь².

Но все-таки четкого разграничения между обеими кассами все еще нет. Отчет по городской кассе включен фактически в общий отчет храма³. Пожалуй, наиболее показательно то, что городские казначеи (ταμίαι) вносят деньги непосредственно в храмовую кассу, минуя городскую⁴, причем указанная сумма вовсе не отмечается н и к о и м о б р а з о м в отчете по городской кассе.

Повидимому, разграничение функций между городской и храмовой кассами идет по линии целевого назначения расходов. В ведении городской кассы находятся расходы и доходы по таким позициям, как хлебный фонд, ремонт набережной, плата флейтистам, покупка картин и т. д. К компетенции храмовой кассы принадлежат прежде всего операции с имуществом храма, выдача ссуд, взимание процентов по займам, покупка предметов культа, оплата работников храма. Некоторые оплаты как, например, от меняльных столов (τῶν τραπέζων)⁵, вносятся и в храмовую и в городскую кассы (строки 47 и 85).

Общий итог отдельно по каждой кассе можно свести в следующую таблицу. В отчете по городской кассе отдельно выделен фонд εἰς σιτωνίαν, как имеющий для нашего анализа наиболее важное значение. В нижней строке указаны итоги реализации дара Масиниссы. Данные по фонду εἰς σιτωνίαν подсчитаны включительно с даром Масиниссы. В данные по городской кассе включены операции по хлебному фонду. Все числа даны в драмах.

Касса	Получено в начале года	Поступило	Илирасходо- вано	Сальдо в конце года
Храмовая	60.929	14.623	17.928	57.624
Городская	28.371	70.066	59.150	39.287
Хлебный фонд (εἰς σιτωνίαν) . . .	18.560	51.794	55.680	14.674
Дар Масиниссы		9.919		

¹ Отчет Демара: строки 99—100; та же буквально формула встречается и на строке 76, где речь идет о переводе денег из городской кассы в храмовую. Здесь кроме перечисленных должностных лиц города указаны еще имена двух гиеропеев: Синонима и Крития, которые, повидимому, лично взяли деньги из городской кассы для передачи их храму.

² Строки 2—3 отчета Демара

³ Отчет по городской кассе занимает строки 75—140 общего отчета Демара. Отчет по храмовой кассе разделен на две части: строки 3—75 дают общие данные о бюджете храма, затем следует отчет городской кассы, после чего продолжается храмовый отчет, но уже по конкретным финансовым операциям с недвижимым имуществом храма, налогами, покупками товаров и т. д.

⁴ Строки 26—27: вложили в храмовую [кассу] казначеи Кайбон и Мнесиклид в качестве возврата богу ссуды, взятой городом [Делосом].

⁵ В отчете Демара почти все финансовые операции, как городской, так и храмовой касс, производятся через посредничество трех меняльных столов (контор). В данном случае речь идет об уплате сбора, взимаемого с этих контор. В отчете строго различаются термины: ἀπό τῆς [τραπέζης], означающий взнос посредством конторы, и τραπεζῆς без предлога,—означающий взнос с самой конторы.

Какие выводы мы можем сделать из нашей таблицы? В о - п е р в ы х, тот, что, несмотря на меньшее количество средств, обороты городской кассы значительно больше, чем храмовой. По доходам они больше почти в 5 раз; по расходам—почти в 3,5 раза. В о - в т о р ы х, главную роль в оборотах городской кассы играет хлебный фонд. Он составляет 70% доходов и, что еще более многозначительно, свыше 94% всех расходов городской кассы. Единственный расход городской кассы, не связанный с покупкой хлеба,—это уплата флейтистам и хору, а также стоимость их пропитания и цена венка для победителя в соревнованиях—в общей сложности 3470 драхм¹. Кстати, и этот расход, как это следует из других делосских надписей, часто сводился до минимума, так как артисты иногда отказывались от оплаты, и деньги, предназначенные флейтистам, переходили нетронутыми из одного отчета в другой².

Таким образом, все расходы городской кассы фактически сводились к финансированию покупок хлеба. Мы вправе предположить, что само образование отдельной городской кассы было вызвано трудностями со снабжением хлебом и желанием освободить храмовую кассу от расходов, с ним связанных. Этот наш вывод находится в полном согласии со всеми сведениями о финансовой деятельности греческих храмов вообще, а делосской святыни в частности. В отличие от частных трапезитов, которые в расчете на большие прибыли финансировали иногда даже весьма рискованные предприятия³, храмы обращали внимание прежде всего на платежеспособность своих должников. Этим обусловлено, например, и то, что в случае неуплаты ссуды или арендной платы контрагентами храма, гиеропеи, заключившие договор, были обязаны возместить храму половину убытка.

Операции по покупке и продаже хлеба в связи с резкими колебаниями цен в начале II в. до н.э. были относительно рискованным предприятием, и храмовая администрация предпочитала отказываться от этого дела. Необходимость покупки больших партий хлеба для снабжения жителей острова вынудила городские власти Делоса образовать специальную городскую кассу, в фонды которой были включены суммы, предназначенные прежде всего на покупку хлеба.

В-т р е т ь и х, наша таблица наглядно показывает, какую роль играл дар Масиниссы в финансах Делоса. Весь фонд *εἰς σίτωνος* составлял не 55 680 драхм, как это могло бы казаться на первый взгляд, а, повидимому, только 18 560 драхм, поступивших в начале года и сразу же выданных ситонам. После покупки и продажи партии хлеба ситоны возвращают реализованную сумму в меняльный стол и затем при его посредничестве получают от кассиров такую же сумму 18 560 драхм для дальнейших оборотов. Такие выдачи происходят каждые 4 месяца⁴. Дар

¹ Строка 128: флейтистам—3000] [драхм], стоимость хорегий и победного венка—470 [драхм].

² О м о л ь в ВСН, XIV (1890), стр. 445—449; в частности см. прим. 3 на стр. 448.

³ Самой распространенной формой деятельности трапезитов были морские ссуды, характеризующиеся М и ч е л л о м (The economics of ancient Greece, Cambridge, 1940, стр. 345) как «наиболее распространенная, наиболее выгодная и одновременно наиболее азартная из всех банковских операций».

⁴ В ленайоне, таргелионе и буфонионе, строки 122, 129 и 132 отчета Демара. Л а р с е н (ук. соч., стр. 347) предполагает вопреки данным отчета, что весь хлебный фонд состоял не из 18 560 драхм, засвидетельствованных в отчете, но был даже значительно больше, чем $3 \times 18\,560 = 55\,680$ драхм, так как эта сумма по его предположению обращалась несколько раз в течение года в руках ситонов. Единственным аргументом Ларсена является соображение, что хлеб было выгоднее покупать большими партиями осенью

Масиниссы, увеличивший свободные хлебные фонды на 9919 драхм, давал возможность ситонам оперировать большими суммами и, таким образом, облегчал положение делосцев не только в 179 году, но и в дальнейшем время; оборотный капитал хлебного фонда увеличился благодаря дару почти на 50%.

В финансовых операциях, связанных с даром Масиниссы, постоянно упоминаются три пары трапезитов: Нимфодор и Гераклид; Эллен и Мантиней, а также Филон и Силен. Необходимо отметить, что все вообще графы поступлений в отчете Демара начинаются со слов ἀπὸ τῆς [τραπεζῆς], после чего следуют, как правило, имена двух трапезитов. Все поступления как в храмовую, так и городскую кассу идут через один из трех меняльных столов. Большинство расходов тоже производится в этом порядке.

С течением времени в руки трапезитов постепенно переходят все финансовые операции храма Аполлона. Уже в отчете Поликсена за 192 год до н.э. все доходы храма поступают в храмовую кассу только через три меняльных стола, с которыми имсют дело гиеропеи. Этот порядок продолжает соблюдаться, судя по отчету Демара, и в 179 г. до н.э.

Во избежание преувеличения роли трапезитов на Делосе необходимо все же подчеркнуть, что трапезиты никогда не финансируют ни храмовую, ни городскую кассу. Как следует из текста, они всегда играют роль хранителей вкладов для удобства своих контрагентов. Во всех графах, где говорится ἀπὸ τῆς [τραπεζῆς], всегда следует указание, от кого и за что получена данная сумма.

С другой стороны, трапезиты не всегда могли свободно располагать оставленными у них на хранение суммами. Деньги хранились в специальных горшках (στάμνοι), обычно запечатанных.

Денежное хозяйство храма на протяжении почти всего III в. очень громоздко и неповоротливо. Развитие обмена и значительное увеличение оборотных средств, а также рост трудностей в снабжении хлебом в III в. заставили в конце концов предпринять реорганизацию финансов полиса и храма, выразившуюся в привлечении к храмовым операциям частных трапезитов и в выделении особой городской кассы.

Это явление наблюдается не только на Делосе. Цибарт отмечает, что к концу III и началу II века в эллинистическом мире почти повсеместно: на Делосе, в Милете, Кизике, на Самосе, в Синопе и других местах, возникают городские «банки»¹. Характерными особенностями развития финансового хозяйства Делоса были—по мнению Цибарта—а) безопасность; б) всеобщий почет и с) накопление средств².

О значении дара Масиниссы свидетельствует косвенно и тот факт, что делосцы поручили продажу хлеба не только ситонам данного года: Амну, Фану и Филлаку, но также сочли нужным избрать³ специальную

и что вряд ли ситоны покупали хлеб в течение всего года. Мне это предположение Ларсена кажется абсолютно недоказанным. Сам факт выделения особой городской кассы, фактически только ради финансирования покупок хлеба, свидетельствует не только об апровизационных, но и финансовых трудностях Делоса. Вполне вероятно, что городу было не под силу мобилизовать дополнительных 37.000 драхм для финансирования более крупных покупок хлеба.

¹ E. Ziebarth, *Hellenistische Banken*, *Zeitschrift für Numismatik*, 1923, стр. 45.

² Ibid., стр. 39.

³ О том, что члены комиссии были избраны, а не назначены, свидетельствует то, что в тексте отчета каждое из трех указаний об их взносах сопровождается формулой *κατὰ τὸ ψήφισμα τοῦ δήλου*. Этой формулы мы не встречаем в свидетельствах о деятельности обычных ситонов.

комиссию в составе Гермона, сына Солона, Солона, сына Метонима, и Сема, сына Космиада. Последний является автором ряда декретов о проксении, его отец был архонтом Делоса в 197 году. Гермон, сын Солона, известен нам по тому же отчету Демара¹. Эта комиссия организовала продажу 1311 медимнов 9 гемиектов пшеницы. Реализованная сумма была внесена тремя частями по 2 530, 375 и 2560 $\frac{15}{24}$ драхм в течение одного месяца—артемисиона. Всего, таким образом, комиссией было внесено 5 465 $\frac{15}{24}$ драхмы. Хлеб продавался по цене 4 драхмы 1 обол за медимн. Ситоны этого года, которым была поручена продажа 1484 медимнов 9 гемиектов, реализовали 4454 $\frac{3}{12}$ драхмы: эта сумма была внесена в кассу в ленайоне (первый месяц 179 года). Хлеб продавался ситонами по цене 3 драхмы за медимн. Так как ячмень в это время стоил на делосском рынке в среднем 3,5 драхмы за медимн², а пшеница была в два раза дороже ячменя, то цены на нумидийскую пшеницу были в среднем 2 раза ниже рыночных³. Это полностью исключает предположение о коммерческом характере должности ситонов. Само собой разумеется, что их задачей было вести дела без дефицита, так как городу трудно было возмещать убытки. Все доходы городской кассы фактически шли на увеличение оборотного фонда *σισωνικόν*. Но целевое назначение фонда состояло именно в максимальном снижении хлебных цен и облегчении жителям города возможности покупки дешевого хлеба. Этим, вероятно, следует объяснить и то, что при благоприятном бюджете государственной кассы в 179 г. сальдо хлебного фонда было меньше, чем в начале 179 г. Ситоны получили большие фонды, чем годом раньше. Быть может, именно с этим характером функции ситонов связано и то, что они продавали нумидийскую пшеницу по три драхмы за медимн, в то время как вышеуказанная комиссия все же установила более высокую цену—4 драхмы 1 обол за медимн.

Как следует из текста, величина дара Масиниссы составляла 2796,5 медимнов пшеницы. Годовая норма потребления хлеба на одного взрослого мужчину составляла в древней Греции 7,5 медимнов. Следовательно, даром можно было обеспечить годовое пропитание 373 человек. Это, понятно, немалая сумма для населения Делоса, но все же трудно рассчитывать, что Делос мог серьезно развить свою «транзитную» хлеботорговлю на базе такого дара⁴.

¹ Строка 40: ссуда, которую уплатил Гермон, сын Солона,—606 [драхм] и проценты, которые он был должен,—242 [драхмы]. Судя по тому, что Гермон платит сразу проценты за 4 года и возвращает всю сумму долга, следует заключить, что его дела значительно улучшились в 179 году по сравнению с предыдущим годом. Долг был уплачен им во всяком случае до аресииона (одиннадцатый месяц делосского календаря). Операции по продаже нумидийской пшеницы были полностью завершены еще в артемиспоне (четвертый месяц). Вполне вероятно, что продажа пшеницы значительно ниже рыночных цен, была немаловажным делом для организаторов продажи.

² См. F. H e i c h e l h e i m, *Wirtschaftliche Schwankungen in der Zeit vom Alexander bis Augustus*, 1930, стр. 51.

³ Вот почему мне кажется неправильным утверждение Л а р с е н а (op. cit., стр. 346), что *σισωνικόν* носил коммерческий характер. Власти города при желании несомненно могли бы продать хлеб, полученный от Масиниссы, по значительно более высоким ценам, чем это было фактически сделано.

⁴ Теперь становится вполне ясным, сколь мало обосновано утверждение Дзя о том, что Масинисса этим даром не только поддержал делосскую хлеботорговлю, но даже снабжал Афины. Тем более безосновательно его заключение о большой хлеботорговле Делоса после 166 г. Что касается планов Масиниссы завоевать хлебный рынок восточного Средиземноморья, мы вынуждены ограничиться молчанием, так как фактически ничего нам об этом неизвестно.

Нам остается рассмотреть еще один вопрос, связанный с даром Масиниссы. В отчете Демара, наряду с именами ситонов и членов комиссии, продававшей нумидийскую пшеницу, фигурирует некий *πρεσβυτης Ροδίων*. Счастливая случайность, благодаря которой сохранилась до нашего времени упомянутая нами в начале надпись IG, XI, 4, 1116, позволяет нам с большой долей вероятности предположить, что этим родосским послом был Хармил. Характерно, что Хармил был не только посредником между Масиниссой и Делосом, — в этом не было бы ничего удивительного, — но то, что он наряду с ситонами участвует в продаже первой части дара Масиниссы и вместе с ними вносит деньги в городскую кассу Делоса.

Как известно, первые два десятилетия II в. являются апогеем родосской торговли. После побед римского оружия на Западе и Востоке, родосские купцы использовали свое положение друзей и союзников римского народа и не только захватили в свои руки торговлю восточного Средиземноморья, но, повидимому, старались вступить в связи и с далекой хлебобильной Нумидией. По всей вероятности дар Масиниссы был передан Делосу не без участия официальных представителей Родоса. Это тем более правдоподобно, что к этому же периоду относятся засвидетельствованные делосской эпитафией богатые пожертвования Публия и Люция Корнелиев Сципионов Аполлону Делосскому. А ведь Сципионы постоянно выступали как покровители Масиниссы еще со времени II Пунической войны.

С другой стороны, со второй половины III в. на Делосе все более усиливается влияние Родоса. Декрет делосцев, датируемый серединой века, ясно дает понять, что роль протекторов Киклад переходит к Родосу¹. Начиная с этого времени, родосцы постоянно посылают феории на Делос. Храмовые отчеты тоже свидетельствуют о большом количестве пожертвований родосцев Аполлону. Так, например, сохранилась надпись неизвестного родосского наварха, пожертвовавшего вместе с товарищами часть военных трофеев Аполлону (IG, XI, 4, 1135).

Число надписей в честь родосцев значительно увеличивается в начале II в. Имеется несколько делосских декретов этого периода в честь родосских навархов, в том числе два декрета упоминают о заслугах Анаксибия «представителя родосцев и начальника островов и кораблей островитян» (Ibid., 752—3). К этому времени относится декрет в честь Эпикрата, посланного Родосом со специальным заданием обеспечения безопасности Киклад вообще, а Делоса в частности (Ibid., 751). Данные надписей подтверждаются свидетельством Ливия, отметившего, что в начале II в. Родос превратил почти все Кикладские острова в своих союзников².

Характерно не только большое количество делосских декретов в честь родосских флотоводцев. Быть может, еще более показательно то, что родосские дельцы играют в это время все большую роль в финансовых делах Делоса. Оба декрета в честь Анаксибия были предложены Телеместом, сыном Аристиды, семья которого вообще как бы специализировалась на похвальных декретах в честь родосцев³. На Делосе действует в это время один из крупнейших современных трапезитов Афинодор

¹ IG, XI, 4, 596. Вероятно, с этим же декретом связано постановление островитян в честь родосского наварха Агатострата (ibid., 1128), разгромившего египетский флот одновременно с битвой при Андросе (Polyaen., V, 18).

² Liv., XXXI, 15, 8.

³ Дед Телеместа, также Телемест, в свое время был автором другого похвального декрета в честь некоего родосца (IG, XI, 4, 683).

родосец. Наконец, наибольшее количество делосских похвальных декретов периода независимости относится к Родосу—16 декретов. Только на втором месте стоят Афины с 11 декретами, на третьем Хиос с 10 декретами.

* * *

В настоящей работе прослежено значение дара Масиниссы для острова Аполлона. Привоз большой партии нумидийской пшеницы на Делос никоим образом нельзя расценивать как показатель широких экспортных планов Масиниссы, как доказательство значительной транзитной торговли Делоса и уж тем более как свидетельство снабжения Афин нумидийским хлебом через Делос.

Рассмотренные выше тексты рисуют совершенно иную картину взаимоотношений Нумидии с восточным Средиземноморьем и в частности использования дара Масиниссы.

Во-первых, дар Масиниссы имел прежде всего политическое значение, как средство приобщения властелина Нумидии к эллинистическому миру. Масинисса в этом отношении только следовал по стопам своих патронов Публия и Люция Корнелиев Сципионов, которые еще в 191 г. до н. э. почтили святыню Аполлона крупными дарами. Бесплатность дара лучше всего свидетельствует о том, что Масинисса преследовал не торговые, а политические цели.

Во-вторых, сами делосцы трактовали дар Масиниссы, как благодеяние для полиса Делоса, а вовсе не как объект торговли или спекуляции хлебом. Считая, что население острова составляло в то время около 5 000 человек, можно предполагать, что 2 796 медимнов могло хватить не больше, чем на месяц пропитания жителей Делоса. Нумидийский хлеб продавался по ценам на 50% ниже рыночных, причем весь доход поступил в городскую кассу, созданную, как мы видели выше, именно для финансирования покупок хлеба на прокорм местного населения.

В-третьих, получение и распределение делосцами дара Масиниссы является показателем значительных апровизационных трудностей, которые переживал в то время остров Аполлона и никоим образом не свидетельствует о наличии транзитной хлеботорговли на Делосе.

В-четвертых, активное участие родосских флотоводцев и торговцев в получении нумидийской пшеницы еще раз косвенным образом подтверждает незначительность и несамостоятельность делосской торговли в период, предшествовавший провозглашению *porto franco*.

Анализ текстов, связанных с даром Масиниссы, еще раз показывает, сколь не обоснованы зачастую бывают построения и гипотезы даже самых крупных буржуазных историков и сколь основательной проверки по источникам требует каждое их утверждение.

А. Ранович

«ГНОМОН ИДИОЛОГА»

(Из истории римского Египта)

I. Характеристика памятника и его значение

Папирус В I U V, 1 (= P. Meyer, *Jur. Pap.*, № 93) содержит документ большого исторического значения. Джонсон¹ считает его даже «важнейшим документом из до сих пор найденных в римском Египте». Эта оценка сильно преувеличена. Достаточно вспомнить, что к папирусам римского Египта относится «Афинская полития» Аристотеля (написанная на обороте этого папируса запись—почти за целый год—доходов и расходов имения Эпимаха также представляет значительный интерес). Но что «Гномон идиолога» заслуживает серьезного внимания, не подлежит сомнению.

Папирус, как видно из предисловия, представляет выдержки из гномона («тариф», «показатель», «справочник»), составленного Августом, и позднейших к нему добавлений, разъяснений и распоряжений, изданных императорами, сенатом, префектами Египта и руководителями *idios logos*, частной казны императора². Так как в ст. 36 упоминается Ἀντωνίνος Καίσαρ, ὁ κύριος без прибавления θεός (*divus*), то наш текст составлен при жизни Антонина Пия³.

Составитель гномона не ставил себе задачи дать полный перечень прав и обязанностей руководителя *idios logos* в виде систематического свода. Он хотел дать лишь краткий справочник, содержащий указания на образ действий должностного лица в наиболее часто встречающихся типичных случаях в практике идиолога; он собрал поэтому лишь τὰ ἐν μέσῳ κεφάλαια⁴, притом довольно беспорядочно. Хотя однородные законы и правила сгруппированы вместе (§§ 71—97—правила, касающиеся жречества и культа; §§ 5—15 относятся к наследственному праву, §§ 98—103—к по-

¹ A. Ch. Johnson, *Roman Egypt*, Balt., 1936, стр. 711.

² Об *idios logos* см. Plauemann, *Der Idios Logos*, B., 1917; он же, *RE*, s. v.; P. Meyer в *Festschrift für Otto Hirschfeld*, 1904, стр. 131 сл.

³ Попытка Uxküll-Gylleband (*Der Gnomon des Idios Logos*, B., 1922) отнести гномон ко времени М. Аврелия неубедительна.

⁴ Uxküll-Gylleband предлагает перевести ἐν μέσῳ «неясные», «сомнительные», однако из текста не видно, чтобы речь шла именно о сомнительных случаях; напротив, подавляющее большинство параграфов сформулировано вполне категорически, включая совершенно бесспорные законоположения. Кроме того, ἐν μέσῳ чаще всего означает «обычное», «часто попадающееся».

рядку оформления документов, §§ 27—33 касаются конфискации выморочного имущества, *caducorum vindicatio*, и т. д.), но этот принцип композиции не выдержан. Повидимому, вспоминая в процессе работы то или иное упущенное правило, автор вставлял его здесь же, не заботясь о том, чтобы найти для него надлежащее место. Поскольку автор и не собирался дать кодекс, не следует ожидать найти здесь последовательную и строгую систему. Иногда за распоряжением общего характера дается без надобности частное, логически из него вытекающее (§§ 58 и 59, 107 и 41).

Дошел до нас папирус в сравнительно хорошем состоянии. Если не считать отдельных испорченных мест, не поддающихся восстановлению (§§ 1, 2, 85, 90, 100, 112, 113), или дающих сомнительное чтение (§§ 52, 61, 97 и др.), введение к «Гномону» и 113 параграфов его читаются довольно хорошо. За сильно испорченными §§ 114 и 115 следует пропуск, обнимающий строки 253—270, в следующих 11 строках сохранились лишь отдельные буквы.

Мне кажется все же, что смысл строк 279—281 можно установить. В стр. 279 сохранилось *οἱ ὑποσ... οὐ... μ... ἀπα... οὐχέως*, в стр. 281—*ὑποσ...*. Очевидно, здесь речь идет об обещаниях (*ὑποσχέσεις*) или добровольных обязательствах, оставшихся невыполненными. Из Дигест, где есть специальный раздел *de pollicitationibus* (Dig., L, 12), мы знаем, что обещание в ряде случаев превращалось в настоящее обязательство, возлагаемое также на наследников, причем это касается не только пожертвований на муниципальные нужды, но и обетов (Dig., L, 12,2). Нечто подобное мы имеем, повидимому, в § 97 «Гномона», как увидим ниже. Я поэтому полагаю, что в последних строках «Гномона» содержится группа пунктов, относящихся к исполнению обещаний и обетов, затрагивающих государственные или общественные интересы.

Стр. 279¹ я считаю правильным реконструировать следующим образом: *οἱ ὑποσχόμενοι ἀρχύριον ὑπὲρ τῶν [δη]μ[οσίων δ]απα[νημάτων ἀφείλουσ]· τὰς ὑ[πο]σχέσε[ις]*, т. е. «обещавшие деньги на общественные расходы обязаны выполнить свои обещания».

Загадочным является § 52: *Ῥωμαίοις ἐξὲν Αἰγυπτίας γ...;* единственное возможное дополнение—*γῆμαι*, т. е. «римлянам разрешается вступать в брак с египтянками». Но римлянам как раз запрещалось вступать в *iustum connubium* с перекринками. П. Мейер высказал предположение, что здесь, может быть, речь идет о легализации брака ветерана. Но, во-первых, в тексте нет речи о ветеране, а дается формулировка в самом общем виде—*Ῥωμαίοις*. Во-вторых, и этому предположению противоречит известная нам практика. Издатели поэтому, начиная с Uxküll-Gyllenband'a, вставляют *οὐκ*—«не»—и читают *Ῥωμαίοις [οὐκ] ἐξὲν Αἰγυπτίας γῆμαι*. Вряд ли такое тривиальное положение уместно в «Гномоне», тем более, что № 46 уже предполагает невозможность *connubium* между римлянином и египтянкой. Далее, трудно поверить, что в таком коротком параграфе—всего четыре слова—пропущено такое существенное слово, как «не». Может быть, в самом деле составитель хотел указать, что сожителство (*connubium iniustum*) с египтянкой не влечет за собой штрафа или иного ущерба для римлянина (ср. §§ 45, 51, где за неравный брак устанавливается наказание).

Неясен и § 97: *οἱ αἰτησάμενοι ἀναδύματα πο[ιῆ]σαι κα...αντες κατεχρίθησαν σφ' ἐπὶ τῷ πο[ιῆ]σαι*. Мейер дополняет *κα...αντες* как *κα[ὶ πο[ιῆ]σαντες*,

¹ Ввиду того, что издателем не были точно указаны размеры лакун, восполняя их по смыслу. Несмотря на это, общий смысл восполненных мест не вызывает сомнений.

т. е. «взявшиеся изготовлять священные подношения и изготовившие» оштрафованы на 500 др.), и толкует эту неясную фразу в том смысле, что кто, в нарушение монополии жрецов(?), поставил себе задачу¹ изготовить священные возношения и действительно выполнил свое дерзкое намерение, штрафуется. Но совершенно невероятно, чтобы кара налагалась за намерение, а если намерение не наказуемо, то αἰτησάμενοι ποιῆσαι бессмысленно; да и о монополии жрецов никаких данных нет.

Поэтому издатели (в том числе Джонсон) предлагают читать καὶ πωλίσαντες, т. е. штрафу подвергаются лица, взявшиеся изготовить ἀναθήματα и продавшие их (кому?); но при этом остается без объяснения конец фразы ἐπὶ τῷ ποιῆσαι. Джонсон в своем переводе вышел из затруднения довольно просто — оставил последние три слова без перевода.

Мне кажется, что этот параграф может быть восстановлен вполне удовлетворительно, если читать не ποιῆσαντες или πωλίσαντες, а ἀργῆσαντες; в этом случае получится вполне логичное законоположение в соответствии с юридической практикой de pollicitationibus: «Взявшиеся изготовить священные приношения и проявившие бездеятельность (или отказавшиеся) оштрафованы на 500 др. с условием изготовить», т. е. штраф не освободил виновного от выполнения обязательства. Полагаю, что в этом смысле надо исправить изданный текст.

Необходимо еще остановиться на § 61: τῶν ἐναπογράφων δούλων ἢ ἐπ... ἢ δίδοται τοῖς δεσπότηαις, ἐάν περ μὴ δένα πέρων ἔχωσιν ἢ [ιμῇ] μόνους τοὺς δούλους.

В предшествующем параграфе говорится о том, что за регистрацию рабов у виновного эти рабы отнимаются. § 61 дополняет предыдущий разъяснением, что если рабовладелец не имеет другого имущества, кроме рабов, ему отдают «п...», что Мейер читает ἐπιγονή — «приплод», «потомство». Это чтение не удовлетворило других исследователей, полагавших, что малолетнее «потомство» конфискованных рабов никак не устраивает пострадавшего рабовладельца и, следовательно, такая «льгота» собственно ничего ему не дает. После Uxküll-Gylleband'a утвердилось поэтому другая конъектура ἐπαφή, в смысле manus iniectio. Конъектура эта, несомненно, остроумна сама по себе, но, мне кажется, здесь совершенно непригодна. В самом деле, что такое manus iniectio? Это — право кредитора наложить руку на должника, секвестровать, наложить предварительный арест на его личность. Это право предоставлялось в обеспечение бесспорного иска; его могло использовать и государство в отношении неисправного плательщика; но в данном случае получается, что, наоборот, должник — проштрафившийся рабовладелец — получает manus iniectio на рабов, ставших по закону собственностью казны. Такое положение вещей противоречит духу закона и административной практике. Кроме того (если принять чтение ἐπαφή) ведь рабовладельцу, очевидно, надо предварительно доложить властям, что у него нет другого πέρως, кроме рабов; но тогда уже manus iniectio была бы совершенно ненужной процедурой — просто следовало ему возвратить рабов.

Гораздо проще и яснее первое чтение ἐπιγονή. Идиолог отнюдь не заботился об интересах подданных, а лишь об интересах фиска; об этом говорит все содержание «Гнома» и все, что мы знаем о функциях idios logos. Идиолог готов отдать рабовладельцу малолетних детей конфискованных рабов, притом, вероятно, не из человеколюбия, а для того, чтобы сохранить за рабовладельцем πέρως и, таким образом, сохранить налогового плательщика, обязанного литургиями. Ἐπιγονή отнюдь не представляет не имеющей ценности обузы; в пап. BGU 193 восьмилетний раб

¹ αἰτέσαι к тому же означает «выпрашивать», «добиваться», а не «замыслить».

продается за 700 др., в пап. SB 6291 (143 г.) два раба 8 и 15 лет проданы за 2 250 др. Полагаю поэтому правильным сохранить предложенное Мейером чтение ἐπιγυνή; это правильнее и с точки зрения палеографической, так как между ἐπ и η имеется место, по крайней мере, для трех букв.

Составитель «Гномона» не стремился дать исчерпывающие указания о функциях *idios logos*. Он поэтому совершенно не затрагивает вопроса об управлении бесхозяйственными землями (ἀδέσποτα)¹, пустырями, бесплодной землей (χέρσος, ἄφορος), что составляло первоначально, при Августе, основную функцию *idios logos*. Его задача главным образом в том, чтобы дать руководящие указания насчет юридических положений, связанных с штрафами и конфискациями. Если он подробно останавливается на правах и обязанностях жрецов, то это, надо полагать, потому, что надзор за египетскими храмами был передан в ведение идиолога только при Адриане, и это дело было для аппарата идиологов новым.

Из 114 более или менее сохранившихся параграфов «Гномона» не менее 40 прямо говорят о штрафах и конфискациях; кроме того, параграфы, трактующие о наследствах (5 — 15, 28, 32, 34, 35, 38, 54), о смешанных браках (38, 39, 45—54, 57), о различных социальных статусах (40, 41—44, 53—56 и др.), также имеют в виду то или иное имущественное взыскание за нарушение правил, тот или иной повод для конфискации или штрафа. «Гномон» — прекрасный документ и для характеристики той политики беспощадного высасывания средств из населения, которую проводила Римская империя, в частности в Египте.

Из фискальных соображений римская власть поддерживала и консервировала исторически сложившиеся различия, сословные, племенные, локальные, создав для этого сложный бюрократический аппарат с привлечением населения к многочисленным тягостным литургиям.

«Гномон» различает следующие категории населения: 1) Р и м с к и е г р а ж д а н е, причем особо выделяются лица, получившие гражданство за военную службу, после *honesta missio*. К этой категории граждан, «Гномон» проявляет больше строгости, чем позднее Ульпиан. В § 55 мы читаем, что уволенные в отставку гребцы, за исключением служивших в Мизенском флоте, возвращаются в первоначальное состояние, если они были египтянами. Между тем Ульпиан (Dig., 37, 13, 1) утверждает категорически: *in classibus omnes remiges et nautae milites sunt*. 2) Э л л и н ы²; сюда относятся, надо полагать, граждане греческих полисов в Египте — Александрии, Навкратиды, Птолемаиды — и катэки, военные поселенцы, сохранившиеся в качестве особой группы «τῶν ἐν τῇ Ἀρσινόιτῃ ἀνδρῶν «Ελ-λῆων» 6475». 3) А л е к с а н д р и й ц ы; они отличаются от прочих эллинов тем, что они имеют свой полис, Александрию. Но и в самой Александрии различается еще группа бывших эфебов (§ 44); у нас нет данных о том, что прошедшие эфебию (ἐφρηβητάς), как и οἱ ἀπὸ γυμνασίου в египетских метрополиях — Оксирихе, Мемфисе, Гермуполисе и др. пользовались какими-либо реальными привилегиями; но они занимали более почетное положение, и недаром александрийские иудеи домогались права участвовать в играх, устраиваемых гимнасиархами, как это видно из письма Клавдия к александрийцам от 41 г. 4). Неясна категория ἀστοί, часто встречающаяся в «Гномоне». ἀστοί ниже римлян (§ 39), но выше египтян (§ 46, 47); ἀστοί имеют гражданские права (александрийские), как видно из § 47; в отличие от граждан Антинополя, они не имеют соп-

¹ Страбон, XVII, 497, 12: ἄλλος δ' ἐστὶν ὁ προσήγορεύμενος ἴδιος λόγος, ὃς τῶν ἀδεσπότην καὶ τῶν εἰς Κίχιαρα πίπτειν ὀφείλοντι ἐξεταστής ἐστιν.

² Поразительно категорическое утверждение Бикермана («Arch. Pap.», IX, 1928), будто эллины в «Гномоне» не упоминаются; он, очевидно, упустил § 18.

pubium с египтянками. Естественно было бы отождествлять их с александрийцами, так как именно Александрия называется ἀστοί, если бы в §§ 49—50 они явственно не различались как разные категории. Бикерман¹ высказал предположение, что ἀστοί обозначает александрийцев, не приписанных еще к определенному дему и потому именуемых пока по локальному признаку — горожане. П. Мейер указывает (к § 40) на существование в III в. до н.э. александрийцев τῶν οὐκ ἐπηγυμένων εἰς δῆμον. Однако эта категория еще не оформившихся граждан в знаменитом Пар. Nab., I² называется, в отличие от πολῖται, не ἀστοί, а πεπολιτωγραφημένοι; тот же термин применяется в том же значении в Малой Азии. К тому же ἀστοί занимают слишком много места в «Гномоне», чтобы можно было их считать случайной переходной категорией. Гораздо вероятнее, что ἀστοί — более общий термин, обозначающий не только александрийцев, но и граждан других египетских полисов. 5) Е г и п т я н е. Внутри этой категории «Гномон» никаких различий не делает между жителями метрополий и сельским населением. Поэтому приходится решительно отвергнуть высказанное некоторыми исследователями эдикта Каракаллы предположение о существовании разницы в правах городского и сельского населения после издания эдикта³.

Из перечисления и характеристики названных пяти категорий видно, как сложно и запутанно было деление населения на правовые группы; эллины перекрещиваются с александрийцами и ἀστοί, последние с александрийцами. Очевидно, при отсутствии кодекса гражданского права власти руководились разновременными указами, распоряжениями и разъяснениями императоров, префектов, идиологов, создавших разноречивую терминологию и оставивших широкое поле для административного произвола.

Кроме перечисленных основных социальных категорий, «Гномон» называет и чисто этнические и локальные группы: а) ж и т е л и К р е н н ы (§ 11), б) п а р э т о н и и (§ 57), в) о с т р о в и т я н е (§ 48); Шубарт полагает, что все это — местности на побережье и острова между Александрией и Киренаикой (Парэтония известна как местность в Мармарике); это, повидимому, местное неегипетское население, сохранившее кое-какие привилегии, несколько возвышавшие их над египтянами; г) с и р и й ц ы (§ 54); д) ч у ж е з е м ц ы (ξένοι); это — не иностранцы, а лица, живущие в чужом городе или селе. Поразительно, что иудеи, составлявшие в Египте около 1/7 всего населения и имевшие в Александрии свое πολιτεια, вовсе не упоминаются в «Гномоне». Не упоминаются и Πέρσαι τῆς ἐπιγονῆς, часто встречающиеся в папирусах. Это — лишнее подтверждение того, что эти, повидимому, потомки персидских военных поселенцев в римское время представляли уже не социальную и даже не этническую группировку: в Р. Meyer № 30³ (59 г.) мы находим «трех иудеев Πέρσαι: τῆς ἐπιγονῆς».

¹ E. Bickermann, A propos des astoi dans l'Egypte gréco-romaine, «Rev. de Phil.», N. S., 1927, № 1.

² Издан в «Dikaiomata», В. 1913.

³ Некоторые исследователи эдикта Каракаллы (Р. Giss, 40) продолжают повторять опровергнутый гиссенским папирусом тезис Моммзена, будто египетские крестьяне не получили гражданства. Этот тезис решительно должен быть отвергнут, хотя бы только на основании пап. 364 Mitteis-(133 Р. Meyer)-276 г., речь идет здесь о том, что Αἰρήλιος Παῦροςτι Σηγάου ἀπὸ κώμης Θεσφένιδος взял в аренду 56 коз. от Αἰρήλιου Παῦροςτι Καλαίου ἀπὸ κώμης Βουηλείας. Здесь оба контрагента — египтяне, носящие египетские имена, оба крестьяне (ἀπὸ κώμης) и оба — Аврелии, т. е. римские граждане.

Некоторые параграфы «Гномона» закрепляют племенную обособленность отдельных групп населения (§§ 34, 35, 57, 112).

Вольноотпущенники подлежат действию тех же правил, что и их патроны, поэтому «Гномон» различает вольноотпущенников римлян, ἑστέῖ и т. д. Отдельно названы Latini (§§ 22 и 26) и вольноотпущенники по lex Aelia Sentia (§ 20).

Эта сложная и запутанная иерархия создавала, при неизбежности смешанных браков и вытекающих из них имущественных и наследственных прав, бесчисленные поводы для правонарушений, которыми пользовалась казна для конфискации и штрафов. «Кто титулует себя (в деловых документах) несоответственно положению, штрафуются на четверть имущества, а их сообщники и контрагенты штрафуются на четверть имущества» (§ 42); а ведь при отсутствии опубликованного кодекса египтянин вряд ли мог разбираться точно, к какой группе он принадлежит, кому он вправе завещать свое имущество, от кого—получать наследство.

Особенно велик штраф за нарушение государственной монополии на масло; гимнасиарх, получивший разрешение на ввоз масла и продажу оставшегося излишка по твердой цене, уплачивает в случае нарушения этого правила колоссальный штраф в 20 талантов (§ 102).

Римляне стремились держать Египет в изоляции от остального мира. Август запретил сенаторам и знатым всадникам въезд в Египет, а когда в 19 г. Германик посетил Египет в качестве туриста, Тиберий его за это упрекал. Египет сохранил свою валюту с принудительным курсом. «Гномон» (§ 106) запрещает менять деньги по курсу выше официального. Выезд из Египта был затруднен. Для выезда морем надо получить разрешение, паспорт (ἀπόστολον) и еще какие-то документы (§ 68)—вероятно, об уплате пошлин. За выезд при наличии разрешения, но без паспорта виновный платится третью имущества, а если он при этом вывозит рабов без пропуска, у него конфискуется все имущество (§ 66).

Хотя Египет, вероятно, экспортировал рабов-эфиопов, на которых был спрос в Италии, но вывоз рабов из самого Египта находился под строгим контролем, так как внутренние ресурсы для рабства были ограничены. Повидимому, вывоз рабов, рожденных в доме (οἰκογενής), был особенно затруднен или даже запрещен: § 67 устанавливает тяжелую кару за сокрытие при регистрации или продаже рабов, «чтобы вывезти их морем», того факта, что они были рождены в доме господина.

Конечно, не все правила, установленные гномоном Августа и его преемников, соблюдались. На практике их умели обходить иной раз. «Гномон», например, запрещает взимать по займам больше 12% годовых, устанавливая кару в виде конфискации половины имущества займодавца и четверти—дебитора. Но экономические потребности были сильнее закона, который не соблюдался в Египте так же, как в Риме или на Кипре. Несмотря на обязательность регистрации деловых документов в Египте (§§ 99—101), некая Ирена, например, занимает 600 серебряных птолемеевских драхм из 18%, с уплатой в случае просрочки 2% в месяц (Mitteis, Chrest., № 103).

Деятельность аппарата идиос логос давала должностным лицам достаточно поводов для злоупотреблений. В частности, при конфискации и продаже с аукциона имущества правонарушителей должностные лица могли соблазниться, пользуясь своим положением, приобретать сами или через подставных лиц конфискованное имущество по дешевой цене в ущерб казне или даже под каким-нибудь предлогом конфисковать, чтобы приобрести для себя приглянувшееся им имение. § 70 «Гномона» гласит: «Занимающим государственные должности и их близким не разрешается совершать покупки и давать займы в округах, где они служат,

ни от *ὑπόλογος*¹, ни от поступающей на аукцион земли во всем номе; подставные лица в таких случаях привлекаются к такой же ответственности, а приобретенное имущество иногда конфисковалось». В Дигестах это положение сформулировано более решительно: «Если что приобретено наместником или прокуратором, или любым другим должностным лицом в провинции, где он управляет, пусть даже через подставное лицо, сделка объявляется недействительной и стоимость ее вносится в казну» (Dig., 49, 14, 46, 2; ср. 18, 1, 46).

«Гномон идиолога» интересен прежде всего для историков права, но представляет и общеисторический интерес, давая живое представление о социальной структуре Египта и о политике Рима в провинции.

«Гномон идиолога» — образец бюрократического творчества римских властей, стремившихся использовать старые, отживающие сословные и племенные различия для усиленной эксплуатации императорской вотчины — Египта. Эта система управления Египтом находилась в противоречии с экономическими интересами империи, требовавшими, наоборот, отмены всех этих перегородок, тормозивших нормальное развитие. Экономические интересы в конечном счете проложили себе путь, и эдикт Каракаллы, предоставив всему свободному населению империи, в том числе египтянам, права римского гражданства, политически завершил процесс нивелирования, бывший одним из крупнейших достижений Римской империи. Но в быту еще долго сохранялись укоренившиеся сословные предрассудки, и еще в середине III в. египтяне подают заявления о причислении их к привилегированной категории, которая реально ничего не давала, но продолжала тешить самолюбие.

II. «Гномон идиолога» (BGU, V, 1). Перевод

Я подобрал и даю в твое распоряжение основные пункты гномона, который божественный Август установил для управления *ἰδίος λόγος*, и добавлений, сделанных к нему рукой императоров, сената, префектов в то или иное время или идиологов, чтобы ты, подкрепив свою память сжатой записью, мог быстрее справляться со своими обязанностями.

§ 1. При конфискации имущества фиск не принимал во внимание могильники. Но божественный Траян, узнав, что к явному обходу интересов фиска и заимодавцев (должники) слишком много уделяют внимания могильникам, оставил им памятники, но приказал продать могильные садики и т. п. и, имея в виду только должников фиска,..... разрешил, чтобы погребение оставались, какими были.

§ 2. неотчуждаемые могильники никому не разрешается продавать кроме как римлянам, ибо божественный Адриан установил, что в отношении римлян ничто не бывает неотчуждаемым.

§ 3. Четвертая часть имущества лиц, на которых подано идиологу заявление . . . , секвеструется.

§ 4. Имущество умерших без завещания и не имеющих законных наследников переходит к фиску.

§ 5. Имущество, завещаемое александрийцами лицам, не имеющим на то права, переходит к тем, кто по закону может им наследовать, если таковые есть и они заявляют свои права.

¹ *ὑπόλογος* — непригодная земля — не ставилась на аукцион, а продавалась желающему без торгов, просто (*ψιλῶς*).

§ 6. Александрийцу не разрешается завещать жене, от которой у него нет детей, больше четвертой части своего имущества; если же у него есть от нее дети, он не может уделить ей больше, чем завещал каждому сыну.

§ 7. Завещания, составленные не по официальной форме, недействительны.

§ 8. Если в завещании римлянина добавлено, что «все, что я завещаю на греческих табличках, пусть имеет силу», оно не принимается во внимание, ибо римлянину не разрешается писать греческое завещание.

§ 9. Вольноотпущенникам τῶν ἀστῶν, умершим бездетными и не оставившим завещания, наследуют патроны и их сыновья, если таковые есть и заявляют свои права; дочери же или другое лицо не наследуют, а [наследство получает] фиск.

§ 10. Все, что завещает вольноотпущенник лицу, не принадлежащему к той же категории, переходит к фиску.

§ 11. Женщина из Крены не наследует ребенку.

§ 12. Дети, рожденные от креники и чужака, наследуют обоим родителям.

§ 13. Дети, рожденные от ἀστῆς и ξένος, становятся ξένοι и не наследуют матери.

§ 14. ἀστὴς не может завещать вольноотпущенникам больше 500 др. или 5 др. в месяц.

§ 15. Вольноотпущенницы ἀσταί не имеют права завещания, как и сами ἀσταί.

§ 16. Все, что завещается вольноотпущенникам римлян с тем, что оно переходит и к их потомкам, конфискуется после смерти получивших [наследство], если будет доказано, что потомки еще не успели родиться, когда составлялось завещание.

§ 17. Завещанное на жертвоприношения за покойников конфискуется, когда уже некому об этом заботиться.

§ 18. Фидеикомиссы от эллинов римлянам и от римлян эллинам боже-ственный Веспасиан конфисковал, однако принявшие на себя фидеикомисс получили половину.

§ 19. Завещаемое вольноотпущенникам, еще не получившим законного освобождения, конфискуется; законным же считается отпуск на волю, если отпускаемый имеет больше тридцати лет от роду.

§ 20. Завещаемое рабу, заключенному в оковы и затем отпущенному на волю, или же не достигшему тридцати лет, конфискуется.

§ 21. Освобожденный до тридцати лет, но получивший освобождение через префекта, приравнивается к отпущенному на волю по достижении тридцати лет.

§ 22. Имущество умерших латинян¹ отдается патронам, их сыновьям, дочерям и наследникам, а завещанное еще не получившим законной римской свободы конфискуется.

§ 23. Римлянам не разрешается жениться ни на сестрах, ни на тетках; на дочерях братьев—разрешается. В самом деле, Пардала конфисковал имущество поженившихся братьев и сестер.

§ 24. Приданое, принесенное женой-римлянкой старше пятидесяти лет мужу-римлянину моложе шестидесяти лет, после смерти конфискуется.

§ 25. Точно так же конфискуется приданое, принесенное женой моложе 50 лет мужу старше 60 лет.

§ 26. И если женщина-латинянка старше пятидесяти лет принесет что-либо [в приданое мужу] старше шестидесяти лет, оно также конфискуется.

¹ Имеются в виду так наз. latini Iuniani.

§ 27. Все, что наследует римлянин, достигший шестидесяти лет, бездетный и не женатый, конфискуется. Если же у него есть жена, но детей нет, и он делает о себе соответствующие заявления, ему предоставляется половина.

§ 28. Женщина, достигшая 50 лет, не получает наследства, если же она моложе и имеет троих детей, она получает наследство, вольноотпущенница же—если у нее четверо детей.

§ 29. Свободнорожденная римлянка, владеющая имуществом в 20 000 сест., отдает ежегодно, пока она не замужем, одну сотую; то же отдает вольноотпущенница, владеющая 20 000 сест., пока не выйдет замуж.

§ 30. Наследства, оставляемые римским женщинам, владеющим имуществом в 50 000 сест., незамужним и бездетным, конфискуются.

§ 31. Римлянке разрешается оставить мужу десятую часть приобретенного ею (имущества); если же больше—конфискуется.

§ 32. Римляне, имеющие более 100 000 сест., неженатые и бездетные, не получают наследств, владеющие же меньшим состоянием,—получают наследства.

§ 33. Римлянке не разрешается завещать сверх так наз. соёмptio. Был также конфискован легат (отказ), оставленный римлянкой нессвершеннолетней римлянке.

§ 34. Состоящим на военной службе или получившим отставку разрешается составлять завещания и по римскому и по эллинскому образцу и пользоваться какими угодно выражениями, но всякий раз они должны оставлять [наследство] единоплеменнику и [притом такому], которому позволено.

§ 35. Воинам, умирающим без завещания, могут наследовать дети и родственники, если наследники—того же племени.

§ 36. Имущество лиц, обличенных в убийствах или более тяжких преступлениях или ушедших добровольно в изгнание по такого рода обвинению, конфискуется, но их детям дается $\frac{1}{10}$, а женам—их приданое в серебре. Господь Антонин Цезарь предоставил и им самим $\frac{1}{12}$.

§ 37. Действовавшие [в качестве должностных лиц] неправомерно, против распоряжений царей или префектов, подвергались штрафу в раз-мере четвертой части имущества, некоторые—половины, некоторые—всего имущества.

§ 38. Родившиеся от ἀστὴ и египтянина остаются египтянами, но наследуют обоим родителям.

§ 39. Дети римлянина или римлянки, по незнанию сошедшихся с ἀστὴ или египтянами, включаются в низшую категорию.

§ 40. Дела лиц, включивших кого не следует в александрийское гражданство, ныне поступают на рассмотрение префекта.

§ 41. Если египтянин подберет ребенка с навозной кучи и усыновит его, то после смерти конфискуется четверть его имущества.

§ 42. Кто титулует себя в деловых документах несоответственно [положению], штрафуется на четверть имущества, а их сообщники и со-участники [контрагенты] штрафуются на четверть [имущества].

§ 43. У египтян, которые после смерти отца объявили отца римлянином, была отнята четверть [имущества].

§ 44. У египтянина, регистрирующего своего сына якобы эфеба, конфискуется $\frac{1}{6}$.

§ 45. Если ἀστὴс женится на египтянке и умрет бездетным, фиск отбирает приобретенное после [женитьбы] имущество, а если у него есть дети, отбирает две трети. Если же у него раньше были дети от ἀστὴ и у него трое детей или больше, то и вновь приобретенное переходит к ним; если детей двое, они получают по $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$, если один ребенок—половину.

§ 46. Римлянам и ἀστοί, женившимся на египтянках по незнанию, позволено после *erroris probatio*, чтобы дети приобрели статус отца.

§ 47. Ἀστυ, вышедшая по незнанию за египтянина, приняв его за ἀστὴς, не подлежит ответственности, и если оба подадут заявление о рождении детей, детям сохраняется гражданство.

§ 48. Ἀστοί, женившиеся на островитянках, приравниваются к сошедшим с египтянками.

§ 49. Вольноотпущенникам александрийцев не разрешается жениться на египтянке.

§ 50. Нарбон конфисковал имущество у вольноотпущенниц ἀστίς, родивших детей от египтянина, но Руф отдал детям.

§ 51. Сын сирийца и ἀστυ женился на египтянке и был оштрафован на определенную сумму.

§ 52. Римлянам [не?] разрешается жениться на египтянке.

§ 53. Египетские женщины, вышедшие за отставного, если они именуют себя римлянками, привлекаются за неправомерное [приобретение звания].

§ 54. Дочери отставного, ставшей римлянкой, Урс не разрешил получить наследство от матери египтянки.

§ 55. Если египтянин, скрыв свое происхождение, служил в легионе, он после увольнения возвращается в категорию египтян; точно так же возвращаются уволенные в отставку гребцы, за исключением только [служащих] в Мизенском флоте.

§ 56. Воины, не получившие законной отставки, если титулуют себя римлянами, штрафуются на четверть имущества.

§ 57. Дети парэтонийцев, вступающих в брак с иноплеменными женщинами или египтянками, причисляются к низшей категории.

§ 58. Не зарегистрировавшие при переписи себя и кого следует штрафуются на четверть имущества, а кто окажется незарегистрировавшимся при двух переписях—штрафуются одной четвертью дважды.

§ 59. Римляне и александрийцы, не зарегистрировавшие кого следует—одного ли или больше,—штрафуются на одну четверть имущества.

§ 60. Не зарегистрировавшие рабов, лишаются только рабов.

§ 61. При регистрации рабов, господам дается приплод, если у них нет другого имущества, кроме рабов.

§ 62. Находящиеся на военной службе, не зарегистрированные при переписи, не несут ответственности, но их жены и дети привлекаются к ответу.

§ 63. Привлекаемые к ответу, как не выполнившие регистрации при предшествовавшей переписи, освобождаются от ответственности, если приплод моложе 3 лет.

§ 64. Дела лиц, уезжающих за море без паспорта, ныне подлежат ведению префекта.

§ 65. Рабы, вывезенные по незнанию господином [закона], были проданы.

§ 66. Лица, которым разрешается выехать за море, уплывающие без паспорта, штрафуются на треть имущества, а если они вывозят своих рабов без пропуска, у них конфискуется все.

§ 67. Кто регистрирует рожденных в доме рабов-египтян или продает их не как рожденных в доме, чтобы вывезти их морем, подвергались конфискации иногда всего имущества, иногда половины, иногда четверти, и было установлено также наказание за недонесение. Впрочем, происхождение рожденных в доме рабов со стороны матери не расследуется, даже если они родились от матерей не египтянок.

§ 68. Римлянин, уехавший морем, не имея полностью документов, был оштрафован на... талантов.

§ 69. Египтянка, вывезшая рабов через Пелузий со своими сыновьями, . . . была оштрафована на 1 тал. 3 000 др.

§ 70. Занимающим государственные должности и их близким не разрешается совершать покупки и давать займы в округах, где они служат, ни от ὑπάρχων, ни от поступающей на аукцион земли во всем номе; подставные лица в таких случаях привлекаются к такой же ответственности, а приобретенное имущество иногда конфисковалось. Штраф за такого рода [сделки взыскивается]: при покупке у частных лиц—в размере покупной цены, при даче займы—в размере суммы займа, и подставные лица также рискуют основной суммой; при продаже [штраф] равен полученной bona fide цене.

§ 71. Жрецам не дозволяется заниматься другим делом кроме служения богам, выходить в шерстяной одежде, носить волосы, даже если они отстранены от божественного ψαῶν¹.

§ 72. Не дозволяется приносить в жертву тельцов без печати; принесшие такую жертву штрафуются на 500 драм.

§ 73. Храмовые доходы не дозволяется отдавать под вторую закладную.

§ 74. Столист, покинувший свои жреческие обязанности, был наказан лишением доходов и штрафом в 300 др.

§ 75. Жрец, покинувший свои обязанности, был оштрафован на 200 др.; носивший шерстяное платье—на 200 др.; сирист—на 100 др.; пастофор—на 100 др.

§ 76. Жрец, носивший шерстяную одежду и длинные волосы, оштрафован на 1000 др.

§ 77. Должности пророка, если они передаются, сохраняются в роде.

§ 78. А если они продаются, то продаются прямо, а не с аукциона.

§ 79. В каждом храме, где есть внутреннее святилище, должен быть пророк, и он получает одну пятую доходов.

§ 80. Должность столιστα продается. Столисты занимают второе место после пророка.

§ 81. Только верховному жрецу разрешается носить символ справедливости.

§ 82. Пастофорам не дозволяется действовать, как жрецам.

§ 83. Пастофору дозволяется участвовать в мирских делах.

§ 84. Благоприобретенное имущество жреца сохраняется за дочерью.

§ 85. Если недостает в храме людей, можно взять для процессии жрецов из подобного ему храма.

§ 86. В греческих храмах дозволяется мирянам участвовать в процессиях.

§ 87. Мосхофрагисты [штемпелюющие жертвенных быков] подбираются из прославленных храмов.

§ 88. Из подношений храмам пророки не вкушают, а пастофоры вкушают.

§ 89. Не пославшие тканей для торжества обожествления Аписа или Мневиса подвергаются штрафу.

§ 90. Отстранение от ψαῶν из-за опухоли или неизлечимой болезни не получают, но получают долю доходов.

§ 91. Дети, родившиеся у жрецов, достигших 60 лет, не принимаются в жрецы. Сыновья жрецов назначаются по проверке их жрецами, но родившиеся после этого сыновья их [не] посвящаются.

§ 92. Подкидышу не дозволяется вступать в жрецы.

§ 93. Хоронящим священных животных не дозволяется ни пророчествовать, ни участвовать в процессии со святыней, ни выкармливать священных животных.

¹ Египетское слово обозначающее какую-то процессию.

§ 94. Пастофорам не дозволяется совершать богослужение и участвовать в обязанностях жрецов.

§ 95. Жрецы не совершают богослужения перед пасторами.

§ 96. Миряне не могут выполнять жреческую функцию.

§ 97. Взятые изготавить священные подношения и уклонившиеся оштрафованы на 500 др. с условием изготавить.

§ 98. Самый большой штраф за нарушение контракта—500 др.

§ 99. Подписавшие контракт на определенный срок под давлением солдат или подобных им не отвечают по обязательству.

§ 100. Для регистраторов договоров установлен срок регистрации в столице договоров из Фиваиды—60 дней, из прочих номов—в течение 30 дней, из самой столицы—15 дней; не зарегистрировавшие оштрафованы на 100 др. . . . должны зарегистрировать в течение 5 дней следующего месяца.

§ 101. Если кто напишет договор о закладе или покупке без оповещения¹, они штрафуются на 50 др.

§ 102. Если у гимнасиархов города нехватает [масла] для умащений, разрешается ввезти в округ масло и продать излишек по существующей в городе цене, в противном случае они лишаются масла и уплачивают штраф в 20 талантов.

§ 103. Под жидкости не дозволяется давать взаймы.

§ 104. Несобранный урожай не разрешается продавать, а также . . . незарегистрированный урожай.

§ 105. У давших взаймы дороже, чем по драхме², конфискуется половина имущества, а у получивших такой заем—четверть.

§ 106. Не дозволяется менять деньги [по курсу] выше действующего.

§ 107. У лиц, воспитавших мальчиков-подкидышей, конфискуется после смерти четверть имущества [ср. § 41].

§ 108. Состоящие в коллегии подвергались штрафу в 500 др., иногда только руководители.

§ 109. Цезарианам не дозволяется приобретать имущество с аукциона.

§ 110. Викариям не дозволено приобретать недвижимость и жениться на вольноотпущенниках.

§ 111. Служащим в войске запрещено приобретать недвижимость в округе, где они служат.

§ 112. Евнухов и импотентов . . . после смерти, если умрут без завещания . . . конфискуется; если они составят завещание,—две трети, а треть, если завещают одноплеменнику.

§ 113. Не разыскиваемые, если сами [о себе заявили], освобождаются; если же они уличены другим путем . . .

§ 114. . . . с каждого взыскивается в обеспечение 500 драм.

§ 115. Кто до пяти лет не уплачивает 20 талантов.

Строки 253—270 отсутствуют.

271—4 (отдельные буквы)

275 фиску

276—8 (отдельные буквы)

279. Обещавшие деньги на общественные расходы обязаны выполнить обещания.

281 Обеща . . .

283 (лакуна)

284. (лакуна)

¹ Всякая сделка должна быть зарегистрирована в нотариате; поэтому контрагенты обязаны послать соответствующее оповещение.

² С мины в месяц—12% годовых.

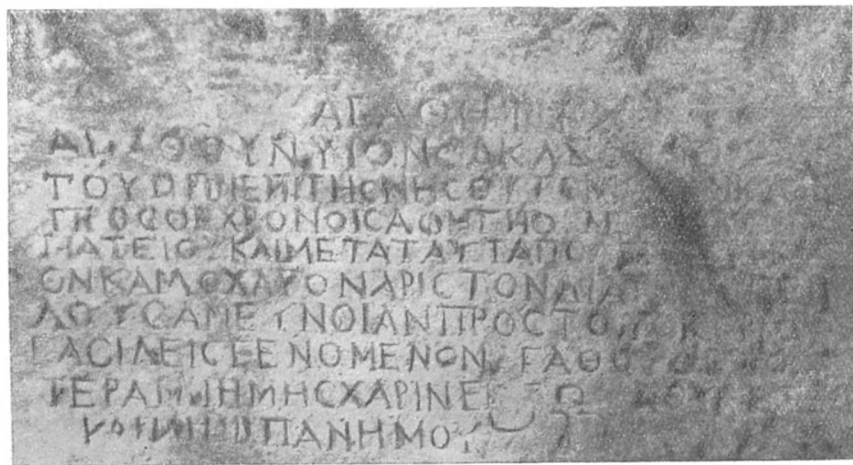

Т. В. Блаватская

НАДПИСЬ АГАФА ИЗ ФАНАГОРИИ

Летом 1947 г. участники Фанагорийской археологической экспедиции под руководством проф. М. М. Кобылиной извлекли из стены постройки в колхозе «Приморские хутора» плиту с рельефными изображениями на обеих сторонах и надписью. По словам местных жителей, камень был выкопан немцами при проведении траншей на городище Фанагории во время войны. Затем его перевезли на хутор, где использовали для постройки.

Начальник экспедиции М. М. Кобылина любезно разрешила мне опубликовать надпись, за что я приношу ей искреннюю благодарность.

Плита из мелкозернистого желтого известняка, напоминающего керченский, имеет довольно ровную поверхность. Высота камня—0,99 м, ширина—0,58 м, толщина—0,18 м. Внизу плита имеет широкий прямоугольный выступ, служивший для закрепления ее (0,15×0,30×0,17 м).

На лицевой стороне высечены два рельефа: вверху—спена заупокойной трапезы, внизу—два едущих навстречу друг другу всадника. Под ними надпись. На оборотной стороне—изображение двух всадников, похожих на всадников лицевой стороны.

Под нижним рельефом лицевой стороны на сглаженной поверхности вырезана надпись из 10 строк, на площади 0,215×0,48 м. Буквы—высотой от 0,019 до 0,014 м. Сохранность букв неодинакова, вверху правой сто-

роны поверхность камня довольно сильно повреждена, так что буквы первых пяти строк читаются с трудом.

Текст надписи следующий:

1. Ἀγαθῆ[ι] τύχη[ι]
2. Ἀγαθοῦν οἶδον Σακλέους Ὁ[ρ]τ[ύ]χ[α]
3. τοῦ πρὶν ἐπὶ τῆς νῆσου, τὸν κοσμή[το]ρα,
4. πρόσθε χρόνοις ἀφ' ἡγησάμενον τοῦ [γ]ρ[αμ]-
5. ματείου καὶ μετὰ ταῦτα πολειτάρχην ἀ[γ]αθ[ο]
6. ὄν καὶ λοχαγὸν ἀριστον διὰ τὴν ὑπερβ[α]
7. λοῦσαν εὐνοίαν πρὸς τοὺς κυρίους
8. βασιλεῖς γενόμενον, Ἀγαθοῦς β' τὸν πα-
9. τέρα μνήμης χάριν ἐν τῷ[ι] σου' ἔτει
10. καὶ μηνὶ Πανήμου α[ι]'.

Количество букв в строках неодинаковое, в стр. 2-й буквы несколько большего размера, чем в остальных. Начертание букв не составляет особенностей по сравнению с современными памятнику надписями. Так, А имеет поперечную черту прямую, как в близких по времени к нашей (179 г.) надписях IOSPE, II, 40, 33, 359, А и Δ имеют несколько выступающую вверху правую наклонную черту. Σ круглая лунарная, что в боспорских надписях этого времени не так часто (мы нашли только в IOSPE, II, 401). О и Θ несколько меньше других букв. Средняя черта Ε несколько короче крайних. Π имеет более или менее выступающие концы поперечной черты. Особенно выделяется Ω своим поздним начертанием.

Обратимся к восстановлению текста.

Стр. 1. В формуле Ἀγαθῆ τύχη отсутствуют в обоих словах подписные иоты. Это изредка встречается, например, IOSPE, II, 314, IV, 342.

В строке 2-й после конца слова Σακλέους проступает буква Ο, затем, через интервал, равный ширине одной буквы,—Τ и опять через интервал ясно видна Κ. Мы склонны видеть в этом слове имя отца Саклея, т. е. деда Агафа Старшего, в полном соответствии с существовавшим на Боспоре в римское время обычаем называть имя деда¹. Наиболее вероятно восстановление имени как Ὁ[ρ]τ[ύ]χ[α], т. е. родительный падеж² от имени Ὀρτύχας, встречавшегося уже (IOSPE, II, №№ 365 и 442). Расстояние от буквы Ο до края плиты достаточно для начертания пяти—шести букв.

В строке 3-й стоящий перед κοσμή . . . определенный член τὸν указывает, что это—существительное мужского рода в винительном падеже. Расстояние от начала слова κοσμή . . . до края камня может вместить 11 букв, исходя из ширины первых букв третьей строки. Наиболее подходящим чтением нужно считать τὸν κοσμήτην или, вероятнее, τὸν κοσμήτορα. В конце строчки с трудом можно разобрать буквы . . . ρα, что заставляет нас считать τὸν κοσμή[τ]ορα почти бесспорным чтением. Буква Η сохранилась не полностью.

В строке 4-й текст испорчен несколько меньше, но и здесь необходимы дополнения. Так как буквы . . . ματείου в начале строки 5-й могут быть только окончанием слова γραμματεῖον³ в родительном падеже,

¹ В надписи IOSPE, II, 402 неоднократно упоминания имени деда. Также и в Гераклею Понтийской имена макистратов сопровождалась именами отца и деда—OGIS, № 459, строки 15 и 16.

² При внимательном рассмотрении эстампажа после Κ можно видеть насечки, образующие следы Α. Это и дорийская форма родительного падежа в IOSPE, II, 442 заставляет нас видеть здесь дорийскую форму—Ὀρτύχας.

³ Этим указанием автор обязан любезности проф. Б. Н. Гракова.

то начало этого слова нужно искать в конце строки 4-й. Там можно рассмотреть довольно ясно букву ρ, от которой до края плиты остается пространство для написания трех букв. Восстановление [γ][ρ][αμ]—является наиболее правдоподобным. Родительный падеж, в котором стоит γραμματεῖον, ясно указывает на зависимость его от ἀφηγησας . . . , partic. aoristi от глагола ἀφη ῥομαι, довольно часто употребляемого в надписях. После ἀφηγησάμενον можно с трудом рассмотреть слово τεῦ, относящееся к γραμματεῖσι.

Строка 5-я заканчивается словом, начинающимся буквой α и оканчивающимся буквами . . . ον в строке шестой. Как указал Б. Н. Граков, это слово должно быть прилагательным, определяющим πολεῖταιρχην, так как ἄριστος определяет λοχαγός. Наиболее подходящим является ἀγαθός, встречающееся в надписях раз в пять-шесть чаще, чем его превосходная степень ἄριστος¹. На поврежденном месте этой строки нельзя ничего заметить. Расстояние до края плиты вполне достаточно для 3-х букв, если исходить из ширины букв этой строки, так что слог ἀγαθ—может хорошо уместиться. Нужно отметить, что в строке пятой буквы вырезаны более сжато, чем в последующих строках.

Восстановление ὑπερβαλλῶσαν в строках 6—7 представляется наиболее правдоподобным. Слово, начинающееся с ὑπερβ . . . и кончающееся на . . . λῶσαν, определяет следующее за ним εὐνοία. Причастие от глагола ὑπερβάλλω кажется здесь наиболее подходящим.

Строки 7, 8, 9 разбираются вполне удовлетворительно, несмотря на испорченность поверхности.

В строке 10-й между словом Πανήμοу и числом α' стоит знак, который мы считали выщербиной на камне. Однако Б. Н. Граков предполагает, что здесь был вырезан тамгообразный знак.

После α стоит еще одна цифра. Совершенно ясно видна вертикальная черта, которая может принадлежать или ι, или κ.

С вышеизложенными дополнениями текст можно перевести так:

«В добрый час!

Агафа, сына прежнего начальника острова Саклея Ортикава, бывшего косметом, а ранее начальником канцелярии и после того ставшего хорошим политархом и прекрасным лохагом благодаря своей выдающейся преданности владыкам-царям, отца своего [поставил] Агаф, сын Агафа, памяти ради одиннадцатого числа месяца Панема 476 года».

Итак, весь камень является памятником, поставленным Агафом в память своего отца Агафа, сына Саклея, с полным перечислением его заслуг, а также и высокой должности деда.

Остановимся прежде всего на определении характера памятника. Текст надписи заключает в себе различные элементы. Здесь есть черты, характерные для почетных надписей: формула Ἀγαθὴ τύχη², употребление имени главного объекта памятника в винительном падеже. Последнее чрезвычайно сближает надпись Агафа с текстами, вырезавшимися на пьедесталах статуй³.

Зато формула μυῆτης χαίρειν заставляет отнести текст к разряду над-

¹ Такое соотношение видим мы в Exempla sermonis graeci, SIG³, IV, стр. 185.

² Искключение, как будто, составляет надпись IOSPE, IV, 208, на надгробной стеле фиаса в память нескольких своих членов. Но и сам В. В. Латышев допускает, что эта стела могла быть поставлена в честь нескольких фиаситов, т. е. относиться к разряду tituli honorarii, а не tituli sepulcrales.

³ Например, IOSPE, I², 425; IOSPE, II, 46 и многочисленные надписи на пьедесталах статуй боспорских царей и римских императоров в IOSPE.

гробных или мемориальных памятников. Должно, однако, отметить, что винительный падеж имени усопшего вместо обычного дательного выделяет стелу Агафа из общей массы лапидарных надписей¹.

Эту особенность композиции надписи следует объяснить, видимо, следующим: Агаф Младший, будучи частным лицом, хотел почтить покойного отца возможно более торжественно. Не удовлетворяясь обычной формулой мемориальных и надгробных надписей, он решил придать тексту более пышный характер, заимствовав черты почетных и посвячительных надписей. Многочисленность рельефов также отличает стелу от обычных надгробий, украшенных только с лицевой стороны.

Итак, надпись Агафа—памятник мемориальный.

Находка стелы в Фанагории позволяет предполагать, что деятельность Агафа, сына Саклея, была связана с этим городом.

Дата надписи—476 г. боспорской эры=179 г. н.э.—относит ее ко времени правления Тиберия Юлия Савромата II (471—507 гг. боспорской эры). Вся же деятельность Агафа Старшего происходила, вероятно, на протяжении предшествующих тридцати лет, начиная с царствования Тиберия Юлия Евпатора (451—467 гг. боспорской эры), а может быть, еще при Реметалке I (428—450 гг. боспорской эры). Выражение $\pi\rho\acute{o}s\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \kappa\omicron\rho\iota\omicron\upsilon\varsigma\ \beta\omicron\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\varsigma$ также указывает, что Агаф Старший отличился при нескольких царях.

Месяц Панем, известный в боспорских надписях, совпадает с августом грегорианского календаря.

Остановимся прежде всего на именах, упоминаемых в надписи. Имя $\Sigma\alpha\chi\lambda\grave{\eta}\varsigma$ встречается в боспорских надписях дважды². В самой Греции это имя встречается неоднократно в формах $\Sigma\omega\chi\lambda\epsilon\acute{\iota}\delta\alpha\varsigma$, $\Sigma\omega\chi\lambda\epsilon\acute{\iota}\eta\varsigma$, $\Sigma\omega\chi\lambda\grave{\eta}\varsigma$ и $\Sigma\omega\chi\lambda\acute{\iota}\delta\alpha\varsigma$ ³, будучи распространено, главным образом, среди дорян⁴. Должно отметить, что форма $\Sigma\alpha\chi\lambda\grave{\eta}\varsigma$ встречается, повидимому, только на Боспоре.

Дед Агафа Старшего носил имя $\text{'}O\rho\tau\acute{\iota}\kappa\kappa\varsigma$, происходящее от $\delta\acute{o}\rho\tau\upsilon\varsigma$ —перепел. На Боспоре это имя встречалось дважды: в Танаисе (IOSPE, II, 442) и в Фанагории (IOSPE, II, 365). Последняя надпись является надгробием четырех членов фиаса—Василиска, Пофа Ортика и Дионисия—поставленным им фiasом под председательством Агафа. Время стелы В. В. Латышев определяет широко: «Litteratura eius Romanae est aetatis». Совпадение двух имен в новонайденной надписи и в этом надгробии фiasитов и происхождении обеих стел из Фанагории побуждает нас искать связь между Ортиками и Агафами этих текстов. Простос начертание букв в надписи IOSPE, II, 365 без той вычурности⁵,

¹ Например, из многочисленных надгробных надписей IGRR, тт. I и IV мы нашли только одну (I, 639, из Том), где имя усопшего стоит в винительном падеже. Аналогию ей и нашей надписи представляет группа македонских надписей (Н. И. Н о в о с а д с к и й, Неизданные македонские надписи, «Труды секц. археол. РАНИОН», II, стр. 88 сл.) времени Марка Аврелия. В них также имя усопшего стоит в винительном падеже (№№ 1—7, 9, 10). Однако не все надписи можно назвать надгробными, как это делает издатель. №№ 1, 6, 7, 9 были поставлены согласно решению совета и народа Фессалоники. Эти надписи должно считать мемориальными, а не надгробными тем более, что в них отсутствует обычная погребальная формула $\mu\eta\tau\acute{\iota}\varsigma\ \chi\alpha\iota\iota\nu$. Повидимому, употребление имени усопшего в винительном падеже в надгробных и мемориальных надписях стало обычным в балканских и понтийских надписях римского времени.

² Обе надписи из Пантикапея: IOSPE, II, 29a в той же форме, что в данной надписи, и ИАК, 14, стр. 119, № 40, в форме $\Sigma\alpha\chi\lambda\grave{\eta}\varsigma$.

³ См. P a r e - B e n s e l e r, Wörterbuch der griechischen Eigennamen.

⁴ IG, XII, Suppl., стр. 82; IG, V, №№ 125a, 275a, 278a.

⁵ Весьма показательны надписи эпохи Тиберия Юлия Рескупорида II (212—228 гг. н. э.) —IOSPE, II, №№ 41—43, 48, 430, 431, 449, 450.

которая характерна для боспорских надписей позднеримского времени, позволяет отнести это надгробие ко времени до начала III в. н. э.

Мы полагаем, что далеко продвинувшийся на общественном поприще Агаф Старший новой фанагорийской надписи идентичен с Агафом, председателем *фиаса*. Дед его, Ортик, входил в *фиас* и был почтен после смерти вместе с другими членами общим надгробием. Судя по эпитафии, он не занимал никакой выдающейся должности и был лишь ревностным членом *фиаса*—вместе с другими усопшими он именуется «доблестным мужем».

Если наше предположение об идентичности упоминаемых Агафов и Ортиков верно, то можно будет более точно определить время надписи IOSPE, II, 365. Вероятно, она была поставлена лет за 30—40 до смерти Агафа Старшего, имевшей место в 179 г. н. э., т. е. может быть отнесена примерно к годам правления царя Тиберия Юлия Реметалка.

Рассмотрим содержание надписи. Она повествует о государственной и гражданской деятельности Агафа, сына Саклея, упоминая также о заслугах его отца (строки 2—3). Выражение $\delta\ \pi\rho\acute{\iota}\nu\ \epsilon\pi\acute{\iota}\ \tau\eta\varsigma\ \nu\eta\sigma\sigma\upsilon$, поставленное в родительном падеже, согласуется с именами отца и деда Агафа Старшего.

Мы склонны думать, что начальником острова был Саклей, а не Ортик, так как последний был, повидимому, довольно скромным чело-
веком—*фиас* чтит его память вместе с тремя другими членами. Между тем известны случаи, когда особо выдающееся лицо получало отдельные мемориальные стены от разных *фиасов*, например IOSPE II, № 61 и № 62.

Должность $\delta\ \epsilon\pi\acute{\iota}\ \tau\eta\varsigma\ \nu\eta\sigma\sigma\upsilon$ была, как указал В. В. Латышев (Ποντική, 124), наряду с $\delta\ \epsilon\pi\acute{\iota}\ \tau\eta\varsigma\ \betaασιλείας$, высшей в Боспорском царстве. Наместник острова управлял Таманским полуостровом, который в древности представлял собой архипелаг; его резиденцией, вероятно, была Фанагория, как главный город в азиатской части Боспора (Strabo, XI, 2, 10). Публикуемая надпись дает нам четвертое упоминание об этой должности, относясь, так же как и IOSPE II, 254 и 359, ко II в. н. э. В. В. Латышев, исходя из формулы $\delta\ \pi\rho\acute{\iota}\nu\ \epsilon\pi\acute{\iota}\ \tau\eta\varsigma\ \betaασιλείας$, сделал вывод о том, что должность царского наместника не была пожизненной. В рассматриваемой надписи впервые встречается формула $\delta\ \pi\rho\acute{\iota}\nu\ \epsilon\pi\acute{\iota}\ \tau\eta\varsigma\ \nu\eta\sigma\sigma\upsilon$, что позволяет высказать аналогичное предположение: должность наместника острова также не была пожизненной.

Итак, Агаф Старший происходил из знатного боспорского рода, представители которого занимали самые высшие должности в государстве.

Сам Агаф Старший сначала был $\alpha\phi\eta\eta\eta\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \gamma\rhoαμ\muατ\epsilon\iota\omicron\upsilon$, затем политархом, лохагом и, наконец, косметом.

Должность $\alpha\phi\eta\eta\eta\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \gamma\rhoαμ\muατ\epsilon\iota\omicron\upsilon$ неизвестна на Боспоре¹. Первая часть этого титула состоит из partic. aoristi глагола $\alpha\phi\eta\eta\eta\sigma\alpha\iota$, которое употребляется в греческих надписях в смысле «начальник, предводитель». $\tau\omicron\upsilon\ \gamma\rhoαμ\muατ\epsilon\iota\omicron\upsilon$ имеет одним из значений—«городской архив, канцелярия», а также «школа»². Последнее значение представляется неприемлемым для нас. По самой системе греческого школьного дела там нельзя предположить должность начальника школы. К тому же Агаф Старший был слишком родовит, чтобы начинать свою карьеру с такой мелкой должности. Гораздо лучше перевести $\tau\omicron\upsilon\ \gamma\rhoαμ\muατ\epsilon\iota\omicron\upsilon$ как «госу-

¹ Ее нет ни в IOSPE, ни в указателях SIG³, OGIS, IGRR (I, III—IV).

² Thesaurus Graecae linguae, s. v. Γραμματεῖον.

дарственная канцелярия». В этом же значении встречается этот термин в надписях из Нисы и Дельф¹.

В системе государственного аппарата Боспорского царства писцы и секретари были довольно многочисленны. Известны $\delta\epsilon\pi\iota\tau\eta\varsigma\pi\iota\sigma\chi\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ — личный секретарь царя, как полагает В. В. Латышев (Ποντικά, 126), $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ — государственные писцы, $\alpha\rho\chi\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ — главный секретарь. При существовании должности главного секретаря $\alpha\phi\eta\eta\eta\sigma\alpha\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\tau\omicron\upsilon\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\omicron\upsilon$ мог быть только начальником канцелярии или начальником архива.

После этого Агаф Старший был последовательно политархом и лохагом. Обе должности встречаются в боспорских надписях несколько раз.

Политарх, как указал В. В. Латышев, стоял во главе граждан Пантикапея, и, по его предположению, такие же должностные лица были и в Фанагории—Агриппии. Судя по IOSPE, II, 36., политархов было одновременно несколько. Надпись Агафа дает возможность предполагать, что политархи не избирались, а назначались в Боспорском царстве самим царем, по крайней мере в позднее время.

Следующий пост Агафа Старшего стоял несколько выше на государственной иерархической лестнице. Лохаг встречается в надписях IOSPE, II, 29 и 363, и, как полагает В. В. Латышев, это название обозначало одного из высших военных чиновников на Боспоре. Действительно, как и в предшествующих надписях, и в данном тексте титул лохага стоит в таком высоком окружении, что ни в коем случае не может быть речи о простом командире лоха.

Должность космета завершила карьеру Агафа Старшего. О ней известно довольно много как из Аристотеля (Аф. пол., 42), так и из многочисленных надписей эллинистического и римского времени². Космет — глава и руководитель государственной школы, в которой молодежь от 18 лет, в качестве эфэбов, проходила одногодичный или двухлетний курс обучения.

До сего времени должность космета в боспорской эпиграфике не была известна даже и в остальных греческих колониях Понта Эвксинского. Это название магистрата встречается преимущественно в Аттике, в других местах оно засвидетельствовано только в Илионе, на Хиосе, в Никее и в Египте³.

Наша надпись показывает, что в Фанагории существовало такое же общественное воспитание юношества — система эфебии, как почти во всех греческих городах, больших и малых. Носило ли лицо, руководившее эфебией, с самого начала название космета, — решить трудно. Фанагория, колония Теоса, повторяя схему государственного строя метрополии, могла уже в раннее время иметь систему эфебии. Но на Теосе название космета еще не известно. Возможно, что этот термин был заимствован фанагорийцами из Афин в период наибольшего сближения Боспорского царства с Афинами в V—IV вв. до н.э., где именно с этого времени должность космета становится особенно выдающейся⁴. Другой путь — проникновение института косметов в Фанагорию с Хиоса, связи с которым были весьма интенсивны еще в древнейшие времена.

Обязанности космета были весьма почетны, но в то же время чрезвычайно обременительны. Как показывают многочисленные аттические над-

¹ SIG³, 781 и 672, последняя того же времени, что и стела Агафа.

² SIG³, №№ 385, 711, 697, 717, 728, 834, 870 и 885, а также тексты во II томе A. Dumont, Essai sur l'éphébie attique; новые тексты — «Hesperia», XVI, стр. 170, сл., №№ 66, 67.

³ См. RE и Daremb.-Saglio, s. v. Κοσμητής.

⁴ A. Dumont, ук. соч., I, стр. 170.

писи (например, SIG³, 717), космет тратил свои собственные средства на жертвоприношения, игры, занятия и содержание эфебов. Обычно в Аттике косметами избирали членов наиболее родовитых семейств¹, причем в римское время это превратилось почти в правило.

Эти положения полностью оправдываются и в данном случае. Агаф, сын Саклея, сам занимавший ряд высоких государственных должностей, принадлежал, конечно, к знатному и богатому семейству.

Свидетельство о существовании должности космета в Фанагории вносит новую важную деталь в наши представления о культурной и общественной жизни греков на азиатском Боспоре. Ранее было известно о существовании в Фанагории гимнасия², а также предполагалось, что в Фанагории, как и в других городах Северного Причерноморья, проводились спортивные игры и состязания³. Возможно, что остатком гимнасия была открытая в 1939 г. в Фанагории стена № 28, принадлежавшая большому общественному зданию⁴ эллинистического периода. Можно думать, что вместе с косметом в Фанагории существовал весь круг гражданских норм и религиозных воззрений, которые обычно связываются с воспитанием эфебов. В Фанагории юноши также должны были приносить присягу, подобную той, которая известна из Херсонеса и Афин⁵.

Рассмотренная карьера Агафа свидетельствует, что, хотя он не достиг столь высокого положения, как его отец Саклей, он, несомненно, принадлежал к высшему кругу фанагорийских граждан. Выполняя свои обязанности, он своим рвением обратил внимание боспорских царей и был за это вознагражден.

Эпитет *ὁ κύριος βασιλεὺς*, которым Агаф Младший называет царей, весьма важен. Прежде всего, он встречается впервые в приложении к царям Боспора⁶. Обычно этим титулом величали римских императоров, причем особенно он был распространен в эпоху Антонинов.

Титул *κύριος* является характерным восточным титулом, применявшимся к богам и божественным царям. Появление его на Боспоре во II в. н. э. в правление Савромата II (174/5—240/11 гг.) глубоко закономерно. В это время все более усиливаются элементы туземной культуры и идеологии, носителями которых были сарматы. Особенно выражалась сарматизация в изменении представлений о царской власти на Боспоре. Царь становится для своих подданных правителем, получившим свою власть от бога, освященным божественным благоволением. Это понятие о царе, связанном с высшим божеством и в то же время остающимся человеком, лучше всего выражается титулом *ὁ κύριος*. Употребление этого титула Агафом Младшим служит дальнейшим подтверждением того процесса, который впервые отметил М. И. Ростовцев: сохраняя внешне свою зависимость от Рима, боспорские цари во II в. н. э. все более подчеркивают величие своей власти перед подданными. Успешная внутренняя и внешняя политика служит основанием этому. Начиная с Тиберия Юлия Реметалка, получившего, как будто, престол от Адриана⁷, боспорские цари энергично укрепляют свое положение. При

¹ A. Dumont, ук. соч., I, 170.

² IOSPE, II, 360; ИАК, 3, стр. 51, № 17.

³ IOSPE, IV, 432, 459, 460.

⁴ В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936—37 гг., «Труды ГИМ», вып. XVI, Москва, 1943, табл. II, стр. 18.

⁵ IOSPE, II², 401 и A. Dumont, ук. соч., I, стр. 140 сл.

⁶ В боспорских надписях этот термин встречается только один раз: в надписи IOSPE, II, 355: Тиберий Юлий Рескупорид называет Веспасиана «*κύριος τοῦ βῆσιπλου*» (около 71 г. н. э.).

⁷ В. В. Латышев, *История*, стр. 114 сл.

Реметалке был восстановлен город Танаис в устье Дона, что отражает укрепление могущества Боспора в этом районе. Надписи времени Савромата II, сына Реметалка, именуют последнего «великим царем». Следующий царь, Тиберий Юлий Евпатор (154/5—170/1 гг.), хотя о нем известно очень мало, подготовил, вероятно, почву для блестящих успехов Савромата II. Найденный в Афинах бюст боспорского царя, относимый к Рескупориду I, Реметалку или Евпатору, свидетельствует, что в этот период боспорские цари широкими торговыми связями укрепляли экономику государства. Проведение Евпатором политики возвеличения и усиления царской власти внутри страны можно видеть и в том, что именно с его правления на медных монетах Боспора типы, выражающие вассальную зависимость от Рима, вытесняются изображениями сидящего на лошади бородатого царя и главной богини Боспора — Афродиты Урании.

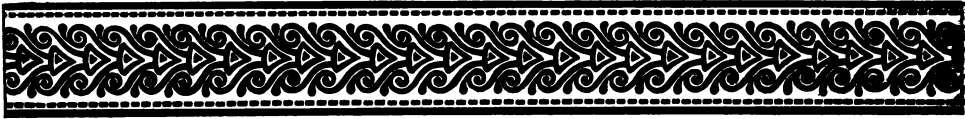
Это отражало и сарматизацию понятий и растущую консолидацию сил боспорских царей. Политика предшествующих династов принесла богатые плоды в правление Савромата II (471—507 гг. боспорской эры = 174/5 — 210/11 гг.). За свое долгое царствование он смог перейти к активной внешней политике, одержав победу над соседними Боспору сираками и скифами и присоединив по договору Таврику. Его могущество простиралось настолько, что он освободил от пиратов прилегающую к Понту и Вифинии часть моря, отстоявшую далеко от боспорских берегов.

Переход Рима к политике сохранения существующего положения на восточных границах при Антонинах, отказ от дальнейших наступательных действий—все это должно было укреплять тенденции к независимости на Боспоре. И Евпатор и Савромат II понимали затруднительность положения Рима, силы которого были постоянно заняты то войной с Парфией, то войной в Паннонии, то вторжением германских племен и т. д. Оставаясь номинально в зависимости и выполняя свои обязанности, они в то же время укрепляли свое могущество. Несомненно, что столь успешная политика должна была особенно возвеличить боспорских царей в глазах их подданных.

Возможно, что в это время в Боспорском царстве были весьма сильны стремления к полной независимости от Рима. Титул *κύρις*, нужно думать, был связан с этими течениями.

Издаваемый документ чрезвычайно интересен тем, что он принадлежит к немногочисленной группе боспорских надписей, содержащих перечисление государственных и городских должностей в порядке их прохождения одним лицом. Новая надпись сообщает о существовании неизвестных ранее на Боспоре должностей *ἀφῆγησάμενος τοῦ γράμματός* и *χορηγός*. Она является документом, несколько пополняющим историю Боспорского царства того времени, и, наконец, сообщает биографические данные трех поколений одной из знатных фанаторийских семей.

М. М. Кобылина

НОВЫЙ ПАМЯТНИК БОСПОРСКОГО ИСКУССТВА— СТЕЛА АГАФА

Эта стела представляет собою исключительно интересный памятник культуры и искусства Фанагории первых веков нашей эры.

Она принадлежит к редко встречающемуся на Боспоре типу с изображениями на обеих сторонах и имела, вероятно, двустороннее увенчание в виде роскошного пальметтообразного акротерия, трактованного плоскостно и орнаментально¹, или же какой-то декоративной двусторонней фигуры наподобие той, которая найдена была на Митридате в 1883 г. и ныне находится в Керченском музее (K.W., X, 153). Подобная двусторонняя плита, но, к сожалению, тоже без верхней части, опубликована в каталоге южно-русских надгробий (K.W., XLVII, 666; XLIX, 686).

На одной стороне нашей стелы изваяны две широкие полосы барельефных изображений. Под ними высечена десятистрочная греческая надпись. На другой стороне только верхняя часть стелы заполнена рельефами; оборотная сторона стелы свидетельствует о вторичном использовании плиты—под изображениями всадников на счищенном скаргелью поле видна часть старого изображения—барельефно исполненная нога лошади и отдельные буквы; рельефы обеих сторон по стилю являются одновременными. Надпись датирует стелу второй половиной II в. н. э. и свидетельствует о том, что стела поставлена Агафом, в память отца его Агафа, «сына бывшего начальника острова Саклея», занимавшего целый ряд общественных должностей (см. выше статью Т. В. Блаватской), «благодаря своей преданности владыкам-царям. Таким образом, стела увековечивает память о представителях знатной семьи города, занимавших крупные должности. С этими лицами, очевидно, связаны и изображения.

На главной стороне стелы вверху представлен «погребальный пир»: умерший изображен пирующим, он возлежит на ложе, держа в левой руке фиалу, в правой протянутой—канфар, перед ним столик с яствами.

Около ложа слева изображена сидящая женская фигура.

Если образ героизированного умершего, возлежащего на ложе, весьма обычен для боспорских стел римского времени, то сидящая женская фигура оригинальна. На надгробиях женщина изображается обычно в профиль или в $\frac{3}{4}$ и очень редко в фас, в хитоне и гиматии, спадающем с головы, сидящей в грустной позе в роскошном кресле с высокой спинкой и резными ножками, поставив ноги на скамеечку.

На нашей стеле изображена сидящая массивная женская фигура в фас, трон не показан, она величественно возвышается на постаменте.

¹ Kieseritzky-Watzinger, Die griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1911, XLVI, стр. 649. В дальнейшем цитируется как K. W.

Верхняя ее одежда представляет собой башлык, переходящий в спадающее на плечи и грудь тяжелое покрывало. Это изображение близко кубанской богине на треугольной пластинке из Карагодеуашха (ИАК, XLIX, табл. I), но отличается от нее реалистичностью трактовки: она не имеет иератической неподвижности богини из Карагодеуашха, поза ее свободна. голова слегка повернута вправо, руки в движении, в правой поднятой руке женщина держит предмет, напоминающий сistr, в левой, опущен-

ной на колени, — плоскую чашу для возлияний; ее одежда следует формам тела и их движению и свободно лежит соответствующими складками. Наличие постамента у этой фигуры свидетельствует о том, что изображена статуя; постамент имеет обычную для римского времени форму в виде правильного четырехугольного массивного блока с отвесными гладкими сторонами. Такой постамент был найден Фанагорийской экспедицией в 1947 г. Он представляет собой большой каменный блок с углублениями на верхней поверхности для впуска статуи. О том, что при изображении фигуры на постаменте имела в виду статуя, очень хорошо свидетельствует одно македонское надгробие¹, где явно представлена статуя умершего, так как на постаменте этой статуи имеется надпись «χῆρε», по сторонам ее изображены всадники. На керченских надгробиях иногда встречаются изображения фигур на постаментах, например всад-

¹ ВСН, 55 (1931), табл. VIII.

ника (K.W., XLVII, 666), но возможно, что в ряде случаев в трафаретных повторениях первоначальное значение этой детали забыто, в таком случае изображение на постаменте продиктовано стремлением показать фигуру выше других ради декоративного эффекта и достижения элементарного ритма целого.

Головной убор, атрибуты и постамент заставляют видеть в женской фигуре на стеле статую местного женского божества, Великой Матери, Астарты-Афродиты-Апатуры. Известно, что около Фанагории находился храм этой богини (ИАК, XLIX, стр. 17). В Фанагории найдены посвященные ей надписи (IOSPE, II, 411—343 и 347).

Таким образом, героизированный житель Фанагории представлен пирующим рядом с местным божеством. Около статуи изображена девушка, совершающая возлияние на алтарь, справа (?) и слева всей сцены—фигуры мальчиков-слуг.

Образ местной богини придает особую значительность изображениям рядом с ней жителей города, занимавших видное общественное положение.

Отец и дед поставившего стелу, повидимому, представлены в виде двух всадников, один против другого. О том, что в виде всадников на стелах изображались именно умершие, свидетельствует связь с подобными изображениями мужских имен, упоминаемых в погребальных надписях. Так, например, на упомянутой выше двусторонней стеле на одной стороне изображены два всадника, один против другого, один из них на постаменте, позади каждого из них фигура оруженосца; надпись свидетельствует о двух умерших (K.W., XLVII, 666; XLIX, 686). На оборотной стороне этой стелы представлен всадник около сидящей на троне женщины. Сопровождающая надпись дает мужское имя умершего, очевидно также изображенного в виде всадника. На другой стеле с фигурами двух всадников надпись также говорит о двух умерших (K.W., XLIX, 680). Так же и на стеле № 682 (там же).

Эти сопоставления позволяют сделать заключение о том, что два всадника, представленные на нашей стеле, являются изображениями Агафа и Саклея, в память которых поставлена стела.

На боспорских стелах изображений всадников становится особенно много во II—III вв. н.э., их появление связывается с беспокойной обстановкой на Боспоре в это время и особым значением конника в жизни города.

Фигуры всадников на нашей стеле имеют целый ряд общих черт с изображениями на керченских надгробных стелах, но, вместе с тем, и отличаются от них. Обычный костюм всадников состоит из длинных шаровар, концы которых запрятаны в мягкие башмаки, короткой подпоясанной рубашки с длинными рукавами, иногда кафтана или панцыря и застегнутого на одном плече плаща (рис. 2—3; K.W., XXXIII, 45; XXXV, 494; XXXVI, 529), сбоку обычно показан горит.

Наши всадники не вооружены и представлены в парадной одежде—в длинном, широком, лежащем складками кафтане (обычно на стелах рубашка или кафтан от пояса или совсем не показаны, или эта часть очень короткая).

При сравнении изображений двух противопоставленных всадников на керченских надгробных стелах с всадниками нашей стелы выступает их существенное различие: на надгробных стелах всадники построены в геральдической схеме, в полном соответствии обеих частей композиции—лошади в профиль, головой к центру, всадники—голова и плечи в фас, ноги в профиль. Умершие представлены в идеальном образе и вместе с тем трафаретно.

Ростовцев в исследовании «Представления о монархической власти на Боспоре» (ИАК, XLIX, 13), в отдельных экскурсах в «Декоративной живописи на юге России» (стр. 191, 219 и 313) делает попытку раскрыть сложность темы всадника в живописи и на рельефах Боспора и ставит ее в связь с малоазийско-фракийским кругом изображений, с одной стороны, и местной культурой Боспора, с другой.

Изображения на нашей стеле входят в этот круг боспорских памятников, но имеют оригинальные черты.

Хотя общий тип композиции двух противопоставленных всадников тот же, но изображения более реалистичны,—весьма ясно противопоставление людей разного положения и разного возраста. Всадник слева имеет величавый облик и представлен в нарочито торжественной позе—его могучая лошадь показана в профиль, с поднятой левой ногой, как бы гарцующей, голова всадника и верхняя часть тела обращены к зрителю, за спиной развевается плащ, с седла спадают три ремня, свидетельствующие о знатности всадника. Пышные курчавые волосы, широкое, полное лицо, формы свисающих усов и широкой книзу заостряющейся бороды напоминают портреты местных правителей типа Анапской статуи Неокла («Труды ГМИИ», вып. 6.)

Всадник справа изображен молодым, безбородым, с волнистыми, спадающими на шею волосами, перехваченными над лбом узкой лентой, с массивным округлым лицом местного типа, известного нам по боспорским портретам и изображениям на стелах. Этот всадник представлен в скромной позе, в почтительном движении. Вся его фигура обращена к старшему всаднику, а не к зрителю, он сдерживает свою лошадь, натягивает поводья, заставляя ее пятиться назад.

По всей вероятности, левый всадник является изображением Саклея, а правый—Агафа. Взаимоотношение между этими всадниками показано не только различием их возраста и более значительной, исполненной достоинства позой одного из них, но и жестом правой руки последнего, протянутой по направлению к молодому всаднику ладонью вперед, жестом адорации, обещания, благоволения. Этот жест напоминает изображение римского императора М. Аврелия—как конную его статую, так и рельефы триумфального содержания, где он показан на коне, с рукой, протянутой над коленопреклоненной толпой.

Этот жест встречается и на фракийских надгробиях с изображением бога-всадника.

Представленная здесь сцена не имеет отношения к изображениям инвеституры, собранным Ростовцевым в его статье о монархической власти на Боспоре (ИАК, XLIX), и не является изображением культовой сцены. Известная геральдичность композиции, возможно, связана с традициями, восходящими своими истоками к древневосточному искусству и сохранившимися и в античном искусстве. Однако она является всецело местной,—это излюбленный простой прием декоративного и стройного заполнения узкого пространства стелы двумя большими и сложными фигурами—прием, который часто встречается в народном искусстве¹.

На оборотной стороне стелы изваяны такие же два всадника, один против другого; плохая сохранность и отсутствие надписи затрудняют определение представленной сцены, но своеобразие этих изображений выступает столь же ярко, как и на другой стороне стелы. Оба всадника имеют весьма величественный вид: в длинных подпоясанных кафтанах и раз-

¹ См. рисунки в статье В. А. Городцова, Дако-сарматские народные элементы в русском народном творчестве, «Труды ГИМ», 1926, вып. 1.

вевающих за плечами плащах, они сидят на крупных, с подчеркнuto массивными формами, лошадях, держа в руках копьа. Всадник справа изображен на идущем коне, в правой руке его копье, верхней частью тела он обращен к зригелю (как левый всадник другой стороны стелы).

Всадник слева представлен в профиле, как всадник справа на другой стороне плиты. К сожалению, следы головы слишком ничтожны для суждения. Под ногами его лошади изображены, судя по аналогиям на рельефах из Ай-Тодора¹, пантеры (?); однако плохая сохранность изображений, неясность деталей заставляют воздержаться от суждения о содержании всей сцены. По сравнению с изображениями на другой стороне стелы эта сцена отличается особой торжественностью, создающейся и могучими фигурами коней, массы которых нарочито выделены рельефной линией, и величавыми фигурами всадников.

Столь же интересен и стиль рельефов данной стелы. Искусство Боспора римского времени в области скульптуры почти не изучено, и каждый вновь открытый памятник этого искусства позволяет видеть новые, ранее не известные черты, отличающие его от искусства других городов античной периферии.

На страницах ВДИ (1938, № 2, стр. 336) нам удалось показать группу скульптурных памятников Фанагории конца I в. до н.э.—нач. I в. н.э., отличающуюся тенденцией к плоскостной орнаментальной трактовке античных образов (надгробие со сценой погребального пира, костяная пластинка с головой силена и др.). Настоящая стела свидетельствует о существовании в Фанагории во II в. н.э. монументального стиля, где рядом с тенденцией к плоскостности видно и стремление дать крупные объемные, упрощенно трактованные формы. Античные традиции почти растворились в местном искусстве. Уже самая форма стелы не антична: в противоположность сужающимся кверху или же прямоугольным античным

¹ М. И. Ростовцев, Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. ИАК, 4) (1911), таб. II, III, 2, VII.

стелам, она расширяется кверху, нарушая свойственную античному искусству тектонику.

Этот тип местной стелы возник, очевидно, в связи с тенденцией туземной скульптуры к широким, грузным формам, какие наблюдаются, например, на почти квадратной плите с изображением местной жительницы. Такая же расширяющаяся кверху форма свойственна скифским стелам. Местные черты видны как в композиции рельефных изображений, так и в исполнении отдельных фигур. В построении рельефных изображений на стеле наблюдается нарушение свойственной античности замкнутости рельефных картин внутри правильно углубленного четырехугольника, чаще всего обрамленного пилястрами или колоннами. Здесь не только нет и следов наискоса, но даже простое обрамление немного углубленного поля рельефа местами нарушено заходящими на него фигурами, не уместающимися в отведенном для них пространстве, очень большими и тесно поставленными.

В фигурах всадников видна тенденция к живому, реалистическому, не трафаретному и не схематическому изображению, какое наблюдается на обычных надгробных стелах этого времени. Несмотря на огрубевшие формы, скульптор сумел передать естественное, живое движение коней, сдержанное движение всадника справа и властную торжественную фигуру слева, величавые фигуры на оборотной стороне.

В сочетании пластической, объемной трактовки крупных масс с плоскостной трактовкой деталей, экспрессии живого движения и натуралистической точности этнографического типа с обобщенной схемой и заключается своеобразие данного памятника.

Фанагорийская стела отличается от керченских надгробий II в., которые по тщательности передачи деталей, жесткости контуров справедливо сопоставляются с деревянной резьбой.

Памятники боспорской скульптуры, открытые в советский период, представляют собой новый материал для суждения о боспорском искусстве, они свидетельствуют о существовании на Боспоре в первые века нашей эры местного монументального стиля. С Анапской статуей, открытой в 1939 г., связывается целая группа боспорских портретов: одним из звеньев в развитии боспорского портрета являются две портретные статуи Гос. Эрмитажа, открытые в 1851 г. Ашиком; Анапская статуя, точно датируемая надписью и типом портрета, уничтожает сомнения в подлинности этих двух статуй, считавшихся одно время подделкой вследствие целого ряда необычных для римского искусства черт, как-то: грузных форм фигуры, элементов натурализма и противоречивого сочетания пластично и плоскостно исполненных форм—необычных для чисто римского, но свойственных местному боспорскому искусству. При исследовании памятников боспорского портрета, хранящихся в музеях Керчи и Ленинграда, становится ясной вся сложность скульптуры, получившей на Боспоре в римский период особое развитие, а именно: сосуществование одновременно и античного портрета с его пластичными, реалистически трактованными формами и местного натуралистического портрета в лаконичных объемных формах, и массы портретов со смешанными формами—античными и туземными.

Поэтому для установления истории развития боспорской скульптуры очень важны точно датированные памятники. И в этом отношении наша стела открывает новые страницы в истории скульптуры Боспора.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. РАВДОНИКАС, *История первобытного общества*. Часть 2, Изд. ЛГУ, 1947, 392 стр., 152 рис. Тираж 10000. Цена 25 руб.

Перед нами II часть работы, первая часть которой вышла в 1939 г., а III часть, согласно обещанию автора, «выйдет из печати незамедлительно вслед за настоящей частью» (стр. 4). Это—курс лекций, читавшихся проф. В. И. Равдоникасом на историческом факультете Ленинградского государственного университета в 1936—39 гг.

Свой курс автор первоначально предполагал выпустить в двух частях, дав в первой «введение к истории первобытного общества и краткое изложение этой истории от возникновения общества до высшей ступени дикости включительно», а во второй— «историю первобытного общества в период варварства», приложив к ней карты, список литературы и список иллюстраций для всего курса. «Обе части, вместе взятые, являются по словам автора, о п ы т о м у ч е б н о г о п о с о б и я по общему курсу первобытной истории для исторических факультетов высших учебных заведений СССР» (I, стр. 3).

Первая часть курса действительно соответствует первоначальному замыслу автора, но во второй он значительно отклонился от него. Вторая часть книги охватывает только низшую и среднюю ступени варварства (археологически—неолит и для Европы эпоху бронзы). Высшая ступень варварства (эпоха железа) оказалась перенесенной автором в невышедшую еще третью часть вместе с картами, списками иллюстраций и литературы. Но главное не в количественном разрастании книги, а в ее структурном изменении, которое проф. В. И. Равдоникас сам характеризует так:—«Если для периода дикости (палеолит и мезолит—первая часть) можно было дать в кратком изложении достаточно полную общую картину истории человечества, то в настоящей части курса автор, изложив общие вопросы первобытной истории в основном на этнографических фактах, должен был ограничиться для неолита территорией Европы и северной Африки, для эпохи бронзы—только территорией восточноевропейской части СССР» (стр. 4).

Вторая часть «Истории первобытного общества»¹ состоит из 10 глав (XII—XXI), из которых первые восемь (стр. 5—287) посвящены нижней ступени варварства и только две последние (стр. 288—390)—средней. Та и другая ступень характеризуются автором сперва только на одном этнографическом (гл. XII—XV и гл. XX), а затем исключительно на археологическом материале (гл. XVI—XIX и гл. XXI).

В первых четырех главах второй части, привлекая разнообразный этнографический материал, автор дал подробную картину нижней ступени варварства (стр. 5—138). Он начал в главе XII с изображения развития материального производства, особенно подробно остановился на возникновении скотоводства (стр. 6—16), земледелия (стр. 17—24) и лишь отчасти коснулся «развития промышленного производства» (главным образом строительной техники и глиняной посуды) и «типов хозяйства и экономического базиса нижней ступени варварства». В небольшой XIII гл. проф. В. И. Рав-

¹ О первой части в настоящей рецензии говорится лишь попутно, поскольку это необходимо для понимания всей работы в целом.

доникас обрисовал (стр. 30—53) племена низшей ступени варварства: эскимосов, ительменов, папуасов Новой Гвинеи, индейцев Северной Америки и тропической зоны Южной Америки.

В следующей, XIV, главе автор дал общую картину не только матриархально-родового строя низшей ступени варварства, но и тенденций его развития. Начав с изображения парной семьи и пережитков группового брака, рода, фратрии, племени, материнского счета родства и материнской линии наследования, он кончает попыткой разрешить вопросы о локализации брака, авукулате, возникновении патрилокального брака и отцовского счета родства. Автор характеризует не только коллективное производство с естественным разделением труда, но и начатки общественного разделения труда и формы собственности, описывает возрастные деления, юношеские посвящения, мужские союзы и мужские дома, а также родоплеменную замкнутость отношений между племенами, общественно-экономическое равенство членов рода.

В главе XV (стр. 103—138) изображаются общественные представления низшей ступени варварства: тотемизм, магия, анимизм, представление о загробной жизни и культ предков, первобытная космогония, солнечные боги, материнское божество, переоформление древних представлений, культ и его носители, язык и мышление, письмо, фольклор, искусство, положительные знания.

После столь всестороннего освещения низшей ступени варварства автор, казалось бы, должен был уже перейти к еще более подробному изложению следующей ступени истории первобытного общества. Однако и следующие главы, XVI—XIX (стр. 139—288), опять посвящены низшей ступени варварства. Автор дает в них понятие о неолите и даже о энеолите (иначе халколит или медно-каменная эпоха) Северной Африки, Приатлантической, Средней и Северной Европы, не забывая о неолитических поселениях Швейцарии (гл. XVII) и особо выделяя в большую, XIX, главу (стр. 239—287) неолит на территории СССР. Эта глава завершает картину «высшего расцвета первобытно-общинного строя», рисуемую автором главным образом по этнографическим источникам.

«В гораздо более общей форме» (стр. 3), по собственному признанию проф. Равдоникаса, опять-таки раздельно излагая этнографический и археологический материал, всего в двух главах (менее 100 стр.), он описывает разложение первобытно-общинных отношений на средней ступени варварства.

В главе XX (стр. 288—330), опираясь преимущественно на этнографические данные, автор чрезмерно кратко касается: 1) возникновения металлургии меди и бронзы, 2) развития скотоводства и земледелия, 3) развития общественного разделения труда, 4) возникновения патриархально-родового строя, 5) этнографических примеров обществ с патриархально-родовым строем или его пережитками (скотоводческих племен Южной Африки, скотоводов-кочевников, народов Северного Кавказа и южных славян), 6) основных черт патриархально-родового строя и 7) отражения патриархата в археологических памятниках.

В XXI главе (стр. 331—390), самой большой в книге, описывается на археологическом материале эпоха меди и бронзы на территории СССР: Кавказ, степная полоса, среднее и нижнее Приднепровье, лесная полоса Восточной Европы.

На этом прерывается труд проф. В. И. Равдоникаса: его конец в виде ч. III должен еще появиться в свет. Однако напечатанного уже достаточно, чтобы судить об этой капитальной работе по истории первобытного общества. Работа проф. Равдоникаса дает обильный и разнообразный фактический материал. В современной исторической литературе неолит, как автор называет низшую ступень варварства, не имеет еще столь детального освещения. Особенно ценно, что автор, один из крупнейших советских археологов, привлёк большой этнографический материал и сделал попытку изобразить общественный строй низшей ступени варварства не статически, а в его развитии. Он стремился исходить из периодизации Энгельса—Моргана, согласно которой история первобытного общества делится на периоды дикости и варварства, с подразделением каждого на низшую, среднюю и высшую ступени. Современная буржуазная наука, в бешеной ненависти к материалистическому объяснению истории, объявляет не-

научной периодизацию Моргана и замалчивает великий труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Проф. Равдоникас в ряде мест своей книги дает критику идеалистических теорий, особенно реакционных археологов (Густава Коссинна на стр. 227—228, А. М. Тальгрена на стр. 228—229 и др.). Наиболее удачной является его критика идеалистической теории происхождения скотоводства из религиозных побуждений (Ю. Липперт, Э. Ган, Д. Фрезер и др.). Автор совершенно правильно критикует буржуазных представителей реакционной патриархальной теории, признавая примат матриархата. Отмечая «общественно-экономическое равенство членов рода, равноправие мужчин и женщин, а нередко весьма высокое положение женщин в общественной жизни» (стр. 55), он показывает, что патрилинейный счет родства и патрилокальный брак нельзя отождествлять с патриархально-родовым строем (стр. 76). Менее удалась автору критика теории происхождения кувады (стр. 74—75).

Необходимо отметить все же, что критика буржуазных теорий в области истории первобытного общества дана проф. Равдоникасом явно недостаточно.

Наиболее удачно проф. В. И. Равдоникас подошел к объяснению возникновения патрилокальности руководящей ролью мужчины в общественном производстве. В основном материалистически объясняет он происхождение скотоводства и земледелия.

Проф. В. И. Равдоникас исходит из развития материального производства (стр. 10), но не касается развития производственных отношений, упуская, таким образом, из вида развитие общественного способа производства в целом. При объяснении происхождения скотоводства, помимо спорности отдельных утверждений автора (напр., сомнительно приручение северного оленя (стр. 10) в эпоху верхнего палеолита), необходимо отметить отсутствие экономического подхода автора к этой проблеме.

Наибольшую ценность в рецензируемой работе (это относится к обеим частям ее) имеет приведенный автором богатый археологический материал, относящийся к территории СССР и зарубежным странам. Особенно интересны описания неолитического свайного поселения Альвастра в Швеции (стр. 222—225), многослойного местонахождения Гольдберг в Вюртемберге с поселениями «от неолита до эпохи раннего железа—Гальштатта и Латена» (стр. 328), позднелужицкой культуры торфяных поселений эпохи раннего железа на Бискупинском озере в Польше (стр. 374—377) и др. Интересны оригинальные соображения автора о выделении скотоводческих племен из массы варваров в древней Европе (стр. 327) к началу эпохи бронзы.

Нельзя пройти мимо многочисленных и ценных иллюстраций (150 в первой и 152 во второй части), изображающих преимущественно археологические памятники. Образовательное значение их тем больше, что в основном читатель получает воспроизведения первоисточников.

В заслугу автору книги следует поставить его стремление дать «отнодь не догматическое знание», а «творческое построение курса», с «критикой неприемлемых для него положений» (стр. 4). Проф. В. И. Равдоникас не только собрал огромное количество этнографических и особенно археологических данных, но и поставил много интересных вопросов, давая решения ряда весьма сложных проблем истории первобытного общества.

На этом пути, в «такой еще далеко..., по его словам, неустоявшейся области знания, как первобытная история» (стр. 4), автор встретил, однако, такие трудности, что с некоторыми вопросами не смог справиться, а при решении других допустил серьезные методологические ошибки.

Проф. В. И. Равдоникас в первой части своей работы писал, что... «необходимо объединение всех видов источников для изучения общего процесса исторического развития первобытного общества. Одни звенья этого процесса, особенно древнейшие этапы, полнее представлены археологическими памятниками, другие—этнографическими фактами, но и археологические и этнографические данные становятся нередко значительно более ясными в свете лингвистики и других наук» (I, стр. 23). Среди этих «других» следует назвать физическую антропологию, фольклор и гражданскую (письменную) историю.

Правильно оценив значение различных видов источников, автор не провел, однако, последовательного и комплексного изучения их в своем историческом исследовании. В первой части своей работы проф. Равдоникас опирался главным образом на археологические памятники, поясняя их с помощью этнографических источников и почти не касаясь фольклорных, антропологических и лингвистических материалов, а во второй части его исследования, как пишет сам автор, «видное место» (стр. 3) занял главным образом этнографический материал. Проф. Равдоникас, по его словам, «стремился избежать неоправданного смещения этнографических и археологических конкретностей, ограничиваясь их сравнением и сопоставлением, при особом изложении каждой из них» (стр. 3). Получилось же чисто механическое соединение данных археологии и этнографии и полное забвение фольклора, лингвистики и антропологии.

Такова первая методологическая ошибка проф. В. И. Равдоникаса, связанная с рядом других более глубоких.

Особенно важным в работе по истории первобытного общества является правильное решение вопросов периодизации. Энгельсом были уже установлены основы периодизации, и задачей автора, на наш взгляд, являлась дальнейшая конкретная разработка периодизации на основе огромного фактического материала, которым располагает современная наука.

Такая работа является первым опытом создания конкретной истории первобытного общества, и перед автором стояла трудная задача, с которой, по нашему мнению, он справился не в полной мере. Помешали этому, с одной стороны, структурная неслаженность книги, о чем уже говорилось (две части работы построены по разным принципам), а с другой, недостаточная теоретическая разработанность автором вопросов истории первобытного общества. Это последнее привело к тому, что книга проф. Равдоникаса не показывает происхождения, развития и гибели первобытной общины, а является по существу формальным соединением археологических и этнографических данных по истории первобытного общества. Когда же автор пытается уточнить периодизацию Энгельса—Моргана, то он допускает явные ошибки. Так, подразделяя каждый из периодов дикости и варварства на низшую, среднюю и высшую ступени, автор настолько изменяет их, что у него получаются новые, по сравнению с Энгельсом, «ступени культуры». Однако проф. В. И. Равдоникас как будто не замечает этого и продолжает называть их в соответствии с построением Энгельса—Моргана.

Проследим, в чем состоит эти отклонения В. И. Равдоникаса от периодизации Энгельса. Вот что писал Энгельс: «Варварство. 1. Низшая ступень. Начинается с введения гончарного искусства... Отличительной чертой периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений... 2. Средняя ступень. На востоке начинается с приручения домашних животных. На западе—с разведения съедобных растений при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича-сырца) и камня... 3. Высшая ступень. Начинается с плавки железной руды»¹. Он же пишет: «из достижений в области промышленной деятельности на этой (средней.—В. Н.) ступени особенно важное значение имеют два: первое—таккий станок, второе—плавка металлических руд и обработка металлов... Бронза давала пригодные орудия и оружия, но не могла вытеснить каменные орудия»... (Там же, стр. 136—137). Энгельс, таким образом совершенно четко устанавливает определенные грани между различными ступенями варварства и не оставляет ни малейших оснований для каких-либо кривотолков в этом вопросе.

В первой части работы В. И. Равдоникаса (стр. 93) эти выводы Энгельса были почти дословно пересказаны и правильно им поняты. Однако и тогда уже автор, признав, что «существо периодизации Энгельса—Моргана... сохраняет свое глубокое значение» (I, стр. 89), все же вносил в нее отдельные «поправки». Они относились к периоду дикости. По Энгельсу—Моргану средняя ступень дикости начинается с добывания огня трением и употребления в пищу рыбы. Автор же признает основным рубеском,

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, I, стр. 11.

разделяющим низшую и среднюю ступени дикости, «овладение способом добывания огня и переход к охоте на крупных животных. Что касается употребления в пищу рыб, то археологические памятники, которые можно отнести к началу этой ступени (ашельско-мустьерское время), не подтверждают всеобщности и сколько-нибудь значительной важности данного явления в жизни первобытных людей этого времени» (I, стр. 89—90). Таким образом, у проф. В. И. Равдоникаса средняя ступень дикости составляет из двух археологических эпох среднего и верхнего палеолита.

Конечно, проф. В. И. Равдоникас правильно считает, что нет ни одного сколько-нибудь достоверного памятника, который показывал бы употребление в пищу рыбы в «ашельско-мустьерское время», но это вовсе не вызывает необходимости вносить «поправку» в периодизацию Моргана—Энгельса. В культурных слоях эпохи верхнего палеолита (начиная с ориньякской культуры) встречаются и кости рыб и даже их изображения. Поэтому проф. В. И. Равдоникас мог и должен был начать среднюю ступень дикости с верхнего палеолита, а не с «ашельско-мустьерского времени». Успехи, достигнутые наукой после Энгельса, только укрепляют его взгляды на рубеж между низшей и средней ступенями дикости. Советские антропологи своими исследованиями показали, что на грани этих ступеней на смену палеоантропу (неандертальцу) появился неантроп или, как его раньше называли, «разумный человек» (*homo sapiens*). Весь археологический материал показывает, что не между шельской и ашельской, а между мустьерской и ориньякской культурами наблюдаются крупные различия. Поэтому среднюю ступень дикости и надлежит начинать с эпохи верхнего палеолита, когда неантроп употреблял в пищу рыбу.

Нельзя признать удачным и отождествление проф. В. И. Равдоникасом высшей ступени дикости с археологической эпохой мезолита, промежуточной между верхним палеолитом и неолитом. Сложную проблему о датировке древнейших лука и стрел трудно разрешить путем исследования даже различных видов источников (археологических, этнографических и др.).

Делая такие поправки в отношении периода дикости, проф. Равдоникас считал, что «основные признаки средней и высшей ступеней варварства, указанные Энгельсом, сохраняют значение и в свете новейших фактов, но начало скотоводства следует отнести к более раннему времени» (I, стр. 90). Однако в дальнейшем автор не выдержал этого принципа и стал вносить также поправки и в отношении периода варварства.

Среднюю ступень варварства автор начинает металлургией меди и бронзы (стр. 288). Преувеличив древность скотоводства, В. И. Равдоникас преувеличивает значение и древности цветной металлургии. В итоге автор существенно отклоняется от периодизации Энгельса. Под видом ступеней культуры у проф. Равдоникаса выступают в действительности археологические эпохи: вместо низшей ступени дикости—нижний палеолит; вместо средней ступени дикости—средний палеолит плюс верхний палеолит; вместо высшей ступени дикости—мезолит; вместо низшей ступени варварства—неолит; вместо средней—эпоха бронзы; вместо высшей—эпоха железа.

Автор правильно писал, что «археологическая классификация не является периодизацией истории общества» (I, стр. 99). По его словам «объединение археологических и этнографических источников позволяло установить общую периодизацию истории первобытного общества» (I, стр. 89), но во второй части своей книги В. И. Равдоникас подменил все же периодизацию Энгельса—Моргана периодизацией археологической. Автор не сумел раскрыть подлинную историю первобытного общества и показать его развитие. Это выразилось в извращении им периодизации первобытной истории и по ступеням общества, даваемой им рядом и в связи с «археологической» периодизацией. В. И. Равдоникас пишет: «В итоге изучения развития последовательных типов первобытных общин устанавливается следующая их периодизация: 1) первобытное стадо, 2) община с кровно-родственной семьей, 3) матриархально-родовое общество, 4) патриархально-родовое общество, 5) сельская, или территориальная, община» (I, стр. 97). На самом деле история первобытного общества по ступеням развития общества делится на: 1) период первобытного стада и 2) период первобытной общины, который подразделяется на: а) матриархально-родовую и б) патриархально-родовую общины.

Поэтому из пяти ступеней периодизации В. И. Равдоникаса следует исключить последнюю¹. Что касается «Общины с кровно-родственной семьей» (I, стр. 97) или орды с кровно-родственной семьей (I, стр. 117), то на самом деле это не орда и не община, а позднее первобытное стадо, обычно приурочиваемое к среднему палеолиту, следовательно, к концу низшей ступени дикости, а не к началу средней. Возникновение кровно-родственной семьи означало разложение, но отнюдь не конец первобытного стада. Считать новую (хотя бы и древнейшую) форму семьи за новую ступень общества можно лишь при неправильном понимании движущих сил первобытной истории.

Мимоходом брошенное автором замечание: «общественные отношения в родовом строе совпадают с семейно-родственными» (I, стр. 93) не было случайной обмолвкой. Автор действительно неправильно понимает производственные отношения первообитной общины и переоценивает значение семьи в ее истории. Отсюда проистекают его искажения периодизации истории первобытного общества как по культурным, так и по общественным ступеням, и ряд других ошибок в трактовке первобытной истории.

Много неточностей допустил автор в разделе, посвященном матриархально-родовому строю на низшей ступени варварства и тенденциям его развития. Автор правильно признает примат матриархата перед патриархатом, однако его характеристика матриархата несвободна от пережитков реакционной патриархальной теории. Даже развитой материнский родовой строй он называет матриархатом, только «говоря коротко и весьма условно» (стр. 54). В авункулате («преимущественное перед отцом значение брата матери в семье») автор видит одну из наиболее характерных особенностей матриархата (стр. 64), тогда как авункулат является пережитком матриархата в патриархальном родовом обществе. Тем самым проф. Равдоникас выдвигает на первый план не женщину, а мужчину, хотя и не отца, а дядю по матери (авункула). Преувеличение роли мужчины при матриархате приводит его к неправильному предположению, будто случаи патрилинейности, обнаруженные этнографами у ряда племен не только варварских, но и дикарских (например в Австралии), могут рассматриваться как явление стадийное.

Большую путаницу вносит автор, пытаясь дать свое «понимание одной из наиболее трудных и наиболее важных проблем первобытной истории, — проблемы возникновения патрилокального брака и отцовского счета родства» (стр. 76). Он считает, что подобные брак и счет родства «только п р е д в е щ а ю т (разрядка моя.—В.Н.) патриархально-родовые порядки» (стр. 76). Его верная мысль об усилении хозяйственного значения мужского труда в сравнении с женским, как основной причине перехода родового общества к патриархату, искажается различными неверными утверждениями. Источник последних кроется в том, что семья в построениях В. И. Равдоникаса заслоняет род и совершенно устраняет племя.

Согласно автору, «логика (?—В.Н.) патрилокального брака... в исключительных географических и исторических условиях при реальной значимости родовых связей должна привести к отцовскому счету родства...» (стр. 72). Последствием установления патрилокальных браков, по его мнению, было «вытеснение родового землевладения территориально-общинным» (стр. 76.). На самом деле никаких «общинно-территориальных хозяйственных отношений» на низшей ступени варварства быть не могло. Автор забыл, что роды являлись частями племени, а потому всякие внеродовые отношения были племенными, т. е. тоже родственными, как и внутриродовые. При большом внимании автора к истории семьи, развитие ее в период варварства показано им явно недостаточно. Автор говорит о «семейной собственности» (стр. 55—57), парных семьях и о полной хозяйственной самостоятельности патриархальной семьи (стр. 309, 323 и др.) в то время,

¹ Маркс в черновиках письма к Гере Засулич показал, что сельская община является частью зарождающегося и развивающегося гражданского общества (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 677—698).

как рост личной собственности следовало теснее связать с ростом общинной собственности (племенной, родовой, домашне-общинной), о собственности же парной семьи совсем умолчать, поскольку на низшей ступени варварства еще не возникло индивидуальное семейное производство. Согласно Энгельсу, парная семья вовсе не была хозяйственной клеточкой родового общества, а патриархальная только формировалась в качестве хозяйственной ячейки. Неверно В. И. Равдоникас истолковывает и «обособленную собственность» (*Sondereigentum*) Энгельса и Маркса (стр. 84) как «особенную собственность полов в семье» (стр. 85). В итоге автор не смог правильно объяснить даже происхождение предвестников патриархального рода, т. е. патрилокального брака и отцовского счета родства.

Что касается вопросов возникновения патриархального рода, автор удачно, в общем, излагает точку зрения Энгельса (стр. 307—308). Однако он пишет... «Фридрих Энгельс освещает происхождение патриархата т о л ь к о в общей форме, показывая т о л ь к о на примере скотоводческих племен Старого Света, так сказать, самое существо вопроса. Но в действительности патриархат возникал не мгновенно, а как мы показывали выше (в гл. XIV), вызревал еще в недрах материнского рода» (стр. 309). Но Энгельс, как известно, никогда и не утверждал, что патриархат возникал мгновенно. У В. И. Равдоникаса вопрос о предвестниках патриархата, как мы видим, безнадёжно запутан.

Правильно считая, что патриархат относится ко времени разложения первобытно-общинных отношений, что существенной особенностью его было патриархальное рабство, возникновению последнего автор уделяет всего несколько строк (на стр. 307). Автор, подробно характеризовавший идеологию обществ низшей ступени варварства (гл. XV), уделяет явно недостаточное внимание характеристике идеологии на средней ступени варварства (в гл. XX этому отводится менее одной страницы).

В книге проф. Равдоникаса не осуществлены известные указания товарища Сталина: «значит, первой задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества» (История ВКП(б), Краткий курс, стр. 116). Производственные отношения остались непонятными для проф. В. И. Равдоникаса, и потому он не смог восстановить ступени развития первобытной общины, показать начало ее разложения и превращение в гражданское общество. Таковы, на наш взгляд, основные ошибки проф. В. И. Равдоникаса.

Вся работа пестрит неточными выражениями и ошибочными замечаниями автора. Особенно много их в области этнографии. Автор путает американку Э. Парсонс, исследовательницу индейцев-пуэбло (стр. 48) с Паркинсоном, исследователем... Океании! Вопреки Энгельсу—Моргану, он относит индейцев-пуэбло не к средней, а к низшей ступени варварства (стр. 30 и 46). В коренном населении Австралии («австралийцах») он усматривает представителей то высшей ступени дикости, то даже низшей ступени варварства, умалчивая об отнесении их Энгельсом—Морганом к средней ступени дикости. На стр. 6 он помещает эскимосов рядом с австралийцами на высшую ступень дикости, а на стр. 30 эскимосы оказываются стоящими «близко к началу периода варварства». К средней же ступени варварства не менее произвольно автор относит готтентотов, кафров (термин, оставленный теперь уже этнографами), народы Северного Кавказа, южных славян и т. п. На стр. 13, давая изображение якута с оленем-манщиком, автор в подписи под рисунком называет якута тагвгийцем. На стр. 32 узловое письмо приписывается индейцам Северной Америки, а письмо, напоминающее наши ребусы,—Перу, тогда как общепринятым является обратное.

В области археологии ошибок несколько меньше. На стр. 330 спорно приурочение древнейших кельтов к эпохе бронзы, а на стр. 301 отнесение к ней же деревянных плугов из Деструпа, Деберготца, Торна. Не раз анализ археологических остатков древних жилищ исходит из сбивчивых понятий автора парной (на стр. 200 и 224) или патриархальной семьи. Большое недоумение вызывает отсутствие в книге описания крито-эгейской культуры.

Особенно много ошибок содержит глава XV, посвященная «общественным представлениям низшей ступени варварства». Это едва ли не самая слабая часть книги.

В ней обнаруживается формалистская трактовка первобытного искусства, социальное значение которого показано автором (стр. 134—136) недостаточно. В. И. Равдоникас не критически принимает идеалистическую анимистическую теорию происхождения религии либерального буржуазного ученого Э. Тейлора (стр. 110—111, 114). Почти без критики автор следует реакционной (расистской по своей сущности) теории дологического мышления французского позитивиста Леви-Брюля, подробно излагая ее на стр. 126—129. В частности он разделяет взгляды Леви-Брюля на сказку как на десакрализованный миф (стр. 133). Не по-марксистски звучит данная автором характеристика личной собственности, оказывающейся (совсем по Леви-Брюлю) тем, «что тесно связано с каждым отдельным человеком, что как бы составляет часть его личности, сопричастно с ним, согласно нормам магического мышления» (стр. 83). Проф. Равдоникас не сумел, кроме того, показать и отличие личной собственности от частной (стр. 324). Этот раздел книги проф. В. И. Равдоникаса особенно изобилует ссылками на труды буржуазных иностранных ученых, чрезмерное почитание которых проявляется у автора. Немец Вильгельм Вундт именуется им только «известным психологом» (стр. 11), англичанин Эндриу Лэнг и француз Дюркгейм называются только «крупными учеными», а Джемс Фрэзер даже объявляется «одним из крупнейших этнологов современности» (стр. 77). Критика, которой автор подверг взгляды немецкого этнолога Рихарда Турнвальда за его отрицание прогресса в развитии семьи (стр. 57), слишком аполитична. С другой стороны, достижения русских и особенно советских ученых автором систематически замалчиваются. Из дореволюционных ученых им названо несколько этнографов (Крашенинников, Миклухо-Маклай, Н. Харузин), и несколько археологов (А. А. Иностранцев и В. В. Хвойко). Из советских этнографов названы только двое: Л. Я. Штернберг и М. О. Косвен. Советские археологи упоминаются только дважды: (на стр. 271 и стр. 297), в обоих случаях—это проф. В. И. Равдоникас,—единственный из советских археологов, упомянутый в книге, где описано несколько десятков археологических памятников, открытых советскими учеными. Недооценка роли и значения русской и советской археологии выступает тем выпуклее, что автор указывает слишком много иностранных археологов, в их числе почти неизвестных: Пира (стр. 228), Риг (стр. 238) и др.

В Институте этнографии АН СССР на двух заседаниях Ученого совета в мае 1948 года происходила дискуссия по книге «История первобытного общества» проф. В. И. Равдоникаса. Под председательством проф. С. П. Толстого в ней участвовали этнографы (проф. М. О. Косвен, проф. С. А. Токарев, доц. М. Г. Левин и др.), археологи (проф. А. Я. Брюсов и проф. С. В. Киселев) и историки (проф. В. К. Никольский, доц. Б. И. Шаревская, Д. Г. Редер и др.). Книга проф. В. И. Равдоникаса вызвала со стороны большинства выступавших вполне заслуженную критику. В ходе обсуждения книги значительное место заняло выяснение, пригодна ли она в качестве учебного пособия. Единодушно все, касавшиеся этого вопроса, ответили на него отрицательно.

Проф. В. И. Равдоникасу не удался его «опыт учебного пособия». В 1938 г. издательством ЛГУ была напечатана программа курса истории первобытного общества проф. В. И. Равдоникаса для студентов исторического факультета. В программе находятся такие основные разделы: эпоха дикости, от дикости к варварству (высшая ступень дикости и низшая ступень варварства), эпоха варварства (средняя и высшая ступени). Здесь неправильно фигурируют и сельская община и «дородовая община с кровнородственной семьей». Этой программе и соответствует во многом курс проф. В. И. Равдоникаса. Однако в Великую Отечественную войну и особенно после нее преподавание древней истории поднялось на гораздо более высокий уровень. На исторических факультетах университетов и педагогических институтов теперь имеются специальные курсы: введение в археологию, этнография, история первобытного общества. Четкому размежеванию этих курсов очень помогла утвержденная Министерством высшей школы программа по истории первобытного общества, составленная проф. М. О. Косвеном. Соединять механически археологию и этнографию и преподносить это под именем «Истории первобытного общества» нельзя. Нельзя дезориентировать студен

тов, для которых «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса стало настольной книгой, произвольно переделывая периодизацию истории первобытного общества или перемещая, вопреки Энгельсу, индейцев-пуэбло со средней ступени варварства на низшую, австралийцев со средней ступени дикости на высшую. Нельзя нарушать бюджет времени нашего студенчества, отводя на курс по истории первобытного общества 650 стр. (да еще готовится к печати третья часть!). Благодаря самостоятельному преподаванию этнографии и введения в археологию на лекционный курс истории первобытного общества отводится всего 20—24 часа. Правда, в книге проф. В. И. Равдоникаса имеется и мелкий шрифт, который с 15 страниц в первой части возрос до 52-х во второй, но это не спасает студентов от перегрузки, особенно в силу необычайной трудности и неточности изложения проф. В. И. Равдоникаса. Так, например, соросат он определяет как «соучастие (!) сестры в половой жизни другой сестры» (стр. 58). Он пишет о «подготовке урожаев для хранения в запасах» (стр. 19), о «письменных известиях и старых книгах XVII—XVIII веков» (стр. 41). Трудно понять, например, такое предложение: «Такова, например, в западной Европе культура колоколовидной керамики, получившей название по типичным для нее сосудам колоколовидной формы, украшенным располагающимися горизонтальными полосами или зонами орнаментом из геометрических узоров, плетений, горизонтальных линий, зигзагов и т. д.» (стр. 326). Образовательное значение книги снижается еще и тем, что рисунки в ней описаны слишком кратко, не всегда раскрыто значение отдельных изображений, источники их не указаны, наряду с ценными зарисовками памятников встречаются не всегда надежные реставрации. Плохо разработан научный аппарат; нет ссылок на цитируемые работы, автор часто ограничивается лишь указанием фамилии ученого и даже не приводит названия самой работы.

Все это позволяет считать «опыт» проф. В. И. Равдоникаса неудачным, так как он не дал учебного пособия по истории первобытного общества, пригодного для советского студенчества.

Проф. В. К. Никольский

Проф. В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, ч. I. Уч. зап. МГПИ им. Ленина, т. XLVI, вып. 2, 1947.

Первая часть труда проф. В. Н. Дьякова «История римского народа в античную эпоху» представляет собой интересную попытку дать такое пособие, которое, по словам автора, не будучи учебником обычного типа, вводило бы читателя «более глубоко и равносторонне в круг вопросов, связанных с изучением истории древнего Рима» (см. предисловие). Этими словами определяется своеобразие рецензируемой работы, а поэтому сразу же отпадает ряд требований и условий, удовлетворения которых мы вправе ожидать от учебника «обычного типа».

Очевидно, вышеупомянутой установкой обусловлен тот факт, что концепция автора дана всюду чрезвычайно резко и определенно. Это ощущается уже в самом названии курса, в котором автор как бы хочет подчеркнуть, что он не столько интересуется историей римского государства, каковая является обычно основным содержанием курсов римской истории, но историей римского народа. Подобную постановку вопроса можно только приветствовать; однако на основании знакомства с первой частью книги пока еще очень трудно судить, сможет ли автор оплатить выданный им крупный вексель. Наоборот, нам хотелось бы со всей силой подчеркнуть то обстоятельство, что трудности, стоящие перед автором, по мере его углубления в материал римской истории и по мере развития и продолжения курса будут неуклонно возрастать. Если понятие «римский народ» применительно даже к раннему периоду римской истории может вызвать ряд соображений явно дискуссионного порядка, то какое же содержание вложит автор в это понятие и как он распространит его на население римских земель в период превращения Рима в великую

средиземноморскую державу и, тем более, к эпохе римской империи? Кроме того, некоторое недоумение вызывает заключительная часть заглавия, ибо если уже говорить о римском народе, то о какой же иной эпохе может идти речь, кроме античной?

Достоинством книги является живость и яркость изложения. В этом чувствуется огромный педагогический опыт и мастерство В. Н. Дьякова. Некоторые разделы книги (например, гл. II, §§ 4 и 5, гл. IV, §§ 3 и 4, гл. V, § 2) читаются с большим интересом, хотя в этих главах отдельные положения автора и не могут быть приняты безоговорочно.

Наиболее крупным достоинством рецензируемого труда является то обстоятельство, что в нем, как это и можно определить на основании вышедшей в свет первой части, достаточно подробно и широко трактуется тот ранний период римской истории, который обычно занимает чрезвычайно скромное место даже в наших лучших учебных пособиях. И в специальной русской исторической литературе эти вопросы тоже почти не разрабатывались. За исключением известных трудов В. И. Модестова, посвященных в основном проблемам доисторической этнологии, нам известны лишь работы Д. Азаревича «Патриции и плебеи в Риме» (1875), Ю. Кулаковского «К вопросу о начале Рима» (1888) и А. Ф. Энмана «Легенда о римских царях» (1896), причем в настоящее время все эти работы в значительной мере приходится признавать устаревшими. В советской историографии, за исключением некоторого интереса к этруссской проблеме (см., например, Н. Я. Марр, «Избранные работы», т. I, 1933, стр. 137—148, том II, 1936, стр. 3—126), эти проблемы, к сожалению, вплоть до самого последнего времени также не освещались. Выход в свет первой части «Истории римского народа» проф. В. Н. Дьякова, наряду с опубликованной в середине 1948 г. работой проф. С. И. Ковалева «Проблема происхождения патрициев и плебеев» («Труды юбилейной научной сессии ИГУ»), дают уже возможность судить о понимании советскими историками этого столь сложного для изучения периода римской истории. Точка зрения советских историков по этому вопросу выражена теперь с большей определенностью.

Каково же отношение автора рецензируемого курса к этому периоду, какова трактовка некоторых основных проблем, вытекающих из изучения ранней истории Рима? Здесь мы хотели бы прежде всего остановиться на тех конкретных разделах курса, которые, с нашей точки зрения, дают слишком спорное, или иногда даже неприемлемое истолкование материала.

Наименее приемлемым представляется нам изложение и трактовка так наз. реформы Сервия Туллия. Автор развивает новый взгляд на существо этой реформы. На стр. 63 мы читаем: «Напрасно только эту реформу рассматривают как некое подобие дела Солона в Афинах и видят в ней введение тимократии в Риме...» и дальше: «Нет основания говорить о введении Сервием Туллием тимократии, т. е. конституции с наделением правами пропорционально имуществу, уже потому, что этруски были полными хозяевами и господами в Риме и поэтому производили распределение не прав, а повинностей. И в этом отношении реформа царя Сервия Туллия была характерным для этруссского управления завоеванными территориями мероприятием, одновременно податным и военно-организационным».

На первый взгляд, подобной трактовке реформы нельзя отказать в известной логичности и правдоподобию. В самом деле, если мы только признаем факт этруссского владычества над Римом и признаем современность реформы этому периоду истории, то толкование реформы, предлагаемое проф. В. Н. Дьяковым, кажется вполне вероятным. Аналогия с реформами Солона—Клисфена вполне могла быть навеяна анналистической традицией, приспособлявшей события отечественной истории к греческим образцам. Конечно, сама реформа в том виде, в каком она сохранена традицией, есть в значительной мере искусственное и этиологическое построение.

Но и гипотеза В. Н. Дьякова представляется нам в значительной степени искусственной. Автор не обосновывает ее конкретно-историческим материалом (да это едва ли и возможно), и она возбуждает у читателя ряд недоуменных вопросов. Таков, например, вопрос о том, в чем выражалась сама «подать», ибо для традиционной эпохи, т. е. для начала VI в., не может быть и речи о денежном ее выражении.

Развивая свою точку зрения на реформу Сервия Туллия, В. Н. Дьяков попадает в противоречие с оценкой реформы, данной Энгельсом.

Энгельс, как известно, высоко оценивал значение реформы Сервия Туллия, считая ее революцией, положившей конец древнему родовому строю (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 107). Таким образом, в понимании Энгельса—это революция, идущая снизу, от народных (плебейских) масс; в трактовке же В. Н. Дьякова—это мероприятие, идущее сверху, т. е. от этруских властителей.

Классические выводы и имя Энгельса даже не упоминаются автором в главе, посвященной реформе (стр. 61=65), что является крупным недостатком рецензируемой работы. Кроме того, по одному из своих выводов он вступает еще в одно противоречие с Энгельсом. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» говорится об образовании рабовладельческого государства в Риме применительно к эпохе С. Туллия (VI в.), автор рецензируемого труда считает возможным говорить об оформлении классового общества и государства в Риме только в результате «революции V—IV вв.» (стр. 98, 100, 119, 128).

Чрезвычайно спорным представляется нам и понимание войн, ведшихся Римом в V—IV вв., как «150-летней внешней борьбы Рима за независимость» (гл. IV, стр. 68—80). Автор здесь странным образом оказывается в плену римской патристической традиции, против чего он сам предостерегает (стр. 78) и целиком переходит на «проримские» позиции; конечно, оборонительный характер войны против галльского нашествия не может вызвать серьезных возражений, но даже ранние войны с вейями, вольсками, эквами и сабинами едва ли могут рассматриваться только как оборона Рима от внешней агрессии, как борьба римлян «на четыре фронта» против «наседавших на него со всех сторон врагов» (стр. 72). Те свидетельства Ливия, на которые опирается В. Н. Дьяков [и которого, кстати, он сам называет апологом римской старины (стр. 80)], рисуя такую картину «150-летней оборонительной борьбы Рима» (например, Liv., II, 48, 7; 63, 7; III, 6 и т. д.), несомненно, тенденциозны и не могут быть положены в основу нашего представления о ранних войнах Рима без проверки их методами серьезной исторической критики. Чувствуя, очевидно, что изложенная в гл. IV концепция 150-летней борьбы римлян за свою независимость может вызвать серьезные возражения, автор делает оговорку относительно того, что «Рим и его союзников в этой борьбе нельзя, конечно, как это иногда делается (С. У.) рассматривать только как страдающую сторону» (стр. 79),— и дальше идет упоминание о разрозненных походах отдельных патрицианских родов и «римской общины в целом». Однако эта оговорка ничего не меняет в общей картине, широкими мазками набросанной в гл. IV, но лишь звучит явным диссонансом.

В связи с изложением и оценкой ранних римских войн перед нами возникает другой вопрос: отношение автора рецензируемой работы к традиции. Оно представляется нам не всегда последовательным. Наряду с общей установкой и стремлением автора избежать опоры на традицию, наряду с критическим отношением к ней, автор иногда неожиданно привлекает как раз наиболее сомнительные свидетельства и данные традиции. Только что был указан пример безоговорочно доверчивого отношения к патристической интерпретации войн V—IV вв. у Ливия. Глава VI начинается с критики римской исторической традиции (стр. 98—99) и в дальнейшем, излагая ход борьбы между патрициями и плебеями, автор нередко подчеркивает «усердную чистку и подтасовку материала» (стр. 105) римскими историками, дублирование событий (стр. 114), тенденциозное извращение фактов (стр. 115), а иногда и полную фантастичность передаваемых традицией легенд. Но вместе с тем в этой же главе трижды (стр. 107, 111, 113) упоминается, как историческое лицо, Кориолан, а из высказываний автора об ожесточенной борьбе, предшествовавшей появлению законов XII таблиц, и Кориолане (стр. 113) следует, что здесь считается возможным доверять тому же Фабию Пиктору, по поводу которого немногими строками ниже (стр. 115) сказано, что доверять ему нельзя (о децемвирате). Менений Агриппа с его, по словам Маркса, «пошлой басней» упоминается автором один раз, видимо, как пример тенденциозного извращения событий римскими историками (стр. 105), а на следующей странице его

миссия на священную гору оказывается историческим фактом (стр. 106). Речи трибунов V в. у Т. Ливия В.Н. Дьяков рассматривает, как «проицированные в старину варианты ораторских выступлений вождей народной партии I века» (стр. 98), а вся история с борьбой за проведение законов Лициния-Секстия, как и содержание самих законов, рассказаны строго по Ливию и без всяких оговорок, хотя, с точки зрения критиков традиции (например, Низе, Белоха, де-Санктиса, Пайса, Р. Ю. Виппера и др.), это такое же «проицирование в старину» политической борьбы и политических лозунгов II—I вв., как и упомянутые речи трибунов.

В чрезвычайно ярко написанном географическом обзоре (гл. I, стр. 7—12) мы должны отметить некоторое внутреннее противоречие и одновременно некоторую переоценку географического фактора. В самом начале обзора говорится: «географические условия и топографические данные следует, конечно, изучать не как исторические факторы, какими они являются в относительно малой мере» (стр. 7). Однако этому правильному утверждению довольно резко противоречит делаемый несколькими строками ниже вывод автора: «действительно морское положение на Апеннинском полуострове...—о с н о в н о й ф а к т (разрядка наша.—С. У.) во всей древней истории и Италии, и римского народа» (стр. 7—8).

Не совсем удачно, с нашей точки зрения, охарактеризована этногоническая теория Марра и, в частности, положительные стороны этой теории (стр. 21—23). Автор здесь ограничивается лишь несколькими общими фразами по поводу «близости» теории Марра «с общими марксистско-ленинскими установками». Было бы желательно несколько переработать этот небольшой раздел и после изложения основных выводов Марра указать, в чем конкретно заключаются сильные и слабые стороны его теории.

В гл. III переоценивается роль культурного фактора (ср. с итогом гл. I, § 2, стр. 17—18). Об этом свидетельствуют уже самые заголовки § 3 и § 4 (стр. 52, 61), в особенности заголовки «Влияние этрусской культуры на Рим», хотя на самом деле речь идет не только о влиянии этрусской культуры, но и о покорении Рима этрусками и о глубоких изменениях в социально-экономической основе римской общины (см. трактовку реформы Сервия Туллия!) в связи с этим завоеванием. Переоценка культурного фактора сказывается и в том, что, например, успехи этрусской экспансии в Италии объясняются превосходством «этрусской культуры» (стр. 55), тогда как, очевидно, на первое место следует выдвинуть соображение о превосходстве социально-экономической базы этрусского общества, тем более, что сам автор подчеркивает высокий уровень этрусской техники, сельского хозяйства и торговли (стр. 56—57). Возможно, что В. Н. Дьяков термин «этруская культура» толкует распространительно и включает в это понятие не только явления культуры в специфическом значении слова, но тогда не менее резко придется возражать против такой расплывчатой терминологии (см., например, «культурные излучения», стр. 61).

В связи с этим несколько слов о терминологии автора. Она не всегда бесспорна и в отдельных случаях грешит «модернизаторским уклоном». Так, едва ли можно говорить о латинских «городах» VI в., как о бойких центрах ремесленной и торговой деятельности (стр. 66), причем не только в смысле терминов, но и по существу (ср. с «бойким рынком» под Авентином в VIII в., стр. 36). Еще менее удачны такие определения, как «бродяги и нищие, вроде греческих фетов» (стр. 100), «римский пролетариат I века» (стр. 104) и, наконец, характеристика нобилей как «зажиточных мужиков-скопидомов кулацкого (I—С. У.) типа» (стр. 131).

В заключение—об оформлении книги. Нельзя не пожалеть об отсутствии иллюстраций, которые прямо необходимы в разделах, посвященных археологии (гл. I, § 2, стр. 13—18; гл. II, § 3, стр. 33—36; гл. III, § 1, стр. 49—50) и культуре (гл. III, §§ 2 и 3 стр. 50—61), и отсутствию географических карт, наличие которых значительно бы помогло усвоению многочисленных терминов и названий (например, в гл. I, § 1, стр. 7—12 и т. д.). Но если отсутствие карт и иллюстраций можно извинить материальными возможностями издания, то ничем не может быть оправдано поистине огромное количество опечаток. Перечислить их нет никакой возможности. Особенно пестрит ими ино-
странный текст и, в частности, немногочисленные греческие названия и термины. Так,

например, в названии труда Диодора βιβλιοθήκη ἱστορίῃς в каждом слове по две опечатки, в названии труда Дионисия Ρωμαϊκὴ ἀρχαιολογία— в каждом слове по три опечатки и т. д. Но опечатки встречаются самым необъяснимым образом и в русском тексте: например, «Торенто» (?) на стр. 16, «С. М. Жебелев» (надо—С. А. Жебелев) на стр. 19, неправильна дата смерти Н. Я. Марра на стр. 21, «нарушимости» (вместо нена-рушимости) на стр. 94, «Волер (!?) Публилий» на стр. 107 и т. д. и т. д. Это ничтожная часть замеченных нами опечаток, обилие же их, несомненно, портит впечатление от книги. Она должна быть переиздана с устранением указанных противоречий, неясностей и опечаток в тексте.

С. Л. Утченко

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Н. А. МАШКИНА «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА»

Вышла в свет книга Н. А. Машкина «История древнего Рима», допущенная Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов (ОГИЗ, 1947 г.). Книга представляет собой объемистый том (679 стр.) и состоит из следующих разделов: источниковедение и историография древнего Рима (стр. 5—58), доримская Италия в древнейший период истории Рима (стр. 59—100), эпоха ранней республики (стр. 101—134), превращение Рима в сильнейшее государство Средиземноморья (стр. 135—156), Рим и эллинистические государства в первой половине II в. до н. э. (стр. 157—173), римское общество в середине II в. до н. э. (стр. 174—205), эпоха гражданских войн (стр. 206—355), эпоха ранней империи (стр. 356—517), кризис III в. (стр. 518—540) и, наконец, последний раздел: поздняя Римская империя (стр. 541—585). Таким образом, в книге дается систематическое изложение истории древнего Рима в полном соответствии с программой этого курса для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Следует отметить удачный подбор иллюстраций, карт и тщательно разработанных указателей: подробный библиографический указатель, составленный самим автором, хронологические и справочные таблицы, указатель имен, географических названий, исторических терминов и важнейших событий. Карты составлены не только в соответствии с определенными этапами истории Рима, но и применительно к отдельным историческим событиям, например, дается схема похода Ганнибала в Италию.

В мае 1948 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР при участии кафедры древней истории МГУ состоялось обсуждение этой книги. В обсуждении приняли также участие члены кафедр древней истории МГПИ им. Ленина, областного и городского педагогических институтов. Председательствующий чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкин предложил обсудить книгу не только по существу ее содержания, но и с точки зрения чисто педагогической, как учебное пособие.

Вступительный доклад сделал С. Л. Утченко. Отметив, что выход в свет нового большого курса по истории Древнего Рима является чрезвычайно положительным фактом и значительным событием в научной жизни, докладчик показал, что в целом этот курс построен удачно и представляет собой солидное учебное пособие для студентов.

Архитектоника книги, по мнению докладчика, удачна, изложение материала компактно и вместе с тем дает полное освещение всех сторон истории римского общества. Каждый раздел построен так, что в нем наряду с политической историей излагаются вопросы экономики, культуры, социальные проблемы, политические идеи и т. д. Книга отличается точностью изложения и почти полным отсутствием фактических ошибок.

С. Л. Утченко отметил также удачно выбранную Н. А. Машкиным авторскую позицию, при которой отсутствует беспристрастное «объективистское» изложение, но вместе с тем не приводятся спорные, «оригинальные», не доказанные еще гипотезы и концеп-

ция. Книга не является «фактокопилькой», в ней нет беспартийного отношения автора к излагаемому материалу, чувствуется стремление осмыслить и обобщить этот материал с марксистских позиций.

К числу удачно разрешенных автором проблем докладчик относит проблему рабовладельческого способа производства. Мысль о развитии этой социально-экономической основы римского общества красной нитью проходит через всю книгу и является активно выступающим фоном излагаемых автором исторических событий. В тесной связи с этой проблемой автор вводит новые, свежие данные, как, например, сведения о мероприятиях Августа по укреплению рабовладельческого строя (гл. XXIV, стр. 363—365). Правильно дается оценка так наз. «законодательства в пользу рабов» императоров Клавдия, Адриана, Антонина Пия, которое, как показывает автор, было одним из симптомов кризиса рабовладельческого строя.

Удачно разрешена автором проблема социально-политических движений в Риме. Здесь также привлекается свежий материал, например, подчеркивается участие рабов в движении Клодия (гл. XXI, стр. 305), указывается роль рабов в проскрипциях 43 года (гл. XXII, стр. 327—328). Ярко показаны особенности и пути развития римской демократии. Движение Гракхов справедливо оценивается как начальный этап классического периода римской демократии. Тщательно прослеживается линия развития борьбы римской демократии и деятельность Аппулея Сатурнина и Ливия Друза Младшего. Удачна трактовка движения Катилины (гл. XIX), избегающая обычных крайностей в его освещении. С самой положительной стороны С. Л. Утченко отметил раздел, посвященный христианству, и последовательное, систематическое изложение развития римского права, что до сих пор отсутствовало в учебных пособиях по общей истории Рима.

Наряду с этими положительными сторонами книги Машкина докладчик отметил некоторые принципиальные проблемы, которые, на его взгляд, не получили должного освещения в учебном пособии и изложены менее удачно. К числу этих проблем докладчик относит вопрос о кризисе III в., проблему цезаризма и проблему культурного развития.

С. Л. Утченко считает, что 7-й раздел курса, посвященный кризису III в., несоразмерно краток, а весь материал этого раздела не обобщен одной плодотворной мыслью. Не показано единство многообразных аспектов кризиса, находившего свое выражение в различных явлениях политической, экономической и государственной истории Рима. Недостаточно подчеркнута мысль об экономической основе кризиса, а именно, о развитии колоната как наиболее яркой и характерной черте кризиса в области экономики. Недостаточно показано отражение кризиса в области политических взаимоотношений (гражданские войны, господство солдатчины) и в сфере идеологии рабовладельческого общества (распространение и утверждение христианской идеологии). Все эти вопросы нашли свое разрешение в других разделах книги, но от этого проиграло изложение кризиса III в. в целом. Весь материал, характеризующий кризис III века, оказался рассредоточенным по разным разделам книги, и в результате оказалось, что в главе о кризисе III века отсутствует четкий вывод о трех аспектах этого кризиса—экономическом, политическом и идеологическом, между тем этот вывод имеет принципиально важное значение.

Принципиально важным недостатком считает С. Л. Утченко и отсутствие в учебнике проблемы цезаризма, несмотря на то, что самому Цезарю уделяется достаточно много внимания. Очевидно поэтому в книге нет ответа на вопрос, в чем же состоит отличие цезаризма, или режима Цезаря, от режима, установленного Августом.

Нет в книге ответа и на вопрос о том, почему нельзя модернизировать понятие цезаризма, в чем вред этой модернизации. Ввиду распространенности такой модернизации в буржуазной историографии, в учебнике необходимо хотя бы вкратце сформулировать марксистскую точку зрения на этот вопрос.

Последним крупным вопросом, вызвавшим возражения со стороны докладчика, является разработка Н. А. Машкиным вопросов культуры. Подчеркнув серьезное внимание автора к разработке вопросов культуры, С. Л. Утченко обратил внимание на то,

что общая концепция автора в отношении этих вопросов не безупречна. Автор делает удачную попытку дать историю римской культуры в связи с развитием общества, отвергая традиционный для буржуазной науки, идущий от Моммзена, взгляд на римскую культуру, как исключительно подражательную, а на римлян, как на творчески бес- сильных эклектиков. Однако Н. А. Машкин не показывает, что процесс развития рим- ской культуры был процессом напряженной идеологической борьбы, столкновением противоречий, диалектическим процессом, а не мирным и идиллическим. Автор не подчеркивает должным образом, что именно преодоление иноземного культурного влияния и привело, в конечном счете, к созданию «классического римского стиля». Об этом свидетельствует и деятельность Катона и целый ряд отдельных социальных взрывов, которые условно называют «национальной реакцией в Риме»; на это же ука- зывает политика Августа и т. д. Отсутствие освещения этой проблемы в книге обедняет картину культурной жизни и идеологической борьбы римского общества.

В заключение докладчик остановился на отдельных, частных вопросах, не получив- ших должного освещения в курсе, отметил имеющиеся опечатки и некоторые неверные даты (дата возвращения Полибия на родину, битва при Вадимонском озере, годы пра- вления императора Филиппа, разрушение Пальмиры).

Выступивший после доклада ответственный редактор книги А. Г. Бокшанин пока- зал огромную работу автора по созданию учебного пособия, подбору иллюстративного материала к нему, разработке библиографии и подсобных разделов. Он отметил, что, в результате тщательной работы над текстами источников, автором в ряде вопросов дается трактовка, идущая иногда в разрез с установившейся традицией. Это относится, например, к освещению битвы при Каннах и к использованию автором указания Ам- миана Марцеллина о битве при Адрианополе. Вопреки установившейся традиции, рисо- вавшей исход битвы при Каннах как абсолютную катастрофу для Рима, автор показы- вает, что римский сенат отказался вести переговоры с Ганнибалом, считая себя доста- точно сильным для того, чтобы продолжать борьбу. Используя данные Аммиана Мар- целлина, Н. А. Машкин удачно сравнивает битву при Адрианополе с битвой при Кан- нах, подчеркивая принципиальное отличие положения Рима III в. до н. э. по сравнению с IV в. н. э.

Редактор согласился с критическими замечаниями докладчика относительно раз- работки в книге вопросов культуры, но решительно возразил против его замечания о кризисе III в. Он считает, что этот последний вопрос представлен автором четко и исчерпывающе и дать его для студентов I курса в большем объеме, чем это сделано, не представляется возможным.

К числу недостатков книги А. Г. Бокшанин отнес некоторую перегрузку книги хронологическим материалом, особенно перегрузку хронологической таблицы, которую студенты должны знать в качестве обязательного минимума.

А. Г. Бокшанин отметил, что некоторые результаты работы по книге в течение первых нескольких недель по ее выходе в свет показали полную несостоятельность его опасений относительно трудности текста. Он считает, что книга вполне отвечает уровню нашего студенчества, который значительно поднялся в последнее время.

В развернувшихся затем прениях выступило 10 человек (Ф. А. Петровский, Д. Г. Редер, Ю. С. Крушкoл, К. К. Зельин, О. И. Севастьянова, Н. Н. Пикус, П. Н. Тарков, В. К. Никольский, Г. Б. Пузис, М. Е. Грабарь-Пассек).

Всеми выступавшими единодушно отмечалось, что книга по своему объему, харак- теру материала и методу изложения, вполне отвечает требованиям, предъявленным не только к учебному пособию, но и к учебнику по истории Древнего Рима, каковым по существу она и является. Выступавшие в этом направлении (Д. Г. Редер, Ю. С. Круш- кол, В. Н. Никольский, Н. Н. Пикус, О. И. Севастьянова, Ф. А. Петровский и др.) подвергли подробному рассмотрению фактический материал книги, объем ее, соотно- шение частей, порядок расположения материала, особенности изложения, подбор иллюстраций и т. д. Указывали на необходимость срочного выпуска дополнительного тиража.

Совершенно единодушно все выступавшие отмечали достоинства книги в методи-

ческом отношении: тщательный отбор материала, удачный объем книги, увлекательность ее, систематичность изложения. Ф. А. Петровский особенно подчеркнул, что книга имеет огромное педагогическое значение. Легкое усвоение содержания книги достигается автором путем чрезвычайно рельефного освещения фактов при крайне сжатом изложении фактического материала. Он считает, что книга должна быть настольным пособием каждого студента университета. Проф. М. Е. Грабарь-Пассек отметила литературные достоинства книги, указав, что каждая фраза этого учебного пособия написана четко, прекрасным русским языком, каждая мысль выражена наилучшим образом. Удачное литературное построение делает книгу Н. А. Машкина интересной; этому способствует и правильное использование исторических анекдотов, знание которых необходимо для культурного человека.

Кроме того, было отмечено, что книга Н. А. Машкина, содержащая богатый материал, чрезвычайно полезна в общеобразовательном отношении для всякого читателя, а не только для студента исторических факультетов (П. Н. Тарков), что исключительно правильная в методическом отношении разработка специальных вопросов истории древнего Рима и построение книги сделали ее ценным учебным пособием и для работников других специальностей. Так, М. Е. Грабарь-Пассек обратила внимание на то, что книгу можно читать и не подряд, а только в каком-нибудь специальном разрезе: политическом, экономическом или социальном, а также беря только круг вопросов истории религии, искусства или литературы, и при этом читатель всегда получит стройное изложение истории этих вопросов. Проф. В. К. Никольский показал, что книга очень полезна для экономистов, так как дает характеристику античного способа производства на конкретном материале по экономической истории Рима.

Внимание присутствовавших привлекло использование автором разных шрифтов при печатании книги: корпуса и петита. Было отмечено, что печатание петитом материала-максимум является весьма удачным приемом автора и что материал, напечатанный петитом, отобран автором в общем вполне правильно. Однако многие из выступавших дали свои конкретные предложения в отношении необходимого иногда изменения петита на корпус и обратно. Остановившийся наиболее подробно на этих вопросах проф. В. К. Никольский указал, что для студентов педагогических институтов будет трудно полностью усвоить всю книгу, поэтому выделение части текста петитом имеет практическое значение. Около 80 страниц книги можно будет сделать таким образом необязательными. При этом он указал на необходимые изменения петита и корпуса (например, на стр. 88—89, 93—94, 462—463 и др.).

Было обращено внимание на богатство собранного самим автором иллюстративного материала (О. И. Севастьянова, Ю. С. Крушкол и др.), однако указывалось, что воспроизведение его в типографском отношении далеко не удовлетворительно.

В ряде выступлений (Ю. С. Крушкол, О. И. Севастьянова) отмечалось, что большим достоинством книги является широкое привлечение автором нумизматических источников, которые ранее в учебных пособиях почти не использовались.

Д. Г. Редер показал, что автор избежал некоторых методических недочетов, присущих книге В. С. Сергеева. Остановившись на проблеме освещения деятельности римских императоров, Д. Г. Редер указал, что автор удачно преодолел традицию римских историков (Тацита и Светония), резко деливших императоров I в. на добрых и злодеев. В книге правильно обращено внимание на то, что дело не в личных качествах отдельных императоров, а в исторических условиях их деятельности. Нерон действительно совершил много жестокостей, но это было средством борьбы с сенаторским сословием, а не только проявлением личных качеств монарха (стр. 410). Однако эта правильная характеристика жестоких императоров проведена автором более последовательно, чем в отношении «добрых» императоров. Характеристика этих последних дана Н. А. Машкиным менее четко, и античная традиция в отношении их осталась в значительной мере в силе. «Доброта» Траяна, Тита и Адриана слишком преувеличена. Если бы автор упомянул факт казни Адрианом гениального архитектора Аполлодора, создателя римского Пантеона, то образ Адриана был бы не таким симпатичным, каким он выглядит у автора. То же следует указать и в отношении Траяна, который очень настороженно относился

ко всевозможным общественным движениям, подавляя всякие объединения среди граждан и даже запретил организацию добровольных пожарных команд. Это весьма показательно для одного из лучших императоров, прозванного, как указано в книге, «Optimus». В отношении характеристики Адриана и Траяна автору следовало бы проявить такую же осторожность, как по отношению к характеристике Антонина Пия.

О. И. Севастьянова в своем выступлении дала высокую оценку изложению ряда важных вопросов в книге Н. А. Машкина, как, например, истории римских провинций, которая органически связана автором с общим изложением римской истории; отметила, что автором также органически связаны с общим ходом римской истории развитие и история отдельных социальных групп в римском обществе: всадничества, плебейства, рабов, вольноотпущенников и нобилитета. Значительный интерес представляют главы, посвященные хозяйственному развитию. Особенно важны очерки по источниковедению, историографии и библиографии. Она подчеркнула, что в методическом отношении очень удачно изложена история внешнеполитических событий, особенно относящихся к периоду Римской республики.

О. И. Севастьянова отметила также, что очень ценным является введение небольших карт в текст книги. Это облегчает усвоение материала и усиливает интерес студентов к различным отделам римской истории.

В заключение она привела некоторые факты из ответов студентов, работающих уже по книге Н. А. Машкина, которые свидетельствуют о высоких методических качествах обсуждаемого учебного пособия.

Выступивший затем Н. Н. Пикус подчеркнул, во-первых, стремление автора дать не только историю города Рима, но и историю его провинций, а также, по мере возможности, историю пограничных народов; во-вторых, исключительно полный очерк историографии (в частности русской, начиная с XVIII века), чему в прежних учебных пособиях не уделялось должного внимания; и, в-третьих, прекрасно подобранный библиографический список, составленный самим автором.

К. К. Зельин указал на трудности, стоявшие перед автором при составлении книги, которая охватила все стороны исторического процесса (в том числе и историю культуры), а не только социально-политическую историю, как это раньше делалось в наших учебных пособиях. В этом плане К. К. Зельин считает, что обзоры культурной истории даны автором очень удачно, не в виде какого-то приписка к социальной и политической истории, а как органическая часть ее. Более подробно К. К. Зельин остановился на отношении автора к традиции о раннем Риме. Он считает, что Н. А. Машкин излагает эту традицию слишком подробно и отдает ей значительно большую дань, чем заслуживает этот «достаточно мутный источник». Кроме того, К. К. Зельин отметил, что в книге недостаточно четко показан территориальный рост Римского государства. Он поддержал тезис докладчика об удачно выбранной авторской позиции при изложении материала, считая, что «книга представляет разумную середину между чисто догматическим изложением некоторых общих моментов и данных специальных исследований». Но по вопросу о кризисе III века К. К. Зельин возразил докладчику (С. Л. Утченко), считая, что эта проблема изложена в книге правильно. В этом К. К. Зельина поддерживали и некоторые другие товарищи (А. Г. Бокшанин, Ю. С. Крушкол).

П. Н. Тарков, отметив достоинства книги в педагогическом отношении, не согласился с автором в трактовке вопроса международных отношений конца III—начала II в. до н. э. Он считает, что Н. А. Машкин стоит в этом вопросе на романо-центристской точке зрения, которая не дает четкого изложения материалов относительно того, почему же Рим стал мировой державой древности. По мнению П. Н. Таркова, неправильно считать, что Рим отказал Ганнибалу в заключении мира после битвы при Каннах потому, что чувствовал у себя много сил: Рим в данном случае надеялся только на внешние силы: Грецию и Македонию. Он указал также, что в книге не найдено должного отражения Лизийская наемническая война 241 г. Нужно было подчеркнуть сложность международной обстановки Западного Средиземноморья в начале III в. до н. э. Проблема этрусков разработана хорошо, а проблема италийского населения как-то проскольз-

нула. В книге непонятно, являются ли итальянцы главным элементом в процессе становления Рима или пришлым народом.

Г. Б. Пузис отметил в качестве достоинства книги, что она полностью соответствует всем пунктам программы по истории древнего Рима для исторических факультетов. Благодаря этому студенты получают в учебном пособии ответ на все вопросы программы. Г. Б. Пузис выдвинул также вопрос о необходимости выпуска специальной книги о римских древностях.

Одновременно он отметил ряд частных недостатков книги: неточно указано, что Цезарь был убит в возрасте около 60 лет; не упомянут вовсе в книге Витрувий, даже когда специально говорится об архитектуре II и I вв.; не указано, что битва при Фарсале сделалась сюжетом трагедии Лукана; неправильно сказано, что Вергилий умер в присутствии Августа; не упомянута совсем «атомистика» Лукреция и др.

Г. Б. Пузис высказал далее мнение, что раздел историографии о произведениях классиков марксизма нужно было бы развить и изложить менее сжато. Г. Б. Пузис отметил неправильно приписанный Нибуру автором приоритет в отношении критического метода в изучении древней истории, недостаточную заостренность разделов, связанных с современностью, отсутствие критики новых идеалистических течений среди англо-саксонских ученых. Говоря о влиянии марксизма на Ферреро, автору следовало бы указать, в чем конкретно оно проявилось. Необходимо было показать, что изменение взглядов Сальвиоли на античный процесс определилось в 1929 г. политическими событиями в Италии.

Выступивший затем автор книги Н. А. Машкин указал, что книга долго писалась (с 1941 г.) и еще дольше издавалась (сдана в издательство в 1944 г.); наука за это время шла вперед, поэтому естественны некоторые недочеты в книге. Она не отражает некоторых новых публикаций и нового археологического материала. Например, найдена этрусская статуэтка Энея, несущего своего отца, относящаяся к VI в.; это открытие разрешает многие вопросы, касающиеся происхождения легенды об Энее.

Н. А. Машкин считает, что в книге недостаточно разработана историография XX в. и признает правильным мнение Г. Б. Пузиса, что слаба и недостаточна критика англо-американской историографии и что в этом отношении нужно еще поработать. Автор согласился с К. К. Зельниным относительно важности разработки вопросов, касающихся римской традиции, но указал на трудности разрешения их. Когда писалась книга, не было еще специальных советских работ в этом направлении, и только недавно появились книга В. Н. Дьякова и обстоятельная статья С. И. Ковалева, посвященная происхождению плебеев. Недостоверность традиции была отмечена в книге, но автор далек от гиперкритицизма и считает, что традиция в общем все же верно отражает некоторые стороны исторического процесса, что подтверждается и археологическими данными. Автор согласился также со взглядом П. Н. Таркова, что всемирно-исторический аспект истории древнего Рима подчеркнут в книге недостаточно.

Из возражений докладчика автор принимает его замечание, касающееся разработки вопросов культуры. Он признал необходимым обратить внимание на идеологическую борьбу в различные периоды римской истории.

Н. А. Машкин считает, что в дальнейшем необходимо обратить большее внимание на социальную борьбу движения во время Пунических войн и после них, историю римского гражданства, а также вопросы, касающиеся политической борьбы в Риме между оптиматами и популярами.

В заключение Н. А. Машкин указал, что в некоторой части его труд можно считать коллективным, хотя по какому-то недоразумению имена помогавших ему в работе оказались неопубликованными. Карты и список императоров были составлены Т. М. Шепуновой; О. В. Кудрявцев проделал большую работу по выверке текста; им же была составлена хронологическая таблица и справочный материал; С. А. Лясковский проводил редакцию библиографических указателей; из Музея восточных культур получены некоторые снимки; благодаря Ю. С. Крушкол были получены снимки монет, хранящихся в Историческом музее.

Председательствующий С. Д. Сказкин довел до сведения присутствовавших, что имеется уже решение Министерства высшего образования о выпуске книги 100 000-ым тиражом. Закрывая заседание, С. Д. Сказкин подчеркнул, что прошедшее обсуждение явилось результатом лишь только первого ознакомления с книгой и для того, чтобы иметь окончательное суждение о ней, нужно еще подождать результатов экзаменов, но уже из предварительной оценки, данной сейчас, видно, что книга представляет собою ценное учебное пособие.

* * *

Тов. Жданов в своем выступлении на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» выдвинул те условия, которым должен удовлетворять советский учебник¹. Эти требования к советскому учебнику и должны были лечь в основу обсуждения книги Н. А. Машкина.

Прошедшее же обсуждение книги, организованное вскоре после ее выхода в свет, не могло еще вскрыть всех сторон ее содержания.

Недостаточно было обращено внимания на идейное содержание работы, методологическую сторону и научно-теоретическую ценность ее.

Необходимо поэтому продолжить обсуждение книги Н. А. Машкина «История древнего Рима», центром внимания которого должна стать методологическая сторона работы. Этим будет оказана большая помощь автору в его дальнейшей работе по переизданию книги.

О. Н. Юлкина

С. А. СЕМЕНОВ-ЗУСЕР, Скифская проблема в отечественной науке, 1692—1947, Харьков, 1947 г., Стр. 192.

Интерес к истории и археологии скифов появился в нашей стране вместе с пробуждением интереса к возникновению древнерусского государства и происхождению славянских племен. Первые попытки протянуть нити, связывающие генетически славян и скифов, относятся ко времени возникновения исторической науки и связаны с именами Татищева, Ломоносова, Шлецера и других ученых, положивших основание изучению истории Киевской Руси.

С тех пор исследования истории того отдаленного периода нашей родины, для которого сохранились свидетельства греческих и латинских писателей, продолжались и умножались непрерывно.

Известия древних авторов пересматривались и толковались на разные лады; древние географические и племенные наименования сопоставлялись с таковыми на современной географической карте, древние курганы и остатки поселений неутомимо раскапывались, открывая целый мир памятников быта, искусства и письменности. Количество исследований, посвященных причерноморским древностям скифской эпохи, почти необозримо. За последнее время все чаще слышатся призывы, исходящие из среды самих же ученых-антиковедов, к подведению итогов, к составлению обобщающих работ, долженствующих объединить и оценить накопленный веками и продолжающий ежегодно-умножаться материал.

В свете этих выдвигаемых нашим временем настоятельных требований систематизации и популяризации исторических знаний появление книги, посвященной истории и библиографии всей науки о скифах, более чем своевременно.

Рецензируемая книга распадается на следующие главы: 1) «Начало изучения скифской проблемы», в которой содержится характеристика точек зрения на проблему происхождения древних славян и на их генетическую связь со скифами в науке XVIII—начала XIX ст., от Татищева и до Карамзина. 2) «Наука о скифах в начальный период изучения археологии в России», заключающая в себе перечень и характеристику трудов «любителей» археологии из дворянской среды и первых археологов-профессио-

¹ См. «Большевик», 1947 г., № 16, стр. 7—8.

налов, как Бларамберг, Ашик и др. 3) «Научные общества и раскопки античных и скифских памятников на территории Причерноморья в середине XIX века», рассматривающая историю организации и первоначальной деятельности Одесского о-ва истории и древностей и характеризующая группировавшихся вокруг «Записок» этого О-ва исследователей. Названная глава содержит, кроме того, сведения о раскопках скифских курганов на Тамани и в Крыму в 50—70-х гг. прошлого века и характеризует труды исследователей этого времени как в области практической археологии, так и в области изучения истории и скифского быта на основании письменных и вещественных источников. Специально оговариваются крупные публикации того времени, вроде «Древностей Боспора киммерийского». 4) «Открытие и деятельность Археологической комиссии в Петербурге и Археологического об-ва в Москве». В этой главе, помимо характеристики деятельности названных учреждений, в связи с историей открытий в области скифской археологии второй половины XIX ст., обсуждаются взгляды виднейших русских историков той эпохи (Соловьева, Иловайского, Забелина и др.) на скифский вопрос и специально обсуждаются общие труды по скифской археологии. 5) «Пути развития русской буржуазной историографии скифов во второй половине XIX века» — заключает в себе перечень и характеристику работ, посвященных истории скифской культуры и критике древних источников, принадлежащих перу Лаппо-Данилевского и Ф. Ф. Мищенко, не соответствуя, таким образом, своему названию. 6) «Открытие скифских памятников на территории Украины в конце XIX и начале XX века». В этой главе, характеризующей изучение скифских памятников приднепровских и донских степей, содержится, кроме того, обсуждение трудов киевских и одесских ученых (историков и археологов), работавших в области истории скифов в указанное в заголовке время. 7) «Изучение проблемы генезиса скифов в XIX и начале XX века» — глава посвящена трудам Миллера и Брауна в области скифского этногенеза, а также русским эпиграфическим и источниковедческим изданиям, в первую очередь, трудам Латышева. 8) «Виднейшие полевые исследователи скифской культуры в предоктябрьский период», — с характеристикой трудов Веселовского, Спицина и Городцова. 9) «Попытки синтеза работ в области исследования скифской проблемы». В этой главе, наряду с трудами общего характера, каковы некоторые работы Ростовцева и Готье, обсуждаются и многочисленные частные исследования в области истории скифской культуры и искусства (работы Фармаковского, Жебелева, Мальмберга и др.). 10) «Основы изучения скифской проблемы после Октября», — глава, в которой характеризуется деятельность ГАИМК и обсуждаются труды основоположников марксистской истории скифского этногенеза — Марра и Мещанинова. 11) «Научные исследования скифской проблемы в советский период» — обширная глава, содержащая характеристику и библиографию литературы о скифах, появившейся за истекшие 15—20 лет, с упоминанием многочисленных археологических открытий, имевших место в Причерноморье и на Кавказе за указанный период времени. Книга содержит также подробные указания, облегчающие пользование ею как библиографическим и справочным изданием.

Книга Семенова-Зусера полезна прежде всего тем, что она при весьма компактном изложении, охватывающем всего около 200 страниц, позволяет обозреть путь, пройденный исторической и археологической наукой в области изучения скифо-сарматской древности за два с половиной столетия.

Автор, сочетая качества археолога-исследователя и историка-социолога, чувствует себя свободно в кругу работ как общего или чисто исторического характера, так и узко археологического. Не забывая о том, что интерес к скифской старине в общих рамках отечественной исторической науки определяется значением «скифской проблемы» в ряду вопросов этногенеза древних славян и происхождения древнерусской культуры, он подходит к своей задаче достаточно широко, давая почувствовать тесное соприкосновение своей темы с соседними областями археологического и исторического знания. Скифы в его книге представлены, с одной стороны, в окружении соседних не-скифских (кавказских, приволжских, сибирских и т. д.) культур; с другой, они оказываются связанными с культурами эпохи бронзы, им предшествующими, и с прото-славянскими культурами, им последующими. Эти субскифские культуры (охватыва-

щие историко-культурные явления первой половины I тысячелетия н. э.) в особенности привлекают внимание Семенова-Зусера, тогда как некоторые вопросы собственно скифского этногенеза оставлены им в тени. Можно сказать, что в рассматриваемой работе вопросы скифской истории и культуры трактуются преимущественно с точки зрения славянского этногенеза, что, несомненно, будет играть значительную роль при дальнейшем использовании скифского материала для установления истоков позднейшего культурного развития на восточноевропейской территории.

Читателя, интересы которого выходят за пределы простой библиографии (даже составленной достаточно полно и при этом впервые), книга не удовлетворит многими своими сторонами. Многое в ней сказано не так и не в той последовательности, как было бы желательно, многое из требуемого современным читателем в отношении постановки проблем и самого круга затронутых вопросов в ней не сказано вовсе.

Бросается в глаза, что автор испытывал немалые затруднения при рубрикации своего материала. Как располагать его: просто ли в исторической последовательности, разделив книгу на главы соответственно некоторым наиболее отчетливо разграничивающимся археологическим периодам, или группировать материал вокруг определенных, наиболее важных, проблем?

Придерживаясь в общем исторического принципа при построении глав своей книги, автор отступает от него в двух случаях, сознательно выделяя главу под названием «Изучение проблемы генезиса скифов в конце XIX и начале XX в.» (стр. 88 и сл.) и «Попытка синтеза работ в области исследования скифской проблемы» (стр. 104 сл.). Бессознательно же и невольно он отступает от принятого принципа много раз, под влиянием не всегда понятных обстоятельств. Целый ряд работ советских ученых, весьма важных именно в рамках советской науки о скифах, обсуждается им в главе, отведенной для досоветской буржуазной науки, в то время как некоторые работы, относящиеся хронологически и методологически к дореволюционному периоду, упоминаются в главе, посвященной науке наших дней. Приведу два примера: исследование С. А. Жебелева, являющееся ярким выражением достижений советской историографии и представившее яркие факты из истории классовой борьбы в древности («Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», ВДИ; 1938, № 3), обсуждается Семеновым-Зусером в заключение работ дореволюционных авторов (стр. 122), тогда как книга С м о л и н а, вышедшая в 1915 г. («О продвижении геродотовых скифов в передней Азии»), находящаяся всецело в рамках буржуазной науки, упоминается среди работ советских ученых (стр. 161). Подобные не единичные несообразности разрушают тематические рамки, установленные самим же автором.

Отчасти по указанной причине, главным же образом потому, что в книге не сделано акцента на трудах определяющего значения для той или другой эпохи или для той или другой проблемы, книга Семенова-Зусера оставляет впечатление не столько связанного очерка истории изучения скифов, сколько систематизированных в определенном порядке библиографических аннотаций. Эти аннотации содержат подчас и оценку научного значения той или иной работы и даже острую политическую характеристику ее автора. Однако даже в таких стоящих в центре внимания автора вопросах, как вопросы скифо-славянского этногенеза, исторический аспект нередко исчезает, и у читателя не создается отчетливого представления о том, какими путями шла эволюция точек зрения на скифо-славянские связи в исторической науке. Эволюция же других проблем, важных для изучения скифов, как, например, проблемы источниковедения, хронологии, исторической и археологической географии и топографии и т. п., совершенно выпала из поля зрения автора. Литература, посвященная этим темам, упоминается автором в каких-то других связях или вовсе без таковых, не позволяя читателю составить себе цельное впечатление о том, что же сделано (и как протекала история исследования) в той или иной частной области науки о скифах.

Имея в виду, что недостатки книги отражают отчасти некоторую слабость и недостаточность самого нашего антиковедения, равно как и то, что книга эта является первым опытом в своей области, заслуживающим всемерного поощрения, мы попытаемся

вкратце очертить те проблемы скифской историографии, которые не в полной степени или вовсе не освещены на страницах книги Семенова-Зусера.

Недостаточность исторической науки о скифах XVIII и начала XIX ст. была бы для читателя гораздо ясней, если бы Семенов-Зусер охарактеризовал состояние источниковедения того времени и указал бы на издания древних авторов и их переводы на русский язык, на византийские хронографы и экскерпты из древних авторов, какие были тогда в распоряжении историка.

Для получения более точной исторической перспективы, для понимания реальных границ исторической науки того времени было бы чрезвычайно важно охарактеризовать ту основу, на которой строилось знание древней истории в XVIII ст., показать, как выглядели тогда те «скифы», о которых призваны были судить наши историки.

Нам интересно знать не только то, что писал Ломоносов или Татищев о скифах (см. стр. 14 и сл. рецензируемой книги), но в особенности также и то, на основании каких данных они это делали. Такая работа, никогда еще никем в целом не проделанная, создала бы, наконец, реальную почву для суждений об отечественном антиковедении XVIII ст.

Факт недостаточности источниковедческой базы нашей науки о древности был отчетливо осознан уже в первой половине XIX ст. Историки и археологи того времени: в лице Погодина, Каченовского и Леонтьева, призывали к собиранию и изучению первичного материала. Процесс этого «первоначального накопления», занявший весь XIX век, продолжается и сейчас. Все чаще и чаще он вызывает потребность в подведении итогов и обобщений. На путях этого собирательства, являющего собой картину некоторой бессистемности, обусловленной огромным количеством материала, что, несомненно, отразилось и на содержании рассматриваемой нами книги, все же необходимо отметить определенные и при этом весьма важные вехи.

Разграничение историко-филологического и археологического антиковедения, отчетливо прослеживающееся на всем протяжении истории науки, существует весьма твердо и в наше время, несмотря на определенную тенденцию к сближению и объединению обеих дисциплин, обладающих, однако, своими специфическими методическими особенностями, коренящимися в особенностях изучаемого ими материала. Материал этот, и письменный и вещественный, в одинаковой степени важен для нашей исторической науки в качестве источника изучения скифской культуры.

Семенов-Зусер попытался это разграничение ступевать, что не привело, однако, по нашему мнению, к положительному результату, еще лишь более затуманив и замутив и без того уже смутную картину, возникающую из подобного изложения материала. Если бы это не было им сделано, он имел бы больше возможности говорить о некоторых чрезвычайно существенных вещах, опущенных им, скорее всего, потому, что они или специфически «филологичны», или чересчур «археологичны». В изложении Семенова-Зусера пострадали, а иногда выпали вовсе из поля зрения такие, например, разделы, как северочерноморская и почти не известная в других местах античного мира керамическая эпиграфика—область антиковедения, чрезвычайно существенная при изучении скифской хронологии и греческо-скифской торговли. Имена пионеров этой отрасли знания—Беккера, Юргевича и др. в этой связи не упомянуты в книге, как не упомянуты вовсе и их продолжатели, сделавшие немало для выяснения местных культурно-этнических элементов,—Шкорпил, Махов, Гайдукевич и др.

Общие вопросы хронологии скифского материала также почти совершенно выпали из поля зрения автора: об изучении находок греческой керамики в скифских некрополях и поселениях, производившихся Фармаковским, Штерном и их многочисленными учениками, не говорится вовсе, так же как очень невнятно говорится и о хронологических классификациях самого скифского материала. Указывая на существование трех классификаций скифских наконечников стрел (Ленца, Гракова и Рау—см. стр. 149, прим. 5 рецензируемой книги), автор, однако, не указывает на их различия и совпадения. Вовсе нет речи о классификациях мечей, бронзовых шлемов, зеркал, псалий, глиняной посуды и т. д.

Указанные классификации, помимо их важности для изучения скифской археологии вообще, представляют собой определенный этап в истории этой науки, выделение которого как раз и является историографической задачей. Таким же историческим этапом в археологии скифов является особенно характерное для советского периода науки внимание к изучению скифских поселений, вызванное интересами к социальной истории и ставшее возможным лишь на определенной ступени археологической техники и методики.

Вопросы полевой методики, чрезвычайно существенные для понимания истории археологических знаний, также остаются за пределами рассматриваемой книги. Семенов-Зусер во многих случаях отмечает в общих словах, не всегда, однако, справедливо, достоинства или недостатки археологической техники того или иного исследователя. Он превозносит Люценко (стр. 45 сл.), весьма порицает Самоквасова (стр. 54), Бобринского (стр. 77 сл.) и т. д. Но в чем конкретно эти достоинства и недостатки заключаются и как эволюционировала техника и методика археологических раскопок— об этом в его книге речи нет. Между тем мы вправе были бы требовать от работы, посвященной истории археологического изучения скифов, очерка эволюции тех археологических методов, какие применялись при исследовании скифских памятников со времен начала функционирования Археологической комиссии и до наших дней.

Если бы он проследил способы «казенного» исследования курганов, заключающиеся в сегментообразной раскопке насыпи кургана, с целью минимальной затраты времени и энергии,—способы, господствовавшие в археологии вплоть до конца прошлого века, ему не пришлось бы уверять читателя в том, что Люценко обладал раскопкой методикой, приближающейся к современной, и, как правило, удалял всю насыпь кургана. Следы работы Люценко, его коллег и последователей могут быть наглядно изучены и ныне на многочисленных примерах курганов Юв-Обы и Таманского полуострова. Если бы он упомянул, с другой стороны, о том, что исследования древних поселений, отвечающие минимальным требованиям археологической фиксации, связаны (в области античной археологии) с именами Косцюшко-Валюжинича, Думберга и др. и относятся лишь к последним годам прошлого века, а современная система послойной раскопки памятников связана лишь с именем Фармаковского, читателю было бы ясно, почему исследование скифских поселений до сих пор еще находится в зачаточном состоянии. Яснее были бы многие обстоятельства также и в том случае, если бы более отчетливо была прослежена самая история открытий. Исследование таких памятников как Куль-Оба—в 1831 г., Чертомлык—в 1862 г. и Солоха—в 1912 г., о которых у автора идет, в соответствующих разделах, речь, являлись определенными этапами в скифской археологии, ощутимо умножавшими материал и открывавшими в его изучении новые перспективы.

Можно было бы назвать и еще несколько таких же «этапных» моментов в истории скифской археологии, на которых следовало бы акцентировать внимание и группировать вокруг них остальной материал.

Изложение Семенова-Зусера оставляет в тени и еще более важный этап в развитии нашего антиковедения—труды В. В. Латышева.

Можно смело сказать, что русская наука о древности может быть грубо разделена на два периода: до Латышева и после Латышева. Издание им совместно с группой его коллег и учеников «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе», а также опубликование свода древних надписей, найденных на территории Скифии (IOSPE, тт. I, II и IV), явилось той базой, на которую до сих пор опираются все предпринимаемые в этой области исследования и без которой научная обработка скифского материала, в строгом смысле слова, была невозможна.

Семенов-Зусер отмечает «мировое значение» трудов В. В. Латышева (стр. 90 сл.), но в чем это мировое значение заключается и как повлияли труды Латышева на дальнейшее развитие антиковедения, в книге не раскрывается. Между тем очерк трудов В. В. Латышева следовало предпослать главе, посвященной проблемам скифо-славянского этногенеза в конце XIX и начале XX ст., ибо постановка этих проблем на твердую почву, появление работ Ф. Брауна, Миллера, Корша и др. стали возможными лишь

на основании латышевских публикаций. Труды Латышева оказали существенное влияние на постановку и решение важной проблемы, теснейшим образом связанной с проблемами скифо-славянского этногенеза, которая странным образом оказалась вне поля зрения Семенова-Зусера. Имеется в виду так наз. «готская» проблема, связанная с истолкованием сообщений позднеримских и византийских писателей о существовании готского государства в Крыму и с атрибуцией и определением происхождения звериного стиля в скифо-сарматском искусстве.

Как известно, немецкие исследователи, на основании отрывочных свидетельств античных писателей и еще более сбивчивых замечаний позднейших путешественников, утверждали существование во внутреннем Крыму готского государства на протяжении многих столетий в средние века. С именем «готов» были связаны некоторые археологические памятники, как то—пещерные города и катакомбные могильники средневекового Крыма, содержавшие в качестве погребального инвентаря поздние образцы понтийского звериного стиля. И если в трудах Уварова, Толстого, Кондакова и других исследователей XIX ст. названные памятники приписывались готам, то после сопоставления соответствующих источников, произведенного Латышевым, оказалось, в частности, что так называемые готы изыскались не на германском, а на таврском языке (Пс. Арриан, Перипл Евкс., II, 63). После изучения изданных Латышевым же эпиграфических памятников и после трудов Васильева выяснилось, что среди крымской эпиграфики нет ни одного готского документа, но что жители городов «Крымской Готии» исполняли свои надписи на греческом языке. Наконец, после исследований Бобринского, Ростовцева, Мацулевича и др., показавших чисто местные скифо-сарматские корни «готского» звериного стиля, было расчищено поле для решения готской проблемы—решения, ставшего возможным лишь в советское время, когда вопросы этногенеза были поставлены впервые на строго научную почву и когда в массе северочерноморских «готов» и «гуннов» ученые установили местные прото-славянские племена, в культурном и этническом отношении тесно связанные с предшествующим скифо-сарматским периодом истории Причерноморья.

Следует сказать, что история открытия и изучения скифского звериного стиля сама по себе представляет интересный и весьма поучительный раздел антиковедения, вполне заслуживающий специального рассмотрения в книге, посвященной историографии скифов. Если исследователи второй половины XIX ст. рассматривали памятники скифского звериного стиля как образцы иранского импорта или в лучшем случае как местные интерпретации иранских орнаментальных мотивов, то уже последние десятилетия прошлого века, приведшие к открытию культур эпохи бронзы Алтая и Сибири, а также изучение открытой еще в середине прошлого века ананьинской культуры показали широкие связи и прочные североевразийские корни скифского звериного стиля, расцвет и многообразие которого во второй половине I тысячелетия до н. э. является непреложным свидетельством своеобразия и высокого уровня скифского искусства. Если все эти факты были установлены трудами Фармаковского, Ростовцева и их ближайших учеников, то выявление корней звериного стиля и установление его культурно-исторического значения стало возможным лишь в советское время, когда, с одной стороны, в результате широкого и планомерного изучения неолитических культур удалось протянуть нити от скифско-дьяковско-ананьинских культурных явлений далеко в глубь веков к рубежу III—IV тысячелетий до н. э., с другой же стороны, работами Городцова и его учеников были показаны связи скифо-сарматского искусства с народным искусством славянских племен эпохи Киевской Руси и даже времен более поздних.

Несколько более рельефно выступает в изложении Семенова-Зусера история проблемы скифского общественного строя и государства, хотя надо сказать, что и в этом случае он почти ничего не сделал для объединения упоминаемых им разнообразных работ, связанных с названной темой. Читателю поэтому остается неясным, что уже в работах Ростовцева, ошибочно характеризовавшего скифское общество как феодальное, представлены были, тем не менее, доказательства того, что это было общество классовое. Установление фактов большого социально-исторического значения, добы-

тых и умноженных в советский период развития науки в трудах Жебелева, Гракова, Артамонова, Равдоникаса и др., посвященных вопросам социальной и экономической истории Скифии, тоже было подготовлено в предшествующие периоды развития антиковедения. Если бы автор подвел итоги исследования социального строя скифов, проделанного в названных работах, то его интересный очерк изучения скифов в советский период только бы выиграл.

Сказанным определяется, но не исчерпывается ряд тех проблем, вокруг которых следовало бы объединить материал, распределенный в книге по далеко не всегда выдерживаемому автором принципу исторической последовательности.

Порядок размещения работ, посвященных какой-либо определенной теме, но упомянутых в различных местах и в разной связи, не позволяет читателю представить себе ту или иную из затрагиваемых автором скифских проблем в историческом аспекте. Более того, такой распорядок материала не позволяет иной раз читателю даже подозревать о существовании некоторых проблем в науке о скифах. В особенности досадным следует признать почти полное выпадение в книге довольно новой в нашей науке «киммерийской проблемы», имеющей два аспекта—археологический и лингвистико-исторический. В первом случае речь идет о памятниках времени, переходного от эпохи бронзы к железу, представленных в Приднепровье, помимо находок, указанных в известной работе Городцова, Краснобаяцким и Коблевским кладом, а в Прикубанье и на Кавказе—находками типа Гамарни. В историческом же аспекте киммерийская проблема упирается в противоречие между греческими и восточными источниками, дающими киммерийцам различную локализацию. На основании греческих данных (Геродот и Страбон) киммерийцы занимали причерноморские области от Днестра до Кубани, а по данным ассирийских хроник «гимирраи» могут быть локализованы первоначально в области Северного Кавказа в широком смысле слова, с последующим их распространением в Закавказье и Переднюю Азию. Работы Марра, Мещанинова, Ушакова, Пиотровского дали много нового для решения этой проблемы, прежде всего в смысле создания более твердой почвы для критики греческих источников и разграничения исторических и мифических гомеровских киммерийцев.

В заключение хотелось бы указать еще на один досадный пробел, ибо имеющаяся в виду область антиковедения в особенности ревностно разрабатывалась нашими учеными и оказала немалое влияние на разработку соответствующих вопросов в науке о древности вообще. Речь идет об исторической географии и этнографии Скифии—вспомогательной дисциплине, разработка которой имела также существенное влияние на изучение вопросов скифского этногенеза и скифской истории.

Уже в начале прошлого века Тетбу-де-Мариньи, Кеппенем, Келлером и др. были произведены первые серьезные попытки приведения в соответствие известных древних писателей о черноморском побережье и внутренней Скифии с современной географической картой. Работы этих ученых привели к отождествлению целого ряда пунктов, до того времени никак не локализованных. Результаты их исследования послужили весьма существенным реальным комментарием к сочинениям древних географов, что и не замедлило сказаться на их изданиях, в частности на известных Мюллеровских изданиях периплов и географии Птолемея. Однако в настоящую науку историческая география Скифии была обращена трудами Ф. Бруна и К. Герца, сделавших чрезвычайно много для исторической и археологической топографии черноморского побережья. Работы этих ученых, не утратившие своего значения и по сей день, позволили в конце прошлого столетия Ф. Бруну предложить свою карту расселения и передвижения скифо-сарматских племен, а Ю. Кулаковскому создать свой комментарий к «Карте Европейской Сарматии по Птолемею».

Наряду с вопросами чисто топографическими, исследования по исторической географии затрагивали и вопросы сравнительной топонимики, особенно плодотворно разрабатываемые на протяжении последних десятилетий. Результаты этих исследований оказались весьма существенными в смысле установления преемственной связи между некоторыми племенными наименованиями, позволившими говорить и об идентичности самих племен. В особенности плодотворными, в свете новейших работ по скифо-

славянскому этногенезу, представляются сопоставления страбоновых «ургов» и геродотовых «земледельцев» (γεωργοί), а также геродотовых «андрофагов» и птолемеевых «амодоков». Помимо того, что эти сопоставления открыли значительные исторические перспективы в смысле установления определенного этнического постоянства населения причерноморских степей, скрывающегося лишь за различного происхождения наименованиями, они позволили сделать важные выводы и относительно самого происхождения этих племенных наименований, объясняя их как греческие этимологизации и перетолкования местных этнических имен. Наиболее интересные данные в этом отношении получены из древней этнографии Кавказа, преимущественно за счет урартских эпиграфических документов. Весьма ценный материал для понимания «скифской» топонимики греческих источников содержится в посмертной работе П. Ушакова (ВДИ, 1946, № 2, стр. 31 сл.), к сожалению, ускользнувшей, от внимания Семенова-Зусера. Мы находим в ней местные основы для ряда позднейших грецизированных наименований скифских племен, каковы гениохи, ахеи, «земледельцы», «пахари» и др., извлеченные из древнеурартских клинописных текстов.

Те из проблем антиковедения, связанные с историей скифов, которых мы здесь бегло коснулись, не исчерпывают всего их круга. Можно было бы указать, например, на такие важные области истории скифской культуры, как рабовладение и работорговля в Скифии, торговля хлебом и металлом, скифское ремесло, скифская религия и скифская тема в античной мифологии. Последний вопрос интересен в особенности тем, что через мифы об Ахилле и Ифигении, о Геракле в Скифии, о гипербореях и гиперборейском Аполлоне и т. д. скифские элементы включались в общие рамки античной духовной культуры, проникали в ее религию, ее художественную мифографическую и этнографическую литературу. Греческие мифы, повествующие о греческих богах и героях, действующих на скифской почве, или о скифских героях на почве Греции (Абарис, Анахарсис), дают для понимания культурных связей скифской периферии античного мира с греческой метрополией не меньше, чем свидетельства и документы о хлебной торговле и непосредственных политических отношениях. Тем более обидно, что в книге Семенова-Зусера даже не упоминается книга И. И. Толстого, посвященная некоторым из указанных тем («О-в Белый и Таврика на Эвксинском Понте»), — наиболее солидный труд в этой области, не указаны и многие другие работы, касающиеся подобных вопросов, в частности старые, но во многом еще не устаревшие статьи и публикации Стефани.

Книга Семенова-Зусера заслуживает внимания как первый опыт в области скифской историографии и является полезной книгой. Однако она далеко не заполняет пробела, существующего в нашей исторической науке. Мы попытались приблизительно наметить круг тех проблем, из которых многие находятся в поле зрения нашего антиковедения чуть ли не с самого момента его зарождения, некоторые же возникли в недавнее время в результате углубления и расширения конкретных знаний в области истории скифов.

В своей дальнейшей работе над скифской историографией автору необходимо учесть требования, выдвигаемые современными интересами к скифской проблематике, и посредством соответствующей перестройки и необходимых дополнений к своей работе создать труд, подводящий итоги и открывающий новые перспективы в области изучения истории скифской культуры.

Л. А. Ельницкий

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ проф. П. Н. ТРЕТЬЯКОВА «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА»

Вышедшая в 1948 г. в научно-популярной серии АН СССР книга проф. П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» вызвала живой интерес историков и археологов. Книга посвящена важнейшему разделу истории нашей родины — истории восточнославянских племен, предков русского, украинского и белорусского народов. В этой работе П. Н. Третьяков, опираясь на достижения советских историков и археологов, и в том числе на свои многолетние исследования, впервые нарисовал широкую картину истории восточнославянских племен от древнейших времен до VII—VIII вв. — периода, непосредственно предшествовавшего образованию Киевского государства.

Исследование состоит из трех частей. Часть первая посвящена происхождению славян (стр. 5—37). Автор доказал, в свете новых исторических данных и археологических открытий, несостоятельность индоевропейской теории славянского этногенеза и обосновал новую теорию. Проследив историю древнейших племен Восточной Европы от неолита до первых веков нашей эры, автор особо выделил автохтонные земледельческие племена и их роль на первом этапе этногенетического процесса. Автор выделил две группы древнеславянских племен. Южная группа — более монолитная и развитая в социально-экономическом и культурном отношении, и северная — относительно более отсталая.

Вторая часть книги — славянские племена в эпоху «Великого переселения народов» (стр. 58—106). Автор охарактеризовал «Великое переселение народов», исследовал взаимоотношения готов и гуннов со славянскими племенами, антов и склавинов, их хозяйственный и общественно-политический строй, влияние балканских войн VI—VII вв. на жизнь славянских племен. Он пришел к выводу, что в VI—VII вв. граница между северными и южными славянскими племенами «заколебалась, и начала создаваться уже вполне ощутимая непосредственная историческая общность восточного славянства». При этом автор, вопреки индоевропейской теории, считавшей, что западное, восточное и южное славянство первоначально составляло совершенно однородный этнический массив, подчеркнул постепенное складывание общности славян в различных конкретно-исторических обстоятельствах.

Третья часть — «Восточнославянские племена накануне возникновения древнерусского государства» (стр. 107—178). В этой части автор подробно, путем привлечения огромного археологического материала, исследовал отношения антов и руссов, различные группы славянских племен «Повести временных лет», экономический и социальный строй восточных славян в VII—IX вв. и славянские племена на Дону и Тамани. Автор пришел к выводу, что анты были не единственными предшественниками Киевской Руси. Восточное славянство вступило в политическую историю двумя волнами: первой — антской, охватившей преимущественно лишь юго-западную часть славянских племен, и второй — могучей волной руссов, представляющих в VII—IX вв. уже всю огромную массу восточного славянства. Автор подчеркнул неоднородность культуры восточных славян в этот период. Важнейшими конкретно-историческими условиями, в которых складывалось русское государство, автор считает: «Продвижение восточного славянства в VIII—IX столетиях на юг, осуществленное племенами, бывшими в антскую эпоху обитателями отдаленной периферии, активное выступление этих племен в Причерноморье под именем руссов, их отношение к хазарскому каганату, наконец, их последующее объединение с потомками антских племен днепровского правобережья».

Во вступительном слове на заседании ученого совета ИИМК АН СССР при обсуждении книги П. Н. Третьяков отметил, что его книга является, с одной стороны, подведением итогов исследований советских историков, археологов и этнографов в области этногенеза славян, а с другой стороны — изложением его собственной концепции и результатов его исследований по этому вопросу. Издание книги в научно-популярной серии объясняется стремлением не перегружать ее конкретно-археологическим

материалом и тем самым сделать ее доступной не только для археологов, но и для широкого круга историков.

Открывший обсуждение проф. Б. А. Рыбаков в основном согласился с выводами автора. Однако, — сказал он, — чтобы сделать книгу, в особенности I часть, по-настоящему популярной, ее следовало бы проиллюстрировать большим количеством фактов из археологического материала.

Ценность книги, указал Б. А. Рыбаков, заключается в том, что в ней изложена от начала до конца единая концепция. Для книги характерна широкая историческая перспектива, целенаправленность, последовательная борьба и разоблачение ложных буржуазных теорий, как, например, теории «прародины», «миграционной теории» и т. д. Чрезвычайно важен целиком доказанный автором вывод о существовании южной и северной групп восточных славян. Только тогда грань между двумя группами стерлась, когда культура их уравнилась, стало возможно политическое объединение, которое началось в VI в. и завершилось образованием Киевского государства. Автор правильно подчеркнул влияние гунского и аварского нашествий на уклад жизни восточнославянских племен, что часто недооценивается. Новым и интересным является взгляд П. Н. Третьякова на этногенез южных славян, в частности убедительно показана значительная роль восточнославянских элементов в формировании народов Балканского полуострова. Мысль автора о сохранении пережитков некоторых старых племенных делений у современных восточных славян и о возможности изучения их лингвистами и этнографами совершенно правильна, но очень неточно сформулирована. Вызывает возражение признание П. Н. Третьяковым недоброкачества поздних курганных материалов. Для решения вопросов славянского этногенеза, для выяснения племенных границ важны и поздние курганные материалы и даже материалы XIX—XX вв., как, например, особенности русского, украинского и белорусского костюмов, которые должны изучаться диалектически в ретроспективном плане.

Разногласия у Б. А. Рыбакова с автором имеются прежде всего по двум вопросам: Б. А. Рыбаков считает неправильным определение антов как юго-западной правобережной группы племен (поляне, древляне и т. д.). Поляне гораздо больше связаны с левобережными племенами, а поля погребений, по которым автор объединяет правобережные племена, имеются и на левом берегу, доходя до Харькова. Разделение на правобережные и левобережные племена для VI—VII вв., при котором последние исключаются из антского союза, не обосновано.

За последние годы вопрос о Руси вновь оживился. Появился целый ряд специальных работ и исследований Тихомирова, Третьякова, Толстова. Теория северной Руси отжила свои дни, а вопрос о южной Руси становится на твердую почву. Автор приводит различный материал, особенно ценный топонимический (содержащий корень — рос или рус), убедительно свидетельствующий в пользу теории южной Руси. В районе рек Рось (приток Днепра), Росавы, Рос-Оскола, впадающей в Северный Донец, для VI—VII вв. имеется ряд категорий древностей, которые можно связывать с русами или славянами. Территория, обозначенная топонимическими названиями рос, — это лесостепной прямоугольник между Днепром и Доном. Б. А. Рыбаков указывает, что на этой территории найден ряд кладов — поясные наборы, пальчатые фибулы, височные кольца, знаки, которые можно рассматривать как отдаленный прототип знаков Рюриковичей. По женским украшениям можно различить несколько локальных славянских районов. Один из них совпадает с Поросьем, Росью и Росавой, второй захватывает верховья реки Псел, Ворсклы и Северного Донца. Этот район подступает почти к ареалу салтовской культуры, но, несомненно, является протосеверянским. Здесь налицо какое-то соседство двух различных этнических массивов. Русы — это племена, жившие по соседству с внутренними болгарами, в самых верховьях Северного Донца и далее на запад от этой территории вплоть до Киевщины. Этот район может многое дать для понимания древнейшей культуры Руси, которая, как правильно отметил автор, должна рассматриваться только как Русь южная. Ареал этой южной Руси намечен автором совершенно правильно. Вызывает возражение мнение автора, совпадающее с выво-

дами И. И. Ляпушкина о том, что анты-славяне появились на Дону и на Тамани только в X в., так как там имеется ряд более древних антских поселений.

В заключительных главах П. Н. Третьяков убедительно доказал, что колонизация славян была направлена не в северо-восточные леса, как это утверждал Ключевский, а на юг—лицом к цивилизованному миру. Можно только добавить, что эта волна движения славян на юг была не первой, а второй, может быть, даже третьей волной, что славяне шли по пути своих предков. Связи Северного Донца с Южным Доном и Таманью автором окончательно не установлены.

Книга П. Н. Третьякова является прекрасным синтезом большого археологического материала. После выхода этой книги позиции миграционистов, сторонников выведения славян из одной прародины, расшатаны до конца.

Чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов отметил большое значение для историков книги П. Н. Третьякова. Это—сводная работа, освещающая важнейший этап в истории восточного славянства, завершением которого было создание Русского государства. Трудно в одной работе охватить огромный промежуток времени—около 4 тысяч лет. Естественно, что не все вопросы в книге разработаны хотя бы до предварительного разрешения. Работа, написанная ясным, простым языком, дает сводку современного состояния вопроса в области истории и археологии и правильно освещает проблемы истории восточного славянства. Главные возражения имеются по первой части—«Происхождение славян». Нельзя полностью согласиться с утверждением автора: «Нет никакого сомнения, что в охотничье-рыболовческих племенах лесного северо-востока следует видеть прежде всего отдаленных предков угрофинских племен и народов; в племенах степи—далеких предков последующей свиты кочевнических племен, история которых тесно переплеталась с историей кочевников азиатских степей; древнее земледельческое население Центральной Европы—это далекие предки европейских племен и народов, как некогда существовавших, а затем исчезнувших, так и современных». Во-первых, сам автор помещает на территории охотничье-рыболовческих племен дьяковскую культуру, один из центров образования славянства. Следовательно, в западной части эти охотничье-рыболовческие племена развились не в угрофинские, а в славянские племена. Во-вторых, в степях после III тысячелетия жили не только кочевники, а, например, люди «срубной» культуры. Термин «европейские племена» расплывчат. Автор говорит о трех слагаемых культуры скифского Причерноморья—местной, греческой и восточной. Но термин «восточная»—слишком неопределенный. Неясно, что имеет в виду автор—урагитийское или среднеазиатское влияние. Нельзя говорить, что все скифские племена произошли в результате скрещивания древнего исконного населения с пришедшими с востока племенами. Скифы-земледельцы, геродотовские скифы-сколоты, были автохтонным населением, а вовсе не продуктом скрещивания с пришлыми племенами, и влияние кочевников на них было ограниченным. Новое размещение скифских племен, предложенное автором, должно им быть лучше обосновано, так как, вопреки установившемуся мнению, скифы-пахари помещены южнее скифов-земледельцев. Карта «Европа в первые века нашей эры», приводимая автором, составлена вовсе не по Птолемею, как он указывает, а по какому-то немецкому атласу и отражает националистические тенденции немецких ученых, отводящих германским племенам огромную территорию, которую они вовсе не занимали, неверно причисляющих лугийские племена к германским и отводящих им только незначительную территорию в верховьях Вислы. Автор напрасно разделяет точку зрения Шахматова о том, что в языке венедов—предков славян—много элементов кельтского языка. На самом деле венеды вовсе не кельтское слово, да и вообще венеды не имели тесного соприкосновения с кельтами.

Рано для первых веков нашей эры говорить об объединениях государственного характера у сарматов, готов, бастарнов. В частности, никакого единого государства у готов не существовало, а были в различные периоды временные объединения готских племен и деление на вестготов и остготов, связанное, по видимому, с их географическим расселением. У автора существует некоторая переоценка единства готов. Вестготы не уклонялись от борьбы с гуннами, а вынуждены были отходить под угрозой

окружения гуннами. Неверно утверждение автора о том, что вне возникновения «Великого переселения народов» славяне не вступали в борьбу с Римской империей в качестве самостоятельной политической и военной силы. Известно, что обширный прикарпатский союз славянских племен во главе с карпами самостоятельно воевал с римлянами уже в III в. Готы же не играли главенствующей роли в столкновениях причерноморских племен с Римом. Уже в начале «Великого переселения народов» славяне самостоятельной военной силой выступали против римлян.

Продвижение племен в период «Великого переселения народов» происходило не только на север, как это утверждает автор, но и на запад.

К сожалению, автор ничего не говорит о взаимоотношениях славян с прибалтийскими народами, о взаимосвязях славян с литовскими, древнепрусскими и латвийскими племенами. Неосвещенным остался вопрос о трех центрах древней Руси, о происхождении украинского, белорусского и великорусского народов. Едва ли можно говорить сейчас об «этрuscoизме» в вопросе о происхождении русского народа. В этом вопросе с точки зрения более поздних взглядов Марра его же более ранние взгляды должны быть несколько изменены.

Северян следует связывать не с сабирами, савирами или саспирами, а с саварами Птолемея. Вопрос о термине «Русь» нуждается еще в серьезной доработке. Ясно, однако, что термин «Русь» не только южного происхождения; его, по видимому, следует связывать с росоманами. Характеристика антского союза сделана автором совершенно правильно.

А. Д. Удальцов отметил, что в целом работа П. Н. Третьякова очень нужная, полезная и для археологов, и для историков.

Проф. Н. Н. Воронин отметил, что книга построена ясно, логично, с широкой исторической перспективой. Самое появление книги обусловлено большими успехами советской археологии. Важнейшие проблемы истории восточного славянства даны в боевом, полемическом стиле, с противопоставлением современной трактовки старым концепциям буржуазно-дворянской науки. Следовало бы только показать различные точки зрения современных исследователей на проблемы восточного славянства, а самую проблему этногенеза излагать более условно и гипотетично, так как ряд положений нуждается еще в более солидном подкреплении источниками.

Нужно было внести качественную разницу в характеристику сельского быта и общественного строя поры полей погребений, антского времени и эпохи сложения Киевской державы, чтобы не получилось впечатления, что общественный и хозяйственный строй славян оставался неизменным в течение всего I тысячелетия.

Нельзя говорить о том, что «оспки новгородских славян VI—VII вв. лишь «удерживают черты погребальной обрядности эпохи родового строя»,—они являются памятниками конца этой эпохи. Прав В. И. Равдоникас, утверждавший, что для лесной полосы стадия патриархального родового строя кончается в VIII—IX вв. Автор показывает исторический процесс более ускоренным, утверждая, что «северные и восточные племена сохраняют первобытные родовые формы общности до середины I тысячелетия». Отсюда следует, что вся вторая половина, т. е. VI—IX вв.—это время распада родовых отношений и формирования территориальной общины. К невероятно раннему времени—VII—VIII вв.—относит автор и возникновение городов как мест древних торжищ и центров притяжения ремесла и сложение типа рядовой многодворной деревни у северных племен, и торжество пашенного земледелия. Если представить себе, что пашенное земледелие столь рано восторжествовало повсюду вплоть до глухого севера и северо-востока, то странно, что установившиеся формы землепользования еще несколько столетий не оказывают значительного влияния на процесс классового образования. Кроме того, нужно резко различать лесной север и киевский юг в VI—IX вв. в отношении хозяйственного и социального развития.

Академик Б. Д. Греков в своем выступлении отметил, что книга обобщает огромный археологический материал и является чрезвычайно своевременной и полезной для историков.

Хотелось бы, чтобы деление на восточное и южное славянство не проводилось так

реакю; вероятно существование переходных типов, которые нужно учитывать. Археологам следует выяснить причину загадочного скопления вокруг Старой Руссы огромного количества терминов с корнем «Рус».

Возражения, сделанные автору проф. Н. Н. Ворониным, не убедительны. Н. Н. Воронин, опираясь на толкование Равдоникаса, стоит на точке зрения более позднего развития общества на севере нашей родины, считая, что там родовые отношения исчезают только в IX—X вв. Однако В. И. Равдоникас показал в докладе на сессии ИИМК Старую Ладогу VII в. как очень далекую от родового строя, и ему, видимо, придется пересмотреть всю свою точку зрения.

Раннее исчезновение родовых отношений подтверждается «Русской Правдой». В древнейшем тексте «Русской Правды», относящемся к VIII в., нет никаких указаний на патриархально-родовые отношения. В нем представлено классовое общество с лишь незначительными родовыми пережитками. Кроме того, нельзя говорить, что «Русская Правда» относится только к югу, так как географически она родилась в Киеве, но общественные силы, которые ее создали, были и на севере, и на юге. Нет оснований говорить об общинном землепользовании в наиболее развитых магистральных, тяготеющих к Днепру и Волхову. И «Русская Правда» и раскопки в Старой Ладоге показывают в полной мере индивидуальное хозяйство и частную собственность на землю. В районах, нам хорошо известных, которые мы называем термином «Русь», не было общинного землепользования. О сохранении общинного землевладения можно говорить только в применении к захолустью—где-нибудь на крайнем севере и крайнем востоке.

Неверно и утверждение Воронина о том, что установившиеся во второй половине I тысячелетия формы землепользования не оказывали влияния на образование классов. Пашенное земледелие, как это явствует из письменных источников, археологических памятников и фольклора, появилось очень рано. Земледелие было основным занятием славян, а земельные отношения—основным элементом в процессе классового образования.

О существовании городов в VII—VIII вв. данных очень мало, но они все же имеются, как, например, известна Ладога,—и автор вправе делать хотя бы предварительные выводы. Письменные источники и археологические данные говорят о том, что в VII—VIII вв. города начинают возникать, а в IX в. уже существуют.

В книгу П. Н. Третьякова можно внести ряд поправок. Но главное в книге то, что она дает такое широкое обобщение археологического материала, которое является этапом в нашей науке. Книга обобщает достижения науки за 30 лет и значительно поможет историкам в их работе.

Проф. В. В. Богданов сделал отдельные замечания по книге, касающиеся его специальности. Он отметил, что вряд ли правильно характеризовать ландшафты, учитывая только лес, при указанных огромных пространствах. Необходимо учитывать обмен и торговлю, при помощи которых по различным дорогам сельскохозяйственные культуры глубоко проникали в лесные массивы. Нужно также обратить внимание на технические культуры: лен, коноплю и т. д., так как в погребениях, например, гораздо чаще находят остатки льняной и конопляной одежды, чем хлебных растений.

Выражение «северяне» в летописях не встречается, в них употребляется термин «северы» или «севера». Автор мало обращает внимание на роль языковых делений у восточных славян, а это нужно сделать, в особенности в связи с работами академиков Н. Я. Марра и Н. С. Державина. Датировку следовало бы давать не только абсолютную, но и по культурам.

Проф. С. В. Киселев считает, что книга П. Н. Третьякова имеет большое значение не только для археологов, но и для историков. Она подытоживает огромный археологический материал и несет его в научные массы. При переиздании книги нужно исправить некоторые положения. Первую часть, тезисно излагающую огромный археологический материал, необходимо расширить, дополнить конкретными примерами, а иногда разбором некоторых важнейших проблем, как, например, Триполье, в боль-

шей степени, чем это сделано автором. Необходимо также показать существующие взгляды на различные проблемы, дать изложение живой современной полемики.

Следовало бы включить материал Восточной Европы в изучение культуры шнуrowой керамики, так как и фатьяновская и катакомбная культуры являются культурами шнуrowой керамики. Автор в данном случае следует за материалом западноевропейских ученых, исключаящих Восточную Европу из сферы распространения шнуrowой керамики. Что касается лесных племен, которые, по утверждению автора, являются до некоторой степени будущими угрофиннами, необходимо иметь в виду, что для Восточной Европы в период неолита рано говорить об угорском элементе, который не был автохтонным, а привнесен из Зауралья.

Культура сетчатой керамики и, прежде всего, дьяковская, имела прямое отношение к северным восточнославянским племенам, а не к финским племенным группам, потому что территориальное совпадение имеется в большей степени именно в отношении славянских племен. Конечно, в области чудских племен не-славянского типа также имеются дьяковские черты, но это только доказывает, что не одни лишь дьяковские элементы вошли в северо-восточный славянский этногенез.

Переход от древних общинных форм к форме соседских общин, судя по материалу городищ на Оке и Верхней Волге, происходил в VI—VII вв., что подтверждает мысль автора. Городища—укрепленные родовые поселки дьяковского типа, сменяются городищами-убежищами с группирующимися вокруг них отдельными поселениями, как, например, Юрвецкое городище, городище Лыткарино под Москвой и т. п. Эти изменения в форме городищ связаны с общественными изменениями. В силу распространения пашенного земледелия меняются общинные формы.

Необходимо устранить противоречие между утверждением автора о том, что скифы-земледельцы—это наследники тысячелетней земледельческой культуры Днепро-Дунайского междуречья, т. е. своеобразные потомки Триполья, и картой, на которой автор помещает скифов-скотоводов к северу от скифов-пахарей.

Нельзя делать Днепр непроходимой границей для расселения антских племен. И сведения византийских писателей и археологические материалы позволяют говорить о том, что антские поселения были также в степях между Донцом и Доном. В следующем издании книги необходимо больше уделять внимания культурным связям славянских народов со степью после «Великого переселения народов». На эти связи указывает и наличие дохристианской письменности в стиле рунической, как у тюркских кочевников, и аналогии в костюме и оружии воинов в конском уборе и совершенно не исследованное еще каганатство русских князей.

Проф. В. Д. Блаватский присоединяется к бесспорно положительной оценке книги и считает возможным сделать лишь несколько частных замечаний. В работе найден надежный и правильный путь для освещения исторического этапа, связанного с киммерийцами. Но наличие северо-западной группы киммерийцев в Причерноморье лучше аргументировать не связью их с трерами, как это делает автор, а прямой ссылкой на Геродота. Сама связь этих киммерийских племен треров с фракийцами может быть осмыслена в несколько ином плане, чем глубокое проникновение киммерийцев на Балканский полуостров. Не исключена возможность, что оно имело место через Малую Азию во времена хорошо исторически засвидетельствованного похода киммерийцев. Второе замечание касается карты городов Скифии. Скифы-земледельцы оказались крайне сжатыми, они занимают, по мнению автора, только нижнюю половину течения Буга. На самом деле они занимали, вероятно, несколько большее пространство, что и нужно будет в дальнейшем показать. Необходимо также уточнить положение автора о том, что до III в. до н. э. отношения между греческими городами и скифами были мирными, и только с III в. наступает полоса почти непрерывных войн. В действительности военные столкновения безусловно имели место и в IV в. до н. э., не говоря уже о том, что процесс формирования Боспорского государства был связан с рядом войн. Военные события были связаны с процессом формирования государственных образований как у греков Боспора, так и у самих туземцев. Имеются явные свидетельства о создании в IV в. до н. э. каких-то ранних государственных

форм, например царства Атея. Следовательно, правильно намеченный автором процесс нуждается в небольших хронологических уточнениях.

В работе правильно освещен вопрос о столкновениях славянства с Римской империей и вопрос о взаимоотношениях с Византией. Но необходимо, говоря о значении Рима и римских провинций как культурного фактора в росте южного славянства, уточнить, каким именно провинциям принадлежит в этом решающая роль. Нужно подчеркнуть, что главную роль в этом влиянии сыграли не романизированные, а эллинизированные провинции, а затем Византия.

В самом заключительном слове П. Н. Третьяков отметил, что по принципиальным конгрессам его концепции было только одно возражение со стороны проф. Н. Н. Воронина. Автор не согласен с концепцией Н. Н. Воронина. Если считать ее правильной, то получится какой-то невероятный скачок: в течение только 100 лет восточнославянские племена из дикарей превращаются в очень для своего времени цивилизованных европейцев (водопровод, искусство и т. д.). Это неверно с точки зрения представлений об явлениях исторического процесса, и с точки зрения логики. Процесс распада родовых отношений, процесс классовобразования, процесс сложения ремесел—все эти процессы длились тысячелетия. Раскопки полей погребений вскрыли большое количество римского стекла, фибулы, римские монеты в области среднего Причерноморья. Это все предметы не только первобытной общины, они свидетельствуют о формирующемся классовом обществе.

Нельзя отрицать, как это делает А. Д. Удадьцов, и наличие государственных образований у сарматов и готов. Были они и у скифов, что подтверждается раскопками в Неаполисе, были они и у сарматов, принимавших большое участие в жизни Боспорского государства и обитавших вокруг него. На территории Причерноморья в первые века нашей эры шел процесс классовобразования, а следовательно и процесс государственного образования. Численность готов была невелика и не означала смены населения, хотя бы и в очень ограниченных районах побережья Черного моря. Лишь имя готы, как собирательное, быстро распространилось для обозначения варварских племен всего северо-западного Причерноморья. Готами назывались сборища различных племен. Готский племенной союз—это варварское государство, а у германцев общественное развитие было несравненно более отсталым, чем по берегам Черного моря.

Процесс классовобразования и государственного образования шел на берегах Черного моря быстрее и раньше, чем это сейчас часто думают.

Автор не согласен с проф. Б. А. Рыбаковым в том, что грань между северными и южными восточнославянскими племенами стерлась только тогда, когда было достигнуто государственное объединение. Процессы этнического и государственного объединения шли независимо друг от друга.

Автор, как и Б. А. Рыбаков и С. В. Киселев, считает, что анты—это южные славяне, и не ограничивает их расселения Днепром. С Б. А. Рыбаковым автор не согласен в вопросе о соотношении антов и Руси и считает, что Русь—это те племена, которые не являлись наиболее активной частью антского союза, а были, может быть, какой-то частью, которая иногда включалась в союз, а иногда и не включалась. Если бы эти племена—русы—являлись активной частью антского союза, вещи, относимые к антскому времени, тянулись бы к Дунаю, а этого не наблюдается.

До X в. на Тамани и в притаманских городах, бывших международными рынками, могли жить анты или славяне, но, как массивное и постоянное, славянское население появилось там, и не надолго, только в X в.

Правильно замечание о необходимости освещения вопроса о взаимоотношениях славян с прибалтийцами, так же как и мнение А. Д. Удадьцова о продвижении племен в гунское время не только на север, но и на запад. Последнее нуждается в подтверждении археологическими фактами. Что касается северян, то этот термин восходит к сарматам.

Правильно замечание проф. Богданова о том, что не использованы языковые данные. Но это сделано сознательно, потому что за последнее время наши лингвисты

ничего нового в вопросы о происхождении славян не внесли, за исключением курса лекций Филина и работы проф. Аванесова. Лингвисты должны вплотную заняться разработкой этих проблем.

Северные славянские племена формировались не только на культуре сетчатой керамики городищ верховья Оки, но и на другой культуре, включающей район Десны и верхнего Поволжья. А основной массив племен с сетчатой керамикой—Костный Яр, Нижняя Ока, дальше к северу и к Эстонии—это другая территория. В днепровских городищах стадо состояло из крупного рогатого скота и свиней, а в районе сетчатой керамики на первом месте лошади и свиньи. Следовательно, между этими городищами было хозяйственное различие. Основной компонент формирования северных славян—дьяковские городища, а городища с сетчатой керамикой вошли в состав компонентов, но не были основными.

Правильно замечание В. Д. Блаватского о том, что войны в Причерноморье начались еще в IV в. до н. э. III век до н. э. взят как примерный рубеж новых взаимоотношений скифов и причерноморских городов. Совершенно верно замечание о необходимости уточнить, о каком именно восточном влиянии на скифов и о каком римском влиянии на славян идет речь.

Кроме сделанных выступавшими замечаний, автор сам считает возможным отметить недостаточное освещение в своей книге славяно-сарматской проблемы и малое использование антропологического материала.

В заключение председательствующий чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов подчеркнул плодотворность обсуждения книги проф. П. Н. Третьякова для разработки вопросов славянского этногенеза и истории нашей родины в I тысячелетии нашей эры.

Г. Б. Федоров

АРХЕОЛОГИЯ, т. I, Изд. Института археологии Украинской Академии Наук, Киев, 1947, 198 стр.

В 1947 г. Институт археологии Украинской ССР возобновил издание своих трудов выпуском в свет т. I «Археологии».

Издание это богатством и разнообразием своего содержания свидетельствует о том, что украинские ученые, несмотря на тяжелые условия, в которых они находились во время войны, не прекратили исследовательской деятельности, а продолжали разрабатывать важнейшие вопросы истории своей родины.

Сборник, по характеру содержащихся в нем публикаций, распадается на несколько разделов, из которых важнейшими являются исследовательские и историографические статьи, подводящие итоги некоторых археологических исследований за время существования Советской власти на Украине, а также публикации ранее не обнародованных раскопочных материалов и отдельных памятников.

Из открывающих сборник статей наибольшее внимание привлекают исследования М. Руденского в области верхнего палеолита Украины в связи с публикацией раскопок Пушкаревской палеолитической стоянки («Пушкарівський палеолітичний постя і його місце в українському палеоліте», стр. 7—22) и Б. Н. Гракова о торговых сношениях города Ольвии с Поволжьем и Приуральем в архаическую и классическую эпоху («Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи?», стр. 23—38).

В первой из названных работ наряду с вопросами стратиграфии и хронологии этого весьма обширного по занимаемой территории и одного из самых значительных на Украине по количеству добытого материала палеолитического поселения, относимого автором к позднеориньякскому времени, поднимаются вопросы происхождения культурных связей украинского палеолита. Автор указывает, что на примере

Пушкаревской стоянки прослеживаются явления, особенно отчетливо проявляющиеся в более позднее время, когда палеолит Крыма и южной части Украины обнаруживает черты копсийской культуры, в то время как палеолит Северной Украины принадлежит к кругу мадленской культуры. Пушкаревская стоянка, несмотря на свое северное положение (в Черниговской обл., на берегу р. Десны), имеет черты, близкие палеолитическим комплексам юга. Этого же рода признаки с отчетливостью наблюдаются на материале, происходящем из области днепровских порогов, что позволяет автору протянуть нити культурных связей деснинского палеолита к Крыму, рассматривая украинский палеолит как явление, промежуточное между приморскими и материковыми позднепалеолитическими культурами.

Статья Б. Н. Гракова ставит на реальную почву вопрос о так называемом «перипле Аристия из Прокопнеса», о котором упоминает Геродот (IV, 13) и который, видимо, и положен в основу его описания восточноскифских племен. Реальность упоминаемого Геродотом пути от Борисфена к исседонам подтверждается проникновением в Приуралье продукции ольвийских бронзолитейщиков. Ответвление этого пути шло по Каме в область ананьинской культуры, судя по некоторым признакам греческого влияния на ананьинскую металлургию и по находке в Зуевском могильнике ольвийской бронзовой поясной пряжки.

Данные этого исследования должны быть в будущем использованы для исправления и более прочного обоснования Геродотовой карты расселения восточноевропейских племен, равно как и для определения путей торговых и культурных связей Причерноморья с внутренними областями.

Интересные вопросы, в связи с изучением материала, добытого автором на о. Березани в начале 30-х гг. XX в., подымает М. Ф. Болтенков в своей статье «Стародавня руська Березань» (стр. 39—51). Он устанавливает преемственность связей славянских племен с Византией и Малой Азией и связей более древних, осуществлявшихся, однако, на тех же путях, что и в более позднее время. В славянских слоях на о. Березани автором обнаружены прямые свидетельства киевского проникновения к Черному морю, заключающиеся в тамгах на керамике, воспроизводящих личные знаки черниговских и киевских князей XII в. Эти новые данные продолжают историю острова, сохранившего в своем имени отзвук древнегреческого наименования реки Днепра (Борисфен), и делают его одним из важных этапов, по которым шло древнеславянское проникновение к южным берегам Черного моря и осуществлялись культурные сношения Руси с греческими и арабскими странами.

Эпохе образования славянских племен, начала русского государства и вопросам его культуры посвящено еще несколько статей сборника.

Интересна статья П. Н. Третьякова по материалам архива АН («Розкопки в Києві на горі Кисілівці в 1940 р.», стр. 141—151). Она сообщает о результатах археологических работ, сделанных в 1940 г. в Киеве на горе Киселевке, где были обнаружены весьма древние слои, подстилающие слой великокняжеской эпохи. Гора Киселевка (она же Замковая или Флоровская) представляет собой весьма интересный археологический объект, свидетельствующий об автохтонности и стародавности славянского поселения. Древнейшие следы пребывания человека на этом месте относятся еще к эпохе бронзы; этот слой сменяется находками, относящимися ко времени полей погребальных урн, которые, в свою очередь, сменяются слоями VI—VII ст., дающими типичную керамику древнеславянских (антских) городищ. Этот археологический горизонт датируется ранневизантийскими монетами (императора Анастасия, 498—518 гг., и Юстиниана, 527—564 гг.). Лежащие выше этого слоя остатки великокняжеской эпохи содержат многочисленные находки, в том числе остатки древних жилищ.

Исследованию памятников раннеславянского времени и по существу рассмотрению той же проблемы славянского этногенеза посвящена другая статья того же автора, излагающая результаты археологических работ, сделанных еще в 1938 г. по изучению древнеславянских городищ верхнего течения р. Ворсклы («Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла», стр. 123—140). Автор указывает,

что во второй половине I тысячелетия н. э. район верхнего течения Ворсклы представлял собой периферию славянского мира. Обследованием обнаружен ряд поселений, относящихся большей частью к IX—X вв., представлявших собой укрепленные пункты преимущественно на правом берегу реки. Раскопки, произведенные на одном из таких городищ (близ села Петровского), обнаружили жилые и хозяйственные сооружения. Отмечается примитивный характер хозяйственного инвентаря и керамики, изготовленной главным образом вручную.

Любопытный древнерусский эпиграфический материал, посвященный надписям (граффити) на стенах киевской Софии, относящимся к XI—XIII вв. и представляющим собой ценные документы древнерусского быта, публикует Б. А. Рыбаков в своей статье «Уменні написи XIII ст. в Київському Софійському соборі» (стр. 53—64).

К упомянутым публикациям примыкают и еще две: М. Смишко, сообщая о своих раскопках у Катербурга (Тарнопольская обл.), где им открыто весьма интересное поселение, позволяющее проследить непрерывность культурного развития от эпохи Галльштата через памятники эпохи полей погребальных урн и до раннеславянского времени («Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих», стр. 111—122). В особенности интересны остатки открытых на поселении жилищ. Они имели форму прямоугольника и нечто вроде крыльца на деревянных столбах по одной из узких сторон. Внутри хижин обнаружены остатки очагов.

Некрополь эпохи, к которой относятся упомянутые выше жилища, обнаруженный к югу от Киева, публикует И. С ам о й л о в с к и й, датирующий свои находки концом Латенской эпохи (II—I в. до н. э.). («Корчоватський могильник», стр. 101—109).

Перечисленные исследования сопровождаются несколькими публикациями отдельных памятников и случайных находок. Из них должна быть упомянута: публикация В. Д. Б л а в а т с к и м полихромной эпохи эллинистической эпохи, найденной в Ольвии в 1907 г. и хранящейся в Музее изобразительных искусств в Москве («Поліхромна ойнохоя з Ольвії», стр. 153—161). Публикация сопровождается детальным изучением орнаментики эпохи и обзором близких ей по характеру и по времени произведений эллинистического керамического искусства. Должны быть отмечены также публикации каменных литейных форм для бронзовых наконечников стрел скифского типа IV—III в. до н.э., хранящихся в Киевском историческом музее (Ф. Ш т и т е л ь м а н, Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки Київського історичного музею, стр. 161—164) и нескольких бронзовых статуэток эллинистическо-римского времени из львовского музея (М а е в с к и й, Античні бронзи у Львівських збірках, стр. 165—173).

В заключение нашего рассмотрения содержания т. I «Археологии» должны быть упомянуты две большие статьи, подводящие общие итоги работы, проделанной украинскими археологами за послереволюционный период и открывающие перспективы для нее в будущем.

Первая из них (25 років археологічних досліджень Академії наук УРСР», стр. 65—84), принадлежит перу Л. М. С л а в и н а. Статья дает общий очерк истории археологических исследований на Украине после 1917 г., с рассмотрением наиболее выдающихся археологических объектов, открытых за это время, а также обзор выпущенных за указанный период времени изданий и содержащихся в них публикаций. Автор останавливается также и на работе украинских исследовательских и музейных учреждений на созывавшихся ими конференциях, имевших большое научно-общественное значение. Автор подчеркивает, что первоочередной задачей исследовательских археологических учреждений Украины, по их восстановлении после войны, является уничтожение следов разрушений и грабежей, учиненных в музеях, библиотеках и других научных организациях немецкими захватчиками.

Другая статья, написанная П. Б о р и с к о в с к и м («Огляд історії вивчення палеоліту України», стр. 85—99) посвящена специальному вопросу: истории изучения украинского палеолита, начиная с 70-х гг. прошлого столетия. Автор показывает,

как в послереволюционную эпоху, в связи с началом систематического изучения Украины в археологическом отношении исследование палеолитического периода обратилось в большую отрасль науки, которая произвела, в особенности в 30-е гг., в связи с грандиозными реконструкционными работами в промышленности, многочисленные и весьма важные открытия, обобщение которых является в значительной степени еще делом будущего.

Т. І «Археології», отражая состояние исследовательской работы на Украине в области древней истории, свидетельствует об ее широком размахе и высоком теоретическом уровне. Несмотря на причиненные войной потери, украинские археологи восстановили музейные и исследовательские учреждения, систематически продолжая работу по изучению прошлого своей родины. Сборник в некоторой части отражает также состояние археологической работы и на Западной Украине, где в послевоенные годы отмечается значительное оживление исследовательской деятельности. Обо всем этом позволяет судить, помимо перечисленных публикаций, также раздел хроники, сообщающей о жизни и работе исследовательских и музейных учреждений Украины, предпринимаемых ими экспедициях, мероприятиях по охране памятников древности и т. п. Здесь статьи: Д з б а п о в с ь к о г о (об Институте археологии АН УРСР в 1944 г., стр. 183), М. С м и ш к о (о работе Института арх. АН УРСР за тот же 1944 г.), небольшая заметка С. О д и н ц о в а («Археол. памятники Изюмщины»), Б. Г р а к о в а («О Никопольской экспедиции»), Л. С л а в и н а («Стан Ольвієвського заповідника Академії наук УРСР»), Е. М а х н о («Вивчення культури полів поховань»), Д. Б л і ф е л ь д («Сучасний стан археологічних і архітектурних пам'яток Чернігове»), а также сведения об археологических находках: М. М а к а р е в и ч («Випадкові знахідки в с. Раковичах Радомиського району Житомирської області»), Ф. К о п и л о в («Ще одна знахідка фарби Трипільської ганчарів»).

Сборник представляет нам украинскую археологическую науку на новом подъеме и позволяет надеяться на еще более высокие успехи, которые, несомненно, не заставят себя ждать в будущем.

Н. Трубникова

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА. Бюллетень Государственного музея изобразительных искусств им. А. Пушкина, 1947 г., вып. 2, стр. 42, иллюстрации в тексте и одна таблица.

Сборник «Памятники искусства» посвящен публикации материалов, добытых в результате экспедиционно-археологических работ, проводимых Музеем за последние годы на юге СССР совместно с ИИМК АН СССР. Объединенные экспедиции, преследуя общую цель изучения греческих и варварских памятников Северного Причерноморья, взяли на себя ряд задач, связанных с планомерным изучением отдельных объектов, какими являются греческие и скифские города и поселения. В результате этих работ за несколько лет накопился материал, исследование которого выразилось в ряде статей, составляющих содержание настоящего сборника.

Авторы статей являются руководителями или непосредственными участниками экспедиций. Сборник состоит из статей: И. Б. Зеест «Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны», В. Д. Б л а в а т с к и й «Пантикапейские раскопки 1945—46 гг.», М. М. К о б ы л и н а «Памятники искусства Боспора из раскопок ГМИИ», П. Н. Ш у л ь ц «Работы Тавро-Скифской экспедиции 1941—46 гг.», Н. Н. П о г р е б о в а «Находки в мавзолее Неаполя скифского», И. Д. М а р ч е н к о «О художественной обработке металла на Боспоре», Н. М. Л о с е в а «Новая керамическая находка на Митридате».

Статья И. Б. Зеест «Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны» (стр. 3—9) посвящена сводке работ ГМИИ в различных пунктах Крыма и Кубани, начиная

с 1931—32 гг. Первые самостоятельные раскопки Музея под руководством В. Д. Блаватского проводились в Хараксе—римской крепости, расположенной на Ай-Тодорском мысу. Начав с разведок (1931—32 гг.), Музей совместно с ИИМК и Государственным историческим музеем провел здесь большую экспедицию в 1935 г., в результате которой были обнаружены развалины римских терм, жилые комплексы крепостного гарнизона, большое водохранилище—нимфей, два ряда оборонительных стен и некрополь. В 1933—34 гг. Музей принимал участие в комплексной экспедиции ГАИМК и Керченского музея по раскопкам в Керчи и Камыш-Буруне, где силами ГМИИ был вскрыт участок некрополя римского времени с характерными типами погребений и инвентарем (см. «Материалы по археологии СССР», вып. 4).

В 1937 г. Музей присоединился к раскопкам Государственного исторического музея в Фанагории, а с 1938 по 1940 г. включительно работы проводились там ГМИИ самостоятельно и были прерваны начавшейся войной.

Раскопки в Фанагории установили точное местонахождение города, его основные границы и последовательность культурных напластований от середины VI в. до н. э. до XIII в., н. э.¹

Заслуживает внимания обнаруженное в архаическом слое хозяйственное помещение с погребом, в котором находились десять стоящих в ряд остродонных хиосских амфор, сохранивших на дне черные смолистые сгустки осадков вина. Очень интересен материал, характеризующий местную художественную керамическую промышленность, к которому относятся терракоты и образцы местных сосудов, а также обломки расписной художественной керамики и терракоты, на основании которых автором отмечена связь Фанагории с Атикой и малоазийскими центрами.

Удачным опытом архитектурной реконструкции является монтаж черепицы обнаруженного раскопками завала крыши. Большое значение для выяснения характера города в римское время имеет открытый раскопками музея загородный некрополь первых веков нашей эры.

Следует указать на один пункт неправильного комментирования автором результатов работ на фанагорийском некрополе: на стр. 9 мы читаем: «Погребения римского времени свидетельствуют о большой степени варваризации местного населения: не единичны костяки с деформированными черепами, что было в обычае местного населения». Такая интерпретация факта нахождения деформированных черепов неверна. Деформированные черепа, появившиеся в погребениях первых веков нашей эры на Кубани, характеризуют не местное, а пришлое население, возможно, одно из сарматских племен, пришедших на Кубань с Поволжья.

Очень интересны бытовые и архитектурные остатки первых веков нашей эры в Фанагории, хорошо прослеженные и зафиксированные раскопками.

Гораздо хуже обстоит дело со средневековыми слоями. Здесь, по условиям почвы и материала, архитектурные периоды и планировка не могут быть прослежены с такой же ясностью. Этот слой заслуживает специального изучения. Материал его содержит следы (не отмеченные автором) пребывания русских на Тамани еще до X в. Говоря о том, что в XIII в. это поселение входило в состав Тмутараканского княжества, необходимо указать, что в предшествующую эпоху Фанагория была столицей Хазарского каганата и что хорошо известен материал, связанный с хазарами.

Статья В. Д. Блаватского (стр. 10—19) раскрывает задачи Керченской экспедиции, проводимой ИИМК АН СССР совместно с ГМИИ им. А. С. Пушкина и итог двухлетних работ, в результате которого освещаются многие стороны экономической и политической истории Пантикапея.

Задачами экспедиции являлись планомерные исследования Пантикапея—столиц Боспорского царства, одного из древнейших и значительных государственных

¹ См. В. Д. Блаватский, Раскопки в Фанагории в 1938—39 гг., ВДИ, 1940 г., № 3—4, стр. 287 сл.; его же, Раскопки в Фанагории в 1940 г., ВДИ, 1941, № 1, стр. 220 сл. и др.

образований на юге СССР. Надлежало выяснить время возникновения поселения, его первоначальные границы и последующие их изменения (с ростом или захирением города), историю и характер его отдельных частей (акрополя, жилых кварталов, хозяйственных районов, портовой части).

Следует отметить убедительно доказанное мнение автора о связи тех или других изменений городской топографии с историческими событиями (стр. 12). Под этим углом зрения вполне вероятно, что большие строительные работы на акрополе древнего Пантикапея производились в период, следовавший за бурными событиями конца II в. до н. э., когда восставшие скифские рабы с Савмаком во главе свергли боспорского царя Перисада и захватили в свои руки европейский Боспор.

Автором также убедительно связываются архитектурные периоды с особенностями после-Митридатской эпохи и до конца античности.

Статья М. М. Кобылиной (стр. 16—20) касается ряда памятников античного искусства на Боспоре: фрагменты боспорской архитектуры, расписной штукатурки, составлявшей внутреннюю отделку зданий, и произведений художественного ремесла.

Очень интересно в архитектурно-декоративном отношении обнаруженное в Фанагории здание эллинистической эпохи, представляющее собой часть перистиля дома. Здесь отчетливо прослежена художественная роспись по штукатурке, правильно считающаяся автором вариантом до-помпейского стиля. Интересны также остатки здания, находящегося за городской чертой Фанагории, в котором В. Д. Блаватский усматривает героон малоазийского типа.

Нужно отметить, что заслуживают специального исследования перечисленные лишь вкратце типы керамики и терракот, как привозных так и местного производства. Больше внимания следовало бы уделить анапской статуе, изображающей правителя Горгиппии. Статуя принадлежит к числу уникальных памятников, дающих представление как о местном пластическом искусстве, так и о типе изображенного правителя. Характерные черты этого искусства поняты и отмечены автором, но что касается выразительности портретной характеристики, то необходимо было бы уточнить этнический тип изображенного: скифский облик его не оставляет сомнений ни в типе лица, ни в шейном украшении — гривне, оканчивающейся звериными головами. Кстати, золотых гривен, подобных изображенной, найдено на нашем юге много, но лишь на примере анапской статуи можно иметь наглядное представление о способе их ношения.

Статья П. Н. Шульца показывает результаты работы Тавро-Скифской экспедиции 1945—46 гг. Советская наука подняла на должную высоту вопросы изучения этногенеза славян. В настоящее время можно считать твердо установленным, что племена скифов, сарматов и тавров играли большую роль в сложении племен славянских, в частности, именно русских.

Работы Тавро-Скифской экспедиции ИИМК и ГМИИ под руководством П. Н. Шульца, подтверждают это новыми открытиями. Систематические работы, проводимые П. Н. Шульцем в районе Неаполя скифского и его окрестностях, ставят своей целью возможно полное изучение вопроса истории крымских скифов, для чего необходимо прежде всего исследование ранних памятников культуры скифов и тавров, характера культуры и искусства поздних скифов и их взаимосвязи с греками и римлянами, с одной стороны, с таврами, сарматами, аланами — с другой. Работы последних лет доказали несостоятельность общепринятой периодизации скифской культуры в рамках VII—I вв. до н. э. и позволили раздвинуть эти рамки до IV в. н. э., установив определенную историческую периодизацию внутри этих сроков.

Следует отметить вполне оправдавший себя метод проведения экспедиции, сочетающий в своей работе раскопки с археологическим разведками и рекогносцировками.

Раскопки на территории самого Неаполя скифского обнаружили архитектурные остатки 4-х строительных периодов, относящихся к началу раннеэллинистического времени и до IV в. н. э. Среди них особенно интересно большое каменное здание III в. до н. э. с подвалом и примыкающим к нему комплексом хозяйственных сооружений.

Для находок в слоях городища типично большое количество местных скифских изделий (обломки лепных, простых и лощеных сосудов, пряслица, точильные камни, оселки, лошина и пр.) и наряду с ними значительное число фрагментов и импортной греческой керамики.

Раскопками установлено, что оборонительная стена Неаполя скифского была сооружена в III в. до н. э. и была толщиной от 3,5 до 8, 4 м.

Очень интересен открытый раскопками мавзолей, примыкающий к наружной стене городской стены, вблизи городских ворот. Однако предположение автора, что на тип пристенного мавзолея Неаполя оказал известное влияние Херсонес, где в 1899 г.¹ открыты также примыкающие к городской стене склепы,—не может быть оправданным, так как сам же автор относит этот мавзолей еще к эллинистическому времени, а херсонесский склеп датируется II—III вв. н. э.².

Одним из наиболее крупных достижений экспедиции является открытие ряда склепов со стенной живописью, относящейся к первым векам н. э. и представляющей пример местного скифского искусства. Из 28 склепов, открытых экспедицией, пять имеют стенную живопись.

Подводя итог анализу декоративного оформления и архитектуры склепов, автор прав в том, что «склепы Неаполя скифского отражают вторичный расцвет скифской державы в Крыму в первые века н. э. Они проливают свет на процесс формирования новой скифской фамильной знати. Росписи склепов развертывают перед нами процесс развития живописи поздних скифов от реалистических (склеп № 9) и декоративно-ковровых (склеп № 1) композиций I века н. э., в которых сказываются эллинистические влияния, к усилению самобытных начал во II в. (склеп № 2 и 4), а затем к схематизации и упрощению, отражающим процесс упадка и сармато-аланских воздействий в культуре Неаполя скифского в позднеримское время (склеп № 8)».

Убедительно мнение автора о родственном сходстве некоторых мотивов декоративной росписи склепов с мотивами украинской вышивки и о том, что оформление стенной ниши в одном из склепов, воспроизводящей модель скифского жилища—«вызывает в памяти облик русской избы с деревянным коньком на крыше». Вполне уместно также приводимое автором сопоставление художником Репиным типа портретных скифских изображений с типом русско-славянским.

Интересны и актуальны поставленные перед отдельными отрядами задачи, особенно исследование периферии скифских городищ, почти не затронутых античным влиянием.

На основании результатов работ экспедиции представляется вполне правильным заключение автора, что «в свете новых археологических открытий становится ясным то, что наследие скифской культуры является одним из источников и составным элементом в культуре древней Руси».

Статья Н. Н. Погребовой (стр. 31—36) посвящена «Находкам в мавзолее Неаполя скифского». Открытый раскопками Тавро-Скифской экспедиции мавзолей является уникальным памятником из всего круга памятников, относящихся к скифской культуре.

Существование мавзолея в течение длительного периода (с II в. до н. э. по III в. н. э.) как места погребения позволяет предположить сравнительно спокойный период истории Неаполя скифского, так как иначе вряд ли возможно, чтобы стоящий с наружной стороны крепостной стены мавзолей, не представляющий конструкцией своих стен достаточно укрепленного сооружения, не подвергся разрушению и разграблению со стороны нападающих. Многое в архитектуре мавзолея еще не ясно и ждет дальнейших исследований. Что касается находок при 72-х костяках мавзолея, то, по справедливому заключению автора, они характеризуют, прежде всего, эллинизи-

¹ ИАК, вып. 1 (1901), рис. 19, стр. 7.

² Г. Д. Белов, Римские приставные склепы, «Херсонесский сборник», 1927, 2, Симферополь, стр. 107 сл.

рованную верхушку скифской знати, связанную экономическими и культурными отношениями со многими греческими городами Северного Причерноморья и подвергнушую некоторым сарматским влияниям.

Автор правильно отметил возможную генетическую связь между каменным ящиком мавзолея, заключавшим богатое погребение воина, может быть, царя, и таврскими каменными ящиками Горного Крыма. Однако следовало бы показать на основании не только данных мавзолея, но и всех раскопок самого городища, как новых, так и старых, что погребения мавзолея являются выражением определенных периодов культурно-экономической связи Неаполя с греческим и местным окружением. Так, в период эллинизма Неаполь, повидимому, тесно связан с Боспором; изделия боспорской торевтики, обильно представленные мавзолеем, а также общая историческая ситуация это вполне подтверждают; в период после Диофантовых войн и на протяжении первых веков нашей эры намечается живая связь Неаполя с Херсонесом, также подтвержденная и исторически, и археологически. Именно для этого последнего периода характерно появление нового сарматского элемента.

В целом, основные выводы автора вполне им доказаны. Следует пожелать, чтобы в последующих публикациях автор приводил в первую очередь русскую литературу о найденных на нашем юге памятниках. На стр. 34, говоря о золотых Боспорских и Ольвийских масках, автор ссылается лишь на Minns'a, Ebert'a, не упомянув русские работы Ашика, Толстого и Кондакова, Ростовцева, альбом ДБК и др., что является совершенно недопустимым.

Материалы Боспорской экспедиции ГМИИ и ИИМК в 1945—46 гг., исследованные И. Д. Марченко, пополняют наши сведения о развитии искусства торевтики Боспора и о боспорской металлургии вообще. Найденный экспедицией серебряный рельеф эрота или горгоны, представляющий собой часть украшения металлического сосуда, носит на себе очевидные следы местного влияния как по идейному изображению, так и по технике, что верно определено автором. Сделанное им предположение, «что в условиях позднээллинистического Пантикапея с его широкими внешними влияниями и древней местной традицией мог возникнуть какой-то синкретический женский образ, ... в основе которого лежит образ горгоны», представляется вполне законным, так как примеров синкретических божеств с самыми разнообразными атрибутами на Боспоре известно много.

Говоря о золотых бусах, найденных в Керчи, автору следовало бы указать на многочисленные аналогии, известные по всей периферии Боспорского царства и происходящие скорее всего из пантикапейских мастерских.

Очень интересные факты, свидетельствующие о металлургическом производстве Пантикапея, обнаруженные экспедицией, но участок, где были вскрыты следы этого производства, еще не доследован, и говорить о нем можно лишь предположительно.

Статья Н. М. Лосевой «Новая керамическая находка на Митридате» посвящена историко-художественному анализу фрагментированной краснолаковой расписной амфоры, найденной на Митридате при работах Боспорской экспедиции. В результате произведенного исследования автору удалось убедительно доказать дату фрагмента и принадлежность его к группе малоазийской керамики II в. до н. э.

В целом сборник является ценной книгой по истории Северного Причерноморья. Оформление его вполне удовлетворительно (за исключением двух случаев небрежного расположения фотографий: рис. 7 стр. 14 и рис. 4 стр. 36).

Н. В. Пятышева

ОБСУЖДЕНИЕ «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ», Т. I

В апреле 1948 г. Институтом истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР было создано научное совещание, посвященное обсуждению т. I «Всеобщей истории архитектуры», в связи с подготовляющимся его переизданием.

Этот труд, изданный в 1944 г., распадается на четыре части: 1) архитектура доклассового и раннеклассового общества; 2) архитектура древневосточных деспотий; 3) архитектура Эгейского мира; 4) архитектура древней Мексики и древнего Перу. Книга содержит 203 страницы текста и 165 таблиц с иллюстрациями. Часть первая, посвященная истории архитектуры первобытно-общинного строя, принадлежит перу А. С. Гущина, при участии К. А. Иванова. Часть вторая состоит из следующих глав: 1) архитектура древнего Египта, 2) архитектура древнего Двуречья и долины Инда, 3) архитектура горных стран Передней Азии (хетты, Палестина, Финикия, Урарту), 4) архитектура Ассирии и Нового Вавилона, 5) скальная архитектура стран Малой Азии, 6) архитектура Ирана эпохи Ахеменидов. Из них первые две написаны Н. Д. Флинтнер с дополнениями В. Н. Владимирова. Глава третья, по разделам «Хеттская и сиро-хеттская архитектура», «Архитектура Палестины и Финикии»—Н. Д. Флинтнер с дополнениями Е. М. Томиловской (по разделу архитектуры хеттов). Раздел «Архитектура Ассирии и Нового Вавилона» составлен А. А. Сидоровым, с дополнениями М. Я. Гинзбурга. Раздел «Архитектура халдов»—С. В. Бессоповым. Глава «Скальная архитектура стран Малой Азии» принадлежит И. Л. Маца. Глава «Архитектура Ирана эпохи Ахеменидов»—С. И. Сахарову.

Часть 3-я—«Архитектура Эгейского мира» написана С. А. Кауфман с дополнениями Н. Е. Роговина, часть 4-я—«Древнеамериканская архитектура»—М. Я. Гинзбургом.

Поставленное на обсуждение собравшихся историков архитектуры, историков древности и археологов издание при имеющихся достоинствах, определивших его место в качестве необходимого пособия при изучении истории архитектуры в специальных учебных заведениях и на исторических факультетах, вызвало целый ряд критических замечаний в отношении построения и оформления, в особенности же по содержанию некоторых его глав.

В наши дни история древней архитектуры, быть может, более, чем какая-либо другая, претерпевает многообразные изменения и перестройки, вызываемые быстрым накоплением нового археологического материала и значительной работой в области методологии и истории социальных отношений в древности. Сказанное отнесется в особенности к истории первобытно-общинного строя и его материальной культуры, а также древнейшей стадии истории древневосточных рабовладельческих обществ, контуры которых определяются в наше время благодаря интенсивным археологическим раскопкам на восточных берегах Средиземноморья и в Передней Азии. Немаловажное значение имеют вопросы периодизации и хронологии средиземноморских культур эпохи бронзы и раннего железа, поставленные в связи с происходящим в настоящее время пересмотром и уточнением древневосточной хронологии II—III тысячелетий до н. э. Это касается в первую очередь эгейской и древнеанатолийской (тройанской) культур, хронология которых подвергалась большим колебаниям, а в настоящее время может быть установлена более прочно на основании синхронизмов с передатированным царствованием Хаммураби и XIII египетской династии. Эгейская хронология должна быть приведена в соответствие с хронологией древней Трои, получившей твердую базу в стратиграфической шкале, разработанной на основании новейших раскопочных данных. Все это имеет значение при разработке вопросов истории архитектуры эпохи бронзы и должно быть учтено при переработке обсуждаемого издания.

В докладах, прочитанных на совещании, весь этот круг вопросов получил широкое освещение. С. П. Толстов, говоривший о первобытной архитектуре в свете новейших открытий советской археологии и этнографии, в особенности подчеркнул важность этнографического материала при построении раздела истории архитектуры доклассового общества. Он указал, что этнографический материал, при правильной

его периодизации на основании схемы Маркса—Энгельса, с поправками, предложенными советской наукой в отношении размещения некоторых индейских и океанийских племен, призвал наполнить живым содержанием сухие и фрагментарные планы и реконструкции первобытных архитектурных сооружений, создаваемые на основании археологических данных.

С. П. Толстов стремился показать, что именно по этнографическим данным можно проследить, как локальные особенности строительно-технического порядка, обусловленные строительным материалом, перерастают в стилистические приемы, распространяющиеся затем на значительные пространства. В качестве примера докладчик привел изогнутую форму кровли китайской фанзы, происходящую от пригибавшихся тонких жердей—стропил перекрытий древнекитайских длинных домов эпохи родового строя, осознанных затем стилистически и получивших применение в китайской, монгольской и индийской архитектуре. Им было указано на значение открытий в области первобытной архитектуры, сделанных на территории советской Средней Азии (Кельтеминарская культура), и на способы реконструкции остатков открытых жилых сооружений на основании этнографических параллелей.

Значению новейших археологических открытий на территории СССР для построения истории архитектуры эпохи рабовладельческого строя были посвящены следующие два доклада.—Б. Б. Пиотровский говорил об архитектуре древних уруртов, в частности об архитектуре раскапываемого им дворца в Кармир-блуре, а также и о тех изменениях и дополнениях, какие необходимо сделать при переиздании книги в связи с этими новыми открытиями. Проблемам еще вовсе не изученной архитектуры скифов, также преимущественно на материале собственных археологических открытий, посвятил свой доклад П. Н. Шульц. Он демонстрировал деревянное скифо-сарматское жилище по изображению, найденному в одном из каменных склепов Неаполя скифского в Крыму, а также подробно рассмотрел планы больших скифских городищ на Днепре—первых своеобразных поселений городского типа, с огромной территорией, включенной в городскую ограду, очевидно, в целях охраны принадлежавшего поселению скота.

Все эти данные значительно изменяют наши представления об архитектуре народов СССР эпохи первобытно-общинного и рабовладельческого строя. В первом издании книги соответствующий материал был подобран довольно случайно и расположен не в том порядке, как это определяется последовательностью смены общественных формаций. Достаточно сказать, что архитектура скифов трактовалась в разделе первобытно-общинной архитектуры.

С. А. Кауфман посвятила свое сообщение вопросам переднеазиатской и эгейской архитектуры. Она в особенности указывала на необходимость использования археологического материала, добытого за последние годы в Месопотамии, Сирии, на о. Кипре и на материке Греции, позволяющего проследить истоки древнеавилонского зодчества не в Шумере, как это еще считалось до недавнего времени бессмысленным, а на севере Месопотамии, в Ассирии, где раскопками обнаружены более древние, нежели шумерийские, архитектурные остатки. Она указывала также на необходимость показать проникновение на восток критского влияния, определившего формы кипрских и западносирийских (Рас-Шамра) погребальных сооружений. По мнению С. А. Кауфман, новый материал микенской эпохи, а также более тщательное изучение материалов раскопок периферийных пунктов элладийской культуры создадут более отчетливое представление о происхождении эгейских архитектурных форм и облегчат понимание преемственности эгейской и древнегреческой архитектуры.

Докладывая по разделу архитектуры древнего Египта, В. В. Павлов указал, что этот раздел, менее других вызывающий нарекания, все же подлежит некоторой переработке. Это следует сделать по линии более отчетливого выявления роли индивидуальных художников-строителей древнего Египта, имена и стилистические приемы которых могут быть отчетливо различимы, а также по линии углубления вопросов древнеегипетской эстетики, определение которой требует размежевания и борьбы с современными буржуазными модернизаторскими теориями.

Высказанные в докладах положения и пожелания были развиты в прениях, в которых приняло участие большое число историков, археологов и историков архитектуры.

Было указано, что более тщательное использование археологического и этнографического материала, введение в научный оборот фактов периферийного значения, обычно игнорируемых историей архитектуры, стремящейся к ограничению лишь монументальным материалом, позволит заново и на строго научной почве поставить вопрос о происхождении некоторых наиболее распространенных форм средиземноморской архитектуры, каковы мегалиты, мегаронообразные сооружения и атриевые (перистильные) здания.

Для понимания процессов истории отечественной архитектуры также необходима мобилизация всего огромного и нового археологического материала с территории СССР. Многие элементы своеобразия позднейшего русского деревянного и каменного зодчества могут быть прослежены на памятниках северных свайных поселений, на трипольских жилищах и их моделях, на погребальных сооружениях каткомбной, срубной и скифо-сарматской культур юга и востока СССР.

Мобилизация всего этого богатого материала, еще ждущего в значительной мере своего исследователя, не только обогатит историю архитектуры новыми фактами, обеспечит полноту и последовательность ее изложения в перерабатываемом т. I «Всеобщей истории архитектуры», но и создаст существенные условия для преодоления чуждых влияний и формалистских построений, идущих не от фактического материала, а от искусственных схем. Этим будет совершен новый шаг на пути создания марксистской, советской истории архитектуры.

Л. Е.

Александр Васильевич МИШУЛИН

ХРОНИКА

Профессор АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МИШУЛИН

(1901—1948)

19 сентября 1948 г. после тяжелой болезни скончался редактор «Вестника древней истории» тов. А. В. Мишулин.

Ни одно крупное начинание в области древней истории не проходило мимо А. В. Мишулина, хорошего организатора и умелого руководителя. А. В. Мишулин принадлежал к тому поколению, которое выросло и сформировалось в годы Октябрьской революции. Он родился 30 августа 1901 г. в гор. Мелекесе, по старому административному делению—Самарской губернии (ныне Ульяновская область), в семье рабочего-пекаря. По окончании высшего начального училища Александр Васильевич был определен в мелекесскую гимназию, которую, после преобразования ее в трудовую школу, в 1919 г. он закончил.

«Революция,—писал А. В. Мишулин в своей автобиографии,—пробудила у меня интерес к гуманитарным знаниям, в особенности к истории древности, тогда как раньше я увлекался математикой». Осенью 1919 г. А. В. Мишулин поступил на историко-филологический факультет Самарского государственного университета. Это было новое учебное заведение, далеко не обеспеченное кадрами. Марксистский метод изучения общества только начинал еще входить в университетское преподавание, но позиция А. В. Мишулина определилась сразу; несмотря на юношеский его возраст, он не стоял на перепутье, а с первых же дней зарекомендовал себя марксистом, человеком, преданным Великой Октябрьской социалистической революции. А. В. Мишулина часто можно было встретить в коридорах университета, спорящего с теми студентами, которые защищали традиционные академические принципы буржуазной, эклектической науки.

В эти годы А. В. Мишулин штудировал сочинения классиков марксизма. Усердно стал он заниматься также историей древнего мира, первые его студенческие работы посвящены были общественной теории Платона. Высшее образование А. В. Мишулин завершил в I Московском государственном университете, и в 1923 г. на рабочих курсах им. Воровского начинается его педагогическая деятельность.

В конце 1924 г. он подал заявление о вступлении в ряды ВКП(б), и в 1925 г., в годовщину смерти Ленина, был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в 1927 г.— в члены партии.

В 1927 г. А. В. Мишулин на основании вступительной работы о «Государстве» Платона был принят аспирантом Института истории РАНИОН по секции древней истории. Особенно глубоко Александр Васильевич работал по двум вопросам: он продолжал работу по социальной теории Платона, ставя главной своей задачей показать, каковы были конкретные исторические условия, в которых выросла реакционная идеалистическая система Платона, и какие социальные задачи стремилась она разрешить; второй проблемой было изучение истории Спартакосского восстания.

В 1930 г. Александр Васильевич начал работать в Государственной академии истории материальной культуры им. П. И. Марра, где он был вначале заведующим

Московским отделением, а затем руководителем сектора древней истории. Ему удалось сплотить коллектив историков античности и направить их на разрешение важных вопросов социально-экономической истории древнего мира. В 1934 г. после исторического постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании гражданской истории А. В. Мишулин принимает участие в организации Исторического факультета Московского государственного университета, профессором которого он состоял до последних дней жизни. Александр Васильевич был одним из авторов и редактором стабильного учебника по истории древнего мира для средней школы, который вышел в 1940 г. и неоднократно переиздавался.

Печататься Александр Васильевич стал с 1930 г. В журнале «Под знаменем марксизма» и других выходят его статьи по общим вопросам истории древнего мира. В 1932 г. в «Известиях ГАИМК» (т. XIII, вып. 8) была издана работа А. В. Мишулина «О воспроизводстве в античной общественной формации», сыгравшая большую роль в изучении общих вопросов социально-экономической истории древнего мира. А. В. Мишулин анализирует в этой работе высказывания Маркса и Энгельса по вопросам античной экономики и, вопреки распространенным в буржуазной историко-экономической литературе взглядам, указывает, в каком смысле следует говорить о натуральных основах хозяйства в древнем мире.

В связи с работой в ГАИМК появилось несколько статей Александра Васильевича по истории техники. Особое значение имеет его работа над Витрувием. Под редакцией и со вступительной статьей А. В. Мишулина вышел перевод трактата Витрувия «Об архитектуре». Самому Александру Васильевичу принадлежит перевод X книги трактата. Впоследствии появилось и специальное его исследование об источниках этой части трактата Витрувия (ВДИ, 1946, № 4).

Основной круг вопросов, которыми в эти годы занимался А. В. Мишулин, связан с восстанием Спартака. Первый доклад о Спартаке он сделал еще в 1930 г. в бытность свою аспирантом; в 1934 г. в переработанном виде доклад был напечатан в «Известиях ГАИМК». Затем он публикует статьи по отдельным частным вопросам восстания Спартака, а в 1936 г. в издании Соцэкгиза выходит его монография «Спартакское восстание».

Не приходится говорить, какое значение имеет проблема восстаний рабов для истории древности. В буржуазной историографии Спартаку уделялось мало внимания. Существует несколько небольших работ, написанных второстепенными историками и не дающих даже сводки материала по Спартакоскому восстанию. В общих, даже самых подробных, трудах буржуазных исследователей движение Спартака излагалось как эпизод, не связанный с внутренней историей Рима. Когда Александр Васильевич еще в годы аспирантуры приступил к изучению этого вопроса, некоторые ему указывали на скудость материала, и действительно принято было считать, что данные Аппиана и Плутарха, а также фрагмент из «Историй» Саллюстия являются почти единственными источниками по данному вопросу. А. В. Мишулин систематизировал все данные античных авторов. Оказалось, что в той или иной связи о Спартаке упоминают более тридцати писателей; многие из этих упоминаний имеют большое значение и дают возможность воссоздать историю движения. Последнее нельзя рассматривать изолированно. Оно является определенным и самым значительным звеном в истории римских социальных движений. Александр Васильевич систематизирует и анализирует упоминания о заговорах рабов в эпоху ранней республики, изучает сицилийское восстание рабов, историю Гранхов, другие выступления плебса и переходит затем к восстанию Спартака. Восстание Спартака занимает, естественно, в этой работе центральное место. Александр Васильевич рассматривает конкретные условия, при которых возникло движение (восстание Сертория, недовольство плебса, голод в Италии, война с Митрадатом), затем дает подробное изложение и анализ событий самого восстания.

Александр Васильевич выделяет особо следующие вопросы: датировка начала восстания, состав восставших, программа движения, причины поражения. В отличие от общепринятой до того даты (73 г. до н. э.) Александр Васильевич относит начало

движения к 74 г.; особое внимание обращено было им на указание Аппиана, который говорит, что к восставшим рабам примкнули «свободные с полей». В последних, по мнению Александра Васильевича, нужно видеть разоряющихся римских и италийских крестьян. В связи с разнородностью состава восставших нужно рассматривать и их программу. Спартак стоял во главе рабов, стремившихся вернуться на родину, но это противоречило интересам свободной бедноты, не желавшей покорять Италию. Своих вождей эта группа восставших нашла в лице Крикса и Эномая, а затем Каста и Граника. Раскол среди восставших способствовал поражению движения. Таким образом, в монографии А. В. Мишулина история Спартакского движения впервые рассматривалась как одно из самых значительных явлений римской истории. Рабовладельцам приходилось искать средств борьбы с восстаниями рабов. Это и привело в конечном счете к установлению военной диктатуры. «Спартакское восстание» А. В. Мишулина является ценным вкладом в советскую историческую науку.

А. В. Мишулин принадлежал, безусловно, к числу опытных и хороших педагогов. Особенно плодотворны были его семинарские занятия и руководство аспирантурой. В Московском университете в 30-х гг. он вел семинарии главным образом по истории социальных движений конца Римской республики. Аналогичные занятия вел Александр Васильевич в Государственном педагогическом институте им. Либкнехта, где с 1935 по 1941 г. он был профессором.

В статьях этого периода Александр Васильевич выступает против фашистской фальсификации древней истории, призывает к бдительности на фронте истории, фиксирует внимание советских историков на тех особо-актуальных проблемах, какие выдвигаются современной действительностью. В 1934 г. Александр Васильевич публикует статью «О переходе от античности к феодализму» (ИГАИМК, 1934), в которой подчеркивается огромная важность указаний товарища Сталина о революции рабов для исторической науки. В 1935 г. появляется очерк Александра Васильевича по историографии античности (ПИДО, 1935, № 1—2); в 1938 г. в ВДИ была напечатана его статья «О наследстве русской науки по древней истории».

Исключительно велика была роль Александра Васильевича как одного из основателей журнала «Вестник древней истории» и его бессменного редактора. Александр Васильевич был в полном смысле слова душой «Вестника»; он сумел сплотить вокруг журнала весь коллектив советских историков древнего мира и превратил журнал в действительно руководящий орган борьбы за марксистско-ленинские принципы в изучении древней истории.

Большую роль сыграл Александр Васильевич и в деле разработки проблем ранней истории славянства и древней истории нашего юга. В 1939 г. он выступает со статьей «Древние славяне и судьбы Восточно-римской империи» (ВДИ, 1939, № 1). Ценным вкладом в разработку этих проблем явилось опубликование «Материалов по истории древних славян» под редакцией А. В. Мишулина и с его вступительной статьей (ВДИ, 1941, № 1). По инициативе Александра Васильевича «Вестник древней истории» поднимает на своих страницах ряд вопросов истории Византии, способствуя возрождению советского византиноведения.

Обзор литературной деятельности А. В. Мишулина в период 1939—40 гг. указывает на необычайную его чуткость в выборе тематики своих исследований, его принципиальность и последовательность. Он всегда считал, что древняя история является той областью исторической науки, которая затрагивает важнейшие общеисторические проблемы и в которой марксистская наука должна давать бой буржуазным фальсификаторам истории.

В 1938 г. А. В. Мишулин назначается заведующим Сектором древней истории Института истории АН СССР. Александр Васильевич создает работоспособный коллектив в Москве. Все внимание и московских и ленинградских историков направляется на подготовку «Всемирной истории», и наряду с этим продолжается работа над учебниками и учебными пособиями по истории древнего мира. Вместе с Н. А. Машкиным Александр Васильевич редактирует «Историю Греции» В. Г. Сергеева, для которой он написал специальную главу о восстаниях рабов и бедноты в древней Греции.

В 1940 г. А. В. Мишулину на основании постановления Совета народных комиссаров СССР была назначена сталинская стипендия для подготовки докторской диссертации. Темой диссертации Александр Васильевич избрал историю древней Испании. Еще в 1939 г. в ВДИ (№ 2) появилась его статья «Испания в мифологии и в исторических памятниках античности»; кроме того, на эту тему им прочитан был ряд докладов в МГУ и Секторе древней истории АН СССР. Со всей своей энергией А. В. Мишулин принимается за диссертацию, не прерывая работу в «Вестнике древней истории», продолжая руководить работой студентов и аспирантов МГУ и читать лекции в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

В период Великой Отечественной войны А. В. Мишулин, продолжая работу, начатую в предшествующие годы, выступает на заседании кафедры МГУ с докладом о скифской военной тактике, опубликованным им в 1943 г. в «Историческом журнале» (№ 8—9), печатает статьи о древних славянах и крушении Восточной Римской империи (ИЖ, 1941. № 10, 1942. № 1—2), разоблачает фашистскую пропаганду, идеализирующую древних германцев (ИЖ, 1941. № 7—8).

С октября 1941 г. по июнь 1943 г. Александр Васильевич был в эвакуации вместе с Московским университетом, сначала в Ашхабаде, а затем в Свердловске. Условия для работы над диссертацией были трудные. Не сразу удалось Александру Васильевичу получить все свои конспекты, рукописи и книги, но, оптимист по природе, он с прежней энергией не только продолжал работу над диссертацией, но вел и педагогические занятия в МГУ, оказывал помощь в постановке преподавания древней истории Ашхабадскому педагогическому институту.

Зиму 1942—1943 г. Александр Васильевич провел в Свердловске. К 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции он опубликовал обстоятельную статью, посвященную изучению древней истории в СССР за 25 лет. Но главное внимание уделялось диссертации. Суровая обстановка жизни не помешала Александру Васильевичу в срок закончить докторантуру. В мае месяце 1943 г. диссертация была уже закончена и перепечатана, а вскоре по возвращении в Москву в июле месяце состоялась ее защита. Работа носила название—«Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость».

Один из главных тезисов Александра Васильевича состоял в доказательстве существования особой самобытной иберийской культуры, испытавшей влияние других средиземноморских культур, но не терявшей никогда своих самобытных черт. Положение это обосновывалось данными археологии, анализом античной мифологии, свидетельствами древних авторов. Особое внимание уделяет Александр Васильевич загадочному Тартессу, о котором имеется целый ряд свидетельств у древних писателей, но остатков которого не найдено до сих пор.

Специально занимается Александр Васильевич этногенезом испанских племен, указывая, что переход их от первобытно-общинного строя к классовому обществу нельзя объяснить иностранными вторжениями. Ряд племен при столкновении их с Карфагеном и Римом стоял на той стадии развития, которую Энгельс называл военной демократией. Экспансия Карфагена вызвала сопротивление испанских племен. Александр Васильевич изучает ход этой борьбы и следит шаг за шагом за ее перипетиями, подчеркивая, что это была борьба свободолюбивого туземного населения за свою независимость. В этом же аспекте рассматриваются и события времен II Пунической войны. Обычно исследователей интересовало то, что происходило в Италии, они заставляли читателя следить за действиями Ганнибала и римских полководцев, Испания рассматривалась как второстепенная страна. У Александра Васильевича на переднем плане Испания: он использовал данные античных историков, прежде всего Полибия и Тита Ливия, для того, чтобы показать, каково было положение жителей Испании во время борьбы между Римом и Карфагеном. Испанские племена помогали Риму в борьбе с Карфагеном, но это отнюдь не означало добровольного подчинения Риму. Борьба с новыми завоевателями начинается вскоре после утверждения их на Пиренейском полуострове. Историей образования испанских провинций, характеристикой тех отношений, в каких оказались завоеватели по отношению

к завоеванным, хронологически 197 годом, заканчивается работа А. В. Мишулина. Основана она на изучении громадного материала: кроме античных авторов, Александр Васильевич использовал археологические исследования, сводки и публикации. Им использована была и большая литература предмета, причем специально для написания данной работы ему пришлось изучить испанский язык.

На русском языке это была первая работа по античной Испании, вместе с тем это была первая марксистская монография по данному вопросу; и в то же время нельзя указать ни одной другой работы на иностранных языках, которая хотя бы тематически совпадала с трудом Александра Васильевича. Существует много работ по доисторической Испании, есть работа по римской Испании, но специального исследования, которое охватило бы всю историю Пиренейского полуострова от доисторических времен до римского завоевания, не существовало; не было труда, который давал бы социально-экономическую, политическую и культурную историю древней Испании, который следил бы за изменением общественного строя испанских племен, за развитием их культуры.

Александр Васильевич не считал, однако, свою работу завершенной: он говорил не раз, что история античной Испании будет делом его жизни. Завершив историю доримской Испании, он начал заниматься изучением длительной и упорной борьбы испанских племен с Римом за независимость, особенно интересовала его история Сертория. Но смерть помешала Александру Васильевичу осуществить свои замыслы.

За пятилетие после защиты диссертации Александром Васильевичем сделано было очень много. Вышло два издания стенограмм его лекций по истории Греции и Рима, читанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). Александр Васильевич занимался также изучением международных отношений в древности. В связи с этим им была опубликована статья «Объявление войны и заключение мира у древних римлян» (ИЖ, 1944, № 10, 11) и «Идеи права в междуэллинских отношениях» (ВДИ, 1946, № 2/16).

С октября 1943 г. по сентябрь 1945 г. Александр Васильевич был заместителем директора Института истории материальной культуры им. Марра АН СССР. Деятельное участие принял он в археологическом совещании, происходившем в начале 1945 г.

Вскоре после защиты докторской диссертации Александр Васильевич был вновь назначен заведующим Сектором древней истории Института истории АН СССР, а с 1946 г. возобновилось издание журнала «Вестник древней истории», которым он руководил вплоть до последних дней своей жизни.

В Московском университете Александр Васильевич несколько лет подряд читал специальный курс по античной Испании, а также по истории международных отношений в Греции и Риме и руководил работой аспирантов.

Правительство высоко оценило работу А. В. Мишулина, наградив его орденом Трудового Красного Знамени и медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «В память 800-летия Москвы». С мая 1944 г. до августа 1946 г. Александр Васильевич был на руководящей работе в аппарате ЦК ВКП(б), а с августа 1946 г. до августа 1948 г. состоял ректором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

В последние два года стало резко ухудшаться здоровье Александра Васильевича.

В июле 1948 г. Александр Васильевич вынужден был лечь в больницу, а 19 сентября скончался от рака легких. Лишь несколько дней перед смертью Александр Васильевич не работал.

Передовой ученый, считавший научную работу делом своей жизни, борец за партийность в научной разработке древней истории, опытный педагог и организатор умер на боевом посту. От нас ушел верный сын партии Ленина—Сталина, отзывчивый товарищ и горячий патриот. Пусть его жизнь будет примером и для нас, его товарищей, и для многочисленных его учеников.

Список научных трудов А. В. Мишулина

1930 год. Платон против Маркса. Рец. на кн.: Paul W. Junker. Die Weltanschauung des Marxismus und Platos Staatsidee. Greifswald, 1925, 122 стр. «Революц. и культ.», № 21—22, стр. 125—128.

История с астрономией, или астрономия против истории. Рец. на кн.: Н. А. Морозов. Христос, тт. 1—6. М., «Революц. и культ.», № 23, 69—80.

Марксизм и проблемы древней истории. Рец. на кн.: С. Я. Лурье. История античной общественной мысли. 1929, 415 стр., «Под знам. маркс.», № 7—8, стр. 242—250.

1932 год. О воспроизводстве в античной общественной формации. ИГАИМК. т. XIII.

1933 год. Античная техника. Гл. в кн.: «Античный способ производства в источниках». ИГАИМК, вып. 78, стр. 110—187.

1934 год. Восстание Спартака в древнем мире. Доклад. ИГАИМК, вып. 76, стр. 132—162.

Древняя история в средней и высшей школе. «Борьба классов», № 5—6, стр. 9—15.

Античная Индия. «Борьба классов», № 9, стр. 58—65.

Боги и люди древнего Египта. «Борьба классов», № 10, стр. 62—70.

О переходе от античности к феодализму. Доклад. ИГАИМК, вып. 103, стр. 206—212.

К вопросу о рабстве на востоке. Предисл. к кн.: В. В. Струве, История древнего Востока. Кратк. курс. М., Соцэргиз, стр. 3—14.

1935 год. Из историографии античности. ПИДО, № 1—2, стр. 47—68.

Последний поход Спартака и его гибель. ПИДО, № 7—8, стр. 116—133.

Восстание Спартака. «Красная звезда», 30/VI (№ 174) и 11/VIII (№ 184).

Культура и мифология древней Греции (гл. из нового учебника по древней истории). «Борьба классов», № 5, стр. 35—45.

1936 год. Спартаковское восстание. М., Соцэргиз, 291 стр.

Революция рабов и падение Римской республики. М., «Правда», 116 стр.

Очерк о Китае в античную эпоху. «Борьба классов», № 2, стр. 95—105.

Спартаковское восстание. «История в школе», № 5, стр. 81—100.

История Спартаковского восстания. Вступ. ст. к кн. Джованьоли. Спартак. Роман. Пер. с итал. Л. Я. Френкель, М., Жургиз, стр. 5—32.

Моммзен и его «История Рима». Рец. на кн.: Т. Моммзен. История Рима, I. М., Соцэргиз, 892 стр. «Борьба классов», № 11, стр. 123—124.

1937 год. Миф об Антее. ИЖ, № 6, стр. 89—94.

О бдительности на фронте древней истории. Рец. на кн.: «Известия ГАИМК». 1934, вып. 90. ИЖ, № 3—4, стр. 236—240.

История разоблачает фальсификаторов истории. Рец. на кн.: «Древние германцы». Сборн. докум. Ввод. ст. и редак. А. Д. Удадьцова. М., Соцэргиз, 1937, 222 стр. «Большевик», № 13, стр. 92—96.

К истории восстания Спартака в древнем Риме. ВДИ, № 1, стр. 133—142.

1938 год. Советская историография и задачи древней истории. ВДИ, № 1, стр. 3—12.

Миф об Антее у древних авторов (Очерк из античной мифологии). ВДИ, № 1, стр. 93—100.

Открытие древнейшей цивилизации в долине Инда. Рец. на кн.: The Indus Civilisation, by Ernest Mackay. London, 1935, ВДИ, № 1 (2), стр. 121—122.

За передовую науку по древней истории. К построению марксистской «Истории древнего мира», изд. АН СССР. ВДИ, № 2, стр. 5—17.

О наследстве русской науки по древней истории. ВДИ, № 3, стр. 25—35.

Утопический план аграрной Магнезии. ВДИ, № 3, стр. 92—116.

Неоценимый вклад в марксистскую историческую науку. ВДИ, № 3, стр. 17—24.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. ВДИ, № 4, стр. 3—12.

Рец. на кн.: «Peuples et civilisations». Histoire générale publiée sous la direction

de Louis Halphen et Philippe Sagnac. 1935—1937, vol. I. ВДИ, № 4 (5), стр. 218—221.

О марксистском учебнике по древней истории. ВДИ, № 1, стр. 11—18.

Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. ВДИ, № 1, стр. 290—703.

К изучению восстаний рабов в древней Греции. ВДИ, № 2, стр. 21—30.

Испания в мифологии и исторических памятниках античности. ВДИ, № 2, стр. 177—207.

Из лаборатории исторических идей Ленина (О возникновении рабства труда и путях его освобождения). ВДИ, № 4, стр. 16—29.

Восстание рабов и бедняков. Гл. XIV в книге: В. С. Сергеев. История древней Греции. М., Соцэкгиз, стр. 270—280

Как создавался первый марксистский учебник по древней истории. ИЖ, № 11, стр. 123—127.

К изучению роли войны и военного производства в древности. ВДИ, № 1, стр. 219—230.

Ленин и историческая наука. Доклад. «Вестник АН СССР», № 4—5, стр. 99—108.

К изучению роли войны и военного производства в древности. ВДИ, № 1, стр. 219—231.

Греческие полиоркетики об искусстве осады городов. ВДИ, № 3—4, стр. 385—393.

На историческом фронте. «Правда», 15 ноября.

«История древнего мира» (Об учебнике для средн. школы под ред. автора). «Учительская газета», 8/IX.

1941 год. Валлон в развитии историографии по античности. Предисл. к кн.: В а л л о н. История рабства в античности. Пер. с фр. С. П. Кондратьева. Т. 1—2. М., Госполитиздат.

Материалы к истории древних славян. Вводная статья и тексты. ВДИ, № 1, стр. 225—284.

Историческая фантазия о «военных доблестях» «нордической расы». ИЖ, № 7—8, стр. 75—80.

Древние славяне и крушение Восточноримской империи. ИЖ, № 10—11, стр. 55—61.

1942 год. Древние славяне. Документы о вторжении древних славян в Восточно-римскую империю в VI—VII вв. н. э. ИЖ, № 1—2, стр. 152—154.

Изучение древней истории в СССР за 25 лет. ИЖ, № 10, стр. 103—107.

1943 год. Рец. на кн.: В. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. ЗМГПИ им. Ленина, т. XXVIII. ИЖ, № 5—6, стр. 95—96.

О военном искусстве скифов. ИЖ, № 8—9, стр. 64—69.

1944 год. Античная история Греции и Рима. Курс лекций, прочит. в ВПШ при К ВКП(б), М., 319 стр.

Акад. С. А. Жебелев в русской науке по древней истории (К 75-лет. со дня рождения), ИЖ, № 1, стр. 73—77.

Объявление войны и заключение мира у древних римлян. ИЖ, № 10—11, стр. 103—113.

1945 год. Соповещение археологов. «Вечерняя Москва», 24 февраля.

1946 год. История Древней Греции. Курс лекций, ВПШ при ЦК ВКП(б), М., 156 стр.

История Древнего Рима. Курс лекц., ВПШ при ЦК ВКП(б), М., 137 стр.

Идеи права в междоуэллинских отношениях. ВДИ, № 2, стр. 51—65.

Археология и ее роль в развитии советской исторической науки (совместно с А. Б. Рановичем). ВДИ, № 1, стр. 3—8.

Рец. (совместно с А. Б. Рановичем) на кн. С. Ф. Ке ч е к ъ я н и И. П е р е т е р с к и й, Всеобщая история государства и права, вып. 1 и 2. Учебн. для юридич. ин-тов. М., 1944, ВДИ, № 3, стр. 117—126.

К интерпретации надписи Эмилиа Павла от 189 г. до н. э. (Надпись CIL, II, 5041, 4699—700). ИАН (ОИФ), III, № 4, стр. 341—348.

Источники трактата Витрувия об архитектуре. ВДИ, № 4, стр. 76—91.

1947 год. Спартак Научн.-попул. очерк. М., Учпедгиз, 138 стр. («Школьная историч. биб-ка»).

Витрувий и источники X книги его трактата. ВДИ, № 1, стр. 60—77.

Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР (К переизданию «Scythica et Caucasica» В. В. Латышева). ВДИ, № 1, стр. 255—262.

Рец. (совместно с Н. А. Машкиным) на кн.: A. P i g a n i o l, L'Histoire de Rome, Paris, 1946. ВДИ, № 2, стр. 90—93.

Развитие исторической науки Лениным и Сталиным. Доклад на сессии Отдел. ист. и филос. АН СССР, ВИ, № 12, стр. 136—137.

1948 год. Иберийский род и его эволюция в древней Испании. ВДИ, № 1, стр. 64—86.

Развитие исторической науки Лениным и Сталиным. «Труды Юбил. сессии Акад. обществ. наук, посв. XXX-летию Великой Окт. соц. револ.», М., «Правда», стр. 99—109. Спартак. БСЭ, т. 52, стр. 368—370.

Право греческого гражданства в связи с развитием международных отношений. В кн. В. С. Сергеева. «История древней Греции», 2-е посмертн. изд. под ред. А. В. Мишулина и Н. А. Машкина, М., 1948, гл. XII, § 5—6, стр. 253—259.

Право войны и мира. Там же, гл. XII, § 7, стр. 260—264.

Восстания рабов и бедноты. Там же, гл. XVI, стр. 356—366.

Редактирование

«Вестник древней истории» за 1937—1941 и 1946—1948 годы.

1936 год. В. В. Струве. История древнего Востока. Кратк. курс. С предисл. и под ред. А. Мишулина, М.

Витрувий Марк Поллион. Об архитектуре. Перев. с латин. Ред. и введение А. В. Мишулина. Л., Соцэкгиз, стр. 5—18, 285—328.

Валлон. История рабства в античном мире. Греция. Перев. с фран. С. П. Кондратьева, М., Соцэкгиз, 311 стр. Ред. и предисл.

1939 год. «Против фашистской фальсификации истории». Сб. стат. Ред. коллегия: Е. А. Тарле, А. В. Ефимов, А. В. Мишулин и др. М.-Л., АН СССР.

В. С. Сергеев. История древней Греции. Под ред. проф. А. В. Мишулина и Н. А. Машкина. М., Соцэкгиз.

1940—1946 г. (пять изданий). «История древнего мира». Учебн. для 5—6 кл. средн. школы. Под ред. А. В. Мишулина. М., Учпедгиз, 238 стр.

1945 год. Итоги и перспективы советской археологии (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания). Под общ. ред. акад. В. П. Потемкина. Сборн., подг. редак. комис. в составе акад. Б. Д. Грекова, проф. Н. Н. Воронина, А. В. Мишулина, Т. С. Пассек. М., 197 стр.

1946 год. «Атлас по истории древнего мира». Для средн. школы. Автор доп. А. Г. Бокшанин. Под общ. ред. проф. А. В. Мишулина. М., ГУТК, 20 стр. То же. Изд. 1948 г., 20 стр.

Неопубликованные работы

О третьем сословии в «Государстве» Платона. 3 п. л.

Рец. на кн.: А. Шультен, Нуманция. 2 п. л.

Рец. на кн.: Мелида, Археология Испании.

Рец. на кн.: Бош-Гимпера, Этнология Иберийского полуострова.

Рец. на кн.: Р. Карпентер, Греки в Испании

Письма Платона как источник.

Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость. Докторская диссертация. 35 п. л.

Рец. на кн.: Диксон, Иберы и Крит в их связях.

Международные отношения и дипломатия в античном мире. 15 п. л.

Подготовка и редакция кн.: «История римской литературы», т. I.

Город бога Тейшебы — последний оплот урартской власти в Закавказье

(Результаты раскопок на Кармир-блуре)

Период правления Русы, сына Аргишти (середина VII в. до н. э.), по дошедшим клинописным источникам, представляется периодом интенсивного строительства и укрепления мощи Ванского царства. О больших строительных работах Русы II на севере своего государства и, в частности, в Закавказье подробно рассказывают две урартские надписи, одна из Маку, к северо-востоку от оз. Ван, а другая из древнего армянского храма Звартноц. Надпись на памятнике, обнаруженном при раскопках Звартноца, около Эчмиадзина, была издана еще в 1901 г. В. С. Голенищевым. Моноументальная стела из базальта, высотой в 2,70 м, содержит 45 строк клинописного текста, рассказывающего о крупных строительных работах, проведенных урартами в Кутурлинской равнине, т. е. на правом берегу р. Занги. В надписи говорится о постройках, разведении садов, виноградников, о полях с посевами и о проводке канала от реки Ильдаруни (т. е. Занги). Канал, упомянутый в надписи, сохранился до наших дней. Это большой тоннель, находящийся на правом берегу реки, напротив холма Кармир-блур, пробитый в толще андезито-базальтовой скалы.

Памятник Русы, сына Аргишти, свидетельствует, таким образом, о больших строительных работах урартов вокруг своего административного центра—города Тейшебаини, мощные развалины цитадели которого сохранились на холме Кармир-блур, где в 1936 г. геологом А. П. Демехиным был найден обломок камня из кладки стены с остатками клинообразной надписи, содержавшей имя Русы, сына Аргишти.

Во второй период истории Ванского царства, после разукрупнения наместничеств, город Тейшебаини заменил по своему положению прежний административный центр—Аргиштихинили.

В начале VI в. до н. э. под ударами мидийских войск пала столица Ванского царства—город Тушпа и центральная часть Урарту после этого вошла в состав Мидийского государства.

Иная судьба постигла урартские административные центры в Закавказье. Археологические исследования отчетливо показывают, что они были разрушены скифами, но археологический же материал свидетельствует и о том, что при жизни этих центров скифы находились с ними в тесном общении: именно через Закавказье скифы получали железо для своих орудий и оружие. Мы хорошо также знаем, что до установления греческой колонизационной торговли связи населения причерноморских степей со странами древнего Востока шли через Кавказ, в частности через Западное Закавказье и Кубань.

Таким образом, в культуре Закавказья V и начала VI в. до н. э. отчетливо наблюдаются три элемента: основной—местный закавказский, явившийся наследием культуры эпохи бронзы, урартский, обеспечивший связи с культурой древнего Востока, и скифский. Эти три элемента в их взаимосвязи особенно четко должны выступить при исследовании урартских административных центров, и не удивительно, что в настоящее время наиболее богатый материал по этой проблеме дают раскопки крепости Тейшебаини на холме Кармир-блур.

* * *

Кармир-блур («Красный холм») находится на левом берегу Занги, ниже Еревана, напротив сел. Джафарабад. На холме, особенно на его склонах, обращенных к Занге, еще до раскопок были видны остатки древних стен, сложенных из крупных каменных глыб. К западной части холма примыкает обширное древнее поселение, на поверхности которого заметны каменные фундаменты построек, а с самолета отчетливо различимы прямые линии трех улиц, идущих в направлении с востока на запад. Древнее поселение

длительное время разрушалось жителями ближайших сел, бравших из него камень для своих строительных пужд. При этом обнаруживалось большое количество обломков глиняной посуды, целые, иногда очень крупные, сосуды, служившие хранилищами зерна, бронзовые и железные предметы. Найдена была также створа каменной формы для отливки бронзовой секиры, характерного предмета закавказского вооружения начала I тысячелетия до н. э.

Крепость на Кармир-блуре имела, по своему местоположению, большое стратегическое значение. Она находилась на северной границе Араратской низменности—района, прочно освоенного урартами. С Кармир-блуря прекрасно видна вся низменность и, в частности, Армавирский холм (Аргиштихинили), несмотря на то, что он находится на расстоянии около 40 км. С другой стороны, с Кармир-блуря открывается вид на предгорья, и отчетливо различим холм Арин-берд (Ганли-тапа), на котором была еще в 1893 г. найдена небольшая клинообразная надпись на камне, рассказывающая о постройке крепости урартским царем Аргишти, сыном Менуи.

Раскопки Кармир-блуря были начаты в 1939 г. и велись до 1941 г. по единому плану археологическими экспедициями Государственного Эрмитажа (1939—1941, Б. Б. Пиотровский), Комитетом охраны исторических памятников Армении (1939, К. Г. Кафадарян) и Армянским филиалом Академии наук СССР (1940, 1941, С. В. Тер-Аветисян).

После окончания Великой Отечественной войны раскопки были возобновлены в 1945 г. и ведутся ежегодно совместной археологической экспедицией Института истории Академии наук Арм. ССР и Государственного Эрмитажа, (нач. эксп. Б. Б. Пиотровский).

Уже в первый год работ было выяснено, что на холме находятся остатки громадного, хорошо сохранившегося здания. Исследование этого здания было облегчено случайными обстоятельствами. После одного сильного ливня удалось заметить, что поверхность холма высыхала неравномерно, причем при высыхании определенно вырисовывались части плана древнего здания. Это объясняется тем, что стены, сложенные из сырцового кирпича, задерживали влагу дольше, чем грунт, заполнявший помещения. Вследствие этого еще до раскопок можно было частично выявить план здания. Громадная постройка, которую мы условно называем дворцом урартского правителя, занимала площадь около 16 000 м² и имела около 120 помещений. Траншея, заложенная вокруг здания для выяснения его контуров, имела общую протяженность около 1500 м. Западный фасад здания выходил на большой огражденный крепостной стеной двор, имевший два входа—основные, хорошо укрепленные ворота в южной части и небольшие ворота, с проездом для повозок и калиткой для пешеходов в северо-западной части двора.

Стены дворца, возведенные с преувеличенным запасом прочности, сложены из крупных сырцовых кирпичей (52×35×14 см) на цоколе высотой около 2 м, сооруженном из громадных грубообработанных камней. Толщина внешней стены достигала 3,5 м, т. е. возводилась в 10 рядов кирпича, а внутренней—2,10 м, т. е. в 6 рядов кирпича.

Здание, соответственно строительному материалу, имело прямые формы, линия фасада разбивалась постройками, а углы дворца имели массивные башни. Не все части этой громадной постройки были одновременными, и раскопки будущих лет выявят хронологическое соотношение его отдельных частей.

В некоторых комнатах средней части холма сохранившаяся высота стен достигала 7 м, что дает нам основание считать первоначальную высоту помещений превышающей 10 м. Комнаты имели продолговатую форму, достигая иногда 24 м длины, при ширине не более 4 м, что определялось системой их перекрытия. Потолочные перекрытия были плоскими, и для них использовались балки сосны, тополя и дуба (определения А. А. Яценко-Хмелевского). На основании материала раскопок архитектору К. Л. Оганесяну, изучающему архитектуру Кармир-блуря, удалось выяснить две системы древнего перекрытия, доживающие в Армении до наших дней. Потолок первого типа состоял из стесанных с одной стороны балок, плотно положенных друг подле друга, поверх которых укладывались слой камыша, затем сучья и еще второй слой камыша. Верхняя часть потолка, т. е. поверхность крыши, состояла из плотно утрамбо-

Рис. 1. Обломок камня с клинообразной надписью царя Русы, сына Аргишти.

Рис. 2. Часть бронзового запора с надписью Русы, сына Аргишти.

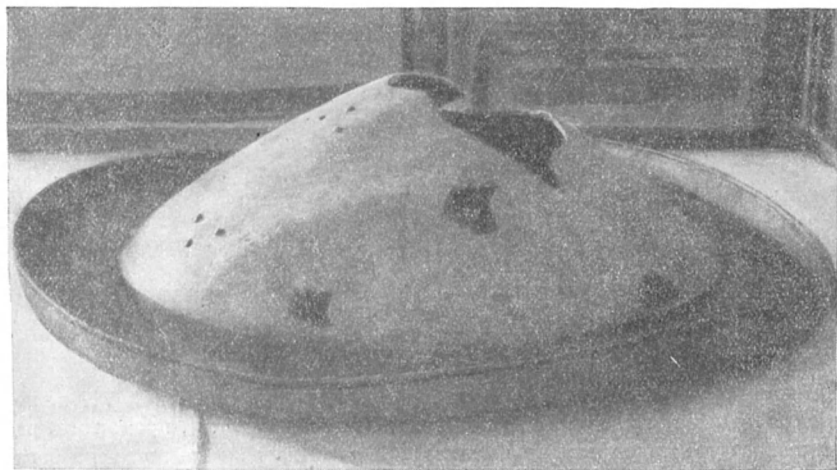

Рис. 3. Декоративный бронзовый щит с надписью Аргишти, сына Менуа.

ванной земли. Потолок второго типа отличался от первого только тем, что в нем сплошное бревенчатое перекрытие было заменено клеткой из поперечных балок и продольных жердей, через которую был виден нижний слой тростника. Такой потолок устанавливался для дворцовых кладовых.

Окна устраивались в верхней части стены, под самым перекрытием, что видно и на ассирийских изображениях урартских строений. Дворец имел вид монументального уступчатого здания, его помещения располагались на различном уровне, соответственно склону холма, и окна комнат одного уступа выходили на крышу комнат

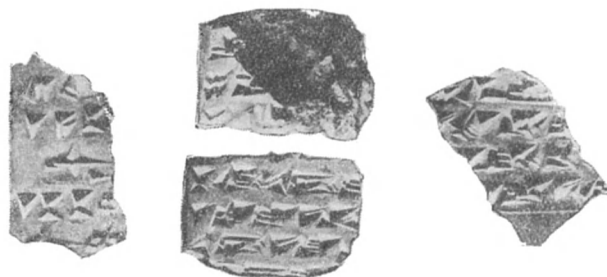

Рис. 4. Глиняные таблички с клинописью (обломки крепостного архива).

другого уступа. Кроме того, для лучшего освещения центральных комнат устраивались также световые колодцы, встречающиеся и в ассирийских дворцах, т. е. комнаты, лишенные потолков.

Раскопками на Кармир-блуре в настоящее время исследованы помещения только одной части дворца, содержащей комнаты хозяйственного назначения и кладовые.

В одной из самых крупных комнат на полу было обнаружено большое количество жмыхов кунжута, отходов от производства кунжутного масла, излюбленного растительного масла на древнем Востоке. В зимнее время жмыхи шли на корм скоту. Обнаруженная в соседней комнате ванна, высеченная из одного куска туфа и имеющая каменный желоб, отводивший отработанную жидкость, служила, вероятно, для размачивания кунжутных зерен до их обработки, а большая каменная ступка с громадным пестом—для освобождения зерен от шелухи. Количество кунжутных жмыхов и приспособления для обработки кунжута свидетельствуют о крупном хозяйстве урартского административного центра.

Другая группа исследованных комнат являлась кладовыми. В них обнаружены большие запасы зерна, а также различные металлические предметы, небольшое сравнительно количество которых указывает как будто на то, что кладовые дворца подверглись все же частичному ограблению.

Обращает на себя внимание одна из крайних кладовых (9×20×6 м), засыпанная сплошь толстым слоем пшеницы (около 20 000 литров), а в одном из углов на деревянном полу или помосте лежала группа бронзовых изделий—части мебели, гладкие чаши, фиалы ассирийского типа, хорошо известные в Передней Азии, ведро с двумя скульптурными головками бычков, браслеты, пояс и другие предметы. В одной из чаш оказались небольшие золотые серьги очень тонкой работы.

При раскопках этой кладовой в 1946 г. нам посчастливилось узнать и древнее название крепости на Кармир-блуре. Около ее двери была обнаружена часть бронзового запора (накидная петля) с короткой клинообразной надписью: «Русы, сына Аргишти, дом оружия, (арсенал или крепость) города Тейшебаини». Этот лаконический текст подтверждает датировку раскапываемой части дворца серединой VII в. до н.э., т. е. временем правления урартского царя Русы, сына Аргишти, и, кроме того, раскрывает нам древнее урартское название крепости. Она была названа по имени бога Тейшебы, бога войны, грома и бури. Еще раньше на Кармир-блуре была найдена бронзовая статуэтка этого бога, изображающая человеческую фигуру в головном уборе,

украшенном рогами, что являлось атрибутом богов, с боевым топором и палицей в руках. Статуэтка эта в нижней своей части имела железный стержень для насадки на древко и служила, вероятно, навершием штандарта.

Как всякий большой административный центр древнего Востока, крепость Тейшебаини имела свой архив, хранилище документов, отражающих жизнь крепости. В 1946 г. на полу одной кладовой северной части дворца среди древнего мусора найдены три обломка глиняных табличек с клинописью. Эта находка представляет исключительный интерес не только вследствие того, что перед нами первые из клинописных табличек, найденных на территории нашего Союза, но и потому, что из урартских памятников этого рода до сих пор были известны лишь две целые таблички и четыре обломка, обнаруженные на Топрах-кале, около Вана. По определению И. М. Дьяконова, кармир-блурские таблички, по палеографии очень близкие к происходящим с Топрах-кале, принадлежат хозяйственному архиву крепости: один обломок является, по видимому, частью «наряда на работу» (сохранились цифры и идеограмма «человек»), а две других, с перечнем имен людей, представляются обломками юридических документов с именами свидетелей, скреплявших акт купли или заклада. Предположение о таком значении последних обломков подтверждается еще и тем, что на одном из них имеются следы оттиска цилиндрической печати с остатками клинописи. Среди имен встречается имя некоего Иштаги по видимому, жителя Тейшебаини. Надо надеяться, что дальнейшие раскопки обнаружат еще целый ряд клинописных табличек, которые позволят нам до деталей узнать жизнь древней крепости и назовут имена ее жителей.

Рис. 5. Подвесная булла от свитка папируса с оттиском печати.

Небольшая и незаметная с первого взгляда случайная находка на Кармир-блуре указывает на существование в Тейшебаини также архива папирусных свитков. Это маленькая (размером около 2 см), подвесная печать-булла из битума, на которой различим оттиск печати с изображением оленя и человека. Остатки тонкой веревочки, сохранившиеся в глине, и отпечаток папируса на нижней стороне буллы указывают на то, что ею скреплялся свиток. В древних городах и дворцах Передней Азии кроме архивов, состоявших из глиняных табличек, имелись также хранилища папирусных и кожаных свитков с арамейским текстом. Вероятно, и текст папируса, который скреплялся найденной буллой, был выполнен арамейским письмом, которое в Закавказье доживает вплоть до появления собственных армянского и грузинского алфавитов; до нас дошли и подписи арамейским письмом армянского царя Арташеса I (на побережье оз. Севан) и грузинских правителей—пятиашхов (последние раскопки в районе Мхеты).

Обнаруженные при раскопках дворца предметы характеризуют широкие связи Ванского царства с другими странами древнего Востока. Так, каменные бусы, найденные в большом количестве и разнообразии, отмечают целый ряд различных центров их происхождений, имея много аналогий в археологическом материале Закавказья, в частности в могильниках VIII—VI вв. до н. э. (Самтавро, Ворнак, Мингечаур). Большинство бус изготовлено из различных сортов сардлыка, числом до семи, и из сардоникс, условно называемого археологами также агатом. Встречаются бусы и подвески из горного хрусталя и стеатита. Г. Г. Лем-

млейн, изучавший каменные бусы из раскопок на Кармир-блуре, установил, что каждый сорт сердолика соответствует своеобразной форме и технике изготовления бус.

Из числа сердоликовых («сардеровых») и сардониковых бус выделяются бусы великолепного качества, изготовленные одинаковым способом: сардеровые бусы шаровидной формы, а сардониковые—боченовидные. Сверлены они штифтом с двух концов, причем форма канала слабokonическая. Предположение о том, что эти бусы—

Рис. 6. Ассирийские цилиндрические печати.

ассирийского происхождения, не вызывает сомнений, тем более, что по технике изготовления и по материалу (сардониксу) они тождественны пронизке с именем ассирийского царя Ададнарири, найденной в 1895 г. Э. Реслером при его раскопках в Ходжалах (Нагорный Карабах). Среди большого количества сердоликовых бус три бусины отличались сортом сердолика и способом сверления. Эти боченовидные бусы были изготовлены из золотистого сердолика и сверлены алмазом, что устанавливается по строго цилиндрической форме канала. Г. Г. Леммлейн предполагает, что местом их изготовления следует считать Иран или северо-западную Индию.

В дворцовом коридоре среди большого количества бус (свыше 600) были найдены характерные урартские печати в виде гирек с ушком для подвешивания, а также восемь ассирийских цилиндрических печатей каменных, пастовых и керамических, с изображениями преимущественно мифологического содержания. Две печати, на которых изображены сцены борьбы богов со змеем или с козлом, имеют близкие аналогии в материале, происходящем из Дур-Шаррукина и Ашура, аналогии, настолько близкие, что ассирийское происхождение цилиндрических печатей, найденных на Кармир-блуре, представляется оспорным.

На связи Ванского царства с Малой Азией и со Средиземноморьем указывает сердоликовая печать-скарабеид с фигурой козла, выполненный путем круглых углублений, а также золотые серьги в форме калачика, украшенные тонкой зернью.

Золотые серьги, близкие к кармир-блурским по форме, технике изготовления и по дате (VIII—VI вв. до н. э.), известны в большом сравнительно количестве в Среди-

земноморье (Кипр, Родос, южная Италия). На связи с Египтом указывают характерные пастовые бусы и маленькая подвесная фигурка из того же материала, изображающая древнеегипетскую богиню Сохмет. Египетские скарабеи были и раньше известны среди находок в районе Вана (материалы И. А. Орбели) и Закавказья (Армавир, район Ани и др.). До греческой колонизации египетские древности на северный Кавказ попадали именно через Закавказье, и египетские навкратийские скарабеи были найдены высоко в горах: в Раче (раскопки Г. Ф. Гобеджишвили) и Кабарде (материалы В. Ф. Миллера).

В кладовой вместе с золотыми серьгами был обнаружен бронзовый пояс, сохранившийся в обломках, с изображениями деревьев жизни, заключенных в картуш. Изображения деревьев жизни встречены на многих бронзовых поясах из Закавказья (Кармир-блур, Ани-лемза, Карсская обл., пояс из Ширака), именно они разъясняют форму деревьев жизни на золотых скифских поясах акинаков из Литого и Келермесского курганов. При учете закавказского археологического материала становится очевидным, что эти знаменитые памятники скифского искусства были изготовлены под влиянием и по образцам урартского и закавказского искусства. Такое предположение подтверждается и тем, что, при чисто древневосточных мотивах украшений поясов и рукоятки акинака, боковой выступ, имеющийся только на предметах скифского и иранского вооружения, украшен чисто скифским орнаментальным мотивом.

Для изучения связи урартской культуры со скифской совершенно исключительный интерес представляет находка на Кармир-блуре роговой головки грифона с бараньими рогами, предмета, несомненно, скифского искусства, подобного тем головкам грифонов-баранов, которые были найдены в курганах Кубани и Украины (например, из раскопок Н. И. Веселовского у ст. Келермесской и А. А. Бобринского около Смелы). Роговая головка грифона-барана была найдена в «комнате привратника», открытой при раскопках главных ворот крепости. На полу этой комнаты, у лежанки, обнаружены два больших оленьих рога предназначенных для изготовления мелких предметов. Подле рогов лежали начатый обработкой кусок с продольным отверстием и головка грифона-барана, служившая вероятно, кустарю-резчику образцом, на что указывает затертость поверхности головки. Во всяком случае, этот предмет служит лишним доказательством тесных взаимоотношений скифов с Закавказьем.

Раскопки дворца на Кармир-блуре дали нам и первоклассные памятники урартского искусства. В 1940 г. был обнаружен крупный бронзовый щит декоративного назначения, диаметром около одного метра, на борту которого сохранилась двухстрочная клинообразная надпись, указывающая, что этот щит был посвящен богу Халду урартским царем Аргишти, сыном Менуи (вторая четверть VIII в. до н. э.). По форме этот щит очень близок к тем, которые были найдены на Топрах-кале, около Вана, и отличается от них лишь отсутствием изображений львов и быков. Подобные же декоративные щиты со скульптурными головами собак в средней части изображены на сцене разграбления ассирийцами урартского храма в Мусасире (рельеф во дворце Саргона).

Раскопки 1947 г. дали новый памятник урартского искусства. В одной кладовой, смежной с той, где были найдены золотые серьги, около наружной стены оказались сложенными железные кинжалы и железный меч, длиною около полуметра. Рядом с этими предметами лежал раздавленный землею бронзовый шлем, на нижнем крае которого сохранилась клинообразная надпись: «Богу Халду, владыке, (этот шлем) Сардур, сын Аргишти, посвятил благополучия ради». Повади надписи стоят два иероглифических знака, возможно, метки мастера. Шлем украшен замечательными чекан-

Рис. 7. Голова грифона скифского стиля, вырезанная из кости.

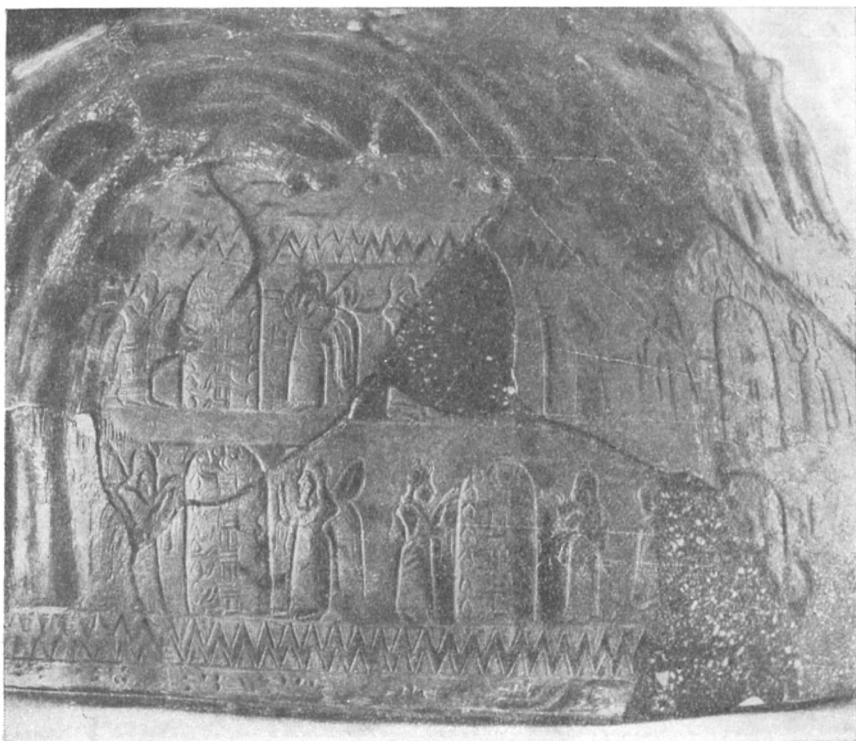

Рис. 8. Изображение на лобной части шлема Сардура. Урартские священные деревья и боги.

Рис. 9. Изображения на височной части шлема Сардура. Урартские боевые колесницы и всадники.

ными изображениями. Спереди, на лобной части, в два ряда помещены деревья жизни и стоящие по их сторонам боги, безбородые в рогатых шлемах и бородатые с большими крыльями. Эти фигуры с двух сторон обрамлены изображениями змей с головами собак, представлявшими магическую защиту от злых сил. Затылочная и височная части шлема украшены двумя рядами боевых урартских колесниц и всадников. Воины имеют шлемы, подобные найденному, и круглые щиты. Все фигуры украшены тонкой гравировкой.

Подобные изображения всадников и колесниц имеются и на другом памятнике из Кармир-блур—на бронзовом колчане, найденном неподалеку от щита и относя-

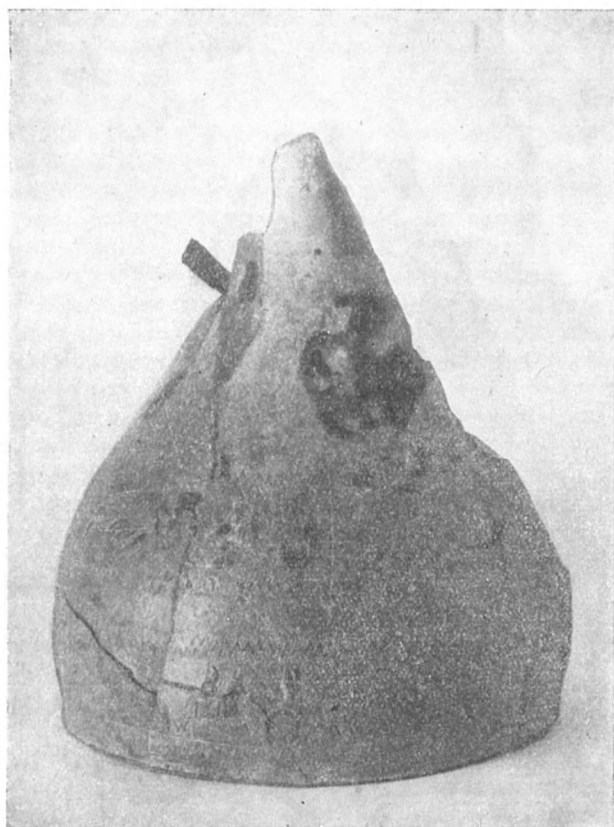

Рис. 10. Бронзовый шлем с надписью царя Сардура, сына Аргишти.

Рис. 11. Бронзовый колчан.

щемся, возможно, так же, как и шлем, к посвятельным дарам урартского царя Сардура, сына Аргишти (середина VIII в. до н. э.). Эти замечательные по своему качеству урартские памятники, имеющие надписи выдающихся урартских царей VIII в. до н. э., вероятно, были перенесены в Тейшебаини из Аргишти-хинили, после того как первоначальный урартский административный центр в Закавказье потерял свое былое значение. В кладовых Тайшебаини они и хранились до его последних дней.

Обстоятельства гибели крепости по археологическим материалам могут быть установлены с большой определенностью и до мельчайших деталей. При раскопках на Кармир-блуре, работая над расчисткой фасада дворца у северо-западных ворот, нам приходилось удалять значительный массив земли, высотой более трех метров, образовавшийся от разрушения обвалившихся верхних частей стен,

сложенных из сыпцового кирпича. При этой большой и трудоемкой работе были обнаружены бронзовые наконечники стрел скифского типа VII—VI вв. до н. э., совершенно отличные от железных урартских, встреченных в основном культурном слое. Удалось установить, что первоначально, до обвала и разрушения стен крепости, стрелы находились в сыпцовой кладке стены. Некоторые наконечники имеют загибы и обломы на концах, получившиеся от удара об камень, а один из наконечников был обнаружен застрявшим в слое глиняной обмазки, покрывавшей каменный цоколь стены.

Таким образом, с несомненностью устанавливается, что эти наконечники стрел скифского типа принадлежат врагам, разрушившим дворец и город Тейшебаини. Враги штурмовали крепость не через главные, хорошо укрепленные ворота, а через боковые, находившиеся у берега реки Занги (древнее Ильдаруни). Штурм был внезапным, ночью, в первых числах августа. Перед штурмом крепости была обстреляна, повидимому, зажигательными стрелами. Небольшие жилища, расположенные во дворе крепости, у стен дворца, загорелись; их крыши, сооруженные из веток и прутьев, рухнули вниз и перекрыли все содержимое этих жилищ в том виде, в каком оно было в момент штурма. Жители успели лишь выбежать из жилищ, не успев с собою ничего захватить. При раскопках около очагов было обнаружено большое количество сосудов, наполненных хорошо сохранившимися зернами ячменя (*Hordeum vulgare*. L.), пшеницы (*Triticum vulgare* Vill.), проса (*Setaria italica*) и других зерновых культур. Большие запасы зерна хранились также в ямах, вырытых в полу жилищ. Обработка этих зерен, проведенная М. Г. Туманяном и В. А. Петровым, выявила высокий уровень земледельческой культуры Закавказья урартского периода. Наряду с аборигенными культурами ячменя и пшеницы, связанными еще с земледелием эпохи бронзы, в это время появились культуры проса и кунжута (*Sesamum orientale*. L.). Кроме перечисленных хлебных злаков, при раскопке были найдены запасы нута (*cicer arietinum*), мелких бобов (*vicia faba* L.) и чечевицы (*Ervum Lens*.). Комплекс земледельческих культур, встреченных на Кармир-блуре, поразительным образом совпадает с известным нам ассирийским.

Около очагов лежали каменные зернотерки и ступки с пестами, железные орудия и оружие, а в углах жилищ нередко попадались скромные ценности — кучки бус, раковины каури, бронзовые украшения, обломки пластинчатых поясов и др. Сохранности содержимого жилищ способствовало и то обстоятельство, что сгоревшие жилища были еще сверху завалены толстым слоем обвалившихся сырцовых кирпичей, образовавших плотный слой. Только благодаря этим исключительным условиям смогли сохраниться деревянные изделия (ложки, совки, лукошки) и обрывки шерстяных и льняных тканей. На неожиданность скифского нападения и паническое бегство жителей указывает и тот факт, что в жилищах оказались оставленными щиты, плетенные из ивовых прутьев, с бронзовыми коническими умбонами (с имитацией клинообразных надписей), мечи, кинжалы и другое оружие.

В одном из жилищ около очага был обнаружен пучок травы, в котором оказались также цветы (васильковые, овсяница и др.), определяющие, согласно мнению А. Л. Тахтаджяна, время гибели крепости первыми числами августа. Это подтверждается и другими материалами. Хлеб был только что убран, но виноград еще не созрел. При большом количестве остатков виноградной лозы была обнаружена лишь одна горсть виноградных косточек от одной, может быть, не совсем еще зрелой, кисти, лежавшей в глиняной чашке. Определение этих косточек показало, что в урартское время в Закавказье был уже известен один из самых распространенных в настоящее время сортов винограда — «воскехат» («харджи»). Жилища у фасада крепости имели запасы только что собранного, свежего зерна, но дворцовые кладовые еще не были заполнены, и в них обнаружены запасы лежалого зерна, среди которых оказались даже остатки вредителей — амбарных долгоносиков.

Мелкий рогатый скот находился на горных пастбищах, и в крепости оставался только крупный рогатый скот, лошади и ослы.

При штурме крепости сгорели лишь те жилища, которые находились в зоне обстрела и могли быть подожжены; жилища у юго-западного фасада дворца находились вне

обстрела, и они подверглись жестокому разграблению. В этих жилищах обнаружены и остатки скелетов убитых жителей крепости—ребенка, а также части конечностей и черепа взрослого человека, раздавленные обвалившейся каменной стеной жилища.

При штурме крепости загорелся и дворец наместника, следы грандиозного пожара наблюдаются на каждом шагу раскопок. В помещениях, связанных с производством кунжутного масла, пожар достигал такой силы, что от жара плавилась не только сырцовые кирпичи обвалившихся стен, но и керамические изделия.

Во время пожара на крышу дворца, вероятно, по пандусу, находившемуся около главных ворот, вбежали животные, вырвавшиеся из своих стойл. При раскопках внутренних помещений дворца на остатках рухнувшего потолочного перекрытия были обнаружены обгорелые костяки животных—коров, лошадей и ослов. Животные металась и падали вниз вместе с рухнувшими горевшими перекрытиями. В одной из комнат дворца были найдены костяки четырех лошадей. С. К. Даль, изучающий остатки животных, обнаруженные при раскопках Кармир-блур, расчищавший остатки лошадей, установил, что, судя по положению костей, лошади упали вниз с большой высоты. Гривы лошади не имели никакого убора, повидимому, их кожаные уздечки сгорели без остатка, но четвертая лошадь имела убор, заслуживающий внимания. Она имела железные удила, отличные от найденных на Кармир-блуре урартских и близкие к скифским. Кроме указанных удили, при костяке лошади были найдены бронзовые пряжки для ремней в форме птичьего клюва, также характерные для скифской упряжи, пряжки в виде трехлопастной свастики и небольшой серебряный фалар простой формы.

Исследования костей лошадей, произведенные С. К. Далем, показали, что лошадь, найденная на Кармир-блуре, являлась представителем определенной выведенной породы. Она была небольшого роста (высота холки 1,255 м), ниже скифской лошади из курганных погребений на юге СССР. Небольшой рост устанавливается также для быков и коров, хорошо сохранившиеся костяки которых с ошлакованными остатками мяса были обнаружены поверх перекрытия кладовой, где хранился шлем Сардура. Кости же ослов, по заключению Н. Бурчак-Абрамовича, по размерам, пропорциям и внешнему виду ничем не отличаются от костей современной аборигенной породы ослов, широко распространенной в Закавказье.

Дворец наместника погиб во время пожара, но вследствие именно этого обстоятельства Кармир-блур дает нам большой вещественный материал, устоявший от огня и не подвергшийся разграблению врагами, уничтожившими в начале VI в. до н.э., последний оплот урартского владычества в Закавказье.

Раскопки Кармир-блур только в 1947 г. вышли из стадии разведочных работ, выяснивших полный план крепости и характер постройки, занимающей весь холм. Раскопанные дворцовые помещения составляют всего $\frac{1}{9}$ часть всего памятника, и представляют не основные помещения, а комнаты хозяйственного назначения и кладовые.

Перед археологами Закавказья стоит большая, очень сложная и трудоемкая работа по планомерному исследованию не только крепости на самом холме Кармир-блур, но и прилегавшего к ней обширного поселения. На постоянный вопрос—что дадут раскопки Кармир-блур в дальнейшем, можно ответить—несомненно, они дадут много неожиданного и ценного материала для исследования древнейшей культуры Закавказья. Но и теперь уже раскопки крепости на Кармир-блуре позволяют нам поставить и частично уже разрешить ряд важнейших вопросов.

Исследование Кармир-блур (древнее Тейшебаини) связано с двумя большими проблемами истории не только древнейшей Армении, но и всего Закавказья, с проблемами, которые могут быть разрешены только при помощи археологии.

Первая из них,—это взаимоотношение центральной части Урарту (Биайны) с областями Закавказья: с одной стороны, изучение существа государства древневосточного типа на его закате, отношений центра и окраин, а с другой стороны, выяснение того культурного влияния, которое оказывали государства древнего Востока на общество Закавказья. Вторая проблема—связи скифов с Закавказьем и древними государствами Передней Азии.

Чл.-корр. АН Арм. ССР Б. Б. Пиотровский

Надгробная стела вольноотпущенника Филофема

16 июля 1947 г. при разведках древнего некрополя на Карантинном шоссе, производившихся Керченским гос. историко-археологическим музеем, было вскрыто позднеримское погребение № 9, перекрытое тремя плитами местного известняка. В числе этих плит оказалась разбитая на две части надгробная стела с рельефом и надписью в 7 строк (рис. 1).

Общие размеры стелы 1,32×0,49×0,15.

Стела увенчана слегка выступающим карнизом, под ним плоский фронто́н с тремя высокими круглыми акротериями. В тимпане фронтона изображена патера, по сторонам фронтона—две розетки, под фронтоном—три розетки. Ниже—углубленное прямоугольное поле с рельефом.

Изображена стоящая в три четверти вправо в традиционной «траурной» позе мужская фигура в коротком хитоне и плаще. Лицо обрамлено густыми кудрявыми волосами. Перед ним стела или колонка, на которую он опирается локтем левой руки и кистью правой. Справа традиционная маленькая фигурка слуги в коротком хитоне с сосудом неясной формы в поднятой правой руке и кувшином в опущенной левой.

Под рельефом надпись:

ΦΙΛΟΦΗΜΩΤΟΚΑΙΛΑΙΟ
ΝΑΚΩΙΑΝΕΔΕΥΘΕΡΩΙ
ΜΗΝΟΦΙΛΟΥΤΙΝΣΤΗ
ΔΗΝΑΝΕΣΤΙΣΕΝΠΟ
[N]ΤΙΚΙΩΝΟΑΔΕΛΦΟΣ
ΜΝΕΜΟΧΑΡΙΝΕΝΤΩΙ
ΜΤΕΤΕΙ

Как видно, надпись легко читается:

Φιλοφῆμω τῷ καὶ Λαίον-
νάκω ἀπελευθερῶ
Μηνοφίλου τὴν στή-
λην ἀνέστησεν Πο-
[ν]τικίων ὁ ἀδελφὸς
μνήμη(η)ς χάριν ἐν τῷ
μυ' ἔτει

Рис. 1. Стела вольноотпущенника Филофема.

Перевод: «Филофему, он же Лайонак, вольноотпущеннику Менофила, эту стелу поставил брат Понтикион на память в 440 г.».

Стела была разбита на две части при ее вторичном использовании для перекрытия гробницы. Излом приходится по рельефу, пересекая ноги главной фигуры, нижнюю часть стелы и маленькую фигурку на уровне пояса. Нижняя часть стелы обломана. Поверхность рельефа сильно повреждена, в частности сбиты лица обеих фигур. Сохранность орнамента в верхней части стелы хорошая. Хорошей сохранностью отличается также надпись, сбита только первая буква пятой строки.

В шестой строке в слове μνήμης резчиком пропущена буква η. В первом слогe того же слова вместо η вырезан ε. В первой строке в члене τῷ пропущена i adscriptum.

Высота букв колеблется до 0,02 до 0,035. Характерны для II в. н. э. формы букв ε и лунарная Σ. Интересно двойное имя умершего—Φιλόφημος ὁ καὶ Λαίονακος: Филофем, он же Лайонак. Примеры таких двойных имен встречаются в надписях Северного Причерноморья. Можно указать на херсонесское надгробие Севиры сына Лиллона,

он же Лиллис (Σεβηρᾶς Δίλλωνος ὁ καὶ Δίλλις)¹. Имеются аналогичные примеры также в танаидских надписях фиасотов, как, например, имя жреца Κιλλίσθενης Πάππου, ὁ καὶ Θολόγμνος² или синагога Ἰρακλείδης β', ὁ καὶ Δύναμος³.

Имя Филофем, как указал мне академик И. И. Толстой, приходится, повидимому, считать именем раба, что стоит в полном согласии с указанием надписи на то обстоятельство, что умерший был вольноотпущенником некоего Менофила.

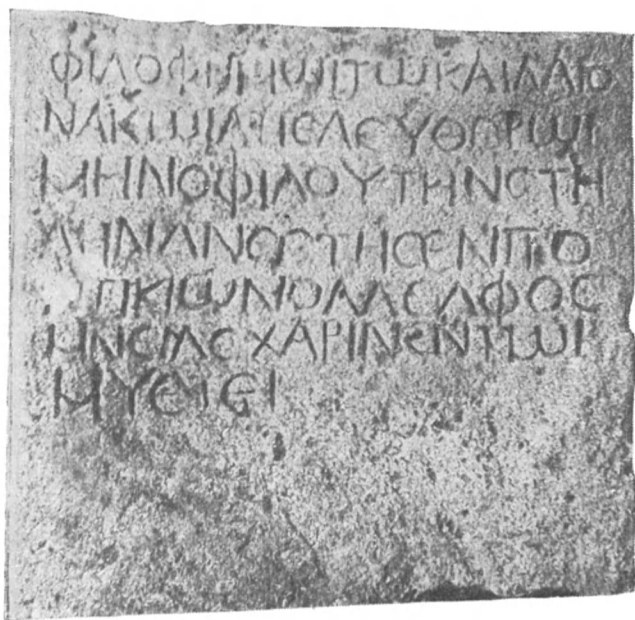

Рис. 2. Надпись на стеле.

Что касается до второго имени умершего—Лайонак,—оно, очевидно, является местным, скорее всего, сарматским и находит аналогию в многочисленных варварских причерноморских именах с суффиксом, которые В. Миллер считал иранскими, как например, Ἀνδά[ν]ιχος, Λίμυχιος, Μάρσαχος, Στεσάραχος, Σώριχος, Στόριχος, Θάοριχος и др.⁴.

Что касается имени Μηνόφιλος, то это обычное греческое имя, неоднократно ранее встречавшееся в боспорских надписях⁵.

Имя Ποντικήων также греческое, может быть, уменьшительная форма от имени Ποντικός, много раз встречавшееся в боспорских надписях⁶ и в надписях Ольвии⁷ и Херсонеса⁸.

¹ IOSPE, I, 491; IV, 114.

² IOSPE, II, 448.

³ IOSPE, II, 451. За указание на танаидские надписи считаю своим долгом принести благодарность Т. Н. Книпович.

⁴ В. Миллер, К иранскому элементу в припонтйских греческих надписях, ИАК, 47, стр. 80 сл.

⁵ IOSPE, II, 438, 443, 444, 447, 451, 457; IV, 324, 432.

⁶ IOSPE, II, 441. Можно указать также на имя главного аланского переводчика Ἰρακλῆς Ποντικός в надписи 208 г. н. э., изданной В. В. Шкорпилом, ИАК, стр. 113, № 28.

⁷ IOSPE, I, 50, 65, 75, 79.

⁸ IOSPE, IV, 112.

Текст надписи не оставляет полной ясности в том, нужно ли считать Понтиппона, поставившего¹ стелу, братом умершего или братом его бывшего хозяина Менофила¹.

Стела датирована 440 г. боспорской эры, т. е. 143 г. н. э. Эта дата делает стелу особенно интересной, так как увеличивает известный до сих пор список датированных боспорских стел.

В связи с этим интересно проанализировать рельеф этой стелы с иконографической и со стилистической точки зрения.

Изображение мужской фигуры, опирающейся на колонку, является одним из обычных мотивов на боспорских надгробных стелах. Наиболее близкие аналогии к стеле Филофема дают две стелы Маста, сына Маста, поставленные двумя различными фиасами одному и тому же лицу², и стела Сайя с надписью синода, найденная в 1907 г.³. Все эти памятники, датированные Кизерицким и Ватцингером I в. н. э., близки к стеле Филофема не только по общей композиции рельефа, но и по архитектурно-декоративному оформлению верхней части стелы: весьма сходны формы фронтона, акротериев, розеток.

На всех упомянутых стелах умерший изображается в традиционном костюме боспорского воина, являющемся своеобразным сочетанием сарматского костюма с греческим. Он одет в штаны, короткий кафтан и плащ, на ногах сапоги. На боку у него висит меч, рядом изображен повешенный на стене горит с привязанным к нему коротким кинжалом. На стеле Маста рядом с колонной изображен большой овальный щит, за ним два копья. Мотив фигуры воина, опирающегося на стелу или колонку, неоднократно заменяется мотивом воина, опирающегося на щит⁴.

Фигура воина, опирающегося на колонку, изображается и в боспорской живописи,—этот мотив имеет место в росписи керченского известнякового саркофага I в. н. э. в Эрмитаже. Воин также одет в традиционный боспорский костюм, рядом с колонкой висит горит, позади фигуры воина виден его конь.

Все эти детали, характеризующие умершего как воина, отсутствуют на стеле Филофема: у него нет никакого оружия, и хотя плохая сохранность рельефа не всегда дает возможность разобраться в деталях его костюма, но, повидимому, его одежду следует считать скорее греческим коротким хитом—он несколько длиннее обычного боспорского кафтана, доходит почти до колен и лежит складками. Никаких признаков штанов и обуви проследить не удается⁵.

На стеле Филофема имеется фигура мальчика-раба, отсутствующая на всех вышеприведенных памятниках. Эта традиционная фигура встречается на стеле Базилида, сына Базилида⁶, и на стеле Мастара, сына Филонида⁷, близких по сюжету и композиции ко всей приведенной выше серии памятников. На стеле Мастара, сына Филонида, руки мальчика отбиты, поэтому остается неясным, какой предмет он держал. На стеле Базилида, сына Базилида, он держит шлем, который передает воину. На

¹ На вероятность этого второго толкования указал мне академик И. И. Толстой.

² ОАК, 1875, табл. XXV, 1876, стр. 213 сл.; ЗОО X табл. X, стр. 12; Толстой и Кондаков, Русские древности, I, стр. 29. IOSPE, II, 61, 62; Kieseritzky-Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, №№ 454, 455, тбл. XXXIII. Сходный мотив имеет место на стелах К—W, № 453, табл. XXXII, № 694, табл. I, № 718, табл. 11.

³ К—W, № 455; В. В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1907 г., ИАК, вып. 27, № 1, стр. 42 сл. № 1.

⁴ IOSPE, II, 61; К—W, № 455.

⁵ Единственным известным мне примером изображения мужской фигуры, опирающейся на колонну, одетой не в традиционный костюм боспорского воина, а в хитон и плащ, является стела Анниона К—W, № 514, табл. XXXVI.

⁶ К—W, № 494, табл. XXXV.

⁷ К—W, № 529, табл. XXXVI.

стеле Филофема мальчик держит в правой руке сосуд, поврежденный настолько, что установить его форму не удастся, но в левой руке он держит кувшин, ясно указывающий на возлияние, т. е. он совершает акт адорации героизированного умершего, подобно слугам на стеле с изображением сцены заgrabной трапезы¹ и на некоторых стелах с изображением всадника².

Стилистический анализ стелы Филофема затрудняется сильным повреждением ее поверхности, но некоторые наблюдения сделать можно.

Следует прежде всего отметить, что в самой композиции рельефа и постановке фигуры имеют место существенные отличия от всей вышеприведенной серии боспорских стел, которые датируются еще I в. н. э.: во всех этих рельефах фигуре придан более или менее значительный наклон, ясно выражен мотив ее опоры на колонну. Этого мотива нет в стеле Филофема. Наиболее близкую аналогию к прямолинейной постановке его фигуры дает стела Сайя, но и там ноги даны в более разнообразном движении. В положении фигуры мальчика допущена архаическая условность: при почти фронтальной постановке фигуры ступни ног повернуты в профиль, к Филофему.

Все эти черты условности, отказ от свободного движения в пространстве, связаны, очевидно, с тем, что стела Филофема является одной из наиболее поздних боспорских стел с рельефом.

Мы знаем ряд датированных боспорских стел первой половины II в. н. э. Таковы стела Онисима, поставленная его другом Каллисифеном в 113 г. н. э., с изображением двух стоящих в фас воинов³, и две стелы, датированные 130 г. н. э., двухярусная стела Мемнона, сына Аминия (в верхнем ярусе изображен всадник, в нижнем—сидящая женщина и стоящий перед ней мальчик)⁴, и стела Аристида и Пантоники, сыновей Апфа, и их матери Лаудики⁵. Две последние стелы отличаются резко выраженной плоскостью, полным отсутствием пластической моделировки формы—все детали даются врезанными линиями. Стела Филофема не отличается такой плоскостью и схематизмом. Обе фигуры значительно более объемны, чем на стелах 130 г. При всей условности в изображении ног мальчика они не отличаются такой полной прямолинейностью, как ноги маленьких фигурок на стеле Аристида и Пантоники. Значительно большей объемностью по сравнению со стелой Мемнона отличаются также руки Филофема.

Судя по сохранившимся волосам Филофема, он обладал густой, рельефно трактованной шевелюрой. Можно предположить, на основании этой детали, что лицо его отличалось той выразительностью в характеристике этнического типа, которую мы видим на некоторых из лучших боспорских стел более раннего времени⁶.

На основании всего этого можно сделать вывод о том, что нельзя представлять себе эволюцию стиля в боспорском надгробном рельефе как постепенное нарастание условности и утраты пластического мастерства. Повидимому, в позднем боспорском рельефе существовали различные течения и оттенки стиля.

¹ Например, К—W, № 691, табл. I, № 712, табл. LII, № 724, табл. LIII, № 720, табл. LIV, № 730, табл. LIV, № 732.

² Например, двухярусная стела Афения, сына Менаса, К—W, № 650, табл. XLVI, стела Мемнона, сына Аминия, К—W, № 614, табл. XLII, стела Теодора, сына Струния, К—W, № 608, табл. XLII или стела Стратоники, сына Зенона, ИАК, 54, рис. 2, № 5, стр. 72. Тот же мотив имеет место в росписи склепа Анфестерия, АДЖ, табл. LI, 6 и в склепе 1875 г. АДЖ, табл. LXXV, 2, XXIII, 4, где, как и на стеле Филофема, в опущенной левой руке мальчик держит кувшин.

³ К—W, № 281 табл. XIX.

⁴ К—W, № 614 табл. XLII.

⁵ К—W, № 272 табл. XVIII; В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические находки 1901—1903 гг., ИАК, 10, № 94, стр. 82.

⁶ Например, К—W, № 226 табл. XV или № 335, табл. XXIII.

В то же время находка этого памятника с такой сравнительно поздней датой заставляет задуматься о том, правильно ли установившееся представление о полном исчезновении искусства надгробного рельефа на Боспоре в середине II в. н. э.¹

А. П. Иванова

Надпись на гребне из Черноморья

Гребень, деревянный, с остатками позолоты на краях, из неизвестных раскопок на юге СССР поступил в Отдел нумизматики Гос. музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в 1933 г. (инв. № 20736). Размер 14 × 12. 4 × 66 см (рис. 1).

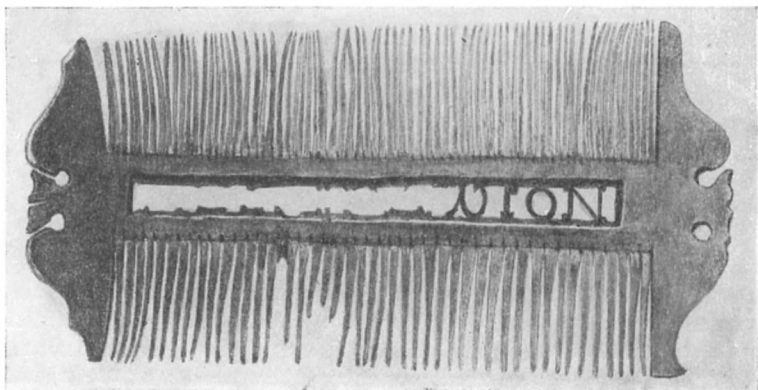

Рис. 1. Деревянный гребень. Гос. музей изобр. искусств.

Однострочная греческая прорезная надпись посередине, тончайшей ажурной работы, делит гребень на две части, верхнюю—с частыми зубьями и нижнюю—с более редкими. Первоначально гребень был расколот на три части, но восстановлен реставратором Музея М. А. Александровским. От надписи сохранились три полные буквы: Ρ, Ο, Ν, и половина ω, нижние основания семи букв и кое-где верхние их точки. По начертанию Ρ и Ν ясно, что четыре наиболее сохранившиеся буквы образуют правую конечную часть надписи; буква перед Ω, несомненно, Δ, таким образом получается слово δῶρον — дар, подарок. Если этот гребень является даром кому-нибудь, следовательно, предыдущее слово должно стоять в дательном падеже. По остаткам букв на нижней и верхней рамке просвета мы можем восстановить окончание дательного падежа женского рода Η и Ι adscriptum, тесно примыкающую к Δ. Далее, влево, идет пустое пространство, трудно восстанавливаемое; здесь могло стоять не более двух букв. От первой буквы слова мы имеем внизу два возвышения над нижней строчкой и одну точку

¹ В связи с этим интересно напомнить об одном оригинальном памятнике, опубликованном в свое время В. В. Шкорпилом («Боспорские надписи, найденные в 1913 г.», ИАК, 54, стр. 66 сл.). Это два фрагмента стелы с рельефами, из которых один изображает всадника, а другой — двух животных. В. В. Шкорпил понимает это изображение как медведя, нападающего на коня, и сравнивает его с медведем Стасовского склепа; оба рельефа окаймлены оригинальным, не находящим аналогии в боспорских стелах орнаментальным бордюром с изображением лавровой ветви; под рельефом, изображающим животных, сохранилась фрагментированная надпись с именем царя, Хедосбия, по толкованию В. В. Шкорпила, который датирует надпись концом III в., относя к этому времени правление не известного до сих пор царя Хедосбия. Если датировка В. В. Шкорпила правильна, тогда приходится предположить, что традиция изготовления надгробных стел с сюжетным рельефом сохранилась и в III в.

посередине наверху. Буква была треугольная: А или Δ. От второй буквы мы имеем нижнюю линию с двумя наклонными возвышениями на концах, направляющимися вверх, к центру; здесь может быть только Δ (так как линия внизу слишком длинна для нижней линии букв Β, Ψ или Ξ). От третьей буквы сохранилась нижняя линия полностью и слева фрагмент перпендикулярной линии, а также точка наверху. Эти остатки могут принадлежать только к начертанию буквы ε. Таким образом у нас получается следующая реконструкция: ΑΔΕ?? ΗΙΔΩΡΟΝ (рис. 2). Недостающие две бук-

Рис. 2. Реконструкция надписи на гребне.

вы восстанавливаем как Α и Φ, по размеру своему соответствующие пустому пространству в надписи, и читаем так: 'Αδελφῆ Δῶρον—Подарок сестре.

По начертанию букв гребень можно датировать I—II вв. н. э. (IPE, IV. №№ 231, 115; III к о р п и л, Боспорские надписи, найд. в 1913 г., СПб., 1914, № 6, стр. 12).

Среди южнорусских древностей Черноморья находки деревянных гребней, как с надписями, так и простых, уже встречались (см. S. Reinach, Bosph. Cimm, стр. 26, 50, 51, 52, 136; Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis (1889—1894).

Рис. 3. Надпись с аналогичного гребня.

I, Surutschau et B. Latyschev, Petropoli, 1894, § 37, табл. VII). Обычно они изготовлялись из кедрового дерева с позолотой и лежали в деревянных шкатулках, или футлярах, также из кедр. Тщательная и тонкая работа на дереве, изящно вырезанные буквы, наличие позолоты, а также присутствие таких гребней в богатых погребениях (S. Reinach, Цит. соч., стр. 50) говорит о том, что они были в употреблении у зажиточных женщин.

Аналогичный гребень с надписью, подтверждающий правильность нашей реконструкции, происходит из Керчи и находится в Эрмитаже, другой такой же гребень, присланный Перовским в 1853 году, издан у S. Reinach'a, табл. LXIX, стр. 136, (рис. 3).

Повидимому, и наш гребень—из тех же мест Керчи и окрестностей и, возможно, изготовлен в той же мастерской.

В связи с вышесказанным нельзя не упомянуть еще об одном интересном кипарисовом гребне, изданном Суручаном и Латышевым в указ. выше работе (§ 37, табл. VII, стр. 19—20) с надписью, в деревянном футляре (рис. 4), найденном в 1894 г. в Керчи, в Татарской слободе, в женском погребении с другими вещами, отличающимися изысканностью.

Деревянный гребень, разделенный надписью на две части,—нижнюю—с частыми зубьями и верхнюю с более редкими (размером 11,3 × 4,8 см), лежал в изящном, деревянном же, орнаментированном со всех сторон, футляре¹. От вышеописанных гребней

¹ Вместе с гребнем лежали: стеклянный сосуд, наподобие пузыря, с узким горлом и двумя ушками, редчайшей формы, 10 см вышины; деревянный ларчик, разбитый, на одном из отщепов которого сохранилось бронзовое кольцо с запором.

он несколько отличается и внешним видом, отсутствием дырок по бокам и меньшим размером и содержанием надписи.

По реконструкции В. В. Латышева, первое слово надписи,—или собственное имя Τειμ[ῆ], или глагол εἰμ[ί]; второе слово—δῶρον. Следовательно, он читал Τειμῆ Δῶρον—дар Тейме, или Εἰμ[ί] δῶρον—подарок.

Издатель говорит, что имени Τειμῆ до сих пор нигде не встречалось в греческих колониях юга СССР (и в словаре Пале и Бензелера его нет). При втором же варианте реконструкции εἰμ[ί] δῶρον издатель признает, что перед глаголом εἰμ[ί] есть еще какая-то буква, верхняя часть которой отбита. Издатель добавляет, что кто-

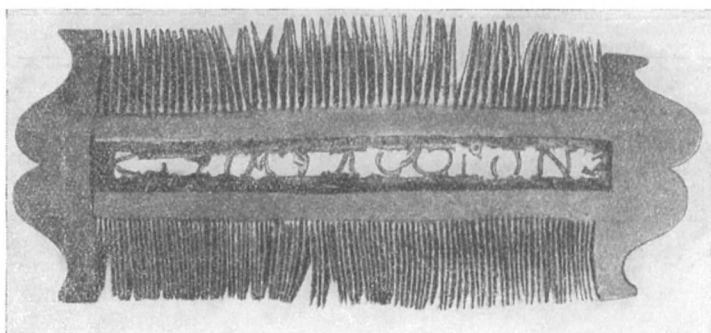

Рис. 4. Гребешок с футляром из Керчи (фотогр. из книги *Inscriptiones graecae et latinae novissimis annis (1889—1894) Museo Suritschaniano, quod est Kischinevi inlatae. Petropoli 1894. Tab. VII.*

нибудь, может быть, предложит другую реконструкцию надписи. Пользуясь этой оговоркой автора, решаюсь предложить следующую реконструкцию: первой буквой надписи является К, сохранившаяся полностью и ясно видимая на фотографии, вторая, вероятно, ι, третья—половина λ (ср. λ в гребне, изданном у Reinach'a), четвертая буква—?, пятая буква—Π (см. начертание Π в гребне, изданном у Reinach'a), далее должна стоять ι adscriptum, от которой сохранилась точка наверху, далее листик, разделяющий одно слово от другого. Слово Δῶρον ясно читается. Следовательно, мы читаем Κιλιῆ[ι] Δῶρον—Подарок Килии.

Имя Килия встретилось на юге СССР в надгробной надписи, найденной в Херсонесе, посвященной Килии, дочери Аполлония, жены Апелла, римского времени (IRE, Petropoli, 1885, N. 217).

Следовательно, теперь нам известны четыре деревянных кипарисовых гребня с однострочной надписью, начертаниями своими говорящей о дате I—II в. н. э.

Все эти гребни, одинаковой резьбы, были, повидимому, работой одного мастера или одной мастерской, находившейся в Пантикапее. Пользовались ли ими в быту или предназначались они для загробного употребления.—трудно сказать. Всего вероятнее, что в быту ими не пользовались, так как хрупкие буквы надписи могли сломаться при неосторожном прикосновении к ним пальцами.

Н. Розанова

Синопские эллинистические амфоры

Эллинистический Синоп являлся крупным центром керамического производства и вел обширную торговлю с другими эллинистическими городами, в особенности в районе Причерноморья. Наряду с керамикой оттуда экспортировались вино, оливковое масло, черепица. Об этом свидетельствуют синопские клейменные амфорные ручки,

черепицы, пифосы¹ и монеты, которые в большом количестве встречаются при раскопках эллинистических городов и поселений Причерноморья. Синопские клейменные амфорные ручки в фондах Керченского, Феодосийского, Николаевского, Одесского музеев в количественном отношении составляют абсолютное большинство по сравнению с амфорными ручками других эллинистических центров.

В Херсонесе синопские амфорные ручки по количеству уступают лишь амфорным ручкам местного производства. Ввиду этого установление типов синопских амфор является существенным условием для изучения экономических и культурных отношений между эллинистическими городами.

К сожалению, синопские амфоры в археологической литературе почти еще не освещены. Серьезным препятствием для изучения типов синопских амфор, как, впрочем, и амфор других керамических центров, является то, что они в большинстве случаев встречаются только в обломках. При огромном количестве фрагментов клейменных ручек цельных амфор сохранилось очень мало, лишь единицы.

Из целых амфор синопского производства пока опубликован лишь экземпляр, найденный в Зеленском кургане².

Нам удалось обнаружить еще несколько цельных амфор синопского производства, которые мы описываем в настоящей статье.

1. Амфора синопского производства, хранящаяся в фондах Феодосийского музея³. Общая высота амфоры без ножки 66 см, высота цельной амфоры, видимому, была 70—71 см, высота горла вместе с плечом 26 см, наибольший диаметр корпуса 34 см, диаметр горла 10 см. Глина—светлорозоватого цвета с вкраплением многочисленных черных кристаллических частиц. На одной ручке имеется клеймо астинома:

Ρ Ο Σ Ε Ι Δ Ω Ν Ι Ο Υ
 Α Ξ Τ Υ Ν Ο Μ [Ο Υ
 Δ Λ] Ο Ν [Υ Γ Ι Ο Υ

Неудачная штамповка не позволяет восстановить нижнюю строчку надписи клейма и эмблему. Важно отметить, что ниже венчика, на горле, нацарапана надпись в виде graffito; Σ Ν Ο Π Α ⁴.

Сделана ли эта надпись в древности или впоследствии, установить мне не удалось. Корпус амфоры почти правильно-конической формы, с мягким изгибом у плеча и плавным переходом к горлу.

¹ Пифосы с клеймом синопских астиномов имеются в фондах Херсонесского музея.

² Б. Н. Г р а к о в, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, РАНИОН, 1929, стр. 65.

³ Данное описание составлено нами в Феодосийском музее в 1939 г.

⁴ Это интересное graffito может быть дополнено как *συνοπά[ωνος]* или *συνοπά[ωνι]*. Слово это засвидетельствовано эпиграфически в качестве эпитета Гермеса (Ἑρμῆς Νηιάδων συνοπάων, IG II³, 4728; ср. Н. О г р б., XXXI, 5). Считать это граффито частью подобного эпитета помогает то обстоятельство, что амфора, на которой оно начертано, сохранилась в целости и, стало быть, вероятней всего, происходит из погребения. Если это так, то эпитет, именующий Гермеса спутником наяд, может быть истолкован также как одно из выражений, характеризующих этого бога в качестве спутника душ умерших и поставлен в один ряд с такими распространенными эпитетами Гермеса, как *φυλοπόμπος*, *πομπός*, *πομπίος*, *ὑδώνιος* и пр. С другой же стороны, отношение к наядам, засвидетельствованное приведенным выше текстом, ставит Гермеса в связь с божествами проточной воды (ср. Stein, RE, VIII, 776) и, следовательно, наше граффито могло бы, вероятно, быть нацарапано на амфоре также в том случае, если она служила некоторое время для зачерпывания воды из какого-либо источ-

Сравнительно короткое и широкое горло несколько выступает под венчиком, создавая небольшую припухлость. Венчик—в виде полувалика с горизонтальным срезом сверху. Ручки короткие, овальные в поперечном сечении, с мягким изгибом наверху, причем они расходятся по направлению к плечикам. На поверхности амфор имеются следы светлорозовой обмазки.

2. Амфора (см. рис.) синопского производства, хранящаяся в фондах Херсонесского музея (инв. № 3194). По форме аналогична первой, но имеет слегка округленный корпус. Короткое и широкое горло несколько выступает под венчиком, создавая небольшую припухлость. Венчик—в виде плоского ободка, плотно примыкающего к стенке горла. Ручки короткие, овальные в поперечном сечении, с мягким изгибом наверху, причем расходятся по направлению к плечикам. Днище заканчивается короткой ножкой, с кольцевидным утолщением на конце и с небольшим углублением снизу. На поверхности корпуса спиральные желобки, идущие снизу вверх, —следы обработки на гончарном круге. Глина светлорозоватая, с вкраплением многочисленных черных кристаллических частиц. Общая высота 62 см, наибольший диаметр корпуса 29 см.

Описанные выше экземпляры, а также фрагменты других амфор позволяют нам утверждать, что синопские амфоры по форме не отличаются особой оригинальностью и были в основном однотипными. По этим же экземплярам можно утверждать, что по размерам они были различны. Вот сравнительные размеры синопских амфор:

№№	Место хранения	Общая высота	Наибольший диам. корпуса
1	Амфора (найденная в Зеленском кургане) в фондах Керченского музея	65 см	22—23 см
2	Амфора, хранящаяся в фондах Феодосийского музея	70—71 см	34 см
3	Амфоры, хранящиеся в фондах Херсонесского музея:		
	а) инв. № 3194	62 см	29 см
	б) номер по описи—431—1914 год . . .	—	30 см

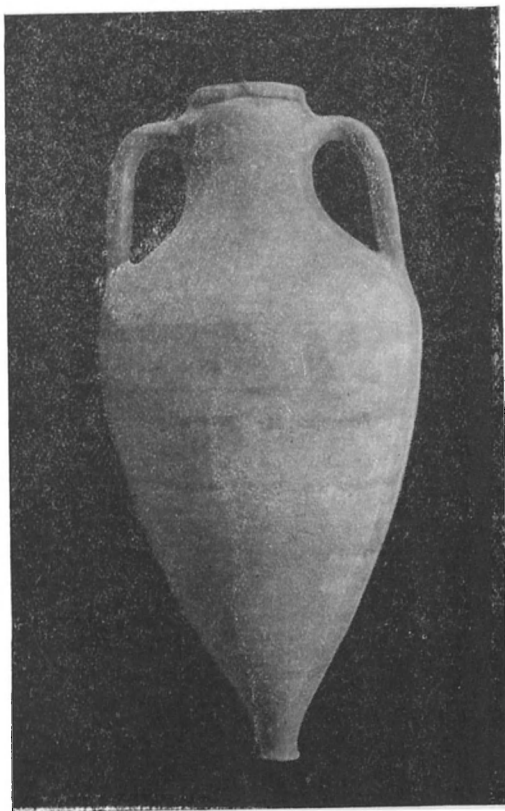
По клеймам и по глине синопские амфоры составляют особую группу, происходящую из одного керамического центра. В то же время следует отметить близкое типо-

ника. Может быть высказано и еще одно предположение, ставящее этот эпитет в связь с весьма любопытной функцией Гермеса, как бога-путеводителя.

В Эносе на Эгейском побережье Фракии засвидетельствован культ Гермеса $\pi\epsilon\rho\rho\epsilon\rho\lambda\acute{o}\varsigma\alpha$, что на основании Herod., IV, 33, может быть истолковано как $\pi\epsilon\rho\rho\acute{o}\rho\epsilon\iota\omicron\varsigma$ (Ch. Picard, La route de processions hyperboréennes en Grèce, RHR, CXXXII) (1946), № 1—3, ср. R. Scott, Gr.-Engl. Lex., II, s. v.).

Гермес гиперборейский или Гермес-перферей мыслится как сопроводитель гиперборейских даров храму Аполлона Делосского и предводитель гиперборейских дев, носительниц этих даров, что вполне соответствует его роли в качестве предводителя харит ($\eta\gamma\epsilon\rho\acute{o}\nu\ \chi\alpha\rho\acute{\iota}\tau\omega\nu$) и найдя и в более общем смысле—в качестве бога-путеводителя $\rho\alpha\gamma\ \epsilon\chi\sigma\epsilon\lambda\lambda\epsilon\nu\epsilon$ ($\Delta\rho\acute{o}\mu\iota\omicron\varsigma$, $\eta\gamma\epsilon\rho\acute{o}\nu$, $\acute{\alpha}\gamma\eta\tau\omega\rho$, $\eta\gamma\epsilon\rho\acute{o}\nu\iota\varsigma$). Если это предположение основательно, то указанное граффито получает место в кругу свидетельств, документирующих культ Аполлона Гиперборейского в Северном Причерноморье и в Синопе, лежавшей, по версии, переданной Павсанием (I, 31, 2) на пути гиперборейских даров из Скифии на Делос, через святилище Аполлона в аттических празиях. Миф этот, судя по изображениям на монетах, на вазах и по многочисленным литературным данным, был весьма популярен на путях аттическо-черноморской торговли.

логическое сходство между синопскими и херсонесскими амфорами, как и близкое сходство между черепицами и пифосами этих двух керамических центров.

Синопская амфора. Херсонский музей.

В заключение мы укажем еще на то обстоятельство, что не все амфоры синопского производства подвергались клеймению. Небольшое количество синопских амфор, как это имеет место в Херсонесе, встречаются без каких-либо клейм.

Р. Б. Ахмеров

Пленум ЛОИИМК по археологии Средней Азии

В марте 1948 г. в ЛОИИМК АН СССР проходил пленум, посвященный археологии Средней Азии. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 35 докладов. Работали секции первобытной археологии, античной и дофеодальной археологии, средневековой археологии, эпиграфики и нумизматики, архитектуры и секция этнографии.

Пленум открылся докладом проф. А. Н. Бернштама «Советская археология Средней Азии». Докладчик сделал общий обзор итогов изучения истории и археологии Средней Азии. Археологическое изучение Средней Азии, говорил проф. А. Н. Бернштам, до Великой Октябрьской социалистической революции находилось в зачаточном состоянии. Сборы археологического материала начались лишь в середине XIX в. и носили в большой степени случайный характер. Важный вклад в археологическое изучение Средней Азии внесли путешествия русских ученых: Ханыкова, Семенова-Тяньшанского, Северцова, Мушкетова.

Собрание археологического материала положило начало возникновению ряда среднеазиатских музеев: Ташкентского в 1876 г., Самаркандского в 1896 г. и Ферганского в 1899 г.

Новым этапом в изучении Средней Азии явилось описание Мерва Жуковским и историко-археологическая рекогносцировка В. В. Бартольда, а также открытие в Семиречье несторианских кладбищ и рунических надписей. Но тогдашние представители среднеазиатской археологии стояли на позициях теории цикличности, признавали периодизацию в связи с завоеваниями, противопоставляли арийские племена тюркским. Несмотря на наличие ряда прогрессивных положений в трудах В. В. Бартольда они не могли исправить положение, так как и В. В. Бартольду были свойственны идеалистические взгляды по некоторым вопросам.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции создались условия для коренного перелома в развитии историко-археологического изучения Средней Азии. Решающую роль в изменении стиля работ в области археологии Средней Азии, а главное, в изменении идеологического содержания этих работ, сыграли указания партии по вопросам истории. Изменился характер археологических полевых работ, а также исследовательская тематика. Археология Средней Азии изучается теперь в связи с другими отраслями советского востоковедения — историей, филологией, лингвистикой, фольклором.

С 1935 по 1947 г. проведены большие экспедиции, давшие огромный материал, позволивший сделать ряд важнейших исторических выводов. В результате работ этого периода установлен ряд этнокультурных комплексов, которые теперь могут служить базой для исследования этногенетических процессов. Выявлены этнокультурные связи народов Средней Азии с другими народами Советского Союза, а также с югом Азии, Передним Востоком и Центральной Азией. Выясняется активная, а порой и ведущая роль народов Средней Азии в истории и культуре народов Востока. В советской науке решительно отвергнута точка зрения, признававшая за народами Средней Азии пассивную роль объекта завоеваний и базы для насаждения чуждых культурных влияний.

Докладчик указал на необходимость дальнейшего развертывания археологических работ в Средней Азии с упором на исследование памятников первобытно-общинного строя и памятников послемонгольского периода. Особо важными темами сейчас являются темы периодизации истории культуры народов Средней Азии и периодизации этапов этногенеза.

В заключение проф. А. Н. Бернштам развернул программу организационных мероприятий, необходимых для организации полевых работ, издания трудов по археологии Средней Азии, а также по подготовке кадров.

С докладом «Периодизация древней истории Средней Азии» выступил проф. С. П. Толстов. Докладчик отметил, что советским ученым приходится преодолевать различные псевдоисторические концепции. На базе скудных материалов и немарксистской методологии воздвигались построения, далекие от подлинной истории Средней Азии, которые и до сих пор еще имеются в зарубежной буржуазной исторической литературе. Эти построения сводятся к тому, что будто бы общественная база исторического процесса в Средней Азии остается неизменной на всем протяжении от древнейших времен и до Октябрьской революции. Для Средней Азии считается характерным «какой-то своеобразный азиатский феодальный строй, сопровождающийся таким же застойным, бесперспективным, не создающим никакого движения торговым капитализмом». История VI—IV вв. до н. э. рисовалась как картина феодального строя, не отличавшегося от бухарского строя XIX в. С. П. Толстов подверг критике мнение английского историка Тарна о том, что общественный строй Средней Азии в IV в. до н. э. был феодальным.

Тарн видит наличие в Средней Азии ряда элементов, свойственных античному обществу, и объясняет это тем, что будто бы они занесены греко-македонскими завоевателями, которые и принесли на смену феодальным «баронам и лордам», а также аморфной массе крепостных крестьян «органы квази-автономной городской общины

античного вида». Проф. С. П. Толстов показал, что Тарн «ассоциирует явления древней Азии с явлениями действительности сегодняшнего дня в колониях Англии. В Евкратиде и других деятелях он видит прообраз основателей Британской империи». Докладчик подчеркнул, что марксистское материалистическое учение об обществе позволяет по-новому осветить археологические открытия в Средней Азии. Новейшие исследования в области археологии Средней Азии показали полную несостоятельность представления о неизменности социально-экономической и культурной жизни народов Средней Азии. Материалы экспедиций позволяют утверждать, что общественная жизнь от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. существенно отличалась от общественной жизни в эпоху средневековья. Для иллюстрации С. П. Толстов привел различные типы поселений.

Для древнейшего периода истории Средней Азии докладчик предложил принять термин «античный». Уже Чепелев сделал попытку применить этот термин в своей работе «Об античной стадии в истории искусства народов СССР». В работе Чепелева была большая смелость и свежесть мысли, хотя некоторые его положения и являются спорными. Критика этой работы Чепелева, по мнению С. П. Толстова, была абсолютно неправильной, в ней сказалось традиционное представление, против которого необходимо повести самую жестокую борьбу.

С. П. Толстов считает, что никакой принципиальной грани между греко-римской культурой и культурой более отдаленных стран рабовладельческого Востока нет. Противоположный этому взгляд является результатом ложной аберрации, характерной для буржуазной науки, и приобретает сейчас реакционный характер. Термины— античная цивилизация, античная культура применимы ко всем районам, имевшим рабовладельческий строй. Античность создала неподражаемые произведения искусства. «Но Восток создал не худшие произведения, а может быть, лучшие, но менее нам известные». В Средней Азии были самостоятельно развивавшиеся рабовладельческие государства, игравшие крупную историческую роль, создавшие свою культуру и искусство, неотделимые от всего остального античного мира. Хронологические рамки античного периода в Средней Азии должны быть еще уточнены, но начало его можно отнести к VII—VI вв. до н. э., а конец—к V—VI вв. н. э. В рамках этого периода докладчик устанавливает четыре этапа: архаический период—от VI по IV в. до н. э., эллинистический период (кангюйский, бактрийский и парфянский)—от IV в. до I в. до н. э., кушанский—I—III вв. н. э. и кушано-эфталитский IV—VI вв. н. э. Период между VI и IX вв. н. э. должен рассматриваться как начало средневековья, который характеризуется не законченными еще формами феодального строя.

В заключение докладчик подчеркнул, что нельзя более рассматривать Среднюю Азию, как отдаленное захолустье, воспринимавшее только влияния внешних завоеваний, и что пора покончить в области периодизации с представлениями, основанными на именах чужеземных достижений или народов, вторгшихся на территорию Средней Азии. История Средней Азии создана жившими на ее территории народами.

В другом докладе С. П. Толстова «Вопросы этногенеза народов Средней Азии» было отмечено, что проблема формирования народов—это проблема истории формирования их языков. Каждый из нынешних среднеазиатских народов может рассматриваться как результат скрещения различных этнических элементов древней Средней Азии.

Если становление наций—результат общественного развития на заре капитализма, а формирование народностей, вошедших в разных комбинациях в состав наций, прослеживается на заре средневековья, то те элементы, из которых складываются народы, исторически значительно древнее.

С. П. Толстов подчеркнул важность определения рамок территориальных, географических и политических объединений, в которых шли подготовительные процессы, сложившие народности раннего средневековья Средней Азии.

У древних истоков таджикского этногенеза стоит Бактрийское царство и, частично, государственное объединение Ферганы. Корни этногенетического процесса узбеков можно проследить в Кангкй. Массagetские, каракумские племена явились подгото-

вительным материалом для туркменского объединения. Племена массагетов Приаралья и северного Прикаспия стоят у колыбели этногенеза каракалпаков. В сакских племенах северного Казахстана можно видеть прототипы казахских народов.

В заключение докладчик указал на необходимость постановки проблемы этногенеза как центральной проблемы научного исследования Средней Азии.

Периодизации средневековой истории Средней Азии был посвящен доклад чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовского.

С докладом «Периодизация материальной культуры монгольского Самарканда» выступил А. И. Тереножкин (Самарканд). Докладчик определил четыре периода в культурных наслоениях на Афрасиабе, отложившихся с III в. до н. э. до XII в. н. э.:

1. Греко-бактрийский — III—II вв. до н. э.
2. Кушанский — I в. до н. э.—II р. н. э.
3. Период тюркского каганата—VI—VIII вв. н. э.
4. Послеарабский — VIII—XII вв. н.

Время возникновения Самарканда еще не установлено, так как древнейшие слои еще не обнаружены. Открытие слоев греко-бактрийского периода подтверждает правильность отождествления столицы Согдийской области—города Мараканда, времени македонского завоевания—с Самаркандом.

Греко-бактрийский период характеризуется керамическими изделиями высокого, качества, но примитивных форм. Керамика, как и другие предметы быта, дает представление об особенностях своеобразной и самобытной согдийской культуры.

В течение кушанского периода керамическое производство достигает высокого уровня. Крупное значение в городском ремесле приобретает хлопчатобумажное ткачество. Культурные связи Самарканда в этот период прослеживаются в кушанской культуре Термеза, в культуре Каунчи, на среднем течении Сыр-Дарьи и в других местах.

Наслоений эллинистической стадии III—II вв. до н. э., соответствующих Тали-Барзу III, на Афрасиабе не встречено. В период тюркского каганата Самарканд переживает новый подъем. «Материальная культура второй стадии этого периода носит печать сильного влияния сассанидского Ирана, однако сохраняется и собственно согдийское направление в развитии искусства и материальной культуры».

Со времени арабского завоевания и введения ислама в начале VIII в. происходит ломка древних культурных традиций, и развитие материальной культуры получает новое направление. Для послеарабского периода докладчик устанавливает шесть стадий в развитии материальной культуры.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады об итогах экспедиционных работ в 1947 г. А. Я. Якубовский доложил о работах Таджикско-Согдийской экспедиции, С. П. Толстов—о полевых работах в Хорезме, А. Н. Бернштам—о работах Тянь-шанско-Алайской экспедиции, чл.-корр. АН Казахской ССР А. Маргулан—об архитектурных памятниках района рек Кенгир и Сары-Су (VIII—XIV вв.).

В прениях, состоявшихся на пленарных заседаниях, приняли участие чл.-корр. Академии Наук СССР А. Фрейман и К. В. Тревер, тт. И. М. Дьяконов, С. С. Черников, М. М. Дьяконов.

А. А. Фрейман дал высокую оценку работам советских археологов, археологические открытия которых являются историческими. Работа археологов может быть дополнена работами филологов.

Животрепещущим является вопрос об этногенезе, и он занимает научную общественность. В богатом фактами докладе С. П. Толстова была высказана мысль, говорил А. А. Фрейман, которую можно понять так, что этногенез происходит с древнейших времен до сегодняшнего дня. Этот вопрос нужно рассматривать с точки зрения исто-

рии языка. «Пока мы не знаем языка, мы не знаем этноса». Трудность вопроса этногенеза в том и заключается, что он недостаточно точно определен. Если согласиться с тем, что в большом конгломерате вопросов, составляющих этногенез, язык стоит на первом месте, тогда этот вопрос мог бы разрешиться.

По мнению И. М. Дьяконова, С. П. Толстов убедительно показал, что «археологический материал вынуждает к членению истории Средней Азии на два отчетливых последовательных типа культуры, соответствующих рабовладельческой и феодальной формациям», но И. М. Дьяков выразил сомнение в том, насколько удачен предложенный С. П. Толстовым термин «античный период» для дофеодальной стадии. В обычном словоупотреблении понятие «античный» слишком приросло к культуре Греции и Рима и потребуются слишком большая ломка, чтобы приучить читателя к более широким ассоциациям этого слова. А пока произойдет переоценка этого термина, могут произойти многие недоразумения. С. П. Толстов понимает под этим термином культуру рабовладельческой формации. Прибавление к слову «рабовладельческий» еще и эпитета «античный» может быть оправдано только при условии, что этот эпитет как-то ближе определяет специфику данной культуры, специфику, не раскрываемую понятием «рабовладельческий». В привычном для нас словоупотреблении «античный» и обозначает особую специфику рабовладельческого общества, особую его разновидность, отличную от так называемой «восточной». Термин «античный» удобнее, чем термин «западный». В применении к переднеазиатским обществам этот термин едва ли привьется. Повидимому, речь идет об отнесении всех обществ рабовладельческого типа к одному типу культуры. С. П. Толстов, может быть, хотел термином «античный» подчеркнуть наличие элементов рабовладельческой демократии в древнем обществе Средней Азии и подчеркнул черты, роднящие это общество с западным вариантом рабовладельческой формации. Но и в этом смысле, говорит И. М. Дьяков, нет необходимости выделять западное рабовладельческое общество вместе со среднеазиатским в противоположность переднеазиатскому. Характерный для Передней Азии деспотизм вырос внутри первобытной родовой демократии.

В течение III тысячелетия общество Двуречья носит характер городских общин, гораздо более близких к полисам античного типа, чем это представлялось раньше. Ассирийская держава VIII—VII вв. до н. э., как она рисуется С. П. Толстову, по ряду признаков схожа с поздне рабовладельческим обществом Средней Азии. Но, вместе с тем, эллинизм не был целиком привнесен извне, а имел и свои местные корни в Передней Азии. «Не преуменьшает ли С. П. Толстов значения эллинистического, а может быть, и ахеменидского периода в истории Средней Азии? Чем можно объяснить скоротечность в Средней Азии рабовладельческой формации?»

В Средней Азии эллинизм застал общество на другом уровне и мог иметь совершенно другое влияние. Специалисты по истории эллинизма должны сейчас обратить большое внимание на исторический азиатский субстрат эллинизма. Чем объясняется, что С. П. Толстов приписывает столь большую роль кочевникам последнего этапа рабовладельческого общества Средней Азии, в частности, в вопросе о «варваризации культуры»? Нет ли в этом влияния западной схемы, стремления создать среднеазиатское рабовладельческое общество как можно более похожим на западное?

К. В. Тревер согласилась с выступлением И. М. Дьяконова. Если к рабовладельческому периоду в истории Средней Азии применить термин «античный», то необходимо будет применять оговорки, например об отсутствии латифундий и др. К. В. Тревер предложила глубже заняться изучением эллинизма.

Эллинизм почти целиком сложился на Востоке, и подходит время серьезно заняться им и вложить в него необходимое содержание. Эллинизм имеет очень сильные среднеазиатские корни, которые еще плохо учитываются, но должны быть выявлены и должны найти свое место.

В своем выступлении М. М. Дьяков остановился на вопросе перехода от древности к средневековью. С. П. Толстов, сказал М. М. Дьяков, считает, что

грань между древностью и феодализмом к VI—VII вв. н. э. относится А. Ю. Якубовский, соглашаясь с тем, что переход к феодализму начинается с VI—VII вв., отодвигает установление феодальных порядков в Средней Азии до X в. Получается большое расхождение. А. Ю. Якубовский считает основным феодальным элементом «харадж», т. е. ренту. Этот налог собирало государство, и доходы распределялись среди господствующего класса. Но еще не выяснена природа этого господствующего класса. «Нам приходится сталкиваться с глубоким историческим своеобразием, и не так просто уложить живую историю в рамки какой-то исторической схемы». Приводимые А. Ю. Якубовским факты говорят, что общество Средней Азии уже в IX—X вв. можно считать феодальным, хотя рабовладельческий уклад продолжает еще долго существовать.

С. С. Черников в своем выступлении сказал о необходимости развертывания археологических работ на территории Казахстана, о планомерном его исследовании на более широкой территории.

На секции первобытной археологии Средней Азии были заслушаны доклады П. И. Борисковского, А. П. Окладникова, С. С. Черникова (ЛОИИМК), А. Н. Дальского (Ташкент).

А. П. Окладников прочел доклад «Археологические исследования на Красноводском полуострове». Докладчик указал, что древнейшие памятники этого райопа датируются мустьерским временем.

Обнаружены также культурные остатки позднепалеолитического времени (позднекаспийского или азийского типа). В ряде мест найдены следы и раннего неолита. Особенный интерес представляют остатки единственной в своем роде для культур этого времени «ювелирной мастерской» каменного века. На берегу Каспия, у подножия мыса Куба-Тенгир, найдена яма, в которой уцелели сотни бус из морских раковин, часть которых была окрашена красной охрой. Тут же обнаружены кремневые нуклеусы, скребки и тончайшие острия с затупленной спинкой, которыми сверлились отверстия в бусах. Такие же бусы обнаружены и на стоянках Красноводского полуострова.

В докладе «Позднепалеолитические местонахождения Туркмении» П. И. Борисковский осветил историю открытия палеолитических стоянок в Туркмении и дал детальный анализ находок. Наиболее яркими памятниками этого рода являются стоянка Кизил-Лай, Эрек и др., датируемые поздним палеолитом в его копсийской фации.

С. С. Черников в докладе «Казахстанский очаг бронзовой культуры» установил ряд этапов развития эпохи бронзы в Казахстане: I. Тургайский с характерной микролитонидной индустрией и ранними формами медных и бронзовых изделий, датируемый концом III и первой половиной II тысячелетия до н. э. II. Андрочивский, достаточное представление о котором дают работы Теплоухова, М. П. Грязнова и С. В. Киселева. III. Дындыбаевский, к которому относятся поселения Степняка, Малокрасноярска и значительная часть бронзовых изделий, отмеченных в 1929 г. М. П. Грязновым. IV. Этап перехода к культуре ранних кочевников (скифский в широком смысле этого слова), эпоха VIII—III вв. до н. э.

Еще недостаточно накоплено материала для характеристики этой эпохи на территории Казахстана, говорит далее докладчик, поэтому необходимо опираться на классификацию М. П. Грязнова для Алтая и на классификацию Б. Н. Гракова для южного Урала. Более изученным является материал с территории восточного Казахстана, где установлено наличие Майэмурского этапа. Переход к высшей ступени варварства происходит в эпоху ранних кочевников, о племенных образованиях которых есть ряд письменных свидетельств античных авторов. Можно думать, говорит С. С. Черников, что саки и массагеты (особенно последние) являлись в какой-то мере потомками кочевников, а аримаспы, отнимавшие у грифов золото, жили в райопа золотых месторождений.

А. Н. Дальский в докладе «Наскальные изображения в бассейне р. Зеравшана» сообщил об открытии ряда интереснейших наскальных изображений. На обломке

скалы известняка в бассейне р. Кштут-Дарьи выбито изображение свыше 30 диких горных козлов и охотничья сцена. Открыты также наскальные изображения на обломке скалы в саяе Вагиштан, на котором изображен ряд мужских фигур. Возле пещеры в Мосрир открыта большая наскальная роспись, длиной в 11 м 90 см, на которой изображены дикие козлы, верблюды, змеи и другие животные. В результате исследования наскальных изображений А. Н. Дальский пришел к выводу, что они относятся к трем различным историческим эпохам.

На секции античной и дофеодальной археологии было заслушано 7 докладов. Чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер выступила с докладом «Золотая фигурка из Хаитского клада». В составе Хаитского клада (Таджикистан) была найдена золотая подвеска, изображающая женскую фигурку. К. В. Тревер указала, что для определения фигурки важное значение имеют изображения на монетах Аза и Азилиса. На этих монетах воспроизводился статуарный тип Анахит. Изображения Анахит известны и в терракотах Средней Азии, Согда и Ирана. Наиболее близкий исследуемой золотой фигурке тип Анахит имеет место на монетах Аза, происходящих с территории Бактрии. Эта богиня имела местное имя Ардвисуры—богини воды, земли, плодородия. В Каратегине, на территории Тохаристана, она могла иметь и другое имя. Выяснению этого образа помогают также изображения на монетах Канишки, на которых имя Нана может быть сопоставлено с Анахит. Древний образ Ардвисуры расщепился на Арди и Нана. Мужской ипостасью этого образа является Вахш. В золотой фигурке из Хаитского клада, скорее всего, можно видеть воспроизведение образа богини Ардохшо, дочери Вахша. Дочь Вахша была богиней злаков и плодов. В заключение К. В. Тревер отметила, что культ Ардохшо связан с территорией Тохаристана.

В докладе «Бактрийские погребения» М. М. Дьяконов сообщил об открытых в Гиссарском могильнике шести погребениях, обряд захоронения которых не может быть связан с зороастризмом. Три погребения содержали монеты, что является важным показателем для отнесения этих погребений к типу, известному в античном мире.

Наибольший интерес представляют найденные среди инвентаря культовые бокалы. Найденное бронзовое зеркало и бусы имеют близкие соответствия среди подобных находок в сарматских погребениях Северного Кавказа. Весь комплекс находок здесь указывает на связи с северокавказским миром. Найденные монеты являются известными типами оболов—Евкратиды.

Проф. Т. Н. Книпович в докладе «Вопросы хронологии среднеазиатской керамики домусульманского периода» представила попытку пересмотра датировки керамики ряда поселений Средней Азии. Наиболее ясной докладчица считает датировку ряда комплексов Ташкентского района, как слой II Каунчи, ряд групп района Ташкентского канала, керамика Никифоровских земель: в соответствии с предложенной А. И. Тереножкиным датировкой, эти комплексы принадлежат первым векам нашей эры. Некоторые группы керамики этих поселений (особенно сосуды с орнаментом резных волнообразных линий) встречают близкие аналогии в одном из слоев Тали-Барзу (IV): тем самым устанавливается принадлежность данного слоя также к первым векам нашей эры. Более ранние слои Тали-Барзу (II и III) содержат керамические находки, отличающиеся от слоя IV, но близкие им: они принадлежат, очевидно, последним векам до нашей эры (слой Тали-Барзу II к III—II вв. до н. э., слой Тали-Барзу III к I в. до н. э.). Датировка всех этих слоев встречает подтверждение в аналогиях, наблюдаемых в хорошо датированных комплексах Малой Азии, Сирии, а также Северного Причерноморья.

В докладе «Гончарная печь из Мунчан-тепе» В. Ф. Гайдукевич сообщил об открытой им гончарной печи во время работ Фархадской экспедиции в 1943 г. Печь представляет сооружение, в плане сильно вытянутое и имеющее в топочном помещении боковые лопатки, свидетельствующие о наличии системы арочек, поддерживавших под обжигательной камеры. Докладчик считает, что конструктивный тип таких печей выработался в глубокой древности на Востоке (Передняя Азия) и был заимствован Римом. Ближайшие аналогии печи из Мунчан-тепе известны в Айртаме и Мингечауре, где они датируются III—II вв. до н. э.

С. А. Вязигин (Ашхабад) выступил с докладом «Материалы к характеристике оссуариев Хорезма первых веков нашей эры». Археологические исследования последних лет, говорит докладчик, пополнили находки оссуариев и позволили выделить оссуарии Хорезма в особую группу. Представляют интерес найденные в 1946 г. на городище Калалы-Кыр I три каменных и один глиняный оссуарий. Новые находки имеют ряд сходных черт с известными ранее оссуариями Хорезма. Сравнение их с оссуариями из Ташкента и Самарканда показывает, что они существенно различаются между собой. С хорезмийскими оссуариями сходны по внешнему виду только оссуарии южноиранские.

О результатах археологических исследований в Ташкентской области доложил А. И. Тереножкин (Самарканд). Докладчик установил наличие большого ряда культурных напластований в Ташкентской области, начиная со II тысячелетия до н. э. и до арабского завоевания. По мнению А. И. Тереножкина, здесь можно наблюдать последовательную смену семи различных культур: культура бронзового века первой половины II тысячелетия до н. э., культура бронзового века второй половины II тысячелетия до н. э., культура приаксартских варваров VII—IV вв. до н. э., бургулукская культура III—II вв. до н. э., культура Каунчи I в. до н. э.—II в. н. э., джунская культура III—IV вв. н. э., согдийская культура VI в.—первой половины VIII в. н. э.

В докладе «Археологическое изучение городища Новая Ниса» М. И. Вязмитина (Киев) сообщила, что работами отряда Южно-Туркменской археологической экспедиции установлена большая древность городища Новая Ниса по сравнению со Старой Нисой. Важные материалы дало стратиграфическое изучение этого наименее изученного в Туркмении памятника рабовладельческой эпохи. Особенно интересны открытые части крепостных стен, сложенные из крупного квадратного сырцового кирпича, относящиеся к парфянскому времени. Интересны также открытые погребальные камеры с красной лощеной облицовкой. Наиболее ранние из них относятся к началу Парфянской эпохи.

На заседании секции средневековой археологии Средней Азии были заслушаны доклады А. М. Беленицкого «О культах Средней Азии накануне арабского завоевания» и Е. И. Агеевой (Алма-Ата) «Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау».

В секции архитектуры были заслушаны доклады В. Л. Ворониной (Академия архитектуры СССР, Москва)—«Черты доарабского зодчества Средней Азии по данным археологических работ», Н. М. Бачинского (Институт истории искусств Академии Наук, Москва)—«Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении», В. И. Пилевского (Союз советских архитекторов, Ленинград)—«Гофрированные постройки Средней Азии», Н. М. Бакланова (чл.-корр. Ак. архитектуры СССР, Ленинград)—«Композиция геометрического орнамента Средней Азии», Б. В. Вейнмарн и Н. В. Черкасовой (Гос. музей восточных культур, Москва)—«Памятники резьбы по дереву в Хиве».

На заседаниях Археолого-этнографической секции были заслушаны доклады Е. М. Пещеревой (Институт этнографии АН СССР, Ленинград) и О. А. Сухаревой (Институт этнографии Узбекской ССР, Ташкент).

Е. М. Пещерева прочитала доклад «Гончары Пенджикента и Самарканда». Наблюдение над формами сосудов, говорила Е. М. Пещерева, приводит к заключению об устойчивости сохранения местных традиций. Они показывают, что сосуды определенных форм связаны с определенными хозяйственными укладами. В противоположность крупным торговым центрам, гончары периферии стойко сохраняли старые, патриархальные формы организации. Этнографические наблюдения показали, что как мастерская в целом, так и орудия производства, в ней находящиеся, «почитались как обителища духов-покровителей ремесла». Любопытно, что, если в одних случаях местами сборищ ремесленных организаций являлись мусульманские мазары, связанные с именами официальных покровителей ремесленников, в других местах собрания являлись «места, бывшие, повидимому, местами общих сборищ населения древних городов».

В докладе «Архаические черты в некоторых головных уборах народов Узбекистана» О. А. Сухарева говорила, что архаические черты свойственны формам народного костюма; последние очень четко прослеживаются на женских и мужских головных уборах.

На секции эпиграфики и нумизматики заслушаны доклады В. А. Крачковской (ЛОИИМК)—«Эволюция куфического шрифта в Средней Азии», Н. Н. Забелиной—«Монеты селевкидского типа с легендой Базилеос Евтидем» и О. И. Смирновой (Институт востоковедения АН СССР)—«Согдийские монеты из раскопок 1947 г. городища Пянджикент».

Н. Н. Забелина в своем сообщении указала, что в собрании Самаркандского музея оказалось несколько монет с легендой Базилеос Евтидем. Среди этих монет обнаружена одна с наиболее четко сохранившейся легендой, причем данная монета имеет стандартный вес и вид неварварского чекана. Произведенный палеографический анализ букв сближает легенду на этой монете «с легендами на более ранних тетрадрахмах Евтидема или даже на тетрадрахмах и статерах Диодита». Отсюда возникает вопрос: не принадлежал ли чекан этих монет самому Евтидему? Н. Н. Забелина напомнила также, что греческие источники, говоря об Евтидеме, не называли его сатрапом какой-либо из областей. Изучение этих монет, при учете отсутствия сведений об Евтидеме, как о правителе, до его правления в Бактрии, наталкивает на мысль о том, что Евтидем мог быть и сатрапом Согдианы. Н. Н. Забелина приходит к выводу, что «изучаемые монеты, а также тетрадрахмы, имитирующие монеты Евтидема, указывают на очевидную связь Согда с Евтидемом», связь, несомненно более тесную, чем с другими греческими правителями Бактрии. Заканчивая свое сообщение, Н. Н. Забелина поставила вопрос о том, какие же монеты, в числе некоторых других античных образцов, легли в основу самостоятельного согдийского чекана,—монеты Селевкидов или монеты Евтидема, чеканенные по селевкидскому образцу?

О. И. Смирнова, сообщая о новых находках монет в Пянджикенте, указала, что они охватывают период от середины VII до середины VIII в. н. э.

Пленум показал, как широко развернулись работы по археологическому изучению Средней Азии.

С. И. Капошина

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ЕГИПЕТ ПРИ I ДИНАСТИИ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Археологические раскопки последнего десятилетия обогатили науку большим количеством памятников времени I династии¹. Хотя эти памятники известны пока, главным образом, только по предварительным сообщениям, но уже и теперь ясно, что новые открытия имеют первостепенное значение.

Раскопки конца XIX и начала XX вв. в Негаде, Гиераконполе, Абидосе и других местах открыли перед наукой совершенно новую и неожиданную страницу древнеегипетской истории. Эти раскопки подтвердили историческую реальность событий времени I—II династии, известных до тех пор только по легендам, сохранившимся в очень поздних литературных источниках (Манефон, Геродот).

Однако и после этих открытий данные по истории I династии оставались весьма скудными; этот период древнеегипетской истории до сих пор считался в науке темным, едва доступным историческому исследованию. В общих курсах истории Египта ему отводилось сравнительно мало места, как периоду полулегендарному, который можно характеризовать только суммарно; выявление исторического своеобразия отдельных царствований представлялось делом невозможным.

Археологические открытия ряда последующих десятилетий не принесли почти ничего нового для истории I династии. Казалось, что поскольку в Абидосе были открыты гробницы всех царей этого времени, то дальнейшие раскопки уже не могут дать ничего особенно важного. В самом деле, ведь в это время письменность была распространена только в самом узком придворном кругу, и трудно было предположить, что где-либо можно встретить большее число надписей, чем в гробницах самих царей.

Но вот неожиданно раскопки в Саккара вскрывают одну за другой новые гробницы тех же самых царей, а также высших должностных лиц времени I династии, причем оказывалось, что по своим размерам и богатству погребального инвентаря гробницы Саккара далеко превосходят абидосские.

В 1936 г. была вскрыта гробница «хранителя печати» Хемака, современника царя Дена, известного уже по абидосским надписям; затем было обнаружено еще около десятка больших гробниц времени I династии и среди них три гробницы, содержащие надписи с именами царей Аха (^ch^a), Джера (Dr) и царицы Мернеит (Mr-Nt). Таким образом, оказалось, что все эти лица имели, как будто, по две гробницы, а царь Аха— даже три. Еще в 1895 г. Де Морган открыл в Негаде большую гробницу (площадью в 1458 кв. м), содержавшую надписи с именем этого царя; затем в 1900 г. Петри приписал этому царю одну (№ В19) из нескольких гробниц абидосского некрополя, в которых

¹ ChE, № 22 (1936), стр. 369—372; № 24 (1937), стр. 166; № 26 (1938), стр. 283—285; № 27 (1939), стр. 98—100; № 28 (1939), стр. 263—264; № 29 (1939); JEA, XXIV (1938), стр. 243; XXV (1939); ILN, 2 февраля 1937 г. и 26 февраля 1938 г.; W. B. E m e r y, The Tomb of Hemaka, Cairo, 1938; он же, The Tomb of Hor Aha; AJA, LI, № 2, стр. 192; «Orientalia», n. s., XVII (1948), fasc. I, стр. 119—122.

были найдены надписи с именем Аха. Уже тогда перед наукой встал вопрос о том, какая же из этих гробниц является подлинной гробницей царя. Относительно гробницы в Негаде было высказано предположение, что она принадлежала не самому царю, а его жене царице Нейтхотеп, имя которой также упоминается в надписях из этой гробницы. Однако гипотеза оставляла без объяснения вопрос о том, почему же гробница в Негаде настолько превосходит по своим размерам абидосскую, которая занимает площадь только в 40 кв. м. Другие исследователи, например, Б. А. Тураев, считали, что маленькая абидосская гробница является только кенотафом, а подлинная гробница царя Аха находится в Негаде. Б. А. Тураев высказал предположение, что и другие абидосские гробницы также являются кенотафами, но археологический материал того времени еще не позволял доказать это положение (Ист. др. Востока, I, 1935, стр. 169).

Последние открытия в Саккара заставляют нас пересмотреть всю проблему в целом. Теперь уже известны три гробницы, приписываемые царю Аха, и по две гробницы Джера и Мернейт, а то, что гробница Хемака, «хранителя печати» царя Дена, намного превосходит по своим размерам абидосскую гробницу этого царя, заставляет предполагать, что, кроме абидосской, существовала и вторая, большая гробница Дена. Необходимо найти объяснение этим фактам. Решающим признаком для определения принадлежности гробницы являются печати на втулках кувшинов: правда, имя царя также стоит и на печатях в гробницах его приближенных, но в этом случае всегда наряду с печатью царя употреблялась также и печать самого того лица, которое здесь погребено. Таким образом, поскольку на печатях из гробниц в Саккара и Абидосе, приписываемых Аха и Джеру, стоят только имена самих этих царей, то не остается никаких сомнений, что упомянутые гробницы действительно принадлежали именно им. То же самое относится и к гробнице Мернейт, открытой в 1947 г. в Саккара; принадлежность же абидосской гробницы Мернейт самой царице неопровержимо доказывается наличием погребальной стелы. Таким образом, становится ясно, что одна из каждых двух гробниц, в Абидосе или в Саккара, является только кенотафом, причем сравнение размеров и погребального инвентаря гробниц абидосских и гробниц, раскопанных в Саккара, не оставляет сомнений в том, что кенотафами являются меньшие по размерам гробницы Абидоса: гробницы Аха и Джера, открытые в Саккара, занимают площадь в 651 и 622 м², а гробницы этих же лиц в Абидосе соответственно—40 и 150 кв. м. К тому же ни в одной из этих последних не было обнаружено скелетов или мумий¹ погребенных или же остатков гробов, между тем как в гробнице Аха в Саккара было найдено два скелета, а в гробнице Джера—саркофаг.

Сложнее вопрос о принадлежности гробницы в Негаде: она не только не уступает по своим размерам гробнице Аха, обнаруженной в Саккара, но и значительно превосходит последнюю (гробница в Негаде имеет 1458 кв. м, а гробница в Саккара только

¹ Единственное исключение составляет как будто бы абидосская гробница Джера, в которой была найдена рука мумии со знаменитыми драгоценными браслетами на ней. Как известно, эта рука была найдена в тайнике при выходе из гробницы; никаких других остатков мумии не было обнаружено. Петри предполагал, что рука мумии была сунута в углубление стены грабителями, застигнутыми врасплох, а сама мумия уничтожена. Теперь, когда все вновь обнаруженные факты говорят о том, что абидосские гробницы представляют собой только кенотафы, эта находка нуждается в более серьезном объяснении. Ее следует, очевидно, поставить в связь с расчленением трупов, встречающихся в додинастических некрополях, которые Морэ (A. Moret, *Mystères égyptiens*, P., 1913, стр. 31) сопоставлял с мифом об Озирисе. Интересно при этом вспомнить, что абидосская гробница Джера впоследствии считалась гробницей Озириса. До известной степени интересна и параллель с римским обычаем отдельного захоронения пальца, так наз. *os resectum* (например, Та с., *Ann.*, III, 4.). Таким образом, этот факт не может служить решительным доводом против предположения, что все абидосские гробницы являются кенотафами.

651 кв. м.); кроме того, в этой второй гробнице также были обнаружены кости скелета. Так как в этой гробнице были найдены надписи с именем Нейтхотеп, а в надписях гробницы Саккара не было обнаружено никаких других имен, кроме имени Аха, то остается только предположить, что гробница в Негаде принадлежала именно царице Нейтхотеп. Почему эта гробница значительно обширнее гробницы в Саккара, можно только догадываться.

Вместе с тем абидосские гробницы уступают гробницам Саккара и в архитектурном отношении. Абидосская гробница (№ В 19), приписываемая царю Аха, представляет собой только простую яму, облицованную кирпичом-сырцом, без внутренних подразделений; между тем гробница этого же царя, открытая в 1939 г. в Саккара, состоит из двух ярусов: подземной шахты и наземной кирпичной постройки, повторяющей архитектурный тип городищ I—II династии в Гиераконполе и Абидосе и устройство гробницы в Негаде. Как наземное сооружение, так и подземная шахта разделены на многочисленные камеры; всего таких камер насчитывается 32.

Абидосские гробницы других царей I династии обширнее и сложнее по своему устройству, чем абидосская гробница царя Аха; в них уже имеется деление на центральную, «погребальную» камеру и камеры для хранения погребального инвентаря, но число подразделений и общие размеры гробницы все же значительно меньше, чем в гробницах этих же царей и их приближенных в Саккара. В то время как абидосская гробница Джера имеет только 14 подразделений, а самая большая из абидосских гробниц I династии, гробница Дена,—только 3 камеры с общей площадью 648 кв. м, гробница Хемака, «хранителя печати» этого царя, в Саккара имеет более пятидесяти помещений с общей площадью в 1482 кв. м, а гробница «сехежда винного погреба» и «начальника мельниц» Анххаха (с. h-k'-h)—37 подразделений. Соответственно этому, а также иногда благодаря счастливым случаям, число предметов погребального инвентаря, найденных в Саккара, намного превышает число находок в гробницах абидосского некрополя. Так, например, в гробнице Хемака, хотя и подвергавшейся ограблению, был найден 1721 предмет; в гробнице Джера—полная обстановка царских покоев, множество утвари и продовольствия и т. д.

Таким образом, последние открытия в Саккара не оставляют уже почти никаких сомнений в том, что в абидосском некрополе с древнейших времен ставились только кенотавы царей, настоящие же гробницы цари I династии устраивали, очевидно, вблизи своих земных резиденций.

Этот частный вывод из последних открытий, интересный и сам по себе, имеет также и более общее историческое значение. Зная, что абидосские гробницы являются только кенотавами, мы имеем теперь полное основание ждать открытия подлинных гробниц остальных царей I династии, в том числе новых памятников самого блестящего царствования I династии—царствования Дена, от которого дошли до нас наиболее интересные памятники этого времени, в том числе и весьма важные надписи. Самое последнее открытие в Саккара—раскопки гробницы Мернейт убедительно свидетельствует об этом. Открытия в Саккара показали, что материал абидосского некрополя и все другие памятники, бывшие известными до этих открытий, только в незначительной степени отражают действительную картину развития цивилизации в период I династии. Если раньше можно было думать, что цари этой династии довольствовались небольшими и сравнительно примитивными гробницами абидосского некрополя, то теперь стало известно, что подлинные их гробницы представляли собой уже сложные сооружения, целые загробные дворцы с полной обстановкой, запасами утвари и продовольствия, одним словом, с таким обширным инвентарем, что они напоминают нам в этом отношении гробницы царей Нового царства. Так, например, в гробнице Джера, хотя она и значительно пострадала от грабежей и пожара, были найдены саркофаг, балдахин, катафалк, кресла, ложа из дерева и меди, множество больших керамических кувшинов, полный обед, сервированный для покойного царя, и громадная уникальная коллекция медных инструментов и сосудов: ножи, пилы, мечи, кинжалы (всего 98 штук), сотни игл, зубил и других мелких инструментов и 68 медных сосудов, в том числе много больших кувшинов. До сих пор использование меди в таких размерах известно было только по

памятникам II династии (абидосская гробница Хасехемуи). Эта находка является вместе с тем любопытным подтверждением свидетельства Палермской хроники о походе царя Джера (Атоти) на Синайский полуостров.

Последние открытия дают также чрезвычайно интересный новый материал для характеристики типов погребений различных слоев населения. Открытие в Саккара гробницы придворной аристократии по своим размерам и богатству погребального инвентаря далеко превосходит все известное до сих пор. В отношении архитектуры эти гробницы весьма разнообразны: одни, как, например, гробница Хемака, устроены так же, как и гробницы царей в Саккара; другие представляют собой шахту, высеченную в скале, третьи—имеют совершенно оригинальное устройство, как, например, гробница Небетка. Эта гробница состоит из подземного помещения и двух наземных сооружений, причем первое из них имеет обычную форму, напоминающую снаружи стены крепости, а второе—форму маленькой пирамиды¹.

Здесь же, в Саккара, были найдены и погребения лиц более низкого общественного положения. К югу от гробницы Хемаки в 1939 г. был открыт маленький некрополь, состоявший из 19 небольших грунтовых погребений. 14 из этих могил сохранились в нетронutom виде, и в каждой из них были найдены деревянный саркофаг и по 13 сосудов; на некоторых сосудах были написаны названия плодов и зерна. К северу от Серапеума, еще раньше—в 1936 г., был открыт некрополь из 132 погребений такого же типа, но здесь саркофаги были найдены далеко не во всех могилах, в некоторых трупы были просто завернуты в ткани или цыновки. Подобные же погребения были известны и раньше, например по раскопкам в Эль-Амра, но в отличие от последних, в погребениях Саккара трупы оказались мумифицированными. Мумифицированными оказались и трупы слуг царицы Мернейт из погребений, окружающих ее гробницы в Саккара. Однако характерно, что все эти мумии еще имеют скорченное положение; исключение составляет только одно из 19 погребений, расположенных вблизи гробницы Хемака, где мумия имела вытянутое положение.

В то же время мумии, найденные в царских гробницах, уже всегда имеют вытянутое положение; в таком же положении найдены и не мумифицированные еще скелеты в древнейшей из гробниц Саккара—гробнице царя Аха. Сравнивая этот материал с тем, что было известно ранее, можно установить следующее. Обычай мумификации и захоронения в вытянутом положении устанавливается постепенно в период царствования царей I династии. Первоначально этот обычай был распространен только среди высшей аристократии и ее слуг; однако последние еще продолжают держаться за старые обычаи и придают мумиям скорченное положение. Характерно, что мумия Сабу, одного из высокопоставленных должностных лиц, современника царя Анджиба, имела полускорченное положение. Что же касается остального населения, то оно еще долго продолжает погребать своих покойников без мумификации и в скорченном положении. Об этом свидетельствует материал раскопок Петри в Тархане, где он в 1911—1912 гг. открыл гробницы времени I династии; размеры некоторых из этих гробниц, их устройство и инвентарь, а также тот факт, что они окружены погребениями слуг, все это показывает, что гробницы эти принадлежали знатым лицам. Несмотря на это, в некрополе Тархана обычай мумификации и вытянутое положение трупов еще не встречается. О гробницах рядового населения нечего и говорить: в отдельных случаях скорченные погребения продолжают встречаться вплоть до времени XI династии.

Сравнение материала последних раскопок в Саккара с памятниками, открытыми ранее, интересно и в другом отношении. Как известно, в погребениях рядовых египтян времени I династии никогда не встречается надписи; как правило, отсутствуют в них

¹ Необычную форму имеют и только что открытые гробницы вблизи Хелвана, которые, судя по тому, что в них были найдены многочисленные надписи с именами царей I династии, также принадлежат высшей аристократии. Подробности последних открытий еще неизвестны.

и изделия из меди (некрополи Эль-Амра, Абидоса, Нага-ад-Дер). Даже в упомянутых выше наиболее богатых гробницах некрополя в Тархане также не было найдено ни изделий из меди, ни надписей. То же самое наблюдается и во вновь открытых гробницах Саккара: надписи и изделия из меди встречаются здесь только в гробницах высшей знати.

Таким образом, открытия последних лет еще резче подчеркивают тот факт, что со времени I династии в развитии древнеегипетской культуры наблюдаются две резко противоположные тенденции. С одной стороны, в это время происходит стремительное развитие письменности, ремесленной техники и искусства. Однако все эти культурные достижения составляют привилегию крайне узкого круга высшей аристократии. С другой стороны, наблюдения над памятниками рядового населения показывают, что в это же время происходит резкий упадок в технике изготовления предметов повседневного обихода бедняков.

Несмотря на то, что и сейчас еще, после открытия подлинных гробниц царей Аха, Джера и царицы Мернейт, гробниц Хемана и других должностных лиц времени I династии и их слуг, данные для истории этого периода продолжают оставаться отрывочными, эти открытия все же позволяют сделать ряд важных выводов. С одной стороны, открытия в Саккара показывают, что к середине I династии Египет в социальном и культурном отношении стоял гораздо ближе к Древнему царству, чем это предполагалось раньше. Открытие роскошных гробниц высшей аристократии значительно изменяет наше представление о степени классовой дифференциации населения Египта в этот период; резкие различия в составе погребального инвентаря, устройстве гробниц и способах погребения лиц равного общественного положения свидетельствуют о том, что процесс классовой дифференциации зашел уже весьма далеко.

Однако, с другой стороны, эти же открытия только подтверждают то впечатление, которое оставляют памятники, известные ранее, а именно, что важнейшие успехи в развитии цивилизации были достигнуты за самый незначительный промежуток времени, в течение царствования трех первых царей I династии. Это впечатление основывается, во-первых, на том прогрессе, который наблюдается в течение этого времени в развитии письменности (от полупиктографического письма на печатях Аха до широкого применения фонетических знаков в надписях Дена); во-вторых, на тех важных изменениях в структуре аппарата политической власти, которые происходят в этот же краткий промежуток времени¹, наконец, на тех резких различиях, которые возникают именно в это время в быту и в ритуале погребения различных слоев населения.

Столь резкий перелом в социальной жизни и культуре, стремительность темпа развития, чуждая как всей предыдущей, так и последующей истории Египта, не должны, однако, вызывать удивления. Они вполне закономерны для того времени, времени возникновения государства. Создание государства было величайшим социальным переворотом, который дал могучий толчок развитию новых общественных отношений. Политическая власть, захваченная аристократией, становится для нее орудием эксплуатации остального населения страны и источником стремительного обогащения. Возникновение государства способствует объединению страны, бывшему в условиях долины Нила настоятельной необходимостью; объединение же всей страны под эгидой централизованной деспотии, в свою очередь, способствовало укреплению нового общественного строя: молодое государство уже со времен царя Джера, второго царя династии, начинает вести грабительские войны за пределами страны (см. выше), которые также способствуют росту богатства господствующего класса.

Именно этими причинами объясняется тот резкий перелом в культурном развитии Египта, который так поражал всегда воображение буржуазных ученых; перелом этот обычно пытались объяснить с помощью всевозможных гипотез о миграциях, «культур-

¹ См. Н. П о с т о в с к а я, Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте, ВДИ, 1947, № 1, стр. 233—249.

ных влияниях» и «этническом синкретизме». Все эти гипотезы лишены серьезных оснований, и часто сами их авторы вынуждены подчеркивать недоказуемость своих теорий (например, Зетев в «Urgeschichte und älteste Religion der Aegypten»). Да и нет никакой нужды в этих гипотезах: методологически правильная постановка вопроса сама подсказывает его решение, а каждое новое открытие подтверждает правильность этого решения. Открытие новых надписей IX династии, которого мы вправе ожидать теперь, без сомнения прольет новый свет на важнейшие вопросы истории развития древнеегипетского государства.

В заключение необходимо остановиться еще на одном частном, но весьма важном вопросе, который выдвинулся перед наукой в связи с открытиями в Саккара. В 1939 г. к востоку от гробницы Хемака был вскрыт интересный памятник, относящийся к комплексу сооружений этой гробницы. Памятник этот представляет собой небольшой некрополь, окруженный низкой толстой стеной из кирпича. Некрополь заключал в себе мумии птиц и собак, завернутые в тонкие ткани и покоящиеся в деревянных, инкрустированных яблонем и слоновой костью, саркофагах. Здесь же внутри ограды найдено было человеческое погребение; труп этого человека был мумифицирован, но саркофаг отсутствовал.

Открытие этого некрополя опровергает широко распространенное мнение, что «почитание животных в виде культа, обыкновенно соединяемое нами с древним Египтом, есть продукт позднейшего времени, возникший в эпоху упадка народа, в конце его истории»¹. В буржуазной литературе это мнение не вызывает обычно никаких возражений, так как оно находится в полном соответствии с общей тенденцией модернизировать древнеегипетскую религию, искусственно придать ей черты духовности и морали.

Н. М. Постовская

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФАРАОНА АХТОЯ УАХКАРА

История царствования фараона Ахтоя, который вступил на престол в последней четверти XXII в., может быть освещена значительно полнее, чем история всех других представителей IX—X династий, благодаря наличию армитажного папируса 1116 А, а также современных ему надписей, сохранившихся в Хатнубских каменоломнях и в гробнице сиутского номарха Тефьеба².

Повидимому, уже конец царствования отца Ахтоя проходил в обстановке обостряющейся борьбы. Война с Фивами началась позднее при Ахтое, и, как показывает надпись сиутского номарха Хети I (там же, гробница V), современника отца Ахтоя, на юге мирная жизнь еще ничем не была нарушена, хотя в Фивах в это время уже правил независимый фараон Антеф I Сехертауи. Вероятно, политическая обстановка конца царствования отца Ахтоя объясняется возникшими волнениями среди бедноты, восстаниями в номах и борьбой с азиатскими кочевниками. Эти события нашли яркое отражение в поучении Ахтоя Уахкара, адресованном сыну его Мерикара, наследнику гераклеопольского престола. К концу царствования самого Ахтоя политическая обстановка еще больше осложнилась войной с фиванским царем Антефом II Уаханхом.

Эта историческая обстановка объясняет появление в этот период поучения, в котором фараон, суммируя весь свой политический опыт, преподает сыну, будущему фараону, основы управления государством и раскрывает сущность внутренней и внешней политики фараоновской власти. Почти все буржуазные исследователи, занимавшиеся этим текстом, — Шарф, Антес, Шпигель, Море, Кеес, Фольтен и др. —

¹ Д. Брэстед, История Египта, I, стр. 62.

² Издание гробниц: Griffith, The inscription of Siut and Der Rifeh, гробница III.

ограничиваются только этим объяснением. Однако причины появления поучения лежат гораздо глубже. Эрмитажный папирус 1116 А—это первое царское поучение, дошедшее до нас. В строке 109-й папируса упоминается поучение царя Ахтоя (повидимому, Ахтоя I), но оно не сохранилось. Вполне возможно, что Ахтой Уахкара заимствовал ряд мыслей и выражений у своего предшественника, недаром он так часто ссылается на мудрость предков. Во всяком случае, совершенно очевидно, что при царях IX—X дин. впервые появились в истории Древнего Египта царские поучения. Не случайно, конечно, что время их возникновения падает на смутное время перехода от Древнего к Среднему царству. Появление поучений связано с изменениями, которые произошли во взглядах на царскую власть после падения Древнего царства.

В Древнем царстве фараон—«сын бога» и сам «благий бог», который после смерти причислялся к «великим богам», был недостижим для суда людей. Весь строй жизни, сохранивший еще полупатриархальный уклад, казался установленным от начала веков и мироздания. Подобно тому, как стоит земля и светит солнце, как сияют на небе луна и звезды, так извечно и естественно правит людьми владыка обеих земель, «сын солнца» (s^o r^e) и «служитель» или, лучше сказать, «преемник Гора» (šm^{šw} Hr), царь Верхнего и Нижнего Египта. Царская титулатура совершенно четко указывает на существовавшую в Древнем царстве концепцию о божественной природе царской власти, засвидетельствованную также многочисленными текстами, в том числе и религиозными. После бога Гора на земле стали править фараоны, которые считались божественными сыновьями Ра, и их царская власть была тождественной с властью самих богов.

С течением времени изменилась политическая обстановка, произошли глубокие сдвиги в социальной структуре общества, и то, что прежде назвалось таким невыблемым и вечным, было поколеблено. VI династия была последней, цари которой владели обеими землями от Дельты до Элефантины. После смерти Пепи II (около 2400 г. до н. э.) Древнее царство пало. Больше не существовало единого государства, Египет распался на множество обособленных номов, и каждый номарх чувствовал себя независимым царем, самостоятельным владыкой своего города и почти богом, поскольку номархи нередко вводили в свой титул имя локального бога как своего отца¹.

Новое объединение произошло через 200 лет. Перед гераклеопольскими фараонами, которые начали объединение Египта, стояли трудные задачи. Надо было подавить сопротивление и сепаратистские тенденции номов, среди которых были два таких нома, как Гермополь, номархи которого чувствовали себя почти независимыми, и Фивы, где вскоре начинает править XI династия. Надо было оградить Египет от вторжения азиатов со стороны Дельты, надо было расправиться с восстаниями низов. Выполняя все эти задачи, необходимо было поднять престиж царской власти в условиях развенчанной и пошатнувшейся монархии, которую так и не удалось восстановить в границах Древнего царства, нужны были методы идеологического воздействия. Поучение утверждает идею незыблемости и необходимости царской власти для общества.

Старая концепция царской власти не могла уже служить единственным обоснованием царского могущества, существования деспотии. Появляются новые идеи, которые должны по-иному выделить царя среди всех прочих людей, поднять его на недостижимую высоту не только в силу его божественного происхождения, но и в силу его благотворной деятельности. Царь не только потому стоит выше всех и господствует над всеми, что он—бог, но и потому, что он и в своей деятельности лучше всех, праведнее всех, сильнее всех. Он самый мудрый, самый справедливый, самый могущественный из людей. Эти качества возвышают его над людьми, приближают его к богу и делают его достойным правителем. В этих положениях лежит центр тяжести нового идеологического обоснования идеи царской власти, к которому пришли древне-

¹ R. A n t h e s, Die Felseninschriften von Hatnub, Leipzig, 1928, стр. 81 сл.

египетские рабовладельцы в эпоху правления фараонов гераклеопольской династии¹.

Эти идеи нашли свое выражение в эрмитажном папирусе 1116 А, известном под названием *Поучение Мерикара*. «Смотри, я говорю тебе о вещах совершенных (прекрасных (от самого нутра моего (от сердца), и да будешь ты поступать в качестве того (согласно тому), что поставлено перед тобой). Так кончается «Поучение», и в этих заключительных строках дан смысл всего текста. Царь рассказывает своему сыну о событиях, имевших место во время его правления. Но это не простое изложение фактов, не хроника событий, а попытка обобщить все совершившееся, дать оценку поступкам и научить будущего царя управлять государством, извлекая уроки из опыта своего отца и поступая сообразно с тем, как учит этот опыт. Несомненно, перед нами плод размышлений над историческими событиями, которыми так богато было время правления гераклеопольского дома, опыт, обобщенный в виде наставления, с целым рядом совершенно конкретных указаний, как надо поступать в том или другом случае. Наряду с этим мы встречаем в «Поучении» многочисленные сентенции, в которых автор, вероятно, не сам царь, а придворный мудрец, пытается сформулировать абстрактные положения о характере царской власти, о долге, о добре и зле.

По существу перед нами политический трактат, который устанавливает определенные нормы, обязательные для правителя государства—царя. Академик Тураев дал очень высокую оценку этому тексту, как «первому в истории царскому поучению». Однако оценка Тураева несколько односторонняя. Он не вскрывает всего политического смысла этого памятника. Между тем «Поучение», несомненно,—политический трактат, первый известный нам в истории развития политических учений, хотя и редко отличающийся от политической литературы другого рабовладельческого общества—Греции.

Египетский политический трактат возник на иной общественной почве, в иной политической обстановке, в условиях восточной деспотии. «Поучение» трактовало только вопрос о царской власти и предназначалось только для царя, единственного лица, которое считалось носителем политической власти. «Поучение», по существу, направлено на утверждение деспотии. Другая отличительная черта этого трактата от политической литературы классической древности—это примитивность политической мысли и политического языка. Египетский автор постоянно прибегает к иносказаниям, метафорам, пословицам, у него нет умения обобщать, нет даже четкого плана изложения. Исторический рассказ переплетается с сентенциями, мифами, с изложением религиозных взглядов и наставлениями политического характера, при этом нередко нарушается последовательность, и одни, и те же идеи повторяются несколько раз в разных местах. Однако религиозные и исторические разделы папируса, так же, как и разделы, посвященные этике, подчинены одной политической идее, которая красной нитью проходит через все «Поучение» от начала до конца. Рассказ об исторических событиях служит лишь иллюстрацией того, к чему приводит та или иная политика царя, этот пример должен показать и научить, как надо действовать и как не следует поступать. Этические и религиозные концепции также служат обоснованию политических идей.

¹ Неправильно оценивая социальную обстановку в изменившихся условиях переходного периода, Море все же отмечает новые черты, появившиеся во взглядах на царскую власть. Он правильно замечает, что царь начинает с небес сходить на землю. A. Moret, ук. соч., стр. 357.

² В этом отношении египетский трактат находится вполне на уровне египетской (да и вообще древневосточной) науки, которая не достигла еще умения обобщать и оперировать абстрактными понятиями. В математике еще не появились аксиомы и теоремы, она представляла собой собрание различных приемов для решения конкретных задач. В медицине сохранились описания отдельных патологических случаев, философия была собранием притч и изречений.

Мы встречаем у Шарфа¹ попытку разделить текст на отдельные части. Так, строки от 1-й до 68-й он считает чем-то вроде введения, строки от 110-й до конца—изложением религиозных вопросов, строки 68—110 являются, по его мнению, основой содержания текста, его историческим ядром. Едва ли можно согласиться с Шарфом в полной мере. Даже в исторической части папируса нет связанного рассказа об исторических событиях в их хронологической (или любой другой) последовательности. Исторические факты, намеки на отдельные события тесно переплетаются с общими рассуждениями религиозного и морально-этического характера. С другой стороны, в первой и последней частях имеются несомненные указания на различные исторические события—на восстания, на войну с Фивами, на политику гераклеопольцев на юге. Первые двадцать строк папируса сильно фрагментированы, а самое начало вовсе не сохранилось. Несомненно, что события напряженной классовой борьбы, мятежи и восстания, создавшие весьма трудную и сложную обстановку для правителей гераклеопольского дома, сыграли известную роль в появлении «Поучения». Из фрагментированных фраз и отдельных слов первых 26 строк можно установить, что речь идет именно об этих событиях, которые потрясли все государство; наказанию мятежников автор «Поучения» придает огромное значение. Папирус, повидимому, начинался с указания, как поступать с виновниками восстаний. Далее идут наставления царю—он должен быть добрым, сильным, мудрым, стремиться к знанию и следовать примеру предков. Затем следуют указания на необходимость поступать справедливо, придерживаться определенной линии по отношению к богатым и бедным, и снова мысль возвращается к идее праведности и мудрости царя.

Основной круг идей этого памятника можно разделить на следующие группы: 1) историческая часть, 2) взгляды на сущность царской власти, права и обязанности царя, 3) внутренняя политика—отношение к подданным (в зависимости от их классовой принадлежности), подавление восстаний, политика по отношению к наиболее крупным номам, 4) внешняя политика—взаимоотношения с югом (Фивы) и севером (азиаты и ливийцы), 5) морально-религиозные концепции.

Управление. Для характеристики организации управления Египта при Ахтхе «Поучение» дает очень скудный материал. В нем встречаются в двух местах «шепнут» и один раз упоминается «джаджат», правда, в смысле загробного суда. Основное внимание уделяется вельможам (*šrw*) и войску (*ḏ³mw*), в положении которых намечаются некоторые изменения; много места отводится царской власти, ее характеристике и значению. Остается предположить, что в целом организация политической власти в стране в эпоху гераклеопольской династии не претерпела изменений по сравнению с Древним царством. Изменился, однако, взгляд на самую царскую власть, на значение вельмож и войска, и, следовательно, изменилось и содержание этих понятий.

Царская власть. В «Поучении» нет раздела, специально посвященного определению природы и сущности царской власти. Можно в какой-то степени говорить о стремлении дать в «Поучении» систематическое изложение вопросов внешней политики на севере и юге, внутренней политики в отношении Дельты, мятежников и бунтовщиков. Однако в «Поучении» нет даже и попытки свести воедино все сентенции, касающиеся царской власти. Изречения и афоризмы, наставления и пословицы, определяющие сущность царской власти, и правила поведения царя разбросаны по всему тексту «Поучения».

Основной догмат, восходящий к Древнему царству,—догмат о божественном происхождении царя—остается незыблемым во все время существования Древнего Египта. В «Поучении» мы видим развитие этого догмата в новых условиях. Царь не только происходит от бога, является божественным отпрыском великих богов, но бог сам направляет царя, дает ему законы управления государством, создает царскую

¹ A. Scharf, Historischer Abschnitt der Lehre für König Merikare, SBAW, 1936, Heft 8.

власть, как опору для подданных. «Создал он (бог) для них (для людей) царскую власть как поддержку, чтобы поддержать спину разбитого» (стр. 135—136). Здесь впервые появляется идея целесообразности царской власти, подчеркивается ее необходимость. Идеи божественного происхождения царя встречаются в «Поучении» очень редко, о ней говорится в беглых выражениях. Идеи же о целесообразности царской власти, ее необходимости, как новые идеи, которые надо было утверждать и внедрять в сознание, являются преобладающими во всем «Поучении».

«Поучение» старается доказать, что царь опекает людей, заботится о них, охраняет их от зла. Это добрый пастырь, которого бог поставил над людьми: «Заботься о людях—пастве бога» (стр. 130—131). Личность царя, стоящего во главе всех людей и опекающего их, поднимается на большую высоту: «Возвышен он (т. е. царь) перед множеством людей на земле» (стр. 116)¹. Возвышение царя над людьми понимается не только как результат неограниченной власти над людьми, но и как результат его внутреннего морального совершенства, его личных качеств. Если собрать воедино все черты характера царя, которые обрисованы в «Поучении», получается образ идеального царя, вполне соответствующий интересам рабовладельческой верхушки египетского общества гераклеопольского периода. «Поучение» требует от царя не только силы, но и политической мудрости.

Царь должен быть мудрым и сильным. Иногда это синонимы, так как мудрость—это сила царя. Мудрость предопределена царю еще до его рождения. «Мудр он при выходе из чрева» (стр. 115—116), мудрость—неотъемлемое качество царя, он—царь, следовательно, он мудр. «Знающий (т. е. мудрый, мудрец)—это владыка обеих земель» (стр. 115). Однако, хотя мудрость присуща царю, независимо ни от каких обстоятельств, но этот данный ему богом дар должен совершенствоваться в дальнейшем. Царь должен стать еще более мудрым, «искусным сердцем», т. е. проницательным, находчивым, чтобы его нельзя было обмануть: «не обходят искусного сердцем» (стр. 32—33). Он должен прямо смотреть событиям в лицо, видеть все, что делается вокруг него, и никому не доверять, кроме себя самого: «живи с открытым лицом, ибо доверчивый превратится в несчастного». Эта же мысль повторяется опять через 100 строк в несколько иной форме: «Открой лицо твоё, возвысься в качестве человека» (стр. 139). И все же, хотя царь возвышается над всеми не как бог, а как человек,—нет перед ним равных среди людей, нет таких, которые перед лицом его были бы достаточно совершенными и праведными: «нет праведного среди множества людей для владыки обеих земель» (стр. 41).

В идеальном образе царя, созданном в «Поучении», появляется новая черта. При сохранении представления о царе как божестве, столь обычном для египетского мировоззрения, царь выступает в «Поучении» как человек: «возвысься в качестве человека» (стр. 139). Его дела подсудны богам. Мудрость, высокое положение царя налагают на него больше обязанностей, тем строже с него спрашивают на суде и оценивают его поступки: «Джадат юга (загробный суд в данном тексте) судит мудрого. Знай, немилостивы они в день суда над бедняком, в час выполнения обычая. Плохо это, когда доносят о мудром» (стр. 53—54). Смысл этой фразы раскрывается в строке 139-й «Да достигнешь ты меня (т. е. станешь подобным мне) так, чтобы не было жалующихся на тебя». Судьи загробного суда разбирают дела о жизни бедняка, и плохо придется тогда царю (мудрому), если на него будет жалоба со стороны бедняка, которого он должен защищать. Судьи не будут милостивы к мудрому, оправданием не будет и долгая жизнь, поэтому «не полагайся на долготу лет. Смотрят они (судьи) на жизнь, как на час». Дела человека остаются после смерти. «Кладут дела его рядом с ним в кучу. Вечность—это пребывание там. Если ты достигнешь этого (т. е. вечности), не делай греха, будешь ты подобен богу, свободно шагающему, подобно владыкам веч-

¹ В тексте дословно «возвышен он перед теми, которые находятся во множестве на земле», т. е. перед подданными.

ности» (стр. 54—56). Таким образом, в «Поучении» проскальзывает мысль, что судьба царя зависит от людей, от его подданных, к которым в какой-то мере прислушиваются боги, совершающие суд над царем. Сочетание мудрости, силы и праведности отличает царя от прочих смертных и ставит его над людьми. Представление о силе царя очень своеобразно. С одной стороны, это сила его войска—«полезны отряды для владыки» (стр. 63), это—богатство знати—«величие царя, это величие вельмож; силен царь, владыка Шенут. Полезно богатство вельмож» (стр. 44—45). С другой стороны, это представление о силе его слова, которая понимается в значении умения владеть речью, умения заставить повиноваться при помощи искусного и властного слова: «Будь искусным в речах, и ты будешь силен. Могущество для (царя)—это сильный язык. Слово сильнее, чем оружие» (стр. 32), но не всякое слово дает силу. Оно должно быть словом истины, которого бояться все, даже могущественная знать: «твори истину в доме твоём, и будут тебя бояться вельможи, которые на земле» (стр. 34).

Царь должен быть добрым: «не будь влым, ибо доброта радует сердце» (стр. 36), он обладает хорошим характером, который обеспечивает ему блаженство,—«небо для человека—это хороший характер» (стр. 31). Царь—«владыка радости» (стр. 79), в его власти давать радость людям, создавать счастье на земле работами о своих подданных, в первую очередь о тех слабых, для кого он поставлен богом как опора: «твори правду, пока ты существуешь на земле, утешай плачущих, не притесняй вдову» (стр. 47). Эти идеи, ставшие обычными в многочисленных ваупокойных стелах, появляются в конце Древнего царства. В «Поучении» они получают более широкое развитие, принимают уже форму проповеди долга царя перед его подданными: «заботься о людях, пастве бога» (стр. 130—131), «создавай спокойствие силой твоей» (стр. 80).

В основе отношений между царем и подданными должна лежать любовь к царю, создающему счастливую жизнь,—«всели в людей любовь к тебе» (стр. 141). И тогда в стране наступит полное благополучие, все люди будут восхвалять царя за благодеяния и молиться за него перед богом: «проходят мимо тебя восхваления за добро твое, молятся о твоём здоровье перед (богом)» (стр. 37—38); это будет лучший памятник царю, воздвигнутый любовью его подчиненных, «увеличивай памятники твои любовью к тебе» (стр. 37). В основном долг царя перед людьми сводился к тому, чтобы заботиться о подданных, править ими: «Избегай зла, и ты скажешь—погибло время страдания» (стр. 141—142). Идея долга царя перед подданными тесно связана с представлением о миссии царской власти. Величие царской власти здесь понимается не в смысле пышного ритуала или нечеловеческой силы царя (столь характерного представления в текстах пирамид), а в том служении людям, к которому обязывает царя его сан. «Должность прекрасная царская власть» (стр. 116)¹. Его справедливые поступки и любовь подданных обеспечат ему загробную жизнь, даже если «у него нет ни сына, ни брата, которые поддерживают его памятники, один украсит это для другого» (стр. 117).

«Поучение» последовательно раскрывает, что значат эти абстрактные рассуждения о «доброте» и «справедливости» фараона. Оно четко излагает, по отношению к кому царь должен быть добр, на кого он должен опираться и кем он должен дорожить.

В е л ь м о ж и и в о й н ы. В обществе, раздираемом классовыми противоречиями, фараон выступает как защитник интересов своего класса, тех социальных групп, которые являются опорой его трона. Поэтому все благодеяния царя, разумеется, были обращены на египетскую знать, на те новые социальные слои, которые выделяются в этот период из среды рядовых общинников и входят в число рабовладельцев. «Добрым

¹ Термин *j'wt* обычно употребляется в значении «должность». Он известен со времени Древнего царства. Начиная со Среднего царства, этот термин встречается и в значении «царская власть». См. папирус Westcar 9,24. Впервые в этом понимании термин *j'wt* известен в армитажном папирусе 1116 A, стр. 116.

пастырем» царь был только для египетской знати, чиновников, воинов, так как, проводя такую политику, фараон создавал прочную опору своей власти. В условиях обострившейся классовой борьбы, политической борьбы за единое государство и войн с кочевниками на севере Египта царская власть нуждалась в мощном государственном аппарате, в чиновничьей знати, которой можно было вполне доверять, в сильной армии, которое и на внешнем и на внутреннем фронте могло выступать на защиту царского дома. По отношению к ним царь должен быть и добрым, и справедливым, и щедрым. «Почитай вельмож» (стр. 38), требует Ахтой от своего сына. Вельможи—это главная опора трона, так как «велик царь величием вельмож» (стр. 44). Вельможи создают государственные законы, их надо поставить для этого на большую высоту; «возвышай твоих вельмож, и да делают они твои законы» (стр. 42—43). Царю «полезно богатство вельмож» (стр. 45), так как на богатого человека царь может вполне положиться: «не пристрастен богатый человек в доме своем. Он владыка вещей, не имеет нужды» (стр. 43).

Наряду с усилением вельмож, которые являются руководящей верхушкой в государственном аппарате, необходимо было усилить военную мощь государства, создавая отряды войск, состоящие из молодежи. Термин «джаму» имеет здесь значение «воины» (ср. Хатнубские надписи, ук. изд.). Джаму являются молодыми воинами. На это указывает Хатнубская надпись 24.6 сл., где говорится о том, что были набраны отряды джаму из юношей, тогда как старые воины из отрядов джаму были отпущены домой и они стали жить как граждане, не беря больше оружия в руки. Ахтой III указывает на молодежь, достигшую двадцатилетнего возраста, годную для военной службы. Для создания из них действительной опоры трона, верного войска необходимо удовлетворять их желания. «Смотри—вот твои горожане, множество среди них таких, которым исполнилось двадцать лет. Джаму приятно, когда удовлетворяют их желания» (стр. 58). В чем выражается удовлетворение желаний джаму, видно из дальнейшего: «Увеличивай твоих воинов, твоих телохранителей, снабженных списками, обеспеченных землей, одаренных стадами» (стр. 60—61). Войско также должно быть обеспечено, как и вельможи, для того чтобы защищать царя и интересы того класса, который олицетворяет фараон. Усиление войска—это не личное дело царя, это также важно для правящих слоев. «Возвышай твоих воинов, это любит столица» (стр. 57) или, лучше сказать, «в этом заинтересована столица».

Войско в Гераклеопольском государстве было децентрализовано. В номах существовала своя военная организация. Свои отряды воинов были в Гермополе, так было и в Сиуте. Сиутские номархи имели свой флот, свои отряды пехоты, во главе которых становились они сами¹. К сожалению, скудные данные о войске в сиутских текстах не позволяют сделать заключения о социальном составе его. Некоторый свет проливают на этот вопрос надписи гермопольских номархов. В Гермополе, так же как и в Сиуте, существовало свое войско при дворе номарха. С одной стороны, это было обычное войско (*ṯš*)². Поскольку этим термином *ṯš* определяются отряды и воинов, и рабочей силы в разных случаях, возможно предположить, что эти военные отряды являлись ополчением, так как они набирались из массы рядовых свободных (так же, как и отряды рабочих) на тот срок, когда в них была необходимость. Отряды, состоящие из *d'mw*, были уже регулярной армией, набравшейся на постоянную службу за счет государства. Они получали землю, скот и, по видимому, рабов («списки», стр. 60—61). По истечении срока военной службы они выходили из войска, становились недже-сами, т. е. возвращались к своему первоначальному состоянию. Таким образом, набор постоянного войска происходил из среды рядовых свободных граждан в возрасте двадцати лет.

Однако, как в обществе, так и в войске происходит внутреннее расслоение, и отряды, состоящие из джаму, не все одинаковы. В хатнубских текстах встречаются отряды джаму,

¹ Цит. издание Griffith's, надписи в гробницах III и IV.

² Термин *ṯšw*—военные отряды—известен со времен Древнего царства, *d'mw*—со Среднего.

связанные с сильными неджесами (*nḏs kṇ n ḥnw ḏ'mw*)¹. Это, очевидно, высшая военная знать, вернее молодежь, которая, как указывает Ю. П. Францов, ищет выхода из уже разложившейся к этому времени патриархальной семьи². Эти отряды джаму, связанные с сильными неджесами, новой социальной прослойкой, появившейся в этот период, занимали в войске привилегированное положение. Наряду с неджесами в эти отряды входили и сыновья чиновной знати и даже самого номарха.

Но не только в войско получили доступ «простолюдины» (неджесы), им открыт был путь и ко двору, т. е. к высшим должностям. Ахтой требует, чтобы человек был возведен в высокий сан не за его происхождение, а за его ум и личное достоинство. Принадлежность к знати не дает еще право занимать человеку более высокое место, чем неджес. «Не возвышай сына человека больше, чем неджеса. Пусть будет приближен к тебе человек за дела рук его» (стр. 61—62). Нет никакого сомнения в том, что под неджесом Ахтой подразумевает «сильного», т. е. богатого, неджеса. Ряды египетского служилого сословия, как гражданского, так и военного, пополнились новым составом людей, вышедших из среды рядовых свободных, ставших людьми, обладающими имуществом, вероятнее всего—землей на высоких полях и рабами.

Для воспитания молодежи, которая должна в будущем вступить в ряды царских чиновников, при дворе имелась школа, где дети знати воспитывались вместе с наследником престола, будущим царем. Ахтой говорит сыну о тех людях, с которыми последний учился в школе. «Не убивай человека, если ты знаешь его добродетель. Ты распевал писания вместе с ним» (стр. 50—51). Царская школа выпускала преданных фараону людей, которые впоследствии занимали высокие должности и всегда помнили о своей близости к царю. Таким был сиутский номарх Ахтой I, который воспитывался в подобной школе (Сиут, V). Ахтой требует от сына бережного отношения к знати. Возможно, что это было вызвано тем, что в прошлом Ахтой I, основатель династии, борясь с номовой знатью за возвышение Гераклеополя, круто обошелся с ней, чем заслужил печальную славу жестокого царя, переданную Манефоном. Ахтой Уахкара ищет у знати опоры. Царь должен обогащать знать, от него требуют, чтобы ни имущество знати, ни должности не являлись причиной гонения на них: «не прогоняй человека из-за вещей отца его, не вреди вельможам из-за их мест» (стр. 47—48). И далее—«остерегайся наказывать несправедливо. Не убивай, нехорошо это для тебя. Наказывай ударами и заключением. Будет земля устроена благодаря этому» (стр. 48—49). Сложная обстановка при дворе гераклеопольских фараонов требовала полного отказа от казней вельмож. В конце папируса мы снова встречаемся с этим положением: «Не убивай того, к которому ты приблизился, если ты хвалил его» (стр. 139—140). Эти приближенные составляют опору царя: «каждый из них [т. е. из приближенных]—это твое процветание на земле» (стр. 140).

Суммируя изложенное, можно сказать, что богатая прослойка рабовладельческого общества составляла основную базу, на которую опирался царь, чьи интересы он выражал и защищал. Они пользовались рядом привилегий. Независимо от происхождения, будь он знатный или простолюдин, богатый человек мог быть приближенным ко двору, богатство является основой добродетели для человека, богатый—это основа государства.

Отношение к бедному человеку выражено в «Поучении» в откровенных и резко отрицательных формулировках и находится в полном противоречии с отношением к бо-

¹ *nḏs kṇ n ḥnw ḏ'mw* встречается только один раз (Hatnub, 27, 2. Однако в данном случае следует допустить ошибку писца, т. е. пропуск слова *kṇ*, так как лицо, которому принадлежит надпись 27-я, жрец Гора, придворный монарха. Вряд ли он мог быть в это время простым неджесом («простолюдином») и стоять во главе отряда, посланного в Хатнуб. Нельзя на основании этого единственного места делать вывод, что «*nḏs kṇ n ḥnw ḏ'mw*» и «*nḏs n ḥnw ḏ'mw*» —это два военных титула высшего и низшего ранга; R. A n t h e s, ук. соч., стр. 37, комментарий.

² Снегирев и Ю. Францов, Египет, Л., 1938, стр. 159.

гатым людям. Несколько сентенций, в которых Ахтой напоминает своему сыну о необходимости поддерживать слабого, заботиться о вдовах и сиротах, остаются пустой фразой¹. Они ни в какой мере не могут скрыть подлинного лица «доброго пастыря», «идеального царя», заботливого по отношению к представителям своего класса, злобного и жестокого по отношению к низшим классам. Мораль в этом поучении древнего Египта, как всегда и везде, имеет свой ярко выраженный классовый характер.

Восстания бедноты. В эпоху правления Гераклеопольской династии в Египте социальные отношения в среде свободных начинают изменяться. «Поучение» резко ставит вопрос о бедных и богатых, оно подчеркивает коренные различия между людьми, лишенными средств производства, не имеющими имущества, бедняками, и, с другой стороны, людьми, владеющими землями, рабами. Процесс расслоения внутри свободных можно проследить по хатнубским надписям гермопольских номархов и по текстам сиутских гробниц. В гермопольских документах мы уже встречаемся с термином «сильный неджес», который, как доказал академик В. В. Струве, обозначает выделившихся из общины зажиточных рабовладельцев.

В эпоху Среднего царства рабовладельческий строй в Египте вступил в ту фазу своего развития, когда четко определились все его основные противоречия, вылившиеся около 1750 г. до н. э. в грандиозное восстание, известное по Лейденскому папирусу 344 и по армитажному папирусу 1116 б. Однако начало восстаний относится уже к переходному периоду между Древним и Средним царством. «Поучение» Ахтоя Уахнара является первым документом, в котором имеются указания на подобные восстания масс. Правда, в «Поучении» нет связного рассказа о восстании, изложения хода событий, как в речениях Ипувера или пророчестве Ноферреху. Но из тех указаний, которые дает царь, как надо действовать в случае восстания, как расправляться с бунтовщиками, можно сделать только один вывод—Ахтой был свидетелем таких восстаний либо в царствование его отца, либо в свое собственное правление. «Поучение» четко выражает идеологию рабовладельцев.

Богатый—это основа трона и порядка. «Царь велик величием вельмож своих. Силен царь владыка шенут. Полезно богатство вельмож» (стр. 44). Богатый (вельможа) ни от кого не зависит,—он не должен ни за кем следовать вопреки своим принципам, он не лицепристает и поступает по совести: «не пристрастен тот, кто богат в своем доме, ибо он владыка вещей, не имеющий нужды» (стр. 43).

В противоположность этому бедняк не праведен и несправедлив: «Не говорит бедняк правды своей. Неправеден тот, кто говорит: «о, если бы я имел», пристрастен он ради владыки счета его» (стр. 43—44). Бедняк по природе своей враждебен царю и тем, кто богат. Он беден, следовательно, он враг,—такова основная мысль «Поучения». «Не знающий (т. е. не имеющий) вещей—это бунтовщик» (стр. 40), «страдающий отсутствием вещей—это враг» (стр. 68). Бедняк, человек лишенный средств производства, становится синонимом слов бунтовщик и враг. Человек, у которого ничего нет, опасен тем, что он хочет иметь («о если бы я имел»). В «Поучении» ярко выражена боязнь бедноты, проповедуется жестокое отношение к бунтовщикам, высказывается требование применять к ним самые тяжелые и суровые наказания. В «Поучении» много говорится и о наказаниях вельмож, но в отношении них проповедуется мягкость и снисходительность: «Остерегайся наказывать несправедливо. Не убивай, нехорошо это для тебя, наказывай ударами и заключенцем» (стр. 48, 49). Совсем иной тон появляется в «Поучении, когда речь идет о мятежниках: «Бог знает мятежника; бьет бог грехи его кровью его» (стр. 49—50), «проходит жизнь его (мятежника) на земле, не продлится она» (стр. 40—41), т. е. мятежник недостоин того, чтобы попасть в загробное царство. Даже память о нем должна быть

¹ Умиления буржуазных исследователей (V o l t e n, а также B r e a s t e d, The D a w n o f c o n s c i e n c e, 1946) по поводу высокой гуманности идей и морали древних египтян нелепы. За ними ясно открывается стремление буржуазных ученых создать концепцию внеклассовой и надклассовой морали без учета социальной среды и общества.

стерта и его имя выскоблено на памятнике (стр. 24). Если сравнить это место с теми строками, где царь проявляет величайшую заботу о продлении жизни за гробом, об увековечении памяти за добрые дела, то становится ясным, что смертная казнь и лишение загробного блаженства являются самыми страшными наказаниями для преступника, участвовавшего в восстании или даже только в заговоре. Никакой мягкости и сострадания к страшному классовому врагу. «Кротость это—пеступление—наказывай» (стр. 29). Жестокие наказания нужны для того, чтобы другие побоялись следовать примеру мятежников, так как враг не одинок, их целая масса, «толпа» (как говорится в тексте), готовая воспламениться в любой момент, соединившись с рабами, людьми, отданными в рабочие дома (стр. 29)¹. Надо уничтожить эту страшную силу любыми способами, любой жестокостью: «уничтожай толпу, гаси пламя, исходящее от нее» (стр. 27).

Идеальный царь—«добрый пастырь»—должен выступать в роли беспощадного карающего судьи, когда затронуты интересы класса рабовладельцев.

Восстание в номах. Подвергнув внимательному изучению все высказывания «Поучения» о восстаниях и мятежниках, мы можем сделать ряд дополнительных выводов о политической обстановке в Египте той эпохи. «Поучение» начинается с рассказа о мятежниках, которые поднимают восстание, опираясь на своих рабов и подданных. К сожалению, начало папируса настолько фрагментировано, что вместо связного текста мы располагаем отрывочными фразами, иногда даже не полностью сохранившимися.

В тексте папируса встречаются указания, что мятежник, в отличие от бедняка бунтовщика, бывает сильным человеком, опирающимся на своих людей, приверженцев, которые находятся в зависимости от него. Его рабы любят его (стр. 13), он «хорош» в глазах его подданных (стр. 23). Он привлекает на свою сторону людей из города, силою своих речей он возбуждает их сочувствие: «враг для города—это говорящий» (стр. 27). Из своих рабов он создает отряды воинов: «вот делает он из рабов два отряда молодых воинов» (стр. 25). Восстание, которое поднимает такой мятежник, приводит к гражданской войне, «это восстание горожан, это гражданская война» (стр. 24—25). Руководителем такого восстания не может быть представитель низов, бедноты, о котором шла речь выше. На это имеются указания в самом «Поучении»: «не возвышается мятежник из бедняков..., который замышляет восстание» (стр. 27). Как по отношению к бунтовщикам из бедноты, так и по отношению к своим врагам из среды номовой знати, посягнувшим на его трон или на целостность его государства, Ахтой требует суровых и решительных мер.

В период охватывающий время от падения Древнего царства до возвышения Гераклеополя, большинство номархов чувствовали себя независимыми царьками в своих владениях. Гераклеополю силою оружия приходилось утверждать в номах свою власть. Очевидно, не во всех номах это произошло одинаково успешно, некоторые из них делали попытки восстановить свою самостоятельность. Прежде всего так, вероятно, обстояло дело в Дельте, в Гермополе. Намек на восстание в Дельте имеется и в самом «Поучении»: «встал царь в городе, сердце его было скорбно из-за Дельты» (стр. 82) «Поучение», повидимому, здесь, имеет в виду одного из предшественников Ахтоя. Это обстоятельство указывает на то, что в Дельте в этот период было неспокойно. Ахтою удалось подавить восстание в Дельте: «мятежник из Дельты в руке твоей... Повинности из Дельты в руке твоей» (стр. 87—88). При нем Дельта была окончательно усмирена, и в ней удалось наладить развитие мирной жизни. Для определения мятежника Ахтой употребляет термин *ḥkw ib*. Этот же термин *ḥkw ib* встречается в строке 4-й («увеличиваются мятежники»), где, судя по оставшимся фрагментам, следует также изложение событий, связанных с мятежами. Это, конечно, не те мятежи, которым посвящены строки 81—89. Вероятнее

¹. Перевод этого места очень темен, особенно ввиду сильной фрагментированности текста.

всего, что в начале Ахтой имеет в виду восстание в среднеегипетских номах, скорее всего в Гермополе. Кроме Сиута и Гермополя, в Гераклеопольском царстве не было других номов, которые имели достаточно силы, чтобы выступить в борьбу за свою самостоятельность. Восстание в Сиутском номе исключено, так как сиутские номархи, ставленники Гераклеопольского царского дома, возможно даже родственники фараона, всегда являлись опорой трона.

В Гермополе со времени V династии Древнего царства уже появилась династия наследственных номархов. У первых номархов гермопольской династии еще встречается датировка по годам правления царя. После падения Древнего царства исчезает из надписей имя царя, остается только глухое упоминание о «царе», о «царском доме». Все надписи Хатнуба датируются по годам правления номархов, титулатура номарха включает имя локального бога Тота, подобно царской титулатуре с именем Ра. Уже это указывает на независимое положение гермопольских правителей. Гермополь располагал достаточным количеством войска, чтобы двинуть его против столицы и, опираясь на своих подданных и приверженцев в городах, поднять настоящую междоусобную войну. Ахтой говорит об отрядах джаму, созданных мятежниками: «отряды джаму воюют против джаму в некрополе из-за Египта» (стр. 68). Удобным моментом для мятежа было восстание бедноты. Не случайно «Поучение» излагает эти события, переплетая вместе рассказ об обоих восстаниях. По отношению и к тем и к другим мятежникам применяются одинаково жестокие меры наказания. Повидимому, это восстание удалось подавить. Этот вывод можно сделать из общего смысла «Поучения» и из хатнубских надписей, где номархи по-старому продолжают говорить о царском доме, о царе и даже выполняют царские поручения (например, R. A n t h e s, ук. соч.: «привозят камень для царя»).

Привилегированные отряды джаму сделали свое дело в подавлении восстания (стр. 68). Придворная знать оставалась верной царю, и политика Ахтоя Уахкара по отношению к ним полностью себя оправдала.

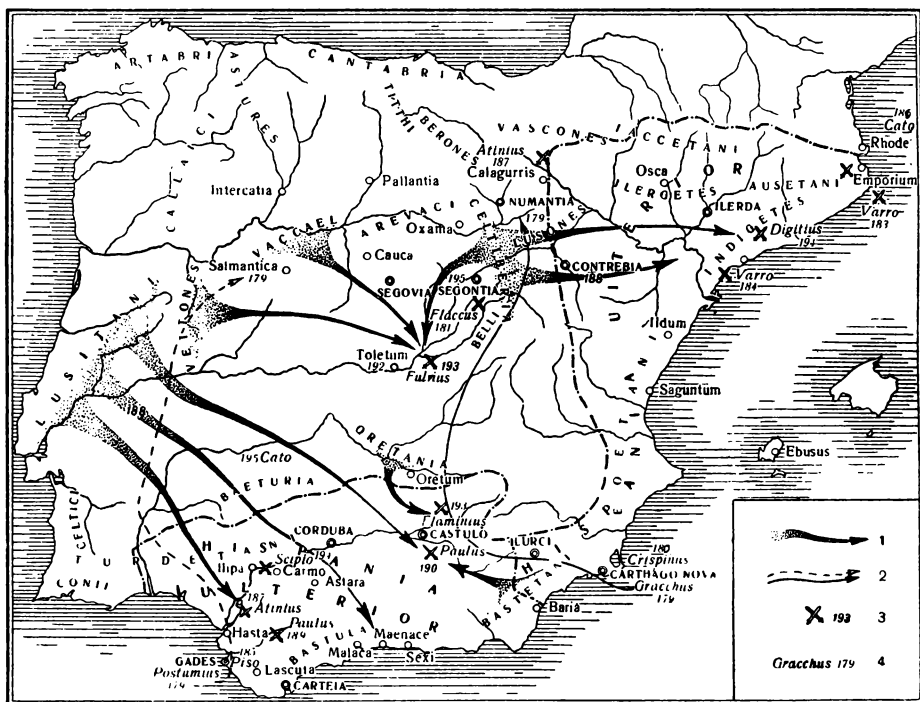
Р. Рубинштейн

1-Я КЕЛЬТИБЕРИЙСКАЯ ВОЙНА 197—179 ГГ. ДО Н. Э.

В исторической науке до сих пор еще слабо изучен первый этап борьбы племен древней Испании против римских завоевателей, который начался в 197 г. и кончился в 179 г. до н. э. Большинство буржуазных ученых в общих курсах игнорируют этот этап в освободительной войне племен Испании (см., например, М о м м з е н, Римская история, I, стр. 639): не нашел этот вопрос должного освещения и в специальной литературе. А. Шультен, который в течение многих лет изучал кельтиберийские племена и их войны с Римом, обратил внимание на события, происходившие в период 197—179 гг. до н. э. Однако Шультен отрывает войны кельтиберов от общей освободительной войны испанцев и датирует кельтиберийскую войну только 181—179 гг.; между тем свидетельства греко-римских авторов позволяют сделать вывод, что именно в период 197—179 гг. до н. э. в Испании развернулась война основных племен против Рима, причем главную и руководящую роль в этой войне против завоевателей играли кельтиберы, наиболее сильные и многочисленные племена Пиренейского полуострова. Это дает нам основание называть период 197—179 гг. до н. э.—первый этап многолетней борьбы испанцев за свободу—первой кельтиберийской войной.

Связанное с войной кельтиберов восстание испанских племен против господства римлян произошло в консульство Гнея Корнелия Цетега и Квинта Минуция Руфа

в 197 г. до н. э. Восстание началось в провинции Hispania ulterior, где претором был Марк Гельвий (L i v., XXXIII, 24, 6). Первыми восстали турдетаны под руководством своих вождей Кулхаса и Луксиния. К восставшим присоединились старые финикийские города Малака и Секси. Вскоре восстание охватило Ветурию (Западная Андалузия). Таким образом, в огне восстания оказалась вся римская провинция Hispania ulterior, и претор ее Марк Гельвий в страхе доносил об этом римскому сенату, прося как можно скорее прислать дополнительные легионы (L i v., XXXIII, 24, 6). Вслед за восстанием племен провинции Hispania ulterior в этом же 197 г., но несколько

позднее на борьбу с римлянами поднимаются племена Ближней Испании. Хотя наши источники и не изобилуют подробностями, все же, несомненно, что восстание испанских племен в этой провинции по своим размерам не уступало движению в Дальней провинции. Об этом мы можем судить из следующего сообщения Л и в и я: «Семпроний Тудитан, проконсул Ближней Испании, был побежден в битве, войско его разбито и обращено в бегство, в битве пало много воинов, сам Тудитан, вынесенный из сражения тяжело раненным, вскоре умер» (XXXIII, 25, 8).

Таким образом, испанские племена этой провинции не только подняли восстание против римлян, но сумели, объединившись, разбить наголову войско проконсула и стать вновь свободными. Римский сенат, желая быстро подавить восстание в обеих провинциях, принимает ряд решительных мер: вновь назначенным преторам в испанские провинции на 196 г.—Фабию Бутеону и Минуцию Ферму—на основании специального постановления сената дается дополнительно по одному легиону и, сверх того, еще по 4300 воинов из числа римских союзников. (L i v., XXXIII, 26). Но и преторы 196 г., несмотря на подкрепление, не добились существенных успехов в подавлении восстания. Поразительно, что источники почти не упоминают о событиях 196 г. в Испании; лишь Т и т Л и в и я обращает внимание на победу претора Минуция над турдетанскими предводителями—Бударом и Бевадином (XXXIII, 44, 4).

Это замалчивание древними авторами испанских событий 196 г. до н. э. является не случайным, именно в этом обнаруживается тенденциозность греко-римских авторов. Если, например, Ливий, говоря о победах римлян над испанскими племенами, тщательно рисует мельчайшие детали, сообщает о месте этих победоносных битв, приводит точное количество убитых и раненых, побежденных, то о победах испанских племен над римлянами Ливий, как правило, ничего не сообщает, довольствуясь в лучшем случае простой информацией. В 196 г. восстание испанских племен против римлян принимает еще большие размеры. Исход битв, по всей вероятности, был не в пользу римлян. Когда Аппиан говорит, что «движение (в Испании) становилось все шире» («Iberica», 39), а Ливий замечает, что «для подавления восстания в Испании... нужен был консул и консульское войско» (XXXIII, 43), то за этими короткими замечаниями, несомненно, скрыты сообщения о целом ряде побед испанских племен над преторскими армиями обеих провинций в 197—196 гг. до н. э.

В 195 г. до н. э. в Испанию был послан консул Марк Порций Катон (Liv., XXXIII, 43; App., Iber., 39; Plin. NH, XIV, 91; Gel., NA, II, 22, 28). Высадившись в Эмпорионе, он отослал корабли обратно в Массилию, чтобы в случае поражения у римлян не было надежды на отступление (App., Iber., 40). Хотя Катон имел в своем распоряжении многочисленное войско¹, все же борьба с испанскими племенами предстояла нелегкая. Почти вся Испания находилась в руках восставших, а большое войско испанцев² ожидало Катона недалеко от Эмпориона. Здесь и произошло решающее сражение между армией Катона и отрядами испанских племен. Катон действовал очень хитро и осторожно. Выбрав самую темную ночь, он с большим войском незаметно обошел лагерь испанцев и на рассвете послал три когорты солдат против неприятеля. Заметив последних, иберы смело сделали вылазку из-за вала и напали на римлян. Тогда Катон приказал этим когортам быстро отступить, изобразив притворное бегство, и бросил с тыла отборную конницу на преследующего римлян неприятеля. Но и конница потерпела поражение от храбрых испанских воинов. Катон в отчаянии посылает в тыл испанских войск еще три резервные когорты, но и это не принесло римлянам победы—пехота и конница римлян на правом фланге в панике продолжали отступать. Неоднократно сам консул останавливал бегущих в страхе римских воинов. Наконец, Катон бросил в битву большое резервное войско, состоявшее из союзников (15 800 человек). Это решило исход битвы. Уставшие от продолжительного сражения испанские воины не смогли выдержать стремительного натиска свежих римских отрядов—отступили и вскоре были разбиты. Комментируя битву у Эмпориона, Аппиан замечает, что сражение проходило с переменным успехом до самого позднего вечера, и римлянам удалось одержать победу лишь благодаря военной хитрости Катона (Iber., 40).

Затем Катон предпринимает ряд карательных экспедиций в пределы различных испанских племен, населяющих Ближнюю провинцию. Римский консул теперь уже избегает столкновений с крупными отрядами испанцев, зная, как трудно победить в открытом бою этих храбрых воинов, если они выступают сообща. Но и отдельные племена оказали карательным мерам Катона упорное сопротивление. Так, например, когда Катон расправился с племенем бергистанов и уехал в Тарракон, то это племя вновь поднялось и выступило на борьбу с римлянами. Катону пришлось спешно покинуть Тарракон и направиться в пределы этого племени. После подавления восстания жители семи бергистанских городов (укрепленных мест) были проданы римским консулом в рабство (Liv., XXXIV, 16).

¹ Шультен считает, что армия Катона насчитывала в общей сложности свыше 50 тыс. чел.

² Аппиан (Iber., 40) сообщает, что у Эмпориона собралось вражеское войско числом 40 000 чел. Ливий (XXXIV, II) пишет, не указывая числа испанцев, что Катона встретило «великое множество врагов».

Кроме бергистанов, против Катона боролись племена седетанов, авзетанов, свесетанов и лацетанов. Лацетаны развернули против Катона настоящую войну, совершая постоянные набеги на римлян. Отдельные римские отряды не справились с этим храбрым племенем, и Катону пришлось послать на штурм их крепости целые римские когорты и вспомогательные войска испанцев. Но штурм крепости лацетанов также не увенчался успехом. Катону удалось взять его лишь после того, как он спровоцировал гарнизон крепости на столкновение в открытом поле. Подойдя к городу лацетанов (название которого источники не приводят), Катон оставил в засаде несколько отборных когорт, а остальных воинов повел в обход городских укреплений, причем впереди всех на штурм стен принудительно были посланы свесетаны. Увидев последних, лацетаны открыли ворота города и смело ринулись на небольшой отряд неприятеля. Вскоре отборные когорты Катона без труда заняли город, где было, по выражению Л и в и я, «тихо и пусто» (XXXIV, 20). Так в борьбе Катона с племенем лацетанов конкретно проявилось превосходство римского военного строя и военного искусства по сравнению с военным искусством испанских племен.

Преодолевав упорное сопротивление испанцев, Катону удалось обезоружить некоторые племена Ближней Испании. Сообщение Л и в и я о том, что Катон «обезоружил всех испанцев по эту сторону Эбро и разрушил в один день все их стены» (XXXIV, 17), не соответствует действительности, так как он сам сообщает, что в 194 г. Hispania citerior оказывается вновь в огне восстания (XXXV, 1). Вряд ли испанские племена, лишившись оружия и своих знаменитых укреплений, уже через год могли настолько оправиться от поражения, чтобы вновь выступить на борьбу против римлян.

В 195 г. кельтиберы приступают уже к активным военным операциям против римлян. Претор Дальней Испании Марк Гельвий, двигаясь с войском из своей провинции для соединения с Катоном в Эмпорион, подвергся нападению 20-тысячного войска кельтиберов у города Илитурги, расположенного в 75 км южнее Эбро. Тот факт, что кельтиберы оперируют на территории, подвластной Риму, свидетельствует о том, что они выступали, вместе с другими испанскими племенами сообща против римлян.

Будучи наиболее многочисленными и наиболее сильными в военном отношении из всех остальных племен Испании, кельтиберы возглавили освободительную войну испанских племен против Рима. Это подтверждается источниками. Л и в и я (XXXIV, 17) рассказывает, что когда Катон прибыл в Турдетанию, то здесь он встретил кельтиберийское войско: 10 000 кельтиберов спустились со своего плоскогорья, чтобы помочь более слабым турдетанам в их борьбе с завоевателями. Между тем война испанских племен с римлянами продолжалась и в Дальней провинции. Пре ор этой провинции Аппий Клавдий Нерон, потерпев одно поражение за другим, вскоре отступил за Эбро. Тогда Катон посылает в Дальнюю провинцию на борьбу с турдетанами и кельтиберами большое войско под начальством претора Ближней провинции—Манлия. Но и он не смог одолеть восставшие испанские племена и был вынужден спешно позвать к себе на помощь консула. Л и в и я объясняет причину неудач и поражений претора Манлия в Дальней Испании тем, что в Турдетании ему пришлось вести борьбу с кельтиберами: «кельтиберы делали претору П. М а н л и ю войну в Турдетании более затруднительной». Соединенные войска Катона и Манлия после упорных боев разбили турдетанов, но не могли победить 10-тысячного войска кельтиберов.

Л и в и я (XXXIV, 19) говорит, что после победы над турдетанами Катон предложил кельтиберам или поступить к римлянам на службу, или покинуть союзных турдетанов и оставить пределы провинции. П л у т а р х (Cato Maior. X) говорит, что кельтиберы, получив 200 талантов, перешли на сторону римлян. Но факт, что Катон

¹ Свесетаны—иберийское племя, жившее на восточном побережье Испании, соседни едетанов и лацетанов (L i v., XXXV, III, 24). В 216 г. выступили против римлян вместе с иллергетами. Авзетаны—иберийское племя в северной части Hispania Tarraconensis (P t o l., II, 60). Лацетаны жили у подножья Пиренеев (L i v., XXI, 23; XXXIV, 20; P l i n., III, 21).

сразу же после неудачи в Турдетании предпринимает военную экспедицию в Кельтиберию, заставляя нас отбросить версию Плутарха. Очевидно, кельтиберы не изменили турдетанам. Катон движется в пределы кельтиберов, осаждает безуспешно Сегонтию. Поход Катона на Сегонтию является первым военным нападением римлян на территорию кельтиберийского плоскогорья (Liv., XXXIV, 19; *primum praedatum sub signis aliquot expeditas cohortes in agrum i tegrae regionis ducit...*).

Двигаясь от Сегонтии к Эбро, Катон, видимо, так же безуспешно осаждал Нуманцию, главный город кельтиберийского племени ареваков (Gel., NA, XVI, 1, 3). Археологические данные также подтверждают факт военных операций Катона против Нуманнии и Сегонтии. Шультен показал, что остатки древних римских лагерей на территории испанского плоскогорья относятся именно ко времени Катона. Эти лагеря были следующие: лагерь близ Агилара (Aguilar), в 13 милях на восток от Сегонтии, лагерь около Alpanseque, в 16 милях севернее Сегонтии, и один из лагерей Atulaya de Reniblas, в 4 милях восточнее Нуманнии (Schulten, Numantia, IV, стр. 37, 191, 196; также смотри его карту, стр. 322). Первое столкновение римлян с кельтиберами на плоскогорье не принесло римлянам победы. Да и вся кампания против восставших племен обеих провинций также окончилась неудачно. Единственным положительным мероприятием Катона в Испании следует считать начало более рентабельной эксплуатации каталонских серебряных и железных рудников (Liv., XXXIV, 21, Plut., Cato, XI).

В 194 г. до н. э. в обеих провинциях продолжается война испанских племен с римлянами. Претор Ближней провинции Дигитий был разбит военными силами восставших испанцев (Liv. XXV, 7; Гроз., IV, 20, 6). Претор Дальней Испании Публий Корнелий Сципион в результате ряда сражений захватил около 50 укрепленных пунктов противника и в битве при Илипе отразил нападение воинственного племени западной Испании—лузитанов. Первое военное столкновение римлян с лузитанами показало римлянам, что лузитаны, так же как кельтиберы, представляют собой одно из самых сильных в военном отношении племен Испании. Они долгое время оставались в Дальней провинции, совершали набеги на римские гарнизоны и громили их отдельные отряды. Бой у Илипы продолжался свыше 5 часов и носил ожесточенный характер. Лишь ценой больших потерь Сципиону удалось прогнать лузитанов за пределы Hispania ulterior.

В этой битве также сказалось превосходство¹ военной техники и военного строя римлян. Ливий указывает, что войско римлян было построено сомкнутыми рядами, между тем как войско лузитанов было слишком растянуто в длину.

В 193 г. до н. э. разгромленный претор Ближней Испании Дигитий был заменен Фламинием. Фламиний, ссылаясь на сложившееся во вверенной ему провинции угрожающее положение для римского господства, настойчиво добивается от римского правительства разрешения на экстраординарный набор войск для ведения войны в Испании. Произведя специальный набор в Сицилии и Африке, он присоединил к этому громадному войску незначительные остатки войск Дигития и вместе с наместником провинции Hispania ulterior Фульвием Нобилиором повел наступление на южную часть испанского плоскогорья. В течение двух лет продолжалась война испанских племен против армии преторов (193 и 192 гг. до н. э.).

193 г. до н. э. был годом сплошных неудач для римлян. Претор Фламиний лишь в начале кампании захватил город оретанов Илущий¹ (Ilucia), а затем был вынужден перейти к обороне от постоянных нападений оретанов. Ливий свидетельствует, что в течение зимы 193 г. Фламиний понес большие потери в столкновениях с оретанами (Liv., XXXV, 7, 6: *vario tamen eventu nec sine militum iactura sunt facta*). Но главные военные силы римлян были сконцентрированы на земле карпетанов.

Римские войска, оперирующие в этом районе, возглавил один из наиболее талантливых римских полководцев того времени Фульвий Нобилиор. Недалеко от Толето

¹ Тождественен Луко, расположен северо-западнее Кастулона, см. CIL, II, 436.

(Толето—центр карпетанов, Plin., NH, III, 25) армии Нобилиора преградила путь целая конфедерация испанских племен, в составе которой мы находим кельтиберов, вакцеов и веттонов. В происшедшей битве у Толето Фульвий Нобилиор не одержал победы над испанцами, хотя Ливий замечает, что испанцы были обращены в бегство, а один из вождей иберов—Гилерн был взят римлянами в плен. То, что римлянам не удалось взять в 193 г. до н. э. укрепленный центр карпетанов Толето, скорее говорит за то, что Нобилиору не удалось одержать сколько-нибудь существенную победу над испанцами.

В 192 г. претор Фламиний вновь совершает военные операции совместно с Фульвием Нобилиором. В борьбе с турдетанами он захватил город Ликабр¹ (oppidum Licabrum) и взял в плен турдетанского вождя Каррибла. Нобилиор также вначале ведет борьбу с турдетанами, затем из области реки Бетиса движется в пределы племени оретанов. Оретаны храбро сражались с армией римлян, превосходившей их по численности, но борьба кончилась победой Нобилиора. Отсюда войско римлян двинулось к реке Таго и подступило к Толето. Теперь, в 192 г., карпетанам в борьбе с римлянами оказало помощь одно только племя веттонов; кельтиберы и вакцеи, так активно боровшиеся с римлянами у Толето в 193 г., на этот раз не успели оказать помощь карпетанам. В битве у Толето карпетаны и веттоны были разбиты, римляне при помощи осадных орудий овладели Толето и укрепились на юге плоскогорья. Отныне Толето стал опорным пунктом римлян для дальнейшего наступления на территорию собственно Кельтиберии (северо-восточная часть испанского плоскогорья). За свои успехи в войне с испанскими племенами 192 г. Фульвий Нобилиор получил ование. Но победа у Толето не привела к прекращению кельтиберийской войны—первой освободительной войны иберийских племен против господства римлян. В 191—190 гг. Испания—вновь в огне восстания. Претор Дальней Испании Эмилий Павел принял от Нобилиора старое войско, и сверх того получил еще дополнительно около 3000 воинов. Плутарх сообщает (Aem. Paul., IV), что в Испании в свите Эмилия было не 6 ликторов, как обычно, а 12, что наделяло претора консульской властью. Увеличение численности римской армии и усиление власти претора свидетельствует о чрезвычайном положении в Испании. Вся Испания поднялась с оружием в руках против римлян, этим объясняются экстраординарные меры римского правительства. В течение всего 191 г. римляне терпят от испанских племен одно поражение за другим.

Кульминационным моментом борьбы испанцев явилось поражение в 190 г. будущего победителя Персея—Эмилия Павла. В битве у Луко Эмилий был наголову разбит лузитанами, вторгшимися из-за Таго в пределы Hispania ulterior. В этой битве римляне потеряли 6000 человек убитыми, остальные воины спаслись бегством. Ливий сообщает, что в Риме многие были подавлены этой печальной вестью из Испании, а Плутарх—другой наш источник по событиям этого года в Испании—предпочел скрыть это позорное для римлян поражение (Aem. Paul., V). Это была блестящая победа лузитанов: их войско прошло от запада Испании через область рек Таго, Анаса и Бетиса до южного побережья Пиренейского полуострова, игнав из своих областей завоевателей и поставив под угрозу римские завоевания в Ближней Испании. Эмилий Павел мобилизует все военные силы, имевшиеся в его распоряжении, чтобы приостановить дальнейшее наступление лузитанов. Лишь позднее, в 189 г., Эмилию Павлу несколько удалось восстановить свой авторитет как полководца, победив лузитанов, оставшихся на территории Hispania ulterior (Liv., XXXVII, 57).

Наши источники ничего не сообщают о событиях в Испании в 188 г. до н. э. Очевидно, что повседневная борьба испанских племен против римских войск не привлекала к себе внимания анналистов. Преторы Испании не сообщали о незначительных

¹ Точное местонахождение этого города неизвестно. Гюнбер (MLI, index, 233), локализует Ликабр в пределах Турдетании, где оперировал Фламиний.

военных столкновениях в сенат, так что позднейшие историки, возможно, не имели этих данных в своем распоряжении. 188-й и часть 187 г. следует считать временем подготовки, собиравшей сил для нового наступления испанских племен на завоевателей-римлян, чтобы изгнать их со своей территории. В конце 187 г. в Испании с новой силой вспыхивает война против римлян, причем, как и раньше, инициаторами в борьбе против Рима выступают наиболее сильные племена Испании—кельтиберы и лузитаны. По сообщению Ливия, в конце 187 г. в Испании произошло одновременное выступление кельтиберов и лузитанов, которые, ведя за собой многочисленные слабые племена, развертывают широкое наступление на войска преторов обеих провинций.

Кельтиберы вторглись в провинцию *Hispania citerior* и вместе с другими племенами этой провинции разбили войско претора Манлия Ацидина. Через несколько дней кельтиберы, собрав еще более значительные силы, сами вызвали римлян на бой (*L i v.*, XXXIX, 21), т. е. опять-таки храбро напали на римлян. В битве при Каллагуррисе (теперь Калаора, на правом берегу реки Эбро) кельтиберы были разбиты и отступили. На территории *Hispania ulterior* в это время происходила борьба турдетанов и лузитанов с римским полководцем Атинием. Турдетаны и лузитаны изгнали римлян почти со всей территории правого берега Бетиса (Гвадалquivир) и избрали своим опорным пунктом городок Гасту (*L i v.*, XXXIX, 21) для дальнейшего наступления на завоевателей.

Решающее сражение между римлянами и испанскими племенами произошло недалеко от Гасты, очевидно, несколько восточнее ее, так как испанцы, потерпев поражение в этой битве, укрылись за стенами этой крепости, отступив назад. Осажденные сопротивлялись героически. В осаде города принимал деятельное участие сам Атиний. Он не только ободрял римских воинов, но и сражался сам, был тяжело ранен и вскоре умер. После взятия римлянами Гасты лузитаны отступили за реку Бетис. Но успехи обоих преторов 187 г. не принесли большой победы римлянам и не привели к окончанию первой кельтиберийской войны.

Проконсул Ближней Испании Манлий по истечении срока своих полномочий прибыл в Рим, и, несмотря на колоссальные сокровища, награбленные у испанских племен¹, не получил триумфа, а был вынужден довольствоваться овацией. Мотивировка отказа сената в предоставлении Манлию триумфа для нас принципиально важна. Претендовавшему на триумф Манлию римский сенат ответил отказом, мотивируя его тем что, по римским обычаям и законам, проконсул, который не привел обратно своего войска и не передал своему преемнику провинцию покоренной и умиротворенной, не может получить триумф. Это обстоятельство как нельзя лучше свидетельствует о продолжении войны испанских племен с римлянами в пределах *Hispania citerior*. В соседней провинции, очевидно, дело обстояло так же.

В 186—185 гг. война в Испании принимает широкий размах, что нашло отражение в источниках. Согласно Ливию, на борьбу с римлянами первыми поднялись карпетаны, к ним вскоре поспешили на помощь лузитаны, кельтиберы и другие племена Испании. Наиболее значительное сражение между вражескими войсками произошло на верхнем течении Таго, недалеко от Толето.

В начале весны 186 г. римские преторы обеих провинций—Кальпурний Пизон и Квинкий Криспин вывели свои войска из зимних квартир и, соединившись в Бетурии, двинулись в Карпетанию. Здесь, недалеко от главного укрепленного центра племени карпетанов—Толето, и находился лагерь войск объединенных испанских племен (*hostium castra erant, Liv.*, XXXIX, 30). Вслед за незначительной стычкой неприятельских аванпостов разгорелось ожесточенное сражение, в котором приняли участие основные силы армий римлян и испанцев. Битва окончилась победой испанцев. Имея в авангарде своего войска отряд кельтиберов, они смелым натиском

¹ Манлий в момент получения овации внес в государственную казну 52 золотых венка, 132 фунта золота, 16 300 фунтов серебра. Кроме того, его квестор Фабий вез из Испании еще 10000 фунтов серебра и 80 фунтов золота (*L i v.*, XXXIX, 29).

разбили многочисленную¹ армию римлян, смяли ее ряды и обратили римлян в беспорядочное бегство². На поле битвы осталось 6000 трупов римских воинов. Но испанцы не сумели довести до конца свою победу. Вместо того, чтобы тотчас же преследовать разбитое и дезорганизованное римское войско, они в продолжение нескольких дней бездействовали и ничего не предприняли для того, чтобы помешать римлянам укрепиться в лагере и восстановить в своих рядах некоторый порядок. В одну из темных ночей преторы увели войско из-под Толето, и кельтиберы не преследовали их, а лишь захватили покинутый римлянами лагерь и овладели их запасами оружия и провианта.

Тем временем римляне поспешно стягивают войска из всех испанских городов, укрепляют в армии дисциплину и вновь двигаются к реке Таго (в Карпетании), на противоположном берегу которой, на холме, находился лагерь кельтиберов. Найдя брод, римляне вместе с обозом переправились на другой берег реки. Заметив переправу римлян, кельтиберы помешали им выстроиться в боевой порядок и двинулись навстречу врагу. Кельтиберийское войско отделяла от римлян открытая равнина, так что по характеру местности кельтиберы не могли применить свой излюбленный способ ведения войны—устанавливать засады и совершать внезапные набеги. Но, несмотря на это, испанцы все же первые напали на неприятеля; они, как говорит Л и в и й, «бегом устремились в битву» (XXXIX, 31). Произошло ожесточенное сражение. Испанцы быстро смяли фланги римских легионов, но им долго не удавалось опрокинуть центр неприятельского войска. В центре войск обоих римских преторов находились отборные, самые лучшие воины. В основном это были воины из V легиона Кальпурния и из VIII легиона Квинтия. На них-то и направили основной удар кельтиберийские войска, врезавшись клином в самую гущу вражеских отрядов. Вот уже дрогнули воины, расстроив свои ряды, полный разгром римлян казался неизбежным, как вдруг конница с претором Кальпурнием во главе напала на правый фланг испанского войска, а Квинтий внезапно обрушился со своими всадниками на другой фланг испанцев. Пехота кельтиберов, уставшая от долгой битвы, не выдержала натиска свежих сил римской конницы и отступила в лагерь. Здесь сражение возобновилось с новой силой, но подоспевшие к месту боя резервные войска римлян решили исход битвы. Заканчивая описание этого сражения, Ливий замечает, что римляне, овладев лагерем испанцев, поголовно истребили захваченных испанских воинов. Мстя за свое недавнее поражение, римские преторы отдали приказание умертвить в общей сложности около 10000 испанцев.

Разбитые кельтиберы и лузитаны, понеся потери, отступили с территории Ближней Испании в пределы своих областей. В Риме эта победа рассматривалась как событие большой важности; сенат назначил специальное двухдневное молебствие (Liv., XXXIX, 38, 6), а преторы Кальпурний Пизон и Квинтий Криспин получили триумф за победу над кельтиберами и лузитанами (Liv., XXXIX, 42).

Ш у л т е н («Numantia», I, стр. 325) не уделяет должного внимания этому событию в Испании, а между тем победа, одержанная обоими преторами над кельтиберами у Таго, не только привела к полному завоеванию римлянами южной части испанского плоскогорья—Карпетании, но и в значительной степени ослабила силы испанских племен. В 184 г., по данным источников, в Испании нет того широкого размаха движения, какой был характерен для периода 186—185 гг. до н. э. (Liv., XXXIX, 42). Но в 183 г. до н. э., когда в борьбе испанских племен против Рима вновь принимают участие храбрые кельтиберы, война разгорается и испанцы переходят в наступление против римлян. Кельтиберы вторгаются в долину Эбро и, в союзе с племенем аветанов, смело нападают на римские легионы. Л и в и й (XXXIX, 56) сообщает, что претор

¹ По данным Л и в и я (XXXVI, 13; XXXIX, 50; XXXIX, 50) преторы имели 40000 армию.

² Описывая поражение римлян, Л и в и й замечает: ... duo exercitus Romani fusi atque in castra compulsi sunt («оба римских войска были разбиты и загнаны в лагерь») (XXXIX, 30). О бегстве римлян с поля битвы он говорит: «со страхом ночью покинули лагерь».

Ближней Испании Теренций Варрон неоднократно вступал в битвы с кельтиберами и с большим трудом вытеснил их из подвластной ему провинции. Борьба кельтиберов с войсками Варрона продолжалась и в 182 г., (Liv., XLI, 2).

В 182 г. до н. э. римляне начинают интенсивно готовиться к наступлению на ту часть плоскогорья, где жили кельтиберы. Это вызвало новый подъем освободительной войны испанских племен против завоевателей. Все племена, населявшие Ближнюю провинцию, взялись за оружие. Точно так же, как и до этого, войну испанских племен против Рима возглавили наиболее сильные кельтиберийские племена. Об этом ясно говорит Л и в и й: ... et ex Hispaniis citeriorem in armis esse et cum Celtiberis bellari sciebant (XL, 2).

Первые шаги к завоеванию Кельтиберии предприняли два энергичных римских полководца, преторы 182—181 гг., Публий Манлий и Фульвий Флакк (L i v., XXXIX, 56, 5). Римский сенат чрезвычайно серьезно отнесся к предстоящей кампании. Каждый из испанских преторов получил дополнительно по 11500 воинов, что вместе со старым войском, оперирующим в Испании, составило в общей сложности армию в 45500 солдат.

Из военных операций 182 г. следует отметить осаду Фульвием Флакком города Урбикуа (Urbisua), расположенного на границе Кельтиберии, на территории племени едетанов. Римляне стремились овладеть этим городом, надеясь расчистить путь в область кельтиберов. Но кельтиберы решили предупредить их и сами пошли в наступление на римлян, оказав помощь осажденным жителям города Урбикуа. Л и в и й говорит, что во время осады этого города Флакком на него внезапно напало войско кельтиберов (XL, 16,7: Fulvium Flaccum... oppugnantes Celtiberi adorti sunt). После ряда кровопролитных сражений, стоивших римлянам многих жертв (L i v., XL, 16,8: multi Romani milites et vulnerati et interfecti sunt), город Урбикуа все же был ими взят и разграблен; кельтиберы отступили на свою территорию. Но и здесь они продолжали оказывать энергичное сопротивление римлянам, пытавшимся окружить их территорию; для этого кельтиберы заключили военные союзы со своими соседями—лузитанами на западе, васконами на севере, едетанами на востоке, карпетанами на юге.

В 181 г. до н. э. начинается систематическое наступление римлян на северо-восточное плоскогорье Испании, занимаемое кельтиберами. Цель этого наступления—ликвидировать независимость кельтиберийских племен, покорить их и таким образом обратить всю Испанию от устья Бетиса до Пиренеев в римскую провинцию. Выполнение этой задачи, т. е. покорение Кельтиберии, римский сенат возложил на испанских преторов 182 г.—Манлия и Флакка. К их прежнему войску специальным сенатским постановлением было добавлено еще 9500 воинов (L i v., XL, 18, 6).

Весной 181 г. Флакк с большим войском двинулся в область карпетанов, где и начались военные действия римлян против кельтиберов. Характерно, что и на этот раз кельтиберы применили не оборонительную, а наступательную тактику—целый ряд битв происходит не на их территории, а в Карпетании.

Отметим одну, наиболее значительную, битву между римлянами и кельтиберами в Карпетании под городом Эбурой (Aebura—город западнее Толето, L i v., XL, 30; Ptolem., II 16, 56), представляющую интерес в военном отношении. Подойдя к городу, Фульвий Флакк обнаружил на расстоянии всего 2000 шагов от этого укрепленного места лагерь кельтиберийского войска. Желая узнать силы неприятеля, римский претор послал к валу лагеря кельтиберов своего брата М. Фульвия с двумя турмами конницы. М. Фульвий в течение нескольких дней маневрировал перед кельтиберами, пытаясь выманить их из хорошо укрепленного лагеря. Наконец, кельтиберы, видимо решив, что враг располагает незначительными силами, развернутым строем выступили из лагеря. Л и в и й говорит, что кельтиберы целых четыре дня тщетно пытались вызвать врага на бой, но римляне не предпринимали никаких наступательных действий (XL, 30). Думая, что римляне отступили, кельтиберы, по словам Ливия, «спокойно оставались в лагере». Но Флакк не только не увел свои легионы из-под Эбуры, но разработал план наступательных операций. Он приказал Л. Ацилию с 6-тысячным отрядом укрыться за горой, находившейся в тылу у неприятеля, и ждать условного сигнала для внезапного нападения на лагерь кельтиберов. Один из командиров римского войска Г. Скри-

боний, получил приказ подойти к лагерю и завязать сражение. Конница кельтиберов, выйдя из лагеря, начала преследовать притворно отступающий отряд Скрибония, а за ней покинула лагерь и пехота испанцев. Крики римлян послужили сигналом для отряда Ацилия, который без особого труда захватил плохо охраняемый кельтиберами лагерь. Увидя свой лагерь в огне, кельтиберы поняли, что всякий путь к отступлению отрезан и «с большим ожесточением ринулись в бой» (L i v., XL, 32). Римская конница с трудом удерживала яростные атаки кельтиберов, левый фланг римских войск уже был обращен в бегство, но на поле битвы появился резервный VII легион и конница Ацилия, захватившая лагерь кельтиберов. Кельтиберы были разбиты. Победу римлян решило не только численное превосходство их армии перед кельтиберами, но больше всего уровень их военной техники, их военное искусство, значительно опередившие военное искусство и технику кельтиберов. Военный талант Фульвия Флакка, одного из способнейших римских полководцев того времени, также сыграл решающую роль в поражении кельтиберов при Эбуре. Разбитые испанцы отступили в город Контребию¹, для осады которого Флакк вскоре повел свои легионы.

Тот факт, что отступавшее войско кельтиберов после битвы у Эбуры укрылось в Контребии, убеждает нас в том, что в военных столкновениях кельтиберов с римлянами ведущую роль играло племя лузонов. А п п и а н, говоря о кельтиберийской войне периода 181—180 гг., особенно это подчеркивает, выделяя это племя среди других иберийских племен (Iber., 42).

Аппиан ничего не говорит о событиях в Испании за период 194—182 гг. до н. э. Он внезапно обрывает описание восстания испанских племен против Рима 195 г., когда, по его мнению, Катон надолго «успокоил» племена, жившие у реки Эбро. Рассказ о кельтиберийской войне он продолжает уже с периода 181—179 гг. до н. э. Таким образом, Аппиан бросает описание кельтиберийской войны в момент наивысшего ее напряжения и вновь возвращается к ней в тот период, когда Флакк и Гракх одерживают победы над кельтиберами. Нет сомнения, что и этот историк считал основной задачей восхваление мощи римского оружия. Но вернемся к военным действиям, развернувшимся у Контребии. Борьба кельтиберов и римлян у Контребии носила очень упорный характер. Кельтиберы не только оборонялись, но и нападали на войско Флакка. В подтверждение этого можно привести один из эпизодов, переданный А п п и а н о м (Iber., 42): «они (кельтиберы) укrywшиеся в Контребии, обратились к Флакку с приказом дать им за каждого убитого в прошлом бою (у Эбуры) по плащу, коню и мечу, а самому возможно скорее уходить из Иберии, прежде чем он испытает что-либо для себя тяжелое». Д и о д о р также говорит о напряженной борьбе кельтиберов с римлянами (XXIX, 28) и приводит те же требования испанских послов, о которых говорится у Аппиана. В конце своего рассказа Диодор сообщает о решении осажденных «лучше со славой умереть, сражаясь, чем отдаться в позорнейшее рабство» (XXXIII, 25).

Героические защитники Контребии все же были вынуждены оставить город и отступить. Причины падения Контребии нашими источниками не вскрываются. Взяв Контребию, Флакк двинулся в глубь Кельтиберии, где опустошил поля испанцев и захватил много укрепленных центров. Ливий говорит, что после взятия Контребии и карательной экспедиции римлян кельтиберы были покорены. Хотя послы Флакка доложили сенату «о покорении Кельтиберии и умиротворении провинции» (L i v., XL, 35, 4), Флакк, однако, покорил лишь небольшие общины области Ближней Кельтиберии, куда вторглись его легионы, как об этом говорилось в прениях по поводу испанских событий в сенате².

¹ Контребия—город кельтиберийского племени лузонов, см. L i v., XL 33; V a l e r. M a x., VII, 4, 5;

² Обращает внимание выступление в сенате Тиберия Гракха, заявившего, что он согласен управлять Испанской провинцией лишь в том случае, если там останутся старые воины Флакка. Он заявил также, что покоренными можно считать такие кельтиберийские общины, в которых стояли лагерем римские солдаты (L i v., XL, 35, 13).

Возможно, что Флакк добился ряда успехов в борьбе с более мелкими кельтиберийскими племенами—титтиями и беллами, также жившими в пределах Ближней Кельтиберии. Но до покорения всей Кельтиберии было еще далеко. Достаточно указать, что лишь весной 181 г. Флакк только впервые намеревался совершить поход в пределы основного пламени кельтиберов—племени ареваков «Он [Флакк] решил опустошить Дальнюю Кельтиберию, откуда не приходили с известиями о покорности» (Liv., XL, 39).

В 180 г. война продолжалась. Измученные трудностями войны в суровых условиях Кельтиберии (малодоступные горы, непроходимые леса и т. д.), легионы Флакка открыто стали выражать недовольство затянувшейся кампанией, грозя поднять бунт. В Рим были посланы легат Флакка Минуций и военные трибуны Мений и Теренций Масалиот с поручением добиться от сената разрешения на вывод из Испании легионов Флакка. Послы Флакка указывали, что если это не будет сделано, то уставшие воины самовольно покинут Испанию. Для ведения войны с кельтиберами понадобился новый претор и свежее войско.

В 180 г. римский сенат посылает претором в Ближнюю Испанию Тиберия Семпрония Гракха, отца знаменитых народных трибунов. Консулам было приказано набрать для него в общей сложности свыше 14000 воинов; это число превышало обычное войско наместников провинций. Но в 180 г. Гракх не сумел провести в Испании какой-либо крупной операции, прежде всего потому, что он слишком поздно прибыл во вверенную ему провинцию. Остаток 180 г. он употребил на тщательную подготовку к предстоящей войне с кельтиберами, после чего повел свои легионы в Кельтиберию (Liv., XL, 40, 41).

В конце 180 г. Фульвий Флакк, покинув Ближнюю Кельтиберию, двигался со своими легионами в Тарракон для встречи со своим преемником Гракхом. Узнав об этом, ареваки решили внезапно напасть на римские легионы, устроив засаду в горном ущелье на их пути. Однажды, когда войско вступило в одно из ущелий так называемой горы Манлия, кельтиберы внезапно напали на них с двух сторон, смяли их ряды, и хотя Флакк не был разбит, но тем не менее римское войско получило чувствительный удар. Это сражение лишний раз свидетельствует, что кельтиберы были большими мастерами в устройстве засад и очень искусно совершали внезапные нападения на противников. Эту тактику в дальнейшем с большим успехом применили в борьбе против римлян выдающиеся предводители испанских племен—Вирнат и Сарнат.

В 179 г. Гракх и наместник Дальней Испании Постумий Альбин намечают большое военное предприятие, редкое в истории римской военной техники, а именно—комбинированный поход против кельтиберов. По грандиозным размерам этот поход можно сравнить лишь с позднейшим походом Друза и Германика на германцев. Цель похода проникнуть в Дальнюю Кельтиберию (Liv., XL, 47), где жило наиболее сильное и многочисленное кельтиберийское племя ареваков, и таким образом победоносно завершить кельтиберийскую войну.

Постумий со своими легионами должен был пройти Лузитанию, покорить вакцеев, западных соседей ареваков, затем соединиться с Гракхом и вместе с ним повести наступление на ареваков. Гракх, выйдя из Дальней провинции, направился с легионами во внутреннюю область Кельтиберии, прошел Оретанию, Карпетанию, вышел к реке Таго и отсюда вторгся в Кельтиберию.

Цель такого маршрута ясна: прежде чем начать завоевание Кельтиберии, римляне должны были огнем и мечом покорить соседние области: Лузитанию, Оретанию и Карпетанию для того, чтобы ни лузитаны, ни оретаны, ни карпетаны не смогли прийти на помощь кельтиберам. Это была карательная экспедиция.

Но римские легионы продвигались вперед очень медленно: испанские племена героически сопротивлялись завоевателям. Так, уже в начале своего похода Гракху пришлось вести борьбу с турдетами. Особенно упорно сопротивлялись римлянам

укрепленные центры последних—Мунда и Цертима¹. Разбив оретанов, Гракх достиг области карпетанов. Недалеко от Толето находился лагерь кельтиберов, которые вновь вторглись в пределы Карпетании, чтобы помешать дальнейшему продвижению римлян на их территорию. Но в битве при Альпе (Liv., XL, 48, 1; Frontin., II, 5, 3) Гракх разбил войско кельтиберов, расчистив себе дорогу в Кельтиберию, для опустошения которой он и повел свои легионы (Liv., XL, 49). Легионы Гракха вторглись в Ближнюю Кельтиберию, где жили племена титтиев, беллов и лузонов, лишь в эти области могли проникнуть римляне, двигаясь из Карпетаний (т. е. из южной части плоскогорья).

Ливий скупо и лаконически рассказывает нам о войне Гракха с кельтиберами на территории уже собственно Кельтиберии, ограничиваясь лишь упоминанием двух-трех наиболее грандиозных битв (Liv., XL, 49). Но в нашем распоряжении имеются данные Аппиана, которые не только дополняют Ливия, но и являются основным первоисточником для событий, связанных с кельтиберийской войной периода 181—179 гг. до н. э., с ее окончанием и ее результатами. Аппиан сообщает, что, прежде чем двинуться в глубь Кельтиберии, Гракх был вынужден предпринять спешный поход в долину Эбро, к городу Каравис, который был осажден 20-тысячным войском кельтиберов. (Iber., 43). Это сообщение Аппиана для нас чрезвычайно важно. Наличие 20-тысячной армии кельтиберов у Эбро свидетельствует о том, что район военных действий между римлянами и кельтиберами не ограничивался только Кельтиберией, но простирался далеко за ее пределы.

Узнав о приближении Гракха, кельтиберы быстро удалились от Карависа, отступили на свою территорию и укрепились в главном городе племени лузонов—Контребии. Когда римляне стали лагерем у стен этого города, кельтиберы вновь напали на войско Гракха, привели его легионы в замешательство и овладели римским лагерем. Аппиан рассказывает, что кельтиберы при нападении на лагерь римлян прибегли к весьма хитроумной военной уловке. Приблизившись к римлянам, они притворились, что умоляют последних о пощаде (они держали в руках просительные ветви—как символ изъявления покорности), затем внезапно напали на воинов Гракха и обратили их в бегство (Iber., 43). Но, занятые разгромом лагеря, кельтиберы подверглись нападению римлян, вынуждены были отступить и вскоре потеряли Контрессию. Разгром кельтиберов у Контребии, согласно Аппиану (Iber., 43), привел к окончанию первой кельтиберийской войны 197—179 гг. до н. э.

Перейдем к Постумию Альбину, претору Hispania ulterior. В какой мере ему удалось выполнить свою часть общего плана наступления на кельтиберов, который был выработан им совместно с Гракхом в начале 178 г. ? Прежде всего нужно отметить, что в источниках почти ничего не говорится о деятельности Постумия в Испании. Правда, Ливий замечает (XL, 50), что летом 179 г. Постумий в двух битвах разбил вакцев, причем истребил в общей сложности до 35000 человек. Следовательно, по Ливию, им был выполнен первоначально намеченный план похода в Кельтиберию. Но совершенно невероятно, чтобы такое событие, как борьба Постумия с лузитанами, по территории которых он должен был непременно пройти со своими легионами, не нашло отражения в наших источниках, где ничего не говорится о войне 180—179 гг. римлян с лузитанами, этим сильнейшим племенем Испании.

Далее, непонятно и логически необъяснимо, каким образом вакцев, западные соседи ареваков, жившие у реки Дуэро, вдруг сражаются с Постумием Альбином на территории Дальней Испании, о чем ясно говорит Ливий: *L. Postumius in Hispania ulteriore cum Vaccaeis pugnasce* (XL, 50) Вакцеи не вторгались в это время в пределы

¹ Мунда—город в Турдетании (Strabo, III, 141, 45; Plin., III, 12). Шульте и предполагает, что этот город нужно искать не в районе Кордубы (т. е. Турдетании), а в долине реки Ялона (ГНА, III, стр. 220). Несостоятельность этого предположения очевидна, так как Гракх, начав свой поход из Дальней Испании, не мог попасть в Кельтиберию, минуя р. Бетис.

Дальней Испании, и легионы Постумия не достигли области вакцеев, ибо в противном случае Постумий действовал бы в Кельтиберии вместе с Гракхом, и это соединение обоих преторов в области ареваков явилось бы осуществлением намеченного плана. Но до самого заключения мира с кельтиберами Гракх действует в Кельтиберии один, и в наших источниках ни слова не говорится об операциях здесь Постумия. Это является лучшим доказательством того, что Постумий никогда не оперировал в области вакцеев, и его победы над этим племенем являются просто вымыслом анналистов—источников Ливия. Характерно, что сам Ливий, сообщая о победах Постумия над вакцеями, считает это неправдоподобным и заявляет, что он больше склонен верить тем авторам, которые подвергают сомнениям успехи Альбина: «более правдоподобно то, что он явился в провинцию слишком поздно, и вряд ли мог в это лето совершить такие дела» (XL, 50). Аппиан, который так тщательно описывает деятельность Гракха в период 180—179 гг., совершенно умалчивает о Постумии. Это является лучшим доказательством того, что последний действительно не добился никаких существенных успехов в борьбе с испанскими племенами.

Таким образом, с полной уверенностью можно констатировать, что Постумию не удалось выполнить возложенную на него задачу—достичь Кельтиберии. Что же касается Т. Гракха, то римские легионы под его руководством в 179 г. не только достигли Кельтиберии, но и завоевали Ближнюю Кельтиберию, покорив племена лузонов, беллов и титтиев. Но завоевать всю Кельтиберию ему так и не удалось, ибо он даже не достиг территории Дальней Кельтиберии, где жили ареваки. Наши источники, которые часто сильно преувеличивают успехи римского оружия, ничего не говорят нам не только о победах Гракха над ареваками, но и не упоминают о его борьбе с ними в 179 г. Племя ареваков, наиболее сильное среди кельтиберов, осталось свободным. Говоря об успехах Гракха в борьбе с кельтиберами, следует отметить расхождение древних авторов в передаче сведений о числе завоеванных им кельтиберийских и вообще испанских городов. Так, Полибий, сообщает, что Гракх захватил 300 городов (Strabo, III, 163, 15), Ливий—103 (XL, 49), Флор—150 (I, 33, 9), Орозий—305 (IV, 20, 32).

Кельтиберийская война 197—179 гг. до н. э. окончилась заключением мирного договора между кельтиберами и римлянами на следующих условиях:

I. Кельтиберы отныне являются друзьями и союзниками римлян.

II. Гракх от имени римского сената наделил лузонов, беллов и титтиев лучшей землей на территории Ближней Кельтиберии.

III. Кельтиберы обязаны ежегодно уплачивать претору Ближней Испании определенные налоги.

IV. Племена Ближней Кельтиберии—лузоны, беллы, титтии должны были ежегодно поставлять на римскую службу вспомогательное войско.

V. Кельтиберам запрещается строить новые города (воздвигать укрепленные центры).

Договор был скреплен клятвой Гракха и присягой кельтиберов (App., Iber., 43; Liv., XL, 50, 5).

Интересно, что в заключении договора принимали участие также и ареваки—основное и самое могущественное племя кельтиберов, живущее на верхнем Дуэро. Это подтверждается данными Полибия (XXXV, 2, 15) и Аппиана (Iber., 48).

Но этот договор не был прочен: кельтиберы не подчинились рабовладельческому Риму. Ливий говорит: «как только Гракх выводил из какой-либо области [Кельтиберии.—Л. Р.] свои легионы, там тотчас же начиналось восстание» (XL, 50). Спустя несколько лет после заключения Гракхом договора с кельтиберами племена лузонов, беллов и титтиев неоднократно с оружием в руках выступают против своих завоевателей. Так, например, в 175 г. до н. э. в Ближней Кельтиберии развернулась настоящая освободительная война против завоевателей. Ливий (XLI, 26) пишет: «кельтиберы в Испании, побежденные и сдавшиеся Тиб. Гракху, жили мирно в то время, когда этой провинцией управлял М. Титиний. По прибытии Ап. Клавдия

они восстали и начали войну, напав неожиданно на римский лагерь». Поэтому неудивительно, что договор 179 г. до н. э. был вскоре расторгнут и вновь началась война сильнейших племенных объединений Испании—кельтиберов и лузитанов—с Римом (154 г. до н. э.). Но эти события составляют уже предмет специального рассмотрения.

Кельтиберийская война 197—179 гг. до н. э. закончилась поражением испанцев. Как и в последующие времена, племена Испании, переживавшие стадию разложения родового строя, были слабы и разобщены. Прав Флор, писавший: «Испания никогда не пыталась вся восстать против римлян» (II, 3). В этом основная причина неудач почти 200-летней борьбы испанцев против рабовладельческого Рима. Но первая кельтиберийская война 197—179 гг. оказала большое влияние на исторические судьбы древних иберов, значительно ускорив процесс разложения родового строя и содействуя совершенствованию их военной техники. Немалое значение имела эта война и для Рима: она потребовала от него напряжения финансовых и военных ресурсов и стоила гибели десятков тысяч римских воинов, павших в войне с храбрыми кельтиберами, отстаивавшими свою свободу и независимость.

Л. М. Роголин

К ВОПРОСУ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ СЕВСАМОРЫ

(Strabo, Geogr., XI, 3, 5)

Упомянув место слияния Арагвы с Курой, Страбон в своей «Географии» в описании Иберии, XI, 3, 5, как-то говорит:

...ἀπὸ δὲ τῆς Ἀρμενίας τὰ ἐπὶ τῷ Κύρῳ στενὰ καὶ τὰ ἐπὶ τῷ Ἀράγῳ πρὶν γὰρ εἰς ἀλλήλους συμπέσειν, ἔχουσιν ἐπικειμένους πόλεις ἑρμηνὰς ἐπὶ πέτραις, διεχούνας ἀλλήλων ὅσον ἐκκλιθεὶς σταδίου ἐπὶ μὲν τῷ Κύρῳ τῇν Ἀρμενίαν, ἐπὶ δὲ θαλάρῳ Σεσαμόρῳ (var. Σεμόρῳ)

...Со стороны Армении образуют проход ущелья при Кире (Куре) и Араге (Арагве); при этих реках, выше их слияния, лежат укрепленные города на скалах, отстоящих одна от другой стадиев на 16: при Кире (Куре) Гармозика, а при другой [реке] Севсамора (вар. Севмора) ¹.

Как давно уже установлено в специальной литературе, Ἀρμενίαν Страбона — это не что иное, как Harmastis, resp. Hermast или Hermastus П л и н и я. (NH, VI, 11, var. 10), та же Ἀρμενίαν, resp. Ἀρμενίαν П т о л е м е я (Geogr., V, 10) и Ἀκρόπολις Диона Кассия, покрывающие собою грузинское «Армацихе»².

Еще давно³ нами было высказано положение, вполне оправдавшееся археологическими раскопками последних лет⁴, о том, что упомянутый Страбоном один из укреп-

¹ ВДИ, 1947, № 4, стр. 218

² Л. Меликсет-Бекоев, Армизни. Историко-археологический очерк, «Материалы по истории Грузии и Кавказа», изд. Груз. Фил. АН СССР, 1938, стр. 44—48.

³ Л. Меликсет-Бекоев, В поисках Страбоновой Севсаморы: ИКОРГО, XXV, (1917), № 2—3, стр. 248—259; ср. ИКОМАО, IV, Тифлис, 1915, прил., стр. 11.

⁴ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. 1, Тб., 1946, стр. 69 и рис. на стр. 84; А. Апакидзе, Археологические раскопки в древнейшей Грузии, «Большевик», 1945, № 6, июнь, стр. 69—88 (на груз. яз.). Информационные заметки в газетах: «Правда», 1945, 12/I, № 12; «Заря Востока», 1944, 31/VIII, № 174; 15/IX, № 185; 1945, 14/I, № 10; 9/X, № 200; 1946, 8/X, № 202.

пленных городов на скалах (πόλεις ἐρούνας ἐπὶ πέτραις), мыслимый именно при Куре, следует отождествить не с тем незначительным вамком на конусообразной скале, что в лабиринте на перекрестке или разветвлении Армазского и Карсанского ущелий, к югу от Мцхеты (как по традиции полагали до наших выступлений), а с не дошедшими до нас постройками, которые должны были находиться на высокой Армазской горе, напротив нынешних головных сооружений ЗАГЭС'а.

Что касается другого укрепленного города—Севсаморы, геср. Севморы, на скале при Арагве, то по вопросу о локализации его в литературе с начала XIX в. и до наших дней одновременно высказаны были разноречивые положения.

Так, французский ориенталист М. Saint-Martin отождествлял Севсамору-Севмору с Самтавро—с той цилиндрической башней-крепостью из гольшей и кирпича, которая возвышается посреди ограды Самтаврского монастыря во Мцхете, к юго-западу от большого храма постройки середины XI в.¹ По состоянию тогдашних археологических знаний М. Saint-Martin мог еще относить крепость Самтавро к столь глубокой древности. Однако теперь можно категорически утверждать, что Самтавро в целом (не считая, конечно, близлежащего кладбища эпохи язычества)—памятник средневековый, с позднейшими наслоениями².

Известный грузинский историк-археолог П. Иоселиани искал Севсамору-Севмору в Саркинетских горах, опоясывающих б. Шиомгвимскую лавру, что к западу от Мцхеты³.

Несостоятельность идентификации историком П. Иоселиани Севсаморы-Севморы с Саркинети очевидна сама по себе, уже по одному тому, что местоположение последнего (Саркинети) на расстоянии нескольких километров к западу от Мцхеты и вообще места слияния Арагвы с Курой, притом расположенного по левому берегу Куры, абсолютно не соответствует и явно противоречит вышеприведенному описанию Страбона.

Независимо от сего, со второй половины XIX в. в среде некоторых ученых укоренилось мнение о тождестве Севсаморы с Цицамури грузинских исторических источников. Выразителем этого мнения можно считать, между прочим, историка А. Н. Натроева и А. Апакидзе, которые полагали, что Севсамора—это «нынешняя деревня Цицамури, находящаяся на левом берегу р. Арагвы, со стороны горы Зедазенской», где действительно, «сохранились следы древних строений, требующих продолжительных изысканий». При этом он (А. Н. Натроев) замечал, что «недавно (значит, в конце XIX в.—Л. М.-Б.) в урочище Цицамури поселилось несколько дымов, присвоивших себе (курсив наш.—Л. М.-Б.) это древнейшее название»⁴.

В свое время (1916), коснувшись этих соображений А. Н. Натроева, мы высказались следующим образом: «Спорить против того, что недавно поселившиеся по левому берегу р. Арагвы крестьянские дымы могли себе присвоить название древнего города Цицамури, конечно, не приходится, так как можно допустить, что не только в новое время, но даже и в средние века под названием Цицамури было известно поселение именно по левому берегу р. Арагвы», поскольку преемственный переход названий многих античных городов с течением веков к другим пунктам, подчас даже весьма отдаленным от своих имядателей,—факт общеизвестный»⁵. Однако в результате наших изысканий и наблюдений мы тогда (1916) пришли к тому заключению, что Севсамору-Севмору нужно искать не по левому, а по правому берегу р. Арагвы,

¹ M. Saint-Martin, *Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie*, t. II, Paris, 1819, стр. 178.

² Ср. Н. Северов и Г. Чубинашвили, Мцхета [«Сокровища водчества народов СССР», изд. Академии архитектуры СССР, Москва, 1947], стр. 11, 47, 75, 83.

³ П. Иоселиани, Описание Шиомгвимской пустыни, Тифлис, 1845, стр. 4. Ср. Л. Меликсет-Бекоев, К скифской проблеме, в связи с вопросом о саках, наспах и берах, «Материалы по истории Грузии и Кавказа», 1937, вып. VII, стр. 533.

⁴ А. Натроев, Мцхет и его собор Святи-Цховели, Тифлис, 1901, стр. 7; ср. А. Апакидзе, Археологические раскопки в древнейшей столице Грузии, «Большевик», 1945, № 6, июнь, стр. 82 (на груз. яз.).

⁵ Л. Меликсет-Бекоев, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 251.

севернее так наз. Самтаврского поля-кладбища, с приурочением ее к остаткам крепости Напхор-Бебрисцихе, что на невысокой скале, расположенной между течением р. Арагвы и Военно-грузинской дорогой, проложенной в XIX в.¹

Положение это, однако, ныне, в свете результатов археологических раскопок и открытий последних лет, требует коренного пересмотра, в смысле максимального согласования его с указанием Страбона, заслуживающего, конечно, безусловного доверия.

Аргументация А. Н. Натроева по отождествлению античной Севсаморы-Севморы с нынешним урочищем Цицамури, которое мы бы назвали Новым Цицамури, по сравнению с положениями М. Saint-Martin'a и П. Иоселиани, имела то преимущество, что она базировалась, во-первых, на созвучии греческой «Севсамора» с грузинским «Цицамури», и, во-вторых, на факте бытования на месте нынешнего урочища древнего названия, которое новыми поселенцами и было присвоено.

Однако пример Армазцихе, которое на протяжении веков усматривали в небольшом замке, расположенном на противоположном конце так наз. Армазского протяжения, между тем как античный город-крепость под этим названием следовало бы искать на другом конце—ближе к месту слияния Арагвы с Курой, думается нам, должен быть достаточно поучительным, чтобы и в вопросе локализации Севсаморы несколько поумерить пыл увлечения народными преданиями.

Во всяком случае ясно, что по аналогии с тем, как Армовике—Армастис—Армактика (Армастика) являются искажениями грузинского «Армазцихе», и Севсамора представляется искажением грузинского «Цицамури»². Одновременно с этим, тогда же (1916) и несколько позже (1918), по вопросу о генезисе топонимического термина, нами высказано было положение, что «в основе названия Цицамури имеем термин, оставленный в виде следа при движении яфетидов по Арагвскому ущелью», и вскрыть его, на наш взгляд, «было бы возможно не иначе, как в одном из горских говоров грузинского (картского) языка»³.

Касаясь семантико-этимологической и морфологической стороны вопроса, мы также отмечали, что Цицамури—это «типичное яфетическое название, характеризующееся сугубым множественным числом, т. е. двойным показателем множественности амиур», из основы «ц'иц'и», по-армянски звучащей «ц'иц», в значении сисъки, соски, в зависимости от чего «Цицамури могло бы означать не что-либо иное, как plurale tantum от ц'иц'и сисъки»⁴. К тому же и понятие кормилицы у грузин выражается не иначе, как словом დედა.

Такое семасиологическое толкование «Цицамури» с первого взгляда могло бы, конечно, показаться произвольным, как бы натяжкой. Однако эта кажущаяся натяжка легко может быть устранена, как только название «Цицамури» будет сопоставлено с бытующим на месте пережитком матриархального строя—грузинским же названием «Даудзус-цкаро», означающим источник или родник сосков, груди⁵, под которым известен родник при часовенке, что на половине высоты той скалы, где расположен монастырь Джвари, называемый также Борцвис-Джвари («Крест на холме») или Джварис-сакдари («Чернов крест») — Джварис-монастери («Монастырь креста»), равно как Джвари патиосани («Честный крест»).

¹ Там же, стр. 258—259; он же, Армазни, стр. 23. Ср. Н. Северов и Г. Чубинашвили, Мцхета, М., 1946, стр. 43.

² Ср. Л. Меликсет-Бекон, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 250.

³ Там же, стр. 249—250. См. также: Л. Меликсет-Бекон, К этимологии названий «Мцхета» и «Цицамури» (Из лексических материалов по грузинским говорам); «Христ. Восток», 1918 г., т. VI, вып. I, стр. 90. Ср. Г. Брегадзе, Небольшое разъяснение, газ. «Сакартвело», 1916, № 224 (на груз. яз.).

⁴ Л. Меликсет-Бекон, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 249.

⁵ Л. Меликсет-Бекон, Кахтубанский храм, «Христ, Восток», 1915, III, вып. 3, стр. 309 и прим. 2 там же. Ср. он же, Армазни, стр. 100.

Сопоставление же топонимического термина «Цицамури», как *plurale tantum* от *соски*, *сисъки*, *грудь*, с названием «Дзудзус-цкаро», означавшим *источник* или *родник* *сосков* *грудь*, в связи с уточнением, в результате археологических раскопок последних лет, местоположения исторического Армазиха (Армозике Страбона), способно приоткрыть нам новую страницу в деле изучения истории древнейшей столицы Иберии—Мцхеты и ее предместий-пригородов,¹ в частности по выяснению местоположения укрепленного города при Арагве—античной Севсаморы, который никак уже нельзя идентифицировать ни с Самтавро (M. Saint-Martin), ни с Саркине (И. Иоселиани), ни с урочищем Цицамури (А. Натроев и др.), ни с Нацхор-Бебрисиха (как полагали мы в 1916 г.), а только лишь с Борцвис-джвари, где в христианскую эпоху возникли церковные сооружения, в частности монастырь креста (Джвари), воспетый в «Мцъри».

Теперь спрашивается: насколько разумны наши доводы для пересмотра в настоящее время вопроса о местоположении античной Севсаморы-Севморы с новой попыткой локализации последней у Борцвис-джвари, т. е. у той скалы, которая в христианскую эпоху увенчана была храмом Св. креста или, как на месте называли, «Честного креста Мцхетского» (Мцхетис-Джвари).

Как известно, ни один район Грузии не насыщен атрибутами матриархального строя так, как то мы наблюдаем во Мцхете и ее топонимике: «девис-намухли» (место коленопреклонения дива), «дзудзус-цкаро» (источник грудь), «светицховели» (живой или животворящий столп), «джвари [дзели] патиосани» (честный, -ое крест, древо)¹ и пр. Из этих атрибутов два, именно «дзудзус-цкаро», как дериват «Цицамури», и «дзели патиосани», свяваны с Борцвис-джвари, на вершине которой (скалы) в дохристианскую эпоху, надо полагать, возвышался на пьедестале или базисе менгир, впоследствии увязанный с культом фаллуса, а еще позднее, с IV в. н. э., замененный деревянным крестом. Последний, как известно, пользовался большой популярностью в глазах населения не только Грузии, но и Армении, (как свидетельствует древнеармянская «Книга посланий» (*Liber epistolarum*)², по аналогии с Манглиским каменным крестом, дошедшим до нас под названием «каменной невесты» (квата-рдзали), как пережитком того же матриархального строя³. Остатки же этого базиса в трансформированном, конечно, виде и донныне сохранились посреди (под куполом) храма креста (Джвари)⁴, представляющего собою тетраконховое центрально-купольное сооружение, воздвигнутое в виде защитного покрытия над обветшавшим к тому времени (началу VII в.) деревянным крестом.

Время, когда матриархальные порядки были сменены патриархальными и в результате этого произошли сдвиги в надстроечных категориях, и, между прочим, трансформации культовых объектов, применительно к Грузии вообще и древней Иберии (Восточной Грузии) в частности, конечно, трудно проследить. Однако факт, что в рассказе о деятельности иберского царя Фарнаджомом (правившего за несколько веков до н. э.), который, в связи с принятием огнепоклонства, вызвал из Персии огнепоклонников и магов для «глумления над идолами», грузинский историк XI в. Леонтий Руисский (Мровели) отмечает, как этот поступок возбудил большинство из эриставов правителей областей Картлии, которые обратились за помощью к армянскому царю, сообщив ему: «Наш царь переступил закон отцов (предков)

¹ Л. Меликсет-Бекоев, Армази, стр. 100.

² «Книга посланий» (Гирк тхтоц), Тифлис, 1901, стр. 164, 171, 178, 194 (на арм. яз.).

³ Л. Меликсет-Бекоев, Мегалитическая культура в Грузии. Материалы для истории архайческого монументального искусства, Тбилиси, 1938, стр. 112—113 и рис. на табл. LVII (на груз. яз. с русск. резюме).

⁴ К. Кекелидзе, К вопросу об иерусалимском происхождении грузинской церкви, СПб., 1914, стр. 3—4; Л. Меликсет-Бекоев, К вопросу об устройстве алтаря в древней Грузии, «Христ. Восток», 1915, IV, вып. 3, стр. 310—312.

наших и не служит богам—владыкам Картлии, ибо; принял отеческую религию (букв.—отеческий закон) и оставил религию матернюю (закон матерний)»¹.

Но для отождествления античной Севсаморы (Севморы)-Цицамури с Борцвис-джвари необходимо учесть еще одно важное указание Страбона: скалы, увенчанные укрепленными городами Армовине и Севсамора, отстояли одна от другой на расстоянии 16 стадиев. В связи с этим возникает вопрос: насколько наша новая гипотеза или презумпция

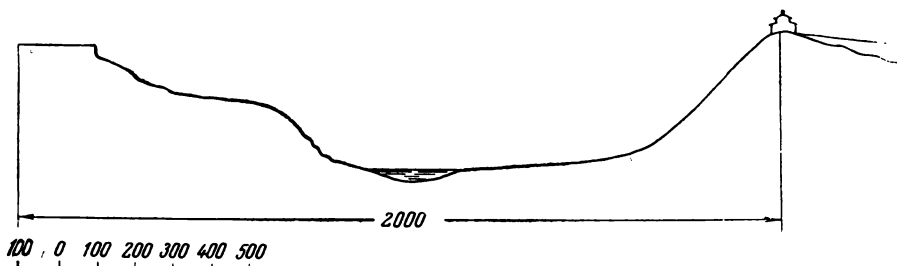

Рис. 1.

соответствует этому указанию Страбона или насколько таковая согласуется с ним? Точное определение стадия, как известно, дает Арриан, согласно которому $7\frac{1}{2}$ стадиев составляют римскую милю. Если же римскую милю принять равной 1478,7 м, то получится, что стадий равняется 197,16 м, а 16 стадиев—примерно 3154 $\frac{1}{2}$ м. Значит, Армовине отстояло от Севсаморы примерно на 3 км 154 $\frac{1}{2}$ м².

Расстояние между Багнити и Борцвис-джвари по прямой линии, конечно, меньше 3 км, пожалуй, около 2 км. Но если дистанцию между обоими пунктами исчислять, с учетом особенностей топографии, рельефа и конфигурации местности, сначала по Армазскому выступу-носу (по выражению грузинского летописца), т. е. косоугору некогда (до взрыва в 1867 г. скалы при проведении железной дороги от Тбилиси до Поты), спускавшемуся прямо к Куре, а затем по схожему косоугору³ с противоположной стороны, идущему на Борцвис-джвари, с пересечением, между ними, течения р. Куры вброд или на плотках-навтиках,—то это расстояние, пожалуй, покроется более или менее точно (см. рис. 1).

При этом нужно помнить, что выступы-носы или, что то же, косоугоры, спускавшиеся (один из них правобережный, и ныне спускающийся, но в ином, после взрыва 1867 г., очертании) к месту слияния Арагвы с Курой с обеих сторон, имели искусственным продолжением (до реки) крепостные стены, на что, между прочим, указывает и хроника «Обращение Картлии», приписывающая конкретно возведение таковой стены между Курой и Армазским «носом» царю Фарнадзому⁴ (IV—III вв. до н. э.). При учете этого обстоятельства можно полагать, что Страбон⁵ определяет расстояние между скалами, увенчанными укрепленными городами Армовине и Севсамора, не по прямой линии, как мы думали раньше (1916), когда Севсамору приурочивали к Нацхор-Бибрисцихе⁵, или, как ныне утверждает А. Апакидзе, уверенный в идентичности

¹ «Картлис-Цховреба» («История Грузии»). Список царицы Анны, Тбилиси, 1942, стр. 21 (на груз. яз.). Ср. Л. Меликсет-Бек ов, К вопросу об обычае куады на Кавказе, сб. «Н. Я. Марру», Л., 1935, стр. 735; о н же, Армази, стр. 43—44.

² Л. Меликсет-Бек ов, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 253.

³ Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северов, Пути развития грузинской архитектуры, Тбилиси, 1936, стр. 29 (акварель Н. П. Северова); Н. П. Северов и Г. Н. Чубинашвили, Мухета, М., 1946, стр. 89 (та же акварель).

⁴ Е. Такайшвили, Описание рукописей, II, 709; о н же, Источники грузинских летописей, стр. 11. Ср. Л. Меликсет-Бек ов, Армази, стр. 24.

⁵ Л. Меликсет-Бек ов, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 258—259.

античной Севсаморы и нынешнего урочища Цицамури¹, а по кратчайшему пешеходному пути, по косогорам и вброд или на плотах-навтиках через р. Куру, минуя мост магов (Могута), который был расположен выше слияния Арагвы с Курой, по Куре².

Нисколько не отрицая того факта, что под названием «Цицамури» (отсюда греческая форма «Севсамора») в средние века мог быть известен поселок или селение на месте нынешнего «урочища» Цицамури, мы, тем не менее, думаем, что античная Цицамури-Севсамора должна была находиться гораздо ближе к Мцхете,—как мы полагаем, на месте Борцвис-джвари.

Мало того. Если Армозике (Армазихе), будучи расположено на Багнити и питаясь источниками Карсанского ущелья и Карсанской речки давало резонанс до так наз.

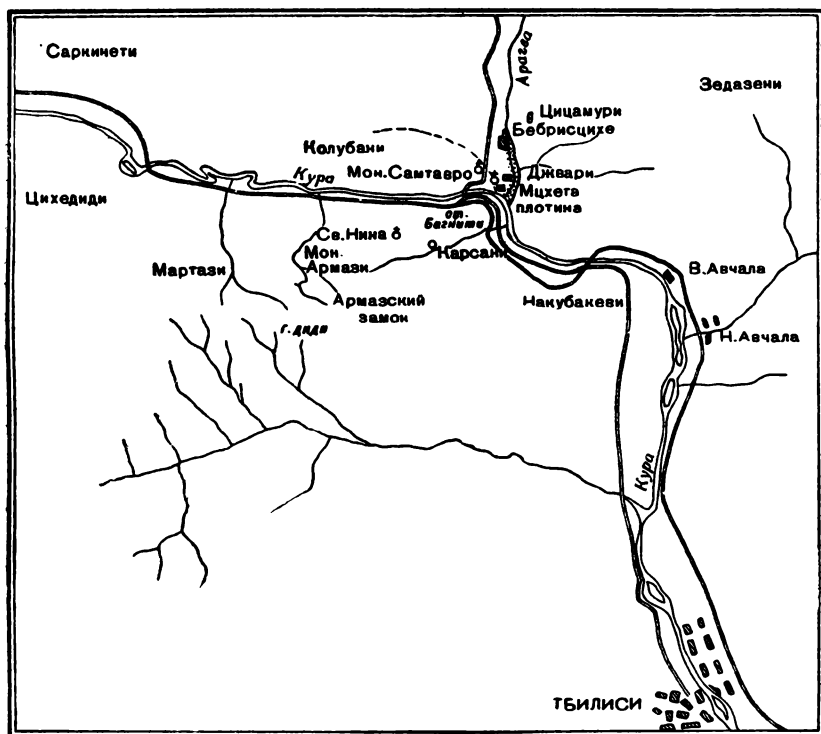

Рис. 2.

малого Армазского замка («замка у оконечности Армазского протяжения»), на который с течением времени перешло название «Армазихе», донесенное до наших дней, то и Севсамора (Цицамури), будучи раскинуто на плато и в котловине Борцвис-джвари и питаясь ближайшими источниками, что за озером, а также даудзус-цкаро, давала не меньший резонанс до нынешнего «урочища» Цицамури, за которым это название «Цицамури» и закрепилось на протяжении веков, одновременно будучи вытеснено с Борцвис-джвари или, вернее говоря, предано здесь забвению.

Археологические изыскания на Борцвис-джвари должны будут, по нашему мнению, вскрыть более древние пласты строительства на этой скале,—если не такого грандиозного масштаба, как в Багнити, то, во всяком случае, с и х р о н и с т и ч е с к о й с последним категорией античной культуры, [каковые пласты, как нам представляется, похоронены под фундаментом церковного строительства, начатого здесь, по определению

¹ А. Апакидзе, ук. соч., стр. 82.

² Ник. Ив. Квезерели-Копадзе, Древний Мцхетский мост через р. Куру, Тбилиси, 1947 (под нашей редакцией).

Г. Н. Чубинашвили, с конца VI в. и завершеного сооружением в начале VII в. над открыто стоящим на воздухе деревянным крестом тетраконхового центральнокупольного храма, впоследствии монастыря, воспетого М. Ю. Лермонтовым, не считая, конечно, разновременных построек фортификационно-крепостного значения с некоторыми весьма древними пластами.

Очередная задача мцхетской археологической экспедиции АН Груз. ССР—заняться вопросом по выяснению скрытых в земле пластов—остатков античной Севсаморы (Севморы)-Цицамури путем производства раскопок на территории монастыря креста (Джаври) на холме Борцвис-джвари и озерного бассейна за ним.

Л. Меликсет-Беков

ПОЛЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО У КАТОНА

Историки древнего мира, писавшие на рубеже XX в., были твердо убеждены, что обеднение италийского крестьянства, так патетически изображенное в общеизвестном отрывке из одной речи Тиберия Гракха, было, в конечном счете, вызвано тем, что италийский рынок оказался завален провинциальным и заморским хлебом, который продавался по цене, столь низкой, что полевое хозяйство превратилось в статью вовсе невыгодную. Поэтому крупные землевладельцы от него почти совсем отказались и перешли к разведению виноградников и масличных садов, а крестьяне, у которых для организации винодельческого и маслодельного хозяйства, конечно, не было средств, стали бросать свои земли и уходить в города, чаще всего в Рим, рассчитывая отчасти на заработок, а главным образом на даровое содержание от государства.

Эти положения, до последнего времени остававшиеся непреложными для всякого, занимавшегося древним Римом, будь то ученый исследователь или студент-первокурсник, давно нуждаются в пересмотре. В настоящей работе я ставлю себе скромную задачу: посмотреть, бросил ли крупный землевладелец полевое хозяйство и выгодно ли было ему его бросать.

Главным источником нашим для решения этой задачи является Катон, тот самый Катон, основываясь на котором и Моммзен, и Нич, и Ростовцев вычертили знакомую схему, превратившуюся для римской истории в нечто аналогичное постулатам Евклида в геометрии. Каждое поколение, однако, перечитывает источники заново и обязано их перечитывать. Работа предшественников, их достижения и самые их ошибки позволяют заметить то, что ускользнуло от их, часто пристального и зоркого, глаза. Иногда случается, что ими упущена одна какая-то подробность, отсутствие которой сдвигает, однако, все пропорции и искажает реальную картину прошлого. Такой подробностью, которую просмотрели западные историки Рима, было сосуществование садовых и полевых культур на одном и том же месте. Нелепо было бы утверждать, что во II в. до н. э. не разводили маслин и не занимались виноградарством. Это время было как раз временем пышного расцвета маслиноводства; что касается виноградарства, то и его размеры, в соответствии с разросшимися потребностями местного рынка, должны были расширяться. Этот расцвет и это расширение вовсе, однако, не означали почти полного уничтожения хлебного хозяйства: пшеница не бежала перед ловой и маслиной, отдавая им, счастливым завоевателям, свою территорию: она продолжала удерживать за собой старое место, превосходно уживаясь с новыми насельниками, которых она гостеприимно приютила на своей щедрой земле.

В а р р о н, писавший свое «Сельское хозяйство» в 30-х гг. I в. до н. э., заметил, что Италия производит впечатление сплошного плодового сада (I, 2,6). Варрону вообще можно верить: он внимателен и точен в своих наблюдениях, но здесь его можно было бы, пожалуй, заподозрить в патриотическом увлечении, если бы ему на поддержку не

пришел Колумелла, оставивший нам драгоценное изображение полевого пейзажа, причем изображение это дано в таком контексте, что ни о каком искажении действительности, нечаянном или умышленном, здесь не может быть и речи. Колумелла перебирает разные типы пастбищ для свиней и советует хозяину пасти свое свиное стадо в местах, не имеющих лесов и болот, на паровом поле, «засаженном разными деревьями, которые дают плоды, сменяющие друг друга в течение года: тут есть яблоки, сливы, груши, разные орехи и винные ягоды» (7, 9, 8). Над созданием в широком масштабе этого полевого пейзажа, в котором комбинируются плодовые деревья и хлебные посевы, начали работать современники Катона: старый цензор показывает их за этой работой: поле, на котором будет произведен посев (*vervacium* 27), покрывается ямами для маслин, смоковниц, лоз и яввов, по которым будут виться эти лозы. В другом месте он же говорит о маслиннике, в котором между деревьями сеют *rabulum*, т. е. различные бобовые (29).

Надо сказать, что полевое хозяйство древней Италии ко времени Катона достигло в смысле агрономии и агротехники высоты, которая в дальнейшем италийскими хозяевами превзойдена не была. Полеводческие советы Колумеллы, хозяина превосходного, в основном только повторяют, несколько перефразируя, советы Катона. Если эти превосходные полеводы сеяли много бобовых, зная при этом их удобрительную силу, то совершенно ясно, что в системе севооборота эти бобовые предваряли посев хлебов: пшеницы, полбы, ячменя. Если в масличном саду сеяли бобовые, то это означало, что на следующий год на этом самом месте будут посеяны хлебные злаки. Колумелла говорит (5, 9, 11), что масличный сад обычно разбивали на две половины: одну засевали, другая оставалась под паром. Это сообщение, будучи сопоставлено с тем, что говорит Катон, позволяет представить себе следующую картину хозяйства, которая при вышеприведенных предпосылках окажется единственно реальной: маслинник разбит на две половины: одна из них засеяна бобовыми; на следующий год здесь сеют хлеба, а вторую половину отводят под бобовые и т. д., с постоянной сменой одних растений другими.

Итак, соединение хлебного поля и масличного сада засвидетельствовано самим Катонем. *Arbustum*, т. е. виноградник, где лозы вились по деревьям, устраивали, как мы видели, тоже на хлебном поле. Катон нигде, правда, не упоминает, что вырослый *arbustum* засеивается, но об этом, как о чем-то общепризнанном и само собой разумеющемся, говорят и Плиний (17, 203) и Колумелла (2, 2, 24). Единственным местом, не терпевшим комбинированных культур, был виноградник (33, 3), в котором лозы подвязывали к колыям и шпалерам (*vīlae*).

Хозяйства, которые имеет в виду в своей книге Катон, богаты хлебом. Хлеб производится ими не только для собственного потребления, но и на продажу (2, 7). Некоторые советы Катона можно понять, только признав изобилие хлеба явлением, для этих хозяйств нормальным. Он рекомендует, например, употреблять на подстилку для скота такой драгоценный кормовой материал, как мякину (37, 2). При чрезвычайной расчётливости в кормах и большой бережливости к ним, столь характерной для Катона, подобная трата мякины возможна только при таком ее обилии (следовательно, и при обилии хлеба), что девать ее некуда. Ни один из последующих писателей-агрономов не посоветует использовать мякину в качестве подстилки.

В тех двух хозяйствах, для которых Катон оставил опись инвентаря, названы «20 доливов для хлеба» (10, 4; 11, 2). Обычная вместимость доливов, упоминаемых Катонем, — 55 амфор; амфора равна 26,26 литра, а модий пшеницы — 8,754 литра, т. е. 20 хлебных доливов вмещают почти 3 000 модиев. Если инвентарь виноградника отнюдь не продуман и в нем попадают предметы совершенно случайные, то в описи для масличного сада все строго предусмотрено, и 20 хлебных доливов стоят там не зря: можно спокойно считать, что они предназначались для хлеба с собственных полей, а отнюдь не купного: *patrem familiae vendacem, non emacem esse oportet*. Да для 13 человек, работающих в этом хозяйстве, и не нужно было такого количества: круглым числом на них шло около 600 модиев. Такое же количество требовалось на посев (засевалась половина маслинника — 120 югеров; на югер для посева 5 модиев), остальное составляло тот излишек, который поступал на соседние рынки.

Комбинированные культуры были уроком, полученным итальяскими хозяевами от кампанских греков; начиная со II в. расширена была только сфера приложения этого урока. Хозяину незначало было отказываться от хлебных посевов в своем маслиннике или *arbustum*: тот и другой сам по себе требовали, по крайней мере, двукратной вспашки: для засева надо было добавить еще немного работы и некоторое количество верна, возвращавшегося с лихвой. С остальными работами: мотыжением, прополкой, жатвой, которые как раз требовали большого числа рабочих рук, хозяин справлялся с помощью издольщиков.

Попробуем теперь приблизительно определить, какой доход добавочно получал Катон со своего масличного сада, засевая его хлебом.

Мы видели уже, что ежегодно засевалась одна половина всей площади сада, т. е. 120 югеров. Варрон говорит, как об урожае обычном, об урожае в сам-10. Сократим из осторожности эту цифру до сам-6: допустим, что с югера урожай был только 30 модиев; 6 модиев получал издольщик, 5 модиев шло на посев; у Катона, следовательно, оставалось 19 модиев с югера, т. е. со всего участка круглым числом 2 000 модиев, за которые он получал чистых 6 000 сестерциев. Не было смысла отказываться от такого большого и так легко дающегося дохода, тем более, что доход этот был верным: Италия нуждалась в собственном хлебе. В военное время, — а первая половина II в. была временем почти непрерывных войн, — когда в строю находилось легионов восемь, весь сицилийский хлеб шел на армию. Если количество войска доходило до 10—12 легионов, приходилось еще прикупать хлеб в Африке и в других местах. Иногда этот добавочный хлеб Рим получал в качестве подарка, например от Масиниссы. В мирное время, когда армия состояла из 5—6 легионов, на нее шло 720 000 модиев — примерно вся обычная сицилийская десятина. Очень малая часть этого хлеба могла поступить на римский рынок. Италия должна была сама снабжать себя хлебом. Начиная с 194 и до 164 г. включительно, население Италии все время увеличивается. К числу свободных надо прибавить еще большое количество рабов, захваченных в военное время. Местный рынок требовал хлеба, и как крестьянину, так и крупному землевладельцу, было выгодно это требование удовлетворить. Мы не знаем хлебных цен в провинциальной Италии — где-нибудь в Помпеях, в Капуе или в Лавренте, но как бы они ни были [низки (а вряд ли они были значительно ниже римских)], обработка хлебного поля и его засев обходились хозяину еще дешевле, и хлебное поле обещало ему неизменный доход. Хозяин катоновского времени никак не упускает его из виду: недаром же Катон, писавший в своей книге только о том, что он считал важным и нужным, посвятил полемому хозяйству две подробные главы (34 и 35), представляющие собой сводку всего полеводческого опыта предшествующих поколений. Если бы полевое хозяйство в крупном имении отмирало, вряд ли бы эти главы у него появились.

М. Е. Сергеевко

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОМПЕЯ ТРОГА

Несмотря на наличие огромной литературы об историках древнего мира и их отдельных произведениях, вопросы античной историографии нельзя считать достаточно разработанными. Это объясняется тем, что исследователи нередко ставили перед собою преимущественно источниковедческие задачи, не задаваясь целью охарактеризовать более или менее всесторонне тот или иной момент в развитии греческой или римской

историографии в полном смысле этого слова. Под исследованием вопросов античной историографии автор понимает изучение античного историка как представителя определенного направления в науке, связанного многообразными нитями с общественно-политической обстановкой своего времени и с традициями, сложившимися в области исторического исследования. При этом изучении необходимо учитывать социальную позицию данного писателя, его политические взгляды, концепцию исторических событий, приемы исследования, терминологию и понятия, особенности стиля и фразеологии. Выяснение этих вопросов должно определить место античного историка в развитии исторической науки древности, его принадлежность к одному из направлений, существовавших в ней, и показать, выразителем взглядов и интересов каких социальных групп он является.

При изучении античной историографии всегда придется считаться с тем, что из огромного историографического наследия древности сохранилось сравнительно немного, что о многочисленных, иногда в высшей степени замечательных авторах мы знаем нередко лишь на основании позднейшей, мало искусной и искажающей оригинал обработки или скудных фрагментов, что произведения других вовсе не дошли до нашего времени. При таких условиях показ того, как органически работа данного автора увязывается с понятиями и нравами общества его времени и с исторической традицией, может показаться невыполнимым. Тем не менее, если даже в иных случаях разрешить эту задачу нельзя, поставить ее, мне кажется, следует, так как только тогда мы будем, по крайней мере, ясно представлять себе, чего нам не хватает. В настоящей работе автор не предполагал браться за разрешение подобной, в высшей степени сложной и трудной задачи по отношению к Помпею Трогу; он хотел бы сделать первые шаги в этом направлении, а именно наметить некоторые немногие, но важные моменты в анализе обширного произведения римского историка, которые в дальнейшем помогут нам понять его место и значение в развитии античной исторической науки.

По отношению к «*Historiae Philippicae*» мы находимся в своеобразном и особенно затруднительном положении. Об этом крупном произведении в 44 книгах мы знаем почти только из позднейшей компиляции Юстина, который произвольно сократил и часто до неузнаваемости искажал его. Труд Помпея Трога, как это было установлено уже давно, представлял собою в значительной мере изложение греческого оригинала. Таким образом, мы имеем дело по меньшей мере с двукратной переработкой, притом несомненно в том и другом случае очень менявшей первоначальное изложение. А между тем Помпей Трог был одним из крупных историков времени принципата Августа. Из всей довольно многочисленной, но известной нам большей частью лишь по именам плеяды римских историков этого времени мы знаем в сущности только двух: Тита Ливия и Помпея Трога. Перед нами труд, характеризующий сравнительно ранний и важный период римской историографии. С другой стороны, только в «*Historiae Philippicae*» мы имеем работу, в которой дается связный, хотя и краткий (в изложении Юстина), рассказ о всем эллинистическом периоде. Если об истории походов Александра сохранились более подробные и нередко более достоверные сведения, то для периода борьбы диадохов (после 301 г. до н. э.) и эпигонов для целых разделов истории эллинистической эпохи, например для истории царств в Бактрии и Парфии, «*Historiae Philippicae*» представляют нечто единственное и сохраняют и сейчас большой интерес как для изучающего эпоху эллинизма, так и для историка Рима.

До сих пор остаются недостаточно выясненными задачи, которые ставил перед собою автор «*Historiae Philippicae*», главные черты его общей всемирно-исторической концепции, содержание основных историко-философских, моральных и психологических понятий, которыми он оперирует. Лишь изучение этих вопросов в их внутренней связи, не по отношению к отдельным деятелям или историческим моментам, взятым изолированно, а на протяжении всего изложения Трога, позволит подойти и к проблеме политической направленности «*Historiae Philippicae*». В дальнейшем автор предполагает выяснить некоторые из основных понятий, с которыми мы встречаемся в этом труде и которые характерны вместе с тем для целой полосы в развитии античной историографии.

Труд Помпея Трога представлял собою обширное произведение в 44 книгах. Обработка Юстина—небольшая книга, сохранившая, впрочем, первоначальное деление на 44 книги. Время переработки не может быть точно установлено: Юстин жил, повидимому, во II в.¹ В своем предисловии он говорит о великой задаче, поставленной Трогом, этим, как он его называет, *vir priscae eloquentiae*, потребовавшей для своего решения великих духовных и физических сил. Он сравнивает его с Гераклом. Помпей Трог использовал,² отбросив ненужное (*omissis quae sine fructu erant*), материалы греческих историков, но распределил их по периодам и привел в порядок данные о событиях. К сожалению, задача компилятора, по его собственным словам, была совсем иная. Юстин стремился, выпуская все, что казалось ему нелюбопытным и не являющимся поучительным образцом (*quae nec cognoscendi voluptate jucunda, nec exemplo erant necessaria*), составить своего рода *florilegium* (*florum corpusculum*). Он надеется, что его работа будет для потомков свидетельством о его прилежании. И действительно, в IV и в особенности в V и следующих веках компиляция Юстина получила широкое распространение. Уже и Августин и Орозий имели перед глазами только обработку Юстина. Она сделалась самым популярным пособием по всеобщей истории. Между тем известно, как произвольно и неполно это пособие составлено, как мало в некоторых книгах осталось от первоначального текста, и это обстоятельство побуждает к осторожности, к необходимости постоянно учитывать безжалостную руку компилятора, искажающую когда-то существовавшее огромное и стройное целое. Средством некоторого контроля при этом служат *prologi*, составленные в III в. и дающие, правда, очень неравномерно, для отдельных книг перечень их содержания. Изучение этих прологов, их сравнение с изложением Юстина позволяют составить более правильное представление о композиции и главных чертах этого труда.

Источники, которые были использованы Помпеем Трогом, чрезвычайно многочисленны, а способ их использования сложен и многообразен. Логографы и Геродот, Фукидид, Ктесий, Феопомп и Эфор, Дейнон и Гиероним из Кардии, Клитарх, Тимей Полибий, Филарх, Мегасфен, Диокл из Пепарета, Посидоний, неизвестный автор сочинения по истории Бактрии и Парфии, римские анналисты и некоторые другие—такова пестрая картина тех материалов, которые были в очень искусной и детальной обработке даны уже в том греческом произведении, которое послужило основным источником для Помпея Трога; кое-что, несомненно, было добавлено и римским автором.

В настоящей работе автор вовсе не ставит своей задачей изучение этого сложного вопроса об источниках «*Historiae Philippicae*» в целом или частях. Да и едва ли его возможно разрешить вполне удовлетворительно для многих частей этого труда ввиду краткости изложения и скудости содержания переработки Юстина, хотя в некоторых случаях можно выделить разнообразные источники и показать направление, в котором шла их обработка. Одним из самых существенных вопросов является при этом проблема использования Трогом труда греческого историка Тимагена *περί Φιλίππων*. В настоящей работе «*Historiae Philippicae*» рассматриваются композиционно как нечто цельное. Я не задавался целью решать указанную проблему значения произведения Тимагена. Считать ли долю самого Трога значительной в идейном содержании его произведения или относить своеобразную и сложную историческую концепцию, которую мы находим в этом сочинении, целиком за счет Тимагена или другого автора, на данной стадии исследования это не имеет существенного значения. Можно сказать наоборот, что изучение основных понятий, которыми оперирует историк, и его общего понимания исторического процесса может дать некоторые опорные пункты и для суждения о роли римского историка и о степени его зависимости от греческого оригинала, которая в основном является достаточно доказанной. Мне хотелось обратить внимание не на фактический материал или способ его использования в тех или иных частях «*Historiae Philippicae*», но на его общее оформление, на понимание этого материала автором, которое сказалось во всех основных частях его обширного произведения.

¹ Некоторые исследователи относят его к III в. н. э.

Развитие историографии поздней эллинистической эпохи, как показывает прежде всего произведение Полибия, отличается большой сложностью. В это время существуют многочисленные и очень разнообразные по поставленным задачам, приемам изучения и характеру изложения исторические работы. Выработалась своеобразная и обширная историческая терминология. Нередко в сходных по теме произведениях авторы преследовали различные цели и шли разными путями. Поэтому недостаточно отнести данное произведение к определенному историческому жанру или отметить общие тенденции его автора, необходимо, по возможности, отдать себе отчет в особенностях его исторической концепции, в том, как он понимает и освещает исторические факты. У Трога мы находим совершенно определенную схему исторического развития и характеристику его сущности.

Основное понятие, которым он пользуется на протяжении всего труда, это понятие *imperium*. До сих пор, однако, нам кажется, обращалось недостаточное внимание на вопрос о том, как возникновение римской державы отразилось в сознании людей того времени, каков отношение и оценку встретила римская завоевательная политика в античной историографии и публицистике. Ведь не только у Полибия проблема образования римской державы и ее государственного строя стояла в центре внимания автора, но и в ряде других трудов II—I вв. до н. э. Посидоний и Диодор Сицилийский, Ливий и Дионисий с разных сторон подходили к факту образования римской мировой державы, но у всех них этот факт служит до известной степени отправным пунктом их работ. В сочинении Помпея Трога понятие империя является одним из центральных. Не только события всемирной истории представлены им в рамках истории мировых держав, сменяющих одна другую, причем среди них главную роль играет великая македонская монархия, но и в самое понятие *imperium* вложено достаточно определенное содержание, остающееся тем же на протяжении всего сложного, представляющего нередко настоящую мозаику в отношении использованных источников, произведения. Однако *imperium* у Трога—это не только общее понятие державы, но особая система господства, характеризующаяся совершенно определенными признаками. Историк не раз останавливается на вопросе об ее возникновении, развитии и упадке. В общем перед читателем рисуется следующая картина.

В начале своего исторического развития народы (*populi, gentes, nationes*) не имели законов (*leges*). Власть принадлежала царям (I, 1 сл.). Это доправовое состояние представлено в «*Historiae Philippicae*» на примере некоторых племен, особенно же на примере скифов.

Однако такое первоначальное «естественное» состояние, которое пережили и другие народы, сменилось иным: периодом установления *imperium'a*, господством произвола и захватнических стремлений. Вместо умеренности (*moderatio*) первых людей в государстве (*principum*) выступают царская прихоть и произвол (*libido*). Первым из основателей империя, кого называет Помпей Трог, был ассирийский царь Нин. Здесь нет возможности останавливаться на вопросе о том, как разрабатывалась в историографии конца республики давно, еще к концу V в., сложившаяся у греков традиция о Нине и Семирамиде. Отмечу только черты, помогающие выяснить понятие *imperium*. Нин изменяет древнему и как бы прирожденному обычаю (*mos*): с него начинается жажда новой власти (*novi imperii cupiditas*). И до Нина, признает Трог, были великие завоеватели: Сесострис в Египте, Танаус, царь скифов. Но их войны носили иной характер. И здесь, в первой главе первой книги, и в дальнейшем изложении Помпея Трога проводится несомненное различие между войнами в зависимости от их мотивов. Для властителей империи, подобных Нину, характерны прежде всего войны с соседями (*bella cum finitimis*), направленные на захват и длительное использование соседской территории. Этот захват служит базисом для дальнейшего расширения державы, распространяющейся на всю часть света или позднее на весь *orbis terrarum*. Цель завоевателя—создание империи, огромного комплекса подвластных земель (*continua possessio*), а не только победа над врагом и приобретение славы. Наконец, важно отметить еще одну черту войн, которые ведут

создатели империй: они направлены на приобретение личной власти¹. Владения Нина охватывают уже весь Восток, так же как впоследствии держава Кира.

Изменению характера войн, созданию обширной завоевательной державы соответствует—и это важно для уяснения точки зрения автора—изменение во нравах. Вместо *virtus* появляется *libido*, вместо умеренности (*moderatio*) высокомерие (*superbia*), жестокость (*crudelitas*) и жажда роскоши (*luxuria*). Сказывается это уже при ближайших преемниках Нина. При Сарданапале (I, 3, след.) наступает пора изнеженности (*effeminatio*), восточной роскоши. Появляются те детали роскошного царского обихода, которые так настойчиво указывает в дальнейшем Помпей Трог, рассказывая о переменах, последовавших при Александре Македонском (ср. XII, 3, 8 след.). Уже в начале труда римского историка звучат мотивы, еще более подробно разработанные в связи с основной темой—историей Македонской державы. Толпы наложниц окружают Сарданапала, он носит порфиру, женское одяние и пр. Внешнему виду соответствует моральная слабость: сладострастие, жестокость, стремление к пышности. Естественно, что та противоположность состояния общества и государства, нравов и стремлений, которую Помпей Трог обнаруживает уже на заре исторического развития, сохраняется для него все свое значение и в дальнейшем, когда он следит за судьбой отдельных, исторически сложившихся государств. Мы встречаем у него сходные суждения, оценки и термины при изложении истории Афин и Спарты, Македонии и Сицилии, Парфии и Рима. Представители завоевательных стремлений, агрессоры, как мы их назвали бы, рисуются у Трога резкими, а иногда крайне отрицательными чертами. Ксеркс, организовавший великий поход на Грецию, первый в бегстве, последний в сражении, высокомерный при отсутствии опасности, сам считает себя как бы владыкой природы. Он—«ужас народов» (III, 1, 1, ср. II, 10). Неумеренное стремление к власти, широчайшая завоевательная политика возбуждала страстную ненависть. Великую, например, ненависть снискали афиняне своей жестокостью в необузданных стремлениях к установлению державы (*immoderati imperii*—V, 1, 6). Агафокл, только по прибытии в Африку открывший свой замысел войнам, говорит о различии ведения войны на своей и чужой территории. Последнее выгоднее и потому еще, что союзники неприятеля отпадают, обращаясь к внешней помощи, вследствие ненависти к долговременной власти (*odio diuturni imperii*—XXII, 5, 4).

Установление *imperium* и приводит к рабству (*servitus*) покоренных народов. Греция оказалась под ярмом рабства уже при Филиппе, положившем основание мировой империи (XXX, 3, 9). Александр надел это ярмо рабства на Персию (XI, 14, 6 сл.). Этолийцы ставят себе в заслугу, что они одни относились с презрением к *imperium Macedonicum* в то время, как вся Греция была поработана Филиппом. В таких же словах и трижды на протяжении труда характеризуется позиция Спарты по отношению к Македонии при Филиппе и Александре. *Imperium* противопоставляется *libertas*. Филипп V полагает, что македоняне должны настолько лучше сражаться с римлянами, чем с другими народами, насколько свобода дороже *imperium*'а (XXX, 4, 6—7). Жители Тира считали бы позорным, если их женщины (имеется в виду Дидона-Элисса) обнаружили бы большее присутствие духа в стремлении к созданию державы (*imperium*), чем они сами, защищая свою свободу (XI, 10, 13). Из всего того, что было сказано, видно, что понятие *imperium* у Помпея Трога имеет определенное содержание и играет существенную роль в освещении исторических фактов. Как же представляется ход всемирной истории в изложении автора «*Historiae Philippicae*»?

Учение о мировых империях древнего происхождения: в форме представления о смене трех великих царств оно служило для изложения исторического материала несомненно уже в IV в.—у Феопомпа. Уже этот историк, следуя Ктесию, отнес к одному году конец ассирийского царства и начало мидийской державы. К этому же времени он приурочил и начало македонской монархии, которая в его изложении занимала в ходе всемирной истории последнее и самое важное место. Последующие историки

¹ Ср., VI, 8, 4—5: Эпаминонд *imperium non sibi semper, sed patriae quaesivit*...

конца IV в. (например, Дейнон) и эллинистической эпохи пошли по этому же пути дальше с некоторыми вариантами. Позднее к трем великим «империям» прежнего времени присоединяется четвертая, римская, и возникает таким образом учение о четырех мировых державах.

Эта теория получила широкое распространение и не раз уже в начале принцепата являлась основой всего исторического построения, как об этом свидетельствуют труды Дионисия Галикарнасского и Помпея Трога. Самую идею смены великих империй эти историки таким образом нашли в литературе своего времени, но идея могла получить различное развитие. Своеобразное ее применение к конкретному историческому материалу у Помпея Трога давало ему возможность определить свою позицию по отношению к самым острым проблемам современной ему международной жизни.

В связи с понятием державы (*imperium*), которое является одним из основных понятий в исторической концепции Помпея Трога, находятся и его взгляды на характер и особенности войн. Уже в начале труда, говоря об образовании при Нине первой мировой державы—ассирийской,—Трог замечает: «Он [Нин] первый начал войны с соседями, покорил народы, неопытные до того времени в организации сопротивления, и раздвинул границы до Ливии» (I, 1, 5). Отличием деятельности тех завоевателей, которые не создавали себе державу, но совершали походы для доставления славы своим народам, и было то обстоятельство, что они вели войны с отдаленными народами (*bella longinqua*), а не с соседями. И на этот раз эта своеобразная терминология не связана лишь с определенным историческим моментом или, как можно было бы ожидать, с определенным источником: эти указания на значение *bella finitima* (или *bella cum finitimis*) и на связь с образованием державы проходят буквально через все произведение и, следовательно, не могут быть отнесены к единичному или случайному заимствованию у того или иного автора, но должны рассматриваться как часть общей исторической концепции Помпея Трога. Особенно резко звучит этот мотив о войнах с соседями при изложении истории завоеваний Филиппа II. Македонский царь в Каппадокии хитростью берет в плен и затем убивает соседних царей (VIII, 3, 6), а на Балканском полуострове подчиняет путем обмана дарданов и других соседей (VIII, 6, 3 сл.). Дионисий Старший покоряет соседние племена в южной Италии (XX, 1, 4). Агафокл, снарядив армию, неожиданно нападает на соседние города, не опасавшиеся никаких враждебных действий (XXII, 3 1.). Кассандр не может принять участия в борьбе Птолемея и других с Антигоном, занятый войной с соседями (*propter finitimium bellum* XV, 2, 17). И отдельные властители и целые племена увеличивают этим способом свои богатства (*opes*). Деметрий, сын Селевка IV, решил умножить свои средства войной с соседями (XXXV, I, 1). Бруттий готовы причинить несправедливости соседям. Заключив мир с луканами, которые также обычно захватывают добычу с полей соседей, они остальных соседей покорили оружием и в короткое время собрали такие богатства, что сделались опасны даже царствам (XXIII, 1, 14). Война с соседями является нередко началом и подготовкой дальних походов. Митридат в Парфии вел великие войны с соседями и многочисленные народы присоединил к Парфянскому царству (XL II, 3, 1). Галлы после покорения Паннонии в течение многих лет вели различные войны с соседями, а потом уже двинулись—одни в Грецию, другие в Македонию (XXIV, 4, 5). Антиох укрепляет свою армию многочисленными войнами с соседями и лишь позднее ведет ее в поход против Парфии (XXXVIII, 10, 1). Соседние племена ненавидят государства, ведущие эти захватнические войны. Дарданы питают «неумирающую ненависть» к Македонии (XXIX, I, 10). Наоборот, Птолемей, который в изображении Помпея Трога представляет противоположность завоевателям—захватчикам, пользуется у соседей популярностью: он собирает себе средства (*opes*) не нападениями на них, но умело направленной энергией (*solerti industria*); он покоряет соседних царей благодеяниями и снисхождением (*obsequiis*—XIII, 6, 18—19). *Bella finitima* занимают определенное место в процессе роста державы: они характеризуют первоначальную стадию этого процесса, для обозначения которой Помпей Трог пользуется особым термином «*incrementa*». История Рима кратко рисуется следующим образом (XLIII, 3, 2): тогда и у соседей (*vicini*), презирающих браки с пастухами,

похищаются девушки-сабинянки, и после покорения оружием соседних народов (*fini-timi populi*) римляне домогаются власти (*imperium*) сначала над Италией, а вскоре и над всем миром. Если мы вспомним, какое огромное значение имел в античности пограничный мир—соблюдение границ находилось под защитой богов,—эти нападения на соседей, о которых постоянно говорит Трог, будут представляться действительно как нарушение самых священных прав, как нарушение международных установлений.

История македонской монархии (кн. VII—XII) занимает центральное положение в труде Помпея Трога. Македонское государство является, повидимому, в его глазах величайшей из мировых держав. Поэтому понятен тот интерес, который вызывает характер его изложения в этом случае. Название его труда свидетельствует о значении, которое придавал автор во всемирной истории Македонии и, в частности, основателю ее могущества Филиппу II. И по отношению к Македонии он начинает с ее первоначальной истории (*origines*). Имя ее—первоначально низкое и темное, первые шаги македонских царей—скромные, но древнейшая ее история—основание македонского царства и деятельность его первых правителей—рисует в благоприятных чертах. Эматий проявил доблесть и энергию (*industria*), Аргею была свойственна умеренность (*moderatio*); Аминта, его сын Александр, времени греко-персидских войн, другой Аминта,—все они отличались доблестью (*virtus*), обусловившей их успехи. Дарования Филиппа и древние предсказания относительно судьбы Македонии позволили с надеждой смотреть на будущее (VII, 6, 1). Со времени Филиппа II, однако, характер изложения и отношение автора резко меняются: вся история его царствования выдержана в определенных, резко отрицательных тонах. Ковнями побеждает Филипп Афины и переходит к стремительной агрессии, пользуясь всеми средствами, не стесняясь никакими моральными соображениями. Он как бы из логова (*spelunca*) строит козни против свободы всей Греции (VIII, 1, 3), поддерживает среди других соперничество, сеет рознь, навязывает всем «царское рабство». Начало этому злу (*malum*) положила Священная война. Филипп в изображении Трога отличается коварством (*perfidia*), постоянно прибегает к обманам (*dolus*), действует совершенно беспощадно как разбойник и преступник (*fraude latronis et scelere*). Нет такого права, установленного людьми или богами (*ius* и *fas*), которое он оставил бы неоскверненным (VIII, 3, 13). Разрушение городов, продажа в рабство женщин и детей, разграбление храмов, прямое пиратство—вот его политика (VIII, 3, 1 сл.). Даже на суд, о котором его просят, он идет как на войну (VIII, 3, 15). Главный мотив его—захват добычи. Филипп прибегает к убийствам, обманывает своих союзников. Отчетливо выступают характерные черты морального облика этого завоевателя: известна его жестокость, он действует под влиянием низменных побуждений (*libido*—VIII, 5, 7). Греция—жалкое зрелище. Но в ней даже громко плакать нельзя из опасения кары тирана. Филипп не останавливается перед *stuprum*, добывает деньги ежедневными грабежами, военные расходы возмещает новыми войнами. Победа его означает конец греческой свободы. Беспощадно он расправляется с вождями греков (*principes*).

Дружбу Филипп ценит лишь с утилитарной точки зрения. Другой характерной чертой его является лицемерие (*simulatio*): он умеет, ненавидя, принимать вид благожелательности. Результат его деятельности—установление несправедливого рабства. Так представляется личность основателя державы, который заложил, по выражению автора, основы ее мирового могущества (*orbis imperii fundamenta*—IX, 8, 21).

Власть переходит к Александру. В основном тон автора, его моральные характеристики остаются теми же, хотя все же менее резки. Александр начинает с разрушения Фив и расправы с вождями Афин, а также со своими родственниками. Македонская армия жаждет богатств, это толкает ее на завоевание Востока. Битва при Иссе впервые познакомила македонян с восточной роскошью (XI, 10, 2). Победа над персами, приобретение власти над всей Азией приводит к порче нравов победителей и прежде всего самого Александра. У него, особенно после посещения храма Амона, растут надменность, гордость (*insolentia*, *tumor*—XI, 11, 12). Благоприятствующая ему судьба позволяет ему наложить «ярмо рабства» (*iugum servitutis*) на всю Азию,—автор употребляет то же выражение, что и по отношению к Филиппу. Моральная

личность Александра рисуется в общем отрицательными чертами. Он больше радуется гибели Агиса и Александра Эпирского, чем скорбит о неудаче Зопириона (XII, 1,5), которая представляется автору как кара за безрассудно начатую войну против скифов, невинного племени, не подававшего к этому никакого повода. И в характере Александра не раз историк отмечает его коварство и двоедушие (ср. XII, 3,1: *simulato more*). Александр превозносит себя до небес (XII, 6,2), не терпит противоречий (столкновение с Клитом), возбуждает к себе неприязнь у побежденных народов, страх и ненависть у друзей (IX, 8,16—18 ср. XII, 5,1 сл.). Он истребил знатнейших из македонян (*principes*), злодейски расправился с Каллисфеном; за то, что Лисимах передал Каллисфену яд, Александр приказывает бросить его к свирепому льву, и только победа Лисимаха над зверем и обнаруженная им при этом доблесть приближают его к Александру (XV, 3, 7 сл.). *Superbia* сына Филиппа заставляет его ввести обычай проскинесиса. Ужас перед его именем (*nominis eius terror*) охватывает даже отдаленные народы (XII, 13, 2). Так рисуется деятельность обоих основателей могущества Македонии. Конечно, Помпей Трог воспользовался готовым материалом: образ Александра с отрицательными чертами стали рисовать уже в раннеэллинистическую эпоху. Но ведь важно отметить не только то, что в изложении Трога отразились сообщения и приемы Клитарха или другого автора: поражает определенный, целостный характер всей истории возвышения Македонии. Это возвышение несет порабощение другим народам, а сами завоеватели рисуются в значительной мере в хорошо знакомой нам схеме свирепых тиранов. Двоедушие (*simulatio*), жестокость (*crudelitas*), высокомерие (*superbia*), жажда роскоши и жадность к деньгам—таковы основные черты их морального облика, так же как и облика настоящих тиранов. Таким образом, отношение Трога к процессу возникновения величайшей мировой державы, к способам ее созидания и сплочения представляется ясным: это—отношение отрицательное.

Как показана история государств, обоснованных диадохами? Сами диадохи охарактеризованы как люди мужества и доблести, свойственных, впрочем, по Трогу и Филиппу, и Александру. Каждый из них достоин быть царем (XIII, 1, 10 сл.). Вместе с тем указывается, что их соперничество, взаимная ненависть «первых людей» разделила Македонию на две части и погубила ее. После 301 г. союзники, победители Антигона, обратили оружие друг против друга, и начались новые войны как бы сначала (XV, 4, 25). Последующая история представляется как взаимная борьба, в ней важную роль играют убийства родственников (*parricidia*), за которые виновники расплачиваются собственной гибелью. Весь дом Кассандра погиб из-за преступления, совершенного им (XVI, 2, 5); убийство Лисимахом сына Агафокла положило начало гибели его дома (XVII, 1, 5). За кровавые убийства родных несет возмездие Птолемей IV. Между Селевкидами взаимная ненависть, *parricidia*, *scelus* (убийство Береники) (XXVII, 1, 1 сл.). Антиох Гиеракс действует как разбойник (*latronis more*—XXVII, 2, 7). Все они, замечает автор, грабители Азии (*praedones Asiae*).¹ Непрерывная цепь убийств и взаимных столкновений, составляющих фатум государств, основанных диадохами, продолжается до тех пор, пока на смену македонянам и их господству не приходит новая сила—римляне. Но, может быть, к римлянам, завоевавшим весь мир, Трог подходит иначе, подбирает для изображения их *res gestae* иные краски, дает им иную нравственную характеристику?

Место, которое занимает Рим в рамках всемирной истории Помпея Трога, очень своеобразно. Разрозненные упоминания о нем встречаются уже в первых частях «*Historiae Philippicae*»; они становятся все чаще при изложении событий начала II в. до н. э., хотя, несомненно, история эллинистических государств до XLIII кн. остается основным предметом изложения. В XLIII кн. даются лишь *origines* Рима. Задача автора здесь только обрисовать начатки Римской империи (*initia imperii Romani*—XLIII, 1, 2). Дальнейшая история Рима охарактеризована буквально одной фразой: подчинив соседние народы оружием, римляне сначала домогаются власти над Италией и вскоре над миром (XLIII, 3, 2). Таким образом, история римского *imperium* как самостоятельный сюжет отдельных книг не дается вовсе. Рим выступает лишь постольку, поскольку его история соприкасается с историей эллинистических государств. «*Historia Philip-*

рисае» это—всемирная история до установления мирового владычества последней державы—Рима. Но отношение автора к Риму выражено достаточно ясно, хотя по понятным причинам он высказывается очень скупой и осторожно. Попытаемся собрать эти разрозненные высказывания. Мы узнаем, например, что иудеи домогались дружбы с Римом и получили свободу, так как тогда римляне легко раздавали щедрые дары из чужого добра (*facile tunc Romanis de alieno largientibus*—XXXVI, 3, 9). Деятельность римских консулов характеризуется тем, что Красса больше интересовала добыча в царстве Атталы, чем война, ведение которой ему было поручено. Потерпев поражение, он гибнет, понеся кару за свою неразумную жадность (*avaritia*). Между его преемниками (Перпенной и Аквилем) острое соперничество (XXXVI, 4, 10). Общий вывод этой главы звучит неутешительно: Азия, покоренная римлянами, отправила в Рим со своими богатствами также и свои пороки (XXXVI, 4, 12). В других частях автор отмечает, что Рим встретил достойных соперников и не всегда вел успешные войны: Пирр оказался непобедимым в столкновениях с римлянами; в борьбе с Парфией Рим трижды терпел поражения. Он питал ужас перед Македонией, страх перед Ганнибалом. Характерной чертой римской политики является двоедушие: римляне отправляют послов к Антиоху с тем, чтобы они *sub specie legationis* занимались разведкой и интригами (XXXI, 4, 4). Не раз указывается, что римляне ищут предлога для своих агрессивных действий (против Ганнибала, против Ахейского союза). Почти не говорится о доблести римлян в связи с их завоеваниями. Создание *orbis Romanus*—результат раздоров в правящих родах эллинистического мира (*discordia*), внутреннего разлада. Причина победы Рима—*fortuna*. Судьба покровительствует Риму уже в самом начале (XLIII, 2, 5). Чудеса предвещают победу Рима в столкновении с Македонией (XXX, 4). Македония победило счастье Рима (*Macedones Romana fortuna vicit*—XXX, 4, 16; ср. XXXIX, 5, 3).

Но самым интересным материалом для характеристики отношения автора к Риму служат три речи, вложенные в уста этолян, Митридату и Деметрию. В литературе указывалось, что выпады против Рима в этих речах остаются непровергнутыми, а сопоставление с приведенными выше данными, повидимому, подтверждает, что мы имеем дело с идеями самого автора, что эти речи лишь литературный прием, обусловленный, может быть, осторожностью.

Следует, однако, ближе присмотреться к содержанию этих речей. Этолийцы (XXVIII, 2) дают высокомерный ответ римлянам. Основные положения их следующие: Рим должен, прежде чем претендовать на чужую землю, прежде чем приниматься за завоевание Греции, справиться со своими врагами в Италии. В прошлом у римлян ряд неудач: они терпели поражения от пунов и галлов. От последних они не в состоянии были защитить свой город, захваченный победителями. Чтобы заставить галлов уйти, римляне должны были прибегнуть не к оружию, а к золоту. Но и теперь почти вся Италия занята галлами. Тот же мотив развивается в речи Деметрия, правителя Иллирии (XXIX, 2, 1 сл.): римляне совершают несправедливость (*iniuriam*), они стремятся к власти над всем миром и ведут войны со всеми царями. В войне с Карфагеном римлянам принадлежит агрессивная роль. Деметрий считает, что и он подвергается нападению римлян только потому, что он их сосед. Чем ближе к ним, чем благороднее царство, тем более ожесточенными врагами его являются римляне. Речь Митридата (XXXVIII, 4—7)—сложное построение, целая система аргументов за борьбу против Рима. Рим можно победить,—утверждает Митридат и приводит ряд исторических доказательств из истории и современности. Поражения римлян в Вифинии и Каппадокии, победы Пирра, шестнадцатилетнее пребывание в Италии Ганнибала, который оказался бы победителем, если бы римляне не стали действовать против него кознями и домашними интригами, галльская катастрофа—причем Митридат буквально повторяет приведенную выше мысль о том, что римляне могли лишь откупиться от галлов, а не противостоять им вооруженной силой,—все это свидетельствует о возможности победоносной борьбы с Римом. Об этом же говорят и недавние события: войны италиков, гражданские столкновения, нашествие кимвров, общего натиска которых римляне не выдержали бы. Другой вопрос, дающий повод для антиримских выпадов, это—история возникновения

римского государства. Кто такие римляне? Это пастухи, которые разбоем отняли землю у законных собственников ее (*iustis dominis* — XXVIII, 2, 8—9), похитители женщин, которых не могли добыть мирным путем. Город их основан на братоубийстве (*parricidium*), стены его обрызганы братской кровью. Против этого народа-разбойника (*latronem*), по выражению Митридата, все должны поднять оружие. Римляне ведут борьбу против царей, против их величества (*maiestas*): против Евмена, Антиоха, галатов, Персея, самого Митридата. У них самих такие цари, что имсна их заставляют краснеть: пастухи, сабинские гарусники, коринфские изгнанники или рабы этрусков, рожденные в доме (*vernae*). Самое лучшее у них название, это—прозвище *Superbi*. Основатели государства вскормлены волчицей, и, действительно, у римлян души волков, у них ненасытная жажда крови и власти (*imperium*), жадность к богатству. (XXXVIII, 6, 7 сл.). Римляне представляют собою сброд пришельцев отовсюду (*colluvies convenerum*). В Азии они сумели возбудить только жестокую ненависть хищничеством своих проконсулов, аукционами публиканов и вечными тяжбами.

Подводя итоги сказанному, мы можем выделить следующие основные моменты в системе антиримских взглядов: а) идея несправедливости римлян (*iniuria*), только и думающих о войне и несправедливых завоеваниях; б) мысль о возможности поражения Рима: римляне терпели поражения в прошлом и могут быть побеждены; в) характеристика происхождения и нравов народа (*gentis ingenia*) как скопища бродяг с волчьими сердцами, с жаждой крови, власти и богатства. Таковы характерные черты завоевателей, преемников македонян. Сравнительно немногие упоминания о доблести и сдержанности римлян теряются среди этих выпадов.

Все это, как видно из сказанного, очень далеко от обычной концепции римской военной истории у античных авторов. Можно согласиться со словами В. Вебера о том, что со дней Пирра до дней великой эпохи II в. Рим умел свою экспансию во всем мире, в особенности на Востоке, маскировать благородными идеями. Напомню о том контрасте, который представляет с высказываниями Трога формула справедливой войны (*bellum iustum*) или мысль Цицерона в «*De republica*», о том, что римский народ, защищая союзников, овладел всеми землями. Нельзя не признать, что некоторые буржуазные апологеты римской политики, как, например, Стивенсон, в своей работе по истории римской провинциальной администрации, в сущности повторяют лишь благожелательные, но весьма односторонние характеристики этой политики, сделанные уже в древности. Сочинение Трога показывает, что этой политике уже тогда давались и иные оценки.

Было уже упомянуто выше, что многие исследователи считали греческого историка, труд которого лег в основу «*Historiae Philippicae*», автором, настроенным враждебно к Риму и возвеличивающим Парфию. Поэтому следует установить, как рисуются Трогу парфяне, у которых, как говорится в начале XLI кн., как бы по разделу с римлянами теперь власть над Востоком (*penes quos, velut divisione orbis cum Romanis facta, nunc Orientis imperium est...* — XLI, 1, 1). Внимание автора к Парфии сказывается не только в книгах, посвященных изложению ее истории, но и на протяжении всего труда в отдельных замечаниях и сопоставлениях. Однако отыскать здесь определенную, якобы особенно благоприятную тенденцию по отношению к Парфии, мне кажется, нельзя. Ее правители охарактеризованы, примерно, теми же чертами, что и правители Македонии IV в. Парфяне—изгнанники скифов, самого темного происхождения (*obscurissimi*). В свое время они находились в порабощении у македонян, и только счастливая судьба (*felicitas*) сделала их властелинами прежних владык. Едва ли не основной чертой их правителей является жестокость (*crudelitas*). Митридат был изгнан за свою жестокость парфянским сенатом, так же как позднее Фраат народом. На Деметрия, сына Деметрия, когда он вел войну с парфянами, благожелательно смотрят народы Востока вследствие жестокости, проявленной Арсаком. Но скоро он и сам становится невыносим для своих подданных вследствие частого применения парфянской жестокости (*Parthicae crudelitatis*). Неоднократно Трог говорит о высокомерии (*superbia*) парфян. В своей характеристике врожденных склонностей и особенностей парфян автор отмечает, что это—племя надменное, склонное к мятежам и обманам, дерзкое (*ingenia genti tumida, seditiosa fraudulenta*

proscasia—XLI, 3, 7). Парфяне повинуются своим царям из страха. Рассказывая об отдельных царях, о Фраатах и Митридате, Помпей Трог не раз повторяет эту же характеристику. Фраат высокомерно и жестоко (*superbe et crudeliter*) поступил с греческой армией (за что она ему позднее отплатила). Митридат вследствие своей жестокости лишился власти (XLII, 4, 1). Другой Фраат—преступнейший из всех. Его высокомерие и жестокость (*insolentia* и *crudelitas*) приводят к его изгнанию. Если автор и упоминает о мягком обращении парфян с пленными ими Деметрием, то сейчас же спешит объяснить, что эта мягкость (*clementia*) происходит не от сострадания к ним присущей, но из расчета использовать Деметрия против его брата Антиоха. Даже отличавшийся доблестью знаменитый основатель Парфянского царства Арсак привык жить грабежом и разбоем (XLI, 4, 7). Начало его деятельности, это—выступление с группой разбойников (*praedones*). Наконец, свойственна истории парфян и та черта, которая так ярко выступает в изложении истории македонских государств: практика убийств родственников (*parricidia*). Ород смотрит на брата Митридата как на врага и убивает его (XLII, 4, 4). Фраат убивает отца, тридцать братьев, не останавливается перед убийством сыновей (XLII, 5, 1 сл.). Фатум Парфии в том, что преступнейший из всех (Фраат) стал ее царем (XLII, 4, 16). Замечания Трога о разделении власти над миром с римлянами недостаточно, чтобы говорить о пропарфянской тенденции Трога, тем более, что в конце XLII кн. он изображает унижение Парфии римлянами.

Если выдвигали как доказательство его антиримской тенденции мысль о том, что судьба (*fortuna*) дарует победу римлянам в их борьбе с македонянами, то почти такую же формулировку мы находим у него и по отношению к парфянам (XLI, 6, 1 сл. 1): почти одновременно, говорит он, вступили во власть в Парфии Митридат, в Бактрии—Евкратид, и тот и другой—великие мужи. Но судьба (*fortuna*), более благоприятствовавшая парфянам, возвела их под руководством первого на самую вершину власти (*ad summum... imperii fastigium*). И здесь *fortuna* оказывается решающим фактором.

Если история «империй» служит в произведении Трога общими рамками всего повествования и в большой мере обуславливает и его содержание, то это содержание оказывается значительно богаче, чем изложение политической и военной истории соответствующих государств.

Первое, что мы замечаем уже при первоначальном ознакомлении с «*Historiae Philippicae*» по сохранившимся прологам это—частое упоминание в них термина, обозначающего первоначальную историю—*origines*. Несомненно, *origines* наряду с историей возникновения и развития «держав» составляют одну из главных составных частей произведения, хотя до сих пор на это обстоятельство не было обращено достаточного внимания. Самое понятие *origines*, его содержание и история связаны теснейшим образом с развитием античной этнографии, которая, как известно, не являлась в древности самостоятельной дисциплиной, но входила в той или иной мере в исторические произведения. Огромное значение для последующего развития получило историко-философское использование этого разнообразного материала с V—IV вв. до н. э. в таких сочинениях, как *περὶ ἀέρων ὁδῶν τόπων*, в этнографических экскурсах Эфора и Феопомпа, в работах представителей школы перипатетиков и стоиков, особенно в произведениях Посидония. В результате образовалась определенная схема, совокупность приемов и характеристик, нередко переносившихся с одного народа на другой. Типологичность, характерная для многих исторических трудов эллинистической и римской эпох, особенно сильно проявляется именно в изображении ранних ступеней в развитии общества и культуры. Здесь господство определенной схемы сказывается очень ярко и приводит нередко к перенесению описаний и характеристик; черты, первоначально отмеченные у египтян, появляются при изображении скифов, позднее кельтов, германцев и пр. Несмотря на это и на необходимость крайней осторожности при оценке исторической достоверности содержания *origines*, они вообще, а у Помпея Трога в особенности, очень интересны, поскольку составляют один из существеннейших элементов его исторической концепции.

Значение *origines* прежде всего в том, что они представляют форму, которую при-

няла в древности история культуры. В этом отношении необходимо выяснить следующие основные вопросы, а именно: о связи истории культуры 1) с общей исторической концепцией данного автора, и 2) что особенно характерно для исторической литературы позднеэллинистической и раннеримской эпохи,—с философскими представлениями о развитии нравов и исторической роли различных добродетелей и пороков. Исключительное значение в этом отношении для греко-римской историографии имели труды Панетия и особенно Посидония. Посидоний, несомненно, оказал сильное влияние и на того автора, произведение которого было использовано Трогом.

В римской литературе обработку культурной истории так же, как и самый термин *origines*, мы находим впервые у Катона, который дал в своих «*Origines*» очерк первоначальной истории итальянских племен. Уже Катона интересовали вопросы о составе населения данной области, о смене племен, история отдельных городов, которую он давал по образцу греческих *κτίσεις*. Эта традиция, обогащаясь новыми элементами, продолжала жить и в последующие два века. Присмотримся к тому материалу, который дает в этом отношении Помпей Трог. Норден, только в виде дополнения к основному тексту в конце книги, следит за историей термина *origines* в римской историографии. Относительно Трога он лишь отмечает, что в прологах к «*Historiae Philippicae*» выражение *origines* встречается 27 раз, совершенно не касаясь вопроса о содержании и значении соответствующих частей труда. Это, повидимому, объясняется тем, что у Трога отсутствуют данные о древних германцах, привлекающих исключительное внимание Нордена. Даже в таблице, иллюстрирующей развитие традиции и преемственную связь отдельных авторов, Помпей Трог не нашел себе места. Между тем соответствующие экскурсы Трога представляют большой интерес и по своей многочисленности и по содержанию: «*Historiae Philippicae*» и в этом отношении—нечто единственное в римской литературе этого времени. Автор собрал обширный материал по культурной истории всего средиземноморского мира.

В первых книгах, посвященных двум первым мировым державам, ассирийской и мидо-персидской, а также истории греческих государств, давалось следующее: *origines* лидий и тусков, египетских городов, скифов, Афин, Фессалии, Пелопоннеса, Сицилии. В книгах VII—XII (время Филиппа II и Александра)—*origines* македонян, иллирийцев, пунов, гор. Византия, о. Кипра, Пафлагонии, Кари, Апулии, Лукании, самнитов, сабинян. В XIII и следующих книгах—*origines* Кирены, Родоса, Вифинии, Гераклеи, эпиротов, финикиян, венетов, галлов, греков и *Magna Graecia*, brutтиев, кельтов в Италии, о. Крита, Паннонии, Каппадокии, иудеев, Понтийского царства, Боспорского царства и колхов, Парфии и бактров, Армении, Аравии, латинян и гор. Рима, лигуров и испанцев. Таким образом, у Трога можно насчитать *origines* более 40 народов и государств. Эти *origines* составляют, несомненно, один из основных моментов в историческом содержании его произведения. Этот материал вводится обычно фразой, прерывающей изложение собственно исторических событий, например: «Но так как мы переходим к Армении, необходимо несколько глубже исследовать ее *origo*» или «Так как пришлось упомянуть о карфагенянах, следует немного сказать об их *origine*» и т. д. Порядок этих экскурсов в первоначальную историю городов, племен и царств определяется, таким образом, общей последовательностью изложения, и *origines* представляют пеструю смесь картин из этой ранней истории, в которой автор переходит от лидий и этрусков к грекам, от них к македонянам или иллирийцам, потом снова к Малой Азии и т. д. и охватывает всю экумену. К сожалению, Юстин нередко выпускал частично или полностью именно эти части «*Historiae Philippicae*».

Обычно (хотя и не всегда) прежде всего описываются природные условия страны: ее местоположение, климат, реки, горы и пр., в иных случаях (например, в описании Испании) эта часть отличается большой обстоятельностью. Далее указывается название народа и его происхождение (Эпир, Иудея, Парфия и др.). В значительной части сохранившихся *origines* важным их элементом является более или менее подробная история царей мифических и ранних исторических эпох. Эта история тесно связана с историей поселения, с объяснением того, как попали пришельцы в данную местность и как был основан город или государство. История основания города, *κτίσεις*,

ведущая свое начало от логографов, получила особенное развитие в историко-этнографической литературе IV—I вв. до н. э. у Эфора и Посидония. В истории поселения нередко рассказывается о предсказаниях. Эти предсказания обычно вначале кажутся неприятными или невероятными, но позднее исполняются в точности. Наконец, большой интерес представляют элементы истории культуры, которые содержатся в *origines*: пища и пигыз, одежда, образ жизни, военное дело (военный строй, оружие, ведение боя), политические учреждения, особенности социальных отношений, например, взаимоотношения рабов и свободных, специфические формы общественного быта, моральные устои, искусство предсказаний, астрономические сведения и пр. Нередко самое начало культурного развития, установление этих обычаев и появление навыков связаны с деятельностью законодателя: появляются законы, направляющие жизнь народа. Аристей в Аркадии первый научил людей пчеловодству и употреблению меда и творога, а также наблюдению над небесными светилами. В Эпире Арриба первый дал законы, организовал совет старейшин и ежегодное переизбрание должностных лиц, формы государственного управления, сделал жизнь более культурной (*vita cultior*—XVII, 3, 13). Значение деятельности законодателя, как известно, особенно подчеркивалось Посидонием, влияние которого в этом отношении, возможно через посредство Тимагена, сильно чувствуется у Помпея Трога. Понятно, что автор уделил достаточное внимание деятельности Ликурга (III, 2—3).

Но недостаточно лишь выделить отдельные элементы *origines*. Важно уяснить себе, в каком отношении находятся эти элементы к основной схеме всемирноисторического процесса у Трога, какое они занимают в ней место. Перед нами не просто картины из жизни древнейших эпох или народностей, стоящих на низкой ступени культурного развития, но противопоставление двух миров: тех отношений, которые существовали до завоеваний и возникновения обширных «*imperia*», и тех, которые характеризуют эту позднейшую стадию развития. *Origines*—это изображение первоначальных патриархальных нравов, не раз резко противопоставляемых позднему господству роскоши и жадности наживы (*luxuria* и *avaritia*). Для ранней Македонии характерны доблесть царей и трудолюбие народа (*gentis industria*). Те же черты бережливости, суровости нравов отмечает автор у луканов, которые жили по законам спартанцев. Их юноши проводят жизнь среди пастухов в лесах, не пользуясь услугами рабов (*sine ministerio servili*), не употребляют одежды, не знают городской цивилизации. Они закалены суровым образом жизни: с ранних лет их приучают к выдержке в перенесении трудов (*duritia*) и бережливости (*parsimonia*). Сходные черты сурового быта мы встречаем при описании обитателей Испании: им свойственна *dura omnibus et adstricta parsimonia* (XLIV, 2, 1). Трог дает довольно подробное описание *gentis mores*. Жители суровы, воинственны, отважны, с огромными телами, умеренны в пище и питье, отличаются доблестью. Нетрудно узнать в этом описании ту схему, которая, несомненно, связана с этнографическими экскурсами и характеристиками Посидония.

Особенно подробным и ярким является изображение жизни скифов (II, 2)¹. Это самый древний народ, сохраняющий старинные обычаи. У скифов отсутствуют межи между участками отдельных лиц, нет частного землевладения. Они не занимаются земледелием, не имеют постоянных жилищ. Главное их занятие—это скотоводство, они ведут кочевую жизнь. Пищей им служат молоко и мед, одеваются они не в шерстяные одежды, но в шкуры животных. Этому примитивному экономическому быту соответствует состояние общества и его нравов (*mores*), которые автор характеризует самым положительным образом. От природы, а не вследствие воздействия законов они живут по справедливости (*iustitia gentis*). Порядок их жизни—результат их природных на-

¹ Здесь нет возможности рассматривать вопрос об отдельных элементах этого изображения, о влиянии философских учений, предшествующей традиции о скифах и т. д. Кроме прежней литературы, см. теперь ст. Д. П. К а л л и с т о в а, Античная литературная традиция о Сев. Причерноморье, ИЗ, № 16 (1945). В настоящей работе указывается лишь связь характеристики скифов у Помпея Трога со всей его исторической концепцией, в частности с понятием *origines*.

клонностей (*ingenia*). Они презирают золото и серебро. Самым ужасным преступлением у них считается воровство. У них нет стремления овладеть чужим, жажды богатств (*divitiarum cupido*). Для этого состояния общества характерны такие моральные признаки, как воздержание (*continentia*), умеренность (*moderatio*), отсутствие стремления захватить чужое (*abstinentia alieni*). Перед нами картина золотого века в отношении общественной морали. Автор замечает, что если бы подобное состояние было теперь, то прекратились бы войны, и люди умирали бы лишь естественной смертью. Скифы создали мощное государство. Автор подчеркивает тот факт, что все попытки покорить их (со стороны Кира, Дария, Александра) кончались полной неудачей: они остались независимы от чужой власти, (*ab alieno imperio*). Скифы трижды основывают державу, но мотивы их походов другие, чем обычно у завоевателей: этим мотивом является достижение славы. Они покоряют Азию, но их политика по отношению к покоренным иная, чем у других основателей *imperia*. Другая существенная черта скифов—это их доблесть (*virtus*), которая обуславливает их победы. Им чужды захватнические стремления. Обычай (*mos*) у них заключался в том, чтобы больше охранять границы государства, чем расширять их: пределы царства включали территорию, населенную скифами.

В изложении первоначальной истории ясно сказываются политические идеалы автора. Ликург первый установил в Спарте законы, с помощью которых он побудил народ к повиновению знати (*principes*), а знать—к соблюдению справедливости при осуществлении власти (*iustitia imperiorum*). Всем гражданам он рекомендовал бережливость (*parsimonia*), полагая, что она способствует успехам и в военном деле. Выход из того первоначального состояния, которое обозначается термином *origines*, обычно связан с началом войн с соседями, о значении которых говорилось выше: с этого начинается усиление того или другого народа. Эта стадия исторического процесса представляет собой то, что автор называет *incrementa* (приращение, рост, развитие). Ясное противопоставление понятий *origo* и *incrementa* дается в главе об Афинах (II, 6, 3 сл.). Одни афиняне среди всех других народов (*gentes*) отличаются тем, что достигли вершины могущества, будучи не низкого происхождения. Они одни, в отличие от прочих, славятся не только своим усилением, но и происхождением (*Soli enim praeterquam i n c r e m e n t o, etiam origine gloriantur*). Македония, имея скромные начатки развития (*incrementa*), достигла своей мощи (VII, 1, 2). Уже первый из македонских царей, Каран, объединив другие племена и создав как бы единое тело Македонии, положил прочную основу развития царства (*valida incrementorum fundamenta constituit*). Фивы от ничтожных начатков развития (*incrementa*) благодаря доблести Эпаминонда возымели надежду установить власть над Элладой (*imperium Graeciae*, VI, 4, 3—4). Термин *incrementa* не случаен: он встречается очень часто и в совершенно разных частях «*Historiae Philippicae*». Аппуба, царь молоссов, надеялся, выдавая замуж за Филиппа свою воспитанницу и свояченицу Олимпиаду, обеспечить этим путем дальнейший рост своего царства (*regni incrementa*), а на самом деле был лишен Филиппом власти (VII, 6, 12). Раздел сатрапий после смерти Александра между его преемниками явился для многих великой причиной роста их могущества (*magna incrementorum materia*—XIII, 4, 24). Не всегда эти первые шаги на пути могущества открывают его масштабы в будущем: Агафокл при первых своих успехах (*incrementa*) еще не надеялся на овладение всей Сицилией. Митридат в своей речи против Рима убеждает воинов не упускать случая развернуть силы (*incrementa virium*—XXXVIII, 5, 1) в борьбе против могущественного врага. Подобный толчок к развитию мощи государств дают их отношения к соседям (Египет, царство Селевкидов), которые с ненавистью наблюдают это развитие. Усилению (*incrementa*) Массилии завидуют лигуры (XLIII, 3, 13), так же как испанские племена, соседние с Гадесом, с завистью смотрят на рост могущества (*incrementa*) этого города (XLIV, 5, 2). *Incrementa* нередко приводят к широкому завоеванию и образованию державы, к огромному накоплению богатств. Можно сказать, что автор показывает не только политику основателей *imperia*, сменявших одна другую,⁴ но и то положение, которое им предшествовало и из которого они развились.

В общей исторической концепции *Troia origines* занимают, таким образом, вполне

определенное и большое место. Они характеризуют целую стадию в развитии человеческого общества, его золотой век, век господства простых, но добрых нравов, отсутствия жадности наживы, незнакомства с употреблением золота и серебра, скромного довольства своей территорией. Все это сменяется новой эпохой, изображение которой в «*Histories Philippiæ*» было уже дано выше.

В древности существовали две различные концепции развития человеческого общества. Согласно одной, период счастья и добродетели проицировался в раннюю эпоху, и все последующее представляло лишь отдельные этапы на пути к упадку, характеризующемуся гибелью старинной доблести, господством низменных страстей, взаимной борьбой противоположных интересов. Согласно другому пониманию — золотой век предстоит лишь в будущем: через горькие испытания, через кровь и страдания человечество придет к своему счастью. Наступит царство мира, покоя, любви и справедливости в человеческих отношениях, когда изменится не только жизнь человеческого общества, но и лик самой земли, когда, по выражению великого римского поэта, исчезнут змеи и ядовитые растения, когда «*omnis feret omnia tellus*» (Verg., Ecl. IV, 39). Нет сомнения в том, что у Трога мы находим образец очень широкой, распространенной на весь доступный ему исторический материал первой концепции. Нигде не видно, чтобы автор рассматривал период консолидации великой римской державы при Августе как наступление нового века в отношениях между людьми, как эпоху возрождения. Конечно, идея великого морального декаданса, к которому привел ход истории Римской республики, и призыв к возвращению к нравам отцов (*mos maiorum*) отнюдь не являются оригинальными: ими проникнуты едва ли не все выдающиеся памятники истории и поэзии времени падения республики. Вергилий и Гораций, Ливий и Саллюстий, Цицерон и Варрон и др. постоянно говорят об этом. Оригинальность Трога состояла не в самой этой идее, но в осмыслении им исторического материала, в увязке представления о начальном состоянии человеческого общества и стадиях последующего развития с мыслью об образовании великих держав, возникших в результате (выражаясь словами Саллюстия), «глубокой страсти к власти и богатствам» («*cupido profunda imperii et divitiarum*»).

Задача настоящей работы заключалась в выяснении лишь некоторых основных элементов исторической концепции Помпея Трога (*imperium* и *origines*).

Предметом дальнейшего исследования должны явиться определение ряда других понятий (*virtus*, *fortuna* и пр.) и сопоставление своеобразной исторической философии Трога с построениями и терминологией других авторов с целью выяснения его позиции в идеологической и социальной борьбе его времени.

К. К. Зельин

ПРИЛОЖЕНИЕ

BASILIVS LATYSCHEV
SCYTHICA ET CAUCASICA

В. В. ЛАТЫШЕВ
ИЗВЕСТИЯ
ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ
О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

В. В. Латышев

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ

(Продолжение¹)

КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Родился, вероятно, в Александрии и был племянником патриарха Теофила, по смерти которого в 412 г. бы избран патриархом родного города. Кирилл знаменит своей борьбой с Несторием и оставил много сочинений апологетического, догматического и экзегетического содержания, беседы и письма. Умер 27 июня 444 г.

Текст: Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, тт. LXVIII—LXXVII [Русский перевод в 15 томах—Московской Духовной Академии. Новейшая работа: Т. Лященко, Кирилл, архиепископ Александрийский, его жизнь и деятельность, Киев, 1913].

Извлечение и перевод **А. И. Малеева**

ПРОТИВ СОЧИНЕНИЙ БЕЗБОЖНОГО ЮЛИАНА

(ΠΡΟΣ ΤΑ ΤΟΥ ΕΝ ΑΘΕΟΙΣ ΙΟΥΔΙΑΝΟΥ)

IV (М., 76, 680)... Скифы жестоки и человекоубийцы...

(Там же, 697), Скифы, *живущие* на Таврическом Херсонесе, предавая закланию захваченных ими чужестранцев в честь туземной Артемиды, прибивали головы их к дверям храма, принося ей мужеубийство как прекрасную добычу и приятный гостинец, чтобы она являлась бесчеловечнее и моря и самых волн, похищая у избежавших опасности даже надежду на спасение и являая пристающим к земле вид смерти.

(Там же, 701). *Юлиан*: Однако скифы не приняли неистовствующего Анахарсиса.

¹ Начало см. ВДИ, 1947, №№ 1—4; 1948, №№ 1—3. Кроме того скифы упоминаются в трудах Кирилла, т. LXXVI, 681; 703—трижды; 717.

Кирилл: По какой причине, о могущественный? Не потому ли, что по природе они чужды бесчеловечности? Потом, как неистовствовал скиф? Ибо скифом по происхождению был и сам Анахарсис, в качестве же мудреца он вызвал такое восхищение у эллинов, что некоторые считали нужным и его причислить к семи *мудрецам*.

(Там же, 705). Занимались философией... у скифов Анахарсис... Говорят, что и из гиперборейских племен поселившиеся на север от Рипейских гор стали заботиться о справедливости и отставать от обжорства.

БЕЗЫМЕННЫЙ АВТОР

[ПСЕВДО-АРРИАН]

ОБЪЕЗД ЭВКСИНСКОГО ПОНТА

ОБОИХ МАТЕРИКОВ *ИЛИ* МЕСТНОСТЕЙ ПО *БЕРЕГАМ* АЗИИ
И ПО *БЕРЕГАМ* ЕВРОПЫ В ТАКОМ ПОРЯДКЕ: ОБЪЕЗД ВИФИНИИ
ПРИГОНТИЙСКОЙ; ОБЪЕЗД ПАФЛАГОНИИ; ОБЪЕЗД ДВУХ
ПОНТОВ¹; [ОБЪЕЗД] ЕВРОПЕЙСКИХ ЧАСТЕЙ [ПОНТА
ЭВКСИНСКОГО]²

(ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΕΥΞΕΙΝΟΥ ΠΟΝΤΟΥ ΕΚΑΓΕΡΩΝ ΤΩΝ ΗΠΕΙΡΩΝ,
ΤΩΝ ΓΕ ΠΑΡΑ ΤΗΝ ΑΣΙΑΝ ΤΩΝ ΓΕ ΠΑΡΑ ΤΗΝ ΕΥΡΩΠΗΝ
ΤΟΝΩΝ ΟΥΤΩΣ: ΒΙΟΥΝΙΑΣ ΓΕ ΠΡΟΣ ΤΩ ΠΟΝΤΩ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ·
ΠΑΦΛΑΓΟΝΙΑΣ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ· ΠΟΝΤΩΝ ΤΩΝ ΔΥΟ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ·
ΤΩΝ ΕΝ ΤΗ ΕΥΡΩΠΗ ΜΕΡΩΝ [ΤΟΥ ΠΟΝΤΟΥ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ])

Безыменный автор, живший, по соображениям К. Мюллера, GGM, I, стр. CXVIII, § 199, в V в. н. э., составил описание Понта Эвксинского под вышеприведенным заглавием по следующим главным источникам: 1) Маркиана Гераклийского сокращение перипла Мениппа, 2) перипл Арриана. 3) стихотворное землеописание, приписывавшееся Скимну Хиосскому, и 4) перипл, приписываемый Скилаку Кариандскому; может быть, он пользовался и некоторыми другими источниками. Заимствованные из разных источников отрывки приводятся почти без изменений (например, в отрывках из Арриана удержаны даже имена современных ему царей разных кавказских народов) и очень слабо или ничем не связываются между собой; от себя безыменный составитель прибавляет лишь перевод греческих мер на римские и иногда современные названия местностей. Подробнее о составе его «Перипла» см. К. Мюллер, GGM, I, стр. CXV, сл.

[Анонимный перипл Черного моря является наиболее поздним из числа подобных произведений, известных в средневековой географической литературе под именем Арриана. Что таких периплов было несколько и что некоторые из них были весьма близки к тексту подлинно аррианова перипла, явствует из целого ряда мест данного перипла.

Его содержание ценно для науки прежде всего тем, что оно позволяет судить о некоторых полностью или частично утраченных географических сочинениях (менипповом перипле и ямбической перизегесе), вошедших в его состав без сколько-нибудь значительных изменений, как это выясняется из сличения его текста с текстами периплов Арриана, Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна. В особенности же он важен тем, что, на основании неизвестных источников, в нем приведена поздняя топонимическая и этническая номенклатура, соответствующая положению вещей в IV—V вв. н. э. Из него становятся известными «готские» и «гуннские» названия некоторых северокавказских и крымских географических пунктов, а его замечания о готско-таврском языке

¹ [Т. е. Понта Полемонова и Понта Каппадокийского—причерноморских областей Малой Азии, границы которых простирались от реки Ириса (современный Ешил-Ирмак) и до Колхиды].

² [Ввиду того, что в основе этого лежит почти не подвергшийся изменениям перипл Арриана, а также имеются отмеченные всякий раз в примечаниях заимствования из снабженных в данном издании подробным комментарием периплов Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна, см. соответствующие примечания. Настоящий же текст будет снабжен примечаниями лишь в тех случаях, когда он содержит оригинальные, отсутствующие у упомянутых выше авторов, сведения].

проливают свет на истинный характер этнических элементов и культурных явлений позднеантичного Причерноморья, известных под именем готских. Он содержит, кроме того, некоторые подробности, в частности наименования ряда населенных пунктов в восточном Крыму и на побережье между Днестром и Дунаем, отсутствующие в других источниках. См. М. Ростовец, Скифия и Боспор, 1925, стр. 69 сл.].

В рукописях «Перипл» сохранился по частям: первая, содержащая описание южного берега Понта от Боспора Фракийского до реки Апсара (§ 1—42), сохранилась в cod. Vatic. 143; третья, содержащая описание северного и западного берегов от реки Танаиса до Византии,—в cod. Heidelb. 398 (отрывки из этих двух частей имеются и в других рукописях, см. Müller, там же). Эти две части давно известны и после других изданий помещены К. Мюллером в GGM, I, стр. 402—423, откуда и заимствованы нами их текст. Средняя часть, в которой заключается описание восточного берега Понта от реки Апсара до Танаиса, издана тем же Мюллером во FHG, V, Paris, Firmin Didot, 1870, стр. 174—184, по одной недавно найденной рукописи Британского музея, в которой сохранился целиком весь «Перипл». У нас эта средняя часть, перепечатываемая из FHG, V, вставлена на свое место, и отдели ее, а равно и третьей части, обозначены параграфами по порядку от первой части, причем §§ мюллеровского издания второй и третьей части прибавлены в скобках.

Перевод Э. Н. Штерна с дополнениями
В. В. Латышева

17¹ *extr.* От Тимен до Карамбиса, высокого и большого мыса, 120 стадиев, 16 миль.

18². Напротив Карамбиса в Европе лежит крупнейший мыс, обрывистая со стороны моря высокая гора, называемая Бараньим лбом и отстоящая от Карамбиса на сутки плавания.

33³. От Котиора до окрестностей Полемония⁴ прежде жил соседний с ними народ тибарены, всячески старающиеся смеяться, признавая это благополучием.

35⁵. От Фарнакии, прежнего Керасунта, до окрестностей Котиора прежде жил народ, называвшийся моссиниками, по обычаю, законам и делам совершенно варварский; говорят, что все они живут в деревянных, очень высоких башнях и всегда все делают открыто; царя же своего, скованного и запертого в башне, где он занимает самое верхнее помещение, прилежно стерегут; стерегущие его смотрят за тем, чтобы он все приказывал делать по закону; если же он преступит закон, то, говорят, налагают на него величайшее наказание, не давая ему пищи.

36 *extr.* Трапезунт—город эллинский, колония синопцев, лежащий при море.

37. От Трапезунта до острова Аретиады и Фарнакии, прежнего Керасунта, прежде жил народ, называвшийся макронами, или длинноголовыми.

38⁶. От Трапезунта до порта Гисса, ныне называемого Сусармиями⁷, 180 стадиев, 24 мили. От Сусармий до реки Офиунта, где открытая стоянка для умеренного количества судов, 90 стадиев, 12 миль. Эта река Офиунт⁸

¹ Из Мениппа и Арриана, § 20.

² Из ямбической перизгесы, 953 сл.

³ Из ямбической перизгесы, 915 сл.

⁴ [Город на берегу Черного моря, близ древнего поселения Сиды и при устье реки Сидена (современная Полеман-Чай), выстроенный царем Полемоном II—столица так называемого Полемонова Понта].

⁵ Из ямбической перизгесы, 901—911.

⁶ Из Арриана, § 8, и Мениппа.

⁷ [Это наименование, известное как Сузармена Прокопию Кесарийскому (В. Coth., IV, 2), отождествляется с современным селением Сюрменех к востоку от Трапезунта].

⁸ [По побережью в западном направлении].

отделяет область колхов от Тианники. От реки Офиунта живут народы двух Понтов, а соседние земли заняты разными варварскими племенами. От реки Офиунта до так называемой Холодной реки 30 стадиев, 4 мили.

39¹. От реки Холодной до реки Прекрасной, ныне называемой Прекрасным укреплением², 30 стадиев, 4 мили. От Прекрасного укрепления до реки и гавани, называемой Ризием, 120 стадиев, 16 миль. От Ризия до реки Аскурна (*Ῥ᾿Ασκούρνα*)³ 30 стадиев, 4 мили. От реки Аскурна до реки Адинея (*Ῥ᾿Αδινῆον*, [τὸν] ἡδὴ λεγόμενον Ῥ᾿Αδινόν)⁴, ныне называемой Адиемом, 60 стадиев, 8 миль; здесь есть умеренная открытая стоянка для судов. От реки Адинея до местечка Кордил⁵ 100 стадиев, 13 $\frac{1}{3}$ миль. От Кордил до местечка Афин 80 стадиев, 10 $\frac{2}{3}$ миль; здесь стоянка для судов. Есть ведь и на Понте Эвксинском местечко, называемое Афинами, в котором есть и эллинское святилище Афины, откуда, как мне кажется, *явилось* и название этого местечка; есть в нем и покинутое укрепление; стоянка может в летнюю пору принимать немного судов и доставлять им защиту от ветра Нота и самого Эвра; стоящие на якоре суда безопасны, пожалуй, и от Борея, но не от Апарткия и не от *ветра*, называемого в Понте Фраскием, а в Элладе—Скироном.

40⁶. От Афин до реки Загатиса 7 стадиев. От Афин до реки Притана 40 стадиев, 5 $\frac{1}{3}$ миль; на ней есть и дворец Анхиала. От реки Притана до местности Армена⁷ 24 стадия, 3 $\frac{1}{3}$ мили. От местности Армена до реки Пиксита 66 стадиев, 8 $\frac{2}{3}$ мили. От реки Пиксита до реки Архабиса 90 стадиев, 12 миль. От Архабиса до реки Апсара 60 стадиев, 8 миль.

41⁸. Говорят, что местечко Апсар в древности называлось Апсиртом, ибо здесь Апсирт был убит Медеей; показывается и гробница Апсирта. Впоследствии название было искажено окрестными варварами, как искажены и многие другие. Так, и каппадокийский город Тианы, говорят, назывался Тоаны по имени Тоанта, царя [тавров], который, преследуя Ореста и Пилада, по преданию, дошел до этой страны и здесь умер от болезни.

42 (1) ⁹. От реки Архабиса до реки Офиунта прежде жил народ, называемый эхирийцами (а ныне живут махелоны и гениохи¹⁰, от реки Апсара до реки Архабиса прежде жили *так* называемые бизеры (а ныне живут зидриты).

43 (2) ¹¹. От реки Апсара до судоходной реки Акамписиса 15 стадиев, 2 мили. От реки Акамписиса до реки Глубокой (*Βαθύ*) 75 стадиев, 10 миль. От реки Глубокой до реки Кинаса (*εἰς Κίνασον*)¹² 90 стадиев, 12 миль. От реки Кинаса до судоходной реки Исиса 99 стадиев, 12 миль. Акамписис

¹ Из Арриана, § 8, кое-что из Мениппа.

² Имя лагеря или укрепления, лежащего у этой реки, автор неудачно переносит на самую реку (Müller).

³ Ῥ᾿Ασκούρνα у Арриана, без сомнения, правильное.

⁴ Ῥ᾿Αδινόν так Арриан; поэтому вместе с Hudsonus'ом я предпочел бы читать Ῥ᾿Αδινόν [τὸν] ἡδὴ λεγόμενον Ῥ᾿Αδινόν (Müller).

⁵ [Пункт, упомянутый также у Plin., VI, 11, под именем Кордула, а также, вероятно, у Ptol., Geogr., V, 6, 10, в качестве поселения, расположенного внутри страны].

⁶ Из Арриана, § 8 и Мениппа.

⁷ Местности Ῥ᾿Αρμένις нет у Арриана. [Пункт под таким названием (Армен) существовал на пафлагонском берегу к западу от Синопы, Агг., PPE, 21, на месте современного Ак-Лимана].

⁸ Из Арриана, § 7.

⁹ Из Мениппа.

¹⁰ § 42 в cod. Vat. 143 написан несколько иначе и обрывается после слова «гениохи»

¹¹ Из Арриана, § 8

¹² εἰς Κίνασον]. Кодекс Арриана ὁ Ἀκίνασις πρὸς Ἀκίνασον. Название этой реки больше нигде не упоминается (Müller).

и Исис судоходны, и по утрам на них дуют сильные ветры. От реки Исиса до так называемого Могра (или Нигра) плавания кораблям 90 стадиев, 12 миль.

44 (3)¹. Эта река Фасис течет из Армении², вблизи нее живут переселившиеся из Иберии в Армению иберы³. При входе в реку на левой стороне Фасиса лежит *основанный* милетянами греческий город, называемый Фасисом, в который, как говорят, сходятся шестьдесят племен, говорящих на разных языках⁴; в их числе, говорят, приезжают варвары из Индии и Бактрианы. Между ними⁵ варварская *страна* Кораксика, к которой примыкает так называемая Колика, где ныне народ меланхленов⁶ и колхов.

45 (4)⁷. Река *эта* судоходна на протяжении 100 стадиев, 4 миль. На ней есть большой город по имени Эя, откуда происходила Медея.

46 (5)⁸. Имея чрезвычайно легкую воду, Фасис течет поверх морской воды и не смешивается с ней; если зачерпнуть ее сверху, то она очень пресна, а если кто опустит кувшин в глубину, то солона. Впрочем, весь Понт имеет гораздо более пресную воду, чем внешнее море; причиной этого являются реки, количество и величину которых невозможно и определить. Доказательством пресноты — если нужно доказательство для явления, воспринимаемых чувством, служит то, что жители побережья пригоняют к морю все свои стада и поят в нем, животные пьют с очевидным удовольствием, и есть молва, что это питье им даже полезнее пресного. Цвет воды в Фасисе особенный, как у воды, насыщенной свином или оловом; но, отстоявшись, она делается чрезвычайно чистой. Поэтому у входящих с моря в Фасис не принято брать с собой воду; когда они уже вступают в речное русло, отдается приказ вылить всю находящуюся на судах воду; в противном случае, по поверью, плавание бывает неблагоприятно. Вода Фасиса не гниет, но остается неиспорченной даже более десяти лет, разве только изменяется в более пресную.

47 (6)⁹. От реки Фасиса до судоходной реки Хариента [Прелестной] 90 стадиев, 12 миль. От реки Хариента до судоходной реки Хоба 90 ста-

¹ Müller полагает, что § 44 взят из ямбической перигесы, стихи которой он попытался восстановить следующим образом: «Фасис река имеет течение, несущееся из Армении, вблизи него теперь живут иберы, некогда вышедшие из Иберии. Подходящему к реке слева от Фасиса встречается лежащий тут город милетцев, по-гречески называемый Фасисом, куда собирались шестьдесят племен, различных по языкам. В числе их, говорят, собирались некоторые варвары из Индии и Бактрианы. Между ними варварская страна Кораксика, земля примыкающая к ней, называемая Колика, теперь племя меланхленов и колхов».

² [Распространенное в древности, разделявшееся также и Страбоном (XI, 2, 17) заблуждение, основанное на том, что за верховья реки Фасиса принимался приток Риона Квирила, действительно вытекающий с армянского нагорья и впадающий в Рион у Шорапани].

³ [Из Иберии, т. е. с Пиренейского полуострова; под Арменией в данном случае понимается Закавказье вообще].

⁴ [Ср. Страбон, XI, 2, 16, где речь идет о семидесяти народностях, сходящихся в Диоскуриаду].

⁵ [Т. е., очевидно, между Колхидой и Арменией; о локализации кораксов см. P s.-S c y l., 77].

⁶ [О меланхленах на Кавказе известно также еще только из P s.-S c y l., 79, если не считать Птолемея (Geogr., V, 8, 17—25), помещающего их к северу от Кавказа, у подножия Гиппийских гор].

⁷ § 45 из перипла [Псевдо] Скилака, [§ 84].

⁸ § 46 из Арриана, § 10.

⁹ Из Арриана, §§ 13 и 14, к которым компилятор прибавил кое-что от себя.

диев, 12 миль. От реки Хоба до реки Сигама¹ (называемой и Зиганием) 210² стадиев, 28 миль. От Зигания до реки Тарсуры (ныне называемой Мохы) 120 стадиев, 16 миль. От реки Тарсуры до реки Гиппа (ныне называемой Лагумпсой) 150 стадиев, 20 миль. От реки Гиппа до реки Астелефа (*Ἀστέλεφον*³) [ныне называемой Эврипом; вход судов]⁴ 30 стадиев, 4 мили. От реки Астелефа до города Диоскуриды, имеющего гавань, ныне называемого Севастополем, 135 стадиев, 18 миль.

48 (7)⁵. От Диоскуриды, или Севастополя, до реки Апсара прежде жил народ, называвшийся колхами, переименованный в лазов⁶.

49 (8)⁷. Мы миновали следующие племена. Рядом с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, живут колхи и те, которых он называет весьма воинственными и весьма враждебными трапезунтцам; он называет их дриллами, а мне кажется, что этот *народ* — санны. Они ведь и весьма воинственны еще донныне, и весьма враждебны трапезунтцам, и живут в укрепленных местечках, и не подчинены царям; прежде они были данниками римлян, но *теперь* вследствие разбойничьего образа жизни не платят дани аккуратно. За колхами живут махелоны и гениохи. Царь у них Анхиал.

50 (9)⁸. Народ же гениохов — смешанный. Некоторые же говорят, что они названы гениохами от Амфистата и Тельхия, возниц (*ἑνισχυον*) Полидевка и Кастора, ибо считается, что они прибыли во время похода *вместе* с Язоном, в этих же местах поселились, как гласит предание, будучи покинуты *своими*. За гениохами же выше лежит море, называемое Каспийским, имеющее вокруг себя племена варваров, питающиеся кониной; а близ него находятся пределы мидян⁹.

51 (10)¹⁰. Рядом с махелонами и гениохами живут зидриты; они подвластны Фарасману; рядом с зидритами живут лазы, а царь лазов — Маласса, который получил престол от тебя. Рядом с лазами живут апоилы, а царь апоилов — Юлиан; этот получил престол от твоего отца. С апсилами граничат абасги, и царь у абасгов Римага, и этот получил престол от тебя. С абасгами рядом живут санниги; в их *области* и находится Севастополь. Царь саннигов Спедаса получил престол от тебя.

52 (11). И до Апсара плыли мы в восточном направлении по правой *стороне* Эвксина. Апсар же оказался мне пределом Понта по длине: ибо оттуда уже плавание наше было на север до Хоба [реки и выше Хоба] до Сигама. От Сигама поворотили мы в левую сторону Понта до реки Гиппа. От реки же Гиппа до Астелефа и Диоскуриады мы уже явно плыли вдоль левой стороны Понта, и плавание наше направлялось к солнечному закату. Когда мы поворачивали от Астелефа на Диоскуриаду¹¹, то увидели

¹ [А г г., PPE, 13: Сингам].

² «στ'». Расстояние примерно 65 стадиев. То, что Арриан в своем источнике нашел, произошло, может быть, из σ' (70)» (Müller).

³ 'Ἀστέλεφον] Так кодекс Арриана: 'Ἀτέλιφον и потом 'Ἀτέλιφον, также ниже, § 11: «ἐπ' 'Ἀτέλιφον, но кодекс Анонима последовательно 'ἀπὸ τοῦ 'Ἀστελέφον» (Müller).

⁴ Слов этих у Арриана нет.

⁵ § 48 из Мениппа.

⁶ [Племя лазов еще во II в. н. э. было известно как весьма незначительное, связывающееся с местностью Старая Лаика (А г г., PPE, 15, 28). П т о л е м е й локализует их к югу от Фасиса (V, 10, 5). Однако в IV—V вв. н. э. имя этого племени, родственного керкетам (см. RE. VIII, 1, 260; XII, 1, 1042), распространилось на всю Колхиду, именовавшуюся у ранневизантийских писателей Лаикой].

⁷ Из А р р и а н а, § 15.

⁸ § 50 из ямбической перигесы.

⁹ Müller попытался составить стихи, повсюду слабые. Они не дают ничего для перевода, за исключением того, что после слова «смешанный», повидимому, выпали две ямбические стопы.

¹⁰ §§ 51 и 52 из А р р и а н а, 15—16.

¹¹ Ср. прим. к А г г., PPE, 16.

гору Кавказ, по высоте ближе всего *подходящую* к Кельтийским Альпам. И показывалась *нам* одна вершина Кавказа—имя вершины Стробил,—где, по мифическим сказаниям, Прометей был повешен Гефестом по приказанию Зевса.

53 (12)¹. Таков путь плывущих от Византия вправо до Диоскуриады, каковая крепость служит пределом римского владычества [на правой стороне] от входа в Понт. Когда же я получил известие о смерти Котиса (Κότις)², царя так называемого Боспора Киммерийского, то позаботился описать тебе и морской путь до Боспора, для того чтобы тебе, *в случае*, если ты задумаешь что-либо на счет Боспора, возможно было обсудить дело на основании подробных сведений и об этом пути.

54 (13)³. Исполняя *это*, я изложу остальное так. Если отправиться из Диоскуриады-Севастополя, первая стоянка может быть в Питиунте; от Севастополя, где стоянка кораблям, 350 стадиев, 46 $\frac{1}{3}$ мили.

55 (14)⁴. До этого места простирается Понтийское царство варваров в Тибарении, Саннике и Колхиде⁵, а соседние области принадлежат автономным варварам.

56 (15)⁶. От Питиунта до области Стеннитики (некогда называвшейся Триглитом) 150 стадиев, 20 миль; в ней прежде жил скифский народ, о котором упоминает историк Геродот: он говорит, что они едят вшей; и в самом деле, та же самая молва про них идет еще и в настоящее время. От Стеннитики до реки Абаска 90 стадиев, 12 миль. От реки Абаска до реки Брухонта⁷ (ныне называемого Мизигом) 120 стадиев, 16 миль. От Брухонта до реки Несиса, в котором имеешь и Гераклейский мыс (называемый Пикситом), 60 стадиев, 8 миль. От реки Несиса до реки Масетика 90 стадиев, 12 миль. От реки Масетика до реки Ахеунта (которая доступна для судов) 60 стадиев, 8 миль. Эта река Ахеунт (называется Басий и) отделяет зихов от санихов. У зихов царь Сталемфлас; и он получил престол от тебя.

57 (16)⁸. Итак от реки Ахеунта до реки Абаска живут санихи.

58 (17)⁹. От реки Ахеунта до Гераклейского мыса (ныне называется Пустынным) 150 стадиев, 20 миль (От Гераклейского мыса до мыса¹⁰, на котором и теперь находится укрепление, называемое Бага, 10 стадиев, 1 $\frac{1}{3}$ мили). От этого мыса до мыса, у которого есть защита от ветра Фраския и Борея (где ныне находится так называемая Левая), 80 стадиев¹¹, 10 $\frac{2}{3}$ мили. От Левой до так называемой Старой Лазики [в которой находится так называемая ныне Никопсис, близ которой река, ныне

¹ § 53 из Арриана, 26.

² Κότις кодекс, исправил Müller.

³ § 54 из Арриана же, 27.

⁴ § 55 из ямбической перизессы.

⁵ [Положение вещей, характеризующееся этими словами, заимствованными из эллинистического источника, не соответствовало действительности уже в первые столетия н. э.].

⁶ § 56 из Арриана, 27.

⁷ «Μίσιον» μίσιον? Современная Мзымта. Однако кодекс имеет: sic Μίσιον ποταμὸν τὸν ὑπὸν Ἀχρόμιν·ν Βρούχοντα» (Müller).

⁸ § 57 из Мениппа

⁹ § 58 из Арриана, 23

¹⁰ Этого мыса Арриан не упоминает.

¹¹ Арриан от Гераклейского мыса до мыса Левой считает 180 стадиев, и в этом он прав; Аноним из того же расчета должен был указать 170 стадиев (180—10), но неизвестно в силу какой ошибки дает только 80; что здесь нет ошибки переписчика, ясно из сумм расстояний в § 27» (Müller).

называемая Псахапсис¹ 120 стадиев, 16 миль. От старой Лазики до Старой Ахеи (в которой и река, ныне называемая Топсида) 150 стадиев, 20 миль.

59 (18)². Итак, от Старой Ахеи до Старой Лазики и затем до реки Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: гениохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи.

60 (19)³. От старой Ахеи до гавани Пагры (ныне называемой гаванью Гептала) 350 стадиев, 46²/₃ мили.

61 (20)⁴. От гавани Пагры до Старой Ахеи прежде жили *так* называемые ахейцы, а ныне живут зихи.

62 (21)⁵. От гавани Гептала до гавани Святой (ныне называемой гаванью Гиерия или Никасин) 180 стадиев⁶, 24 мили. От Святой гавани, или Никасин до Синдики [или Синдской гавани, ныне называемой Эвдусией] 290 стадиев, 40 миль.

63(22)⁷. Итак, от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты (Τορίται)⁸, а ныне живут *так* называемые эвдусианы, говорящие на готском или таврском языке⁹.

64 (23)¹⁰. За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондама, лежащее на перешейке или узкой *полосе* между озером и морем. За ней находится Корокондамское озеро, ныне называемое Описсас, образующее очень большой залив в 530 стадиев, 84 мили. Если вьехать в самое озеро и плыть вокруг *берега* в город Гермонассу, *то будет* 440 стадиев, 58²/₃ мили¹¹.

65 (24)¹². Итак от Гермонассы до Синдской гавани вдоль Меотиды живут некие люди, называемые народом синдов, от которых *страна эта* называется Синдикой. Эти синды—варвары, но нравами кротки. За синдами же находятся керкеты, называемые *также* торитами, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве. От керкетов же соседнюю с ними землю занимают ахейцы, которые, как говорят, будучи эллины родом, называются, оварварившись, ахейцами. Ибо, говорят, есть предание, что некогда орхоменская дружина Иалмена, плывя на всех судах

¹ Слова, заключенные в скобки, отсутствуют у Арриана. Νίψις упоминает C o n s t. P o g r a h., de adm. imp., 42. «Ψάχαψις Χαράψις?»—река, о которой Аноним говорит, что она находится по соседству с Никопсис, на наших картах именуется Шапсуком» (M ü l l e r).

² § 59 из Мениппа

³ § 60 из Арриана, 28.

⁴ § 61 из Мениппа

⁵ § 62 из Арриана, 28.

⁶ «σάδιον ρπ'» Так, Арриан, ρν' кодекс. 24 римских мили предполагают 180 стадиев. Сходным образом в следующих строках имеются στάδιον σκ' (290), тогда как 40 миль составляют 300 стадиев, что имеет и Арриан. Аноним, имевший перед глазами несколько источников, смешал различные данные; ибо это σκ' вряд ли могло получиться от ошибки переписчика» (M ü l l e r).

⁷ § 63 из Мениппа.

⁸ Τορίται. Так также § 24. У Арриана и других называются Τορέται, у Strabo, XI, 2 11—Τορέται» (M ü l l e r).

⁹ [Эвдусианы или эвлусианы (см. P r o c., BG, IV, 4) должны быть идентичны гуннам-утургурам, ибо под этим именем Прокопий помещает их царство на берегах Черного и Азовского морей от Питиунта и до Нижнего Дона; в связи с этим чрезвычайно любопытным является замечание Анонима об их «готском и таврском» языке, не имевшем, разумеется, ничего общего с древнегерманскими диалектами].

¹⁰ 64, может быть, из Мениппа

¹¹ [Аноним опускает здесь (переносы в Европу—см. § 73 сл.) Фанагорию и Кёпы—пункты, лежавшие на левом берегу Корокондамского озера, для плывущих в Гермонассу (ср. Strabo, XI, 2, 9 сл.) и несомненно упомянутые в источнике Анонима].

¹² § 65 из ямбической периягесы

от Илиона, под действием танаисского¹ ветра против воли попала в Понтийскую варварскую страну; поэтому-то они, говорят, преданы чужеземным обычаям и беззаконны и по нравам более всего суровы к эллинам. (Ахейцы) многочисленны и враждебны керкетам.

66 (25)². От Гермонассы, если выплыть из залива, до устья озера Меотиды и селения Ахиллова 515 стадиев, 68²/₃ мили.

67 (26)³. Если же плыть прямым путем от Синдики в Боспор, называемый Киммерийским, в город Боспора Пантикапей, *то будет* 540 стадиев, 72 мили.

68 (27). Всего, если плыть вдоль берега от святилища *Зевса Урия* до устья озера Меотиды или Ахиллова селения, 12 487 стадиев, 1653¹/₂ мили [читай 1665].

69 (28)⁴. От Ахиллова селения, которое лежит на конечном пункте Азии и *при* проливе у устья озера Меотиды или Танаиса, до селения, лежащего напротив на конечном пункте Европы, называемого Портмием и лежащего также при проливе у устья озера Меотиды, ширина устья 20 стадиев, 2²/₃ мили.

70 (43)⁵. Эта река Танаис, говорят, отделяет от Азии Европу и вытекает из озера Меотиды, а впадает в море Эвксинского Понта. Впрочем, Эсхил в «Освобождаемом Прометее» делает реку Фасис границей Европы и Азии. У него титаны говорят Прометею, что «Пришли мы, Прометей, взглянуть на бедствия Твои и на страдания эти от оков».

Затем они перечисляют, сколь великую прошли страну:

«Где двойной предел Европейской земли и Азии, великий Фасис».

Озеро Меотида, говорят, имеет в окружности около 9 000 стадиев, 1 200 миль.

71 (44)⁶. Меотийское озеро, говорят, равно половине Понта.

72 (45)⁷. У реки Танаиса, которая служит границей Азии, разделяя материк на две части, первыми живут сарматы, занимая *пространство* в 2000 стадиев, составляющих 250 миль. Далее за сарматами живет племя меотов, называемое иазаматами, по свидетельству Деметрия⁸ (от которых и Меотийское озеро получило название); по словам же Эфора это племя называется савроматами; с этими савроматами, говорят, вступили в связь амазонки, пришедшие когда-то после битвы при Термонте; от них савроматы названы женоуправляемыми.

73 (46)⁹. Затем следуют Фанагоров город и город Кепы [Сады].

74 (47)¹⁰. Потом Гермонасса и Фанагория, которую, по преданию, некогда заселили теосцы; и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из соседних местностей¹¹. Эти города лежат разбросанно на остро-

¹ Ср. P r o c., BG, IV, 4, p. 475, 1: «ветер, который дует оттуда, называют танаисским» (M ü l l e r). Он же попытался составить стихи, которые не дают ничего для перевода, за исключением того, что, по мнению Müller'a, автор прозаической парафразы, видимо, не понял стихотворного текста и неправильно отождествил керкетов с торитами.

² § 66—из Мениппа.

³ § 67 из Арриана, 29.

⁴ § 69 из Мениппа, как кажется Müller'у.

⁵ § 70 из Арриана, 29.

⁶ § 71 из Скилака, 69.

⁷ § 72 из ямбической переизгесы 874—885.

⁸ [Каллатийского, географа III—II вв. до н. э.; ср. P s.-S c u m n., 117].

⁹ § 73 из Скилака, 72.

¹⁰ § 74 из ямбической переизгесы, 886—899.

¹¹ [Повторение в §§ 73—74 описания азиатской части Боспора, данного уже выше в § 63 сл. объясняется, может быть, тем, что в перипле Псевдо-Скимна предполагается плавание в противоположном направлении, с запада на восток; заимствуя из него описание местностей у устья Танаиса, Аноним, таким образом, невольно был увлечен навад].

ве, *тянущемся* вдоль Меотиды до Боспора и представляющем странную равнину, которая недоступна частью вследствие болот и рек, а также топей, *находящихся* по ту сторону, частью же благодаря морю и озеру. При выходе из устья *лежат*: город Киммерида, названный так от варваров-киммерийцев, но основанный тиранами боспорскими, и Кеп¹, основанный милетянами. Таковы *местности* на азиатской стороне.

75 (49)². На европейской же *стороне* при самом устье Меотийского озера самым крайним является Пантикапей, названный столицей Боспора. Выше этих *мест* лежит варварская Скифия, граничащая с необитаемой и неизвестной всем эллинам землей. По Истру первыми живут, по словам Эфора, карпиды, затем пахари и невры до новой пустыни, необитаемой вследствие холода. А к востоку, если переправиться через Борисфен, живут скифы, населяющие так называемое Полесье³; сверху граничат с ними земледельцы, а затем *следует* опять обширная пустыня; за ней обитает племя скифов-андрофагов, а далее опять пустыня. По ту сторону Пантикапеа *живет* племя лимнеев и многие другие, не различающиеся собственными именами, а *просто* называемые кочевыми; они очень благочестивы, так что ни один из них никогда не обидит живого существа; по словам Эфора, они перевозят свои жилища и питаются кобыльим молоком по скифскому обычаю. Они живут, имея общее имущество, и совместно. Он говорит, что и мудрый Анахарсис происходил из кочевников, и *именно* из наиболее благочестивых, и что некоторые перешли в Азию и поселились там; их называют саками. Самыми славными Эфор называет племена савроматов, гелонов и третье, называемое агафирсами. Далее лежит получившее свое имя от меотов Меотийское озеро, в которое впадает Танаис, по словам Гекатея Эретрийца, вытекающий из реки Аракса, а по известию Эфора—из какого-то озера, пределы которого неизвестны; впадает же он двумя рукавами в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор.

76 (50)⁴. Устье озера⁵ называется Боспором. От местечка Портмия или устья Меотийского озера до городка, по имени Мирмекиона (Μυρμηκίων⁶, 60 стадиев, 8 миль. От Мирмекиона до Пантикапея, важного боспорского города⁷, 25 стадиев, 3 1/3 мили; он имеет обширную гавань и верфи. По прямому пути от Боспора до устья Меотийского озера или Танаиса 60 стадиев, 8 миль. А от города Пантикапея до города Тиристаки 60 стадиев, 8 миль; от города Тиристаки до города Нимфея 25 стадиев, 3 1/3 мили; от Нимфея до деревушки Акры 65 стадиев, 8 1/3 мили; от Акры до города Кит, раньше называвшегося Кидеаками [?]⁸, 30 стадиев, 4 мили.

¹ [Несомненно, то же самое, что и упомянутые несколькими строками выше Кепы].

² § 75—из ямбической перизгесы, 835—873.

³ [Возможно, что именно этих скифов Полесья (Абики) в глубокой древности греки именовали абиями, ср. Steph. Byz., s. v. 'Υλλια].

⁴ § 76 из ениппа.

⁵ [Г. е. Меотиды (Азовского моря)].

⁶ См. Leo Diac., IX, 6, p. 150, где упоминается о Мирмекионе на основании перипла Арриана, в котором, однако, ничего не говорится о Мирмекионе. Müller предполагает, что Лев пользовался каким-то другим периплом, кото-рый, подобно данному, носил имя Арриана. Он же считает также, что, быть может, ту же форму этого имени нужно поставить у Ps.-Scyl., 68, где в рукописи читается μυρμηκων.

⁷ «Не знаю, не следует ли писать: πόλις ἐπιστρατιῶν καὶ Βόσπορος. Если это чтение, отвергнуть, то в следую-щих строках будет πλέοντι ἀπὸ [Παντικαπίου ἤτοι] Βόσπορου. Ибо что известно, Пантикапей назывался так же Боспором... И наш автор сам ниже говорит ἀπὸ Βόσπορου ἤτοι Παντικαπίου [§ 86], что следовало принять во внимание уже и для этого места» (Jüller).

⁸ [В наименовании «Кидеаки» или «Кидея» (если принять поправку Мюллера), являющемся, по свидетельству Анонима, первоначальной формой последующего «Кита», «Китей» — имени, перенесенного милетскими колонистами с Боспора Фракийского (см. Dion. Byz., 21), — звучит, вероятно, местное наименование этого пункта].

Итак, от Афинеона до Кит живут скифы. Затем следует Киммерийский Боспор.

От Кит до города Киммерика 60 стадиев, 8 миль; там есть стоянка для кораблей, *защищенная* от западных ветров. Напротив *него* в море, в недалеком расстоянии от материка, два скалистых, не очень больших острова. Всего от устья Меотийского озера до Киммерика 300 стадиев, 40 миль, а от города Пантикапея до Киммерика 240 стадиев, 32 мили.

77 (51)¹. От Киммерика до деревни Казека, лежащей у моря, 180 стадиев, 24 мили. От Казека до Февдосии, опустевшего города, имеющего и гавань, 280 стадиев, 37¹/₃ мили; и это был древний эллинский город, колония милетян; о нем есть упоминания во многих сочинениях. Ныне же Февдосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т. е. Семибожный. В этой Февдосии, говорят, жили некогда и изгнанники из Боспора.

78 (52). От Февдосии до пустынной гавани Афинеона² или гавани скифо-тавров 200 стадиев, 26²/₃ мили; здесь спокойная стоянка для кораблей. От Афинеона, или гавани скифо-тавров, до Лампады 600 стадиев, 80 миль; там стоянка для кораблей. От Лампады до высокой горы Бараньего лба, мыса Таврической земли, 220 стадиев, 29¹/₃ мили.

79 (53)⁴. В эту местность Таврики, по некоторым преданиям, некогда пришла похищенная из Авлиды Ифигения. Тавры народ многочисленный; ведут они образ жизни горцев и кочевников, по свирепости — варвары и убийцы, умиляющие своих богов злодеяниями.

80 (54)⁵. Так называемый Таврический Херсонес⁶ пограничен с ними; на нем греческий город, основанный гераклеотами и делосцами, вследствие данного гераклеотам, жившим в Азии по сю сторону Кианей, совета оракула заселить вместе с делосцами Херсонес [полуостров].

81 (55)⁷. От Бараньего лба до таврической же гавани Символа, называемой также *гаванью* Символов, — 300 стадиев, 40 миль; здесь спокойная гавань. От гавани Символа до города Херронеса или Херсонеса в Таврической земле, колонизованного понтийскими гераклеотами, 180 стадиев, 24 мили; здесь пристань и хорошие гавани.

82 (56)⁸. Береговая линия Таврического Херсонеса, от гавани Афинеона до Прекрасной гавани, в объезде составляет 2600 стадиев, 346²/₃ мили, а от деревни Портмитиды, лежащей на крайнем пункте Европы при входе в Меотийское озеро или в Танаис, до Херсона⁹ 2260 стадиев, 301¹/₃ мили; от Боспора или Пантикапея до города Херсона 2200 стадиев, 293¹/₃ мили.

83 (57). От Херсона до так называемой Коронитиды, или Керкинитиды, 600 стадиев, 80 миль; от Коронитиды, или Керкинитиды, до скифской гавани Прекрасной в Херсонесской земле 700 стадиев, 93¹/₃ мили. От Прекрасной гавани до реки Истра или Данубия опять обитают скифы. За

¹ § 77 до «...сочинениях» из Арриана.

² [T o m a s c h e k (RE, I, 1, 22) читает 'Αβδαρβα и разъясняет это слово из осетинского awd—семь]

³ 'Αβυλῶνι. Это имя известно только из нашего автора; второе название есть у Арриана (M i l l e r) [Этот пункт, упоминаемый лишь у нашего Анонима, локализуется предположительно на месте современного Судака. Ср. В. В. Л а т ы ш е в, IOSPE, II, карта № 2].

⁴ § 79 из ямбический перигесы, 828—834

⁵ § 80 — из нее же, 822—827.

⁶ Судя по контексту, Аноним имеет в виду так называемый «Малый Херсонес», или современный Гераклеийский полуостров].

⁷ § 81 из Арриана и Мениппа.

⁸ О § 82 и следующих М ю л л е р замечает: «Эти перечисления заимствованы из какого-либо другого перипла [т. е. не из Арриана].

⁹ [Т. е. Херсонеса]

Прекрасной гаванью начинается залив, называемый Каркинитским и простирающийся до Тамираки; он имеет *в длину* 2250 стадиев, 300 миль; если же не объезжать его *вдоль берегов*, но прямым путем переплыть устье, то всего 300 стадиев, 40 миль. Внутри Тамираки есть небольшое озеро.

84 (58). От мыса Тамираки тянется Ахиллов Бег, весьма длинная и узкая береговая полоса, простирающаяся вдоль пролива на 1200 стадиев или 160 миль, а в ширину имеющая 4 плефры; концы ее имеют вид островов; от материка она отстоит на 60 стадиев, 8 миль. По середине ее истмovidный (т. е. узкий) перешеек соединяет с материком (или с твердой землей), простираясь в длину на 40 стадиев, $5\frac{1}{3}$ мили. Если проплыть от Тамираки мимо вышеупомянутого Бега до другой косы Ахиллова Бега, называемой Священной рощей Гекаты¹, *получаются* упомянутые 1200 стадиев или 160 миль. От Священной же рощи Гекаты до судоходной реки Борисфена, ныне называемой Данаприем, 200 стадиев, $26\frac{2}{3}$ мили.

85 (59)². Эта река Борисфен полезнее всех других; она *изобилует* большими рыбами и производит много хлебных растений и пастбища для скота. Ее течение, как говорят, судоходно дней на сорок плавания, а в верхнем течении она не судоходна и не доступна, ибо плавание невозможно вследствие снегов и льдов.

86 (60)³. При слиянии двух рек, Гипаниса⁴ и Борисфена, существует город, прежде называвшийся Ольвией, а потом снова названный у эллинов Борисфеном⁵; его основали милетяне во время мидийского владычества; от моря до него 240 стадиев плавания вверх по реке Борисфену (ныне называемой Данаприем; *это расстояние составляет* 32 мили).

87 (61)⁶. От реки Борисфена до весьма маленького, пустынного и безыменного островка⁷ 60 стадиев, 8 миль; от этого весьма маленького, пустынного и безыменного острова до Одесса 80 стадиев, $10\frac{1}{3}$ мили; от Одесса до местечка Скопелов 160 стадиев, $21\frac{1}{3}$ мили; от Скопелов до гавани истрианов 90 стадиев, 12 миль; от гавани истрианов до гавани исиаков 90 стадиев, 12 миль; от гавани исиаков до местечка Никония 300 стадиев, 40 миль; от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев, 4 мили.

88 (62). Эта река Тира, будучи глубока и *представляя* хорошие пастбища для скота, доставляет торговцам много рыбы на продажу и безопасна для плавания грузовых судов. *На ней лежит* соименный ей город Тира, колония милетян.

¹ [Для локализации этого пункта ср. P t o l., Geogr., III, 8, 2].

² § 85 из ямбической перизгесы, 813—819.

³ § 86 из нее же, 804—812.

⁴ К 'Υπλιν на полях рукописи приписан схолий: «Некоторые говорят, что на реке Гипанисе есть животное, называемое «быстрое», которое в один и тот же день рождается и умирает». Ср. обширное примечание Müller'a, GGM, I, стр. 417. [Об этом же животном (насекомом) сообщает подробнее Аристотель (Hist. an., V, 19, 14), называя его «однодневкой» или «поденкой». Ср. также A e l., Hist. an., V, 43. Необходимо отметить, что Аноним путает в данном случае Гипанис-Буг с Гипанисом-Кубанью, к которой относится рассказ Аристотеля].

⁵ [О соотношении наименований Ольвия и Борисфен (применительно к городу) ср. S t r a b o, VII, 3, 17].

⁶ §§ 87 и 89: «Об отрезке берега, находящемся между Борисфеном и Тирой (*Днестром*), Аноним передает больше, чем Арриан, который упоминает на нем только Одесс, порты истрианов и исиаков, за которыми на расстоянии 200 стадиев находятся ἑρμια и ἰσιακοί. И это было правильно в век Арриана; Аноним, не обращая внимания на хронологию, упоминает Скопелы, Никоний, башню Антифила, Кремниски и местечко Антифила (μύλλερ).

⁷ [Имеется в виду нынешний остров Березань, заселенный в древности и упомянутый также у S t r a b o, VII, 3, 19, без имени, а у P t o l., III, 10, 8, названный Борисфенидой или Левкой].

89 (63)¹. Всего от реки Борисфена до реки Тиры 810 стадиев, 108 миль, а от Херсона до реки Тиры 4110 стадиев, 548 миль; а географ Артемидор² от города Херсона до реки Тиры вместе с объездом Каркинитского залива ставит 4200 стадиев, или 589 $\frac{1}{3}$ мили. От реки Тиры до Неоптолемовых³ 120 стадиев, 16 миль; от Неоптолемовых до Кремнисков⁴ 120 стадиев, 16 миль; географ же Артемидор говорит, что от реки Тиры до Кремнисков 480 стадиев, 64 мили. От Кремнисков до Антифиловых⁵ 330 стадиев, 44 мили. От Антифиловых до так называемого Голого устья реки Истра 300 стадиев, 40 миль. Здесь *живут* фракийцы и бастарны-пришельцы.

90 (64)⁶. Почти напротив Голого устья Истра, если плыть с северным ветром прямо в открытое море, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, другие—Бегом Ахилла, третьи по цвету—«Белым».

91 (65)⁷. На нем водится множество ручных птиц, и *он представляет* для приезжающих благолепный вид; с него нельзя видеть земли, хотя он отстоит от материка *только* на 400 стадиев (53 $\frac{1}{3}$ мили), как пишет, по крайней мере, Деметрий⁸.

92 (66)⁹. Говорят, что этот остров Фетида подняла *из моря* для своего сына и что Ахилл живет на нем. На нем есть и храм Ахилла и статуя древней работы; люди на нем не живут; пасутся только немногие козы, которых, как говорят, пристающие туда посвящают Ахиллу. Ведь и другие многие дары посвящены в храме, *как-то*: чаши, перстни и драгоценные камни. Все это посвящено Ахиллу *в виде* благодарственных приношений; *есть* и надписи, написанные одни на латинском, другие на греческом языке разными меграми и *содержащие в себе* прославления Ахилла.

93 (67)¹⁰. От так называемого Голого устья Истра до второго его устья, 60 стадиев, 8 миль. От второго устья до Прекрасного устья 40 стадиев, 5 $\frac{1}{3}$ мили. От Прекрасного устья до Нарака (так называют четвертое устье Истра) 60 стадиев, 8 миль. От Нарака до пятого устья Истра, называемого «Священным», 120 стадиев, 16 миль. Отсюда начинаются прилежащие к Понту части Фракии и границы фракийцев. Все же раньше названные племена—варварские.

94 (68)¹¹. Эта река Истр, называемая также Данубием, вытекает из западных стран и впадает *в море* пятью устьями; разделяясь на два русла, она течет и в Адрий. Она хорошо известна до земли кельтов и летом всегда сохраняет *много воды*: ибо зимой она прибавляется и пополняется выпадающими дождями и, как говорят, всегда получает притоки от снега и тающих льдов, но и летом точно так же имеет ровное течение. В ней, по слухам, лежит много значительных по величине островов; из них лежащий

¹ § 89 из ямбической периягесы, 799—803.

² [Из Эфеса, II—I вв. до н. э., автор «Географии» в 11 книгах, откуда, вероятно, и заимствован весь этот отрывок с описанием берега от Тиры до Истра].

³ У Страбона [VIII, 3, 16] есть *πόρος Νεοπτολέμου κλιόμενος*.

⁴ [Этот пункт упоминается также у Plin., IV, 26 вместе с Макрокремнийскими горами. Müller (GGM, I, 418) считает возможным идентифицировать Кремниски с Гермонактовым селением, локализуемым в этой местности и упомянутым у Strabo, VII, 3, 16, и у Ptol., Geogr., III, 10, 7].

⁵ [Этот пункт у других авторов не упоминается и ближайшей локализации не поддается. Müller, (GGM, I, 419,) предположительно ставит с ним в связь помещаемый Птолемеем к югу от Гермонактова селения населенный пункт Гарпис].

⁶ § 90 из Арриана, 32.

⁷ § 91 из ямбической периягесы, 792—796.

⁸ Ср. выше, § 72

⁹ § 92 из Арриана, 32.

¹⁰ § 93 до «16 миль» из Арриана, 35.

¹¹ § 94 из ямбической периягесы, 774—791

между морем и устьями—не меньше острова Родоса; он называется Певкой [Сосновым] вследствие изобилия расгущих на нем сосен. Затем за ним лежащий в открытом море вышеупомянутый Ахиллов остров.

95 (69)¹. От Священного устья реки Истра до города Истра 500 стадиев, 66²/₃ мили.

96 (70)². Этот город Истр получил *свое* имя от реки. И этот город основали милетяне, когда войско варваров-скифов, гнавшее киммерийцев из Боспора, перешло в Азию.

112 (86)...³ [Милетяне] выслали из Ионии множество колоний в Понт, который, прежде называвшийся Негостеприимным вследствие нападений варваров, благодаря им получил прозвание Гостеприимного.

117 (91). Всего от Священного устья реки Истра до святилища Зевса Урия, или устья Понта, 3640 стадиев, 485¹/₃ мили. От реки Борисфена, называемой также Данаприем, до святилища Зевса Урия 5600 стадиев, 746²/₃ мили. От Херсона до святилища Зевса Урия 8900 стадиев, 1186²/₃ мили. От деревни Портмии, лежащей на краю европейских частей Понта, на устье Меотийского озера или так называемого Киммерийского Боспора, до святилища Зевса Урия 11100 стадиев, 1480 миль.

Говорят, что путь вдоль европейских берегов Понта равен объезду азиатских частей Понтийского моря.

118 (92). От святилища Зевса Урия до Амиса 4660 стадиев, 621¹/₃ мили; от Амиса до реки Фасиса 3802 стадия, 507 миль; от реки Фасиса до устья Меотийского озера или Ахиллова селения 4025 стадиев, 536²/₃ мили; так что выходит от святилища Зевса Урия до устья Меотиды 12487 стадиев, 1665 миль.

В общем итоге весь объезд Эвксинского Понта, *т. е.* правых частей Понта вдоль Азии и левых частей Понта вдоль Европы, от святилища Зевса Урия составляет 23587 стадиев, 3145 миль.

Кроме того, объезд Меотийского озера *составляет* 9000 стадиев, 1200 миль.

БЕЗЫМЕННЫЙ АВТОР

ИЗМЕРЕНИЕ ВСЕЙ НАСЕЛЕННОЙ ЗЕМЛИ В СОКРАЩЕНИИ

(ΑΧΑΜΕΤΡΗΣΙΣ ΤΗΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗΣ ΠΑΣΗΣ ΚΑΤΑ ΣΥΝΟΜΙΛΙΑΝ)

«Прибавляем некоторые географические эксцерпты другого анонимного писателя, в которых то, что говорится об объезде Понта Эвксинского, занимает главное место. Эта работа находится в кодексе 1895 Готтисенской библиотеки, откуда, после того, как она была переписана рукой О. Bloch'a, ее издал впервые F. O s a n n u s (Disputatio de fragm. peripli Graeco e cod. Hafn., Gissae, 1829); его потом повторили Gaillius и Hofmannus. Ценность эксцерптов ничтожна; в них нет ничего нового и то, что мы знаем точнее из других источников, в этом отрывке испорчено самым жалостным образом» (С. Müller, GGM, I, стр. 424)

Перевод П. И. Прозорова
СКРАЩЕННОСТЬ ПОНТА

2. От Византия до Состения⁴ восемьдесят стадиев, десять с половиной миль; от Состения до Святилища сорок стадиев, пять с половиной миль

¹ § 95 из А р р и а н а, 35.

² § 96 из периплеса, 767—772.

³ § 112 из периплеса, 731—737.

⁴ [В глубокой древности Ластений (P l i n., IV, 46: Gasthenes), отождествляется с именем Стения (Истения) на европейском берегу Боспора Фракийского, в глубине бухты].

всего шестнадцать миль. От святилища Зевса Урия¹, или от устья Понта, до Священного устья реки Истра три тысячи шестьсот сорок стадиев, четыреста восемьдесят пять с половиной миль.

3. От святилища Зевса Урия до реки Борисфена, называемого также Данаприем, пять тысяч шестьсот стадиев, семьсот сорок шесть с половиной миль. От святилища Зевса Урия до города Портмии², лежащего в конце европейской части Понта, при устье Меотийского озера, или так называемого Боспора Киммерийского, одиннадцать тысяч стадиев, тысяча четыреста восемьдесят миль. Говорят, что объезд припонтийской Европы равен объезду азиатских берегов Понта.

4. От святилища Зевса Урия до Амиса четыре тысячи шестьсот шестьдесят стадиев, шестьсот двадцать одна с половиной миль. От Амиса до реки Фасиса три тысячи восемьсот два стадия, пятьсот семь миль. От реки Фасиса до устья Меотийского озера [или до Ахиллова селения, четыре тысячи двадцать пять стадиев, пятьсот тридцать шесть миль, так что от святилища Зевса Урия до устья Меотийского озера составляет] двенадцать тысяч четыреста восемьдесят семь стадиев, тысяча шестьсот шестьдесят пять с половиной миль.

5. Весь объезд Эвксинского Понта, как правой, азиатской, стороны его, так и левой, европейской, от святилища [Зевса Урия составляет двадцать три тысячи пятьсот восемьдесят семь стадиев], три тысячи сто сорок пять миль. Объезд Меотийского озера составляет девять тысяч стадиев, тысяча двести миль.

НИКИФОР БЛЕММИД СОКРАЩЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ³

(ΓΕΩΓΡΑΦΙΑ ΣΥΝΟΠΤΙΚΗ)

«Это маленькое произведение, изданное S p o h n'om [1818 г.] из парижской рукописи и M a n z i [1819 г.] из римской рукописи, является испорченной парафразой Дионисия и полно удивительных нелепостей. Даваемое нами заглавие [τὸ σφωδρότερον Νικηφόρου τοῦ Βλῆμμιδου Γεωγραφία συνοπτική] взято из римского списка» (M ü l l e r, GGM, II, 458—468). [Византийский богослов, философ и поэт Никифор Блеммид (1197—1272) занимался также и географией; он оставил два географических сочинения, из которых одно известно под названием «Истории о земле» (Ἱστορία περὶ τῆς γῆς), а другое—«Сокращенной географии» (Γεωγραφία συνοπτική); выдержки из последнего сочинения помещаются здесь Латышерым на том основании, что текст «Географии» всецело основан на «Землеописании» Дионисия Периегета, без каких бы то ни было вставок или изменений, которые свидетельствовали бы о географических и этнографических переменах, произошедших в средние века. Труд Блеммида, несмотря на свой несамостоятельный характер, пользовался большой известностью и служил почти единственным учебным пособием по географии в поздневизантийское время. См. В. И. Барвинок, Никифор Блеммид и его сочинения, Киев, 1911, стр. 350 и сл.].

ОБ ОКЕАНЕ

26—40. Этот океан, будучи единым и обтекая землю кругом, получил четыре названия: в западной части он называется западным Атлантом, а к северу, где живет и племя аримаспов,—ледовитым Кронийским...

¹ [На азиатском берегу Боспора Фракийского близ выхода из пролива в Черное море, ср. А г г., РРЕ, 37].

² [А п о п., РРЕ, 76: χωρίον, т. е. местечко, деревня; соответствует «Киммерийским переиствам» у Н е г., IV, 12].

³ [Поскольку почти вся географическая номенклатура «Сокращенной географии» содержится в «Землеописании» Дионисия Периегета,—см. соответствующие примечания.]

41—168. Он имеет вместе и четыре пролива¹, которые образуют четыре моря: первое к западу, второе к востоку, третье к северу и четвертое к югу. Находящееся к востоку называется Персидским, ... а находящееся к северу кругообразно и очень велико и называется Гирканским и Каспийским...

Следующая [за Боспором] вверх к северу часть называется Эвксинским и Понтийским морем и простирается больше к востоку. Часть выше его называется Меотийским озером, выше которого нет другого моря, а *есть* река, называемая Танаисом, которая изливается в самую Меотиду из Скифских гор...²

ОБ ЕВРОПЕ

270—330... За рекой Рейном течет большая река Истр, поворачивающая к востоку вблизи Эвксинского моря; и она называется Данубием, где извергает все легчайшие *частицы* воды, образуя пятью устьями остров Певку. За ним к северу раскинуто множество племен до устья Меотийского озера: германцы, сарматы, геты и бастарны, или, лучше сказать, батарны, обширная земля даков, могущественные аланы и тавры, которые заселяют великий Бег Ахилла, узкий и длинный, и устье самого Меотийского озера. Выше их раскинуто племя многоконных агавов, где живут мужи меланхлены и гишмомолги, невры, гишпоподы [коненогие], гелоны и агафирсы, где вода реки Борисфена сливается с Эвксинским Понтом перед Бараньим лбом, напротив Черных скал³. Там же воды двух рек, Алдеска и Пантикапа, вытекают отдельно одна от другой из Рипейских гор. У устьев их вблизи мертвого моря океана во множестве находится блестящий камень янтарь; там же вблизи и у холодных агафирсов находится алмаз. Столько *народов* живет к северу от реки Истра...

ОБ ОСТРОВАХ ЗАПАДНОГО И ФИНИКИЙСКОГО МОРЯ

512—554... В левой стороне Эвксина, напротив реки Борисфена, *есть* остров Белый, земля душ героев; а прямо при входе в Киммерийский Боспор внутри Меотийского озера *есть* один огромнейший остров с правой стороны⁴, и Фанагора и Гермонасса, которые пользуются большой славой у мореплавателей.

О ПРОТЯЖЕНИИ И ОПИСАНИИ ЗЕМЕЛЬ, т. е. ЕВРОПЫ, ЛИВИИ И АЗИИ

620—649 ... [У берегов Азии океан] образует три залива, именно Персидский, Гирканский и Аравийский; два из них находятся на юге, а Гирканский обращен к борею и либу⁵ и *находится* в соседстве с Эвксинским

¹ [Говоря о проливах, Никифор Блеммид имеет на самом деле в виду «заливы» океана; из них четыре главных названы S t r a b o, II, 5, 18: Каспийское море, Персидский залив, Аравийский залив (Красное море) и Средиземное море].

² [Эти Скифские горы, не упоминаемые другими авторами, следует отождествить с Рипейскими горами, из которых, по общему убеждению ионийских географов, берет начало река Танаис (Дон)].

³ [Под Черными скалами следует, очевидно, понимать Кианеи (собственно «Темные» или «Темносиние» скалы), ибо Кианеи—второе наименование городка Мелены в Ликии (P l i n . V, 101; ср. R E, XI, 2, 2236). Евстафий к D i o n. P e r g., 311, также помещает устье реки Борисфена у Бараньего лба и против [Кианейских скал].

⁴ [Имеется в виду нынешний Таманский полуостров].

⁵ [Юго-западный ветер, дующий от берегов Ливии; у римлян—африк].

Понтом; вокруг этого Эвксина и Гирканского моря живут многие народы. Между обоими этими морями находится беспредельный перешеек¹, разделяющий их; он тянется туда и сюда во многие стороны...

О ВСЕХ НАРОДАХ, НАСЕЛЯЮЩИХ ВСЕЛЕННУЮ

650—705. Вблизи Меотийского озера живут меоты и племена савроматов, занимая великую и беспредельную область, посредине которой катится Танаис, впадающий в средину Меотиды, и отделяет Европу от Азии, так что Европа находится к западу от него, а Азия—к востоку. Он катится по равнинам скифов с севера, а истоки его идут от горы Кавказа, где бывает величайшая стужа. За савроматами живут синды, киммерийцы и племена, близкие к Эвксинскому Понту, керкегийцы, ореты² и могущественнейшие эллины³, довольно многочисленные. К северо-востоку от этой реки лежит перешеек Каспийского моря и Эвксинского Понта. На этом перешейке живут восточные иберы, которые пришли от Пиррены⁴, переселившись с запада на восток. Живут также и камариты, где находится Каспийское море.

О КАСПИЙСКОМ МОРЕ

706—725. Это Каспийское море весьма велико и кругло; его можно объехать кругом месяца в три⁵. На этом Гирканском море встречается кристалл и яшма, враждебная демонам. Таково это море.

726—760. Я начну описывать народы с северо-западной стороны. Первые—скифы, которые живут вблизи Кронийского моря по побережью и устью Каспийского моря. Вслед за ними—уны⁶, за унами—каспии, а за этими—воинственные албанцы. Гористую область выше их заселяют кадусии, а вблизи последних живут марды и гирканийцы.

О ПРОЧИХ НАРОДАХ ОТ РЕКИ ФАСИСА И О КОЛХАХ

761—798. Теперь я начну описывать и прочие народы, отправляясь от колхов и реки Фасиса к западу до реки Ладонта⁷ у устья Эвксинского Понта. Итак, вблизи Фракийского устья, где находится Халкедон, живут бизеры; за ними—племена бекиров, макроны, филеры и богатые стадами тибарены, а за этими—халибы, которые проводят жизнь в тяжком труде, обрабатывая тягостное железо...

¹ [Никифор, очевидно, хочет сказать, что перешеек между Черным и Каспийским морем как бы является в то же время и перешейком между беспредельными по их протяжению материками Европы и Азии].

² [Т. е. тореты, локализующиеся на северокавказском побережье. Ср. Dion. Per., 683].

³ [Эллинами Никифор называет племена ахейцев, гениохов и зигов, которым древние авторы приписывали эллинское происхождение].

⁴ [Т. е. от Пиренеев, ср. Dion. Per., 698].

⁵ [Из этого не следует, что Никифор, подобно Геродоту, считает Каспийское море замкнутым бассейном, ср. Dion. Per., 718 сл.].

⁶ [Т. е. уны или гунны].

⁷ [Считающееся догреческим наименованием нескольких рек (в Пелопоннесе, в Бесотии и в Сирии, близ Антиохии). См. RE, XII, 1, 382 сл.].

БЕЗЫМЕННЫЙ АВТОР

ИЗЛОЖЕНИЕ ЗЕМЛЕОПИСАНИЯ
В СОКРАЩЕНИИ

(ΥΠΟΤΥΠΩΣΙΣ ΓΕΩΓΡΑΦΙΑΣ ΕΝ ΕΠΙΤΟΜΗ)

Это сочинение неизвестного автора составлено не раньше V в. н. э. из разных источников: Эратосфена, Страбона, Птолемея, Маркиана и др.

Текст: Müller, GGM, II, 494—511.

II. О РАЗДЕЛЕНИИ НАСЕЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

3. Вся населенная земля разделяется на три материка; Азию, Ливию и Европу. Разделение *делается* перешейками или проливами. Границы материков суть... Азии от Европы—перешеек¹, который от отдаленнейшего угла Меотийского озера простирается до Северного моря; по этому перешейку протекает река Танаис...

IV. О ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДАХ

9. Истр, берущий начало неподалеку от истоков Рейна и до города Новиодуна называемый Данубием², отделяет Германию от народов, живущих ниже...

10. К Германии за рекой Вистулой прилежит Сарматия, обнимающая большую область и многие племена и другого материка... ограничивается в Европе Меотийским озером. Затем, за перешейком Таврического полуострова (который выступает, образуя с Азией пролив, называемый Киммерийским Боспором), она захватывает часть Понта до реки Борисфена.

11. Под самой западной частью Сарматии находится Дакия, спускающаяся к югу за язигами-метанастами и ограничиваемая Истром, а ниже остальных частей к востоку лежит Нижняя Мезия; она также захватывает и значительную часть страны, *лежащей* выше Истра, и обнимает все побережье от Борисфена до города Месембрии.

VI. О НАРОДАХ АЗИАТСКИХ;

19. В Азии народы таковы. Сарматия, расстилающаяся *выше* сказанным образом за перешейком и Танаисом, ограничивается меридианом, пересекающим надвое длину Каспийского моря, затем, обойдя *побережья* Меотиды и Понта до отдаленнейшего угла³, посредине материка доходит до Каспия. За ней к востоку лежит Скифия; она вначале не очень расширяется, а на востоке—чрезвычайно; она почти соприкасается с Индией. За всей Скифией находится Серикиа, составляющая самый восточный предел известной земли.

20. Ниже Сарматии у Понта лежит Колхида, а у Каспия—Албания, а между этими областями лежит Иберия...

21. Далее, ниже Иберии и части Албании, лежит Армения...

¹ [Слово это (ἰσθμός) автор «Землеописания» употребляет здесь в условно-географическом значении].

² [Ср. об этом P t o l., Geogr., XII, 10, 1, по которому наименование Данубий простирается до города Аксиуполя].

³ [Т. е. до кавказского побережья].

IX. О ВЕЛИЧАЙШИХ ГОРАХ

28. Величайшие из гор в Азии—Имай, Эмодские и Кавказские; эти и Рипейские, говорят, выше всех *прочих гор*... В Европе величайшие *горы*, говорят, Сарматские и Альпийские, если кто-либо взял бы их в сравнении с *остальными*...

X. О ВЕЛИЧАЙШИХ РЕКАХ

29. ... Из остальных азиатских рек, впадающих в разные моря, Яксарт, Окс, Римм (Ῥίμμος)¹, Ра², Кир и Аракс изливаются в Каспийское море, а Фасис, Термодонт и Сангарий—в Понт. Они имеют устья почти в тех же местах, где и истоки.

30. Из европейских *рек* первое место по справедливости может занять Истр, который, вытекая из западных стран и проходя столько племен и областей, впадает в Понт. Затем самые большие *реки*: Борисфен, Вистула, Танаис и Рейн...

XIII. О ДЛИНЕ И ШИРИНЕ ВСЕЙ НАСЕЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

39. ...Ширина [населенной земли] по меридиану, проводимому через Гипсийские горы³ Сарматии, тридцать две тысячи пятьсот стадиев, или 4333 мили.

XIV. О ДЛИНЕ И ШИРИНЕ МОРЕЙ НА ЗЕМЛЕ

41. Длина Понта от Том до устья Фасиса 6200 стадиев, или 826 миль, а ширина от Фанагории на Боспоре до устья Галиса, где Понт наиболее широк, 2500 стадиев, или 320 миль.

42. Длина Каспийского моря от устьев Кира, который вытекает из Армении, до устьев Яксарта 8200 стадиев, или 1094 мили, а наибольшая ширина 2500 стадиев, или 334 мили.

45. Это великое море, обтекающее всю землю, носит общее имя океана, но по частям имеет разные наименования. Именно, весь *океан, находящийся* на севере, называется Арктическим, или Северным, а в нем более восточная *часть*—Скифским океаном, а западная—Германским и Бретанским; этот самый *океан* в совокупности называется и Кронийским морем, и Ледовитым, и Мертвым...

46. Омываемая этими *океанами* земля разделяется на три части *писателями*, лучше всего разделившими вселенную, именно на Европу, Азию и Ливию. Границы... Азии... с Европой—река Танаис, впадающая в Меотийское озеро, которое, в *свою очередь*, изливается в Эвксинский Понт... Некоторые же разделяют вышеназванные материки перешейками, именно Европу от Азии—*находящимся* между Каспийским морем и Понтом...

51. ...За Пропонтидой снова суживается до четырех стадиев и устье Понта, которое называется Боспором Фракийским. Отсюда уже открывается самый Понт, состоящий некоторым образом из двух морей; ибо посредине его выступают два мыса, отстоящие друг от друга приблизи-

¹ [У Eust. к Ном., Od., XXIV, 465, Ῥίμμος, река, вытекающая с Риммийских гор и впадающая в Каспийское море между Волгой и Уралом (Ptol., Geogr., VI, 14, 2; 4). Риммийские горы отождествляются Негманпом, RE, I A, 1, 1286, с возвышенностью Общй Сырт; Римм же, по его мнению, можно отождествить с Большим или Малым Узенем].

² [Т. е. Волга].

³ [Отроги Северного Кавказа, ср. Ptol., Geogr., V, 8, 14, 15].

тельно на 2500 стадиев, из коих выступающий со стороны Азии к северу называется Карамбисом, а выступающий со стороны Европы к югу именуется Бараным лбом.

52. И левая сторона Понта, т. е. западная, имеет в длину от Византия до устья Борисфена 3800 стадиев, или [507] миль, а в ширину 2000; восточная же часть, которая находится направо для въезжающих, имеет в длину 5000 или немного больше от устья до отдаленнейшего угла у Диоскуриады, а в ширину 3000.

53. Окружность всего Понта имеет 25000 стадиев и похожа на скифский лук; правую сторону уподобляют тетиве, ибо она повсюду прямолинейна, кроме выступающего Карамбиса, а все остальное — рогу лука, имеющему двойной изгиб, так что образуются два залива, из коих западный гораздо круглее восточного¹. Выше Понта к северу лежит Меотийское озеро, имеющее в окружности 9000 стадиев, устье которого называется Киммерийским Боспором. Таково наше море;

ПРИСК ПАНИЙСКИЙ

Ритор и софист, уроженец фракийского города *Пάνисς*, жил в V в. О жизни его известно только то, что он сам сообщает в своих произведениях. Между прочим, в 448 г. он участвовал в посольстве Максимиана к знаменитому гунскому царю Аттиле, а в 452 г. сопровождал того же Максимиана в Аравию и Египет. По данным Свиды, он писал «Риторические упражнения», письма и «Византийскую историю» (*ἱστορίαι Βυζαντιναί*) в 8 книгах, первая часть которой, повидимому, носила частное заглавие *ἱστορία Γεωγραφική*. История его, о которой с большой похвалой отзываются ученые, обнимала собой, повидимому, период времени с 433 по 474 г.

С о б р а н и е о т р ы в к о в: Müller, FHG, IV, стр. 69—110; Dindorf Historici Graeci minores, I, 275—352. Мы даем текст по последнему изданию².

ГОТСКАЯ ИСТОРИЯ

(Ἱστορία Γοτθική)

1. Руа³, царь гуннов, решив вступить в войну с амилзурами⁴, ити-марами, тоносурами, бисками (*Βίσσις*)⁵ и другими народами, жившими по Истру и прибежавшими под защиту римлян, посылает Эслу⁶, обыкновенно служившего ему при распрях с римлянами, угрожая нарушить раньше заключенный мир, если они не выдадут всех перебежавших к ним. Римляне предположили послать посольство к уннам; быть послами выразили желание Плинта и Дионисий, из коих Плинта⁸ был родом скиф, а Диони-

¹ [Сравнение Черного моря с натянутым скифским луком восходит к Н е с., fr. 163].

² Из истории Приска заимствованы, главным образом, отрывки этнографического характера, а некоторые подробности исторических событий опущены, так как события эти происходили не на территории собственной Скифии. Полное собрание отрывков Приска переведено на русский язык, с введением и примечаниями, Г. С. Д е с т у н и с о м в «Ученых Зап. 2-го Отд. Имп. Акад. Наук», VII, 1, Спб., 1861, стр. 1—112.

³ [Он же Ругас (*I o r n.*, *Get.*, 35, 180) и Роил (*T h e o d.*, *Hist. Eccl.*, V, 36), дядя Аттилы с отцовской стороны].

⁴ В 433 г. н. э.; о племенах ср. *I o r n.*, *Get.*, 24.

⁵ [У Иорнанда названы ахилдзурами].

⁶ [Быть может, родственное боям припонтийское племя, первоначально пользовавшееся независимостью, а затем во избежание подчинения Руе ставшее под покровительство римлян].

⁷ [Гунн, служивший при дворе Руи и Аттилы и неоднократно употреблявшийся для переговоров в Константинополе].

⁸ [Скиф, т. е. из числа гунско-готских племен; консул 419 г.].

сий¹—фракиец; оба они предводительствовали войсками и исправляли у римлян консульскую должность. Но так как предполагалось, что Эсла возвратится к Руе раньше этого посольства, то Плинта послал вместе с ним одного из своих родственников Сенгилаха², чтобы уговорить Руя вести переговоры с ним, а не с другими римлянами. Когда же Руя скончался³, и царская власть над уннами перешла к Аттиле и Блде⁴, римский сенат решил отправить Плинту послом к ним. По утверждении этого решения императором Плинта выразил желание, чтобы вместе с ним отправился послом Эпиген⁵, пользовавшийся величайшей славой за свой ум и занимавший должность квестора. Когда его избрание также состоялось, они оба отправились послами и прибыли в Марг⁶; это был город иллирийских мезийцев, лежавший на реке Истре против крепости Констанции, расположенной на другом берегу; сюда собрались и царские скифы⁷. Они устроили съезд вне города, сидя на конях, так как у варваров не было в обычае вести совещания спешившись; поэтому и римские послы, заботясь о своем достоинстве, явились к скифам с соблюдением этого же обычая, чтобы не пришлось беседовать одним на конях, а другим пешими..⁸ *что римляне не только на будущее время не будут принимать прибегающих из скифской земли, но выдают и перебежавших уже вместе с римскими военнопленными, прибывшими в свою страну без выкупа, если не будет дано по восьми золотых за каждого беглеца приобретшим их во время войны; римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против уннов; ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для уннов; договор должен соблюдаться и оставаться в силе с тем, чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по семисот литр золота царским скифам (а раньше сумма дани равнялась тремстам пятидесяти литрам)*⁹. На этих условиях римляне заключили договор с уннами, и, поклявшись отеческой клятвой, обе стороны возвратились во-свои. Перебежавшие к римлянам были выданы варварам, в том числе и дети Мама¹⁰ и Атакам¹¹ из царского рода, которых получившие расправили во фракийском укреплении Карсе¹² в наказание за бегство. По заклю-

¹ [Консул 429 г. и *magister militum per Orientem*; в 453 г., будучи в Константинополе, добивался участия в посольстве к гуннам].

² [Консул 419 г. К гуннам отправился в 434 г.].

³ [В 434 г.].

⁴ [Также Блета, брат Аттилы (повидимому, старший), царствовавший совместно с ним над частью гунских племен и убитый по его приказанию в 447 г.].

⁵ [Комет и *magister memoriae* при дворе Феодосия II, один из составителей *Codex Theodosianus*].

⁶ [Крепость в Верхней Мезии на римско-дакийской границе, отождествляется с развалинами, носящими ныне наименование Кустар, близ селения Дубракива в Югославии. Ср. Де ст у н и с, Сказания Приска Панийского, СПб., 1861, стр. 19, прим. 4].

⁷ [«Царскими скифами» Приск называет правящую часть гуннов, т. е. Аттилу и его дружину, осуществлявшую господство гуннов над другими припонтийскими и придунайскими племенами. Возможно, что при употреблении этого наименования немалое значение имеет идущая от Геродота (через S t r a b o, VII, 3, 17) традиция—именовать «царскими» скифами (или сарматами) часть племени, представлявшую непосредственную опору царя. Ср. Де ст у н и с, ук. соч., стр. 19, прим. 5].

⁸ [Пропуск в тексте].

⁹ [Л и т р а = римская либра = 327,5 г].

¹⁰ [Высокопоставленный гунн, вероятно, сын вождя, ранее перешедший со своим отрядом на сторону римлян].

¹¹ [Ранее бежавший от преследования царя Руя (Seeck, RE, V, 2, 1388)].

¹² [Также Carsium (CIL, III, 1352), отождествляется с современным селением Гершова в Добрудже (RE, III, 2, 1316)].

чении мира с римлянами Аттила и Бледа обратились к покорению народов, *обитающих* в Скифии, и вступили в войну с соросгами¹.

1 б. Скифы осаждали Наисс², иллирийский город на реке Данубе³. Говорят, что основателем его был Константин, который воздвиг и соименный себе город у Византия. Варвары, желая взять этот многолюдный и укрепленный город, делали всевозможные попытки. Так как горожане не осмеливались выступить для битвы, то *осаждающие* с целью устроить своим полчищам легкий переход через реку построили на ней мост с южной стороны, с которой она обтекает город, и подвели к стене машины, именно прежде всего лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ногами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях окна; ибо для того, чтобы *стоявшим* на бревнах людям можно было сражаться безопасно, *эти машины* прикрывались плетнями из прутьев с кожами и шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненосных, которые бросали в них враги. После того, как было построено таким образом большое количество орудий против города, так что защитники на брустверах *принуждены были* податься и отступить перед множеством метательных снарядов, стали подвозиться и так называемые бараны. Это также очень большая машина: *это было* бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшее острый наконечник и покрывки, *устроенные* вышеуказанным образом, для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, долженствовавшего получить удар, и затем отпускали, так что от силы удара уничтожалась вся подвергшаяся ему часть стены. Стоявшие на стенах защитники в свою очередь бросали заранее для этого приготовленные тележные⁴ камни, когда орудия подвозились к ограде, и некоторые из них разбили вдребезги вместе с людьми, но против множества машин сил их не хватало. *Осаждавшие* подвозили и лестницы, так что город был взят после того, как в иных местах стена была разбита баранами, а в других стоявшие на брустверах принуждены были отступить перед множеством машин, и варвары пробрались в город через разбитую ударом барана часть ограды, а также и по лестницам, которые подвозились к не упавшей еще части стены⁵.

2. Когда скифы во время ярмарки напали на римлян⁶ и многих перебили, римляне отправили к ним послов, обвиняя их во взятии укрепления и пренебрежении к перемирию. Скифы отвечали, что в этом деле они не были зачинщиками, а только оборонялись; ибо епископ города Марга, явившись в их землю и обыскав *находящиеся* у них царские гробницы, похитил положенные в них сокровища; и если римляне не выдадут его, а также и беглецов согласно договору—ибо у римлян было еще огромное количество их,—то они начнут войну. Когда же римляне отвергли справедливость этого обвинения, то варвары, настаивая на верности своих

¹ [Одно из чисел «гунских», т. е. подчиненным гунгам, племен; упоминается также у Югн., Get., 24, 126; должны быть сопоставлены с названными ниже сарагурами]. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 47—48 ed. Par., 166—169 Niebuhr.

² [Значительный город в Верхней Мезии, в области Дардания; см. след. прим.].

³ [Название реки испорчено: река, на которой лежит Наисс (современный Ниш), ныне называется Нишава].

⁴ [Т. е. по величине и весу достаточные для того, чтобы загрузить телегу].

⁵ Exc. de leg., p. 305—306 ed. Par. Поместить этот фрагмент на это место предложил R. Roesler, JfOeG, 1869, стр. 844, относя его к 441 г.

⁶ В 442 г.

слов, не захотели передавать на суд *возникшие* недоразумения, а предпochли войну и, переправившись через Истр, опустошили по реке множество городов и укреплений, в числе которых взяли и Виминаций¹, город иллирийских мезийцев. После этого, когда некоторые стали говорить, что следует выдать епископа маргского, чтобы из-за одного человека не навлекать опасности войны на всю римскую державу, то этот человек, подозревая *возможность* своей выдачи, тайно от горожан пришел к врагам и обещал предать им город, если скифские цари дадут ему приличную *награду*. Они отвечали, что осыплют его всякими благами, если он приведет в действие свое обещание. Обменявшись рукопожатиями и клятвами в *исполнении* сказанного, он возвращается на римскую землю с варварским полчищем и, посадив его в засаду против берега, ночью поднимает его условным сигналом и предает город врагам. Когда Марг был опустошен таким образом, могущество варваров еще более возросло².

3. При императоре Феодосии младшем³ унский царь Аттила, собрав свое войско, послал к императору письмо⁴ с требованием, чтобы к нему немедленно были высланы беглецы и *взносы* дани, которые не были выданы под предлогом этой войны, а для улажения *вопроса* о будущей дани были присланы к нему послы для переговоров; *он прибавил*, что если *римляне* будут медлить или готовиться к войне, то он даже при желании не в состоянии будет удержат скифские полчища. Прочитав это, царедворцы сказали, что никоим образом не выдадут прибежавших под их защиту, но с ними вместе выдержат войну, и *решили* послать послов для разрешения недоразумений. Когда до Атиллы дошло решение римлян, он в гневе стал опустошать римскую землю и, разрушив несколько укреплений, приступил к крупнейшему и многолюдному городу Ратиари⁵.

4. Феодосий послал консуляра Сенатора⁶ в качестве посла к Аттиле. Он, даже неся имя посла, не решился прибыть к унам сухим путем, а отплыл к Понту и городу Одессу⁷, в котором пребывал и высланный ранее военачальник Теодул⁸.

5. После битвы римлян с унами при Херсонесе⁹ был заключен мирный договор при посредстве посла Анатолия¹⁰. Они помирились на том, чтобы унам были выданы беглецы и дано было шесть тысяч литр золота согласно прежним условиям; ежегодная дань была условлена в две тысячи сто литр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и перешедшего без выкупа в свою землю, должно быть выдаваемо по оценке двенадцать золотых, а в случае неуплаты принявшие беглеца

¹ [Крупный город Верхней Мезии на берегу Дуная при впадении реки Марга (современной Моравы)].

² Exc. de leg., p. 33—34 Par., 140—141 Niebuhr.

³ [Феодосий II (408—450 гг.)].

⁴ В 442 г.

⁵ [Также Raetia, значительный город Верхней Мезии на правом берегу Дуная, римская пограничная крепость и стоянка дунайского флота, центр области Dacia Ripensis, локализуется на месте современного селения Арчер в Болгарии]. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 34 Par., 141 Niebuhr.

⁶ «Сенатор был консулом в 436 г. К какому году относится это посольство, сказать трудно. Valesius полагает, что оно, вероятно, должно быть помещено раньше херсонесского сражения, которое упоминается во fr. 5» (Müller).

⁷ [Древнегреческая колония на месте современной Варны в Болгарии].

⁸ Exc. de leg., p. 48 Par., 169 Niebuhr.

⁹ [Столкновение имело место в 447 г. на Херсонесе Фракийском].

¹⁰ В 447 г. [Консул 440 г. Будучи отмечен в Not. Dign. с 438 г. в качестве magister utriusque militiae per Orientem, с 446 г. он находился в Константинополе в качестве «патриция» и magister militum praesentalis; дважды возглавлял посольство к Аттилле].

обязаны гыдавать его; римляне не должны принимать ни одного варвара, бежагшего к ним. Римляне притворялись, что добровольно заключают такой договор; но *на деле* они, благодаря необходимости и отчаянному страху, который обуял их начальников, стремились к заключению мира и готовы были принять всякое, даже *самое* тягостное требование; поэтому они согласились на условия дани, весьма *для них* тяжкие, так как их доходы и царские сокровища были растрочены не на дело, а на бесцельные зрелища, безрассудную пышность, распущенные удовольствия и *другие* расходы, которых ни один благоразумный человек не выдержал бы даже при благоприятных обстоятельствах, не говоря уже о тех, кто пренебрегал оружием. Поэтому они повиновались требованиям дани не только со стороны скифов, но и прочих варваров. живших на границах римских областей¹...

8. Когда евнух Хрисафий² уговорил Эдекона убить Аттилу³, император Феодосий и магистр Марциалий⁴ на совещании о предстоящих делах решили отправить послами к Аттиле не только Бигилу, но и Максимиана⁵ с тем, чтобы Бигила, под видом исполнения должности переводчика, делал все, что прикажет ему Эдекон, и Максимин, ничего не знавший об их замысле, передал письмо императора. Относительно посылаемых лиц в нем было написано, что Бигила—переводчик, а Максимин выше Бигилы по достоинству, из знатного рода и очень близок к императору; затем *император* писал, что не следует *Аттиле*, нарушая перемирие, высаживаться на римскую землю; «а беглецов, сверх выданных уже, я отправил к тебе семнадцать, так как других нет». Таково было содержание письма; *кроме того* Максимиனு было приказано сказать на словах Аттиле, что не следует ему требовать, чтобы к нему приходили послы высшего достоинства, так как это не делалось ни при его предках, ни при других владетелях Скифии, а бывали послами первый попавшийся солдат или вестник; что для разрешения недоразумений следовало послать к римлянам Онегесия⁶, так как *Аттиле* неприлично было бы после опустошения Сердики⁷ прибыть в нее с лицом консульского звания. Максимин просьбами убедил меня сопутствовать ему в этом посольстве. И вот мы, совершая путь вместе с варварами, приезжаем в Сердику, отстоящую от Константинополя на тринадцать *дней* пути для хорошего пешехода. Остановившись здесь, мы сочли приличным пригласить на обед Эдекона с сопровождавшими его варварами. Купив у туземцев овец и быков и зарезав их, мы пригостили обед. Когда во время пира варвары стали восхвалять Аттилу, а мы—императора, Бигила сказал, что несправедливо сравнивать бога с человеком, разумея под человеком Аттилу, а под богом—Феодосия. Унны обиделись на это и, понемногу разгораясь, стали сердиться. Мы перевели разговор на другой *предмет* и старались любезно-

¹ Exc. de leg., p.34—35 Par., 142—145 Nieb.

² [Евнух при дворе Феодосия II, прозванный Tzuma, титуловался primicerius sacri cubiculi, а позднее spatharius; оказывал большое влияние на государственные дела].

³ Об этом см. fr. 7. То, что здесь рассказывается, относится к 448 г. [Эдекон—гот, бывший телохранителем Аттилы; будучи послан для переговоров в Константинополь, он согласился по наущению Хрисафия убить Аттилу, но затем изменил и предал заговор гласности].

⁴ [Flavius Areobindus Martialis был в 448 г. magister officiorum].

⁵ [Один из приближенных императора Феодосия II; о его дипломатической деятельности см. введение к отрывкам из Приска].

⁶ [Влиятельный придворный Аттилы, брат Скотты, придворного и посла гуннов в Константинополе в 447 г.].

⁷ [На месте современной болгарской столицы Софии; фракийское наименование этого поселения—Triaditza].

стью смягчить их гнев. Когда мы встали после обеда, Максимин почтил Эдекона и Ореста¹ подарками, *именно* шелковыми одеждами и индийскими камнями. Орест, выждав удаления Эдекона, говорит Максиминому, что он *человек* умный и прекрасный, так как не пренебрег *им*, подобно царедворцам; ибо они без него приглашали Эдекона на обед и оказывали почет дарами. Так как его речь показалась нам, ничего не знавшим, неясной и мы спросили, каким образом и когда *именно* он был обижен, а Эдекон почтен, он вышел без всякого ответа. На следующий день мы дорогой сообщили Бигиле, что нам сказал Орест. *Бигила* отвечал, что *Орест* не должен обижаться, не получая одинаковых с Эдеконом *почестей*, так как он только прислужник и писец Аттилы, а Эдекон, как известный храбрец на войне и природный унн, многим превышает Ореста. Сказав это и переговорив наедине с Эдеконом, он позже говорил нам, вправду или притворно, что передал ему наш разговор и едва успокоил его, так как он пришел в гнев от сказанного. Прибыв в Наисс, мы нашли *этот* город лишенным населения, так как он был разрушен неприятелями; лишь в священных обителях оставалось несколько одержимых болезнями. Мы остановились немного выше реки на чистом *месте*, так как весь берег был покрыт костями убитых на войне. На следующий день мы прибыли к Агинтею, предводителю расположенных в Иллирии войск², находившемуся недалеко от Наисса, с тем, чтобы сообщить *ему* распоряжения императора и взять беглецов: он должен был передать пятерых из семнадцати, о которых было написано Аттиле. Мы переговаривали с ним и упросили передать уннам пятерых беглецов; он обласкал их и отпустил с нами. Переночевав и от пределов Наисса направив путь к реке Истру, мы вступили в узкую долину, имевшую много поворотов, извилин и обходов; здесь на рассвете, когда мы думали, что идем к западу, восход солнца оказался против нас, так что неизвестные с положением долины кричали *от удивления*, как будто бы солнце шло по обратному пути и представляло явление, противное естественному. *На самом же деле* вследствие извилин местности эта часть дороги была обращена к востоку. После трудной дороги мы вышли в болотистую равнину. Варвары-перевозчики приняли нас и перевезли через реку [т. е. Истр] на челноках-однодеревках, которые они изготовляют сами, срубая деревья и выдалбливая их. Они приготовились не ради нас, а *уже* раньше перевезли толпу варваров, которая встретила нас по дороге, так как Аттила хотел перейти на римскую землю под предлогом охоты. Это было для царственного скифа пригласением к войне под тем предлогом, что не все беглецы были ему выданы. Переправившись через Истр и пройдя с варварами около семидесяти стадиев, мы принуждены были ждать в одной равнине, пока Эдекон со своими спутниками не возвестил Аттиле о нашем прибытии³. Вместе с нами остановились и провожавшие нас варвары. В сумерки, когда мы сидели за ужином, послышался топот приближающихся к нам коней. Это прибыли два скифа с приказанием отправиться к Аттиле. Мы предложили им сначала поужинать с нами, и они, сойдя с лошадей, получили угощение, а на другой день показывали нам дорогу. Когда

¹ [Приблизженный Аттилы и его секретарь, по прозвищу «римлянин», житель Пеонии (Паннонии) на реке Саве].

² [Известен лишь в качестве лица, исполнявшего указанную в тексте должность *magister militum per Illyricum*].

³ [Перейдя Истр, посольство Максимиана двигалось на северо-восток, в область, носящую название Малой Валахии (в Румынии), где и следует предполагать местонахождение тогдашнего лагеря Аттилы; ср. об этом подробно Де с т у н и с, ук. соч., стр. 37, прим. 45].

мы в девятом часу дня¹ прибыли к шатрам Аттилы, которых было у него *очень* много, и хотели поставить наши шатры на холме, случившиеся *тут* варвары не позволили *этого*, так как шатер *самого* Аттилы стоял в низине. Когда мы остановились, где указали скифы, *к нам* пришли Эдекон, Орест, Скотта² и другие знатные у них лица с вопросом, с какой целью явилось наше посольство. Пока мы удивлялись *этому* странному вопросу и пересматривались друг с другом, они продолжали настаивать на ответе. *Наконец*, мы сказали, что император приказал объяснить *эту* цель Аттиле, а не другим; *тогда* Скотта с сердцем отвечал, что таково приказание их повелителя,—ибо они не пришли бы к нам ради своего любопытства. Мы отвечали, что нет такого обычая относительно послов, чтобы они, не представившись лично тем, к кому посланы, посредством других *лиц* были допрашиваемы о цели посольства, и что это не безызвестно и самим скифам, часто посылавшим посольства к императору; что мы должны получить равное *тому, что получали скифы у нас* и иначе не скажем цели нашего посольства. Тогда они уехали к Аттиле, но затем вернулись без Эдекона и сообщили *нам* все, из-за чего мы были посланы, приказывая при этом как можно скорее удалиться, если мы не имеем сказать *ничего* другого. Этими словами мы были приведены в большее еще недоумение, каким образом стало известно принятое втайне решение императора; мы признали, *однако*, полезным ничего не отвечать насчет *цели* посольства, если не добьемся приема у Аттилы; поэтому мы сказали, что было ли целью нашего посольства сказанное скифам, или *что-либо* другое—об этом должен узнать их повелитель и что мы не будем разговаривать об этом с другими. *Тогда* они приказали нам тотчас удалиться. Во время приготовлений к пути Бигила стал бранить нас за ответ, говоря, что лучше быть уличенными во лжи, нежели удалиться ни с чем. «Если бы мне удалось поговорить с Аттилой,—сказал он,—то я легко убедил бы его прекратить вражду с римлянами, так как я подружился с ним во время посольства при Анатолии». Поэтому Эдекон к нему расположен и под видом посольства и речей, которые должны быть сказаны так или иначе, или истинно, или ложно, он найдет предлог переговорить относительно плана, принятого ими против Аттилы, и принести золото, в котором нуждался Эдекон, по его собственным словам, для раздачи подчиненным ему людям. Бигила не знал, что уже был предан *Эдеконом*. Дело в том, что Эдекон, или коварно давший свое обещание, или испугавшийся, чтобы Орест не довел *до сведения* Аттилы то, что он сказал нам в Сердике после пира (когда он обвинял Эдекона в том, что он без него вел переговоры с царем и с евнухом),—донес Аттиле о составленном против него заговоре и о количестве золота, которое должны были выслать *римляне*, а также выяснил и цель нашего посольства. Когда поклажа была уже навьючена на животных, и мы по необходимости хотели попытаться двинуться в путь в ночное время, пришли некоторые варвары и сказали, что Аттила приказал нам подождать ввиду *ночного* времени. В ту самую деревню, из которой мы поднялись *в путь*, пришли какие-то *люди* с быком и с речными рыбами, присланными от Аттилы. Мы поужинали и легли спать. С наступлением дня мы надеялись получить от варвара что-либо благосклонное и любезное; но он снова прислал тех самых *людей* с приказанием удалиться, если мы не имеем сказать кроме известного им. Мы, ничего не отвечая, стали готовиться в путь, хотя Бигила настоятельно советовал сказать, что у нас есть и другие заявления. Видя Максимиана в большом унынии, я взял

¹ [В три часа пополудни].

² [Гунн, один из влиятельных придворных Аттилы, которого он посылал в 447 г. в Константинополь].

Рустия¹, знавшего варварский язык и прибывшего с нами в Скифию (не в составе посольства, а по какому-то делу к Констанцию, родом италиоту, которого полководец западных римлян Аэций прислал к Аттиле *в качестве секретаря*)², и, придя к Скотте (так как Онегесия в то время не было), обратился к нему и через переводчика Рустия сказал, что он получит от Максимиана множество даров, если выхлопочет ему аудиенцию у Аттилы, так как его посольство будет полезно не только римлянам и уннам, но и Онегесию, который хочет идти к самому императору для разъяснения возникших между *нашими* народами недоразумений и по прибытии получит величайшие дары. Поэтому он, *Скотта*, должен в отсутствие Онегесия оказать нам, а еще более брату, содействие в добром деле. Я говорил *ему*, что, как мне сообщили, Аттила слушается и его, но что сказанное о нем не будет заслуживать доверия, если мы не узнаем на опыте его силу. Скотта, прервав меня, сказал, чтобы мы не сомневались, что и он говорит и действует у Аттилы одинаково с братом, и, тотчас вскочив на коня, поскакал к шатру Аттилы. Возвратившись к Максимиану, предававшемуся унынию вместе с Бигилой и крайне расстроенному положением дел, я передал *ему* свой разговор со Скоттой и полученный от него ответ и *прибавил*, что нужно приготовить дары для передачи варвару и обдумать, что мы ему скажем. Оба они, вскочив (я застал их лежащими на траве), похвалили мой поступок, отозвали назад людей, уже выступивших с вьючными животными, и стали обсуждать, как будут приветствовать Аттилу и как передадут ему дары императора и те, которые привез *сам* Максимиан. Пока мы занимались этим, Аттила пригласил *нас* через Скотту, и вот мы явились к его *шатру*, охраняемому кругом толпой варваров. Получив позволение войти, мы застали Аттилу сидящим на деревянном кресле. Мы стали немного поодаль трона; Максимиан, приблизившись, приветствовал варвара и, передав *ему* письмо императора, сказал, что император желает *доброго* здоровья ему и окружающим его. *Аттила* ответил *пожеланием* римлянам того же, чего они ему желают, и тотчас обратился к Бигиле, обзывая его бесстыдным животным и *спрашивая*, с какой стати он пожелал явиться к нему, зная решение его и Анатолия о мире, *причем было* сказано, чтобы к нему не являлись послы прежде, чем все беглецы не будут выданы варварам. Когда же Бигила ответил, что у римлян нет беглецов из скифского народа, так как *все* бывшие уже выданы, Аттила, *еще* больше рассердившись и осыпав его бранью, крикнул, что он посадил бы его на кол и отдал на съедение хищным птицам, если бы не показалось нарушением посольского устава то, что он подверг бы его такому наказанию за бесстыдство и дерзость его слов; *он прибавил*, что у римлян есть много беглецов из его племени и приказал секретарям прочесть их имена, записанные на хартии. Когда они читали всех, он приказал *Бигиле* удалиться без всякого промедления, *прибавляя*, что он пошлет вместе с ним и Эслу сказать римлянам, чтобы они выслали к нему всех варваров, перебежавших к ним со времен Карпилона (сына Аэция, римского полководца на Западе), бывшего у него заложником; ибо, говорил он, он не допустит, чтобы его рабы выступали в битву против него, хотя бы они и не могли быть полезны вверившим им охрану своей земли: в самом деле,—говорил он,—какой город или какое укрепление, которым он вознамерился овладеть, спасены ими?

¹ [Римлянин, родом из Мезии, побывавший в плену у гуннов].

² [Этот италиот Констанций не должен быть смешиваем с другим Константином, родом из Галлии, который был также прислан Аэцием к Аттиле для исполнения секретарских обязанностей. Их различает сам Приск в этом же отрывке, в части, опущенной Латышевым. См. Де с т у н и с, ук. соч., стр. 49].

Возвестив *императору* его решение относительно беглецов, *послы* должны тотчас возвратиться с известием, желают ли *римляне* выдать их, или берут на себя войну из-за них. Приказав раньше Максимиனு подождать, чтобы через него ответить императору на его письмо, он потребовал дары. Передав их и возвратившись в *наш* шатер, мы стали обсуждать каждое слово Аттилы. Когда Бигила выражал удивление тому, что *Аттила*, показавшийся ему во *время* прежнего посольства *человеком* кротким и спокойным, теперь *так* грубо бранил его, я высказал предположение, не внушили ли Аттиле нерасположение к нему некоторые из варваров, пировавших вместе с нами в Сердике, сообщив, что он называл римского императора богом, а Атгилу—человеком. Максимиин признал это предположение вероятным, так как он не принимал участия в заговоре, который евнух составил против варвара; но Бигила оставался в недоумении и, как мне казалось, не мог уяснить себе повода, по которому выбранил его Аттила: он не думал, чтобы Аттиле были сообщены слова его в Сердике,—как он позднее нам рассказывал—или заговор, так как никто другой из посторонних вследствие обуявшего всех страха не решался вступать в беседу с ним, а Эдекон во всяком случае должен был хранить тайну по причине клятвы и неизвестности дела, чтобы и самому, как участнику таких бесед, не быть признанным заговорщиком и не подвергнуться смертной казни. Пока мы были в таком недоумении, *вдруг* явился Эдекон и отведя Бигилу в сторону от нашего собрания и притворяясь говорящим правду ради задуманного им плана, просил принести золото для раздачи *людям*, которые придут вместе с ним для исполнения *дела*, а *затем* ушел. Когда я попытывался узнать, что говорил Эдекон, Бигила постарался обмануть *меня*, будучи обманут сам, и, скрыв истинную причину, сказал, что ему было сообщено самим Эдеконом, будто Аттила сердится и на него из-за беглецов: следовало или получить всех *их*, или притти к нему послам из самой высшей знати. Пока мы беседовали об этом, явились некоторые из людей Аттилы и сказали, чтобы ни Бигила, ни мы не покупали ни римского пленника, ни раба *из* варваров, ни лошадей, ни чего-либо другого, кроме съестных припасов, пока не будут разрешены недоразумения между римлянами и уннами. Это было сделано варваром умно и искусно, так что Бигила легко *мог быть* изобличен в своем замысле против него, не умея объяснить причины, по которой он привез золото, а мы под предлогом ответа, который будет дан по делам *нашего* посольства, *должны были* ждать Онегесия, чтобы он мог получить дары, которые мы *сами* хотели дать и *которые* прислал император. Он со старшим сыном Аттилы¹ в *это время* был послан к акатирам², народу скифского племени, подчинившемуся Аттиле по следующей причине. У *этого* народа было много начальников по коленам и родам; император Феодосий послал им дары для того, чтобы они по взаимному соглашению отказались от союза с Аттилой и предпочли союз с римлянами. Но посланный с дарами роздал их не по порядку каждому из царьков народа, так что Куридах³, старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Аттиллу против своих соправителей. Последний не замедлил выслать большую силу и одних перебил, а других склонил к подчинению; *затем он* пригласил Куридаха для участия в праздновании победы; но тот, заподозрив злой

¹ [По имени Эллаком].

² [Также аказиры—наименование, в котором, может быть, звучит имя геродотовых агафирсов].

³ [Известен лишь из настоящего текста].

умысел, ответил, что трудно человеку явиться перед лицом бога: ведь если даже на солнечный диск нельзя посмотреть пристально, то как может кто-либо невинно лицемерить величайшего из богов? Таким образом, Куридах остался на родине и сохранил свою власть, между тем как весь остальной народ акатирский подчинился Аттиле. Желая поставить своего старшего сына царем этого народа, он и послал Онегесия для устройства этого дела. Поэтому-то и нам он, как сказано, приказал подождать, а Бигилу отправил вместе с Эслой в римские владения под предлогом *отыскания* беглецов, а на самом деле для доставки золота Эдекону.

Когда Бигила двинулся в путь, мы оставались на месте один день после его отъезда, на следующий день отправились с Аттилой в северную часть его страны. Проехав некоторое пространство вместе с варваром, мы свернули на другую дорогу по приказанию наших проводников-скифов, *объяснивших*, что Аттила должен захватить в одну деревню, в которой он хотел жениться на дочери Эскама¹; хотя он *уже* имел множество жен, но хотел еще взять и эту по скифскому обычаю. Оттуда мы продолжали путь по ровной дороге, пролежавшей по равнине, и встретили судоходные реки, из коих самыми большими после Истра были Дрекон, Тигас и Тифесас². Мы переправились через них на челноках-однодеревках, употребляемых прибрежными жителями, а остальные *реки* переплывали на плотках, которые варвары возят *с собой* на повозках для *употребления* в местах, покрытых разливами. В деревнях нам доставлялось продовольствие, *притом* вместо пшеницы просо, а вместо вина—так называемый по-туземному «мед»³; следовавшие за нами слуги также получали просо и напиток, добываемый из ячменя; варвары называют его «камос» (καμιν)⁴. Совершив длинный путь, мы под вечер расположились на ночлег у одного озера с годной для питья водой, которой пользовались жители близлежащей деревни. Вдруг поднялась буря с вихрем, громом, частыми молниями и сильным дождем; она не только опрокинула нашу палатку, но и покатила все *наши* пожитки в воду озера. Перепуганные разбушевавшейся стихией и всем случившимся, мы покинули это место и впотьмах, под дождем, потеряли друг друга, так как каждый обратился на ту дорогу, которую считал для себя легкой. Добравшись до хижин деревни,—*ибо оказалось, что мы все двинулись разными путями по одному направлению*,—мы собрались вместе и с криком стали разыскивать отставших. Выскочившие на шум скифы зажгли тростник, который они употребляют как горючий материал, осветили местность и спрашивали, из-за чего мы кричим. Когда *бывшие* с нами варвары ответили, что мы испугались бури, они позвали *нас* к себе, оказали гостеприимство и обогрели, зажигая множество тростника. Правившая в деревне женщина, оказавшаяся одной из жен Бледы, прислала нам съестных припасов и красивых женщин для компании согласно скифскому обычаю почета. Этих женщин мы угостили предложенными *нам* кушаньями, но от общения с ними отка-

¹ [Ближе не известный гунн; ср. об этом имени соображения Де с т у н и с а, ук. соч., стр. 45, прим. 55].

² [Все эти три реки трудно локализуемы; они принимаются Томашеком за одну и отождествляются иногда с Тиссой (Тифесас), большей же частью с современной речкой Бега (ср. RF, IV A. 941; V, 1706); имя последней из названных рек (Тифесас) сопоставляется также с латинским наименованием реки Tibiscus, которая отождествляется с рекой Темеш].

³ [Этот факт должен служить указанием на то, что в числе гуннских были, несомненно, и славянские племена].

⁴ Что *камос*, который обычно считается нашим квасом, был уже в употреблении во время Диоклетиана, доказывает эдикт о ценах; см. CIL, III, suppl., fasc. 3, стр. 1931.

зались и провели ночь в хижинах. С наступлением дня мы обратились к розыскам *своих* пожитков и, найдя все, частью на том месте, где оставились накануне, частью на берегу озера и частью даже в воде, собрали вместе. Этот день мы провели в деревне, просушивая все *пожитки*; ибо буря прекратилась, и солнце ярко светило. Обрядив также лошадей и остальных выючных животных, мы пришли к царице, приветствовали ее и предложили ответные дары, *именно* три серебряные чаши, красные кожи¹, индийский перец, финики и другие лакомства, которые дорого ценятся, потому что не встречаются у варваров; *затем* мы удалились, пожелав ей благополучия за ее гостеприимство. Совершив семидневный путь, мы остановились в одной деревне по приказанию провожавших нас скифов, так как Аттила должен был заехать в нее по пути, и нам следовало ехать позади него. Здесь мы встретились с людьми из западных римлян, также прибывшими в качестве послов к Аттиле. В числе их были: Ромул², удостоенный почетного звания комита, правитель Норикской области Промут³ и предводитель воинского отряда Роман; с ними был Констанций, которого Аэций послал к Аттиле в качестве секретаря, и Татул⁴, отец эдеконова спутника Ореста. Последние двое путешествовали с названными лицами не в составе посольства, а по личным отношениям, *именно*: Констанций—благодаря завязанному еще в Италии знакомству с этими лицами, а Татул—по родству, так как сын его Орест был женат на дочери Ромула⁵...

Съехавшись с ними на дороге и выждав, чтобы Аттила проехал вперед, мы последовали за ним со всей его свитой. Переправившись через какие-то реки, мы приехали в огромное селение, в котором, как говорили, находились хоромы Аттилы⁶, более видные, чем во всех других местах, построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не в видах безопасности, а для красоты. За царскими *хоромами* выдавались хоромы Онегесия, также окруженные деревянной оградой; но она не была украшена башнями подобно тому, как у Аттилы. Неподалеку от ограды была баня, которую устроил Онегесий, пользовавшийся у скифов большим значением после Аттилы. Камни *для нее* он перевозил из земли леонов⁷, так как у варваров, населяющих эту область, нет ни камня, ни дерева, и они употребляют привозной материал. Строитель бани, привезенный из Сирмия⁸ пленник, ожидавший освобождения за свое искусство, неожиданно попал в беду, более тяжкую, чем рабство у скифов: Онегесий сделал его банщиком, и он служил во время мытья ему самому и его домашним. При въезде в эту деревню Аттилу встретили девицы, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками *шедших* с обеих сторон женщин, находилось по семи и более девиц, певших скифские песни; таких рядов женщин под покрывалами было очень много. Когда Аттила приблизился к дому

¹ О красных кожах см. объяснение Г. С. Дестуниса, стр. 47, прим. 59.

² [Тесть Ореста, посланный Аэцием к Аттиле в 448 г.].

³ [По другому чтению—Примут].

⁴ [Прибывший для совершения бракосочетания своего сына с дочерью Ромула].

⁵ Далее выпущено изложение причины этого посольства, как не имеющее отношения к Скифии.

⁶ [Где находилась эта столица Аттилы, в точности не известно. Судя по описанному выше маршруту, при всей его смутности, речь должна идти скорее всего о восточной Венгрии. Ср. Дестунис, ук. соч., стр. 50, прим. 65].

⁷ [Т. е. из Паннонии, находившейся под властью Аттилы].

⁸ [Значительный город Нижней Паннонии, на левом берегу реки Савы, на месте современного селения Митровиц].

Онегесия, мимо которого пролежала дорога к дворцу, навстречу *ему* вышла жена Онегесия с толпой слуг, *из коих* одни несли кушанья, другие—вино (это величайшая почесть у скифов), приветствовала его и просила отведать благожелательно принесенного ею угощения. Желая доставить удовольствие жене своего любимца, Аттила поел, сидя на коне, причем следовавшие за ним варвары приподняли блюдо (оно было серебряное). Пригубив также и поднесенную ему чашу, он отправился во дворец, отличавшийся высотой от других *строений* и лежавший на возвышенном месте. Мы остановились в доме Онегесия по его просьбе,—так как он уже возвратился с сыном Аттилы,—и пообедали, причем нас принимали его жена и родственники, так как он сам не имел времени пировать с нами: он тогда впервые после возвращения увиделсЯ с Аттилой и докладывал ему об устройстве дела, для которого был послан, и о несчастии, случившемся с сыном Аттилы, которой упал с *коня* и сломал себе правую руку. После обеда, покинув дом Онегесия, мы разбили шатры вблизи *дворца* Аттилы для того, чтобы Максимин в случае надобности пойти к Аттиле или переговорить с другими приближенными к нему лицами не был разделен большим расстоянием. Мы провели эту ночь на том месте, где остановились. С наступлением дня Максимин послал меня к Онегесию, чтобы передать ему дары, которые давал он сам и которые прислал император, и чтобы узнать, где и когда он желает с ним переговорить. Придя вместе с несшими дары слугами, я ждал (так как двери были еще заперты), чтобы кто-нибудь вышел и доложил о нашем прибытии.

Пока я в ожидании прогуливался перед оградой хором, ко мне подошел какой-то *человек*, которого я принял за варвара по скифской одежде; но он приветствовал меня по-эллински, сказав «*хуйре*», так что я удивился, как это скиф говорит по-эллински. Представляя разноплеменную смесь, скифы, кроме своего варварского языка, легко изучают и унский или готский, а также и авсонский¹, если у кого из них есть сношения с римлянами, но мало кто из них говорит по-эллински, кроме пленников, увезенных из Фракии и иллирийского побережья. Но этих последних встречные легко узнавали по изорванным одеждам и нечесанным головам, как попавших в худшую участь; а этот был похож на богатого скифа, так как был хорошо одет и острижен в кружок. Ответив на его приветствие, я спросил, кто он, откуда пришел в варварскую землю и *почему* принял скифский образ жизни. Он ответил *вопросом*, зачем я пожелал это узнать. Я сказал, что причиной моего любопытства был *его* эллинский язык. Тогда он с улыбкой сказал, что он родом грек, но по торговым делам приехал в Виминаций, мезийский город на реке Истре, прожил в нем очень долгое время и женился на очень богатой женщине, но лишился своего состояния при завоевании города варварами и благодаря своему прежнему богатству был выбран самим Онегесием при дележе добычи; ибо пленников из числа зажиточных после Аттилы выбирали себе избранные скифы вследствие свободы выбора из множества *пленных*. Отличившись в *происшедших* впоследствии битвах с римлянами и акаирским народом и отдав своему хозяину-варвару по скифскому обычаю приобретенные на войне *богатства*, он получил свободу, женился на варварской женщине, имеет детей и, разделяя трапезу с Онегесием, считает свою настоящую жизнь лучше прежней²...

Пока мы так разговаривали, один из домочадцев подошел и отворил ворота ограды. Я подбежал и спросил, что делает Онегесий, *прося* доло-

¹ [Т. е. латинский].

² Дальнейший разговор автора с этим греком выпущен.

жить ему, что я желаю нечто *сказать* от имени пришедшего от римлян посланника. Тот отвечал, что я, немного подождя, встречу с ним самим, так как он собирается выходить. И действительно, спустя немного времени я увидел его выходящим, подшел к нему и сказал, что римский посланник приветствует его и что я принес от него дары вместе с золотом, присланным от императора; а так как посол желает с ним познакомиться, то где и когда ему угодно будет переговорить. Онегесий приказал своим людям принять золото и подарки, а меня *просил* доложить Максимино, что он тотчас придет к нему. Итак, возвратившись, я сообщил, что идет Онегесий; и он тотчас пришел в *нашу* палатку. Поздоровавшись с Максимином, он выразил благодарность за дары ему и императору и спросил, *зачем* он его пригласил. Максимино ответил, что настало время, когда Онегесий приобретет среди людей большую славу, если он, придя к императору, своим умом уладит недоразумения и установит согласие между римлянами и уннами; ибо отсюда не только произойдет польза для обоих народов, но он и дому своему доставит всякие блага, так как и сам он и потомки его навсегда будут пользоваться милостями императора и его рода. Онегесий спросил, что он может сделать в угождение императору или каким образом через него могут быть разрешены недоразумения? *Максимино* отвечал, что, отправившись в Римскую империю, он сделает удобное императору, а недоразумения разрешит, если исследует их причины и устранил их по уставам мирного времени. *На это Онегесий* возразил, что он скажет императору и окружающим его только то, чего желает Атиллы; или римляне думают, продолжал он, настолько ублаготворить его, чтобы он изменил своему владыке, пренебрег *полученным* в Скифии воспитанием, женами и детьми и не считал рабство у Атиллы выше богатства у римлян. Полезнее будет, если он, оставаясь на родине, смягчит гнев владыки в случае, если он рассердится на римлян, чем если придет к нам и навлечет на себя обвинение, что он сделал не то, что угодно Атилле. Сказав это и пригласив меня *приходить* и говорить с ним о том, что мы желаем от него узнать,—так как постоянные посещения *его* Максимином, как лицом высшего достоинства, были бы неприличны,—он удалился. На следующий день я пришел ко двору Атиллы с дарами для его жены, по имени Креки; от нее он имел троих детей, из которых старший стоял во главе акатиров и прочих народов, живших в припонтийской Скифии. Внутри ограды было множество построек, из *которых* одни были из красиво прилаженных досок, покрытых резьбой, а другие—из тесаных и выскобленных до прямизны бревен, вставленных в деревянные круги; эти круги, начинаясь от земли, поднимались до умеренной высоты¹. *Стоявшими* у двери варварами я был впущен к жившей здесь жене Атиллы и застал ее лежащей на мягком ложе; пол был покрыт войлочными коврами, по которым ходили. Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие против нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались для украшения *сверх* варварских одежд. Приблизившись к *царице* и после приветствия передав ей дары, я вышел и отправился к другим строениям, в которых жил *сам* Атилла, чтобы подождать, когда выйдет Онегесий: он уже вышел из своего дома и находился у Атиллы. Стоя среди всей толпы,—так как я был *уже* известен стражам Атиллы и окружающим его варварам, и *потому* никто мне не препятствовал,—я увидел шедшую массу *народа*, причем на этом месте поднялся говор и шум, *возвестивший* о выходе Атиллы; он

¹ См. объяснение Г. С. Дестуниса, стр. 60, прим. 75, [понимающего круги как венцы сруба и считающего данное место текста испорченным].

появился из дворца, выступая гордо и бросая взоры туда и сюда. Когда он, выйдя с Онегесием, стал перед дворцом, к нему стали подходить многие, имевшие тяжбы между собой, и получали его решение. Затем он возвратился во дворец и стал принимать прибывших к нему варварских послов.

Пока я ждал Онегесия, Ромул, Промут и Роман, прибывшие из Италии послами к Аттиле по делу о золотых чашах¹, в присутствии констанциева спутника Рустиция и Константиола, уроженца подвластной Аттиле области пеонов, вступили со мной в разговоры, спросили, отпущены ли мы, или принуждены оставаться. Я сказал, что *именно* об этом хочу спросить Онегесия и *потому* жду у ограды, а *затем*, в свою очередь, спросил, дал ли им Аттила благоприятный и дружественный ответ по их посольскому делу. Они отвечали, что он решительно не изменяет своего мнения и объявляет войну, если ему не будут высланы Сильван² или кубки. Пока мы удивлялись безумию варвара, посол Ромул, человек опытный во многих делах, прервав *наши речи*, сказал, что величайшее счастье Аттилы и *происходящее* от счастья могущество *слишком* возвышают его *самонадеянность*, так что он не терпит справедливых речей, если не признает их выгодными для себя. Никогда никому из прежних владык Скифии или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время, чтобы владеть и островами на океане, и, сверх всей Скифии, даже римляне имеют своими данниками. Стремясь *достигнуть* еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким путем может он притти в Персию, Ромул сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что уннам не безызвестен этот путь, так как они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда *другой войны*. Таким образом пришли *тогда* в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза³. Перешедшие говорили *тогда*, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию⁴. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против *них* полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования *со стороны* неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы⁵, отправившись оттуда⁶... дней пути прибыли на родину. *Так* и узнали они, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии⁷. Итак, Аттила в случае жела-

¹ [Сущность этого дела изложена выше, в части, опущенной Латышевым. См. Д е с т у н и с, стр. 48].

² [Начальник монетного стола в Риме. См. выше в опущенной Латышевым части отрывка, Д е с т у н и с, стр. 48].

³ [Эти, ближе не известные, гунские вожди, пытавшиеся завоевать царство Сассанидов, совершили свой поход, видимо, еще в начале V в; хотя S e e s k, RE, III, 41, относит его к середине этого века].

⁴ [Путь гуннов лежал, таким образом, через Азовское море, а затем через Кавказ по Дарьяльскому ущелью («Сарматские ворота» древних авторов)].

⁵ [Эта деталь, несомненно связанная с явлениями, наблюдавшимися в нефтеносных районах (в данном случае на Апшеронском полуострове), указывает на то, что обратный путь гуннов шел в обход Кавказа с востока].

⁶ [Пропуск в тексте].

⁷ Ср. об этом походе уннов примечания Г. С. Д е с т у н и с а, стр. 62. сл.

ния пойти на нее *походом* не понесет больших трудов и не совершит длинного пути, так что покорит и мидян, и парфян, и персов и принудит их к уплате дани; ибо он располагает воинской силой, против которой не устоит ни один народ. Когда мы выразили желание, чтобы он пошел против персов и обратил на них оружие, Константиол сказал, что он боится, чтобы *Аттила*, легко подчинив и персов, не возвратился владыкой вместо друга; теперь от римлян привозится ему золото ради его почетного звания, а если он подчинит парфян, мидян и персов, то он уже не потерпит, чтобы римляне присваивали себе его власть, но открыто признает их *своими* рабами и предъявит к ним более тяжкие и невыносимые требования. Почет, о котором упомянул Константиол, состоял в звании римского полководца, ради которого Аттила принял от императора имя прикрывающей (ἐπιχλύπτουτος) дани (?)¹, так что сборы высылались ему под именем столовых денег, выдаваемых полководцам. Итак *Константиол* говорил, что после *покорения* мидян, парфян и персов *Аттила* сбросит с себя это имя, которым римляне желают его называть, и звание, которым, как они полагают, они оказали ему почет, и принудит называть себя вместо полководца царем. Ведь он уже раз сказал в сердцах, что для того [т. е. императора] его слуги—полководцы, а его полководцы равны по чести с римскими императорами. Недолго спустя последует и увеличение настоящего его могущества. Знамение этого дал *сам* бог, открывший аресов меч, который считался священным и чтился скифскими царями, как посвященный владыке войн, но *еще* в древние времена исчез, а затем был вновь найден при помощи коровы².

Каждый желал сказать что-либо о настоящем положении дел, но так как *в это время* вышел Онегесий, то мы отправились к нему и предложили вопрос о том, что нам интересно было узнать. Он, переговорив сначала с некоторыми варварами, поручил мне узнать от Максимиана, кого из людей консульского достоинства римляне пришлют в качестве посла к Аттиле. Придя в палатку, я доложил, что было мне сказано, и условился с Максиминианом, что следует отвечать на вопрос варвара, а *затем* возвратился к Онегесию и заявил, что римляне желали бы, чтобы он прибыл к ним для переговоров о недоразумениях, но что если это не удастся, то император пришлет посла, какого *сам* захочет. Он попросил меня тотчас позвать Максимиана и, когда он явился, повел его к Аттиле. Немного спустя Максиминиан вышел и сказал, что варвар желает, чтобы послом был либо Ном³, либо Анатолий, либо Сенатор, а другого, кроме названных лиц, не примет. На ответ его, что не годится, приглашая людей к посольству, выставить их подозрительными перед императором, Аттила сказал, что если они не согласятся исполнить его желания, то придется разрешить недоразумения силой оружия. Когда мы возвратились в палатку, пришел Орестов отец с известием, что Аттила приглашает нас обоих на пир, который начнется в девятом часу дня. В назначенное время мы явились на обед вместе с послами от западных римлян и остановились на пороге против Аттилы. Виночерпии подали нам по туземному обычаю кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем садиться. Сделав это и отведав из кубка, мы подошли к креслам, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты с обеих сторон стояли стулья. Посредине сидел на ложе Аттила, а сзади стояло

¹ [Нужно думать, что в слове ἐπιχλύπτουτος три последние буквы—диттография, откуда следует перевод: «имя, скрывающее<понятие> дани»].

² Cp. fr. 10.

³ [Консул 445 г., комит и magister officiorum, пользовался большим влиянием при дворе Феодосия II, являлся другом Хрисафия и был в действительности послан к Аттиле, вместе с Анатолием, вероятно, в 449 г. Cp. Ensslin, RE, XVII, 1, 845 сл. 4].

другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой простынями и пестрыми занавесями для украшения, как это делают эллины и римляне для новобрачных. Первым рядом пирующих считались *сидевшие* направо от Аттилы, а вторым — налево, в котором сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Берих. Онегесий сидел на стуле вправо от царского ложа. Против Онегесия сидели на стульях два сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не близко к *отцу*, а на краю, смотря в землю из уважения к отцу. Когда все было приведено в порядок, пришел виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести приветствия встал с *места*; садиться следовало лишь после того как, пригубив кубок или выпив, *Аттила* отдавал его виночерпию. Севшему оказывали таким же образом честь *все* присутствующие, беря кубки и после приветствия отпивая *из них*. У каждого был один виночерпий, который должен был входить по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как удостоился почести второй *гость* и следующие, Аттила почтил и нас таким же приветом по порядку мест. После того как все были удостоены этого приветствия, виночерпии вышли, и были поставлены столы после стола Аттилы для каждых трех или четырех гостей или даже большего числа; таким образом каждый имел возможность брать себе положенные на блюда кушанья, не выходя из ряда седалищ. Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, *например*, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо *другим* ценным. Когда были съедены кушанья, наложенные на первых блюдах, мы все встали, и вставший не возвращался к своему креслу прежде, чем каждый *гость* из первого ряда не выпил поданный ему полный кубок вина, пожелав *доброго* здоровья Аттиле. Почтив его таким образом, мы сели, и на каждый стол было поставлено второе блюдо с другим кушаньем. Когда все взяли и этого *кушанья*, то снова встали таким же образом, выпили и опять сели. При наступлении вечера были зажжены факелы, и два варвара, выступив на средину против Аттилы, запели сложенные песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени и дух вынуждался к спокойствию, проливали слезы. После пения выступил какой-то скифский шут [*дословно* — поврежденный рассудком скиф] и начал молоть всевозможный вздор, которым всех рассмешил. После него вошел маврусиец Зеркон¹: Эдекон убедил его приехать к Аттиле, чтобы при его посредстве получить обратно свою жену, которую он взял в варварской земле, будучи в тесной дружбе с Бледой; он покинул ее в Скифии, когда был послан Аттилой к Аэцию в виде дара. Но он обманулся в этой надежде, так как Аттила рассердился за то, что он возвратился в его землю. На этот раз он пришел во время пира и своим видом, одеянием, голосом и странной смесью произносимых им слов (он смешивал с авсонским языком унский и готский) всех развлек и во *всех* возбудил неугасимый смех, кроме Аттилы. Последний оставался

¹ См. fr. 11.

неподвижным, не менялся в лице и никаким словом или поступком не обнаруживал своего веселого настроения. Только когда самый младший из сыновей, по имени Эрна, вошел и встал около него, он потрепал его по щеке, смотря на него нежными глазами. Когда я выразил удивление тому, что он не обращает внимания на других детей, а к этому относится ласково, сидевший рядом со мной варвар, понимавший по-авсонски и предупредивший, чтобы я *никому* не передавал его слов, объяснил, что кудесники предсказали Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен этим сыном. Пока *гости* проводили ночь в пире, мы потихоньку вышли, не желая слишком долго засиживаться за попойкой.

С наступлением дня мы пришли к Онегесию, говоря, что нас нужно отпустить и не *заставлять* понапрасну тратить время. Он сказал, что и Аттила хочет нас отослать. Немного спустя, он стал совещаться с избранными *людьми* о желаниях Аттилы и составлять письмо для передачи императору в присутствии секретарей и Рустиция, уроженца Верхней Мезии, взятого в плен на войне, и, благодаря своему образованию, служившему варвару при составлении писем. Когда он вышел из собрания, мы обратились к нему с просьбой об освобождении жены Силлы и детей ее, обращенных в рабство при взятии Ратиарии. Он не отказал в их освобождении, но хотел выдать их за большую сумму денег. Когда мы стали умолять его пожалеть их участь, приняв во внимание прежнее их благополучие, он сходил к Аттиле и отпустил женщину за пятьсот золотых, а детей отослал *в виде* дара императору. В это время и Крека, супруга Аттилы, пригласила нас отобедать у Адамия, заведывающего ее делами. Придя к нему с несколькими избранными *лицами* из туземцев, мы встретили *радуиное* гостеприимство. *Адамий* почтил нас ласковыми словами и приготовленными кушаньями. Каждый из присутствующих по скифской учтивости вставал и подавал нам полный кубок, *затем*, обняв и поцеловав выпившего, принимал кубок обратно: После обеда мы возвратились в *нашу* палатку и легли спать.

На следующий день Аттила снова пригласил нас на пир, и мы попрежнему пришли к нему и стали пировать. На ложе вместе с ним сидел уже не старший сын, а Оэбарсий, дядя его по отцу. В течение всего пира ласково разговаривая *с нами*, он просил нас передать императору, чтобы он дал Констанцию (который был послан к нему Аэцием в качестве секретаря) жену, которую обещал. Дело в том, что Константин, прибыв к императору Феodosию вместе с отправленными от Аттилы послами, обещал устроить нерушимый мир римлян со скифами на долгое время, если *император* даст ему богатую жену. Император согласился на это и обещал выдать за него дочь Саторнила, известного богатством и знатностью рода. Но этого Саторнила приказала убить Афинаида, или Евдокия (она называлась обоими этими именами¹). Привести в исполнение обещание императора не допустил Зенон, бывший консул, имевший под своей властью большую рать исавров², с которой он во время войны охранял даже Константинополь. Тогда, начальствуя над военными силами на Востоке, он вывел *эту* девушку из-под стражи и обручил ее с одним из своих приближенных, неким Руфом. После ее отнятия Константин просил варвара не оставить без возмездия нанесенного ему оскорбления и дать ему в жены или отнятую *девушку*, или другую, которая принесла бы приданое. Поэтому-то во время пира варвар и поручил Максимиனு передать императору, что Константин не должен быть обманут в *поданной* ему надежде, так как

¹ Супруга Феодосия II. Убийство Саторнила, по Chron Marcell., относится к 44 г.

² [Дикое разбойничье племя, обитавшее в южных отрогах малоазийского Тавра; исавры принимались на службу восточными императорами в качестве телохранителей].

царю не приличествует лгать... Такое поручение дал Аттила, потому что Константин обещал дать *ему* денег, если за него будет сговорена жена из очень богатых у римлян *домов*.

Выйдя с пира, по прошествии трех дней после *этой* ночи мы были отпущены с приличными дарами. *Вместе с нами* Аттила послал и Бериха, сидевшего выше нас на пиру, мужа из числа избранных и начальника многих селений в Скифии, в качестве посла к императору, *очевидно* желая, чтобы и он, как посол, получил дары от римлян. Когда мы во время пути остановились в одной деревне, был пойман некий скиф, перешедший с римской земли на варварскую в качестве лазутчика; Аттила приказал посадить его на кол. На следующий день, когда мы проезжали через другие деревни, были приведены два человека из скифских рабов со связанными назад руками, убившие своих господ на войне; их обоих распыли на бревнах с перекладинами, привязав головами. Пока мы ехали по Скифии, Берих сопровождал нас и казался *человеком* спокойным и ласковым. Когда же переправились через Истр, он стал относиться к нам враждебно из-за пустячных предлогов, сообщенных ему служителями. Прежде всего он отнял коня, которого раньше подарил Максиминому. Дело в том, что Аттила приказал всем своим приближенным оказывать Максиминому любезность дарами, и каждый прислал ему коня, в том числе и Берих. Приняв несколько коней, Максимин отослал остальных *обратно*, желая умеренностью показать свое благоразумие. Этого-то коня отнял *теперь* Берих и не хотел ни ехать, ни кушать вместе с нами, так что заключенные нами в варварской земле связи продолжались только до сих пор (?)¹. Оттуда через Филиппополь мы двинулись по направлению к Адрианополю. Остановившись здесь *на отдых*, мы вступили в разговор с Берихом и упрекнули его за молчание, говоря, что он сердится на нас без всякой *нашей* вины. Успокоив его и пригласив на угощение, мы двинулись дальше. На дороге встретились с Бигилом, возвращавшимся в Скифию, и, сообщив данный Аттилой ответ на наше посольство, продолжали обратный путь. По прибытии в Константинополь мы думали, что Берих сменил свой гнев на *милость*; но он оставался верен своей дикой натуре, продолжал враждовать и обвинял Максимиана в том, что будто бы он в Скифии говорил, что военачальники Ареобинд² и Аспар³ не имеют никакого значения у царя, и отнесся к ним с презрением, изобличая их варварское легкомыслие.

КНИГА IV

Когда Бигила, продолжая путь, прибыл в те места, где в ту пору случилось быть Аттиле, его окружили подготовленные для этого варвары и отняли деньги, которые он вез Эдекону. Его самого привели к Аттиле, и последний спросил его, зачем он везет столько золота? Бигила сказал, что *взял* его из предусмотрительности о себе и своих спутниках, чтобы не потерпеть неудачи в посольстве по недостатку продовольствия или по неимению лошадей или *нужных* для перевозки багажа вьючных животных, которые могли погибнуть в продолжительном путешествии; *кроме того*, у него заготовлены были *деньги* и для покупки пленных, так как многие лица в римской земле просили его выкупить своих родственников. На это Аттила сказал: «Нет, скверное животное (он назвал так Бигилу), ты не

¹ [Т. е. до границы империи].

² [Он же Марциал, о котором см. выше, в начале этого отрывка].

³ [Флавий Ардабур Аспар, гунско-готского происхождения, родственник Пленты, консул 434 г. и полководец, командовавший варварскими силами империи в предприятиях на западе и на востоке].

уйдешь от суда благодаря своим выдумкам и не будет у тебя достаточного предложения для избежания наказания, так как у тебя денег больше, чем надо для твоих расходов, для покупки лошадей и вьючного скота и для выкупа пленных, в котором я и отказал, когда ты приезжал ко мне с Максиминиом». Сказав это, он приказал заколоть мечом сына Бигилы, тогда впервые сопутствовавшего ему в варварскую землю, если он не скажет раньше, кому и с какой целью везет он деньги. При виде юноши, ведомого на смерть, Бигила залился слезами и с воплями вскричал, что меч поистине должен быть занесен на него, а не на юношу, ни в чем не повинного. Нисколько не медля, он рассказал задуманное им с Эдеконом, евнухом и императором и *при этом* беспрестанно умолял, чтобы его убили, а сына отпустили. Аттила, узнав из сказанного Эдеконом, что Бигила ни в чем не солгал, приказал заключить его в оковы, пригрозив, что не освободит его прежде, чем он не пошлет сына и принесет ему в виде выкупа за себя еще пятьдесят литр золота. Итак *Бигила* остался в оковах, а сын его возвратился в римскую землю. Затем Аттила послал Ореста и Эслу в Константинополь¹.

9. Посланный к нему [т. е. Аттиле] Феодосием младшим в качестве посла Приск, между прочим, сообщает следующее. Переправившись через огромные реки, именно Тицию, Тибисию и Дрикку, мы прибыли на то место, где некогда Видикула, храбрейший из готов, пал жертвой коварства сарматов. Оттуда мы вскоре достигли деревни, в которой пребывал царь Аттила: деревни, говорю я, похожей на весьма обширный город, в которой мы нашли деревянные стены, построенные из полированных досок, скрепления которых так искусно были заглажены, что даже при внимательном рассмотрении едва можно было заметить соединения досок. Там видны были просторные пиршественные залы и очень красиво расположенные портики. Площадь опоясывалась заборами на огромном протяжении, так что само пространство указывало на царский двор. Таково было местопребывание царя Аттилы, владевшего всей варварской страной; это обиталище он предпочитал взятым городам².

10. Хотя Аттила обладал таким характером, что всегда полагался на великие *удачи*, однако ему придавал еще более самоуверенности найденный меч Марса, всегда считавшийся священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что он был найден по следующему случаю. Некий пастух, увидев одну из своих коров хромающей и не находя причины такой раны, в беспокойстве пошел по кровавым следам и, наконец, пришел к мечу, на который неосторожно наступила пасшаяся на траве корова; выкопав меч, он тотчас принес его к Аттиле. Обрадованный этим подарком, он по свойственному ему высокомерию решил, что он поставлен владыкой всего мира и что через Марсов меч ему вручена власть во всех войнах³.

14. Анатолий и Ном со спутниками⁴, переправившись через Истр, проехали до реки Дренкона и вступили в Скифию; ибо Аттила из уважения к ним встретил их в этой местности, чтобы не утомлять их длинной дорогой. Сначала он говорил надменно, но *потом* прельстился множеством даров и, смягченный почтительными речами, поклонился хранить мир на прежних условиях, удалиться из ограничиваемой Истром римской области и не беспокоить больше императора из-за беглецов, если только римляне не будут снова принимать других беглецов от него. Он отпустил и Бигилу,

¹ Exc. de leg., p. 48—71 Par., 169—212 Nieb.

² J o r d., Get., 34. Это должно присоединить к тому, что находится во fr. 8, p. 303, 14.

³ [Кульм меч у скифов подробно описан у Н е г., IV, 62]. Отрывок взят из J o r d., Get., 35. Более коротко это рассказано во fr. 8, p. 314, 16.

⁴ Ср. о них fr. 13. Относится это к 449 г.

получив пятьдесят литр золота, которые привез ему сын, прибывший в Скифию вместе с послами; кроме того, он отпустил без выкупа множество пленников, чтобы доставить удовольствие Анатолию и Ному. Одарив их конями и звериными мехами, которыми украшаются царские скифы, он отпустил их и вместе с ними послал Констанция, чтобы император привел в исполнение данное ему обещание...

23. О смерти Атилы ср. рассказ Иордана, 49.

25. Римляне пришли в Колхиду и завязали войну с лазами¹; затем римское войско возвратилось во-свояси, и царедворцы стали готовиться к новой войне, обсуждая *вопрос о том*, продолжать ли войну, двинувшись прежним путем, или через Армению, прилегающую к Персидской земле, предварительно склонив на *свою сторону* через посольство парфянского монарха; ибо им казалось затруднительным объехать морем неприступные места, так как в Колхиде не было гаваней. Гобаз² со своей стороны тоже отправил посольство к парфянам, но также и к римскому императору. Парфянский монарх ввиду возникшей у него войны с уннами, по прозванию кидаритами (*Kidaritai*)³ отклонил *просьбу* обратившихся к нему лазов⁴.

26. Гобаз отправляет посольство к римлянам. Римляне ответили присланным от Гобаза послам, что они воздержатся от войны, если или сам Гобаз сложит власть, или отнимет царство у сына, так как нельзя им обоим владеть над страной вопреки старинному уставу. Остаться царем в Колхиде одному из двух, *т. е.* Гобазу или его сыну, и этим *путем* прекратить войну предложил Евфимий, имевший достоинство магистра; славным своим умом и красноречием он получил от императора Маркиана⁵ заведывание *государственными* делами и был его руководителем в большинстве хорошо обдуманных *дел*. Он пригласил и писателя Приска к участию в правительственных заботах. Из предоставленных ему на выбор *решений* Гобаз предпочел уступку царства своему сыну, а сам сложил знаки *своей* власти и послал к римскому владыке *послов* с просьбой, чтобы при единоличном владычестве над колхами он уже не поднимал оружия ради гнева на него. Император повелел ему перейти на римскую *землю* и отдать отчет в своих намерениях. Гобаз не отказался прибыть, но потребовал, чтобы Дионисий⁶, ранее присланный в Колхиду вследствие раздоров с ним самим, поручился за то, что с ним не сделают ничего дурного. Поэтому Дионисий послан был в Колхиду, и они вошли в соглашение относительно разногласий⁷.

28. Когда скиф Баламер нарушил мир и опустошил многие римские города и земли, римляне отправили к нему послов, которые упрекали его за восстание и условились вносить ему ежегодно триста литр с тем, чтобы он не совершал больше набегов; ибо он говорил, что его полчища подняли войну вследствие недостатка в продовольствии⁸.

¹ В 456 г.

² [Царь лазов, правивший совместно со своим сыном. См. Seeck, RE, VII, 2, 1548; ср. также Дестунис, ук. соч., стр. 83, прим. 107].

³ [Т. е. носителями восточного головного убора, именовавшегося *κίβηρις* или *κίβης*, ср. со скифами «в остроконечных шапках» персидских надписей, ВДИ, 1947, № 1, стр. 279].

⁴ Exc. de leg., p. 73—74 Par., 217 Nieb.

⁵ [Преемник Феодосия II на константинопольском престоле (450—457 гг.)].

⁶ [См. выше, fr. 1].

⁷ Exc. de leg., p. 41 Par., 155—156 Nieb.

⁸ См. Tilliemont, III, 373, который считает, что рассказанное событие должно относиться, вероятно, к 461 г. [Нужно думать, что оно относится к значительно более раннему времени и названное в отрывке скифское имя должно быть сопоставлено с именем царя гуннов Баламбера (Iogn., Get., 24), подчинившего себе около 375 г. часть готских племен]. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 74 Par., 217—218 Nieb.

30... Около этого времени¹ к восточным римлянам прислали послов сарагуры, уроги и оногуры², племена, выселившиеся из родной земли вследствие враждебного нашествия сабиров³, которых выгнали авары⁴, в свою очередь изгнанные народами, жившими на побережье океана [и покинувшими свою страну вследствие туманов, поднимавшихся от разлигия океана, и появления множества грипов⁵: было сказание, что они не удалятся прежде, чем не пожрут род человеческий; поэтому-то, гонимые этими бедствиями, они напали на соседей, и так как наступающие были сильнее, то последние, не выдерживая нашествия, стали выселяться]. Так и сарагуры, изгнанные с родины, в поисках земли приблизившись к уннам-акатирам и сразившись с ними во многих битвах, покорили это племя и прибыли к римлянам, желая приобрести их благосклонность. Император и его приближенные, областав их и дав подарки, отправили их назад.

34. После пожара города при императоре Льве⁶ Гобаз прибыл с Дионисием в Константинополь, одетый в персидское платье и окруженный телохранителями по мидийскому обычаю. Царедворцы, приняв его, сначала сделали ему выговор за восстание, но потом отпустили ласково: он подкупил их лстивыми речами и тем, что носил знаки своего христианства⁷.

35. Скифы и готы, вступив в войну и разделившись, с обеих сторон готовились к приглашению союзников⁸; в том числе пришли и к восточным римлянам. Аспар полагал, что не следует помогать ни тем, ни другим, а император Лев хотел подать помощь скифам. Он послал иллирийскому военачальнику предписание послать им надлежащую помощь против готов⁹.

36. Около этого времени прибыло от сыновей Аттилы к императору Льву посольство, желавшее разъяснить причины существовавших раньше несогласий и говорившее, что следует им заключить мир и, по старинному обычаю сходясь с римлянами на Истре, предлагать на продажу свои товары и брать взамен те, в которых у них встретится надобность. Пришедшее с этой целью посольство возвратилось безуспешно; ибо император не пожелал, чтобы унны, причинившие так много вреда его земле, пользо-

¹ В 463 г.

² [Эти ближе не известные племена должны быть локализованы где-либо в районе Кавказа, ибо именно там свидетельства греческих и латинских авторов помещают изгнанных аварами из их родины сабиров; ср. след. прим.].

³ [Локализуемое к югу или к востоку от Урала родственное гуннам племя, именуемое у позднейших авторов *Σάβιροι*, откуда, вероятно, происходит и наше наименование Сибири. Прокопий (ВР, II, 29) фиксирует это племя (по изгнании его аварами) в северокавказских степях].

⁴ [Происходящее из пространств между Уралом и Алтаем родственное гуннам племя, проникшее после падения гунского могущества в Восточную Европу и продвинувшееся постепенно до Венгрии: русской летописи оно известно под именем обров, вошедшим у славян в поговорку].

⁵ Относительно фрагмента, заключенного в скобках, см. примечание Дестуниса, стр. 87, прим. 111. [Ср. рассказ Геродота о переселении невров (IV, 105)].

⁶ [457—474 г.].

⁷ «Во fr. 26 мы читаем, что Гобаз, которому приказали притти ко Льву, прежде, чем подчиниться, потребовал, чтобы к нему прибыл Дионисий и представил заверение, что Гобаз не потерпит ничего враждебного. Мы отнесли это к 456 г. как на основании упоминания императора Маркиана, так и по положению экспертов. Напротив, данный фрагмент, поскольку он принадлежит ко времени, более позднему, чем пожар города (2 сентября 465 г.), должен относиться к концу 465 г. или, скорее, к 466 г. и не может быть соединен с тем, что рассказывается во fr. 26, как правильно установил Tillet, VI, 389; 133» (Müller. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 43—44 Par., 160 Nieb.).

⁸ Около 466 г.

⁹ Exc. de leg., p. 44 Par., 160 Nieb.

вались римскими торговыми уставами. Сыновья Аттилы, получив *данный* через посольство ответ, рассорились между собою: Денгизих¹ по возвращении послов без всякого успеха желал поднять войну против римлян, а Эрпах отказывался от приготовления к ней, так как его отвлекали местные войны [Ехс de leg., p. 44 Par., 160—161 Nieb].

37. Сарагуры после нападения на акатиров и другие племена выступили походом против персов. Сначала они приблизились к Каспийским воротам, но, найдя их занятыми персидской охраной, перешли на другую дорогу, по которой пришли к иберам, и стали опустошать их страну и тревожить набегами поселения армениев; вследствие этого персы, опасаясь этого нашествия сверх завязавшей у них раньше войны с кидаритами², отправили к римлянам посольство с просьбой дать им денег или людей для охраны укрепления Юроипаах³. *Эти послы* говорили то, что *уже* и раньше часто говорилось ими в посольствах, *именно*, что римская земля остается невредимой благодаря тому, что они выдерживают битвы и не позволяют наступающим варварским народам проходить *через свою землю*. Но им был дан ответ, что всякий должен защищать свою землю и заботиться об ее охране, и *с этим* они двинулись в обратный путь без успеха [Ехс. de leg., p. 44 Par., 161—162 Nieb.].

38. Когда Денгизих поднял войну против римлян и стоял на берегу Истра, узнавший об этом сын Орнигискла ('Ορνιγίσκλου)⁴, который начальствовал стражей на фракийском берегу, послал к нему *некоторых* из своих приближенных с вопросом, по какой причине они готовятся к битве. Денгизих, отнесшись с презрением к Анагасту ('Αναγάστου)⁵, отправил его посланных ни с чем и послал сказать императору, что если он не даст земли и денег *ему* самому и следующему *за ним* войску, *то он* начнет войну. Когда его послы пришли во дворец и передали порученное им, император отвечал, что он готов сделать все, если они прибыли с изъявлением покорности, ибо он радуется прибытию *посланных* от врагов для заключения союза [Ехс. de leg., p. 44—45 Par., 162 Nieb.].

39. Когда Анагаст, Басилиск⁶, Острий и некоторые другие римские военачальники заперли готов в одном низменном месте и осадили их⁷, то скифы, угнетаемые голодом вследствие недостатка продовольствия, отправили к римлянам посольство *передать*, что они сдаются с тем, чтобы владеть землей и повиноваться *во всем*, чего пожелают римляне. *Военачальники* отвечали, что донесут императору об их посольстве, но варвары сказали, что они желают устроить соглашение с ними из-за голода и не могут вынести большого промедления. Тогда предводители римских сил, посовествовавшись *между собой*, обещали доставлять им продовольствие до разрешения *дела* императором, если они разъедятся подобно тому, как разъединено и римское войско: таким образом, говорили они, легко будет заботиться о них, так как военачальники будут иметь дело с доставшимися им по жребию *лицами*, а не со всеми, и из видов честолюбия всячески будут соревноваться в доставке *им припасов*. Скифы охотно приняли сообщенное им через послов предложение и разделились на столько частей, на сколько были разделены

¹ [Также Dintzic (I o r n., Gef., 53, 272), сын Аттилы, царствовавший после его смерти над небольшой частью племен, бывших подвластными его отцу].

² Об этой войне см. fr. 31—33.

³ [Ближе не известно; по другому чтению Уроисах].

⁴ 'Αρνεύισκλος I o r d., 'Αρνεύισκλος I o a n n. A n t., fr. 206. Ниже тот же человек называется 'Αναγάστος. Magister militum в 447 г., выступавший против Аттилы].

⁵ [Сын вышеназванного Орнигискла, magister militum в 467 г., выступавший против готов].

⁶ [Шурин императора Льва I, консул 465 г., magister militum в 476 г.].

⁷ Около 467 г.

и римляне. Тогда Хелхал, родом из уннов, служивший офицером у начальников аспаровых полков, пришел к доставшейся им по жребию варварской части и, пригласив выборных готов, которых было в *этой части* больше других, начал говорить им такие речи, что император дает им землю, но не для их пользования, а для *находящихся* между ними уннов. Ибо они, не занимаясь земледелием, подобно волкам нападают и расхищают их пищу, так что они [т. е. готы], состоя в положении рабов, трудятся для *доставления* им продовольствия, хотя готское племя всегда было враждебно уннам и еще предки клялись избегать союза с ними; поэтому сверх лишения своего достоинства они оказывают презрение к клятвам предков. Сам же он, хотя и гордится своим унским происхождением, но из любви к справедливости сообщил им это и дал совет, что следует делать. Готы, взволнованные этими речами и полагавшие, что Хелхал сказал это из расположения к ним, сплотились и стали избивать *находившихся* между ними уннов; это послужило сигналом к жестокой схватке между обоими народами. Узнав об этом, Аспар, а также и начальники прочих отрядов выстроили свои войска и стали убивать *всех* попадавшихся варваров. Скифы, поняв коварный обман, стали отзывать друг друга и двинулись против римлян. Люди Аспара успели раньше уничтожить доставшуюся им часть *варваров*; для остальных военачальников сражение оказалось не безопасным, так как варвары бились *до того* мужественно, что уцелевшие из них прорвались сквозь римские полки и таким образом избежали осады¹.

41. У римлян и лазов была сильнейшая вражда с племенем сваннов, καὶ σφόδρα ἐς τὴν τοῦ σῆματος τοῦ Σουάννου συνιστάμενον μάχην.² Когда персы также вознамерились воевать с ним из-за укреплений, которые были отняты сваннами, он отправил посольство с просьбой, чтобы император прислал ему вспомогательный отряд из *числа* солдат, охранявших границы подвластных римлянам армений, для того чтобы благодаря их близости иметь готовую помощь и не подвергаться опасности в ожидании *прибытия помощи* издалека, или не стесняться расходами по их прибытии, если случится, что война затянется, как это было уже раньше. Дело в том, что, когда была прислана помощь с Гераклием³, а персы и иберы, выступившие против него войной, были тогда отвлечены другими народами, ... отослал вспомогательный отряд обратно, затрудняясь доставлением ему продовольствия, так что при нападении парфян *ему пришлось снова* призвать римлян. Последние обещали прислать ему вспомогательный отряд и лицо, которое будет им предводительствовать; *но в это время* прибыло и персидское посольство с известием, что унны-кидариты разбиты ими и город их Балаам взят приступом. Они возвестили о победе и по-варварски прихвастывали, желая выставить на вид величину имеющих у них сил. Но император отослал их немедленно, будучи более озабочен событиями в Сицилии⁴.

42. В этом году⁵ император Лев вооружил и отправил большой флот против Гизериха, властителя над афрами... Главным начальником *этого* флота он назначил Василиска, брата императрицы Берины, уже исправлявшего консульскую должность и часто побеждавшего скифов во Фракии.⁶

¹ Exc. de leg., p. 45—46 Par., 162—164 Nieb.

² «Classen полагает, что словом μάχην, которое находится в обоих явно испорченных местах, указывается собственное имя вождя сваннов. Tillemont, VI, 401, предполагал, что должно читать ἐς τὴν κατὰ τοῦ Σῆματος (т. е. вождя лазов)... μάχην» (Müller). Последний события, здесь рассказанные, вместе с Tillemont'ом относит к 468 г. Ср. прим. к этому фрагменту у Дестуниса, стр. 97 сл., прим. 124.

³ [Сын Флора, родом из Эдессы, восточноримский полководец 50—60 гг. V в.].

⁴ Exc. de leg., p. 46 Par., 164—165 Nieb.

⁵ В 468 г.

⁶ Theoph., Chron., p. 179 ed. Bonn.

43. Около этого же времени, при начале войны скифов с восточными римлянами, во Фракии и на Геллеспонте произошло землетрясение¹...

«К фрагментам Приска по не вполне определенной конъектуре присоединено следующее место Свида» (D i n d.):

2. Тростниковые плетни. «Лазы, выкопав ямы и воткнув в ямы копыя, закрыли остатки *этих* ям тростниковыми плетнями и древесными ветвями, не имевшими прочного основания, но скользившими под напором тяжести; сделав над ними насыпи, распахав землю с обеих сторон и засеяв ее пшеницей, они обратили римлян в бегство»².

СИРИАН

Философ-неоплатоник, живший в V в. н. э., известен своими комментариями к сочинениям Гермогена. См. о нем Nicolai, *Gesch. d. Griech. Litt.*,³ II, 441; III, 262; Christ., *Gesch. d. Griech. Litt.*,⁴ 784; 866.

Текст: Siriani in Hermogenem commentaria ed. Hugo Rabe, 2 тома, Lips., Teubn., 1892—1893.

СХОЛИИ К «ИСКУССТВУ» ГЕРМОГЕНА

(ΣΧΟΛΙΑ ΕΙΣ ΤΗΝ ΗΡΜΟΓΕΝΟΥΣ ΤΕΧΝΗΝ)

II, 25 R... Ведь если у кого-либо предки или родина известны, но имеют что-либо бесславное, то мы пропустим *их*, как *это* сделали Демосфен в речи «О венце», говоря о себе: он пропустил своего деда по матери Гилона, как изгнанника, приговоренного народом к смерти за выдачу Нимфея в Понте, и мать *свою*, как скифянку родом,—так ведь говорит Эсхин в речи против Ктесифонта,—и прямо перешел к своему воспитанию, как приличному, и к своим деяниям...³

ГЕСИХИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

ЛЕКСИКОН

(ΛΕΞΙΚΟΝ)

Александрийский грамматик Гесихий, живший, вероятно, в V в., составил дошедший до нас словарь, который правильнее было бы назвать глоссарием или перечнем редких слов (γλῶσσαι) и форм. Из предпосланного словарю письма составителя к другу его Эвлогию видно, что словарь в сущности представляет собой новое издание сочинения Элия Диогениана Περί σφραγέων⁴, дополненное глоссами из гомеровских словарей Апиона и Аполлония.

Текст: Hesychii Alexandrini Lexicon post Ioannem Albertum rec. M. Schmidt, 5 тт., 1858—68 [Новое издание: Hesychii quae supersunt ed. Flach, Lips., 1882. В «меньшем» издании того же ученого [Schmidt'a] (Jena, 1864) сделана попытка отделить дополнения Гесихия от частей труда, принадлежащих Диогениану.

¹ Euagr., *Hist. eccl.*, II, 14.

² Bernhardy приписывает это место Приску и считает, что оно сокращено Свидай (D i n d.).

³ [Относительно «дела Гилона», виновность которого справедливо оспаривается С. А. Жебелевым (Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, стр. 7 сл.), ибо Гилон умер не в изгнании, а в Афинах (Demosth., c. Arbob., 2, 1), см. прим. к Aesch., c. Ctes., 171. Сомнения по поводу скифского происхождения матери Демосфена Клеобулы высказал Schäfer, *Demosth. u. seine Zeit*, I, стр. 191 сл.].

⁴ [«Это название, являющееся концом гекзаметра, повидимому, обозначает: «Словарь для бедных студентов» (Christ, *G. d. gr. Litt.*, 874, прим. 1)].

ἄβλῆς... и архитектурное название, которым, как говорят скифы, обозначают мужа.

ἄβι: под; говорится у скифов (?).

ἄβις: *значит* бросали по-скифски (?).

а б и и: не имеющие луков, не воинственные, не насильники, не несправедные, и название народа¹.

ἄγαυοί: блестящие, светлые; славные, видные. Есть и скифское племя, называемое агавы, как, например, говорит поэт: «и агавов, доителей кобылиц»².

ἄγλο: лебедь по-скифски.

ἄλγυς: гусеница по-скифски.

А н а х а р с и с: какая-то рыба; и имя собственное.

ἄνор: ум по-скифски.

ἀποσχιδῖσαι *значит* обрезать кругом [волосы]

А р т и м п а с у ('Αρτίμψαυ): небесную Афродиту, *так называемую* скифами³.

А х и л л о в у в е р ш и н у⁴: остров Ахилла, называемый Белым (есть и Ахилловы Беги⁵ около этого острова).

Б о р и с ф е н: Геллеспонт⁶; есть [и] река.

Б о с п о р: так назывался не только Скифский, но и Фракийский. βουλεψίη: *это* слово *встречается* у Ксанфа. Он говорит, что амазонки, родив мальчика, собственноручно выкалывали ему глаза⁷.

Г и т о с и р а⁸: *так называют* Аполлона скифы.

ἐφέστιοι... отступники от скифского царя⁹.

θαψίνω¹⁰: желтое от дерева тапса, которым красят в светлый цвет шерсть и волосы на голове; некоторые называют его скифским *деревом*; и река, у которой растет это дерево, называется Тапсом¹¹; есть и корень, называемый θαψία.

Я к с а р т: река Танаис¹²; это—*река* в Скифии, впадающая в Меотийское озеро.

г и п п а к а: скифское кушанье из кобыльего молока (ἵππου γάλακτος); по другим—кислое кобылье молоко, которое употребляют *в пищу* скифы; его пьют и едят в сгущенном виде, как *говорит* Теопомп¹³ в своей третьей книге...

¹ Н о м., II., XIII, 6.

² Н о м., II., XIII, 5.

³ См. Н е г., IV, 59. Кодексы имеют 'Αρτίμψαυ (см. прим. Schmidt'a).

⁴ TGF (Nau ck)², fr. adesp. 202.

⁵ Eur., Iph. Taur., 436.

⁶ [Steph. Byz., s. v. Βορυσθένης также указывает на приоритет наименования Борисфен для Геллеспонта. Т о м а с ш е к, RE, III, 739, считает это поэтической выдумкой. Однако перенесение «боспорской» топонимики с Боспора Фракийского на Боспор Киммерийский является фактом, позволяющим предполагать возможность переноса фракийского(?) наименования Геллеспонта «Борисфен» ионийскими греками первоначально на днепровско-бугский лиман, а затем и на реку Днепр].

⁷ [Ср. легенду о калечении ног мужчинам у амазонок, изложенную у H i r r., περὶ ἄρθρ. καὶ ἀγγ., 101].

⁸ Н е г., IV, 59.

⁹ Schmidt признает выражение темным.

¹⁰ Ср. Sappho, fr. 167.

¹¹ [Река, которую имеет в виду Гесихий, Фат Диодора Сицилийского (XX, 23), Пеатис П то л е м е я (V, 8, 2), отождествляется с меотийским устьем реки Кубани (в древности также Гипанис)].

¹² [Отождествление Яксарта с Танаисом должно быть отнесено на счет историков и географов Александра Македонского, о чем прямо свидетельствует П л и н и й (VI, 49). Это заблуждение было рассеяно, вероятно, лишь Эратосфеном (ср. Н е г т а п п, RE, IX, 1, 1184)].

¹³ Ср. Theopomp., Philipp., fr. 51. .

ἰππῆρολῳγῶν: гоняющих или доящих лошадей, вследствие употребления их молока в пищу¹.

и с т р и а н и д ы : скифские одеяния...²

И с т р: река, называемая также Данубием.

к о н о п л я: скифское курение, которое имеет такую силу, что приводит в пот всякого предстоящего. Это—растение, похожее на лен, из которого фракиянки делают платья. Так говорит Геродот³. Его семя курят.

κλαρύες: скифские дома. Некоторые же называют так навьюченные повозки.

к а р д и а н ц ы (Καρδιανοί)⁴: так называются эллины у скифов вследствие того, что они разграбили эллинский город Кардию⁵.

к е л х о н а е й ц ы: скифский народ; или келхи⁶.

καρβέριοι: слабые; называют и киммерийцев керберийцами; и город одни называют Керберией, другие—Киммерией, иные же Кимме...; есть в подземном царстве Керберийское место.

к е р к е т ы: народ (с)индский⁷.

к и м м е р и й с к а я б о г и н я: мать богов⁸.

к и м м е р и й ц ы: скифы; и народ у океана⁹.

к о р а к с ы: род скифов...

К о л и й с к а я [страна]: сицилийская (Σικελική)¹⁰

п р о и з в о д я щ е е л о т о с п л е м я¹¹: одни разумеют Фракию, другие—Египет, иные—Скифию.

... М е о т и й с к о е о з е р о—в Элладе.

μελίτ. τον¹²: какой-то скифский напиток из меда, сваренного с водой и какой-то травой.

μέσπλη: луна у скифов.

м о с с и н ы: брустверы; башни; и народ скифский.

м о с с и н и к с к и е х л е б н и ц ы¹³: Дидим разумел понтийские; ибо моссиники живут в Понте; поэт называет так деревянные лотки.

м о с с и н и к с к и е: большие деревянные лотки, так что на них можно месить и муку; а находятся в Понте...

¹ Ном., II., XIII, 5; Call., Dian., 252.

² [Для разъяснения этого названия могут быть указаны еще ἱστρίαναι ζεῖρη—скифские туники, а также ἱστρίαναι πρόσωπα—культовые маски, подобные лицам скифских рабов].

³ Нег., IV, 74—75.

⁴ Καρδίαι Schmidt, Καρδιανοί Pearso, что принял Schmidt в малом издании.

⁵ [Значительный город, милетско-клазоменская колония на западном берегу Херсонеса Фракийского. О разграблении его скифами более ничего не известно].

⁶ [Ближе не известны, если только это не испорченное «колхи»].

⁷ [У других авторов керкеты (в имени которых современные ученые угадывают имя позднейших черкесов), локализуемые близ северокавказского побережья Черного моря, фигурируют как близкие соседи синдов, но нигде не названы племенем, им непосредственно родственным. Ср. P s.-S c y l., 73].

⁸ [«Киммерийской богиней» Кибела названа здесь, вероятнее всего, в ее хтонической ипостаси].

⁹ [Т. е. мифический народ (как вышеназванные керберийцы), на рубеже загробного мира].

¹⁰ Σικελική, Meineke, Phil., XII, стр. 611 (Schmidt). Это исправление вполне правильно: ср. Нег., fr. 186.

¹¹ «Trag. inc., fr. 186, возможно, Эсхил» (Schmidt в малом издании).

¹² «μελίττων Plut., Mor., p. 672 B; Coriol., 3; 578, 8» (Schmidt). Плутарх (Mor., уп. место=Quaest. conv., VI, 2, говорит так: «И доныне те из варваров, которые не производят вина, пьют μελίττων, придавая сладкий вкус при помощи опьяняющих и терпких корней».

¹³ «Aristoph., fr. XVI, p. 1123» (Schmidt).

горматы (ὄρματα): мужеубийцы; скифы¹.

παῦλη: собака по-скифски².

пеламидα: πηλαμύς: с ѳ рыба в Понте.

море Рει: у Адриатического залива, где почитается (Рей; и) Боспор.

Рипы: скифские горы, откуда дует ветер Борей³.

сагарис: топорик с одним лезвием [колчан, плут].

саки: скифы⁴.

σάκαια: скифский праздник (ἡ Σκοδικὴ ἑορτή)⁵.

σχοινῶακη: скифское платье.

σχοινῶα: так называют женщину-пьяницу скифы.

σαπέρδης: название рыбы; по другим—вид соленой рыбы; другие говорят, что так называется припонтийскими народами рыба коракин [род сельди?].

Синдида: Скифия (Σινδὺς· ἡ Σκοδική); и публичная женщина.

синдская расщелина⁶: [половой орган] женщины.

синды: народ индийский (Ἰνδοίαν) [?]⁷.

Там есть город, называемый Синдской гаванью.

скидики (σκιδικαί): Полемон говорит, что у Гермодора написано: «обувь же носить свободную, скидики белые и кожаные»⁸.

скифы: так назывался какой-то род.

скиф ослиное пиршество: пословица о гнушающихся на словах, а на деле стремящихся к чему-нибудь: некто, увидев мертвого осла, сказал присутствовавшему скифу...⁹

скифские: какая-то обувь¹⁰.

скифское дерево: горючее; некоторые *разумеют* тапсию¹¹.

скифский й: Кратин назвал скифским Гишпонику за то, что он был рыжий; и *дерево*, которым женщины красятся в белокурый цвет и красят шерсть.

по-скифски ручник: скифы, обдирая головы забираемых в плен врагов, употребляли их вместо ручников.

¹ Интерпретаторы относят это к Нег., IV, 110, где ныне издают αἰσράται и οἰόρατα» (Schmidt).

² По-парфянски Pagga значит щенок (κυνίδισιν). Без прибавки свистящего звука говорили παῦλη (если η —не артикль) вместо σάκαια. Это Гесикий перевел как χίνα ἢ σέρψ. См. Herod., π. διγ., р. 345, 9; Curtius, Etym., стр. 128. Ниже будем иметь еще σκιδία· χύων» (Schmidt).

³ Aesch., fr. 66» (Schmidt).

⁴ Нег., VII, 64.

⁵ Casaubonus к Ath., VII, 494, 19 Schweigh., = [XIV, 639 с.]: «в глоссах Гесикия Sacala называется какой-то скифский праздник, и сами скифы называются саксами, но скорее должно верить вавилонянину Беросу, который праздник Sacaea или Sacaeorum приписывает своим соплеменникам. Дион Христомом (Or. IV de regno) упоминает ἡ τῶν Σακκῶν ἑορτή и приписывает его персам» и т. д. (Müller к Ctes., fr. 16, стр. 33 в Herod., ed. Firmin Didot). Ср. прим. Schmidt'a.

⁶ Hipp., fr. 68 a (Bergk, PLG⁴, 484).

⁷ Должно исправить или на Σινδοίαν с Sobrerus'ом или с Phot., 512, 18, на Σχοδικόν» (Schmidt).

⁸ Видимо, муж образованнейший [Гермоген], когда говорил о скификах, отметил себе редкое написание: ибо обычно и правильно пишется Σκοδικαί» (Preller у Müller'a FHG, III, 147 к Polem., fr. 96. Ср. сказанное там о Гермодоре. Σκοδικαί исправляет Albertus, сравнивая с Алкеем у Phot., 525, 6. Форма с δ—македонская» (Schmidt).

⁹ Выпали слова: пиршество тебе, о скиф! Тот же посмотрел сперва с презрением. Потом же после многих хлопот стаб пиршествовать», которые сохранил App. провр., IV, 74, стр. 453» (Schmidt). См. Pind., fr. 203.

¹⁰ См. выше Alc., fr. 103; Phot., 525, 6; Harp., 168, 20.

¹¹ См. Sappho, fr. 167 и выше s. v. θάψινον; ср. также схоласт. к Theocrit., II, 88.

скифская пустыня¹: поговорка, распространившаяся от бежавших из Эфеса скифов; ибо *они сделали это*, испуганные и смущенные духом; однако *она* употребляется относительно покидаемых кем-либо.

солимамаи²: это народы скифские.

таранд: похожее на оленя животное, шкуры которого скифы употребляют на одежду.

Тавро: Артемида у тавров.

травс: скифское племя, которое рождающихся порицает, а умирающих прославляет³.

Тирис: река, впадающая в Борисфен⁴.

свинья: свиная мазь; ибо скифы употребляют для намазывания свиное и телячье сало.

фасианы: какие-то птицы; а некоторые называют *так* понтийцев⁵.

Фасис: река у колхов.

фавды: роды скифские.

халибы: народ в Скифии, где добывается железо.

Халибдика: в Скифии, где железные рудники.

АХИЛЛ ТАТИЙ

Уроженец александрийский, один из «эротиков», жил, вероятно, в V в. н. э.

Текст: *Erotici scriptores Graeci*, recog. R. H e r s c h e r, т. I; ср. W. S c h m i d t, RE, s. v. Achilleus Tatios, 1.

РАССКАЗ О ЛЕВКИПЕ И КЛИТОФОНТЕ В ВОСЬМИ КНИГАХ

(ΤΩΝ ΚΑΤΑ ΛΕΥΚΙΠΠΗΝ ΚΑΙ ΚΛΕΙΤΟΦΩΝΤΑ ΛΟΓΟΙ ΟΚΤΩ)

VIII, 2... Помост *храма* осквернен человеческой кровью. Неужели кто-нибудь совершает такие возлияния богине? Разве это *делают не только* варвары, тавры и Артемиды скифская, не у них одних храм так обгадрывается кровью? Ты сделал Ионию Скифией, и в Эфесе течет кровь, *как у тавров*⁶.

ГЕЛАСИЙ КИЗИКСКИЙ

«Геласий из Кизика составил около 476 г. в Вифинии историю первого вселенского собора в Никее в трех книгах. Бросается в глаза, что из третьей книги напечатан до сих пор только один фрагмент, заключающий в себе три эдикта Константина Великого. Обстоятельства жизни составителя известны еще менее. Во многих рукописях Ф о т и й

¹ Aristoph., Ach., 704; Aesch., Prom., 2 Ср. App. provv., VI, 75, p. 453; Leutsch k M a c., Prov., VII, 66, p. 208» (Schmidt).

² Ном., II., VI, 184; 204. [Древний малоазийский, позднее исчезнувший народ, отождествляемый с писидами или исаврами. Гомер, по словам Страбона, помещал его на берегу Океана].

³ [Травсы, по Геродоту (V, 4), одно—из фракийских племен, по соседству с гетами].

⁴ «Река называлась и Τύρας и Τύρις, Steph. Byz., s. v. Τύρας» (Schmidt [Более обычно Тирас (Днестр)].

⁵ [Точнее—колхов, живших при устье реки Фасиса].

⁶ Размышления героя рассказа, обращенные к противнику, причинившему ему насилие в эфесском храме Артемиды. В III, 6, 8 того же сочинения есть подробное описание находившейся в храме Зевса Касия в городе Пелусии картины художника Эванта, изображавшей освобождение Прометея Гераклом, но мы не приводим здесь этого описания, как не представляющего интереса для нашей задачи: в описании нет ни географических черт, ни вариантов мифологического рассказа.

нашел, что он назван «епископ Кесарии в Палестине» (Bibl. cod. 88). Его произведение представляет собой в основном компиляцию соответственных сообщений ранних историков церкви (Евсевия, Сократа, Созомена, Феодорита), и сообщения, которые не подтверждаются также этими более древними свидетелями, явно обличают себя, как весьма сомнительные или даже прямо неверные» (O. B a r g e n h e w e r, Patrologie, Freib., 1894, стр. 503). [В русской литературе о нем см. К. С м и р н о в, Обзорение источников истории первого Никейского собора, Ярославль, 1888].

Т е к с т: M i g n e, Patrologiae cursus completus, series Graeca, LXXXV, 1860, стт. 1179—1360.

СВОД ДЕЯНИЙ НИКЕЙСКОГО СОБОРА

(ΤΩΝ ΚΑΤΑ ΤΗΝ ΕΝ ΝΙΚΑΙΑΙ ΣΥΝΟΔΟΝ ΠΡΑΓΜΕΥΟΜΕΝΩΝ ΣΥΝΤΑΓΜΑ)

КНИГА ПЕРВАЯ

Г л а в а I. ... Цитируются слова Руфина¹ «После сложения власти Диоклетианом и Максимианом² и смерти Константина³ остаются в римской державе одновременно⁴ следующие императоры: Константин⁵, получивший отцовскую часть (империи), которая, начинаясь от так называемой Европы, простиралась до Истра и обнимала обе Скифии, всех кельтов, иллирийцев, савроматов и варварскую землю, спускающуюся к реке Рейну...и Максимин, сын Диоклетиана»⁶...

КНИГА ВТОРАЯ

. В главе 5 (стр. 1229) цитируются слова Евсевия из Vita Const., III, 7, где перечисляются области, епископы которых присутствовали на Никейском соборе.

В главе 26 (стр. 1309), которая содержит подписи епископов, одобдивших исповедание веры, среди других упоминается Александр Фессалоникский от имени подчиненных ему [рукоположенных им?], от церквей в Македонии первой и второй, с Элладой, во всей Европе, в обеих Скифиях⁷, ото всех церквей в Иллирике, Фессалии и Аханае⁸.

ИОАНН СТОБЕЙСКИЙ

Уроженец македонского гор. Στόβρι, живший, вероятно, во второй половине V в., известен как составитель дошедшего до нас сборника извлечений из разных писателей, посвященного сыну Септимию. Этот труд, при патриархе Фоти (Bibl. cod., 167) состоявший из 4 книг в 2 томах (βιβλία τέσσαρα ἐν τεύχεσι δύο), в средние века

¹ «Этот Руфин, должно быть, совершенно отличен от того, чей перевод «Historia ecclesiastica», написанный Евсеем по-гречески, существует и ныне, ибо у этого латинского писателя не читается ничего в этом роде» (H a r d u i n у M i g n e 'я).

² [В 305 г. н. э.].

³ [Судя по тому, что далее упоминаются одновременно правившие императоры Константин и Максимин, это имя искажено, и под этим Константином должно подразумевать Констанция Хлора (306 г.)].

⁴ [До окончательной победы Константина над Лицинием в 324 г. в Римской империи существовало одновременно несколько императоров].

⁵ [Подразумевается, видимо, Константин I (306—337)].

⁶ [Галерий Валерий Максимин Даза (305—314 гг.), племянник императора Галерия, по отречении Диоклетиана был adoptирован Галерием].

⁷ [Т. е. по сю и по ту сторону Дуная].

⁸ То же повторяется на стр. 1341 в «Catalogus sanctorum episcoporum, per quos sancta, magna et universalis synodus Nicaeae coacta misit omnibus in toto orbe terrarum Dei ecclesiis ea, quae ab ipsis per spiritum sanctum in ea constituta sunt».

разделен без достаточного основания на два отдельных сборника, из которых один носит название 'Εκλογὴ φυσικῆ καὶ ἠθικῆ, а другой—'Ανθολόγιον («Florilegium» или «Sermones»). См. Christ, Gesch. d. griech. Litter.⁴, 880 сл.

Текст: Ioannis Stobaei Florilegium rec. Aug. Meinelke, 4 тома, Lips., 1856—57; Ioannis Stobaei Anthologium recensuerunt C. Wachsmuth et Otto Hense, т. III: Anthologii librum tertium ab Ottone Hense editum continens, Berol., Weidm. 1894; Ioannis Stobaei Eclogarum physicarum et ethicarum libri duo, rec. Aug. Meinelke, 2 тома, Lips., 1860—64.

ЦВЕТНИК

(ΑΝΘΟΛΟΓΙΟΝ)

О ПОРОЧНОСТИ, II

43. Анахарсис. Скиф Анахарсис, опрошенный кем-то, что враждебно людям, сказал: «сами себе».

О ЗДРАВОМЫСЛИИ, V

3 (200 Hense). ИЗ СОБРАНИЯ ОБЫЧАЕВ НИКОЛАЯ

(О галактофагах см. выше)

О СВОБОДЕ РЕЧИ, XIII

18 (XIII 37 Hense). ИЗ БЕСЕД ДИОГЕНА¹

Как неопытные решаются попробовать понтийского меда, но, попробовав, сейчас же с неудовольствием выплевывают, так как он горек и неприятен; так и с Диогеном желали познакомиться из любопытства [приезжавшие в Коринф], но вследствие его обличений отворачивались и убегали...

О НЕВОЗДЕРЖАННОСТИ, XVIII

35 (XVIII, 34 Hense). Анахарсис на вопрос, как кто-нибудь мог бы не напиваться допьяна, сказал: «если бы он видел, что делают пьяные».

О ЗАКОНАХ И ОБЫЧАЯХ, XLIV

41 (II, 185 сл.). ИЗ СОЧИНЕНИЯ НИКОЛАЯ ОБ ОБЫЧАЯХ

(О савроматах, керкетах, мосинах см. Nic. Dam., παρ. ἐδ. συγ., 16, 17, 18. 43 (II, 1го) цитируются слова Геродота (IV, 104) об агафирсах)

КАК ОТЦЫ ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ К ДЕТАМ И ПР., LXXXIII

20 (III, 120). ИЗРЕЧЕНИЕ АНАХАРСИСА

Скиф Анахарсис на вопрос, по какой причине он не производит детей, сказал, что из любви к детям.

¹ Ср. Dio Chrys., Or., IX.

ЧТО БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ ПРЕКРАСНА И ПР., LXXXIV

16 (III, 125). Цитируется сентенция Скилура из Плутарха.

О БЛАГОРОДСТВЕ И ПР., LXXXVI

16 (III, 156). ИЗРЕЧЕНИЕ АНАХАРСИСА

Анахарсис в ответ на укор в том, что он скиф, сказал: «родом, но не характером».

О БОЛЕЗНИ И ПР., С

13 (III, 246). Цитируется место из Arist., de mir. ausc., 18.

О ПОГРЕБЕНИИ, CXXXIII

11 (IV, 127). ИЗРЕЧЕНИЕ ДИОГЕНА

Диоген говорил, что если его разорвут собаки, то это будет гирканский способ погребения...¹

12 (IV, 126). ИЗ СОБРАНИЯ ОБЫЧАЕВ НИКОЛАЯ

О таврах, синдах, колхах см. Nic. Dam., пар. эф. соч., 40; 41; 42.

МЮНХЕНСКАЯ АНТОЛОГИЯ

(Florilegium Monacense)

161 (стр. 279). Анахарсис, укоряемый каким-то аттическим гражданином за то, что он скиф, сказал: «мне позор отечество, а ты—*позор* отечеству»².

162. Он же на вопрос, что у людей хорошо и дурно, сказал: «язык»³.

163. Он же сказал, что *лучше* иметь одного друга, дорого стоящего, чем многих, ничего не стоящих⁴.

ЗОСИМ

Автор сочинения *Ἱστορία νέη* в 6 книгах, написанного между 450 и 502 гг. (по мнению Fr. Kühn's, RM, XLVI, стр. 146 сл.—после 501 г.) и содержащего в себе общий очерк древней истории до 270 г. н. э. (I, 1—35) и подробное изложение истории 270—410 гг.

Текст: Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova. Ed. L. Mendelssohn, Lips., 1887.

¹ [Гирканцы, по свидетельству Страбона (XI, 8, 6), бросали трупы умерших на съедение собакам].

² [Ср. Diog. Laert., I, 8, 104].

³ [Там же, § 105].

⁴ [Там же, § 108].

НОВАЯ ИСТОРИЯ

(ΙΣΤΟΡΙΑ ΝΕΑ)

КНИГА I

20... [Филипп]¹ выступил походом на карпов², уже опустошивших побережья Истра. В происшедшем сражении варвары не выдержали нападения и, сбжавшись в одно укрепление, подверглись осаде. Видя, что их *воины*, рассеявшиеся в разные стороны, снова собрались, они ободрились и, выйдя из укрепления, напали на римский лагерь, но, не выдержав натиска мавров³, завели переговоры о перемирии, на которое Филипп легко соглашался и отступил...⁴

23. Когда дела вследствие крайней беспечности Филиппа пришли в полное расстройство, скифы⁵, перейдя через Танаис⁶, стали опустошать разные местности во Фракии. Выступив против них, Деций⁷ одержал победу во всех битвах⁸, взял даже часть захваченной ими добычи и пытался отрезать им возвращение на родину, намереваясь совершенно истребить их, чтобы они не могли снова собраться и напасть. (2) Итак, поставив Галла⁹ с достаточными силами на берегу Танаиса, он сам с остальным войском пошел на варваров. Дела его шли удачно, но Галл, решившись изменить ему, вошел в сношение с варварами, приглашая их к участию в замыслах против Деция. Когда они весьма охотно приняли приглашение, Галл остался на страже на берегу Танаиса, а варвары, разделившись на три части, поставили первый отряд в одном месте, перед которым растянулось болото. (3) Когда Деций истребил большинство их, приблизился второй отряд, но также был обращен в бегство; тогда появились вблизи болота немногие люди из третьего отряда. Когда Галл подал Децию сигнал двинуться на них через это болото, последний, неосторожно выступив вследствие незнания местности, завяз в грязи вместе со своим войском и, отовсюду осыпавший дротиками варваров, погиб вместе с окружающими, ибо никто не мог спастись бегством. Таков был конец Деция после прекрасного царствования¹⁰. (24) Галл получил власть, объявив вместе с собой царем (βασιλέα)¹¹ своего сына Волузиана, и чуть не кричал, что Деций с войском погиб вследствие его замысла. Благоденствие варваров

¹ [марк Юлий Филипп Араб, римский император (244—249 гг. н. э.)].

² [У Р t o l., III, 5, 10, карпианы (по соседству с певкинами и бастарнами), племя, жившее между Дунаем и Карпатами].

³ [Они же маврусии — жители североафриканской Мавритании, составлявшие конницу в римском войске].

⁴ «Эта экспедиция Филиппа против карпов, видимо, восходит к Σχοδικά Дексиппа (ср. E u a g r., HE, V, 24) » (M e n d e l s s o h n). Эта экспедиция совершена в 245—247 гг.

⁵ «Эти экцерпты о готах, хотя и очень небрежные, можно отнести к Σχοδικά Дексиппа. Ср. M o m m s e n, RI, V, 219, 1» (M e n d e l s s o h n).

⁶ «Эту ошибку Зосима, который, конечно, прочтя в источнике, что местожительство готов было вокруг Танаиса, из-за своей поспешности удержал это имя во всем своем рассказе, — отметил уже W e s s e l i n g, Itin. Ait. Aug., стр. 225» (M e n d e l s s o h n) [Под Танаисом разумеется Дунай].

⁷ [Гай Мессий Квинт Траян Деций, римский император (249—251 гг. н. э.)]

⁸ «Филиппополь, взятый готами (см. D e x u S y n c., I, 705, 14; A m m. M a g c., XXXI, 5, 17), сам Зосим упоминает I, 24, 2» (M e n d e l s s o h n).

⁹ [Кай Вибий Требониан Галл, военачальник в войсках Деция и после его гибели, римский император, 251—253 гг.].

¹⁰ В 251 г. н. э.

¹¹ Т. е. Цезарем. Та же ошибка, видимо, и у Дексиппа. Ср. S y n c., 705, 29» (M e n d e l s s o h n). Галл правил в 251—253 гг. [Он был убит, вместе со своим сыном, собственными солдатами, перешедшими на сторону Эмилиана].

при нем очень увеличилось: (2) Галл не только позволил им возвратиться на родину с добычей, но и обещал ежегодно давать им некоторую сумму денег и предоставил возможность увести с собой пленных, особенно тех, которые происходили из знатных фамилий и большинство которых было захвачено при взятии фракийского города Филиппополя.

26. Во время беспечного правления Галла скифы сначала тревожили соседние с ними народы, а затем, двигаясь дальше, опустошили все области до самого моря, так что ни один из подвластных римлянам народов не остался нетронутым ими, и всякий, можно сказать, неукрепленный город и большинство укрепленных стенами были ими взяты...

27. При таком положении дел... снова готы, бораны¹, уругунды² и карпы стали опустошать европейские города, подчиняя себе все, что осталось от прежних разгромов...

28. Когда скифы в полном спокойствии владели всем, что захватили в Европе, а также перешли уже и в Азию и опустошили области до Каппадокии, Питиунта и Эфеса, начальник пеонийских войск Эмилиан³, возбудив, насколько было возможно, мужество своих солдат, не смевших противостать силе варваров, и, напомнив им о достоинстве римлян, неожиданно выступил против находившихся там варваров. (2) Уничтожив большинство их, он затем переправил войско в их землю, неожиданно истребил все, что попало на пути, и, вопреки всякому ожиданию освободив подвластные римлянам области от свирепости варваров, был избран местными войсками в императоры...

... Таковы были дела в прирейнских областях. (31) Между тем бораны, готы, карпы и уругунды (племена, живущие по Истру), не оставили неопустошенной ни одной части Италии и Иллириды⁴, всем завладевая без всякого противодействия. Бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе. (2) Пока у них были цари, получавшие власть по праву наследства от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых им императорами даров они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. (3) Когда же по исчезновении царского рода⁵ во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились домой⁶. (32) Когда скифы стали опустошать все, что было на пути, жители побережья Понта удалились в глубь страны и в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань. Когда Суксесиан⁷, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы, опасаясь, чтобы

¹ [Упомянутое лишь у Зосима «готское» племя на Дунае, совершавшее походы вплоть до Малой Азии по черноморскому побережью вдоль Кавказа].

² [Племя, быть может, идентичное с Птолемеями (III, 5, 10) фругундионами или бургионами, называемыми им в числе прочих протославянских племен на Дунае].

³ [Будучи правителем Паннонии (Пеонии) и Мезии в правление императора Галла, Эмилиан был провозглашен подчиненными ему войсками императором в 253 г. и убит ими же по прошествии нескольких месяцев].

⁴ [т. е. Иллирика].

⁵ [Имеется в виду династия Тибериев Юлиев, правившая на Боспоре с 71 по 262 г. н. э.].

⁶ В 252 г. н. э.

⁷ [Начальник римского гарнизона в Питиунте при императоре Валериане, впоследствии префект претория (упомянут также у Григория Тавматурга (Migne, Patr. Graeca, X, 1037)].

гарнизоны других укреплений, узнав *об этом* и соединившись с питиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Питиунтом многих из своих. (2) Жители *побережья* Эвксинского Понта, спасенные, как мы рассказали, искусными действиями Суксесиана, надеялись, что скифы, отбитые сказанным способом, никогда больше не *осмелятся* переправиться. Но когда Валериан¹ отозвал Суксесиана, дал ему должность при дворе и вместе с ним занялся делами Антиохии и ее заселением, скифы снова взяли у боспорцев суда и переправились в *Азию*. (3) Удержав суда и не позволив боспорцам, как прежде, возвратиться с ними домой, они пристали вблизи Фасиса, где, как говорят, было построено святилище фасианской Артемиды² и дворец Ээта. Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Питиунт. (33) Без малейшего затруднения взяв *это* укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше. Раздобыв большое количество судов и воспользовавшись для плаванья пленными, умевшими грести, они при тихой погоде, простоявшей почти все лето, подступили с моря к Трапезунту, большому и многолюдному городу, имевшему, кроме местных солдат, десять тысяч других. (2) Начав осаду, они даже во сне не надеялись взять *силой* город, обнесенный двумя стенами, но, узнав, что солдаты преданы лени и пьянству, не всходят даже на стену и не упускают ни одного случая понежиться и попировать, они приставили к стене в доступном месте заранее приготовленные для этого бревна и, небольшими кучками взобравшись по ним ночью, взяли город; одни из солдат, пораженные внезапным и неожиданным нападением, бежали из города через другие ворота, а другие были перебиты неприятелями. (3) Взяв город таким способом, варвары овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных; ибо почти все окрестные жители собрались в этот город, как в безопасное убежище. Истребив храмы и жилища и *вообще* все, что служило к украшению или увеличению *города*, а затем опустошив и *всю* его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей³.

34. Соседние скифы, увидев привезенные богатства, возымели желание совершить *нечто* подобное и стали заготавливать суда, воспользовавшись при их постройке помощью бывших у них пленников или *людей*, прибывших с торговыми целями. Они не признали возможным совершить экспедицию одинаковым с боранами способом, как продолжительную, трудную и по опустошенным уже местностям. (2) Выждав зимнего времени, они оставили Эвксинский Понт влево, причем сухопутные силы пошли параллельно *с судами* по берегам через удобные места, миновали по правую руку Истр, Томи и Анхиал и пристали к Филеатинскому озеру⁴, лежащему у Понта на западном повороте к Византию. Узнав, что местные рыбаки с имевшимися у них лодками спрятались в прилегающих к озеру болотах, *варвары* мирным путем привлекли их на свою сторону, посадили *на суда* сухопутную рать и двинулись к переправе через пролив между Византием и Халкедоном. (3) Хотя в самом Халкедоне и *затем* до святилища у устья Понта была стража, значительно превывшавшая *численностью* напавших, но одни из солдат удалились, якобы желая встретить посланного императором военачальника, а другие пришли в такой ужас, что при *первом* слухе о *нашествии* бежали без оглядки. После этого варвары пере-

¹ [Римский император], 253—260 гг.

² [Фасианскую богиню, именуемую Зосимом Артемидой, Арриан отождествляет с Реей Кибелой. См. А г г., РРЕ, 9].

³ В 256 г. н. э.

⁴ [Это озеро, названное так по городу Филе, иначе именовалось Дельнос, современное Деркос, у мыса Кара-бурун на фракийском берегу Червого моря].

правились и, взяв Халкедон без всякого сопротивления, овладели деньгами, оружием и разной утварью в огромном количестве.

35. *Затем* они пошли на Никомедию¹, огромный и благоустроенный город, пользовавшийся широкой известностью по богатству и благоденствию во всем. Так как ее жители, заранее узнав о *нашествии*, успели спастись бегством, то варвары, захватив сокровища, какие только могли, изумились изобилию найденных *богатств* и всячески чтили и ублажали Хрисогона², давно склонявшего их пойти на Никомедию. (2) Совершив набег на Nikeю, Киос, Апамею и Прусус³ и поступив подобным образом в этих *городах*, они устроились на Кизик, но не могли переправиться через реку Риндак⁴, широко разлившуюся вследствие больших дождей, и отступили назад. Предав пламени Никомедию и Nikeю и сложив добычу на повозки и суда, они стали думать о возвращении на родину, положив таким образом конец второму нашествию.

36. Валериан, узнав о событиях в Вифинии, вследствие недоверия не решался поручить ни одному из военачальников защиту против варваров и, послав Феликса охранять Византий, сам прошел от Антиохии до Каппадокии...

37. При таком положении дел на Востоке, когда все было безвластно и беспомощно, скифы, вступив в соглашение и сплотившись воедино из всякого племени и рода, одной частью своих полчищ опустошали Иллирию и разоряли в ней города, а другая часть заняла Италию и дошла до Рима...

38. Испуганный всем этим, Галлиен⁵ возвратился в Рим, чтобы распорядиться ведением войны, принесенной скифами в Италию...

39. Когда скифы опустошили Элладу, взяли приступом самые Афины и уже заняли Фракию, Галлиен выступил на борьбу с ними.

40. При таком положении *дел* на Востоке Галлиен, занятый войной со скифами, получает известие, что начальник всей конницы Авреол, поставленный в городе Медиолане стеречь проход Постума в Италию, задумал измену и стремится к присвоению верховной власти. Испуганный этим, Галлиен немедленно отправился в Италию, передав главное начальство в войне со скифами Маркиану, человеку весьма искусному в военном деле. (2) Между тем как последний удачно вел войну, Галлиен по пути в Италию делается жертвой следующего замысла... [*следует рассказ о смерти Галлиена и Авреола*].

42. В это самое время остальные скифы, ободренные предыдущими *удачными* набегами, соединившись с герулами, певками⁶ и готами и собравшись у реки Тиры, впадающей в Понт, построили шесть тысяч (ἑξακισχίλια)⁷

¹ [Столица Вифинии, на берегу Мраморного моря, на месте современного Измида].

² [Ближе не известный готский вождь].

³ [Города Вифинии на побережье Мраморного моря].

⁴ [Одна из крупнейших малоазийских рек, современная Адирна, к западу от устья которой расположен был город Кизик].

⁵ [260—268 гг. н. э.].

⁶ Главу 42 эксцерпировал Свид а с. v. Σύμμα. — Ερούλους [Ερούλους издается у Свиды. Дексипп в «Хронике» пользуется иногда формой 'Ελούροι, откуда произошло вышеприведенное название; есть и другие, также пользующиеся этой формой, ср. Geizer, JPTH., 1884, стр. 318 сл. Αἰρούλος, однако Синкелл, I, p. 717, 9; 720, 15, который также следовал Дексиппу. — Πεύκας] Πευκίτας (Πευκίας, Suidas... Ρεῦσι v. Claud., 6, 2, что происходит также из Дексиппа. Πευκίτους Casaubonus» (Mendelssohn) [Герулы известны также под именем гелуров (Sterph. Byz., s. v. 'Ελούροι), а певки должны быть идентичны Страбоновым певкинам (VII, 3, 15)—бастарнам, жившим на острове Певке в устье Дуная].

⁷ ἑξακισχίλια] ἐνακίσια Suidas. ἐς или ὡς δισχίλια Casaubonus, сопоставляя с Claud., 6, 5, что, как кажется, должно принять, ср. Wietensheim-Dahm., I, 557, 4. Также «duo pavium milia» у Amm., XXXI, 5, 15, должно, видимо вместе с Моммсеном, RI, V, 219, 226, произвести отсюда» (Mendelssohn).

судов и, сев на них в *количестве* трехсот двадцати тысяч человек, двинулись по Понту. Нападение на укрепленный стенами город Томы было отбито; пройдя вперед, они напали на мезийский город Маркианополь, но тоже неудачно, и *затем* с попутным ветром двинулись дальше. (2) Когда они достигли узкого пролива Пропонтиды, множество кораблей не в состоянии были справиться с быстротой течения, и поэтому суда сталкивались друг с другом и неслись по волнам в полном беспорядке, так как кормчие покинули рули; вследствие этого некоторые суда потонули вместе с экипажем, другие разбились пустыми, причем погибло большое количество людей и судов. (43) Поэтому варвары удалились из теснин Пропонтиды и поплыли на Кизик, но должны были отступить от него без всякого успеха. Миновав *затем* Геллеспонт, они были занесены течением до Афона и, исправив там свои суда, осадили Кассандрию¹ и Фессалонику. Они придвинули к стенам осадные машины и едва не взяли эти *города*, но, узнав о приближении императора, удалились внутрь страны и опустошили все селения по Доберу² и Пелагонию³. (2) Потеряв там три тысячи *людей* в стычке с конницей далматов, они с остальными *силами* вступили в борьбу с императорской армией. Когда произошло сражение и с обеих сторон пали⁴, римляне отступили, но затем, неожиданно напад на варваров по неизвестным им дорогам, истребили пятьдесят тысяч человек. Часть скифов, объехав морем Фессалию и Элладу, стала опустошать тамошние местности, не имея возможности нападать на города, успевшие позаботиться о стенах и прочих средствах защиты, но захватывая всех, кто попался в полях.

45. Когда Египет таким образом подпал под власть пальмирцев, оставшиеся в живых после битвы Клавдия⁵ со скифами при Наиссе⁶, выдвинув вперед повозки, двинулись в Македонию, но вследствие недостатка продовольствия, мучимые голодом, гибли вместе с упряжными животными. Римская конница, встретив их при их движении вперед, многих перебила и остальных отбросила на Гем. (2) Окруженные римскими войсками, они потеряли не малое *количество людей*, но, когда после разделения пехоты и конницы император решил, чтобы пехота сражалась с варварами, произошло жаркое сражение, в котором римляне обратили тыл и многие были убиты; но появившаяся *во-время* конница умерила тяжесть понесенного поражения. (46) Когда скифы двинулись вперед и римляне следовали за ними, варвары объехали морем Крит и Родос, но не сделали ничего достойного внимания и возвратились. Затем все они подверглись заразной болезни и одни погибли во Фракии, другие в Македонии. (2) Уцелевшие от нее или были зачислены в римские легионы, или получили там землю и занялись земледелием...

48. Аврелиан⁷, укрепив свою власть, выступил из Рима и пошел на Аквилею, а оттуда двинулся к пеонийским племенам, узнав о нападении на них скифов⁸. Разослав лазутчиков с извещением, чтобы в города сво-

¹ [Иначе Потидею, город и крепость на полуострове Паллене в Македонии].

² [Область с одноименным городом в Пеонии (современный Дойран)].

³ [Область и одноименный город (в древности Гераклея Линкестиды) в северной Македонии близ современного Барна].

⁴ «Stephanus указал на лакуну. Выпало *καλλῶν πικροκαλλῶν* или нечто подобное» (Mendelssohn).

⁵ [Марк Аврелий Клавдий (II), римский император (268—270 гг.)].

⁶ Теперь Ниш, город в Сербии. Битва была в 269 г.

⁷ 270—275 гг.

⁸ Это «настолько небрежно описано Зосимом, что можно сомневаться, подразумевает ли он первое вторжение ютунгов (De x., fr. 24; FHG, III, 682)—каково мнение Wietensheim'a, I², 558 сл. и других,—или вандалов (De x., FHG, III, 685). Думаю, что вместе с Schiller'ом, I, 852, должно подразумевать вандалов» (Mendelssohn).

зился хлеб, скот и вообще все, что могло быть полезно неприятелям, он надеялся этим увеличить грозивший им голод. (2) Когда варвары переправились и в Пеонии произошло нерешительное сражение, наступившая ночь сделала победу сомнительной для обеих сторон; ночью варвары перешли реку и с наступлением дня завели переговоры о перемирии.

49. Император, узнав, что аламанны и соседние с ними племена намереваются вторгнуться в Италию, и, естественно, заботясь более о Риме и окружающих его местностях, направился в Италию, оставив в Пеонии достаточные силы для ее защиты...

53. Когда Тацит вступил на римский престол и получил власть¹, скифы, переправившись через Меотийское озеро и Понт, совершили набег до Киликии. Выступив против них, Тацит одних победил и истребил сам, а других передал назначенному начальником дворца Флориану и двинулся в Европу... [*следует рассказ о смерти Тацита и о гражданской войне между Флорианом и Пробом*].

64,2... Когда обе стороны изготавились к войне, Флориан, прибыв в Тарс, решил стать здесь лагерем, оставив не оконченной победоносную борьбу против боспорских скифов...

71... [Проб], приняв скифское племя бастернов, изъявившее ему покорность, поселил их во фракийских местностях, и они стали жить по римским обычаям...

КНИГА II

21. Константин, узнав, что савроматы, живущие у Меотийского озера, переправившись на судах через Истр, опустошают подвластную ему землю, повел против них войска. Варвары выступили против него под предводительством своего царя Равсимода². Сначала савроматы приступили к городу³, снабженному достаточным гарнизоном; поднимающаяся от земли вверх часть стены его была построена из камня, а верхняя часть была деревянная. (2) Поэтому савроматы, рассчитывая без всякого труда взять город, если сожгут деревянную часть стены, стали подпускать огонь и стрелять в стоявших на стене. Когда же стоявшие на стене поражали варваров сверху стрелами и камнями и убивали их, Константин приблизился, напал на варваров с тыла, многих перебил и еще большее число взял живыми, так что остальные обратились в бегство. (3) Равсимод, потеряв большую часть своих полчищ, сел на суда и переправился через Истр с намерением снова опустошить римскую область. Услышав об этом, Константин последовал за ним, также переправившись через Истр, и напал на варваров, сбежавшихся на один холм, покрытый густым лесом. Он многих убил, в том числе и самого Равсимода, и многих взял живыми, а остальную часть, протянувшую руки, принял под свою власть и с большим количеством пленных возвратился в столицу.

31,5... Когда скифский род Таифалов⁴ сделал набег в количестве пятисот всадников, [Константин] не только не сразился с ними, но, потеряв большую часть своего войска и увидев, как они опустошали область до самого рва, был рад, что спасся бегством.

¹ В 275 г. н. э.

² В 322 г. н. э.

³ [Кампону в Нижней Паннонии, Optatian., Porphyg., VI (XXII) 14 сл.].

⁴ [Упоминается также у Amm. Marc., XVII, 13, 19 и у Eut., VIII, 2, как «готское» племя на среднем Дунае].

33. Константин, изменяя прекрасно установленное, разделил единое *царство* на четыре области: одному наместнику он передал весь Египет... Восток до Месопотамии, кроме того Киликию, Каппадокию, Армению и все поморье от Памфилии до Трапезунта и укреплений на Фасисе, ему же поручил он и Фракию, ограничиваемую Мезией до Асема¹ и Родопой до города Топера²... (2) Другому *поручил* Македонию, Фессалию,... сверх того иллирийцев, даков, трибаллов и пеонов до Балерии³, а кроме того Верхнюю Мезию...

КНИГА III

1. После такого поступка с Цезарем Галлом сам Константин из Пеонии переправился в Италию⁴. Видя, что подвластные римлянам области повсюду отняты варварскими нашествиями, что франки, аламанны и саксы заняли уже сорок лежащих по Рейну городов и самые *города* разорили, а жителей их в бесчисленном количестве захватили *в плен* с неисчислимым богатством добычи, а квады и савроматы безбоязненно совершают набеги в Пеонию и Верхнюю Мезию,... приняв *все* это в соображение и не зная, что делать, он полагал, что один не в состоянии будет помочь столь печальному положению дел...

2,2... Устроив таким образом дело с Юлианом, сам Констанций отправился в Пеонию и Мезию и, уладив там дела с квадами и савроматами, обратился на Восток...

10,2. Прибыв в Реты⁵, откуда берет начало Истр и, минуя Норик и всю Пеонию, а кроме того даков, фракийских мезийцев и скифов, впадает в Эвксинский Понт, [Юлиан] заготовил речные суда и сам с тремя тысячами двинулся вперед по Истру⁶...

КНИГА IV

5,2...⁷ [Прокопий] вместе со всеми домашними бежал к Эвксинскому Понту и оттуда, сев на корабль, переправился в Херсонес Таврический. Пробыв там некоторое время, он заметил, что жители его не заслуживают никакого доверия, и, боясь быть выданным лицам, прибывшим искать его, видя шедшее мимо грузовое судно, вверил ему себя и домашних и достиг Константинополя еще ночью...

7,2... [Прокопий] послал некоторых знатных лиц к предводителю скифов, живших выше Истра. Последний прислал ему *в качестве* союзников десять тысяч человек цветущего возраста. Другие варварские племена также собрались, чтобы принять участие в замысле *Прокопия*..

10. Император Валент после кончины Прокопия многих казнил и еще большее количество *лиц* наказал конфискацией имущества.

¹ [Приток Дунай, вытекающий из Гема (Балкан), современная река Осем с крепостью Ансам у ее устья].

² [Добера, о котором см. выше, Z o s., I, 43].

³ [Часть Паннонии, выделенная Галерием в особую провинцию и названная им так в честь его жены].

⁴ В 355 г.

⁵ [Т. е. в Рецию или в Ретийские Альпы].

⁶ В 361 г.

⁷ В IV, 4—9, Z o s и м рассказывает о мятеже, поднятом Прокопием, родственником Юлиана, против Валентиниана и Валента.

К походу против персов явилось препятствие в том, что отряд живших выше Истра скифов беспокоил римские границы. Выслав против них достаточную силу, он удержал их от движения вперед и, принудив сдать оружие, распределил их по своим городам, лежащим при Истре, приказав держать их на свободе под надзором. Это были те *люди*, которых предводитель скифов послал в качестве союзников к Прокопию. (2) Поэтому *предводитель* просил императора отпустить их, говоря, что выслал их по просьбе тогдашнего владыки; но Валент не обратил никакого внимания на его просьбу: он говорил, что эти *люди* были посланы не к нему и взяты не как друзья, а как враги. Эта причина раздула скифскую войну¹. (3) Император, узнав, что скифы намереваются сделать набег на римские пределы и для этой цели уже собрались все величайшей готовностью, расставил войско по берегу Истра, а сам поселился в Маркианополе, величайшем из фракийских городов, и заботился о военных упражнениях солдат и, главным образом, о том, чтобы у них не было недостатка ни в каком провианте. (4) Он назначил начальником двора Авксония², отпустив от двора за старостью Салюстия, уже во второй раз исполнявшего эту должность. Авксоний, несмотря на предстоящую столь важную войну, действовал справедливо при взыскании податей, не допуская, чтобы кто-либо был обременен вопреки закону и долгу, и на множестве грузовых судов подвозил продовольствие для войск по Эвксинскому Понту к устьям Истра, а оттуда на речных судах развозил в склады лежащих по реке городов, так что все нужное для войска было наготове. (11) Когда все это было устроено еще зимой, с началом весны император выступил из Маркианополя и, переправившись вместе с охранявшими Истр войсками, напал на варваров в их собственной земле. (2) Последние не осмелились противостать в открытом бою, а спрятались в болота и оттуда тайком совершали нападения. *Тогда император* приказал войскам стоять на месте, созвал, сколько было, рабов и людей, которым была поручена охрана обоза, и обещал давать определенную сумму золота всякому, кто принесет голову варвара. (3) Немедленно все, возбужденные надеждой на прибыль, рассыпались по лесам и болотам, убивали встречаемых варваров и, показывая головы убитых, получали установленную *плату*. Когда таким образом погибло большое количество *варваров*, остальные стали просить у императора перемирия. (4) Последний не отверг просьбы, и *таким образом* состоялся договор, не постыдный для римского достоинства: было решено, чтобы римляне владели в полной безопасности *всем* тем, чем владели прежде, а варварам было запрещено переправляться *через Истр* и вообще нападать когда-либо на римские владения.

20. Императору Валенту представились с разных сторон многие войны... (3) При таком положении дел на жившие выше Истра скифские племена напало некое варварское племя, раньше не известное и тогда внезапно появившееся. Их называли уннами³; *остается неизвестным*, следует ли называть их царскими скифами, или *признать* за тех курно-

¹ Ср. Eunap., fr. 37.

² [Corrector Tusciae в 362 г.; vicarius Asiae в 365 г.; в 367 г. заступил место упомянутого ниже Салюстия Секунда в должности praefectus Orientis].

³ «Eunap., fr. 41; Wietersheim-Dahn, II², 14 сл. То, что Зосим передает о происхождении гуннов, переписано им из Евнапия «составившего все это из старинных сведений на основании вероятности и логики» (более точное изложение, которое там же обещает Евнапий, определенно никогда не появлялось, ибо упоминаемое Фотием второе издание, без сомнения, вышло из рук какого-либо христианского книжника)» (Mendelssohn).

рых и бессильных людей, которые, по словам Геродота¹, жили по Истру, или они перешли в Европу из Азии. Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаиса², дал им *возможность* перейти сухим путем из Азии в Европу. (4) Явившись вместе с конями, женами, детьми и всем имуществом, они напали на живущих выше Истра скифов. Они совсем не могли и не умели вступать в правильную битву (да и как *могли бы сделать это люди*, не могущие даже твердо стоять на ногах, а живущие и спящие на лошадях?), но делая объезды, вылазки и своевременные отступления, выстрелами *из луков* с лошадей перебили бесчисленное множество скифов. (5) Делая это непрерывно, они довели скифов до такого *отчаянного* положения, что оставшиеся в живых, покинув свои жилища, предоставили их для жительства уннам; а сами в бегстве переправились на другой берег Истра и, простирая руки, умоляли, чтобы император принял их, обещая исполнять *все* обязанности верных и надежных союзников. (6) Когда начальники гарнизонов в *лежачих* на Истре городах представили этот вопрос на волю императора, Валент позволил принять *скифов*, если они предварительно сложат оружие. Начальники отрядов и низшие военные чины, переправившись за Истр с тем, чтобы препроводить варваров без оружия в римские пределы, занялись исключительно выбором красивых женщин, охотой на взрослых мальчиков для гнусных целей и приобретением рабов или земледельцев и, обратив внимание только на это, пренебрегли всем другим, что относилось к общественной пользе, вследствие чего большинство *варваров* незаметно переправилось с оружием. (7) Лишь только вступили они на римскую землю, как забыли свои мольбы и клятвы, и вся Фракия, Пеония³ и области до Македонии и Фессалии наполнились варварами, опустошавшими *все* на своем пути. (21) При виде величайшей опасности, грозившей этим областям, поспешили к императору с известием о случившемся. Последний, уладив по возможности дела с персами, поспешно отправился из Антиохии в Константинополь и оттуда, хотел двинуться во Фракию на войну с перебежавшими скифами...

22. Император Валент, видя, что скифы уже опустошают всю Фракию, решил сначала выслать против скифской конницы прибывших с ним с Востока и весьма искусных в кавалерийских битвах [сарацинов]. (2) Последние, получив приказ от императора, стали выезжать небольшими группами из ворот Константинополя и, поражая дротиками отсталых скифов, ежедневно приносили много голов *убитых*. Скифы, видя трудность борьбы с быстротой их коней и меткостью дротиков, задумали перехитрить сарацинское племя: спрятавшись в засаду в низменных местах, они решили напасть по-трое на одного сарацина. (3) Но и эта попытка не удалась, так как сарацины, благодаря скорости и понятливости своих коней, имели возможность убегать при виде большого количества нападающих, но в свою очередь нападали на отсталых и поражали их дротиками. *Вследствие этого* произошло такое избиение скифов, что они в отчаянии предпочли лучше переправиться *обратно* за Истр и пре-

¹ «Ср. прим. к Нег., V, 9» (Mendelssohn).

² Ταναΐδος| Ὑάντιος (река Кубань) так написал или должен был написать Зосим. Если же он сам поставил Танаис, то, значит, он небрежно экскерпировал источник, в котором было видно, что они некогда жили за Танаисом (ср. Agath., V, 11) (Mendelssohn). Об этом ср. Eunap., fr. 42.

³ «Πιονία| Μοζία хотел бы Reitemeier. Однако, кажется, это имя, совершенно неподходящее, Зосим добавил по своему обычаю, и потому не нужно ничего менять. Eunap., fr. 42» (Mendelssohn).

даться уннам, нежели всем погибнуть от *рук* сарацинов. Когда они покинули окрестности Константинополя и ушли дальше, императору представилась возможность провести вперед свое войско. (4) Когда он раздумывал, каким образом следует вести *эту* войну при нашествии такого множества варваров,... Севастиан¹, покинув Запад,... прибыл в Константинополь. (23) Валент, узнав об этом и зная доблести Севастиана в военном деле и во всех делах государственных, избирает его полководцем и вверяет ему главное начальство в войне... (4) *Севастиан*, дав своим *солдатам* такую подготовку во всех военных делах, стал занимать укрепленные стенами города, всячески заботясь о безопасности своего войска, постоянно нападал из засад на фуражные отряды варваров и то истреблял их, застигая обремененных множеством добычи и овладевая этой добычей, то резал пьяных или купающихся в реке. (5) Когда он истребил большую часть варваров при помощи таких хитростей и осталшая *часть* перестала выходить на фуражировку из страха перед *таким* полководцем, против него возбуждается величайшая зависть. Она породила ненависть, а следствием ее *явилась* клевета перед императором, к которой побуждали дворцовых евнухов *люди*, отставленные от должностей. (6) Когда император таким образом был увлечен к неосновательным подозрениям, Севастиан советовал ему оставаться на месте и не выступать дальше вперед, говоря, что не легко вести открытую войну с такими полчищами и следует объездами и неожиданными нападениями затягивать время до тех пор, пока варвары, доведенные до отчаяния недостатком продовольствия, или сдадутся, или выйдут из подвластных римлянам местностей, предпочитая лучше предаться уннам, чем погибнуть в страшных мучениях, которые обыкновенно бывают следствием голода.

24. Между тем как он давал такие советы, его противники просили императора выступить на войну со всеми силами, так как варвары будто бы совершенно уже погибли и император без труда одержит победу. Когда это худшее мнение одержало верх, — так как *сама* судьба вела дела к худшему, — император вывел все войско в полном беспорядке на битву. (2) Варвары, напав на него врасплох и одержав в битве решительный перевес, перебили почти всех поголовно. Император с немногими *людьми* спасся бегством в одну неукрепленную деревню; но варвары, отовсюду обложив деревню *горючим* материалом и подложив огонь, сожгли бежавших в нее вместе с жителями, так что никто не мог даже отыскать труп императора²...

25. Когда император Феодосий пребывал в Фессалонике, многие отовсюду стекались *туда* с общественными и частными нуждами и, получив удовлетворение, удалялись. *Между тем* большое количество живших выше Истра скифов, именно готов, таифалов и других племен, раньше ведших одинаковый с ними образ жизни, переправившись *через Истр*, принуждено было беспокоить бывшие под властью римлян города вследствие того, что множество уннов заняло обитаемые этими *племенами* области; император Феодосий стал готовиться со всем войском к войне. (2) Вся Фракия была уже занята вышеупомянутыми племенами, и гарнизоны городов и местных крепостей не смели выйти даже недалеко из-за стен, не говоря уже о рукопашных схватках в открытом поле. Тогда

¹ [Комит и один из военачальников Юлиана во время персидской войны; в 377 г. перешел из Италии к императору Валенту и был назначен им главным военачальником против готов (A m m. Marc., XXXI, 14, 2—4)].

² В 378 г. См. Philostorg., IX, 17; Socr., IV, 34; 35; 38; Theodor., IV, 32.

Модар¹, происходивший из скифского царского рода, но незадолго *перед тем* перебежавший к римлянам и за выказанную верность получивший начальническую должность в войске, незаметно для варваров поднялся со своими солдатами на один ровный и покрытый землей холм, растянутый в длину и имевший у подошвы большие ровные пространства; узнав через лазутчиков, что на расстилавшихся под холмом равнинах все неприятели, воспользовавшись богатствами, найденными в полях и неукрепленных деревнях, лежат пьяными, *Модар* тихо приказывает солдатам захватить с собой только мечи и щиты, бросив остальные, более тяжелые доспехи, и, оставив обычный сомкнутый строй, *врасыпную* напасть на варваров, уже совершенно предавшихся неге. (3) Когда это было исполнено, солдаты, напав на варваров незадолго до рассвета, всех их перебили, причем одни даже не пришли в сознание, другие были изранены, приходя в себя, и все были истреблены разными способами. Когда не осталось в *живых* ни одного мужчины, *солдаты Модара* сняли оружие спавших, *затем* устремились на женщин и детей и взяли четыре тысячи повозок и пленных столько, сколько можно было везти на стольких повозках, исключая следовавших за ними пешком и отдыхавших на них попеременно, как в обычае у *варваров*. (4) Когда полководец таким образом воспользовался удобным случаем, Фракия, которой грозила самая печальная участь, на время успокоилась после столь неожиданной гибели *пребывавших* в ней варваров².

26. Когда унны, как я рассказал *выше*³, сделали нашествие на живущие за Истром племена, скифы, не выдержав их набегов, еще в царствование Валента обратились с просьбой принять их во Фракию *с условием*, что они будут исполнять обязанности союзников и подданных и повиноваться всем повелениям императора. (2) Тронутый этими словами, Валент принял их, но, полагая, что будет иметь надежный залог их верности, если прикажет воспитывать их детей, еще не достигших возмужалости, где-нибудь в другой стране, выслал на Восток большое количество мальчиков и поставил Юлиа *следить* за их воспитанием и охраной...

34.⁴ Император Грациан назначил начальником расположенных в Иллирийской области военных отрядов Виталиана, человека, совершенно неспособного справиться с затруднительным положением дел. (2) Во время его командования две части живших за Рейном германских племен, одна под предводительством Фритигерна⁵, а другая под начальством Аллотей⁶ и Сафрака⁷, нападая на кельтские племена, поставили императора Грациана в необходимость предоставить им *возможность* покинув Кельтику и *переправившись* через Истр, занять Пеонию и Верхнюю Мезию: у него был расчет и старание освободиться на время от постоянных их набегов. (3) Переправившись на этих *условиях* через Истр и намереваясь через Пеонию перейти в Эпир, *затем* переправиться через Ахелой и напасть на эллинские города, они решили сначала запастись продоволь-

¹ [Гот, magister militum во Фракии в 379 г.; позже, может быть, также magister praesentalis, см. W. Ensslin, Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches, «Klio», XXIV (1930—31), стр. 139].

² В 379 г.

³ См. Zos., IV, 20.

⁴ В главе 34 «изложение очень запутано по вине самого Зосима, который нечаянно смешал дела аламаннов (ср. Mommsen, ed. Iordani, p. 95, 9), нападавших на Галлии, и готов» (Mendelssohn). Ср. об этом Schiller, II, 399 сл.

⁵ [См. о нем у Zos., IV, 33].

⁶ [Ближе не известный готский военачальник].

⁷ [Знатный гот, опекун молодого царя Видерика. См. Iorn., Get., XXVI, 134].

ствием и устранить Атанариха¹, начальника всего царского рода скифов, чтобы не иметь с тыла никакой помехи своему намерению. (4) Итак, напав на него, они без всякого труда выгнали его из занятой им области. Атанарих бежал к Феодосию... Последний благосклонно принял его вместе с *бывшими* с ним варварами, выйдя далеко вперед из Константинополя, и, когда Атанарих немедленно *после этого* умер, почтил его царским погребением. (5) Роскошь погребения была столь велика, что все варвары были поражены ее чрезмерностью, и скифы, изумленные великодушием императора, возвратились домой и перестали беспокоить римлян, а все прибывшие вместе с покойным стали усердно охранять берег и надолго воспрепятствовали *варварам делать* набеги на римлян. В то же время судьба послала Феодосию и другие удачи: (5) он отразил скиров и карподаков², соединившихся с уннами, и, победив в бою, принудил переправиться *назад* за Истр и занять свои области...

35. Так император Феодосий, казалось, поправлял неудачи. Между тем Идотей³, собрав огромные полчища не только из соседних с Истром племен, но и из весьма отдаленных и неизвестных, стал наступать со всеми *этими* полчищами и хотел переправиться через реку; но начальник фракийской пехоты Промот, выступив навстречу сухим путем и на речных судах, совершил такую резню, что и река наполнилась трупами и павших на суше не легко было пересчитать⁴...

38... Около того же времени появилось за Истром некое скифское племя, неизвестное всем тамошним кочевникам; местные варвары называли их гротингами⁵. Будучи в *большом* количестве, имея надлежащее вооружение и, кроме того, отличаясь телесной силой, они легко прошли лежавшие по дороге варварские земли, появились на самом берегу Истра и потребовали дозволения переправиться через реку. (2) Промот, которому было вверено начальство над местными войсками, растянул войска по берегу реки на возможно большее расстояние и старался заградить доступ варварам. Вместе с этим он избрал и другой путь, *именно* следующий. Созвав из понимающих варварский язык несколько лиц, которым он решил особенно довериться в подобном деле, он предоставил им завести с варварами переговоры об измене. (3) Последние потребовали у *варваров* значительную сумму денег за выдачу римского полководца *вместе* с его войском. Когда варвары сказали, что у них нехватит такой суммы, подосланные полководцем, чтобы внушить доверие к своим словам, настаивали на *своем* первоначальном предложении, не допуская *возможности* сколько-нибудь уменьшить прибыль. Наконец, обе *стороны* сошлись на известной сумме, было заключено тайное условие касательно измены и решено было, чтобы одну часть платы предатели получили немедленно, а остальная была сбережена до времени победы. Когда они определили и способ, каким следовало подать сигнал, и время, в которое

¹ [См. о нем Socr., IV, 33].

² [Идентичны с упомянутыми выше (1, 27) карпами, ср. также Ptol., Geogr., III, 5, 10].

³ [Гот, предводитель гротингов (см. ниже); упомянут также у Claudian, de VI cons. Non., 623 сл.; связанные с его именем события относятся к 386 г., который был также, видимо, годом его гибели. Ср. RE, XVII, 2].

⁴ В 386 г. Ср. Schiller, II, 404.

⁵ Γροτίγγους Salmasius к v. Probi, 18, 2 и Valesius к Amm., XXXI, 3, 5, Προβίγγους U.; ср. Zeus, стр. 407, 1; 422* (Mendelssohn). [Также грейтунги—племя, принадлежавшее к числу так называемых остготов, упомянутых также в SHA, Claud., 6, 2; Eutr., II, 153; по Amm., Marc., XXXI, 3, 1, называющему имя их царя Видерика, они были соседями алан].

следовало привести в исполнение измену, *мнимые изменники* сообщают полководцу о том, что варвары с наступлением ночи примутся за дело и совершат переправу против римского войска. (5) Итак, варвары, посадив самую цветущую часть своих полчищ на однодеревки, приказали ей переправиться первой и напасть на спящих еще солдат; затем было приказано воинам средних сил присоединиться к первым, когда они уже начнут нападение, а за ними *должны были* переправиться все наименее пригодные люди, чтобы порадоваться достигнутым уже успехам.

39. Полководец Промот, предуведомленный обо всем этом посланными для измены, приготовился *разрушить все* планы варваров: он поставил корабли носами друг к другу, по три судна в глубину, и, позаботившись о возможно большей длине их линий, занял речной берег на двадцать стадиев с тем, чтобы заградить переправу врагам на таком *пространстве*, а остальных встретить уже при попытке переправиться на однодеревках и потопить всех встречающих. Так как ночь была безлунная, то варвары не могли узнать о приготовлениях римлян; они принялись за дело и в полном молчании и тишине стали садиться на однодеревки, полагая, что римляне вовсе не знают об их планах. (2) Когда были поданы сигналы, мнимые изменники, заранее всё сообщив полководцу и сделав соответственные приготовления распоряжения, на больших кораблях с силами-гребцами поплыли против них и стали топить все, что попадалось *навстречу*, причем никто из падавших *в воду* не мог спастись вследствие тяжести вооружения. (3) Однодеревки, ускользнувшие от плывших на кораблях и попавшиеся судам, вытянутым по длине реки, гибли вместе с людьми, будучи поражаемы чем попало, так что никто не мог перейти за заграждение из римских судов. *Таким образом*, произошло страшное избиение *варваров*, какого раньше еще не бывало в морской битве; река наполнилась трупами и оружием, которое по материалу могло оставаться на поверхности воды; если же кое-где некоторые оказались в состоянии пробиться вплавь, то они гибли, попадая *в руки стоявших* на берегу реки пехотинцев. (4) Когда *таким образом* был истреблен весь цвет варварских *полчищ*, солдаты бросились на добычу, стали уводить детей и женщин и овладели обозом. Тогда полководец Промот пригласил находившегося неподалеку императора Феодосия и сделал его свидетелем удачи. (5) Последний, увидев множество пленных и массу добычи, отпустил пленных на свободу и любезно наградил их дарами, располагая их таким ласковым обращением к переходу на его сторону, так как они могли быть ему полезны в войне с Максимом. Промот остался во главе охран-ных войск во Фракии, выказав свою пригодность к вышеизложенной войне из засады...

КНИГА V

21, 6... Гаин¹... с остальными *воинами* бежал к Истру, найдя Фракию опустошенной предыдущими нашествиями и разграбляя *все* на *своем* пути. Боясь, чтобы другое римское войско, последовав за ним, не напало на бывших с ним немногочисленных варваров, и подозрительно относясь к сопровождавшим его римлянам, он всех их перебил, пока они не про-

¹ О Гайне см. Z o s., IV, 57; V, 7; 13 сл. [Также Гайна (S o c r., VI, 5—6; S o z., VIII, 4, 1—6), гот, поступивший на римскую службу в качестве простого солдата, но быстро возвысившийся до предводительства вспомогательными варварскими силами].

ведали его плана, а с варварами переправился за Истр, намереваясь возвратиться на родину и прожить там остальную жизнь.

22. Таково было намерение Гаина; но Ульд, предводительствовавший в то время уннами¹, считая не безопасным допустить варвару, имеющему собственное войско, иметь жительство за Истром и вместе с тем думая угодить римскому императору его преследованием, стал готовиться к борьбе с ним; собрав свои полчища, он выступил против него. (2) Гаин, не имея уже возможности ни возвратиться к римлянам, ни иначе избежать угрожающего ему нашествия, вооружил своих и пошел против уннов. Войска неоднократно вступали между собой в схватки, и отряд Гаина в нескольких битвах отразил врагов, но когда многие из них пали, то был убит и сам Гаин после упорной и мужественной борьбы.

29. Стилихон получил от кого-то известие, что Аларих, покинув Эпир и перейдя теснины, запирающие проход из Пеонии к венецам, стал лагерем у города Эмоны, лежащего между верхней Пеонией и Нориком². Стоит упомянуть о *преданиях*, относящихся к этому городу, и о начале его заселения. (2) Говорят, что аргонавты, преследуемые Ээтом, пристали к *месту* впадения Истра в Понт и признали удобным подняться по этой *реке* против течения и проплыть по ней на веслах и с попутным ветром до тех пор, пока они не очутятся ближе к морю. (3) Приведа в исполнение свое решение и добравшись до этого места, они оставили память о своем прибытии, основав город, и *затем*, поставив Арго на катки и протаскив ее *на пространстве* четырехсот стадиев до моря, пристали к берегам Италии, как рассказывает поэт Писандр, обнявший, можно сказать, всю мифологию под заглавием браков героев с божествами³.

СОБИРАТЕЛИ ПОСЛОВИЦ

На греческом языке имеется очень много более или менее остроумных пословиц. Их объяснение принадлежало к числу задач грамматиков и уже рано повело к составлению их сборников. Еще в числе сочинений Аристотеля упоминается книга περὶ παροιμῶν, затем изучением пословиц занимались перипатетик Клеарх, стоик Хрисипп, затем Димон, Аристофан Византийский, Аристид Милетский, Дидим Халкентер и особенно Лукилл, уроженец критского города Тарры. До нас сохранилось несколько сборников пословиц из более поздних времен. Наиболее полный принадлежит софисту Зенон⁴ и ю, жившему в Риме во времена императора Адриана; его сборник у Свиды называется: ἐπιστολὴ τῶν παροιμῶν διδύκου καὶ Γερμίου ἐν βιβλίοις γ'. Собранные Зеноном пословицы в средние века были расположены в алфавитном порядке для учебных целей и соединены с двумя другими сборниками в один Corpus paroemiographorum. Затем Schott по предложению Эразма вместо прежнего деления на книги ввел деление на сотни (centuriae), которое удержано и в издании Лейча-Шнейдевина. Кроме сборника

¹ «Гуннов Зосима и Филосторгия Сократ заменяет римлянами» (Mendelssohn).

² [На правом берегу реки Савы (современный Лайбах)].

³ «Reitemeier правильно заметил, что это предание как Зосимом, так и Созоменом (I, 6) заимствовано из Олимпиодора (из Созомена Niseph. Call., HE, VII, 50). Между тем Олимпиодор почерпнул его от Писандра. Что это не тот древний Писандр Камиренский, что вслед за другими (ср. Bernh. d. y., Innere Geschichte der griechischen Litteratur, II³, 1, стр. 375) думал и Ierr., Quaest. Frideric., Aug. Taur., 1881, стр. 16 сл.) или RFC, X, 887 сл. и APh, suppl. XIV, 153—видю из самого упоминания Эмоны, так как Эмона была основана только Августом. Более древняя версия легенды (Plin., III, 128) вместо Эмоны называет Навпорт. Таким образом, Писандр заимствовал этот рассказ от какого-либо более древнего мифографа или поэта, но вместо Навпорта, города, в III в. н. э. почти забытого, он подставил соседнюю и цветущую Эмону» (Mendelssohn).

Сенобия, известны: приписываемый Плутарху сборник александрийских пословиц (Προσάρχοι παροιμίαι, αἱς Ἀλεξανδρεῖς ἐχρόνιστο) и приписываемое Диогению богатое собрание, расположенное в алфавитном порядке (Παρσιμίαι ἀφωρίσεις ἐκ τῆς Διογενιανοῦ συντάξεως). Средневековые сборники Григория Кипрского (XIII в.), Макария Хрисофекала, Апостолия и Арсения (XV в.) составлены на основании вышеуказанных и не имеют самостоятельного значения. Ввиду тесной связи сборников между собой мы даем извлечения из них в одном месте, под одним общим заглавием.

Текст: Corpus paroemiographorum Graecorum. Ediderunt E. L. a Lentsch et T. E. Schneidewin. Tomus I: Zenobius. Diogenianus. Plutarchus. Gregorius Cyprius. Appendix proverbiorum. Götting., 1839; tomus II (ed. E. L. a Lentsch): Diogenianus. Gregorius Cyprius. Macarius. Aesopus. Apostolius et Arsenius. Mantissa proverbiorum. Götting., 1851. Из этого же издания заимствованы и примечания в сокращенном виде, причем вместо цитируемых текстов, уже имеющих в нашем сборнике, делаются только ссылки. [Над новым изданием работал Crusius, давший ряд отдельных исследований. Самое новое издание: «Thesaurus sententiarum», ed. Curotto, Milano, 1930].

Перевод П. И. Прокурова

ЗЕНОБИЙ

СОКРАЩЕНИЕ ИЗ [СБОРНИКОВ] ПОСЛОВИЦ [ЛУКИЛЛА] ТАРРЕЙСКОГО И ДИДИМА, СОСТАВЛЕННОЕ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

(ΕΠΙΤΟΜΗ ΕΚ ΤΩΝ ΤΑΡΡΑΙΟΥ ΚΑΙ ΔΙΔΥΜΟΥ ΠΑΡΟΙΜΙΩΝ ΣΥΝΤΑΘΕΙΣΑ
ΚΑΤΑ ΣΤΟΙΧΕΙΟΝ)

Cent. IV, 38. Печали Ино:... Атамант, женатый первым браком на Нефеле, имел от нее двоих детей: Геллу и Фрикса; после смерти Нефелы он взял себе вторую жену Ино. Последняя, задумав погубить детей Нефелы, уговорила жен местных жителей засушивать хлебные зерна, назначенные для посева; таким образом, земля, принимая засушенный посев, не приносила ежегодных плодов. Атамант послал в Дельфы спросить *оракул о причине бесплодия*. Но Ино, подкупив дарами посланных, уговорила их сказать по возвращении, будто бог ответил, что должно принести в жертву Геллу и Фрикса, если хотят избавиться от бесплодия. Атамант поверил и велел привести к жертвеннику Геллу и Фрикса. Но боги, сжалившись над ними, похитили их, подняв на воздух на злато-рунном баране. Гелла, не будучи в силах удержаться, упала в Геллеспонт, названный так по ее имени, а Фрикс спасся в Колхидскую землю.

Cent. IV, 92. Вымыл бы Пелия: эта пословица произошла от случившегося с Пелием, которого собственные дочери, обманутые Медей, бросили в кипящий котел, чтобы сделать его молодым, и таким образом извели и погубили его. Пелий был царем Иолка; на его вопрос о своем царствовании бог ответил, чтобы он остерегался человека, обутого в одну сандалию. Сначала Пелий не понимал *этого* изречения, но впоследствии узнал *его смысл*. Именно, намереваясь совершить жертвоприношение Посейдону, он пригласил к нему в числе многих других и Язона. Тот, находясь в поле, поспешил к жертвоприношению и при переходе через реку Анавр вышел из нее с одной сандалией, так как другую потерял в воде. Увидев его и сообразив предсказание, Пелий подошел к нему

и спросил: «что ты сделал бы, имея возможность, если бы тебе было предсказано, что ты будешь убит одним из своих сограждан?» — «Я поручил бы ему, — ответил Язон, — принести златорунную шкуру». Услышав это, Пелий приказал ему тотчас же отправиться за тем руном; а оно находилось у колхов, будучи посвящено Аресу, и охранялось неусыпным драконом. Отправляясь за ним, Язон изготовил пятидесятивесельный корабль, названный «Арго», по имени строителя его Арга, и, собрав витязей Эллады, отправился в путь. Прибыв к колхам, он предложил Ээту, царствовавшему в колхидской стране, отдать ему руно. Когда тот отказал в выдаче, дочь его Медея, полюбившая Язона, обещает ему вручить руно, если он покланится жениться на ней и увезет с собой в Элладу. Когда Язон дал *эту* клятву, Медея ночью привела его к руно и, усыпив зельями сторожившего дракона, вместе с Язоном и руном является на «Арго»; за ней следовал и брат ее Апсирт. Ночью аргонавты двинулись с ним в путь. Ээт, узнав о смелом поступке Медеи, бросился в погоню за кораблем; Медея, увидев его приближение, убивает брата и, разрубив его на части, бросает в пучину. Собирая части *тела* своего сына, Ээт отстал в своем преследовании. Возвратившись в Иолк, Язон отдает руно Пелию и, желая отомстить за причиненную ему обиду, просит у Медеи совета, как ему наказать Пелия. Та уговаривает дочерей его сварить отца, обещав сделать *его* юным; для убедительности она разрешила на части барана и, сварив *его*, превратила в ягненка. Дочери *Пелия*, поверив Медее и бросив отца в кипящий котел, варят его.

Cent. V, 25¹. Обычай и страна: Эта пословица говорится потому, что каждый народ имеет свои обычаи.

Сибеки дают царский венец самому рослому или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову².

Горные массагеты вступают в половые сношения на дорогах³.

Савроматы продают дочерей во время попойки⁴.

Тибарены, когда их жены разрешатся от бремени, сами повязывают себе головы и ложатся на постели⁵.

У керкетеев работники носят товары, пока кто-нибудь не купит их⁶.

Исседоны съедают своих родителей, за исключением головы, голову же золотят⁷.

Травсы плачут над рождающимися, а за умирающих радуются⁸.

¹ B[odleiana], 680; Diog., VI, 77; Apost., XIII, 80; Arsen., 368 и в других местах. Macar.: Suidas.

² Cp. Hipp., de aër., aq., loc., 80, p. 289. Foes., т. I, 550 Kuehn., о макрокефалах. См. Tzschukius ad Pomp. Mela Nott. Exeget., I, 19, 11; почти то же рассказывают об эфионах Геродот (III, 20) и Аристотель (Pol., IV, 3, 7 Schneid.).

³ Strabo, XIV, 8, 6, p. 513. См. Her., IV, 172; то же о моссиниках рассказывает Диодор (XIV, 30), о насамонах, агафирсах, авсенсах Геродот (IV, 104, 172, 180), об индах Секст Эмпирик, ук. соч., § 201; остальное см. Tzschukius, I, 19, 10.

⁴ Писатели часто упоминают, что у варваров взрослые дочери продаются с аукциона: делать же это *πρά τότων* было, видимо, свойственно сарматам; см. Tzschukius, II, 2, 4.

⁵ Apoll. Rhod., II, 1010. См. схолии и Bernhardy к Dion. Per., 767.

⁶ [Керкетей должны быть отождествлены с упоминаемыми у многих писателей керкетами на Северном Кавказе].

⁷ Her., IV, 26. Сходное и другим народам Скифии приписывали греки: ср. Plato Euthyd., 299 E; Strabo, VII, 3, 6, p. 298; Sext. Emp., I, c., § 207; Pomp. Mela, II, 1, 9. Solin., 16; схола. к Aristid., Oratt., p. 2 Frommel.

⁸ Cp. Sext. Emp., I, c., § 232; Fischer к Aeschin., Dial., III, 10, p. 139: Lobesck, Aglaoph., II, 801; см. Diog., III, 4.

Бакхирии, если [не] избавятся от болезни, отдадут самих себя *на съедение* собакам¹.

Оргемпей не имеют жилищ и не употребляют в пищу ничего живого. Они и женщины их плешивы вследствие природных свойств воды, которую пьют².

Тиссагеты приносят в жертву богам кости, съедая сами мясо³.

Тавро-скифы приносят в жертву людей⁴.

Cent. V, 59⁵. Скиф ко н я: пословица говорится о тех, кто втайне добивается чего-нибудь, а открыто отклоняет и поносит это. *Об этом* свидетельствует и Пиндар, говоря:

Некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются убитым конем, а тайно обдирают зубами кривые ноги и головы.

Cent. VI, 13⁶. Камешки в колчане: Филарх говорит, что скифы перед отходом ко сну берут колчан и, если провели данный день беспечально, опускают в колчан белый камешек, а если неудачно — черный. При кончине *каждого лица* выносили колчаны и считали камешки; если белых оказывалось больше, то покойника прославляли как счастливец. Отсюда и произошла пословица, что наш добрый день *выходит* из колчана...

НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ ИЗ СВОДА ДИОГЕНИАНА

(ΠΑΡΟΙΜΙΑΙ ΑΝΘΩΔΕΙΣ ΕΚ ΤΗΣ ΔΙΟΓΕΝΙΑΝΟΥ ΣΥΝΑΓΩΓΗΣ)

Cent. II, 27. Хромой действует (οἴφει)⁸ отлично. Рассказывают, что амазонки калечили рождавшихся у них детей мужского пола. Поэтому воевавшие с ними скифы, желая обмануть их, говорили, что они вступят с ними в брак не увечными и не обезображенными, *намекая на то*, что их мужья были обезображены. Но предводительница амазонок сказала в ответ: «Хромой действует отлично», *употребив слово* οἴφει вместо συνουσιάζει.

Cent. V, 11⁹. Скифское выражение о выражающих кому-нибудь дурное пожелание. Такой ответ дали скифы персидскому царю Дарию...

¹ [Бакхирии отождествляются с кавказскими бехирами (Нес., fr. 190; ср. Steph. Byz., s. v. Βέχεϊρ)].

² Видимо, должно сравнить нравы бактрийцев, мидян и других народов, о которых ученым образом рассуждал Z o e g a, de obelisc., 248. Об оргемпях см. Нег., IV, 23 и т. д.; Am m. M a r c., XXII, 8. Кроме того, Г и п п о к р а т, ук. соч., § 121, p. 295 Foes., 566 Kuehn., приписывает то же свойство воде; из новых историков, пытавшихся дать объяснение этой вещи, наиболее важен Brandstaeter, Scythic., 29 сл.

³ Нег., IV, 22; см. T z s c h u c k i u s к Rom p. M e l a, I, 19, 19, примечание, относящееся к этому месту. Не помню, чтобы я где-нибудь читал в другом месте о тиссагетах. Об обрядах скифов при жертвоприношениях см. Нег., IV, 60 сл. и там же Wesselingh i u s.

⁴ О тавро-скифах в целом см. B o e k h, CIG, II, стр. 82; о нравах их—Нег., IV, 103; кроме того, S e x t. E m p., l. c., 208; Am m. M a r c., l. c.; B o e k h, l. c., 89.

⁵ Pl u t., 20; Diog., VII, 12; A p o s t., XIV, 88; A r s e n., 388; E u s t. к Ном., II, I, 140; Suidas. Pind., fr. 217 B o e k h.; incertt., 114 Diog., см. B o e k h., Pind., II, 2, 665.

⁶ B. 895; L u c h t., de Phylarcho, стр. 134; B l o m f i e l d к A e s c h., Perss., 306.

⁷ C [oisliniana], 41; Pl u t., 15; A p o s t., IV, 43; A r s e n., 75 и в других местах. M a s a r.; схолий к Theocr., IV, 62; E u s t. к Ном., II, III, 189, p. 403, 6.

⁸ Точный перевод глагола οἴφειν неудобен для печати

⁹ V[aticana], II, 7; B., 479; Pl u t., 62; A p o s t., IX, 64; XVIII, 55; B e k k., Anecd., I, 305, 1: «Идатирс, царь скифов, когда Дарий послал к нему послов и приказал или слушаться, или решиться на опасность, ответил, что Дарию придется пла-

ПЛУТАРХ

ПОСЛОВИЦЫ, КОТОРЫЕ УПОТРЕБЛЯЛИ
АЛЕКСАНДРИЙЦЫ

(ΠΑΡΟΙΜΙΑΙ ΑΙΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΙΣ ΕΧΡΕΝΤΟ)

Cent. VII, 12. Скиф коня¹: о тех, кто втайне добивается чего-нибудь, а открыто поносит это. Поэтому и Пиндар говорит: «Скифы, на словах гнушающиеся мертвым конем, тайно обдирают его ноги своими кривыми зубами».

Cent. I, 16². Хромой отлично действует. Амазонки калечили рождавшихся у них детей мужского пола, переламывая у них ногу или руку; скифы, воюя с ними и желая заключить мир, говорили, что они вступят в брак со скифами не увечными и не обезображенными. Но Антианира, предводительница амазонок, сказала им в ответ: «хромой отлично действует³».

Cent. I, 20. Скиф коня⁴.

Cent. I, 62. Выражение скифов⁵: скифы ответили персидскому царю Дарию, что они желают ему плакать. Пословица эта относится к тем, кто отрывисто выражает кому-либо дурные пожелания.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ПОСЛОВИЦАМ БОДЛЕЯНСКОЕ,
ВАТИКАНСКОЕ, КОИСЛИНИАНСКОЕ

Cent. II, 80⁶. Садился на шкуру: это делалось у скифов; когда кто-нибудь получал обиду от другого и желал отомстить, но не считал себя одного достаточно сильным для этого, то он приносил в жертву быка и, разрезав его мясо на куски, варил их, а шкуру расстилал на земле и садился на нее, заложив руки назад: это считается у скифов самой великой мольбой. Каждый желающий мог брать часть бычьего мяса и, наступая правой ногой на шкуру, давал обещание помогать обиженному по мере сил. И это считалось у них самой сильной клятвой.

каль»; иначе из Клеарха, *Athen.*, XII, 524 е: «Они господствовали над всеми так надменно, что явившееся следствием этого ни для кого не бесслезное состояние рабства, каким оно было, стало известно у последующих поколений в виде поговорки: скифское выражение». Наконец, Диоген Лаэртий (I, 101) передает, что началом пословицы были свобода и резкость Анахарсиса в речах. После Геродота многие пользовались этой пословицей: см. *Demetr.*, de eloc., 216; *Arist.*, pro IV vir., p. 266: «Сам же ты, клянусь Дием, никогда не сказал, не сделал и не устроил нам ничего приятного... но просто обращаешься с нами так, как говорят, по-скифски»; см. *Boissopadus* к *Aristaen.*, Ерр., II, 20, p. 722.

¹ *Zen.*, V, 59.

² *Diog.*, II, 2. Этой пословицей пользуется Афиней, XIII 568 е: «Поэтому советую тебе... находить удовольствие в домашней жизни и не тратить по пустякам [см. *Zen.*, III, 91] денежные сыновей. Ведь верно «хорошо действует хромой», так как отец твой [читаю по Каibel'ю, со рукописи о], сапожник, воспитал тебя во многом разумно и научил разбираться в кожах» (*Zen.*, VI, 2).

³ [Ср. этот же рассказ с незначительными изменениями у *Eust.* к *Hom.*, II, III, 189 и прим., а также *Diog.*, II, 2; попытку осмысления этого предания о калечении детей мужского пола у амазонок, основанную, вероятно, на известных этнографических наблюдениях, см. *Hirp.*, de artic., 101].

⁴ См. *Zen.*, V, 59; *Diog.*, VII, 12, кроме того, что Плутарх опустил место Пиндара.

⁵ *Diog.*, V, 11.

⁶ В., 355; С., 207; *Apost.*, VIII, 87; *Suidas*. Рассказ заимствован из *Luc.*, *Гох.*, 48, причем наш автор, как и Свиды, в конце сократил его.

Cent. IV, 74¹. Скиф осла: говорится о тех, кто на словах отказывается, а на деле добывается чего-нибудь. Кто-то, увидев мертвого осла, сказал (стоявшему тут скифу): «Вот тебе, скиф, обед». Тот сначала выказал отвращение, но потом, заинтересовавшись, стал трудиться над ним.

Cent. IV, 75². Скифская пустыня: говорится о производимых кем-нибудь опустошениях. Об особенно пустынных местностях говорят, что они принадлежат к скифской пустыне.

МАКАРИЙ ХРИСОКЕФАЛ

РОЗОВЫЙ ЦВЕТНИК

(ΡΟΔΩΝΙΑ)

ПОСЛОВИЦЫ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

(ΠΑΡΟΙΜΙΑΙ ΚΑΤΑ ΣΤΟΙΧΕΙΟΝ)

Cent. II, 40³. Хромой отлично действует: о тех, кто предпочитает свое дурное чужому хорошему. Пословица ведет происхождение от амазонок.

Cent. IV, 1⁴. Подскифы: о пьющих несмешанное вино; ибо скифы пьют чистое вино.

Cent. VII, 66⁵. Скифская пустыня: о пустынных и одичалых местах.

Cent. VIII, 22⁶. Скифское выражение: о суровых и надменных ответах. Когда однажды персы и скифы воевали друг с другом и персидский царь отправил к скифам послов для переговоров о мире, скифы не дали никакого другого ответа⁷, но вручили послам для передачи по возвращении царю мышь, лягушку и стрелу, давая этим понять, что он не спасется от них даже в том случае, если стрелой пролетит по воздуху или спрячется в землю, как мышь, или, подобно лягушке, погрузится в воду.

Cent. VIII, 52⁸. Скиф коня: см. Zen., V, 59.

¹ V., III, 80; B., 841; Hesych.; Suidas. Cp. Zen., V, 59.

² V., III, 79; B., 483; Apost., XVII, 47; Mac., 429; схол. к Aristoph., Acharn. 713; Hesychius. Намек у Aesch., Prcm., 2, где см. Bloomfieldus; крестителю Boissonadus, Anecd., II, 213.

³ Apost., III, 92; Diog., II, 20.

⁴ Her., VI, 84. Из Геродота и Хамелеонта Гераклеийского об этом обычае лаккедонян сообщал Афиней (XI, 427 и). О скифах, наибольших любителей вина, ср. Ukertus, Geogr., III, 2, 299.

⁵ Apost., XV, 51; App. Provv., IV, 75; Aristoph., Ach., 705 и схолии к этому месту: «Поскольку пустыни скифов дики. Это выражение ставится вместо: «гибелью и бедами пораженный». Говорят же это потому, что скифы, будучи бездомными и переезжая на повозках, становятся виновниками собственной гибели. Есть и пословица: «пустыня скифов»; Hipp., de aëg., aq., loc., см. Ukert., Geograph. antiq., III, 2, 243. Этой пословицей пользуются Либаний, Демосфен, Apol., I. IV, 284 R., Константин Манассия, Compend. chron., 2071; Михаил Акминат, 118 Elliss.

⁶ Apost., XVI, 47 с; Diog., V, 11. Рассказ очень небрежно заимствован из Геродота (IV, 131); кое-чем отличается Ферекид, память о котором сохранил Климент Александрийский (Stromm., V, 85, 45, p. 242 Sylb.). По следам Геродота идет Филарх (Athen., VIII, 334 a):

⁷ Геродот сообщает нам речь Идантирса. Luc., Dial. mer., 10, 4: «Как тебе кажется письмо? В остальном пословица от скифов» и т. д. Themist., Or., II, 31D: «что философствовать не что иное, как упражнять доблесть, выслушайте, опять другое слово, не от скифов, но от Стагир»; Ael., Ep. Rust., 14, 420 Cuic.: «пусть тебе будет, таким образом, пословица от скифов. Anon. у Suid., s. v. Ἀδᾶ: «удивительное выражение у скифов»; место Фотия патриарха см. в прим. к Macar., VII, 98.

⁸ Apost., XII, 7; Diog., VII, 12.

МИХАИЛ АПОСТОЛИЙ ВИЗАНТИЕЦ

СВОД И СОБРАНИЕ ПОСЛОВИЦ С УКАЗАНИЕМ, ОТКУДА БОЛЬШИНСТВО ИХ ВЕДЕТ СВОЕ НАЧАЛО

ΣΥΝΑΓΩΓΗ ΠΑΡΟΙΜΙΩΝ ΚΑΙ ΣΥΝΘΗΚΗ, ΟΥΚ ΑΝΕΥ ΓΕ ΤΟΥ
ΚΑΙ ΘΘΕΝ ΑΙ ΠΛΕΙΟΥΣ ΕΒΧΗΚΑΣΙ ΤΑΣ ΑΡΧΑΣ)

Cent. II, 90¹. Антронский осел и ахарнские кони: Я слышал², что у скифского царя была кобылица, отличавшаяся всеми достоинствами, какие требуются от коней, а также и сын этой самой кобылицы, превосходивший прочих своими хорошими качествами. Не находя возможным ни эту кобылицу спарить с другим достойным жеребцом, ни жеребца случить с другой кобылицей, он свел их для этой цели. Они ласково и дружелюбно обходились друг с другом, но не хотели сходиться. Так как животные оказались благоразумнее замысла скифа, то он покрыл плащами того и другую и таким образом исполнил это незаконное и нечестивое дело. Когда те оба поняли случившееся, то испугались затем смертью свой нечестивый поступок, бросившись вниз с крутизны.

Cent. III, 92. Прекрасно действует хромой: см. *Diog.*, II, 2.

Cent. V, 35³. Журавли, когда упадет камень: о делающих что-нибудь предусмотрительно, ибо журавли во время полета несут в клюве камни... Еще о них же. Журавли, поднимаясь в летнее время из Египта, вследствие того, что не выносят жара, распростерши крылья, наподобие парусов, несутся по воздуху прямо в скифскую землю; а так как эта птица сложена не пропорционально, имея тяжелое туловище, длинную шею, легкий клюв, узкие крылья и широко расставленные ноги, то на лету она качается из стороны в сторону⁴ как корабль во время волнения. Узнав это, чутьем ли, или по опыту, журавль не взлетает раньше, чем возьмет в клюв камень в виде балласта при полете.

Cent., VII, 75⁵. Сидел на шкуре: о просящих помощи; это делалось у скифов...

Cent., VIII, 19⁶. Жизнь поденки: о кратковечных или даже умирающих в один день.. Есть⁷ и другое животное, называемое «поденкой», у реки Гипаниса, рождающееся, по словам Аристотеля⁸, с рассветом, а умирающее с поворотом солнца к закату.

¹ *Apost.*, II, 90; *Arsen.*, IV, 23. Подобное у *Diog.*, I, 26, где см. прим.; кроме того, *Masari.*, II, 3.

² Ср. *Ael.*, N. an., IV, 7.

³ *Suidas*; *Arsen.*, XIV, 72.

⁴ *Max. Tyr.*, Diss., I, 12, p. 214 R.

⁵ *Suidas*; *App. Prov.*, II, 80.

⁶ *Arsen.*, XXV, 26; *Max. Tyr.*, Diss., I, 12, 1, p. 209 R.: «бог живет вечно, человек—один день». *Aster.*, *Nom. de oec. iniusto*, p. 21 Rub.: «следует нам проводить жизнь, как однодневки, ожидая конца». Кроме того, места, приведенные *Athen.*, VIII, 336; *Plut.*, *Cons. ad. Ap.*, 17, p. 111 c, и там же прим. *Wytténbach'a*.

⁷ Ср. *Ael.*, N. An., V, 43.

⁸ *Arist.*, *Hist. An.*, V, 19, против которого рассуждает *Athen.*, VIII, 353f.

Cent. VIII, 37a¹. О пояшь поясом живот: или о худых, или о толстых. Иберы² публично показывают то, что наткут или напрядут их женщины, а избранные мужи судят работу женщин и наработавшей больше всех отдают предпочтение *перед другими*. У них есть известная мера для пояса, и если кто не может опоясать им живот, то это считают позором.

Cent. X, 84³. Волк бежит от орла: о неизбежных *вещах*⁴. Волки не легко родят, но *мучаются* в течение двенадцати дней и стольких же ночей⁵; во столько времени, по рассказам делосцев, Латона пришла от гипербореев на Делос⁶.

Cent. XI, 58⁷. Не богине человека, как Атамант. Недостает «предпочитай». О тех, кто лучшему предпочитает худшее: Атамант имел от Нефелы двоих детей, Фрикса и Геллу; покинув богиню Нефелу, он вступил в связь со смертной женщиной. Нефела, почувствовав ревность, удалилась на небо и наказала страну *своего мужа* засухой. Атамант отправил послов к Аполлону спросить о засухе, а жена его, желая погубить Фрикса и Геллу, посредством даров убедила послов сказать Атаманту, будто пифийский бог ответил, что засуха не прекратится, если он не принесет в жертву детей Нефелы. Услышав *это*, Атамант приказывает привести детей от стада; тут один баран, заговорив человеческим голосом, объявляет Фриксу и Гелле об *ожидающем их* заклании. Они бежали вместе с бараном, и тут Гелла во время переправы через пролив у Абидоса утонула, упав с барана; вследствие этого-то от ее имени пролив называется Геллеспонтом. Фрикс же благополучно прибывает на баране в землю колхов; здесь он приносит в жертву Аресу или Гермесу барана, который по воле богов сделался златорунным, и, поселившись тут, оставил свое имя этой местности, потому что от него получила название Фригия⁸. *Что же касается* Атаманта, то Нефела заставила его дать ей возмездие за детей; будучи приведен с венком на голове, он должен был подвергнуться закланию на жертвеннике *в честь* Зевса, но был избавлен от этого Гераклом. Так воспроизвел Софокл в драме⁹ согласно со сказанием¹⁰; в действительности же¹¹ дело происходило таким образом: Атамант, сын Стола, сына Эллина, царствовал во Фтии; у него был хранитель его сокровищ, которого он считал самым надежным *человеком*, по имени Крийос. Последний, узнав, что Атамант хочет погубить Фрикса, открывает это Фриксу; Фрикс снарядил корабль и нагрузил его большим количеством сокровищ; на этом же корабле *была* и мать Пелопса, по имени Эос; она на свои средства сделала золотое изображение и поставила его *на корабле*. Таким образом, Крийос, посадив на него Фрикса и Геллу с сокровищами,

¹ Arsen., XXVII, 59.

² Stob., Flor., 5, 121; ср. Coraius, Prodr. Bibl. Graec., p. 374.

³ Arsen., XXXIV, 14.

⁴ Greg. Cyr., Myth., IV, 17; ср. Apost., X, 92, 98a.

⁵ Ср. Ael., N. An., IV, 4.

⁶ [О связи культа Латоны на острове Делосе с культом Аполлона Гиперборейского см. Paus., I, 18, 5. Срок, указанный в тексте, сопоставляется У с е н е г'ом («Götternamen», 1899, стр. 202) с периодом зимнего солнцеворота].

⁷ Arsen., XXXV, 70.

⁸ [По обычной и гораздо более распространенной версии, наименование Фригии произошло от фракийского племени бригов, переселившегося в Малую Азию, см. Strabo, VII, 3, 2; Steph. Byz., s. v. Βρίγες. О культе Фрикса на Кавказе, с которым, вероятно, связывается эта легенда, см. Strabo, XI, 2, 17].

⁹ [В одной из двух драм, имеющих название «Атамант». По мнению Ф. Ф. Зелинского (Софокл, Драмы, III, 1914, стр. 203)—в драме «Атамант увенчанный»].

¹⁰ Ср. схолии к Aristoph., Nub., 258.

¹¹ Ср. Palaeph., Incr., 31; ср. Zen., IV, 38.

отправился в путь; во время плавания Гелла заболела и умерла, дав свое имя Геллеспонту, а они, прибыв в Фасис, поселяются здесь; Фрикс женится на дочери колхидского царя Ээта, дав ему в качестве брачного подарка золотое изображение Эос, а не шкуру барана. Вот в каком виде представляется истина¹.

Cent. XIII, 7. Скиф коня: см. *Diog.*, VII, 12.

Cent. XV, 54². Скифская пустыня: потому что скифы не владеют землей, но постоянно меняют свое местопребывание.

Cent. XVI, 49 с³. Скифское выражение: об отвечающих сурово и гордо; ведь таким был Анахарсис, родом скиф.

Cent. XVII, 34⁴. Трехголовый Герион: об имеющих зверский характер. Рассказывают⁵, что Герион был трехголовый. Но невозможно, чтобы одно тело имело три головы, и в действительности это было так: есть город на Эвксинском Понте, называемый Трикарения, а среди людей того времени был знаменит Герион, отличавшийся богатством и в других отношениях. У него было дивное стадо коров; за ним пришел Геракл и убил воспротивившегося ему Гериона; зрители дивились угоняемым коровам, потому что величиной они были малы, от головы до бедра коротки, тупоносы, рогов не имели, а кости у них были длинные и широкие. И вот некоторые отвечали спрашивавшим: «Геракл угнал этих коров, принадлежавших Гериону Трикаренскому». Некоторые поняли это слово так, что *Герион* имел три головы⁶.

Писатели неизвестных времен

МНЕСИМАХ

Мнесимах у схолиаста Аполлония Родосского, IV, 1412, называется уроженцем города Фаселиды. Ему приписываются сочинения *Περὶ Σκυθῶν* и *Διάκωσ. σ.* Время его жизни неизвестно. Отрывки см. у Müller, FHG, IV, стр. 453.

«О СКИФАХ»

Кн. I фрагм. см. у схолиаста Аполлония Родосского, II, 1015.

О СКИФАХ

(ΠΕΡΙ ΣΚΥΘΩΝ)

I. фр. см. схол. к *Apoll. Rhod.*, II, 1015.

¹ [Аналогичную рационалистическую версию мифа о Фриксе и Гелле, восходящую к Дионисию Митиленскому, см. схол. к *Apoll. Rhod.*, IV, 177].

² Ср. *Mas ar.*, VII, 66.

³ *Arsen.*, XLIX, 48; ср. *Diog. Laert.*, I, 101; *Mas ar.*, VIII, 22; *Apost.*, VIII, 39.

⁴ *Arsen.*, 4, 25.

⁵ *Palaeph.*, Incr., 25.

⁶ [Город с этим именем придуман ad hoc. Что же касается того, что миф о Герионе и об острове Эритии, на котором жили угнанные Гераклом быки (обычно локализуемом у берегов Испании за Гибралтарским проливом), переносился в глубокой древности также и к берегам Скифии—об этом позволяет догадываться пересказанный Геродотом (IV, 8) легенда о происхождении скифов].

Безыменные сочинения

ЭПИГРАММА К ГОМЕРУ НЕИЗВЕСТНОГО ПОЭТА

ЭПИГРАММА ΕΙΣ ΟΜΗΡΟΝ ΑΔΙΟΛΟΝ

Anthologia Palatina, XVI (Append. Planud.), № 303; Anthologia Graeca ed. Jacobs, II, 717 = Anth. Pal., ed. Dübner, II, 589.

Кто не слышал великого гомеровского гласа? Какая земля, какое море не знает борьбы ахейцев? Имя Трои слышал киммерийский народ, лишенный всевидящего луча солнца, слышал и Атлант, поддерживающий плечами [*дословно* имеющий лежащее на плечах] широкогрудое небо.

БЕЗЫМЕННЫЙ АВТОР

О НЕВЕРОЯТНЫХ СКАЗАНИЯХ

Текст: ΜΥΘΟΓΡΑΦΟΙ. Scriptores poet. hist. Graeci, ed. A. Westermann, стр. 321—326.

III. О золотом руне. Хранившееся в Колхиде не было на самом деле золотое руно (это—поэтический вымысел), а книга, написанная на кожах и заключающая в себе описание, как добывать золото посредством перемешивания. Вполне основательно современники называли ее золотой за получаемое от нее действие.

БЕЗЫМЕННЫЙ АВТОР

НРАВСТВЕННЫЕ БЕСЕДЫ, ИЗЛОЖЕННЫЕ НА ДОРИЧЕСКОМ НАРЕЧИИ

(ΔΙΑΛΕΞΕΙΣ ΗΘΙΚΑΙ ΔΩΡΙΣΤΙ ΣΥΓΓΕΓΡΑΜΜΕΝΑΙ)

Текст: Fragmenta philosophorum Graecorum recensuit, colligit, vertit F. G. A. Mullachius, Paris, ed. F. Didot, 1860.

РАЗГОВОР 2-ой: О ПРЕКРАСНОМ И ПОСТЫДНОМ

(I, стр. 546 М.). Скифы считают прекрасным, если кто, убив врага и содрав кожу с его головы, носит кожу с волосами перед конем, а из черепа, позолотив и посеребрив его, пьет вино и совершает возлияния богам; между тем у эллинов никто не захочет войти даже в один дом со сделавшим что-либо подобное. Массagetы рубят на куски и съедают своих родителей, и погребение в желудках детей считается у них самым лучшим¹.

¹ [Ср. об описанных обычаях у скифов и массагетов Нег., I, 216; IV, 64 сл.].

Подложные сочинения

[АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ]

ПИСЬМА

«Под его [т. е. Аполлония из Тианы] именем сохранились 177 по большей части коротких, но богатых глубокомысленными выражениями писем... Однако подлинность этих писем очень спорна, тем более, что места, приведенные Стобеем из писем Аполлония, не содержатся в сохранившихся нам письмах, так что во всяком случае Стобей должен был иметь еще другие письма нашего философа» (Christ., Griech. Litt., стр. 699).

Текст: Epistolographi Graeci, rec. Rud. Henschel, стр. 110—130.

61. ЛЕСБОНАКТУ

Скиф Анахарсис был мудр; если же *он был* скиф, *то был* мудр, потому что *был* скиф.

[ДИОГЕН]

ПИСЬМА

«Правильно ли Сотион существовавшие к его времени под именем киника Диогена письма считал подлинными или они впервые вышли из его школы,—мы не можем теперь судить; дошедшие до нас 29 писем являются, без сомнения, очень поздней подделкой» (Susemihl, Gesch. d. Alex. Litt., II, 600).

Текст: Epistolographi Graeci, rec. Rud. Henschel, стр. 235—258.

1. К СИНОПЦАМ

Вы меня приговорили к изгнанию, а я вас—к пребыванию на месте. Вследствие этого вы будете жить в Синопе, а я—в Афинах, то-есть—вы с торгашами, а я—с Солоном и освободителями Эллады от *ига* мидян; и вы будете иметь общение с гениохами и ахейцами, людьми из враждебного панэллинам племени, а я—с дельфийцами и элейцами, в обществе которых живут и боги...

5. К ПЕРДИККЕ

... Если же у тебя еще остаются дела с людьми и ты почти чувствуешь эту войну, то оставь нас сидеть в Афинах и пригласи воинов Александра, с помощью которых он подчинил себе иллирийцев и скифов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В ВДИ № 4 (26)

BCH	— Bulletin de Correspondance Hellénique.
CdA	— Кодекс А.
CAH	— Cambridge Ancient History.
CIG	— Corpus Inscriptionum Graecarum.
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
FHA	— Fontes Hispaniae Antiquae.
FGH	— Fragmente der griechischen Historiker.
FdV	— Fragmente der Vorsokratiker.
FGH	— Fragmenta Historicorum Graecorum.
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГМИИ	— Государственный музей изящных искусств.
IG	— Inscriptiones Graecae.
IDD	— Inscriptions de Délos.
IGRR	— Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes.
IPE	— IOSPE=Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini.
ИАК	— Известия археологической комиссии.
ИКОМО	— Известия классического отделения Московского археологического общества.
ИКОРГО	— Известия классического отделения Российского географического общества.
JAOS	— Journal of American oriental Studies.
JHS	— Journal of Hellenic Studies.
JOeG	— Jahrbuch für Oesterreichisches Gymnasium.
JPTh	— Journal für protestantische Theologie.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
MLI	— Monumenta Linguae Ibericae.
MDOG	— Mitteilungen der deutschen Orientgesellschaft.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
MDMG	— Mitteilungen der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PSBA	— Proceedings of Society of biblical archaeology.
PPE	— Periplus Ponti Euxini.
RE	— Pauly-Wissowa-Kroll, Realencyklopädie der klassischen Alter- tumswissenschaft.
RhM	— Rheinisches Museum.
RHR	— Revue d'histoire des religions.
SIG	— Sylloge Inscriptionum Graecarum.
SHA	— Scriptores Historiae Augustae.
TGF	— Tragicorum Graecorum Fragmenta.
ZDMG	— Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВДИ за 1948 г.

СТАТЬИ

	№ журн.	Стр.
<i>Т. В. Блаватская.</i> Надпись Агафа из Фанагории	4	77
<i>Акад. Р. Ю. Виппер.</i> Этические и религиозные воззрения Сенски . . .	1	43
<i>Акад. Р. Ю. Виппер.</i> Моральная философия Авла Геллия	2	58
<i>Проф. И. М. Дьяконов.</i> Еще о термине <i>guguš (ka)</i> в шумерском языке	1	31
<i>А. Д. Дмитриев.</i> К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах . . .	3	66
<i>Проф. М. А. Дынник.</i> За марксистское изучение античного материализма	4	3
<i>К. К. Зельин.</i> Земли клерухов в Керкесосирисе по данным тебтюниских папирусов	3	36
<i>Проф. С. И. Ковалев.</i> Заговор «пажей»	1	34
<i>Проф. М. М. Кобылина.</i> Новый памятник Боспорского искусства— Стела Агафа	4	85
<i>О. В. Кудрявцев.</i> Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона	3	55
<i>Я. А. Ленцман.</i> Дар масиниссы	4	55
<u>Проф. А. В. Мишулин.</u> Иберийский род и его эволюция в древней Испании	1	64
<i>Проф. Н. А. Машкин.</i> Карфагенская держава до пунических войн . .	4	35
<i>Проф. М. И. Максимова.</i> К вопросу о выходе хеттов на Южный берег Черного моря	4	24
<i>Г. А. Меликишвили.</i> Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен	2	37
Проблемы античной философии в советской науке	2	3
<i>Н. В. Пигулевская.</i> Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточноримской империей	1	87
Против низкопоклонства перед иностранщиной в области древней исто- рии	1	3
<u>А. Ранович.</u> «Гномон идеолога»	4	65
<i>Акад. В. В. Струве.</i> Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I	3	12
<i>Акад. В. В. Струве.</i> Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э.	2	13
<i>Акад. А. И. Тюменев.</i> Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины	1	12
Сталинский краткий курс истории ВКП(б) и советская историческая наука	3	3
<i>Акад. А. И. Тюменев.</i> О предназначении людей по мифам древнего Двуречья	4	14
<i>Г. В. Церетели.</i> Эпиграфические находки в Мцхета—древней столице Грузии	2	49
<i>Е. М. Штаерман.</i> Восстания III века в Африке	2	65

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Проф. А. Абрамян.</i> Я. А. Манандян, Критический обзор истории ар- мянского народа, т. I	1	115
<i>А. Я. Абрамович.</i> В. Ян, Финикийский корабль (Историческая повесть)	2	109
<i>Проф. И. Н. Бороздин.</i> Н. Берденишвили, И. Джавихишвили, С. Джа- нашиа, История Грузии. Часть 1.	1	110
<i>Т. Б.</i> «Исторический преглед», 1946/47, № 1—5	2	107
<i>Б. Т. Горянов.</i> Р. Waltz, La question d'Orient dans l'antiquité. . . .	2	116
<i>Проф. Н. Ф. Дератани.</i> Проф. И. М. Тронский, История античной литературы	1	120
<i>Р. М. Джанполадян.</i> Статьи по истории древнего мира в изданиях АН Арм. ССР	1	107
<i>Л. А. Ельницкий.</i> Проф. С. А. Семенов-Зусер, Скифская проблема в отечественной науке	4	109
<i>Л. Е.</i> Всеобщая история архитектуры, т. I.	4	132
<i>Л. А. Ельницкий.</i> Этруски и греки	1	133

	№ журн.	Стр.
Л. А. Ельницкий. Некоторые проблемы истории скифской культуры (по поводу новой книги Б. Н. Гракова. Скифы)	2	95
И. С. Кацнельсон. T. Säv—Söderbergh, Aegypten und Nubien	1	130
И. С. Кацнельсон. Проф. С. Я. Лурье, Геродот	3	100
Проф. С. В. Киселев. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья	3	117
И. С. Кацнельсон. H. von Zeissl, Aethiopen und Assyrier in Aegypten	2	120
О. В. Курьяцев. Восточная политика Римской империи при Нероне (история вопроса)	2	83
Проф. С. Я. Лурье. Проф. А. С. Маковельский, Древнегреческие атомисты	3	79
Проф. А. О. Маковельский. Проф. С. Я. Лурье, Очерки по истории античной науки	3	100
Проф. С. Е. Малоз. H. N. Orkin. Eski türk yazetlari	2	123
Б. И. Надаль. Раскопки в Арикамеде	1	128
Б. И. Надаль. К вопросу о начале греческой колонизации Северного Причерноморья	3	121
Б. И. Надаль. О постановке преподавания древних языков	3	132
Проф. В. К. Никольский. Чл.-корр. АН СССР В. И. Равдоникас, История первобытного общества	4	91
Б. И. Надаль. Новый труд по эллинистическому праву (R. Taubenschlag, The Law of Greco-Roman Egypt in light of the Papyri)	2	110
Перечень статей по древней истории в изданиях АН СССР и союзных республик	2	125
Н. Н. Пикус. С. А. Башкиров, Антисейсмизм древней архитектуры	2	102
Н. В. Пяташова. Памятники искусств. Бюллетень ГИИИ, 1947, вып. 2	4	127
Акад. В. В. Струве. Б. А. Тураев—крупнейший историк Древнего Востока	2	75
Н. П. Сорокина. А. И. Воппина, Очерк истории древнеримского искусства	2	104
П. Трубинова. «Археология», т. I, Изд. Института археологии Украинской Академии Наук, 1947.	4	124
М. К. Узуноза. Проф. С. Ф. Кечекьян, Учение Аристотеля о государстве и праве	3	112
С. Л. Утченко. Проф. В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, ч. I.	4	99
Г. Б. Федоров. Обсуждение книги проф. П. П. Третьякова	4	117
Проф. З. А. Цейтлин и проф. Ф. А. Петровский. Проф. А. О. Маковельский, Древнегреческие атомисты	3	79
О. Н. Юлкина. А. В. Мишулин. Спартак	1	126
О. Н. Юлкина. Обсуждение книги проф. Н. А. Машкина «История древнего Рима»	4	103

ХРОНИКА

Р. Б. Ахмеров. Клейменные черепицы древнегреческого Херсонеса	1	163
Р. Б. Ахмеров. Синопские эллинистические амфоры	4	160
Б. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи	1	155
О. Н. Бадер. Уникальный сасанидский сосуд из-под Кунгура	3	166
С. А. Вязеин. Осуарии с городища Калалы Кыр I Ташауvsкой области Туркменской ССР	3	150
Проф. Н. Ф. Дератани. Кафедра классической филологии МГПИ имени В. И. Ленина	1	154
Диссертации по истории древнего мира, защищенные за время с 1940 по 1947 г.	2	130
С. Н. Джанашиа (некролог)	1	188
А. П. Иванова. Керченский государственный историко-археологический музей им. А. С. Пушкина	1	185
А. П. Иванова. Надгробная стела вольноотпущенника Филофема	4	154
Д. Г. Капанадзе. Новые материалы к изучению статов царя Аки	1	150
Проф. С. В. Киселев. К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири	1	169

Проф. С. И. Ковалев. Исторический научно-исследовательский институт ЛГУ	1	177
О. В. Кудрявцев. Кафедра истории древнего мира МГУ	1	181
М. М. Кобылина. Статуэтка «медведицы» с острова Березани	3	163
С. И. Капошина. Пленум ЛОИИМК по археологии Средней Азии	4	163
З. А. Мишина. Кафедра истории древнего мира МГУ им. В. И. Ленина	1	183
А. Монгайт. Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1947 г.	2	151
А. В. Мишулин. Некролог	4	135
Д. И. Нуфельман. Б. В. Фармаковский	3	144
А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурит-Монголии в 1947 г.	3	155
Проф. Б. Б. Пиотровский. — Город бога Тейшебы	4	143
Н. М. Постовская. Сектор древней истории института древней истории АН СССР в 1948 г.	1	179
А. Б. Ранович. Некролог	3	136
Д. Г. Редер. Из истории одного древнеегипетского города	2	141
Н. Розанова. Надпись на гребне из Черноморья	4	158
А. д. В. В. Струве. Творческий путь Ф. Шамполлиона	1	139
Л. П. Харко. Существовал ли царь "Ахтс"	2	135
Хроника научной жизни	2	164
О. Н. Юлкина. Юбилейная сессия АН СССР	2	160

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. В. Блаватская. Греки и скифы в Западном Причерноморье	1	206
В. Ф. Гайдукевич. К истории древнего земледелия в Средней Азии	3	193
Н. Гринбаум. К одному фрагменту Сафо	1	219
К. К. Зельин. Основные черты исторической концепции Помпея Трога	4	208
И. С. Качельсон. Проблемы исторического развития древнейшей Нубии	2	183
Я. Г. Лившиц. Новый вариант мифа о рождении и гибели Солнца	3	184
Проф. С. Я. Лурье. Культ матери, девы и юного сына в Боспорском царстве	3	204
Л. Меликсет-Бекюв К вопросу о местоположении Севсаморы	4	200
Б. И. Надаль. Об экономическом смысле оговорки $\chi\alpha\rho\iota\varsigma\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\eta\nu\ \pi\rho\sigma\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\nu\ \theta\alpha\pi\tau\iota\lambda\iota\varsigma\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \pi\rho\sigma\alpha\chi\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\zeta\alpha\varsigma\ \beta\omicron\sigma\pi\omicron\rho\iota\kappa\eta\varsigma\ \mu\alpha\nu\upsilon\mu\iota\sigma\sigma\iota\varsigma$	1	203
Б. И. Надаль. Боспорская надпись IOSPE, П, 33	3	212
Н. В. Пятышева. О культе Геракла в Херсонесе	2	197
Н. М. Постовская. Египет при I династии в свете новых археологических открытий	4	172
Р. Рубинштейн. Внутренняя политика фараона Ахтоя Уахкара	4	177
Л. М. Роголин. 1-я Кельтиберийская война 197—179 гг. до н. э.	4	187
К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан	1	213
Чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский. Транскрипция наименования Diogenes Laertius—Διογένης Λαέρτιος	2	204
М. Е. Сергеенко. Полевое хозяйство у Катона	4	206
С. Л. Утченко. Воззрения Саллюстия на идеальное государственное устройство	1	190

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе	1	221
» — »	2	215
» — »	3	217
» — »	4	225

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Проф. М. А. Дыльников.</i> За марксистское изучение античного материализма	3
<i>Акад. А. И. Тюменев.</i> О предназначении людей по мифам древнего Двуречья	14
<i>Проф. М. И. Максимова.</i> К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря	24
<i>Проф. Н. А. Машкин.</i> Карфагенская держава до пунических войн	35
<i>Я. А. Ленцман.</i> Дар Масиниссы	55
А. Ранозич —«Гномон идиолога»	65
<i>Т. В. Блазатская.</i> Надпись Агафа из Фанагории	77
<i>М. М. Кобылина.</i> Новый памятник Боспорского искусства—стела Агафа . .	85

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Проф. В. К. Никольский.</i> Чл.-корр. АН СССР В. И. Равдопикас, История первобытного общества	91
<i>С. Л. Утченко.</i> Проф. В. Н. Дьяков, История римского народа в античную эпоху, ч. I.	99
<i>О. Н. Юлкина.</i> Обсуждение книги проф. Н. А. Машкина «История древнего Рима»	103
<i>Л. А. Ельницкий.</i> Проф. С. А. Семенов-Зусер, Скифская проблема в отечественной науке	109
<i>Г. Б. Федоров.</i> Обсуждение книги проф. П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена»	117
<i>Н. Трубникова.</i> «Археология», т. I, Изд. Института археологии Украинской Академии Наук 1947	124
<i>Н. В. Пяташева.</i> Памятники искусств, изд. ГМИИ, № 2, 1947	127
<i>Л. Е. Всеобщая история архитектуры, т. I</i>	132

ХРОНИКА

Проф. А. В. Мишулин Некролог	135
Чл.-корр. АН Арм. ССР. <i>Б. Б. Пиотровский.</i> Город бога Тейшебы . . .	143
<i>А. П. Иванова.</i> Надгробная стела вольноотпущенника Филофема	154
<i>Н. Розанова.</i> Надпись на гребне из Черноморья	154
<i>Р. Б. Ажмеров.</i> Синопские эллинистические амфоры	160
<i>С. И. Капошина.</i> Пленум ЛОИИМК по археологии Средней Азии	163

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Н. М. Постовская.</i> Египет при I династии в свете новых археологических открытий	172
<i>Р. Рубинштейн.</i> Внутренняя политика фараона Ахтоя Уахкара	177
<i>Л. М. Роголин.</i> 1-я Кельтиберийская война 197—179 гг. до н. э.	187
<i>Л. Меликсет-Бек.</i> К вопросу о местоположении Севсаморы	200
<i>М. Е. Сергеев.</i> Полевое хозяйство у Катона	206
<i>К. К. Зельин.</i> Основные черты исторической концепции Помпея Трога . . .	208

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>В. В. Латышев.</i> Известия древних писателей о Скифии и Кавказе	225
---	-----

Л01401. Подписано к печати
4. I. 1949 г. Заказ № 612.
Печатных лист. 19 + 1 вкл.,
уч.-издат. лист. 31,5. Тираж 5 500.

16-я типография треста «Поли-
графкнига» ОГИЗ при Совете
Министров СССР.

Москва, Трехпрудный, 9.

Редакционная коллегия: { Проф. *Н. А. Машкин*
Проф. *А. В. Мишулин* (редактор)
Акад. *В. В. Струве*
Акад. *И. И. Толстой*

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР.
Телефон К-3-75-69.
